

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
III Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 20 сентября 2021 года

ISBN 978-5-9624-1959-6

УДК 316.342

ББК 67.55

Иркутский государственный университет
Исследовательская мастерская https://vk.com/diy_research

Под общей редакцией

канд. филос. наук, доц. *О. А. Полошкевич*

Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 сентября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-1959-6

Представлены результаты исследований зарубежных и отечественных ученых в сфере социальной реальности виртуального общества.

Предназначено для ученых и практиков в области общественных и гуманитарных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами внедрения виртуального пространства в повседневную жизнь.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. (3952) 24-34-53 Издательство
ИГУ; 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 17.09.2021. Тираж 30 экз. Объем 9,5 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

Министерство науки
и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

**СОЦИАЛЬНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ
ВИРТУАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Материалы
III Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 20 сентября 2021 года

ISBN 978-5-9624-1959-6

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
III Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 20 сентября 2021 года

ISBN 978-5-9624-1959-6

Содержание

Предисловие	8
СЕКЦИЯ 1. ИДЕИ ОСМЫСЛЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ	
Ардашев Р. Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации	9
Бобков А. И., Агеев А. В. Социальная реальность как соотношение виртуального национализма и виртуального квазинационализма	12
Буток А. В. Информационная культура и прогресс	19
Данакари Л. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственная интуиция и виртуальное пространство	22
Замаратская А. С. Социальные медиа и социальные сети	30
Косиченко А. Г. Человек и его ценности в виртуальном пространстве	35
Лещенко Я. А. Информационная среда как средство социокультурной деструкции	42
Мухамеджанова Л. А., Шкуран О. В., Ивентьев С. И. Тенденции изменения этических норм в информационном обществе	48
Руденкин Д. В. Цифровая гигиена в фокусе анализа социально-гуманитарной науки: основные векторы исследований и их эвристические возможности	55
Шмонин Г. Ю. Метаморфоза марксистской концепции антикапиталистического сопротивления	61
Щекотин Е. В. Цифровая реальность и изучение качества жизни населения: онтологические и гносеологические аспекты	66
СЕКЦИЯ 2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВИРТУАЛИЗАЦИИ	
Алехина А. В. Социализация индивида в виртуальном пространстве	72
Апанина А. В. Влияние виртуального мира на образ жизни молодежи	77
Гаврусева Д. В. Факторы деструктивного воздействия интернет-пространства в молодежной среде	79
Грошева Л. И. Влияние виртуальной среды на восприятие молодежи национальных аутгрупп	85
Загородний В. Д. Специфика социальных сетей как одного из механизмов конструирования коммуникации на современном этапе развития общества: теоретический анализ	91
Зверева А. В. Консолидация общества в виртуальном пространстве	99
Каргапольцева О. В. Процессы консолидации современного общества в виртуальной реальности интернета	106

Козлова А. С., Попова В. В. Роль сети Интернет в профилактике домашнего насилия	111
Малых С. В. Виртуальность в сознании современников	118
Полюшкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире	121
Попова М. В. Виртуальное пространство сельской и городской молодежи.....	124
Семкив А. И. Идентичность человека в виртуальном пространстве	128
Туринцева Е. А., Решетникова Е. В. Виртуализация и трансформация функций домашних животных в условиях города.....	133
Чуяева Ю. Д., Меженова Ю. А., Захарова А. С. Коммуникационная активность студентов в информационном пространстве.....	137

СЕКЦИЯ 3. КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Васильева В. В., Иванова Л. Ю. Профессия как фактор речевого этикета в профессиональных онлайн-сообществах.....	145
Дускаева Л. Р., Щеглова Е. А. Гендерная идентичность в комическом речевом поведении участниц женских онлайн-групп	152
Качан М. К. Учреждения культуры Иркутской области в виртуальном пространстве: актуальные проблемы и возможные пути решения (на примере интернет-платформы «PRO.Культура.РФ»)	159
Перваго Г. К. Виртуальные концертные залы Иркутской области	162
Рудакова Н. В. О проблемах освоения учреждениями культуры Иркутской области виртуального пространства в условиях распространения коронавирусной инфекции	164
Стрижкова Т. В. Влияние виртуального пространства на социокультурные процессы.....	167
Шкуран О. В., Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Ложные слова-сакрализаторы в медиапространстве	174

СЕКЦИЯ 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бабаев А. Б., Наташкина Е. А. Объективные и субъективные данные в информационных системах умного города	181
Бабаев А. Б., Наташкина Е. А. Применение спам-фильтра на основе теоремы Байеса для оценки качества информации в системе управления умным городом	185
Иванов Р. В. Виртуализация социальной поддержки населения в России.....	188
Силिवеев И. М. Социальные эффекты антикризисного управления в виртуальном пространстве	191
Трескин П. А. Цифровые коммуникации НКО: трансформация парадигм управления	194

Хронова И. А. Особенности введения электронного формата сведений о трудовой деятельности работника	197
---	-----

СЕКЦИЯ 5. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Балютко М. Э. Эффективность муниципальной службы через цифровизацию услуг	203
Гладун А. С. Цифровые технологии в сфере противодействия коррупции	206
Ефимова Я. Е. Государственное и муниципальное управление в цифровую эпоху	209
Зацепин А. Л. Возможности виртуального (цифрового) пространства в аспекте реализации социального развития города Саянска	212
Сафонов С. А. Партнерские технологии власти и общества в условиях виртуализации социальной реальности	217
Удалых С. К. Проблемы российского государственного и муниципального управления в цифровую эпоху	220

СЕКЦИЯ 6. ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Волынкина О. С. Правоотношения в сетевой сфере	227
Моторина В. А. Защита авторского права в условиях цифровизации	234
Чунихина Т. Н. Юридические аспекты интернета	238

СЕКЦИЯ 7. ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Александрова Л. Ю. Потенциал информационного маркетинга в цифровой экономике	244
Александрова Л. Ю. Страховой рынок в условиях развития цифровой экономики	249
Ларионова К. А. Зарубежный опыт развития сетевых взаимодействий в интеграции экономики	255
Москвитина Н. В. Влияние пандемии как фактора развития цифровизации бизнеса	259
Савельев И. А. Качественные методы исследований сетевой экономики: неконформизм в мире Big Data Science	262
Сафонов В. В. Экономическая оценка состояния цифрового развития сферы медицинских услуг	266
Степанова Ю. Д. Цифровая экономика	269
Цивелев А. С. Информационная безопасность контрактных систем в сфере закупок	274
Шумара К. С. Применение цифровых технологий в сфере публичных финансов	280

СЕКЦИЯ 8. ПРОФЕССИИ И ЗАНЯТОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Злобина Е. В. Профессиональная реализация фотографа в виртуальном пространстве.....	283
Маслаков С. И. Характеристики личного профиля в социальных сетях как часть положительного образа специалиста по рекламе (на примере социальной сети «ВКонтакте»).....	286
Родионова А. П. Работа и заработок в виртуальном пространстве.....	289
Самусикова Е. А., Гуринович Л. А. Творческая мастерская как технология образования для взрослых: социальные аспекты профессионального обучения работников социальной сферы.....	295
Семенова А. М. Работа, заработок, реализация в виртуальном пространстве.....	299
Скуденков В. А. Экономические притязания и социальные статусы в выборе профессий в виртуальном пространстве.....	302
Тараткина А. А. Образ профессионального футболиста в виртуальном пространстве (на примере Криштиану Роналду).....	306
Хойна М. Н. Гибридная модель рабочего пространства как эффективная форма занятости в период цифровой экономики.....	310
Хронова И. А. Дистанционный труд в условиях электронного взаимодействия.....	313

СЕКЦИЯ 9. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Zavialov A. V. Case C-407/98 “Katarina Abrahamsson and Leif Anderson v Elisabet Fogelqvist” of the European Court of Justice as a Classical Case of Solving Gender Discrimination Issues in the Labour Market at the EU Level.....	320
Атанова А. С., Воронов А. В. Россия и Молдавия как страны периферии: анализ взаимодействия стран в контексте мир-системного анализа.....	327
Бобков А. А., Бобков А. И. Структура власти в философии виртуальной реальности.....	330
Ермоченко К. П. Эффект влияния социальных сетей и официальных интернет-сообществ на политико-правовую культуру жителей Брянской области.....	335
Поджидаева А. Ю. Политико-коммуникативные технологии в интернет-пространстве.....	340
Шарабурак М. А. Сетевизация политического активизма граждан на примере феномена Alt-Right: социальный аспект.....	343
Янковечус Б. Б. Социальные протесты в виртуальной среде.....	347

СЕКЦИЯ 10. ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ И ФОРМ ОБРАЗОВАНИЯ
В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Васильев Н. Г., Терешенко А. Г. Гуманизация образования в условиях становления цифровой виртуальной реальности	353
Гуринович Л. А., Люберцев П. П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства	360
Даркина А. В. Историческое сознание студентов техникума как ресурс для (пере)конструирования педагогического процесса в виртуальном пространстве	364
Журавлева И. А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи	368
Кошечкина Е. А. Применение виртуальных экскурсий в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте	372
Маркова Е. А. Оценка итогов первого года пандемии: образовательный аспект и социальные последствия	376
Орехова Ю. М., Милешин Р. В. Использование технологии виртуальной реальности в учреждениях дополнительного образования	380
Пружинин А. Н. Ключевые этапы внедрения корпоративного образования в средний бизнес	384
Симашенков П. Д., Балахонцева А. Н. О рисках цифровизации образования	387
Яковлева М. В. Онлайн-технологии в развитии человеческого потенциала	393

СЕКЦИЯ 11. РЕСУРСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА.

(По материалам круглого стола 17 мая 2021 года, г. Иркутск)

Балтабаев Р. К. Развитие корпоративного образования в России	398
Головчун К. А. Корпоративные университеты: тенденции развития в России	402
Каблукова В. Е. Причины торможения развития человеческого капитала в России	405
Латышева Д. Г. Человеческий капитал как источник конкурентных преимуществ	407
Матафонова Е. М. Цифровая экономика и ее роль в развитии человеческого капитала	410
Погодаева А. В. Пенитенциарная социальная работа в России: ретроспектива развития	412
Поджидаева А. Ю. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации	417
Эрдыниева М. Д. Тенденции развития корпоративного образования	420
Авторская справка	424

Предисловие

20 сентября 2021 г. в Иркутском государственном университете прошла III Международная научно-практическая конференция «Социальная реальность виртуального пространства», в которой приняли участие ученые из России, Украины, Белорусии, Казахстана, Узбекистана, а также студенты российских вузов и представили более 90 докладов.

География участников российских городов обширна: Москва, Санкт-Петербург, Чебоксары, Уфа, Самара, Тула, Тюмень, Симферополь, Волгоград, Брянск, Йошкар-Ола, Казань, Луга, Ангарск, Старый Оскол, Красноярск, Ярославль, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород, Краснодар и Иркутск.

Тема виртуальной реальности становится все более востребованной под влиянием цифровизации общества, увеличения дистанционной занятости и образования, поэтому изучать вопросы изменения социальной жизни, трансформации социальных условий под влиянием этого процесса необходимо со всех сторон. И междисциплинарный подход к изучению данных явлений также указывает на злободневность данной тематики. В работе конференции приняли участие социологи и философы, филологи и историки, политологи и искусствоведы, государственные и муниципальные служащие, социальные работники и мн. др.

Тематика секций также указывает на широту и глубину поднимаемых вопросов: от идей осмысления виртуальности до мировоззренческих трансформаций и перестройки системы образования, от культурных до языковых изменений в эпоху цифровизации, от пересмотра управленческих и правовых до экономических и политических изменений, от профессиональных изменений до изменения государственного и муниципального управления в период цифровизации. Также в сборник включены материалы круглого стола, прошедшего 17 мая 2021 г. в г. Иркутске и посвященного ресурсам человеческого капитала в эпоху виртуального мира.

Данный сборник является еще одной страницей в осмыслении социальной реальности виртуального мира. Надеемся на дальнейшее сотрудничество со всеми участниками конференции и желаем дальнейших интересных исследовательских проектов и инициатив!

Оргкомитет конференции

ИДЕИ ОСМЫСЛЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ

УДК 316.37
ББК 60.5

Р. Г. Ардашев, *Москва*

Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации

Рассматриваются особенности изменения сознания населения под влиянием виртуализации. Особое внимание уделяется конспирологическим теориям, получившим особое распространение после виртуализации. Приводятся результаты исследования, показывающего распространённость и вариативность воздействия на иррациональность сознания современников.

Ключевые слова: теории заговора, конспирологические теории, виртуализация, иррациональность, общественное мнение, представления

R. G. Ardashev, *Moscow*

The spread of conspiracy theories under the influence of virtualization

The article examines the features of the change in the consciousness of the population under the influence of virtualization. Particular attention is paid to conspiracy theories, which became especially widespread after virtualization. The results of a study showing the prevalence and variability of the impact on the irrationality of the consciousness of contemporaries are presented.

Keywords: conspiracy theories, conspiracy theories, virtualization, irrationality, public opinion, perceptions

В современном обществе возрастает роль иррациональных объяснений происходящих внешних и внутренних трансформаций социального порядка. Начиная от особенностей управления, экономических ограничений, заканчивая болезнями и иными экологически негативными процессами. И для определенной части населения объяснения происходящих событий кроются в теориях заговора.

Конспирологические теории касаются заговора властных элит (как правила финансовые и ресурсные ограничения), экспериментов над видом человеческим (болезни, вакцины), контроль территорий веземным разумом (НЛЮ, древние цивилизации) и мн. др. Каждая из этих теорий находит своих адептов из числа тех, кто не может адаптироваться к меняющимся условиям и объяснения происходящему ищет не в себе, а в воздействии внешних, более сильных и могучих, сил, противостоять которым у него нет ни возможностей, ни сил.

Это своего рода стратегия оправдания от того, что человек что-либо не может изменить в жизни. И ответственность возлагается на нереальные или абстрактные объекты, проверить воздействие которых объективно не получится. Их влияние измеряется только субъективным опытом и иррациональными переживаниями, заложено культурно или определяется личными индивидуально-личностными переживаниями.

Конспирологические теории – это своего рода барометр адаптации больших групп населения к социальным изменениям, происходящим в обществе. Подобный всплеск наблюдался в конце XIX – начале XX в., когда научно-технический прогресс за относительно небольшой промежуток времени – шагнул вперед, а сознание населения еще не смогло переварить и адаптировать новую реальность. И результатом этого – стал рост конспирологических теорий. Об этом говорят и исследования наших современников (Р. В. Иванов [1–3], А. М. Прилуцкий [4], В. А. Скуденков [5] и др.).

Тот же процесс мы наблюдаем и сегодня, когда глобализация и виртуализация, новый виток технического прогресса существенно двигают человечество вперед, а наше сознание в очередной раз не успевает адаптироваться к новым реалиям. И в очередной раз, спасительной объяснительной парадигмой выступают конспирологические теории. Не важно – кто или что лежит в основе той или иной теории, важно то, что она находит сторонников среди обычных людей, которые не всегда могут понять, почему они не успевают в ногу со временем и не всегда готовы признаться даже самим себе – что где-то не хватает им собственных интеллектуальных ресурсов, чтобы объяснить те или иные процессы, усвоить их особенности и применить как то в своей жизни.

Мы провели опрос россиян, воспользовавшись платформой www.google.com, в котором приняло участие 1150 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 58 % женщин и 42 % мужчин, занятых в разных сферах экономики, но имеющих доступ к сети интернет в рамках личных или профессиональных обязанностей. Квотами при подборе респондентов, помимо региона проживания, пола и возраста было именно пользование сетью интернет на постоянной основе.

Фокус нашего изучения был именно через призму причин и следствий воздействия виртуализации на жизнь обычных людей и те стратегии, и теории, которые возникают в их сознании, чтобы объяснить положительные или отрицательные смыслы воздействия виртуализации на качество их жизни.

72 % респондентов указывает на то, что они замечали, что виртуализация в целом или отдельная информация, которая к ним приходит через цифровой мир, меняет их мышление, поведение, чувства. И что это воздействие происходит в интересах кого-то, но не их самих. И только 25 % указали, что они сами фильтруют информацию из сети Интернет и на них она не влияет. 3 % затруднились с ответом.

Это говорит о том, что только четверть опрошенных пытается рационально подходить к получаемой информации. Хотя, безусловно, не факт,

что эта информация на них не влияет и не меняет поведение и установки. Но лично они не допускают такого влияния. Тогда как больше половины респондентов находятся под влиянием тех или иных внешних сил – они видят это влияние, но противостоять ему не могут. В некоторых исследованиях это называют зомбирование населения, в других – манипуляцией сознания, в третьих – подавлением воли людей. Эффект всегда один – более податливое и не критически воспринимаемое всю информацию население, которым легче управлять.

На прямой вопрос о том, кто стоит за усилением воздействия виртуальности на человечество, мы получили не рациональные ответы о научно-техническом прогрессе (таких только 7 %), а именно разнообразные теории заговора. Эти теории заговора связаны с желанием отупить народ (13 %), переключить внимание от реальных проблем (15 %), заставить жить выдуманном, а не реальным миром (21 %), воздействовать на подсознание через интернет (26 %), убрать волю людей (18 %) и другие варианты 7 %.

Среди мужчин представителей конспирологических теорий немного больше, чем среди женщин (57 и 43 % соответственно). Среди опрошенных среднего возраста также больше тех, кто верит в теории заговора (младший возраст (от 18 до 35 лет) – 30 %, средний (36–55 лет) – 38 %, старший (старше 56 лет) – 32 %).

Но у представителей разных возрастов доминируют различные концепции заговоров. Среди респондентов старшего возраста – это теории заговора других стран или народов. Например, заговор правительства США (37 %) или тайного правительства планеты (23 %). Среди опрошенных среднего возраста – это теории контроля НЛО (42 %) и древних цивилизаций (25 %). Среди представителей младшего возраста – это теории подавления воли (39 %), чипирования и зомбирования (44 %).

Причем все теории заговора сейчас более активно воздействуют именно через СМИ и интернет. Неважно кто контролирует через телефон, ТВ или компьютер тебя – правительство США, тайное правительство, НЛО, древние цивилизации, пробудившийся древний геном – все они стремятся изменить волю и силу человека, воздействуя на его сознание и поведение, мышление и навыки. И на бессознательном уровне происходит перенос ответственности, воли, с свободы и активности населения разных возрастов с себя самого на абстрактные Другие процессы, события или группы людей или каких-то другие сообщества.

Большая часть опрошенных полагает, что данные тенденции будут усиливаться со временем. И их дети и внуки будут жить под большим прессингом и давлением чем они сейчас (63 %) и только 21 % указывает на то, что в будущем будет больше свободы и открытости, независимости и самореализации. 16 % затруднились с оценками будущего для своих детей и внуков.

Это также косвенные показатели того, что брать ответственность на себя и строить свою жизнь по собственным убеждениям могут очень не многие. И возникающие как грибы конспирологические теории находят среди

этих людей своих ярких адептов. Это служит основанием усиления иррациональности и субъективности сознания наших современников, где виртуальность служит катализатором, усиливающим эти процессы.

На наш взгляд, только продуманная государственная политика с целью просвещения и развития научно-технического осмысления, происходящих событий, научных открытий и трансформаций повседневности под влиянием виртуальности может усилить рациональное осмысление происходящих процессов, а не мифологическое сознание. Но опять же, для этого необходимо четкое понимание последствий иррационализации мышления. А этого зачастую не хватает многим управленцам.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф.. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 161–165.
2. Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 311–313.
3. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 44–46.
4. Прилуцкий А. М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.
5. Скуденков В. А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход : междуз. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.

УДК 130.3
ББК 87.66

А. И. Бобков, А. В. Агеев, *Иркутск*

Социальная реальность как соотношение виртуального национализма и виртуального квазинационализма

Обосновывается идея о том, что консолидация общества сегодня не обходится без национализма. Указывается, что для виртуального национализма методологически уместным является деление на национализм и квазинационализм. Если первый вид создается одухотворенной виртуальностью в рамках социальной реальности, то второй уходом от социальной реальности. Доказывается, что опасность виртуального квазинационализма состоит в том, что субъективность индивидуализированного общества подается как социальная субъектность, а также симулякр национализма квазинационализм информационного общества выступает предельной объективацией. Такая объективация полагает, что ускользание социального бытия есть результат его преодоления и снятия ответственности субъекта перед обществом. Делается вывод о том, что опасность квазинационализма для человека еще предстоит оценить, но его асоциальные действия уже можно исследовать.

Ключевые слова: национализм, квазинационализм, симулякр, объективация, субъектность, виртуальное, социальная реальность

A. I. Bobkov, A. V. Ageev, *Irkutsk***Social reality as the relationship between virtual nationalism and virtual quasi-nationalism**

The article substantiates the idea that the consolidation of society today is not complete without nationalism. The paper points out that the division into nationalism and quasi-nationalism is methodologically appropriate for virtual nationalism. If the first type is created by a spiritualized virtuality within the framework of social reality, then the second is created by a departure from social reality. The author proves that the danger of virtual causinationalism lies in the fact that the subjectivity of an individualized society is presented as social subjectivity. And also, the simulacrum of nationalism, the quasi-nationalism of the information society is the ultimate objectification. Such objectification assumes that the escape of social being is the result of overcoming it and removing the subject's responsibility to society. It is concluded that the danger of quasinationalism for a person has yet to be assessed, but its antisocial actions can already be investigated.

Keywords: nationalism, quasi-nationalism, simulacrum, objectification, subjectivity, virtual, social reality.

Национализм в рамках сегодняшней повседневности виртуального характера имеет место. Более того сроки уголовных наказаний за разжигание межнациональной розни в виртуальном пространстве являются реальными. Зачастую эти уголовные действия можно обозначить как проявление виртуального квазинационализма. Суть такого квазинационализма заключается в том, что субъект, возвышающий свое сообщество в рамках виртуального киберпространства, видит способ возвыситься только через унижение другого. Для него информация унижающего характера, якобы вброшенная в виртуальные массы, является методом разрешения всех проблем, стоящих перед ним и сообществом, с которым он себя идентифицирует. Виртуальный квазинационализм убедителен по причине того, что поиск социального врага, составляющий суть подлинной (реальной) политики по К. Шмитту, осуществляется легко, как будто он заранее кем-то указан. Квазинационализм не видит разрывов и связи там, где они есть. Это новое варварство субъективизма объекта власти, в своем индивидуализме порвавшего все связи с реальным бытием. Его картина мира заключается в том, что он путает мышление о бытии с его исследованием, а его исследование с описанием. Самое важное в квазинационализме состоит в том, что он подчиняется заблуждению о том, что информация может быть ресурсом власти. Подлинный же национализм может полагать такими ресурсами только понимание и знание.

Парадоксом в любом разговоре о виртуальной реальности является то, что в нем существуют две позиции. Одна широко распространенная, а вторая доступная только в условиях этимолого-семантического анализа слова *virtus*¹. Если первая позиция полностью игнорирует социальную эмпирику,

¹ О конститутивных особенностях бытования смысла *virtus* Е.Е. Таратута высказывает следующее заключение: «Представляется, что здесь мы имеем дело с понятием целостным, хотя и в достаточной степени развитым и семантически разветвленным. Отправным его пунктом является представление о различии между сущим и должным. Везде, где речь идет о нормативных конструкциях, подобное различие неизбежно лежит в их основе. Эта нормативистская семантика задает понятию его важную содержательную особенность: она постулирует недостаточность, неудовлетворительность той эмпирической реальности, в которую вписан языковой актор. Таким образом конституируется «недостаточность» также и самого актора, и, в конечном итоге, его мира в целом. Сущее и должное даны

полагая, что ее неполнота уже никогда не будет преодолена, то вторая стремится понять вторичное происхождение неполноты социального бытия в силу неправильного мышления о нем через его предельную объективацию себя и бытия¹.

Методологически было бы верным разобраться с тем, что представляет национализм как виртуальное явление в этих двух контекстах? И почему очень часто симулякр национализма (казинационализм) воспринимается, как подлинный национализм? Рассмотрение этих двух проблем с позиции философии виртуальной реальности, на наш взгляд, даст вполне резонный ответ на то, что представляет собой социальная реальность в условиях прихода к пониманию сущности национализма и ухода от поспешных суждений о нем.

Национализм является технологией построения воображаемого сообщества². Следовательно, он имеет самое прямое отношение к виртуальному в силу того, что воображение есть первое условие виртуального. Если исходить из историко-философского анализа, то виртуальное присутствует в человеческом мировоззрении изначально, меняя только форму выражения через изменение воображения реальности. Если полагать виртуальное в качестве воображаемого поиска идеала свободного от несправедливого общества самовыражения личности в качестве творца социального, то вполне очевидным является его связь с типами философского мышления. У Ж. Делеза их три: парение, углубление и сочетание углубления с парением.

Если первое стремится выявить первообраз нации или ее идею, то углубление стремится к выявлению первоначала нации, ее архе, смешивание выявляет отстранение идеи от архе и осуществляет попытку сочетания архе и идеи. Это сочетание ведет с одной стороны к отказу от понятия нации, а с другой стороны отказу от возвышения нации до степени безответственности за осмысление социального бытия или конструирования социальной реальности. Если углубление это удар по так называемым вечным ценностям нации, парение – это установление границ самобытности нации и

здесь таким образом, что в них может быть увиден коррелят платоновского разделения реального и идеального. Однако в то же время они могут быть соотносимы с аристотелевскими категориями актуального и потенциального. В этом смысле можно говорить о «платоновской» и «аристотелевской» линиях конструирования смыслов в рамках понятий на основе корня *vir(t)-*» [6, с.22].

¹ Пьер Бурдьё, как крупнейший знаток социального пространства, указывает на вредность объективизма следующим положением: «Наконец, следует порвать с объективизмом, идущим в паре с интеллектуализмом, ибо в конечном счете он приводит к игнорированию символической борьбы, местом которой являются различные поля, а целью — сами представления о социальном мире и, в частности, об иерархии внутри каждого поля и между различными полями» [4, с.14].

² В ходе анализа концепции «воображаемого сообщества» Б. Андерсона С.Н. Баньковская определяет нацию следующим образом: «Нация в такой трактовке выступает как новый, характерный для современного общества, способ связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые* сообщества, которые к тому же имеют ценностный характер» [1, с.10].

ее возможностей расширения или сохранения этих границ, то смешивание одновременно углубление, приземление и возвышение.

Виртуальный национализм в таком контексте предстает сразу в трех ипостасях: археологической, идеалистической и конструктивисткой, когда идеал не оскорблен действительностью, а совмещен с ней, как красивый цветок с безобразным корнем. Нация самоорганизующаяся система, если совмещение состоялось.

Для понимания роли национализма в организации социальной реальности необходимо понять, что низвержение национализма двояко. С одной стороны необходимо низвергнуть национализм, а с другой стороны низвергнуть при помощи национализма идолов текучей современности. Если идолов национализма свергают охотно, но, тем не менее, их пустота не выявляется, то низвержение идолов текучей современности в лице симулякра национализма очевидно и низвержение их совершается легко, если применить подлинный национализм, как ответственность за сохранение социальных структур действительного характера. Национализм подлинный уничтожает буржуа-кочевника через вращающегося в современность крестьянина-паломника. Национализм подлинный это инновация, как ответ традиции после попытки тотального эгалитарного обуржуазивания без традиции. Не случайно разработка русского археоавангарда началась как предотвращение восстания масс на основе пошлой буржуазной субкультуры. Народ и нация, вышедшие из этноса, шли к тому, чтобы совместить средневековое мирозерцание с картиной нового времени через подчинение техники поэтике. Подлинный национализм философски выглядит как извращение двух философских практик виртуального преобразования и углубления, ибо он выводит на поверхность и приземляет. Подлинный национализм создается кинизмом и стоицизмом. Они суть искусства поверхности, создающие воображаемые сообщества. Вот что об этом говорит Ж. Делез: «Как назвать это новое философское свершение, противостоящее сразу и платоновскому преобразению, и низвержению досократиков? Может быть, извращением, которое, по крайней мере, согласуется с системой провокаций этого нового типа философов – если верно, что извращение предполагает особое искусство поверхностей» [5, с. 178].

А теперь вот как выглядит генезис нации у Б. Андерсона в понимании С. Н. Баньковской: «Именно в перемещении по территории большого политического пространства – империи – из колониальной периферии в имперские центры и обратно, «паломники» приобретают новое представление о территориальной протяженности, о качестве пространства, о пространственных идентификациях» [1, с. 12].

Говоря о виртуальном национализме, следует обозначить также его отличие от виртуального квазинационализма или симулякра национализма. Опасного явления, которое не позволяет человеку разобраться в том, что говоря о подлинном национализме, он создает его, а к квазинационализму он непричастен вообще. Однако квазинационализм позволяет выплеснуть

эмоций звериной бесчеловечности гораздо больше, чем национализм. Ведь за эмоции подлинного национализма придется отвечать и это вполне осознается. В то время как квазинационализм убирает ответственность за все в силу того, что анонимный Другой создает иллюзию анонимного меня. Квазинационализм есть симулякр потому, что согласно Ж. Бодрийяру: «Переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот. Если первые отсылают к теологии истины и тайны (что все еще является частью идеологии), то вторые открывают эру симулякров и симуляции, когда уже не существует Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного воскрешения, потому что все уже умерло и воскрешено заблаговременно» [3, с. 13].

Такое происходит в силу того, что подлинный национализм исходит из виртуальной реальности иного характера, чем квазинационализм. Для того чтобы это доказать, обозначим существенные черты их обоих. Первую назовем виртуальная реальность подлинного национализма, а вторую виртуальная реальность квазинационализма. Чтобы понять их существенное различие методологически, в первую очередь обозначим черты виртуальной реальности порождающей квазинационализм.

По мнению Е. Е. Таратуты, виртуальная реальность современного характера, а именно она продолжает порождать виртуальный квазинационализм имеет следующие характеристики:

– связанное с компьютерами, – скорее, не как, собственно, с техническими устройствами, но как с посредниками и орудием становления некоей новой, техницистски-мифологической картины мира;

– эфемерное, т. е. необязательное, не включающее человека в себя с той же неизбежностью, с какой это делает «реальная реальность»;

– модное, т. е. притягательное в силу своей популярности, и в целом социально одобряемое, – в общем, вне зависимости от своих качеств как таковых;

– представляющее собой некую «несерьезную» сферу, принадлежность к которой означает отключенность от реальности как комплекса причин и следствий. В особенности здесь имеется в виду не собственно онтологическая каузальность, а именно социальная, поэтому «невключенность» в нее воспринимается как маргинальность, – от «безобидной» и поощряемой (например, инфантильность) до различных угрожающих типов асоциальности;

– пугающее в силу своей способности угрожать реальности окружающего мира и ставить ее под сомнение, – а вместе с ней и человеческое бытие [6, с. 10].

Итак, в данной виртуальной реальности мы имеем дело уже с новой картиной мира. Е. Е. Таратута обозначая ее как техницистски-мифологическую, указывает на то, что она замещает уже научную картину мира, которая до этого замещала религиозный образ мира. Религиозный же образ мира пришел на смену философскому мировоззрению. Философское

же мировоззрение пришло, по мнению К. Поппера, как интерпретация мифа. Иначе говоря, все исходит от мифа и к мифу возвращается. Только качество мифа, его воздействие на сознание человека иное. Если античный миф приводил к мышлению, как постижению гармонии бытия, мышление приходило к волевому акту сотворения мира средневекового характера, то дальше шла усиленная работа по разрыву субъекта и объекта и исчезновению человека из мира путем замещения реального мира научной картиной.

Научная картина мира, если верить Е. Е. Таратуте не устояла. Техницистская мифология уже выставляет человека не только из мира, как это было сделано в научной картине мира, но и исключает, возможность вообще какого бы то ни было нахождения в мире, без истины, а значит без себя. Утрачиваемая «необходимость себя» (М. К. Мамардашвили) в качестве мыслящего «Я» или мыслящего «Мы» для техницистски – мифологической картины мира есть результат сплошной виртуальной эмпирики без коллективных представлений. Миф современной виртуальной реальности заключается в том, что не делающая ничего сверх-сила растворяет любые ограничения и дает абсолютную свободу через машину. Машина из средства для добывания свободы становится источником свободы. Она же источник лишения мышления. Миф виртуальной реальности современности гласит, что виртуальная свобода достигается путем смены знания на информацию через легкий доступ к ней. Противодействие сначала мировоззрения, а потом объекта субъекту исчезает. Появляется субъект растворивший реальность через иллюзию комфортного бытия за компьютером. Данная мифологема порождает любую возможность для любого эксперимента. Квазинационализм в контексте такой мифологии выглядит следующим образом: квазинациональный интерес, навязанный квазинации, удовлетворен путем виртуальной победы над той нацией, которая предстает как скопище варварских недолодей, не имеющих сил для реального отпора в силу отсутствия у них возможности для ответного компьютерного удара и создания своей техницистски-мифологической картины мира. Легкий процесс возвышения виртуальной квазинации вне социальной реальности кажется вполне объективным подтверждением того, что демократия виртуального свойства не воюет с реальной демократией, а лишь с реальным тоталитаризмом прошлого. Виртуальное преодоление реального национализма есть создание мифа о том, что можно преодолеть его реальную необходимость. В рамках квазинационализма можно меньшинством с отформатированной исторической памятью преодолеть сопротивление большинства с его искаженным представлением о прошлом. Сидящий за компьютером украинский квазинационалист легко преодолевает сопротивление дикого москаля, а потом выходит на улицу и сносит памятник, воину-освободителю полагая, что он получил поддержку всего прогрессивного человечества, а на самом деле толпы таких же, как он индивидуалистов, в памятнике сокрушающих любую возможность обретения высокой культуры. Ведь этот памятник есть знак, указывающий на результат столкновения его национализма (русского коммунизма)

с европейским национализмом расового превосходства. Русский коммунизм устоит, если даже ему снесут все памятники, ибо он был подлинным национализмом с рамками самобытности, исключая господство человека в интересах господства национальной идеи [2]. Виртуальное квазинационализма заключается в том, что он отключает субъекта от социальной реальности и допускает асоциальность инфантильного характера, когда ответственность за творение общества, которое тебя окружает, никто на себя не берет. Национализм же подлинный как раз на этой ответственности и стоит.

Квазинационализм возможен только в «конце социального» (Ж. Бодрийар). Желание выйти, наконец, из иллюзии конца социального может быть обретоено только в результате осмысления того, что коллективная субъектность утрачивается в силу того, что философская составляющая бытия, создающая национализм как примирение индивидуальности с ней улетучивается вообще. В виртуальной реальности современного характера созидательный смысл философии в принципе не рассматривается. Это происходит в силу того, что преодолевается табу М. Хайдеггера, полагавшего, что без диалога между отдельным субъектом и коллективным субъектом мышление невозможно. Приведем это табу: « Лишь поскольку – и насколько – человек вообще и по существу стал субъектом, перед ним как следствие неизбежно встает настоятельный вопрос, хочет ли и должен ли человек быть субъектом, – каковым *в качестве* новоевропейского существа он *уже* является, – как ограниченное своей прихотью и отпущенное на собственный произвол Я или как общественное Мы, как индивид или как общность, как лицо внутри социума или как рядовой член в организации, как государство и нация и как народ или как общечеловеческий тип новоевропейского человека. Только когда человек уже стал в своем существе субъектом, возникает возможность скатиться к уродству субъективизма в смысле индивидуализма. Но и опять же только там, где человек остается субъектом, имеет смысл усиленная борьба против индивидуализма и за общество как желанный предел всех усилий и всяческой полезности» [7, с. 51].

Именно отстаивание социальной субъектности перед субъективизмом и есть подлинная социальная реальность, вмещающая нацию и вытесняющая квазинацию пусть даже виртуально. Распознавание «своих» и истины продолжается тогда, когда знаки субъективизма указали на пустоту. Квазинационализм действителен только тогда, когда подражание не сталкивается с жизнью, а национализм есть изобретение самобытного свойства через виртуальное как мышление, а не удовольствие от обладания пустой информацией.

Список литературы

1. Баньковская С. П. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. С. 5–16.
2. Бобков А. И. Влияние христианства на национальную идею (Социально-философский аспект) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Иркутск , 2000. 149 с.
3. Бодрийар Ж. Симулякры и симуляции М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.

4. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетей, 2007. 288 с.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Акад. Проект, 2011. 472 с.
6. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 147 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.

УДК 333.43
ББК 65.69

А. В. Буток, *Иркутск*

Информационная культура и прогресс

Изучаются особенности современного культурного развития общества в рамках цивилизованного общества. Выявляется роль информационной культуры в современном прогрессе.

Ключевые слова: прогресс, информация, культура, информационная культура.

A. V. Butok, *Irkutsk*

Information culture and progress

This article aims to explore the features of modern cultural development of society within a civilised society. The role of information culture in modern progress is revealed.

Keywords: progress, information, culture, information culture.

Культура современного общества представляет собой одну из наиболее важных личностных характеристик и представляет собой основу личности. В последнее время происходит бурное развитие информационных технологий, которые определяют особенности положения человека в современном обществе. Для современного общества культура и культурное развитие представляет собой определенное универсальное качество, направленное на повышение уровня жизнедеятельности у современного человека.

Историческое развитие представляет собой определенные фундаментальные способы хранения и передачи информационных особенностей, в рамках виртуального и письменного общения. Однако именно на современном этапе развития общества происходит формирование представления о философском и научном дискурсе, направленном на повышение уровня развития образовательного процесса.

Понятие «информационная культура» представляет определенное развитие в рамках различных подходов. Для узкого понимания таких особенностей характерными являются определенная совокупность способов обращения с определенной информацией в рамках изучения определенных умений и навыков. При формировании различных определений необходимо отметить, что данное определение раскрывает полное содержание понятия, в рамках определения технологической стороны.

Для современных исследований характерными являются такие особенности как определение более широкого понятия в рамках данного явления. К примеру, такой исследователь, как Э. П. Семенюк, под информационной культурой понимает такие особенности как определенный компонент в

рамках определенных информационных технологий. Исходя из этого определения, мы можем прийти к выводу о том, что информационная культура ориентирована на формирование определенной работы с определенной информацией: накопление, кодирование, обработка и интерпретация полученной информации.

При формировании высокого уровня понимания информационной культуры необходимо выделить наличие определенного технологического и мировоззренческого компонента, необходимо выделить три их составляющих: познавательный, практический и ценностный. Для познавательного компонента необходимо наличие определенного познавательного содержания, понимание особенностей информационной культуры в рамках собственной деятельности.

Для практической стороны характерными являются такие особенности как умение превращать определенную информацию в знание и применять в профессиональной и познавательной деятельности. Подводя итоги вышеуказанного, мы можем прийти к выводу о том, что информационная культура может рассматриваться на следующих уровнях:

- когнитивном;
- поведенческом;
- ценностно-нормативном.

Ценностно-нормативный компонент определяется как развитие определенной практической и информационной деятельности в рамках применения определенных информационных средств. При формировании ценностного отношения необходимо определить особенности информации в рамках определенных норм и требований.

При развитии и формировании высокого уровня информационной грамотности необходимо отметить умение и способность людей раскрывать свой собственный творческий потенциал в рамках определенной свободы и ответственности. Значение данных особенностей возрастает в процессе нашего времени.

Для современного значения характерными являются такие особенности, как высокий уровень креативности, направленной на повышение уровня информированности социальной среды. Для современного общества характерной является гуманистическая парадигма в развитии современной цивилизации.

Все современные процессы ориентированы в современном мире на свободного, образованного и творческого человека. Для современного человека и перспектив его развития характерными являются такие особенности как наличие определенных оптимистических перспектив в рамках его информационного развития. В рамках современного процесса обучения необходимо отметить наличие определенных изменений в рамках решения сложных задач и активизацию определенных направлений личностного развития.

Именно идея дегуманизации направлена на формирование определенного вектора социокультурных изменений в рамках личности и свободы. Для виртуального мира в современной действительности отмечается, что компьютерные технологии направлены на повышение активности личности в раках развития определенного культурного мышления.

Однако в современной традиционной культуре необходимо выявить такие особенности как формирование определенного антропоморфизированного мира, который подразумевает формирование совершенно нового типа взаимоотношения между человеком и личностными особенностями.

Для процесса информатизации личности необходимо отметить наличие определенной дезориентированности личности. Для формирования определенного доступа к информации, необходимо отметить наличие высокого уровня самостоятельности в процессе выработки новых знаний в рамках формирования качественного или некачественного процесса [4].

Одним из наиболее важных принципов в рамках развития информационной культуры общества является наличие принципа свободы информации, что определяет особенности гарантии качества. Данные особенности определяют наличие сформированности определенной экономики в рамках процессов мышления, шаблонность и сложности в рамках обработки и анализа научной информации.

Формирование представлений в рамках изменений информационной культуры происходит в рамках обращения к определенным информационным особенностям и развитию общества в целом. Именно благодаря данному способу происходит определенная витализация ценностей и формирование особого отношения к особенностям своего здоровья.

Для современных особенностей развития общества необходимыми являются такие особенности как формирование определенной информационной безопасности и определение разработки технологий экологической безопасности в рамках современного общества. Для современного общества характерными являются такие аспекты как формирование определенных моральных ценностей и оптимизация социального взаимодействия, для которого нормой являются такие аспекты как формирование определенной социальной персонифицированности и анонимности.

Для проведения адекватной информационной деятельности необходимо формирование и развитие определенных эстетических ценностей. Для таких аспектов характерными являются такие показатели как определенная репрезентация информации, в рамках формирования определенных форм художественных ценностей.

Для современных социально-организационных ценностей необходимо отметить наличие таких особенностей как формирование роста многообразия на общем фоне многообразия и недостаточной развитости информационной культуры массового потребителя.

Для определения особенностей формирования и развития представлений о уровнях развития информационной культуры необходимо отметить

наличие общего и профессионального уровня, что указывает на повышенный уровень профессиональных качеств, так как изменяются определенные требования к профессионалу и квалифицированному специалисту.

Таким образом, мы можем отметить, что информационная культура личности представляет собой не просто навык работы с компьютерными системами, а формирование умения овладевать определенными знаниями и традиционными методами исследовательской деятельности. Для выявления основных качеств личности необходимо отметить наличие определенной мобильности и адаптивности в рамках информационной безопасности общества.

При формировании представлений о перспективах развития необходимо определить особенности развития определенных информационных технологий в жизни современной общества.

Список литературы

1. Семенюк Э. Л. Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ. Сер. 1. 2014. № 7. С. 3.
2. Каракозов С. Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. 2015. № 2. С. 55.
3. Медведева Е. А. Основы информационной культуры // Социс. 2013. № 11. С. 59.
4. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учеб. пособие / О. А. Полошкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 163 с.

УДК 004.946+159.956

ББК 004.946, 87.7

Л. Р. Данакари, *Волгоград*
С. И. Ивентьев, *Казань*

Духовно-нравственная интуиция и виртуальное пространство

Рассматривается духовно-нравственная сторона концепта «интуиция» и его взаимосвязь с виртуальным пространством. Отмечается, что феномен интуиции связан с духовным планом человеком – душой и духом человека – и представляет собой одну из их способностей, а также участвует в непосредственном интуитивном познании. В связи с чем вводится в оборот понятие «духовно-нравственная интуиция», под которым понимается духовное видение и способность души и духа человека постижения сути любых духовных и материальных явлений и вещей в их целостности. При этом этот концепт относится к словам с сакральной семантикой. Актуальность исследуемой темы связана с тем, что в существующей классификации интуиции отсутствует понятие «духовно-нравственная интуиция», а также потому, что в современных научных исследованиях феномен интуиции не связывали с духовной сущностью человека – его душой и духом, и виртуальным пространством.

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, сознание человека, интуиция, духовное видение, духовно-нравственная интуиция, духовно-нравственная ценность, виртуальное пространство.

L. R. Danakari, *Volgograd*
S. I. Iventev, *Kazan*

Spiritual and moral intuition and virtual space

The article considers the spiritual and moral side of the concept “intuition” and its relationship with the virtual space. The authors note that the phenomenon of intuition is associated with the spiritual plane of a person – the soul and spirit of a person – and represents one of their abilities, as well as participates in direct intuitive cognition. In this connection, the researchers introduced the concept of «spiritual and moral intuition», which means the spiritual vision and the ability of the human soul and spirit to comprehend the essence of any spiritual and material phenomena and things in their integrity. At the same time, this concept refers to words with sacred semantics. The relevance of the topic under study is due to the fact that there is no concept of “spiritual and moral intuition” in the existing classification of intuition, and also because in modern scientific research the phenomenon of intuition was not associated with the spiritual essence of a person-his soul and spirit, and virtual space.

Keywords: God, man, human soul, human spirit, human consciousness, intuition, spiritual vision, spiritual and moral intuition, spiritual and moral value, virtual space.

Предмет исследования. Концепт «духовно-нравственная интуиция» и виртуальное пространство.

Цель исследования. Исследовать духовно-нравственный аспект интуиции, проследить ее взаимосвязь с духовно-нравственной сферой человека, его душой и духом, а также с виртуальным пространством или опровергнуть эту связь.

Методика исследования. В процессе исследования использовались теоретические методы сравнительного и логического анализа, а также систематизация.

Обсуждение рассматриваемой темы. С развитием цифровых технологий информационного общества, в котором главное место отведено информации, плавно перешло в цифровое общество, в котором главное место отведено виртуальному пространству или киберпространству (англ. cyber-space – метафорическая абстракция) [15, с. 210–215].

Виртуальное пространство представляет собой не только форму мобильной коммуникации или канал связи в различных сферах жизни человека (духовно-нравственной, социальной, экономической, образовательной, политической, культурологической и пр.), но и как средство передачи информации и манипуляции человеческим сознанием, что представляет собой несомненный научный интерес со стороны различных дисциплин. При этом под виртуальным пространством следует понимать Интернет, корпоративные компьютерные коммуникации вне сети Интернет, а также различные манипулятивные, оккультные, экстрасенсорные и магические явления, благодаря которым формируются новые образы и виртуальные реальности [16, с. 91–98].

Условно можно людей разделить на три группы по отношению к виртуальному пространству: 1) создающие или творящие виртуальное пространство (можно их именовать профессионалами); 2) пользователи виртуальным пространством; 3) Использующие виртуальное пространство для творчества и определённого вида деятельности.

В процессе творчества человек мыслит и созерцает, т. е. использует свой интеллект, а также интуицию, что объединяет понятие «интуиция» и виртуальное пространство. В философии понятие «созерцание» увязывают и отождествляют со словом «интуиция» [18].

В связи с введением авторами в оборот концепта «духовно-нравственная интуиция», который охватывает не только человека, как биологическую и социальную сущность, но и как духовную личность (сущность), возникает необходимость в даче определений таким понятиям, как «духовная сущность», «духовность», «нравственность», «душа человека» и «дух человека».

Итак, в настоящем исследовании под духовной сущностью или реальностью человека понимается душа и дух человека [1, с. 21–29], которые представляют трансцендентное и духовное начало человека. При этом следует отметить, что многими исследователями под последними мыслятся сознание и подсознание человека. Это так называемая официальная научная аксиома.

Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – «истечение, распространение») Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [1, с. 21–29].

Современная наука духовность рассматривает в двух аспектах: 1. Относится к внутренней, психической жизни человека, связанная с нею; с общностью идей, взглядов, стремлений и т. п.; 2. Относится к церкви, религии, принадлежит ей, связанный с нею; церковный [8]. В монотеистических (авраамических) религиях – иудаизм, христианство и ислам – духовность напрямую увязывают с верой в Бога и миром Святого духа [27, с. 186–190]. При этом понятие «духовность» не мыслится без Бога [1, с. 21–29].

В литературе встречается секулярный взгляд на духовность. Например, Э. А. Бабаева духовность (переживание и оценка священного внутри или за пределами материального мира) отделяет от религии (лат. *religare* – связывать, соединять) как «структурированной системы убеждений, включающей эмоции, мораль и чувство идентичности и общности», в связи с различными структурой, практиками поиска и подходами к истине [4, с. 40–41]. В последнее время духовность справедливо не только увязывают с религией и духовной культурой, духовно-нравственными ценностями определённого народа, но и с душой и духом человека [1, с. 21–29].

Таким образом, под духовностью следует подразумевать Бога, Его характеристики, свойства и деятельность, человека как образ и творение Бога, природу и деятельность души и духа человека.

Концепт «духовно-нравственные ценности» включает в себя три таких понятия, как духовность, нравственность и ценность («то, что имеет для человека важное значение, особую значимость») [24, с. 9–12].

Как отмечает З. А. Айзатуллин, «духовность – это стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к высшим ценностям, идеалу. Она проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, строить свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. Одним из сильнейших источников духовности является совесть, а проявлением духовности – любовь. Нравственность – это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способы и приемы передачи вовне своего внутреннего духовного мира. Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие ее на достижение высших идеалов» [2, с. 9–12].

«Нравственность – внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, которые исходят от религии» [10, с. 100–101].

Понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную семантику [26, с. 336–353].

В соответствии с четвертым и пятым поколениями прав человека (права души и духа человека), душа человека относится к главной духовно-нравственной ценности человека, которая наделяется определёнными правами и свободами [5, с. 62–65]. Концепция прав души и духа человека подтверждает, что предметом теории прав человека выступает нематериальная духовная ценность человека.

Интуиция (лат. *intuitio* – созерцание) – «способность непосредств. постижения сути к.-л. явления (ситуации, хода с бытий) в его целостности. В истории философии и психологии представлены многообразные трактовки И. : от инстинкта и простейших форм довербального, наглядно-образного мышления до высших способностей к сверхчувственному познанию. В истории философии И. рассматривалась прежде всего как способность к непосредств. познанию в отличие от чувственного восприятия и дискурсивного мышления – в этом смысле в аристотелевско-неоплатонич. традиции как высшая, духовная способность души» [6, с. 472]. Согласно Философскому энциклопедическому словарю, «интуиция (лат. *intuitus* – взгляд, вид) – рассмотрение, видение, созерцание, а также (с древних времён) духовное видение, вроде вдохновения, понимание, приобретённое непосредственно, а не эмпирически или путём размышления (рефлексии), непосредственное переживание действительности; «откровение, развивающееся изнутри человека» (Гёте); интуитивное знание: понимание сути предмета, полученное благодаря интуиции, непосредственному постижению сущности вещи» [25, с. 185].

В Российском гуманитарном энциклопедическом словаре читаем: «интуиция – понятие, означающее способность непосредств. познания истины без обоснования с помощью доказательства. И. «гносеологич. творчество», она открывает человеку совершенно новое, не выводимое из предшествую-

щего опыта (хотя и обусловленное им) знание. Для И. характерно также снятие противоположности субъекта и объекта: ощущение смысловой полноты, сопровождающее интуитивное озарение, говорит об окончат. охвате познающим предметом познания» [21].

В христианстве интуицию причисляют к духовным дарам Святого Духа и часто именуют духом. При этом отмечается, что не всегда интуиция от Бога, и порой она представляет собой искушение («прелесть») [22]. Бог-Творец через озарение даёт людям способность к пониманию истины и законов бытия [14, с. 218]. При этом озарение именуют интуицией, возникающую при обращении к Богу [23, с. 44].

В некоторой литературе эти способности также именуют пси-феноменами [13, с. 62–76]. При этом явление интуиции часто относят к указанной категории.

Выделяют духовную и интеллектуальную интуицию [1, с. 156–161; 8, с. 220; 28, с. 71–76]. В первом случае, по мнению соавтора, задействована душа человека, дающая необходимую информацию, а во втором – человеческий разум, извлекающий имеющийся житейский опыт, прошедший логический анализ [14, с. 220].

Душа и дух человека обладают интеллектом, который задействован в духовно-интеллектуальной деятельности духовной сущности (начала) человека. Следовательно, им присуща и интеллектуальная интуиция, которая сверхрациональна [19, с. 3]. Поэтому нельзя считать, что интуиция обладает бессознательным и иррациональным характером.

В наш информационный век интуиция была отнесена к одному из видов информации [14, с. 237]. Следовательно, учитывая, что виртуальное пространство представляет собой информацию и средство ее передачи, интуицию и виртуальное пространство объединяет информационное пространство.

Механизм проявления интуиции, например В. Л. Васильевым, описывается так: «Психологический процесс перехода интуиции из подсознания в сознание происходит своеобразно. При переходе интуиции в сферу сознания субъект ощущает эмоциональный фон (приятный, угнетающий и т. п.), содержание которого от него скрыто. В результате целенаправленного поиска смысла эмоционального фона интуиция появляется в сфере сознания» [9].

Способность души и духа человека к всеведению проявляется в виде вдохновения, озарения и созерцания, т. е. в явлении интуиции, а также в так называемых пси-феноменах, к которым относят ясновидение, телепатия, биолокация, пророчество и другие [13, с. 62–76].

Интуиция играет огромную роль в познании и творчестве [20, с. 251–256]. В связи с чем, в философии и науке выделяют интуитивное познание, которое имеет многомерный характер [11, с. 156–161]. В познании и в творческих актах участвует не только физический человек (материальный план), но и его духовная сущность (нефизический / духовный план), т. е. душа и дух человека.

В науке существует множество классификаций интуиции, в которых представлены различные ее типы, источники, механизмы и движущие факторы.

Современный исследователь Д. Д. Захаркин считает, что помимо чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции (произвольная, которая проявляется в пси-феноменах: ясновидении, телепатии, биолокации; непроизвольная – проявляется в виде предчувствие негативных событий, угрожающих жизни), существуют следующие виды интуиции: 1) локационная (направлена на быстрое нахождение нужных объектов); 2) сканирующая (позволяет мгновенно и точно распознавать явления, предметы и объекты); 3) бессознательная (позволяет использовать знания, которые есть в бессознательном, но не осознаются); 4) кодирующая (позволяет бессознательно строить логические цепочки и делать выводы) [13, с. 62–76].

Например, в литературе по праву в зависимости от отраслей деятельности выделяют профессиональную, научную и творческую интуицию, а также правовую интуицию, базирующуюся на менталитете, правосознании и духовно-нравственных ценностях народа [3, с. 40–46; 9].

В целом российское научное сообщество придерживается двух основных классификаций интуиции: европейской и российской. Так называемая европейская классификация выделяет четыре типа интуиции: «1. Физическая (телесная) – основывается на ощущениях человека (усталость, стресс, апатия и др.), по которым он судит об успешности того или иного мероприятия; 2. Эмоциональная – опирается на эмоциональное состояние (при этом большую роль играет воспитание человека и национальные особенности); 3. Интеллектуальная – обобщает профессиональный опыт и логическое мышление (этот тип интуиции наиболее характерен для творческих людей с развитой эрудицией); 4. Мистическая – самый малоизученный тип интуиции, поскольку до сих пор не удалось выявить его движущие факторы» [12]. Наша отечественная классификация интуиции базируется на идее трёх типов интуиции Н. О. Лосского и М. А. Бунге: 1) чувственной; 2) интеллектуальной; 3) мистической [7; 17]. При этом первую относят к дорациональному способу познания, который выступает основой для интеллектуальной интуиции – рационального познания, а третья – высшая интуиция, дающая возможность сверхрационального познания [7; 13].

На наш взгляд, под мистической интуицией следует подразумевать духовно-нравственную интуицию, в состав которой входят духовная и нравственная (моральная) интуиция человека [19, с. 6]. «Нравственная интуиция рассматривается как сверхрациональное и сверхчувственное познание нравственных ценностей, в отличие от бессознательных и иррациональных трактовок интуитивности» [19, с. 9].

Духовно-нравственная интуиция – духовное видение и способность души и духа человека познавать суть любых явлений и вещей в духовном / нефизическом и материальном планах в их целостности.

Душа человека часто отождествляется с нравом, т. е. свойством (характеристикой) души [14, с. 17]. В связи с чем, духовная интуиция невозможна без интуиции души, основанной на ее нраве. В связи с чем Н. А. Панова указывает, что «в основе нравственности лежит духовный чувственный мир, а не природно-эмоциональный» [19, с. 4].

Концепт «духовно-нравственная интуиция», как и духовность, нравственность, обладает сакральной семантикой. Н. А. Панова отмечает, что интуиция носит трансцендентный характер и лежит в основе нравственности и морали [19, с. 7, 16]. И это связано с тем, что душа и дух человека трансцендентное и духовное начало человека.

В связи с введением авторами в оборот понятия «духовно-нравственная интуиция», классификация интуиции будет выглядеть следующим образом:

1. Духовно-нравственная интуиция (мистическая интуиция) духовного плана (начала) человека: 1.1. Интеллектуальная интуиция. 1.1.1. Интеллектуальная интуиция духа человека: 1.1.2. Интеллектуальная интуиция души человека; 1.2. Творческая интуиция: 1.2.1. Творческая интуиция духа человека; 1.2.2. Творческая интуиция души человека. 1.3. Нравственная (моральная) интуиция: 1.3.1. Интуиция души человека, связанная с ее нравом и характером. 1.4. Религиозная интуиция. 1.5. Другие.

2. Интуиция физического (материального) плана человека: 2.1. Интеллектуальная интуиция (рассудочная интуиция) человека. 2.1.1. Отраслевая (мировоззренческая) интеллектуальная интуиция. 2.1.1.1. Научная интеллектуальная интуиция. 2.1.1.1.1. Гносеологическая интуиция; 2.1.1.2. Философская интеллектуальная интуиция; 2.1.1.3. Религиозная интеллектуальная интуиция; 2.1.1.4. Педагогическая интеллектуальная интуиция; 2.1.1.5. Правовая интеллектуальная интуиция; 2.1.1.6. Социальная интеллектуальная интуиция; 2.1.1.7. Иные. 2.2. Бессознательная интуиция: 2.2.1. Кодированная интуиция; 2.2.2. Иные. 2.3. Творческая интуиция: 2.3.1. Отраслевая творческая интуиция. 2.3.1.1. Научная творческая интуиция; 2.3.1.2. Философская творческая интуиция; 2.3.1.3. Религиозная творческая интуиция; 2.3.1.4. Педагогическая творческая интуиция; 2.3.1.5. Правовая творческая интуиция; 2.3.1.6. Поэтическая и писательская творческая интуиция; 2.3.1.7. Интуиция художников; 2.3.1.8. Иные. 2.4. Физическая интуиция: 2.4.1. Моторная интуиция. 2.4.1.1. Локационная интуиция; 2.4.1.2. Сканирующая интуиция; 2.4.1.3. Иные. 2.4.2. Чувственная (эмоциональная). 2.4.3. Нравственная. 2.4.4. Иные

3. Интуиция социального плана человека: 3.1. Социальная интуиция; 3.2. Политическая интуиция; 3.3. Иные.

Авторы полагают, что указанная классификация интуиции является неполной, и она, возможно, будет корректироваться по мере исследования феномена интуиции, а также получения новых данных.

Выводы. Таким образом, в ходе исследования было установлено, что интуиция представляет собой одну из специфических способностей души и духа человека. Интуиция напрямую связана с духовно-нравственной сферой

человека, его душой и духом, а также со способностью и деятельностью последних. При этом она проявляется в творческом процессе в виртуальном пространстве, а также при создании киберпространства. Интуиция и виртуальное пространство несут информационный характер, что объединяет эти два явления.

К одной из способностей духовной личности человека (души и духа) относится духовно-нравственная интуиция, которая обладает сакральным и трансцендентным характером.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа, 21 мая 2020 г. / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 21–29.
2. Айзатуллин З. А. Роль духовно-нравственных ценностей Ислама в поликультурном обществе. URL: <http://islam.ru/content/obshchestvo/44258> (дата обращения: 03.09.2021).
3. Агутин А. В., Ижнина Л. П. Фундаментальные основы разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 40–46.
4. Бабаева Э. А. Духовность и религия. Тождество и различие // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе : сб. ст. / под общ. ред. Н. А. Саркаровой. Махачкала : АЛЕФ, 2020. С. 40–45.
5. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека : материалы Второго науч. симп., 11–12.10.2019, Таганрог / отв. ред. В. П. Рыжов. Таганрог : Тип. Ступина С. А., 2019. С. 62–65.
6. Большая российская энциклопедия : [в 30 т.]. М. : БРЭ, 2008. Т. 11. 766 с.
7. Бунге М. Интуиция и наука. М. : Прогресс, 1962, 188 с.
8. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995 544 с.
9. Васильев В. Л. Юридическая психология. М. : Юрид. лит., 1991. 461 с.
10. Гузенко С. С. Свобода совести, физическая культура и спорт // Здоровьесбережение как инновационный образования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Санкт-Петербург, 15.04.2020. СПб. : ЧОУ ВО СПбУТУиЭ, 2020 С. 100–108.
11. Данакари Л. Р. Интуитивное познание как специфический феномен философии: основания и особенности // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 156–161.
12. Европейская классификация интуиции. URL: <http://fitnessbrain.ru/razvitie-mozga/intuitsiya/tipyi-intuitsii> (дата обращения: 03.09.2021).
13. Захаркин Д. Д. Виды интуиции и способы их диагностики // Психолог. 2017. № 1. С. 62–76.
14. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека. Новосибирск : Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 357 с.
15. Ивентьев С. И. Духовно-нравственная сторона цифрового общества // Национальные тенденции в современном образовании : сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. 25.12.2020. В 5 ч. Ч. 2 / под ред. А. Э. Еремеева. Омск : Изд-во ОмГА, 2021. С. 210–215.
16. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 91–98.
17. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : Terra, 1999, 408 с.
18. Новая философская энциклопедия / отв. ред. Малахов В. С., Филатов В. П. М. : ТОН-Остожье, 1998. 544 с.

19. Панова Н. А. Роль интуиции в морали : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05. Воронеж, 2005. 136 с.
20. Родина Е. Н., Чекушкина Е. Н., Каменский Е. Г. Роль интуиции в познании и творчестве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5 (44), ч. 2. С. 251–256.
21. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 2. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС : Филол. фак. СПбГУ, 2002. 720 с.
22. Священник: «Не всякому духу (интуиции) верьте». URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5980e60c8139ba27f6ffe58f/sviascennik-ne-vsiakomu-duhu-intuicii-verte-5d7bc85b9515ee00ae412fbd> (дата обращения: 03.09.2021).
23. Сидоров Г. Н., Шустова О. Б. Информация и интуиция в науке с позиций рациональности и трансценденности // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (23). С. 42–46.
24. Утяшев М. М. Права и свободы человека и общечеловеческие ценности // История государства и права. 2010. № 7. С. 9–12.
25. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2009 570 с.
26. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2019. Т. 10, № 2. С. 336–353.
27. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса // Ярославский педагогический вестник. 2014 № 1, Т. 1 : Гуманитарные науки. С. 186–190.
28. Щербакова А. И. Духовная интуиция в творческом самоопределении личности: философско-психологический аспект // Достижение вузовской науки. 2014. № 8. С. 71–76.

УДК 351/352

ББК 67.401.21я73.075

А. С. Замаратская, *Иркутск*

Социальные медиа и социальные сети

Целью исследования является разграничение и уточнение понятий «социальные медиа» и «социальные сети». Рассматривается определение социальных медиа как базового информационного ресурса для социального сетевого взаимодействия и отмечается, что социальные медиа формируются в условиях взаимодействия существующего независимо от развития информационных технологий феномена социальных сетевых структур и функционала цифровых интерактивных новых медиа. Приводится описание базовых моделей взаимодействия пользователей социальных медиа и указывает на их трансформацию в направлении большей универсальности и гибкости с точки зрения коммуникационного взаимодействия компаний со своими клиентами.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, виртуальность, цифровизация

A. S. Zamaratskaya, *Irkutsk*

Social media and social networks

The purpose of this study is to differentiate and clarify the concepts of “social media” and “social networks”. The article examines the definition of social media as a basic information resource for social network interaction and notes that social media are formed in the context of interaction of the phenomenon of social network structures and the functionality of digital interactive new media that exists, regardless of the development of information technologies. The author also describes the basic models of interaction between social media users and points to their transformation towards greater universality and flexibility in terms of communication between companies and their customers.

Keywords: social media, social networks, virtuality, digitalization.

Социальные медиа – это компьютерные технологии, которые облегчают создание и обмен информацией, идеями, карьерными интересами и другими формами выражения через виртуальные сообщества и сети. Разнообразии автономных и встроенных социальных медиасервисов, доступных в настоящее время, представляет проблемы определения; однако есть некоторые общие особенности:

Социальные медиа – это интерактивные интернет-приложения Web.

Пользовательский контент (текстовые сообщения (посты) или комментарии, цифровые фотографии или видеоролики и данные, полученные с помощью всех онлайн-взаимодействий) является жизненной основой социальных сетей.

Пользователи создают профили для конкретного веб-сайта или приложения, которые разрабатываются и поддерживаются организацией социальных сетей.

В 2007 г. американский исследователь Б. Солис в своей статье «Определение социальных медиа» дает несколько дефиниций социальным медиа, одна из них представляет для нас определенный интерес: «Социальные медиа, в самом общем виде – это способ, при помощи которого люди обнаруживают, читают, и комментируют новости, информацию и содержание. Это слияние социальной составляющей и высоких технологий, трансформирующих монолог (от одного ко многим) в диалог (многие ко многим)».

В книге Б. МакКоннелла «Эпидемия контента. Маркетинг в социальных сетях и блогосфере» предлагается понимать под социальными медиа «общность людей, выражающих мысли онлайн, а также тех, кто с ними взаимодействует».

Следующее определение было опубликовано одним из исследователей социальных медиа Дж. Торнлеем: «Социальные медиа – это онлайн коммуникация, в которой индивидуум плавно и гибко меняет свою роль, выступая то в качестве аудитории, то в качестве автора. Для этого используется социальное программное обеспечение, которое позволяет любому без специальных знаний в области кодирования, размещать, комментировать, перемещать, редактировать информацию и создавать сообщества вокруг разделяемых интересов» [1].

Социальные сети способствуют развитию онлайн-социальных сетей путем подключения профиля пользователя к профилю других лиц или групп.

Социальные формы коммуникации посредством интернета представляют собой исторически новый вид коммуникации. Здесь производители содержания сообщений вступают в отношения с потребителями этих сообщений, которые тем самым сами вовлекаются в его дальнейшее производство, когда каждый читатель/подписчик блога может выполнять функции автора, действуя в качестве комментатора, репортёра, фотокорреспондента и/или редактора данного сервиса [2].

Социальные медиа – это не только социальные сети, это все интернет-ресурсы, которые позволяют обмениваться информацией в виде текста, графических изображений, музыки, видеороликов. Пользователь может взаимодействовать с другими участниками платформы, публиковать личную информацию или оставаться в роли наблюдателя.

При коммерческом продвижении контент во всех социальных медиа объединен общей идеей или тематикой, имеет узнаваемый стиль публикаций как в тексте, так и в иллюстрациях [4; 6].

Отличительные особенности социальных медиа

Особенности социальных медиа характеризуют их как площадки для общественного взаимодействия. Среди них:

1) доступность размещаемой информации. Большая часть сведений располагается в публичном пространстве и открыта для изучения;

2) минимальное личное пространство. Аккаунты и страницы, не имеющие специально поставленных ограничений, носят публичный характер, и личная информация находится на виду;

Отсутствие ограничений во времени и пространстве. Общение, поиск информации, публикация сведений доступны пользователям независимо от их местоположения и времени выхода в сеть.

3) оперативность. Площадки предоставляют пользователям возможность публиковаться онлайн, благодаря чему вся информация доступна в режиме реального времени;

Назначение площадок можно определить следующим образом:

- выстраивание коммуникации между пользователями;
- ведение исследовательской деятельности;
- развлечение пользователей и возможность проведение досуга.

Виды социальных медиа

Все медиа можно классифицировать по нескольким группам на основании принципа взаимодействия их участников:

1) предназначенные для общения. Обширная категория, в которую входят социальные сети, микроблоги, сайты знакомств и отзывов, форумы, чаты и т. д. Их главная задача – построить диалог между пользователями;

2) предназначенные для редактирования информации. Разработчики таких платформ реализуют возможность совместного редактирования информации, представленной на площадке путем внесения дополнений, событий и прочего. К таким ресурсам относятся «Википедия», «Яндекс. Карты»;

3) предназначенные для обмена мультимедийной информацией. Это сети, на которых можно размещать разного рода информацию, с возможностью комментирования, скачивания и сохранения.

Каждый из видов социальных медиа способствует продвижению. Главное, учитывать специфику платформы, с которой решите работать.

Социальный медиа-маркетинг или SMM

SMM (Social Media Marketing) – разновидность маркетинга, предназначенная для продвижения продукции на больших социальных платформах.

Ее принцип работы основан на презентации товара через прямой диалог с целевой аудиторией.

Быстрое развитие социальных медиа, большая аудитория, вовлеченная в процесс коммуникации, создали возможность продвижения продукта путем активности бренда на социальных площадках. Чаще всего речь идет о социальных сетях, в которых компания заводит блог, группу для взаимодействия с аудиторией, информирования и рекламы товаров или услуг.

SMM – значительная часть маркетинговой стратегии по продажам, выделяющаяся в самостоятельный вид продвижения. Эта разновидность маркетинга помогает малому бизнесу расширять аудиторию через публикации привлекательного контента, а крупному бизнесу – поддерживать активность аудитории и интерес к продуктам компании.

Социальный медиа-маркетинг основан на двух типах продвижения:

1. Скрытом. Группа продвижения продукта позиционируется как информационная, а вставляемая реклама преподносится нативно. В таком формате отсутствуют открытые призывы к покупке, однако товары или услуги бренда тесно вплетаются в публикуемый контент. Например, продвижение происходит через публикацию рецептов с продуктом компании, постинг смешных картинок, в которых он задействован и т. д.

2. Открытом. Рекламные посты публикуются без развлекательных вставок. Характер страницы направлен исключительно на продажу и содержит информацию рекламного характера.

Продвижение может сочетать обе стратегии. Оно не должно быть слишком агрессивным или навязчивым, чтобы не отталкивать, но вместе с тем достаточно ярким и увлекательным. Статистика показывает, что чем не навязчивее и аккуратнее рекламный баннер или объявление, тем больше людей обратит на это внимание.

Мониторинг социальных медиа

Мониторинг необходим для отслеживания показателей продвижения бренда, оценки эффективности выбранного способа, анализа активности пользователей на социальных площадках компании. Этот процесс осуществляется путем отбора групп пользователей, показателей взаимодействия на основании установленных критериев анализа.

Есть два способа проведения мониторинга:

1) ручной. Выполняется маркетологами или директором компании. Помогает понять поведение пользователей на основании специфических критериев, которые выделяют не все аналитические системы. Способ требует значительных затрат времени и усилий, зато можно получить точные результаты, которые отсутствуют в работе автоматизированной системы;

2) автоматический. Проводится с помощью сервисов, которые отбирают статистику по стандартным запросам. Обычно такие системы демонстрируют частоту упоминания товара или бренда, помогают понять репутацию компании в социальных сетях.

Мониторинг также может предоставить полезные сведения о сайте компании или ее групп в социальных медиа. Благодаря этому анализу можно узнать целевую аудиторию бренда, насколько конкурентоспособна выбранная бизнес-модель, занятость выбранной ниши, отследить конверсии.

Социальные медиа представляют собой объединенный функционал новых медиа и социальных сетевых структур, реализованный в цифровой среде. Таким образом, социальные медиа – это информационные ресурсы, на базе которых возможно осуществление социального сетевого взаимодействия [3; 7].

Социальные медиа незаменимы для увеличения продаж и распространения вирусного контента. Также соцмедиа поддерживают репутацию бренда и считаются одним из значимых методов продвижения. Через свои площадки компании могут информировать пользователей, интриговать, общаться и через интерактивные действия стимулировать к покупке.

Социальные сети являются независимым от цифровых технологий феноменом, но в настоящее время термин «социальная сеть» неразрывно связан с социальными медиаресурсами, в связи с чем предлагается его использование в значении «сообщество пользователей на базе интерактивного информационного сетевого ресурса».

Традиционные коммуникационные модели социальных медиа – «социальная сеть» и «блог» – предлагают разные форматы взаимодействия компаний с клиентами, но в процессе развития эти различия постепенно стираются и происходит формирование более универсальной и гибкой модели, дающей более широкие возможности продвижения бизнеса в социальных медиа [5].

Полученные результаты могут быть применены при реализации дисциплин, формирующих компетенции в области цифровой экономики, а также при разработке моделей присутствия компаний в социальных медиа.

Список литературы

1. Драгунова И. В. Социальные медиа как коммуникационный канал интернет-маркетинга: дефиниция и эволюция развития // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 6, № 1. С. 155–164.
2. Ефимова Г. З., Зюбан Е. В. Социальные сети как элемент социально-экономического развития постиндустриального общества // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7, № 6. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/118EVN615.pdf> (дата обращения: 30.07.2020)
3. Игнатьева И. В., Зеденизова И. И. Маркетинг социальных сетей как инструмент продвижения // Инновации и инвестиции. 2019. № 7. С. 125–129.
4. Карякина К. А. Актуальные формы и типологические модели новых медиа // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2010. № 3. С. 128–137
5. Полошкевич О. А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 141–143.
6. Сулейманова Ш. С. Перспективы развития социальных медиа // Коммуникология. 2015. Т. 3, № 5. С. 111–125.
7. Шигина Я. И., Фоменков Д. А. Социальные медиа: современные тенденции в маркетинге // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 24. С. 453–456.

УДК 17.022.1
ББК 87.701.2

А. Г. Косиченко, Алматы, Республика Казахстан

Человек и его ценности в виртуальном пространстве

Представлены результаты эмпирического исследования ценностей молодежи в виртуальном пространстве. Показаны ключевые моменты трансформации мировоззренческих ориентиров.

Ключевые слова: человек, ценности, виртуальное пространство, реальность, техника, нравственность, духовность.

A. G. Kosichenko, *Almaty, Republic of Kazakhstan*

A person and his values in the virtual space

The results of an empirical study of the values of youth in the virtual space are presented. The key points of the transformation of worldview guidelines are shown.

Keywords: person, values, virtual space, reality, technology, morality, spirituality.

Современный человек активно работает с сетевым пространством. Целей работы в нем множество: в связи с профессиональными обязанностями, в попытках найти нужную информацию, для общения, развлечения, да и мало ли зачем – человек много времени проводит в сети. Виртуальное пространство дает динамизм, жизнь становится разнообразнее, интереснее. Сетевое пространство, несмотря на всеобщую критику его (к чему склонны и мы) все же полезно: в нем имеется нужная информация, работает электронная почта, имеется много профессионально нужных сайтов, много исторических зарисовок, персоналий, интерактивные выставки, музеи и многое – многое иное. Имеются сайты, содержащие культурный, нравственный и духовный контент, но надо признать, таких сайтов мало. Люди и сообщества находят в интернете новые формы общения, желающие вливаются в группы, оказывают помощь друг другу и т. д. Не приходится отрицать, польза есть. Но все время не оставляет чувство, что имеет место гигантский подвох. И он действительно есть. Он состоит в целях, стратегических задачах и общих механизмах всемирной сети, контролируемой, как думается, мировой элитой. Например, IT – гиганты собирают информацию о пользователях; ближайшие цели сбора информации ясны и известны, а более глубокие и потаенные?

Или такая задача как всеобъемлющая реформа образования. Мировая элита давно искала подходящую новую форму обучения, с целью сформировать новый тип людей: не обладающих глубокими знаниями и культурой, оторванных от традиций и лишенных нравственного воспитания. Замена полномасштабного образования на освоение компетенций делает молодежь абсолютно зависимой от намерений и целей мировой элиты: захочет она и сделает эти компетенции не нужными, – и снова овладевай новыми компетенциями; могут вообще лишиться доступа к новым компетенциям – в зависимости от личной благонадежности в ее новом понимании и т. д. Образование в течение всей жизни, как приоритет этого нового образования, пред-

ставляется демократичным и гуманным, но отличается нестабильностью и зависимо от обстоятельств. Виртуальное пространство предоставляет для такой системы образования огромные возможности, в этом пространстве что хочешь, то и делай с человеком, если он, как современная молодежь в массе своей, малообразован, оторван от «почвы» и традиций, лишен культурных и духовных корней.

Виртуальное пространство меняет реальность человека, и не в лучшую сторону. Виртуальное пространство отсекает при вхождении в него и работы в нем высокие измерения личности. Человек оставляет многие из своих лучших качеств, входя в виртуальное пространство. В нем эти качества не нужны. Межличностное общение в виртуальном пространстве искажено. Общение, вроде, свободное, но неглубокое и ложное. В виртуальном пространстве искажено понимание свободы. Посетители чувствуют вседозволенность и относительную безответственность.

Виртуальное пространство в очень малой степени связано с духовными измерениями. Они не нужны виртуальному пространству, так же как и глубокая культура. Они не интересны абсолютному большинству посетителей веб-страниц. Они не приносят доходов хозяевам сети и провайдерам. Социальное пространство интернета примитивно, в нем отсекается все глубокое, а поверхностное и пошлое, наоборот, поощряются. Свой социум в сети есть, но он реален только в сети, при выходе из нее он подтверждает свою виртуальность. Социальная реальность виртуального пространства эфемерна. В ней жесткие правила, свобода мнимая, отношения ложные, успех временен. В одну секунду могут отключить доступ к этой реальности – и где она?

В пространстве сети все эфемерно, искусственно. Все кажется доступным, но только кажется. Ценности неглубокие, искусственно сформированные, быстро меняющиеся. Информация нередко сомнительна, часто – ложная. Общение носит не обязательный характер, нет личной дружбы, все имитационно. Портится язык, он становится бедным, усиливается сленг, жаргон, исчезают правильно построенные предложения, ясность изложения, логика часто отсутствует. Возникает интернет-зависимость. Общение в сети нравится молодежи, она считает сеть едва ли не родным домом. Попытки указать молодежи на опасности интернета кончаются ничем; она не принимает советов в этом отношении,

Не исключено, что с помощью привлеченных специалистов «владельцы интернета» (при всей условности этого понятия) осознанно и планомерно «накачивают» его самым разным содержанием, чтобы он стал интересен многим и увлек как можно больше людей, увел их из реальной жизни в виртуальную реальность. В виртуальное пространство переносится все большая часть человеческой жизни, и при сохранении этой тенденции недалек тот день, когда виртуальное пространство станет преимущественной формой проживания человеком его жизни.

Мы никуда не денемся от наших проблем, они остаются с нами, пока мы их не решим, однако люди как раз и пытаются избавиться от проблем,

убегая в виртуальное пространство. Оно как бы специально для этого и создано. Оно, как многим кажется, избавляет от нерешенных проблем и делает жизнь легкой. Ответственность, совесть, добродетели – есть ли они в виртуальном пространстве? Ничего этого в нем нет. Люди, для того и погружаются в виртуальное пространство, чтобы не быть нагруженными этими излишними для них и обременительными качествами. Человеку кажется, что в виртуальном пространстве он свободен. Но это ошибка, он закрепощен в этом пространстве больше, чем где-либо. Но мнимая безответственность подкупает и вводит в заблуждение.

Принято считать, что виртуальное пространство расширяет возможности человека. Но следует понимать, что человек выходит в очень сомнительное, не его, человека, пространство. Он его не успевает «обживать», очеловечивать; оно быстро расширяется, и при этом остается чуждым человеку. Виртуальное пространство расширяет возможности человека, одновременно делая человека примитивным. Зачем примитивному человеку широкие возможности? И возможности чего? Как не без иронии заметил один из современных Афонских старцев: «Интернет сам по себе – вещь хорошая. Но пользу он приносит немногим, а вред – огромному числу людей» [2]. Насколько надо было деградировать человечеству в ходе его развития, чтобы в настоящее время затрудняться в понимание сущности новых измерений реальности, которые он же и создал. Интернет, сетевое сообщество, виртуальное пространство – это прогресс или регресс человека – вот вопрос, на который нет однозначного ответа (если, конечно, не стоять на точке зрения примитивного обожествления всякого нового крупного технического открытия). А почему человек не может ответить на этот вопрос? Потому, что человек порождает новые измерения реальности быстрее, чем способен овладеть ими, осознать их, встроить их в уже «обжитую» им ранее человеческую реальность. Это большая проблема, выходящая за рамки данной статьи – тема очеловечения создаваемой человеком реальности – обширнее, чем сущность виртуального пространства. Но, как можно видеть, обе темы вплотную соприкасаются: виртуальное пространство тоже является одной из форм порожденной человеком, но не освоенной им реальности.

Когда человек начинает пользоваться тем, сущности чего он не знает, он помещает себя в сомнительное пространство своего существования, которым не способен по-человечески управлять. Человек создал пространство сети, но не освоил его; это пространство не нормировано человеком, не обжито и не одухотворено им, а, значит, оно опасно в мировоззренческом и духовном отношении, так как неосвоенная человеком, но уже включенная в практическую деятельность новая реальность, может содержать неожиданные для человека разрушающие его «мины замедленного действия». Неожиданные для среднего, обычного человека, пользователя сети, но, возможно, сознательно заложенные и запланированные группой продвинутых специалистов, работающих на творцов нового мирового порядка.

Вот, собственно, основное сомнение, недоумение и возражение, выдвигаемое в отношении всемирной сети и виртуального пространства. Неясно, что дальше будет с этой реальностью: принесет ли она процветание человечеству или ввергнет его в хаос. Уже сейчас понятно, что дальнейшее существование человека в виртуальном пространстве потребует существенной трансформации ценностей человека.

Ценности человека не есть нечто застывшее и окончательно устоявшееся, они исторически меняются, развиваются (или деградируют), и потому нельзя настаивать на их неизменности и абсолютности. Но в любом случае ценности должны оставаться ценностями человека, а не неизвестно какого существа, порожденного «цифровой экономикой» и «трансгуманистическими» экспериментами с человеком, к чему, похоже, мы движемся с нарастающей скоростью. Виртуальное пространство – один из механизмов порождения такого человека. Затруднительно даже назвать основные ценности, доминирующие в сети. Там есть все: от духовных высот (чего мало) до откровенной пошлости и призывов к террору. Это естественно – пытаюсь охватить как можно более широкую аудиторию, в виртуальное пространство вбрасывается все, что угодно.

Приведем несколько (из множества) прогностических мнений в отношении будущего интернета, высказанных учеными, разработчиками и менеджерами, работающими в интернет-пространстве, обобщенными в обзоре экспертами Pew Research Center. Как сказано в данном обзоре, «Жанна Андерсон и Ли Рэйни подготовили доклад на тему “Цифровая жизнь в 2025 году”. Этот доклад приурочен к 25-летию создания Всемирной паутины сэром Тимом Бёрнерсом-Ли – британским учёным, изобретателем URI, URL, HTTP и HTML». «Распространение Ubertnet (глобального интернета) будет уменьшать значение территориальных границ. В итоге могут возникнуть новые “нации”, где люди объединяются по интересам и существуют за пределами нынешних национальных государств». «Интернет будет переживать фрагментацию. Глобальное взаимодействие между людьми будет всё так же продолжаться, но через ряд отдельных каналов, управляемых серией протоколов». «Будет сложнее сохранить свою конфиденциальность и частную жизнь, потому что пользователи будут идти на компромиссы, иногда с неохотой, чтоб получить доступ к какой-нибудь важной информации». «Большинство людей не замечают глобальные изменения современных коммуникационных сетей, которые будут разрушительны в будущем. Всё больше людей теряют сноровку в реальной жизни. Интернет предлагает большее количество социальных связей, чем человек способен поддерживать» [1].

Человечество многие надежды связывало с развитием техники. Оно хотело с помощью техники овладеть миром, освободиться от природной и иных форм зависимости. Человек хотел, почти по К. Марксу, передать технике всю рутинную, нетворческую деятельность, а сам, освободившись от необходимости работать механически, посвятить свою жизнь творчеству в самых разных сферах своего бытия. Однако оказалось, что созданная чело-

веком техногенная среда не только не освободила человека, но и поработила его в еще большей степени. Техника стала доминировать над человеком, и, судя по планам «роботизации» мира человека через цифровизацию экономики, высокотехнологическое общество в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию на самоуничтожение [4]. В этом контексте виртуальное пространство носит негативный характер в отношении человека. Если развив технику, человек стал негативно зависим от техники, то с развитием интернета эта зависимость многократно возрастает.

А ведь Н. Бердяев еще в 1931 г. предупреждал: «Современный человек верит в могущество техники, машины, иногда кажется, что это единственное, во что еще верит... Головокружительные успехи техники в нашу эпоху есть настоящее чудо греховного природного мира. Человек потрясен и подавлен могуществом техники, перевернувшей всю его жизнь. Человек сам ее создал, она продукт его гения, его разума, его изобретательности, она детище человеческого духа. Человеку удалось расковать скрытые силы природы и использовать их для своих целей, внести телеологический принцип в действие сил механико-физико-химических. Но овладеть результатами своего дела человеку не удалось. Техника оказалась сильнее самого человека, она подчинила его себе. Техника есть единственная сфера оптимистической веры современного человека, самое большее его увлечение. Но она же приносит человеку много горечи и разочарований, она поработила человека, ослабляет его духовность, угрожает ему гибелью. Кризис нашего времени в значительной степени порожден техникой, с которой человек не в силах справиться. И это кризис, прежде всего, духовный» [3].

Сегодня техника, к сожалению, работает против человека, понижая его нравственность и духовность; техника осознанно задействована в реализации концепций «продуцирования потребных человеческих качеств» А. Печчи, «нового кочевничества» Ж. Аттали, «цифровой экономики», «четвертой промышленной революции и великой перезагрузки» К. Шваба и, наконец, «инклюзивного капитализма», в которых техника противопоставляется человеку во всех этих схемах выстраивания нового мирового порядка. Г. Уэллс в книге «Открытый заговор» (1929 г.) – одной из первых публикаций творцов нового мира, говорил о необходимости создания множительной техники для тиражирования идей сторонников построения этого мира. Никаких ксероксов еще и в помине не было, но они возникли, совершенно по плану. И виртуальное пространство с его безграничными техническими возможностями работает на эти же идеи.

Все новое всегда принимается с трудом. Оно должно доказать одновременно свое превосходство по двум направлениям: что оно не разрушает прежний порядок и что новое лучше прежнего. Люди сопротивляются новому, потому что боятся потерять стабильность, связанную с прежним укладом; и люди в большинстве своем правы. Новое, хотя и обещает сохранить прежний порядок, объективно сметает его, просто потому, что нельзя и сохранить старое и создать новое на одной и той же «территории». А второе – что но-

вое лучше старого – можно и не доказывать: старое будет сметено, а там пойдешь, разберись, лучше стало или хуже, теперь поздно сокрушаться.

Так и с виртуальным пространством – оно уже есть; и хорошо ли оно или плохо, что теперь об этом говорить. Другое дело, что мы теряем устойчивость и стабильность, так как с виртуальным пространством связана неопределенность: мы работаем в нем, но не знаем, к чему приведет его развитие. Отсюда настороженность, что естественно.

Человек вообще потерял критерии в оценке многого. Уже довольно давно он идет наобум, как бы вынужденно. Оценить, остановиться, не принять – такого уже не дано, все происходит с нарастающей скоростью. И главное – от человека мало, что зависит, все происходит так, будто некий кукловод всем движет, а человек только пассивный участник этого процесса. И потому человек и не может понять в полноте и овладеть возникающей реальностью. Хотя все делает как бы человек, но делает он это «под гипнозом» необходимости и внешних обстоятельств. Поэтому человек и не отвечает за то, что делает; не соотносит сделанное со своим замыслом, человек не свободен в этом процессе, потому и не ответственен за него. Нет свободы – нет ответственности.

Какие уж тут критерии. Однако мы предложили бы следующий критерий оценки виртуального пространства, хотя вряд ли его примут многие. Таким критерием надо сделать человека, вернее его сущность. Зная сущность человека можно оценивать различные состояния и ситуации, в которых человек оказывается – эти состояния и положения или позволяют развиваться, приблизиться человеку к его сущности или, напротив, отдаляют от нее.

Существуют два крупных подхода к пониманию сущности человека. Согласно первому, сущность человека базируется только на естественно-природном его понимании – он развился в ходе эволюции из протообезьяны, и человек является единственным творцом всего своего бытия во всех его проявлениях, ибо нет иного, кроме человека, субъекта творчества. Все сконструированное и совершенное человеком расширяет пространство его бытия; все, что человек изобретает и реализует – все обогащает его жизнь и является его прогрессивным развитием. Тогда и виртуальное пространство – сплошная удача и достижение человека, он расширил пространство своего бытия и сделал очередной шаг по пути прогресса. Теперь необходимо как следует использовать эту новую возможность для своего дальнейшего развития.

Но если человека, согласно второму подходу, сотворил Бог, сотворил его богоподобным, свободным и разумным существом, то сущность человека следует понимать совершенно иначе. Тогда человек обязан развиваться, в первую очередь духовно, выполняя Божьи заповеди и осуществляя промысел Бога о нем – человек обязан восстановить утраченное единство с Богом. Как видно, это совсем иное понимание сущности человека, и, следовательно, в контексте этой сущности очень много, почти все в жизни человека обретает иной смысл и иное понимание, нежели при первом видении сущности человека. Виртуальное пространство при этом становится не просто

изобретением человека, расширяющим его возможности, но является очень сомнительной реальностью, которая оценивается далеко не однозначно. То, что виртуальное пространство предоставляет человеку новые возможности – это хорошо, но возможности чего и для чего? Для приближения к Богу или для ухода от Него? Виртуальное пространство – это хорошо или плохо?

Могут сказать оно и хорошо и плохо, все зависит от того, как его использовать. Но сказать: и хорошо и плохо – это ничего не сказать. Такой критерий можно применить ко многому, ко всему. Это не ответ, это уход от ответа – это слишком общий принцип. Могут сказать, что оценочные суждения применимы не ко всему, и не все можно так оценить – плохо или хорошо. Да, и вообще, что такое «хорошо» по отношению к такому феномену как виртуальное пространство? Это устаревший подход к оценке новой реальности человека. Ее надо оценивать иначе: полезна ли она, развивает ли она человека, прогрессирует ли он и т. д. А спрашивать: хороша ли она – нелепо и ошибочно. Нет, не ошибочно. Всегда уместно спросить: хорошо ли для человека то или иное для выполнения его существенных задач развития к Богу или плохо. Если человека сотворил Бог, имея промысел о человеке, то так спросить не только можно, но и нужно, иначе не понять, что это за новая реальность.

Именно так и происходит с виртуальным пространством. Если его оценить, исходя из понимания человека, как сотворенного Богом, то виртуальное пространство окажется не нейтральным новым изобретением, но ловушкой для человека. Попадая в эту ловушку, человек отходит от Бога: человек не может в виртуальном пространстве выполнять Божьи заповеди, он не может придти к единению с Богом – следовательно, виртуальное пространство призвано отлучить человека от Бога, и, следовательно, виртуальное пространство – негативная реальность, т. е., плохая в обозначенном выше смысле.

Итак, на основании рассмотрения двух подходов к сущности человека можно сделать вывод о виртуальном пространстве: способствует оно раскрытию сущности человека или уводит от нее. Если сущность человека естественно-природная, то виртуальное пространство нейтрально или даже позитивно в отношении развития человека. Если же его сущность связана с Богом и духовностью, то виртуальное пространство, скорее, негативно для человека (хотя может быть ему практически полезным, если его использовать аккуратно и с рассуждением). Но в любом случае оценивать что-либо надо по максимуму, а максимумом в данном отношении являются высшие слои бытия человека, т. е., духовные его измерения (даже при естественно-природном понимании сущности человека). И, следовательно, оценка виртуального пространства должна быть с позиции нравственности и еще точнее – духовности, и тогда оценка эта настороженная и в целом негативная.

Список литературы

1. 15 предсказаний об интернете в 2025 году. URL: <https://tjournal.ru/flood/50112-internet-2025> (дата обращения: 23.07.2021).
2. Архимандрит Парфений (Мурелатос) // Беседы с Афонскими старцами об острых проблемах в современной жизни. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_5307 (дата обращения: 11.09.2019).
3. Бердяев Н. Духовное состояние современного мира // Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / худож. оформ. Б. Ф. Бублик. Харьков : Фолио; М. : Изд-во АСТ, 2002. 688 с. (Вершины человеческой мысли). С. 659.
4. Филимонов В. Цифровое общество и конец истории [электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/02/01/cifrovoe_obwestvo_i_konec_istorii (дата обращения: 10.09.2018).

УДК 316.73+316.75+316.77

ББК 60.524

Я. А. Лещенко, *Ангарск*

Информационная среда как средство социокультурной деструкции

Рассматриваются особенности и возможные последствия негативного воздействия современных изменений в информационной среде на массовое сознание, систему образования и традиционную культуру в целом. С критических позиций охарактеризованы планы цифровизации школьного образования, воздействие интернета на молодёжь, новые либеральные веяния в театральном искусстве. Целый ряд явлений, происходящих в информационном пространстве, даёт основание расценивать положение с культурой в современной России как социокультурную деструкцию.

Ключевые слова: информационная среда, цифровизация школьного образования, маргинализация театра, социокультурная деструкция

Ya. A. Leshchenko, *Angarsk*

Information environment as a means of sociocultural destruction

The article examines the features and possible consequences of the negative impact of modern changes in the information environment on the mass consciousness, the education system and traditional culture in general. The plans of digitalization of school education, the impact of the Internet on young people, new liberal trends in the theater arts are characterized from a critical point of view. A number of phenomena occurring in the information space give grounds to regard the situation with culture in modern Russia as a socio-cultural destruction.

Keywords: information environment, digitalization of school education, marginalization of the theater, socio-cultural destruction

В последние десятилетия информационная среда (кино, телевидение, интернет) все больше влияет на нормы поведения и на стиль жизни. Телевидение и кино отчасти заменили семью в создании и внедрению моральных норм и стереотипов поведения. Информационная среда стала производительной силой, осуществляющей воспроизводство социальных капиталов, брендов, виртуальных ресурсов, моделей поведения. Очень многие, особенно молодёжь начинают воспринимать мир не таким, каким он является в действительности, а таким, как он показан в виртуальном информационном

пространстве. А. А. Овсянников утверждает, что СМИ сегодня – это и средства манипулирования общественным мнением в интересах бизнеса вообще, и конкретного деятеля рынка, владеющего информационными ресурсами, в частности [7]. Следовательно, от качества информации в немалой степени зависит качество морали и состояния умов в обществе.

С. Валянский и Д. Калужный указывают на огромное значение качества информационной среды для развития общества. «Структура информации, допускающая разрушение традиционной культуры, ведёт любую социальную систему напрямик в небытие. По мнению профессиональных психологов идёт массовое переформатирование сознания людей. Без стеснения транслируются модели извращённого поведения. Если взглянуть на многих звёзд эстрады взглядом психиатра, если проанализировать сюжеты фильмов, романов и рекламы, обнаружишь весь спектр психических и психологических отклонений, известный науке» [2].

По данной проблеме своё мнение высказывал известный российский ученый Сергей Капица: «...основная и даже главная роль принадлежит появившемуся в современном развитом мире моральному кризису, кризису системы ценностей. К сожалению, политика в области образования и особенно СМИ ведет к тому, что мы совершенно бездумно импортируем и даже насаждаем представления, только ухудшающие ситуацию с кризисом самосознания и усиливающие дальнейшую атомизацию общества [5].

В развитии демографического кризиса в Российской Федерации не последнюю роль сыграли факторы, связанные с изменениями содержательной части информационной среды, формами ее реализации, процессами отрицательного воздействия информации на здоровье населения. Так среди причин снижения рождаемости в России можно назвать изменение под влиянием СМИ репродуктивных установок населения, популяризацию среди российской молодёжи западных образцов семейного, репродуктивного и сексуального поведения (например, всё большего распространения пришедшего с Запада стиля жизни «чайлдфри», характеризуемого сознательным отказом от детей).

Таким образом, одним из наиболее мощных факторов негативного воздействия на формирование массового сознания и духовного здоровья сейчас является комплекс информационно-психологических воздействий, расшатывающий, разрушающий традиционную культуру общества.

Негативное воздействие информационной среды берет вверх даже в сферах, которые по своему статусу должны являться естественной средой противодействия социальной энтропии, как, например, образование. В данном аспекте ярким примером являются разработанные министерством просвещения планы цифровизации школьного образования. Некоторое представление об этих планах дает выступление директора департамента цифровой трансформации и больших данных Министерства просвещения РФ Павла Кузьмина в ходе выступления на конференции TAdviser IT Government Day 2021. Среди функций «Современной цифровой образовательной среды» Кузьмин назвал, в частности, следующие:

- хранение оценок и отзывов об онлайн-курсе обучающихся, завершивших освоение такого онлайн-курса;
- идентификация и аутентификация участников в системе с использованием федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» [6].

По сообщению министра просвещения Сергея Кравцова, в российских школах появятся цифровые биографии школьников. Эта инициатива реализуется в рамках проекта цифровой образовательной среды (ЦОС). Министр пояснил, что система ЦОС сделает видимыми и измеримыми все успехи и неудачи школьника: прогресс будет фиксироваться в так называемой цифровой биографии, которая будет объективно показывать, в чем школьник успевает, а в чем ему нужна помощь [6].

На первый взгляд люди непосвященные не увидят в вышеописанных намерениях и планах ничего предосудительного. Но в среде специалистов, разбирающихся в проблемах образования, осуществляемые реформы подвергаются довольно острой критике.

Директор Центра исследования духовной культуры и идеологии Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ Ольга Четверикова считает, что в основе цифровизации лежат идеи, делающие невозможным существование человека и человеческого общества, поскольку эти идеи базируются на философских концепциях и идеологических проектах, таких как трансгуманизм – созданная специально для цифрового общества современная форма оккультного гностического мировоззрения [9]. Четверикова подчеркивает, что проект цифровизации затрагивает в первую очередь сферу образования, ведь там формируются и мировоззрение, и нравственные ценности. Речь идёт о проекте «Цифровая школа», которая рассматривается в качестве безальтернативной, т. е. для традиционного образования места в ней нет. В такой школе «всё оцифровывается, вводятся электронные учебники, интерактивные доски, новая система оценки (планируется ликвидация ЕГЭ и ликвидация пятибалльных оценок). Предлагается введение систем ПОТОК и РОСТ. Будет рассматриваться всё, что ребёнок в процессе обучения делает: в школе, в кружках, сколько раз в неделю он присутствует, как он отвечает, активно, не активно. То есть вся его деятельность, каждый его шаг будет фиксироваться в цифровом портфолио. И это цифровое портфолио или электронное досье будет определять судьбу ребёнка: его канализируют в определённое русло, подсчитают, сколько и чего он сделал, и к моменту выхода из школы ему уже невозможно ничего изменить. И система поступления в вуз тоже меняется в соответствии с этим цифровым портфолио: если ребёнок не набрал столько-то баллов за всё время обучения, он никогда не сможет поступить в вуз. Получается **закамуфлированная кастово-селекционная система** (выделено мною. Я. Л.), в которой смогут

выйти наверх только люди из обеспеченных семей... качественное образование, человеческое, останется для немногих. Причём это как для средней школы, так и для высшей школы» [9]. Следовательно, реализация данного проекта радикальным образом изменит все социальные отношения.

По мнению Четвериковой и ее единомышленников надо возрождать русскую классическую школу, потому что это единственный способ воспитать высокодуховную личность. Советская школа взяла всё лучшее из русской классической школы, введя туда принцип демократичности и обеспечив всем детям очень высокий уровень образования. А в цифровой школе нет ничего живого: учителей заменят роботами, всё будет определять искусственный интеллект. Автор приводит циничные рассуждения ректора Высшей школы экономики (ВШЭ) Ярослава Кузьмина о том как они будут вводить систему оценки личности через интерактивный электронный учебник, в который предусматривается встроить программу, которая будет тестировать ребёнка, и в зависимости от того, что и как он говорит и делает, его будут направлять по определённым каналам. Это будет делать машина, а не человек. Можно представить, к каким катастрофическим последствиям это приведёт! [9].

Самая массовая коммуникация нашего времени – интернет – становится не только каналом распространения информации, но и средством пропаганды малограмотности. Большинство слов на форумах пишется с грамматическими ошибками. А хамство и мат – аргументы в дискуссии. Это столь распространено, что давно воспринимается, как «норма».

Академик Бетелин называет главной опасностью для наших детей гаджеты и считает серьезной проблемой сегодняшней молодежи – клиповое мышление. «Они не могут читать длинные тексты. Они привыкли к коротким сообщениям. Это формирует общество людей, которые ничего не помнят. И второй этап – общество людей, которым надо подсказывать, и они будут действовать согласно этим подсказкам. Это признаки легко управляемого общества» [1].

Говоря о влиянии информационной среды на формирование массового сознания и духовного здоровья общества, нельзя не упомянуть о некоторых веяниях в современном российском театральном искусстве. Уже четверть века (время, за которое формируется новое поколение) в России идут процессы маргинализации театра, подмены аморальными постмодернистскими мотивами традиционных ценностей. Нередко на ведущих ролях в российских театрах оказываются такие, с позволения сказать, «новаторы», кто сделал себе имя на скандальности, аморальности, провокационности. Достаточно вспомнить таких деятелей культуры и театра как Марат Гельман, Кирилл Серебренников, Константин Богомолов. Последнего писатель Юрий Поляков охарактеризовал следующим образом: «Богомолов всегда возмещал дефицит таланта обилием эпатажа. Когда-то это был Гамлет в кроссовках. Теперь трансгендер в роли чеховской Раневской. Но, минуточку, откуда взялся Богомолов? Его коллектив выбрал? Зрители на руках в кабинет

худрука внесли? Нет, Богомолова назначила власть. Подарила дорогой «гаджет» – театр. К ней – власти – теперь и вопросы... Агрессивный непрофессионализм – фирменный стиль «торителей новых путей в искусстве». Опусы «новой драмы», как правило, к пьесам в классическом понимании жанра никакого отношения не имеют, они лишь повод для выдумывания очередного сценического эксцесса. Порой сидишь на спектакле и не можешь отделаться от чувства, что попал в драмкружок при психбольнице... В России на театр тратятся десятки миллиардов рублей, но у государства нет чёткого представления, зачем нужен театр и какие требования к нему предъявлять. Что это – сложнейший инструмент воспитания... Мне скажут: ерунда, в театр ходит несколько процентов населения. Да, но это активное, думающее меньшинство, мощно влияющее на настроения социума. «Свернув мозги» ему, мы вскоре получим общее повреждение и «разруху в головах» [4].

По рассматриваемым здесь проблемам очень резко, но, по сути, верно, высказалась писатель, публицист Лидия Сычева. «В олигархическом государстве богатые люди проводят для бедных определенную культурную и образовательную политику... Культура – это духовная жизнь человека, народа и государства. Привитие безобразного лишает народ, страну жизнестойкости. В духовно разрушенной стране можно делать все что угодно. Террор и репрессии не нужны – когда люди сломлены (наверное, правильнее сказать «психологически и культурально переформатированы»). Я. Л.), они не способны на социальную активность. «Тонус в обществе» достигается с помощью дезинформации, которая стала нормой государственной информполитики... Одна из главных задач дезинформаторов – планомерное убийство подлинного духовного пространства в стране, уничтожение всего интеллектуально живого, честного, умного. Тут и превращение прессы в унылый пиар властей всех уровней, и многолетнее телевизионное обучало-во населения беспробудной пошлостью и непотребными зрелищами... Духовная бедность правящего класса, отсутствие внутреннего самобытного содержания приводят к тому, что все явления в области культуры и идеологии, к которым прикасается щедрая рука государственного финансирования, удивительным образом мертвеют. Патриотизм становится казенным, журналистика вырождается в пропаганду (или в демонстрацию «светской жизни» звезд шоу-бизнеса. Я. Л.), кино превращается в прачечную отмытия бюджета...» [8].

Сказанного выше вполне достаточно, чтобы охарактеризовать положение с культурой в современной России как социокультурную деструкцию. В современном понимании «социокультурная деструкция представляет собой нарушение (иногда постепенное «размывание») функциональной целостности и сбалансированности локальной культуры как системы, ее в определенном смысле дисфункцию, ведущую к понижению возможности эффективного регулирования социальной жизни людей» [3]. Признаки идущей под воздействием информационного прессинга социокультурной деструкции обусловлены прежде всего нарастающими процессами маргинализации

населения, падением эффективности процедур социализации, укоренения граждан в традиционной культуре средствами воспитания, образования, государственной идеологии и пропаганды; разрушения и подмены ценностных ориентаций; деградации морали, нравственности и т. п.

Причины возникновения процессов социокультурной деструкции, как правило, связаны либо с резким изменением природных или исторических условий существования общества, либо с социальными кризисами в его внутреннем развитии. В данном случае эти явления, очевидно, обусловлены резкими изменениями в общем строе социальной организации общества и нормах социального потребления и распределения, деградацией институтов социального управления и т. п.

Остается лишь надеяться, что российский социум сможет выдвинуть из своей среды таких политических субъектов, которые не допустят наиболее тяжелых последствий социокультурной деструкции, например утраты этносом целостности консолидирующей и мобилизующей его культурной системы.

Список литературы

1. Академик Владимир Бетелин: гаджеты – главная опасность для наших детей // Аргументы недели. 2021. № 28.
2. Валянский С., Калюжный Д. Армагеддон завтра : учеб. для желающих выжить. М. : АСТ : АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. 475 с.
3. Деструкция социокультурная. URL: https://studref.com/545106/kulturologiya/destruktsiya_sotsiokulturnaya (дата обращения: 03.09.2021).
4. «Драмкружок при психбольнице». Писатель Юрий Поляков о современном театре.// Аргументы и Факты. 2021. № 28.
5. Капица С. П. Мировой демографический кризис и Россия. Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / под ред. Г. Г. Малинецкого. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 71–88.
6. Минпросвещения представило план цифровизации школьного образования. 15.03.2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/247247488> (дата обращения: 01.09.2021)
7. Овсянников А. А. Общество потребления: системность и тотальность кризиса. Народонаселение. 2011. № 11. С. 12–31.
8. Сычёва Л. А. Мы всё ещё русские. М. : Вече, 2018. 320 с.
9. Четверикова О. Цифровая одержимость. Трансгуманизм пожирает человечество. URL: <http://zavtra.ru/blogs/tcifrovaoyaoderzhimost> (дата обращения: 01.09.2021).

УДК 17+342.2
ББК 87.7

Л. А. Мухамеджанова, *Ташкент*
О. В. Шкуран, *Луанск*
С. И. Ивентьев, *Казань*

Тенденции изменения этических норм в информационном обществе

Доказывается, что растёт потребность в рассмотрении глобальных информационных изменений, происходящих в мире, и характера их проявления как виртуальной угрозы в рамках этической науки. Обсуждаются этические проблемы виртуального мира в контексте глобализации.

Ключевые слова: человек, ноосфера, этосфера, техническая среда, глобальная сеть, электронный мир, глобализированный мир, киберпространство, виртуальный мир, природа человека, толерантность.

L. A. Mukhamedzhanova, *Tashkent*
O. V. Shkuran, *Luhansk*
S. I. Iventev, *Kazan*

Ethical trends in an information society

There is a growing need to consider global information changes taking place in the world and the nature of their manifestation as a virtual threat within the framework of ethical science. For this reason, this article discusses the ethical issues of the virtual world in the context of globalization.

Keywords: man, noosphere, ethosphere, technical environment, global network, electronic world, globalized world, cyberspace, Virtual world, human nature, tolerance.

Перед этической наукой стоит очень важная задача, а также ряд глобальных проблем. Главная и первостепенная задача – преодолеть техническое давление, создаваемое прогрессом науки.

Научные и технические достижения XX и XXI вв. теперь угрожают будущему человека и планеты, на которой он живёт. Атомные, водородные, нейтронные бомбы, баллистические ракеты, современные истребители, бомбардировщики, подводные лодки и надводные корабли, современные танки и различное оружие – всё нацелено на уничтожение людей. Их производственные мощности и полигоны являются источником экологических кризисов. Это глобальная катастрофа не для одной или нескольких стран. Их предотвращение можно гомогенизировать только одним способом – путём стабилизации духовной и моральной среды (этосферы) в технической среде (ноосфере), в которой мы живём.

В состав моральной среды входят моральные и этические нормы, которые формируются на основе общественных отношений и воспитания [12, с. 124]. Фактически они выступают социальными регуляторами общественных отношений.

Технический прогресс по своей природе бездушен и аморален и он пытается обходить не только государственное, но и морально-нравственное регулирование. Но несмотря на это, актуальность и востребованность моральных и этических норм в информационном обществе не утрачивается.

Впервые в истории Земли человек возник как огромная духовная и геологическая сила. Человеческое мышление стало основной причиной изменений в биосфере (от био и греч. σφαῖρα – шар). Один из основоположников ноосферного учения, великий русский ученый В. И. Вернадский (28.02.1863–06.01.1945) отмечал, что под влиянием научного мышления и человеческого труда биосфера трансформировалась в новое состояние – ноосферу. «Лицо нашей планеты, биосфера, подвергается радикальным химическим изменениям человеком, сознательно и по большей части бессознательно, – пишет он. Человек меняет физическую и химическую атмосферу земли, все ее природные воды . . . Сейчас мы переживаем новые геологические эволюционные изменения в биосфере. Мы входим в ноосферу» [3, с. 186–187].

Отсюда возникает проблема мышления. В. И. Вернадский комментирует это: «Мышление – это не форма энергии. Как он может изменить материальные процессы? Этот вопрос ещё не решён с научной точки зрения» [3, с. 185]. Положение Вернадского осталось прежним. При этом такие понятия этого учения, как «созерцание» и «миросозерцание», по настоящее время человеком не были поняты.

В. И. Вернадский под созерцанием понимал философскую мысль [4, с. 193]. То есть созерцание представляет собой мыслительный творческий процесс человека.

Так что же такое созерцание? Можно сказать, что это не только биологический (материальный), но и духовный феномен. В первом случае, это «непосредственное, зрительное восприятие предметов, затем весь мир непосредственных восприятий или вообще внутренний процесс образования форм, в которых выступает всё вещественное и имеющее смысл» [14, с. 423]. Второе, созерцание – духовное видение или восприятие духовной сущностью человека (его душой и духом) окружающего духовного и материального мира [2, с. 123–125]. Созерцание не только связывают с понятием «интуиция» (лат. *intuitio* – созерцание), но и отождествляют с ним [13].

Созерцание рождается в человеке, в его мозгу, который состоит из его психофизиологической целостности, но, когда он рождается, он выходит из биологической оболочки и создаёт что-то вроде энергии во внешней среде. Теперь существует определённая дистанция между человеком и его мышлением, и по мере того, как расстояние увеличивается, сущность мышления становится ясной: ожидаемый результат человека начинает приобретать иное содержание, чем ожидалось. Почему?

По нашему мнению, в ноосфере, если использовать учение В. И. Вернадского, как мы сказали выше, человеческий разум материализуется, наш собственный интеллект становится вещами и окружает нас. Внутренняя природа человека принимает статус окружающей среды и начинает влиять на внешнюю природу, и во многих случаях первым страдает сам человек. Поскольку у мышления нет биологического свойства, оно пытается заменить биологическую среду, постепенно вытесняя её. Как только это движе-

ние проходит определённую точку, оно теряет свой положительный характер и начинает становиться негативным явлением для человечества.

Согласно концепции прав души и духа человека под внутренней природой человека понимается его духовная сущность – душа и дух человека, которая обладает вездесущим характером [2, с. 123–125].

В таких религиях, как христианство и ислам, под духовной и материальной основой человека всегда подразумевают Бога-Творца (Аллаха).

Утрата человеком взаимосвязи со своей духовной природой приводит к вышеуказанным негативным последствиям, связанным с духовно-нравственным уровнем индивида и техническим прогрессом, не только для него лично, окружающих его людей и ноосферы, но и Вселенной в целом.

С конца XIX в., особенно в XX в., человек создал ноосферу – техническую среду – внутри этой биосферы, благодаря силе своего мышления (мысли), научных и технических достижений. Вот мы и сегодня, понимаем, с утра до ночи живём в собственных технических изобретениях – едим, пьём, ходим, спим, без чего не представляем свою жизнь. К ним относятся метро, автобусы, телевизоры, радио, телефоны, эскалаторы, плееры, лифты, компьютеры, поезда, пароходы, газовые плиты, электрические приборы, фабрики, локомотивы, химикаты и т. д. Когда мы сегодня разговариваем по видеофону, мы не думаем о том, сколько дней нам нужно идти пешком, если мы едем верхом или пешком, чтобы увидеть своего собеседника за сотни миль и поговорить с ним, или, точнее, мы даже не запомнили, потому что технологии стали нашей средой обитания.

Решение этих проблем требует не только экологического очищения окружающей среды от химического отравления, но, прежде всего, в глобальном смысле очищения сознания людей XXI в. от яда технократии. То есть теперь перед человечеством они смотрятся не как явления окружающей среды, а как настоящая духовная и моральная проблема. По словам известного австрийского этолога, лауреата Нобелевской премии К. З. Лоренца (07.11.1903–27.02.1989): «Основная причина массового и быстрого распространения отчуждения от дикой природы – эстетические и моральные потрясения в человеке нашей цивилизации» [11]. Безусловно, что сюда следует добавить и духовные потрясения, которые связаны с десакрализацией духовных вещей и явлений, а также понятий духовно-нравственной сферы человека. К наглядному примеру можно отнести проявления терроризма и экстремизма [10, с. 217–222].

Человечество переживает период революционных изменений в сфере информации. В мире формируется единое информационное сообщество. В основе этих изменений лежит появление самых современных и эффективных средств передачи и доставки информации потребителю, основанных на информатизации, телекоммуникациях и компьютерных технологиях. В результате XXI век признан веком информированного общества, а интернет – его главный инструмент.

Учитывая, что мы не можем представить наш день без информационных технологий, нетрудно понять, насколько опасно и порой непредсказуемо это пространство. Конечно, эти технологии были величайшим изобретением людей, но все мы знаем, что человеческий разум в отрыве от своей духовной основы, к большому сожалению, более склонен ко злу, чем к добру.

Кажется, что жизнь заходит в тупик, если мы не попадаем в глобальную сеть перед сном и когда просыпаемся утром, человеческие отношения уходят на второй план, указывая на то, что люди становятся все более одинокими и дикими.

В наше время услуги социальных сетей интернета становятся все более популярными.

Цель социальной сети – общаться с людьми, у которых есть общие интересы или действия в интернете. По количеству пользователей Facebook в настоящее время лидирует в социальной сети с 600 млн пользователей. Далее следуют MySpace (255 млн пользователей), «Одноклассники» (более 205 млн человек) и Twitter (200 млн людей).

В век компьютеров и интернета есть возможности контролировать сознание населения и манипулировать им [6, с. 163–168], нарушать социально-политическую стабильность в так называемых «неблагополучных» странах и даже совершать перевороты. К сожалению, в сегодняшнем глобализованном мире, где обмен информацией находится на рекордно высоком уровне, западные «центры» используют его для распространения «прелести» (устар. обман, оболщение) западной жизни среди других наций и народов, включая влияние «массовой культуры» как «ветров мира и свободы», пытаясь распространиться во всём мире.

Но как бы хорошо и плохо всё не было, наряду с этими удобствами, помимо эффективных и целевых пользователей интернета, растёт число пользователей различных развлекательных и непристойных сайтов. Основная причина этого в том, что навыки и культура целевого использования системы пользователями интернета, особенно молодёжью, сформированы не полностью.

Киберпространство – это общий набор компьютерных сетей мира «Виртуальный». К современным средствам доступа к виртуальной реальности относятся: мобильные телефоны с доступом в интернет; онлайн-игры с дистанционным управлением; видеоустройства; программное обеспечение, обеспечивающее доступ вне сети, означает, что, хотя такие инструменты обеспечивают свободный доступ к киберпространству, риски в этом пространстве остаются незамеченными.

К сожалению, «электронный мир» используется различными политическими силами как главный инструмент для своей террористической, экстремистской пропаганды и культивирования идей, распространения своих взглядов среди населения, осуществления деятельности различных преступных группировок, включая киберэкстремизма. Тот факт, что основные

негативные силы создают свои собственные идеологические платформы в интернете, осуществляют широко распространенный информационный террор в интернете – «электронный джихад», новые угрозы и вызовы глобальной и региональной безопасности – создаёт проблемы для духовно-нравственной и информационной безопасности человека.

Интернет является быстрым, рентабельным и прозрачным, за исключением скрытой «Темной сети» («Даркнет») [5, с. 209–216], практически не контролируется, имеет пользователей по всему миру, быстро и дешево распространяет информацию, организует группы единомышленников, общается анонимно, не может идентифицировать первоисточник, даёт возможность незаконного доступа к компьютерам стратегических и военных объектов и организаций, жизнеспособности коммуникационных сетей, что привлекает экстремистские и террористические организации, а также различных злоумышленников и мошенников.

Основная проблема в том, кто для каких целей пользуется интернетом. Теперь даже маленький ребёнок может легко пользоваться компьютером. На первый взгляд, это не так уж и плохо. Но если дело зайдёт слишком далеко, если контроль будет слабым, последствия будут очень тяжелыми. 78 % интернет-пользователей (в основном молодёжь, конечно) считают информацию в виртуальном пространстве достоверной и непредвзятой. Люди, которые проводят много времени в виртуальном пространстве, используют их в основном для получения электронной почты. Однако личная переписка, особенно короткие текстовые сообщения, например, в социальных сетях, может передать только 7 % необходимой информации. И 90 % информации в них – абсолютно бесполезная информация. Другими словами, даже если вы проведёте немного времени в киберпространстве, человек практически не получит пользы от такого обучения.

На самом деле проблема, о которой мы говорим, многогранна. Чем глубже вы погрузитесь в это, тем больше проблем последует. Возьмём, к примеру, зависимость от социальных сетей. Это тоже проблема с несколькими диапазонами. Потому что виртуальная зависимость в человеке приводит к одиночеству во внешнем мире, избеганию реальности, трудностям и проблемам в личной и социальной жизни, не видению и не распознаванию их и, в конечном итоге, к депрессии. Это явление получило название «социальное одиночество» в социальной психологии. То есть, на первый взгляд, человек живёт в социально активной среде, но все чаще пытается ее избежать, побыть в одиночестве. Интересно, что такая ситуация чаще встречается у людей, использующих телекоммуникации и компьютерные технологии. Как негативное последствие феномена «одиночества на публике» депрессивные люди становятся крайне пассивными – малоподвижными и вялыми. Поэтому они предпочитают «жить» в виртуальном пространстве. Потому что для жизни в реальной жизни общение с людьми требует активности, определённого количества энергии. В виртуальном мире почти все ожидаемые результаты могут быть достигнуты с минимальными усилиями. По

этой причине социальные сети, в основном развлекательные, сегодня становятся всё более популярными в интернет-пространстве.

Человек не может быть свободным от общества, живя в нём. Эта ситуация оказывает непосредственное влияние на всю работу человека, в том числе на его моральный облик, предъявляет определённые образовательные и традиционные требования к его поведению.

Известный узбекский писатель Абдулла Авлони (12.07.1874–25.08.1934) начинает свой трактат «Турецкий Гулистан или нравственность» следующим образом: «Нравственность – это наука, которая призывает людей к добру и запрещает зло. Книга, в которой с доказательствами и примерами объясняются достоинства хорошего и плохого поведения, называется моралью» [1]. При этом понятие «нравственный» имеет сакральную семантику [15, с. 336–353].

В современном плюралистическом обществе люди естественно придерживаются моральных норм в общественной жизни. У каждого общества, даже у конкретного человека, есть свои ценности и образ мышления в определённых сферах жизни. Но в современном обществе глобализации и культурных трансформаций были изобретены тысячи и один способ передать определёнными силами свои идеи или, точнее, навязывать идеологию, и это часто скрыто от человека-жертвы.

Сегодня в мире происходят глубокие изменения. Экономическая интеграция, глобализация и растущая взаимозависимость, сильная и повсеместная миграция населения, углубление изменений в социальной структуре общества происходят стремительно. В то время, когда происходят такие сложные изменения, конфликты, которые могут привести к межэтническим конфликтам в разных частях мира, все ещё развиваются. Существуют национальные, этнические, межнациональные отношения и проблемы и задачи в их решении, которые не могут быть решены старыми средствами и методами, использовавшимися в прошлом. Жизнь ставит на повестку дня новый подход к национальному вопросу и решительный отказ от старых путей.

Неоценима роль принципов и идей толерантности в проводимой Республикой Узбекистан государственной политики, а за годы независимости отношение к исконной природе толерантности узбекского народа получило дальнейшее развитие. Аналогичная миролюбивая национальная политика проводится в Российской Федерации и Луганской Народной Республике.

Молодым людям трудно иметь искреннюю дискриминацию, обращение и общение с людьми разных национальностей, культур и религий, не обладая такими качествами, как терпимость, терпение, выносливость. Ибо толерантность – это не уступка, тщеславие или лесть, но толерантность – это активное отношение, сформированное, прежде всего, на основе признания универсальных прав человека и основных свобод, включая прав души и духа человека, которые в конце XX – начале XXI в. были провозглашены и закреплены в четвёртом и пятом поколениях прав человека [7–9].

В заключение следует отметить. Споры вокруг волны негативной информации в мировом сообществе нарастают. Возрастает востребованность и значимость моральных и нравственных норм. «На какую информацию я могу положиться?», «Кто прав, а кто виноват?». Такие вопросы уникальны для каждого человека, который стремится к свободному обществу и духовно-нравственному совершенству.

Актуальность темы киберэкстремизма способствует появлению важных научных концепций для обеспечения безопасности информации, связанной с мировоззрением молодых людей, и защиты от угроз их духовному и моральному мировоззрению, для понимания его тонкостей, научного понимания и восприятия. Противостоять киберэкстремизму можно не только на законодательном уровне, но и с помощью культивирования духовно-нравственных ценностей среди населения и моральных и нравственных норм.

Список литературы

1. Абдулло Авлони. Турецкий Гулистан или нравственность. Ташкент : Учитель, 1992. 180 с.
2. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы III Международной науч.-практ. конф. Чита : ЗабГУ, 2019. С. 123–125.
3. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М. : Советская Россия, 1989. 704 с.
4. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Биосфера и ноосфера. М. : Айрис Пресс : Рольф, 2002. 573 с.
5. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект цифрового общества // Информационное общество: пределы и риски – прошлое, настоящее, будущее : материалы V Междунар. науч. конф. «Гуманитарные Губкинские чтения». Москва, 03.04.2020. Ч. 1 // отв. ред. О. М. Смирнова, ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. М. : Издат. центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2020. С. 209–216.
6. Ивентьев С. И., Рудаков А. Л. Права человека и манипуляции человеческим сознанием // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 20.06.2018, г. Волгоград. В 2 ч. Ч. 1. Уфа : АЭТЕРНА, 2018. С. 163–168.
7. Ивентьев С. И. Духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина. М. : Директ-Медиа, 2012. 143 с.
8. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека : монография. Новосибирск : Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 357 с.
9. Ивентьев С. И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // Казанская наука. 2010. № 3. С. 199–203.
10. Ивентьев С. И. Терроризм как искаженный (извращенный) и десакрализованный духовно-нравственный акт // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 06.06.2019, г. Уфа). Уфа : Изд-во ИП Кузнецов Н. В., 2019. С. 217–222.
11. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 42.
12. Мухамеджанова Л. А. Роль нравственного воспитания в развитии личности // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 2 (135). С. 123–133.
13. Новая философская энциклопедия / отв. ред.: Малахов В. С., Филатов В. П. М. : ТОН. Остожье, 1998. 544 с.
14. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2009. 570 с.
15. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 2. С. 336–353.

УДК 316.775.4
ББК 60.507

Д. В. Руденкин, Екатеринбург

Цифровая гигиена в фокусе анализа с социально-гуманитарной науки: основные векторы исследований и их эвристические возможности¹

Работа написана в теоретико-методологическом жанре, ее ключевая цель – аналитическая ревизия основных направлений изучения цифровой гигиены, которые к настоящему моменту сложились в рамках социально-гуманитарной науки. Замысел работы вдохновлен стремлением автора преодолеть аналитическое противоречие между растущей актуальностью исследований цифровой гигиены и отсутствием у социально-гуманитарной науки устоявшегося аналитического инструментария, который мог бы стать основой для исследований в соответствующей области. Автор стремится сделать шаг в преодолении этого противоречия и провести ревизию текущих наработок социально-гуманитарной науки в области изучения цифровой гигиены. Обращаясь к анализу актуальных научных работ, выделяются направления исследований цифровой гигиены, которые получили наибольшее распространение в зарубежной и российской науке, а также проводит критическую оценку их эвристических возможностей и ограничений.

Ключевые слова: интернет, цифровое общество, информационное общество, цифровая культура, цифровая гигиена

D. V. Rudenkin, Yekaterinburg

Digital hygiene in the focus of analysis of social science: Key research vectors and their heuristic possibilities²

The paper is prepared in the genre of theoretical and methodological analysis. It is devoted to the analytical revision of main vectors of the analysis of digital hygiene in contemporary social science. The idea of the paper is inspired by the author's desire to overcome the analytical contradiction between the growing relevance of digital hygiene research and the lack of an established analytical toolkit which could become the basis for research in the relevant field of social science. In his paper, the author seeks to take a step in overcoming this contradiction and to revise the most popular approaches to the analysis of digital hygiene, which have become common for social science. Using the analysis of current scientific literature, the author identifies key areas of research of digital hygiene in Russian and foreign science and evaluates their heuristic capabilities and limitations.

Keywords: Internet, digital society, information society, digital culture, digital hygiene

Основная цель данной работы – проведение теоретико-методологической ревизии основных подходов к изучению цифровой гигиены, которые в настоящее время сложились в рамках социально-гуманитарной науки. Тематика цифровой гигиены в настоящее время становится все более популярным направлением социально-гуманитарных исследований. Собственно, под цифровой гигиеной в актуальных исследованиях обычно понимается некий перечень навыков поведения в интернете, наличие которых позволяет человеку избегать опасностей и рисков, существующих

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32166

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of scientific project No. 21-011-32166

щих в виртуальном пространстве [2]. И не удивительно, что в последние годы исследователи стали проявлять все больший интерес как к диагностике развития таких навыков у различных социальных групп [8], так и к выявлению факторов, от которых это развитие может зависеть [3]. Стремительное развитие информационных технологий и их прогрессирующее проникновение во все новые грани социальной реальности существенно меняет правила жизни общества, провоцируя обострение целого ряда новых рисков и угроз, которые ранее не только не были известны, но и не существовали. Не удивительно, что запрос на исследования цифровой гигиены в социально-гуманитарной науке в настоящее время становится все более отчетливым и выраженным: очевидная социальная значимость проблемы превращает ее в востребованный объект научного анализа. Тем не менее, относительная новизна темы и традиционная для социально-гуманитарной науки полипарадигмальность пока препятствуют превращению разрозненных исследований цифровой гигиены в полноценное аналитическое направление. Многочисленные исследования в соответствующей области ориентированы на достижение разных целей, опираются на различные методические традиции и относительно редко подвергаются полноценному обобщению. Фактически можно говорить о существовании важного противоречия между прогрессирующей актуальностью исследований цифровой гигиены и отсутствием у социально-гуманитарной науки устоявшегося аналитического инструментария, на который такие исследования могли бы опираться. В своей работе мы стремимся сделать шаг в преодолении этого противоречия.

Перспективный шаг на пути преодоления этого противоречия – проведение теоретико-методологической ревизии тех ракурсов исследования цифровой гигиены, которые уже обозначились в социально-гуманитарной науке. Проведение подобной аналитической работы дает возможность систематизировать разрозненные наработки отдельных исследователей и представить их как целостное (пусть, возможно, и несколько эклектичное) исследовательское поле. В результате возникает возможность решения сразу нескольких задач, каждая из которых важна для дальнейшего развития социально-гуманитарных исследований в области цифровой гигиены. Во-первых, по итогам обобщения имеющихся наработок можно уверенно судить о том, какие ракурсы анализа цифровой гигиены уже получили значительное внимание ученых, а какие нуждаются в более детальном внимании. Во-вторых, ревизия имеющихся наработок позволяет проследить типические цели, которые ставят в своих исследованиях ученые, и разобраться в управленческих вопросах, на которые они стараются реагировать. В-третьих, подобная работа с актуальной литературой позволяет судить о том, какие концептуальные установки и методические решения встречаются в различных исследованиях чаще прочих, и оценить, какие из них потенциально могут рассматриваться в качестве типических для научных проектов в соответствующей области. Таким образом, понимая широкие аналитические возможности, которые на данном этапе может открыть систематизация раз-

розненных научных работ, мы обратились к анализу актуальной научной литературы, посвященной социально-гуманитарному анализу цифровой гигиены.

В фокусе нашего анализа оказались работы, посвященные исследованию цифровой гигиены, которые были опубликованы в зарубежной и российской академической литературе в течение пяти лет, непосредственно предшествовавших проведению нашего исследования. Ограничение отбора литературы именно границами последних пяти лет позволяло нам соблюсти баланс между обеспечением должной глубины анализа и необходимостью фокусировки внимания именно на актуальных работах, релевантных современному состоянию развития науки. При этом, принимая во внимание многочисленность и очевидную неравномерность качества научных трудов, которые могли обращаться к изучению цифровой гигиены за последние пять лет, мы решили сфокусировать свой интерес только на тех из них, которые были проиндексированы хотя бы в одной из систем научного цитирования – Scopus, Web of Science или РИНЦ. Разумеется, мы не воспринимаем сам факт цитируемости работы как однозначный маркер ее качества, однако в данном случае этот показатель стал важным формальным критерием, опираясь на который мы смогли выполнить отбор. Всего в поле нашего внимания оказались 86 научных работ по теме цифровой гигиены, индексируемых в базе Scopus, 95 работ, индексируемых в базе Web of Science, и 73 работы, индексируемые в РИНЦ. Подчеркнем важное обстоятельство: в дальнейшем в ходе своих рассуждений мы будем ссылаться не на все из этих работ, а только на те, которые посчитали наиболее показательными и уместными примерами. При этом, несмотря на то что жанр краткой научной работы не позволяет нам процитировать такой объем источников, важно учитывать, что цитируемые далее по тексту источники – лишь яркие примеры развития соответствующих направлений исследования, тогда как сами эти направления представлены и другими трудами.

Выполненный анализ литературы показал, что в зарубежной науке в настоящее время устоялось как минимум три выраженных вектора анализа цифровой гигиены. Рассмотрим подробнее сущность и эвристические возможности каждого из них.

- Первый вектор. Рассмотрение цифровой гигиены в контексте стрессов и негативных психических влияний, порождаемых информационной средой. Соответствующий исследовательский ракурс представлен в работах многих зарубежных исследователей [11; 14]. Очевидная перспективность соответствующих исследований – в том, что они не только поднимают вопрос о психических реакциях человека на угрозы информационной среды и позволяют оценивать фактические последствия отсутствия цифровой гигиены. Ограниченность же подобных исследований – в их узком психологизме: фактически речь в подобных работах идет лишь о частных психических аспектах цифровой гигиены.

- Второй вектор. Изучение цифровой гигиены в контексте реализации общих здоровьесберегательных практик человека. Фактически интерес к цифровой гигиене в этом контексте исходит от врачей [10; 12]. Типичными сферами интереса в контексте таких исследований становятся профилактика интернет-зависимости, минимизация вероятности пересечения с деструктивным контентом в интернете и другие схожие проблематики. Вероятно, существенным преимуществом подобных исследований можно считать ярко выраженную прикладную направленность и ориентацию на прослеживание четких связей цифровой гигиены с общими практиками здоровьесберегательного поведения. С другой стороны, аналитическая уязвимость подобных исследований – в их некотором догматизме: фактически само присутствие в информационном пространстве рассматривается в подобных трудах как комплексный риск, создающий жизни человека риски и угрозы.

- Третий вектор. Рассмотрение цифровой гигиены в контексте восприятия недостоверной, спекулятивной и ложной информации, распространяемой в интернете. Пожалуй, это оказалось наиболее новое направление изучения цифровой гигиены, распространившееся в зарубежной науке. Сама цифровая гигиена в подобных работах рассматривается как некое системное качество человека, позволяющее ему проявлять разборчивость в восприятии информации [9; 13]. Можно отметить, что исследования, в которых вопрос о цифровой гигиене, поднимается именно в таком контексте, оказались перспективны и востребованы в выраженной прикладной ориентации и острой контекстуальной актуальности на волне борьбы с ложными новостями и манипуляциями информацией, которые стали заметны в зарубежных странах. Сложность однако в том, что само понятие цифровой гигиены в таких работах несколько вульгаризировано: авторы охотно употребляют его в самых разных контекстах, но далеко не всегда сопровождают его использованием должными концептуальными пояснениями.

Анализ показал также, что в российской науке на данный момент выделяются несколько иные векторы анализа цифровой гигиены. Российская наука обратилась к анализу проблематики цифровой гигиены несколько позже иностранных ученых, поэтому на данный момент обладает меньшим количеством наработок, а само понятие «цифровая гигиена» звучит в отечественном научном сообществе реже, чем за рубежом. Тем не менее, ряд примечательных работ в этой области российскими учеными уже был опубликован. Среди российских исследователей, обращавшихся к тематике цифровой гигиены, обозначились несколько ключевых направлений:

- Первый вектор. Обращение к теме цифровой гигиены в контексте педагогических исследований и методических разработок в области образования [1; 5; 6]. Характерно, что в российском обществоведении вопрос о цифровой гигиене часто ставится в контексте работ, которые пишут педагоги. Цифровая гигиена анализируется в таких трудах как комплексная компетенция, которая может быть развита у учеников и студентов. Несомнен-

ная эвристическая ценность этого подхода – в его ориентации на включение работы по развитию навыков цифровой гигиены в образовательный процесс. Однако проблема в том, что сама цифровая гигиена в подобных исследованиях обычно трактуется довольно узко – в основном как система навыков по работе с информацией в интернете, тогда как правовые и этические аспекты цифровой гигиены затрагиваются в таких работах крайне редко

- Второй вектор. Цифровая гигиена как аспект информационной безопасности бизнеса и государства [4; 7]. Этот специфический аспект анализа цифровой гигиены довольно редко встречается в зарубежных исследованиях, но оказался востребован в России. Цифровая гигиена в таких исследованиях рассматривается как комплексное качество человека, позволяющее ему вести себя в информационном пространстве так, чтобы минимизировать риски и издержки для себя, своего работодателя и государства. Отсутствие или слабое развитие цифровой гигиены в этом контексте описывается как патология и угроза. Вероятно, существенная аналитическая ценность таких работ – в относительной системности взгляда на информационную гигиену: в них четко обосновывается мысль, что несоблюдение цифровой гигиены создает риски не только для самого человека, но и для общества. Однако явный недостаток таких работ – в некоторой хаотичности работы с самим понятием «цифровая гигиена», которое в них практически не поясняется и не рассматривается как комплексный теоретический конструкт.

В целом анализ литературы показал, что и зарубежным исследованиям цифровой гигиены, и отечественным, свойственны ряд общих черт. Во-первых, проблематика цифровой гигиены чаще всего звучит в научных работах лишь косвенно и возникает в контексте анализа более глобальных проблематик: цифровизации общества, цифровой экономики, психологических эффектов цифровизации и других проблем. Во-вторых, исследовательская практика в области цифровой гигиены в настоящий момент разрознена: само понятие «цифровая гигиена» употребляется в контексте тематически разных исследований, авторы которых не всегда учитывают наработки друг друга, поэтому единая теория, применимая для изучения цифровой гигиены как самостоятельного феномена, выстраивается сложно. В-третьих, как в российских, так и в зарубежных исследованиях заметен существенный прикладной дисбаланс: цифровая гигиена оказывается объектом многочисленных эмпирических исследований, но полноценных теоретических работ, которые были бы посвящены самой цифровой гигиене как комплексному феномену, практически нет. В-четвертых, пока интерес к проблематике цифровой гигиены чаще проявляют представители наук с выраженной прикладной ориентацией: психологи, педагоги, врачи. Интерес со стороны социологов, философов, культурологов прослеживается намного реже. Этот дисциплинарный дисбаланс ведет к слабой изученности цифровой гигиены как самостоятельного феномена. В различных отраслях социально-гуманитарной науки обозначено четкое представление о том, зачем нужна

цифровая гигиена, но представление о том, какие именно навыки включает в себя цифровая гигиена, распространено намного слабее.

Подводя общий итог проделанному анализу, мы можем отметить, что, несмотря на относительную новизну темы цифровой гигиены она уже привлекла внимание значительного числа исследователей из разных отраслей социально-гуманитарной науки. Наш анализ подтвердил проблему, которую мы констатировали в самом начале работы: многочисленные исследования цифровой гигиены действительно довольно разрозненны и сложно выстраиваются в единое аналитическое направление. Тем не менее, проведенный анализ показал, что проблема цифровой гигиены в настоящий момент представляет значительный интерес для науки и в рамках отдельных направлений исследована уже довольно глубоко. И нам хочется верить, что представленный здесь теоретико-методологический анализ сможет стать важным аналитическим ресурсом для развития дальнейших исследований в этой области.

Список литературы

1. Блинова О. А. Подростковый онлайн-дискурс и практики цифровой гигиены // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность : сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа, 2020. С. 341–347.
2. Гаврилова Т. В., Григорьева А. Н. Цифровая гигиена или как не стать жертвой мошенников в сети // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 2–3 (70). С. 20–22.
3. Калмыкова С. В., Абушова Е. Е. Аспекты социальной и экономической безопасности в эпоху цифровизации // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1 (126). С. 310–315.
4. Лысенко А. В., Соболев П. Цифровая гигиена фирмы, как превентивные меры от финансового мошенничества в информационной среде // Инновационная экономика и общество. 2020. № 1 (27). С. 52–57.
5. Мартынова М. Д. Цифровая гигиена в рамках парадигмы стратегий нравственного развития личности в условиях глокализации // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2020. Философия. Этика. Практика : материалы конф. Санкт-Петербургский государственный университет, 19–21 нояб. 2020 г. / отв. ред. В. Ю. Перов. СПб., 2020. С. 58–60.
6. Молодцова И. А., Сливина Л. П. Особенности адаптации z-поколения к цифровой среде: информационная гигиена // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2019. № 4. С. 20–21.
7. Прокофьев О. В. Тенденции развития информационных технологий и новое поколение профессионалов // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 53–3. С. 83–86.
8. Цифровая гигиена граждан / Ю. В. Чемоданова, А. М. Федоткин, К. В. Сорокина, Д. С. Андреев // Colloquium-journal. 2019. № 22–6 (46). С. 20–23.
9. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31, N 2. P. 211–236.
10. Gálík, S. Influence of cyberspace on changes in contemporary education // Communication Today. 2017. N 1. P. 30–38.
11. Khazaal, Y. Mental Health apps: Innovations and challenges // Revue Medicale Suisse. 2019. N 15(663). P. 1650–1656.
12. Sklar A. Sound, Smart, and Safe: A Plea for Teaching Good Digital Hygiene // Learning landscapes. 2017. Vol. 10, N 2. P. 39–43.
13. Taecharungro V. User-generated place brand identity: harnessing the power of content on social media platforms // Journal of Place Management and Development. 2019. Vol. 2, N 1. P. 39–70
14. Thomson D. Managing allergens in a digital world // Perspectives in Public Health. 2019. Vol. 139, N 6. P. 289–291

УДК 141.82
ББК 87.6

Г. Ю. Шмонин, *Иркутск*

Метаморфоза марксистской концепции антикапиталистического сопротивления

Прослеживается тенденция и эволюция марксистской мысли. Потенциал развития актуализованного марксизма в XXI в. сводится к познанию виртуального пространства, его сущности. Современное направление неомарксизма призывает отказаться от каких-либо взаимодействий с капитализмом, тогда как классическая марксистская концепция внушает мысль революционной борьбы. Намечается предполагаемый исход реализации виртуального пространства, угроза современности – капиталистическая гегемония.

Ключевые слова: марксизм, виртуальная реальность, капитализм, неомарксизм, классовая борьба.

G. Y. Shmonin, *Irkutsk*

The metamorphosis of the Marxist concept of anti-capitalist resistance

The trend and evolution of Marxist thought are traced. The potential for the development of actualized Marxism in the XXI century is reduced to the knowledge of the virtual space, its essence. The modern trend of neo-Marxism calls for abandoning any interaction with capitalism, while the classical Marxist concept inspires the idea of a revolutionary struggle. The expected outcome of the implementation of the virtual space is outlined, the threat of modernity is capitalist hegemony.

Keywords: Marxism, virtual reality, capitalism, neo-Marxism, class struggle.

Без сомнения, авангард мысли реального гуманизма принадлежит К. Марксу. Поднятый в лице общемирового исторического течения, с прогрессом общества, и порок того же общества – его капиталистический удел (социальная универсалия подчинения); подробно обоснован теорией марксизма. В XXI в. идеи марксизма не только сохранили свою актуальность, в дополнение, они ожесточили борьбу истины с реальностью общественного устройства. Промышленная революция как ресурс переходного социально – экономического развития обостряет возможность поиска социальной грани в обществе классов. Обостряет поиск, как наличия межклассовых противоречий, так и само бытование классов.

«Общественное бытие определяет сознание людей...» пишет К. Маркс [5], подчеркивая значимость характера человеческих взаимоотношений. Человек, в отношении существа детерминирующего свое развитие, позволил сделать акцент на экономической основе (базисе) его существования. Появлением капиталистических отношений, посредством промышленной революции в Англии (вторая половина XVIII в.), и переустройством мира на более ожесточенный антагонистический механизм, общественное бытие обрело непримиримую смысловую истину. Другими словами, капитал, взятый за основу средства прогресса, ужесточил социальную стратификацию общества, – а вместе с ней и человеческое бытие.

Принимая во внимание историческую закономерность – неизбежность прогресса; проблема приняла масштаб глобализма. Та эгоцентричная орга-

низация государственной политики, в долевом отношении производства социальных благ, для существования общества (доля участия пролетариата в ней), исключительно в рамках – выживания класса, по закону антропологии; обретает общепринятый характер устройства государств мира. Прагматизм антагонистического всеединства, существовавший вплоть до 1917 г., выказал несвойственную, пережившую себя кульминацию общества, которому марксизм объявляет войну.

Свойственный буржуазному пороку уклад общественного бытия, необходимо ведет к непримиримой борьбе классов, к принятию волевых действий, на пути освобождения из капиталистических оков угнетения, которые исходят от пролетариата: «действие, направленное на его уничтожение...», писал В. И. Ленин [4].

Общество, находясь в непрерывном интеллектуальном, культурном, социальном и технологическом развитии, с современным потенциалом, вызывающего проблемы актуального, также, требует совершенно нового подхода к осмыслению. Ортодоксальность общества цифровой революции требует той новизны, присущей ему, детерминирующего консолидацию социальных связей XXI в.

Цифровая революция породила термин «виртуальная реальность». Инновация привнесла в человеческое бытие перемены и ознаменовала появление новых социальных отношений. Не имеет основания та мысль, наводящая на неприменимость и старомодность истории философии, в частном отношении. Подобие таких терминов к философии не применимы, напротив, губительны. Уникальность философской мысли состоит в ее накопленном концептуальном арсенале, в перспективе ее развития; философской метаморфозы. Антипод «закостенелости» мысли, отсутствию ее актуальности. «И почему историческое детство человечества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью», писал К. Маркс [7]. Развитие марксистской концепции, в том числе, ее прагматизм, в частном осуществлении; показывают пример особенности философской теории, рассматриваемой в нескольких направлениях: не только, исключением, книжного «академического гетто» [2], в который ушел марксизм после событий 1991 г. в России, но и реальной политической борьбы.

Общая виртуализация социальных связей настораживает запутанностью и ее таинством. До конца не раскрытый механизм реализации реальности и его отпечаток на общественной жизни, заостряет внимание на поиске и определении социальной стратификации. Если в классическом определении марксизма мы имеем дело с непримиримой борьбой за смысловую истину общественного существования, точнее путь его дальнейшего социального устройства, в призме двухформатной демаркационной линии классово-вой борьбы; то в виртуальной реальности классическая социальная грань приобретает усложненный, латентный характер. В теории марксизма определение социальной стратификации сводится к выделению двух классов, по пути их гегемонии над другими поглощенными, в их сущности, классов. Ф.

Энгельс выделяет класс крупных капиталистов (буржуазия), владельцев всех жизненных средств; и класс совершенно неимущих (пролетарии), вынужденных продавать свой труд [6]. Под совершенно неимущими понимается эгоцентричное социальное положение трудового человека. Такие социально-экономические условия, при которых пролетарий становится продуктом капитализма – средством производства, предметом общественной жизни. Семантически труд, как таковой, сохраняет свою полезность как конечного результата; однако в существенном понимании капиталистического критерия является условием выживания для пролетария и полезности труда для буржуа. Такое а priori несправедливое отношение и экономическое господство исключительно одного класса отвергает всякую созерцательность человека; общественную полезность труда. Ставку, на которую делает К. Маркс.

Поиск социальной грани и выделения социальных классов, по шаблону классического марксизма, в виртуальном пространстве, по сути его неопределенности, затруднен. Не говоря о вопросе взаимоотношения марксистской концепции и виртуального. Так, выделение аналитической акцентуации, проводящей грань развития актуализированного марксизма, сводится к исследованию виртуального пространства. Вопрос состоит в определении субъектного соотношения. Проблема субъекта борьбы должна быть дополнена проблемой пространства борьбы [8]. Новизна классовой борьбы, как марксистская метаморфоза, заключается в определении и осмыслении виртуальной реальности.

Развитие марксистской концепции за столетний период (с 1920-хх гг.) детерминируют применимость теории, ее потенциал. Философские труды (Д. Лукач, Г. Маркузе, М. Хардт, А. Нерги и др.), посвященные данной теме, сводятся к «первородному» определению проблем капитализма. Несмотря на разность XIX и XXI вв., и глобальный информационный прорыв, капиталистическая обоснованность общественного устройства продолжает существовать. Большой вклад в актуализацию марксистской мысли, привнесла Франкфуртская школа неомарксизма. Представители неомарксизма расширили марксистскую теорию овеществления, применив ее не только к труду, но и к сфере сознания и обществу [8]. В том числе, неомарксизм заменил привычную для классического определения идею революции на концепт культурной революции, своего рода пути самоорганизации и самоопределения общественных масс. Антипод волевым действиям, акту борьбы.

Большой вклад на развитие концепции, сыграли философские труды современных неомарксистов, последователей Франкфуртской школы, М. Хардта и А. Нерги, раскрывающие проблему антикапиталистического сопротивления в XXI в. Мнение авторов сводятся к «бегству» от политического противоборства с властью капитала. Если классический марксизм объявляет непримиримую войну с капитализмом, принятие действий пролетариата, направленных на свержение власти буржуа (революцию), освобождению человеческого труда от оков подчинения. Если в классике борьбы мы прослеживаем историческую миссию пролетариата, требующую от него

революционной смелости, отваги, мужества, и ненависти к угнетателям. Применяем исторически обоснованную, насильственную позицию пролетариата, говоря словами В. И. Ленина, являющейся таковой: «пролетариат нигде еще в мире и ни разу не выпускал из рук оружия, когда начиналась серьезная борьба, ни разу еще не уступал проклятому наследию гнета и эксплуатации без того, чтобы помериться силами с врагом». Истинно верная внушаемая мысль о субъектном соотношении классово-борьбы, не дающая покоя власти капитала, преуспевает в достоинстве класса пролетариев, в плане насильственной защиты своего социального положения; замечая, что для политической истории, являющейся традиционной. Акцептируем на не принятии мысли о положении пролетариата в буржуазном обществе, требующего от него смирения, покорности и послушания, возводя эти качества в высшую добродетель, а в реалии такие «добродетели» несут признаки раба. Однако догматически неомарксизм проповедует смиренность, своего рода безысходность классово-борьбы, гегемонию капиталистического процветания.

Некоторая периферия, определенная теорией современного неомарксизма, концептуализировала «антропологический исход». В условиях информационного общества неомарксистов привлекла возможность формирования нового жизненного пространства, в котором «контроль над сетями коммуникации становится основным предметом политической борьбы», как отмечают М. Хардт и А. Нерги [10]. Виртуальная реальность – единственный выход из подконтрольной капиталом системы социального устройства. Приведенное умозаключение неомарксистской теории XXI в. можно сравнить с «обломовщиной» И. А. Гончарова, в отношении отсутствия сосредоточенности, прагматичности «революционной» борьбы. Революционная борьба здесь употребляется в смысле волевых актов противоречия с капитализмом. Когда как, неомарксизм призывает уйти в сторону, отказаться современным силам сопротивления в каком-либо взаимодействии с капитализмом. «Акт отказа от отношений с сувереном есть своего рода исход, уход от сил подавления, порабощения и угнетения в поисках свободы» [10]. С одной стороны, самоорганизация и самоопределение масс, в вопросе культурной революции, и всеобщим отказом от любых капиталистических связей, раскрыла механизм, принципиально нового определения марксизма. С другой, неомарксизм окончательно преодолевает традиции классики марксистского дискурса.

Девиантность Франкфуртской школы марксизма, и ее последователей, заключается в «левом фронте» по отношению к классическому течению мысли. Ознаменованные перемены в теории явились следствием технологического прогресса, являются следствием развития общества. Пассивное порицание капитализма нельзя назвать ортодоксальным марксизмом. Догматический отказ от ангажирования в привычную политическую борьбу, приводит неомарксизм к поиску альтернативы. Мысль актуализированного марксизма сводится к поиску применимости теории, которой становится виртуальная реальность. Сразу заметим, что злокачественная нагота капи-

тализма, в связи с глобализмом, заключается в ее политической страховке, по принципу: любая власть будет себя защищать. Любая форма и вид общественной эмансипации при капиталистическом устройстве, подлежит незамедлительной «аннексии» капиталом.

Рассматривая вопрос формы трудовой стоимости постиндустриального общества, как формы современного нематериального труда, примененного в условиях новой социальной реальности, отечественный ученый В. В. Орлов концептуализировал новую форму трудовой стоимости – «компьютерный труд» [9]. Компьютерный труд, как новое средство производства, являясь следствием развития информационного общества, становится неотъемлемой частью виртуального пространства. Предписания новизны виртуального, позволяют предположить будущее компьютерного труда и его соотношение с формой трудовой стоимости. Так, компьютерный труд может стать практической реализацией марксистского «всеобщего труда».

Сконцентрировав внимание на IT – технологиях, и форме нового пространства (IT – сообщества), проанализировав потенциал современного неомарксизма, рассмотрим основополагающий критерий марксистской теории – классовых противоречий. Критерием расслоения общества К. Маркс считал уровень дохода и владение собственностью на средства производства. Несмотря на авангард марксистской мысли, социология дополнилась работами таких ученых, как М. Вебер, П. Сорокин, Э. Гидденс. Говоря о социальном ранжировании, ученые выделяют два основных критерия социальной стратификации: доход (богатства), как экономический критерий; и власть (уровень влияния на членов общества), как политический критерий. Социальная грань, определение классовых противоречий в виртуальном, сводится на сущность IT – технологий. Другими словами, информатизация общественной жизни, равно как и виртуализация, порождают критическое сознание. Проблема информатизации всеединства сводится к ее использованию, применению. Таким образом, люди, понимающие тонкую материю производства виртуального пространства, могут получить высокооплачиваемую и ценную работу в современных корпорациях [3]. Тогда, как критицизм IT – технологий, в лице акторов, становится новым критерием социального ранжирования.

По мнению французского социолога А. Турена, стандартные критерии социальной стратификации устарели. Общество, находясь в технологическом развитии, претерпело изменения, в том числе с процессами информатизации и виртуализации. Ученый предлагает определять страты по доступу к информации. Таким образом, чем шире спектр получаемой человеком информации, тем выше его социальный статус [1].

К примеру, социальное неравенство в виртуальной реальности, на основании экономического критерия, может служить владение той или иной IT – компанией. Такие компании, как правило, коммерческие, основной целью которых является извлечение прибыли. Другими словами, власть капитала, являющаяся стимулом трудовой деятельности, порождает традицион-

ный критерий классовых противоречий. Любая форма и вид общественной эмансипации при капиталистическом устройстве, подлежит незамедлительной «аннексии» капиталом. Виртуальная реальность, как пространство созидания свободной жизни, неоспоримо становится жертвой капитализма.

Несмотря на организацию нового социального пространства, наличие факторов, позволяющих акцентировать и определить критерии социального ранжирования; виртуальное пространство приобретает материально-ценностный характер, как повод классового противоречия; возвращая нас к классической интерпретации марксистской концепции.

Список литературы

1. Ален Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Науч. мир, 1998. 204 с.
2. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М. : Алгоритм : Эксмо, 2005.
3. Колодин Д. В. Социальная стратификация в виртуальных социальных сообществах // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 207–213.
4. Ленин В. И. ПСС. В 55 т. Т. 29. М., 1963. 782 с.
5. Маркс К. Предисловие к «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1948. Т. 1. С. 320–324.
6. Маркс К., Фридрих Э. ПСС. В 50 т. Т. 4. М., 1955. 638 с.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.
8. Михайловский В. С. Маркс и виртуальная реальность: эволюция пространства антикапиталистической борьбы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 1. С. 23–31.
9. Орлов В. В. Марксизм и постиндустриальное общество // Вестник Вятского государственного университета. 2010. Т. 4, № 4. С. 55–60.
10. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004

УДК 303.4.02
ББК 60.5

Е. В. Щекотин, *Новосибирск*

Цифровая реальность и изучение качества жизни населения: онтологические и гносеологические аспекты¹

Рассматриваются перспективы исследования качества жизни в условиях цифровой реальности. Отмечается, что цифровые технологии сами по себе выступают как значимый фактор качества жизни людей, так как они создают новые возможности для облегчения жизни людей и генерируют новые риски, обусловленные негативными последствиями стремительного проникновения цифровых технологий в пространство повседневной жизни. Делается вывод, что цифровая реальность открывает новые познавательные возможности для изучения качества жизни, новые источники информации (цифровые следы пользователей).

Ключевые слова: качество жизни, благополучие, социальные сети, цифровизация, цифровая социология

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00391.

E. V. Shchekotin, *Novosibirsk***Digital reality and the study of the quality of life of the population: ontological and epistemological aspects¹**

The article considers the prospects of studying the quality of life in the conditions of digital reality. It is noted that digital technologies themselves act as a significant factor in the quality of people's lives, as they create new opportunities to facilitate people's lives and generate new risks caused by the negative consequences of the rapid penetration of digital technologies into the space of everyday life. Also, digital reality opens up new cognitive opportunities for studying the quality of life, new sources of information (digital traces of users).

Keywords: quality of life, well-being, social networks, digitalization, digital sociology

Развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает огромное влияние и на исследования в области качества жизни и благополучия. Это влияние носит двойственный характер – с одной стороны, информационно-коммуникационные технологии изменяют сам образ жизни людей, генерируют массу новых возможностей для человека, которые трансформируют образ жизни на уровне повседневно-бытовой активности, облегчают выполнение рутинных действий, преодолеть многие ограничения, например, связанные с коммуникацией через пространство, особенностями здоровья человека и т. п., тем самым способствуя повышению качества жизни [1].

С другой стороны – эти технологии создают предпосылки для применения в социальных науках и практике государственного управления новых методологических инструментов, которые обобщаются термином «цифровая социология» [2], и многие из которых уже используются для исследования качества жизни. Помимо опросного метода, который сегодня является основным в изучении качества жизни, сегодня активно используются данные о поведении пользователей в интернете, а также информация, которую пользователи размещают в социальных сетях. Таким образом, для исследований качества жизни цифровые технологии важны не только с точки зрения изменения образа жизни людей, трансформации труда, социальных институтов и тому подобных процессов, получивших наименование цифровой трансформации, но и с точки зрения обновления методологии научного познания.

Как отмечает О. В. Крыштановская, «раньше мы изучали социальные группы путем физического соприкосновения: надо было подойти к человеку, задать ему вопросы, получить ответы, закодировать их, ввести коды в компьютер, создать матрицы, подвергнуть их статистическому анализу, декодировать и интерпретировать. С распространением социальных сетей появилась возможность проводить опросы онлайн, затрачивая на это меньше ресурсов, экономя время и собирая значительно большие объемы информации. Такого рода опросы подвергались критике со стороны профессионального сообщества в связи с тем, что невозможно было доказать репрезента-

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20–011–00391.

тивность таких выборов. Однако постепенно стали проступать контуры новой социологии – социологии, связанной с цифровой эпохой, с новыми методами сбора и обработки информации» [3. С. 5]. О. В. Крыштановская называет цифровую социологию «бесконтактной», ее особенность в том, что социологи никого не спрашивают, они получают информацию из потока сообщений, из открытых источников. «Можно не выполнять традиционные манипуляции, если люди в социальных сетях и блогах и так высказываются относительно всех политических событий. Можно не спрашивать их об этом, если они сами пишут свое мнение, не ожидая анкет социологов» [3. с. 6].

В цифровой реальности возникает совершенно новый источник информации о поведении и чувствах людей – это цифровые следы, т. е. все те действия, которые мы совершаем в интернете. Цифровые следы человек оставляет, когда посещает какой-то сайт или просто ищет информацию в поисковой системе, когда подключается к беспроводным локальным сетям (Wi-Fi) и т. д. Однако можно утверждать, что наиболее важным источником данных о чувствах, настроениях, переживаниях, мнениях и поведении людей на сегодняшний день являются социальные медиа.

Социальные медиа как источник социологической информации обладают своими достоинствами и недостатками в сравнении с традиционными опросными методами. Так, С. Санчес, М. Краглиа и А. Брегт рассматривают Twitter как источник данных о различных социальных индикаторах и предлагают использовать эти данные для измерения качества жизни [4]. В своей работе С. Санчес, М. Краглиа и А. Брегт исследуют только один индикатор качества жизни, который используется в модели Better Life Index – это коммуникация с политиками. Достоинствами метода измерения качества жизни по данным Twitter, по мнению авторов, является более высокая степень детализации распределения оценок пользователей во времени и пространстве, т. е. полученная информация является более подробной и точной. Эти данные доступны в любой момент – данные можно получать в реальном времени. Также достоинством этого метода является быстрота реализации проекта исследования, относительно невысокая стоимость (за счет экономии на расходах на проведение опросов) и гибкость методологии – данный метод позволяет легко подстраиваться под поставленные задачи, в то время как опросы включают в себя фиксированные вопросы, что облегчает сравнение результатов и повторные исследования, но в случае изменения целей анализа не позволяет гибко реагировать на актуальные запросы.

Главным недостатком Twitter как источника данных является проблемы, связанные с репрезентативностью выборки, – пользователи Twitter не представляют всего населения, более активными пользователями являются молодые граждане. Также есть некоторые сложности с определением местоположения пользователей, что также отражается на точности измерения. Авторы исследования приходят к выводу, что данные из Twitter вполне могут быть использованы для измерения социальных индикаторов и если пока еще не удастся нивелировать отмеченные выше ограничения, то совершен-

но точно эти данные могут быть использованы в качестве дополнения к результатам официальных опросов. Особенно это актуально для малых поселений, где официальные опросы не дают репрезентативных оценок населения.

М. Шобер с соавторами высказывают более осторожную точку зрения относительно возможностей анализа социальных сетей в качестве инструмента, который может заменить опросы и официальную статистику [5]. С одной стороны, очевидно, что анализ социальных сетей обладает огромным потенциалом для быстрого и доступного измерения не только тех аспектов, которые замеряют опросы, но и тех социальных явлений, которые никогда ранее не оценивались. В то же время возникает много вопросов о том, в какой мере анализ социальных сетей будет соответствовать результатам опросов, т. е. в какой мере он дает надежные данные. Решение этих вопросов далеко от окончательных выводов.

Основная проблема, по мнению авторов, заключается в том, что исследователи, занимающиеся анализом социальных сетей и опросами, имеют различный опыт, знания и языки описания. Так, ученые в области компьютерных технологий и инженеры используют широкий спектр методов для анализа данных в социальных сетях (такие как машинное обучение, анализ естественного языка, лексический анализ), социальные исследователи ориентируются на методы социологических опросов («золотой стандарт»). Сюда же подключаются исследователи из области коммуникации и медиа, рынка и потребительского поведения и т. д. Все это крайне усложняет ситуацию и нуждается в дальнейших обсуждениях и исследованиях.

В. И. Дудина и Д. И. Юдина видят главную трудность использования социальных сетей в качестве источника социологической информации в том, что отсутствует надежный статистически достоверный способ перенесения выявленных в процессе изучения «цифрового населения» закономерностей на все население в целом [6]. Выход из ситуации В. И. Дудина и Д. И. Юдина видят в совершенствовании инструментов анализа онлайн-текстов, и, в частности, разработку специфически социологических анализаторов, которые будут способны структурно воспроизводить традиционные опросы. От себя отметим, что темпы и размах цифровизации таковы, что не за горами тот момент, когда «цифровое население» сравняется с генеральной совокупностью.

Такая точка зрения хорошо иллюстрирует основную причину, препятствующую более активному использованию цифровых технологий в социологических исследованиях, – это интуитивный стремление социологов свети новые методы изучения социальной реальности к привычным и хорошо обоснованным стандартам, которые гарантируются тщательным следованием предписанным традиционной статистикой процедурам. Новые технологии требуют от исследователя более свободного и творческого взгляда, полета «социологического воображения», что вполне успешно реализуется в других научных дисциплинах (например, математика и физика) и сферах деятельности (например, в бизнесе).

Вместе с тем, несмотря на отмеченные методологические ограничения, исследование различных социальных процессов с помощью анализа социальных сетей становится все более популярным. Так, Э. Коди, А. Риган, П. Доддс и С. Данфорт утверждают, что изучение общественного мнения при помощи анализа текстов в интернете (в данном случае это Twitter), обладает такой же предикативной точностью, как и традиционные оффлайн опросы. Они полагают, что распространение социальных медиа создают предпосылки для проведения опросов общественного мнения, в которых не требуется приглашать респондентов к участию [7]. То есть исследователь получает возможность изучать мнение людей, которое они высказывают добровольно, по собственному желанию, без посредничества интервьюеров и использования заранее сконструированных опросных листов.

Таким образом, современные цифровые технологии открывают широкие возможности для измерения и оценки качества жизни с использованием цифровых следов пользователей. Можно выделить две основные исследовательские стратегии в том, что касается взаимодействия двух направлений исследований – информационно-коммуникативных технологий и исследований качества жизни и благополучия. Первая стратегия состоит в рассмотрении цифровизации как процесса проникновения информационно-коммуникативных технологий в жизнь общества и применительно к проблематике качества жизни соотносится с изучением возможностей, которые появляются в этой связи, для улучшения качества жизни людей.

Эту стратегию можно назвать экстериорной, так как цифровые технологии здесь выступают в роли внешнего фактора, который позволяет реализовать некоторые позитивные (или негативные) изменения в жизни людей. Такая установка реализуется в исследованиях, которые рассматривают социальные медиа как новое явление, которое оказывает воздействие на различные аспекты качества жизни и благополучия людей. Объекты цифровой реальности, и в частности, социальные сети выступают здесь как новые онтологические феномены. В этом качестве они создают как новые формы социальной жизни, так и кардинально трансформируют существующие.

Вторая стратегия отталкивается от понимания цифровизации как уже состоявшегося процесса и цифровых технологий как составного компонента повседневного существования людей, поэтому ее можно охарактеризовать как интериорную. В рамках этой стратегии информация о поведении пользователей в онлайн пространстве, виртуальном мире рассматривается как достоверный источник о качестве жизни и благополучии людей. Жизнь человека разворачивается одновременно в двух реальностях – в оффлайн (физическом мире) и в онлайн (информационном пространстве) и эти реальности взаимно детерминируют друг друга, плавно перетекая одна в другую.

Поэтому существование человека одновременно в двух реальностях необходимо рассматривать как комплексный и целостный феномен, в котором невозможно без упрощения и искажения отделить оффлайн жизнь от онлайн. Данная стратегия требует создания нового методологического ин-

струментария, присущего цифровой социологии (технологии больших данных, машинное обучение, анализ социальных сетей и т. д.) для сбора и обработки информации о качестве жизни в информационном измерении.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что сегодня цифровые методы вызывают значительный интерес у исследователей и получили определенное признание в качестве достаточно надежного инструмента изучения благополучия и качества жизни. Вместе с тем существует целый ряд серьезных аргументов, заставляющих относиться к исследованиям с использованием методов цифровой социологии, достаточно осторожно. Как нам представляется дальнейшее совершенствование технологической составляющей данных исследований позволит сделать их столь же точными, как и традиционные опросные методы в социологии.

Список литературы

1. Фомин М. В. Технологии качества жизни и постиндустриальная эпоха // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 139–146.
2. Щекотин Е. В. Цифровые технологии в социальных науках: предмет и метод цифровой социологии // Социология и право. 2020. № 1. С. 49–59.
3. Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 4–9.
4. Sanchez C. R., Craglia M., Bregt A. K. New data sources for social indicators: the case study of contacting politicians by Twitter // International Journal of Digital Earth. 2017. Vol. 10, Is. 8. P. 829–845.
5. Research Synthesis: Social Media Analyses for Social Measurement / M. F. Schober, J. Pasek, L. Guggenheim, C. Lampe, F. G. Conrad // Public Opinion Quarterly. 2016. Vol. 80, Is. 1. P. 180–211.
6. Дудина В. И., Юдина Д. И. Извлекают мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 63–78.
7. Public Opinion Polling with Twitter / E. M. Cody, A. J. Reagan, P. S. Dodds, C. M. Danforth. 2016. URL: <http://www.uvm.edu/pdodds/research/papers/cody2016b/>

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВИРТУАЛИЗАЦИИ

УДК 159.9
ББК 88.3

А. В. Алехина, *Ростов-на-Дону*

Социализация индивида в виртуальном пространстве

Исследуются условия виртуальности в современном обществе. Доказывается, что виртуальная идентичность человека формируется под воздействием социальных сетей и различных форумов. Анализируется поведение человека в реальном и виртуальном мирах. Изучаются модели поведения личности в разных ситуациях в сети Интернет, а также вопрос о влиянии видеоигр на психику пользователей.

Ключевые слова: виртуальное пространство, социальные сети, идентификация личности.

A. V. Alekhina, Rostov-on-Don

Socialization of an individual in the virtual space

The article analyzes the conditions of virtuality in modern society. It is proved that a person's virtual identity is formed under the influence of social networks and various forums. The analysis of human behavior in the real and virtual worlds has been carried out. The models of personality behavior in different situations on the Internet have been studied. The question of the influence of video games on the psyche of users is considered.

Keywords: virtual space, social networks, identity identification.

В настоящее время существование человека невозможно представить без виртуального пространства. При помощи социальных сетей, различных мессенджеров люди могут ежедневно общаться друг с другом, вне зависимости от того, сколько километров их разделяет. Интернет является незаменимым источником информации о совершенно любых интересующих вопросах в разных сферах – трудовой, учебной, туристической деятельности, досуга и других. В виртуальном пространстве Сети осуществляется не только коммуникация и жизнедеятельность современного человека, но как следствие формируется специфическая новая культура, а также формируются новые идентичности [1].

Социальные сети являются наиболее популярной платформой в сети Интернет, количество пользователей увеличивается ежедневно. Наибольшей популярностью они пользуются у подростков и молодежи, которым в

реальном мире часто очень трудно войти в контакт с новым человеком, рассказать о себе и своих интересах. Вместо этого можно часами сидеть на сайтах знакомств, возможно, представляться другим человеком, менять возраст, пол, примерять на себя разные роли.

Мнения психологов о данной ситуации разделились – одни рассматривают это как позитивную тенденцию, другие категорически против данного явления, ведь человек живет в реальном мире, и ему нужно взаимодействовать с другими людьми. Положительной стороной является то, что человек становится более самостоятельным, у него происходит формирование личности со своими взглядами, знаниями и убеждениями, психика становится более устойчивой к влиянию каких-либо факторов. Негативным фактором является то, что, реализуя себя в виртуальном пространстве, человек может «потеряться» в реальной жизни, и стереть грань между настоящим и онлайн миром. Таким образом, человек может стать не в полной мере приспособленным к реальной жизни в обществе.

На сегодняшний день в мире числится около 4,20 млрд пользователей социальных сетей. В 2020 г. данная цифра возросла на 490 млн человек, в процентах прирост составил – 13 %. В настоящее время общее количество пользователей социальных сетей составляет более половины от совокупной численности населения планеты.

Анализируя рисунок, можно сказать, что наиболее популярной социальной сетью в нашей стране является «ВКонтакте», где количество сообщений в месяц достигло 496,2 млн. Основной категорией лиц, пользующихся данной сетью, являются школьники и молодые люди в возрасте от 18 до 32 лет. На втором месте располагается не менее популярная социальная сеть Instagram. Количество сообщений составляет 265,2 млн, что меньше примерно на 46 % по сравнению с «ВКонтакте». Это объясняется тем, что приложение было основано для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети. В тройку лидеров вошла социальная сеть «Одноклассники», где количество сообщений – 108,6 млн. Основными пользователями являются люди в возрасте от 35 до 42 лет, на начало 2021 г. 30-й по популярности сайт в мире.

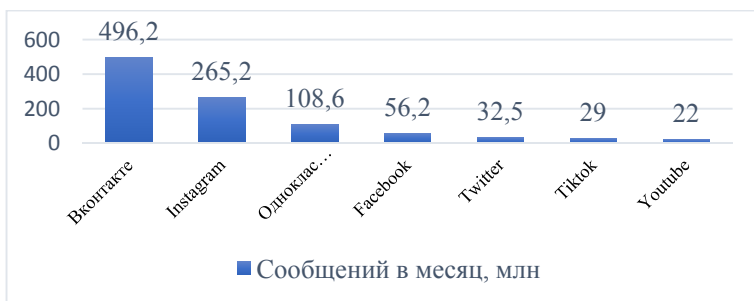

Рис. Социальные медиа в Российской Федерации по итогам 2020 г. [4]

Чтобы оценить уровень развития социальных сетей обратимся к статистическим данным, которые отражают важность и значимость интернет-платформ при взаимодействии индивидов:

- среднестатистический пользователь проводит около 2,5 часов в день в социальных сетях;
- более 50 % пользователей пользуются социальными сетями для анализа продукции;
- более 500 млн пользователей ежедневно просматривают истории на Facebook и в Instagram;
- около 50 % пользователей от общего количества предпочитают видеоконтент;
- реагирование на жалобы в соцсетях повышает лояльность клиентов на 25 %;
- чуть менее 50 % потребителей полагаются на рекомендации публичных личностей;
- 91 % пользователей используют мобильные устройства для входа в социальные сети;
- около 80 % людей принимают решение о какой-либо покупке на основе отзывов покупателей.

В продолжение темы следует уделить отдельное внимание еще одной немаловажной части виртуального пространства – видеоиграм. С данным явлением, так или иначе, знаком каждый, видеоигры могут отнимать большую часть времени у молодежи и людей среднего возраста. В настоящее время видеоигры приятно рассматривать как некий медиа продукт, который несет в себе как положительные, так и отрицательные качества, и какими из них будет пользоваться человек, зависит от него самого. Говоря о социальных сетях, мы отметили, что пользователи там могут менять пол и возраст, чтобы общаться с другими людьми в новой для них роли. Если анализировать видеоигры, то здесь вдобавок ко всему человек может быть наделен сверхспособностями, которых в реальной жизни не существует, данная тема прослеживается во многих зарубежных и отечественных фильмах, где авторы картин делают упор на этой проблеме.

ESA (Entertainment Software Association) – негосударственная организация, основное направление деятельности – принятие и определение рейтингов для компьютерных видеоигр и другого развлекательного программного обеспечения в США и Канаде [5]. Данной организацией был проведен опрос среди американцев на выявление предпочтений в видеоиграх. Согласно анализу, большая часть геймеров – люди до 35 лет, далее наблюдается тенденция снижения количества игроков с нарастанием возраста респондентов. Более 200 миллионов американцев играют в видеоигры, из которых около 163 млн (или 64 %) – старше 18 лет. Говоря о половом признаке игроков, то 60 % составляют мужчины, и 40 % женщины.

При этом ряд игроков утверждает, что игры помогают им в реальном мире, около трети опрошенных поделились, что в интернете нашли друзей. Большинство респондентов считают, что благодаря видеоиграм улучшается память, логика и мыслительный процесс. У 73 % респондентов есть игровая приставка, а у 27 % есть VR-устройства. Для запуска игр используют такие устройства как мобильный телефон, персональный компьютер, ноутбук. По жанрам предпочтение отдают казуальным играм, экшенам и играм-симуляторам.

Говоря о игровых предпочтениях мужчин и женщин, стоит отметить, что девушки предпочитают играть в одиночестве в казуальные игры или игры-симуляторы, тогда как мужчины играют в режиме онлайн с другими игроками. и жанр игр – экшены, или на военную тематику. Следует отметить, что родители игроков интересуются тем, во что играет их ребенок, более половины опрошенных считает, что игры способствуют развитию ребенка и помогают легко входить в контакт с другими детьми.

В России разработаны ограничения на продукцию, причиняющую вред здоровью и развитию детей, но отдельно для видеоигр ограничений не разработано [2]. В последнее время часто можно увидеть ток-шоу по телевизору, где его участники обсуждают очередную трагедию семьи из-за зависимости детей от видеоигр. Дети могут проявлять неконтролируемую агрессию по отношению к своим родственникам, которые запрещают им проводить достаточно большое количество времени в видеоиграх.

Иногда родителям очень трудно признать, что такое поведение детей является следствием не жестоких игр, или в том, что они могут как-то негативно на них влиять, а в воспитании. Аналогичная ситуация происходит и с социальными сетями. В семьях, где с ребенком ведутся беседы об их воздействии, и объясняется, почему не стоит проводить много времени в Сети, с примерами и весомыми аргументами, никаких конфликтов не возникает, каждый находит выход из этой ситуации путем компромисса.

Зависимость от оффлайн и онлайн видеоигр включена Всемирной организацией здравоохранения в обновленный перечень болезней [3]. Ряд ученых из этой области утверждают, что зависимость от видеоигр может негативно отражаться на психическом развитии личности, особенно в подростковом возрасте.

Многие психологи утверждают, что семья является основным социальным институтом, который закладывает основы нравственности. Для ребенка именно родители выступают образцом во всем, именно поэтому важно больше времени проводить вместе, занимаясь общим делом, объяснять, что хорошо и плохо, и тогда многие проблемы, связанные с Интернет– и игровой зависимостью можно предотвратить. Иными словами, если в общении между родителями и детьми имеет место настойчивость и нежелание уступить друг другу, то возникает конфликт, который может привести к серьезным негативным последствиям. В современном мире все стремительно меняется и развивается, в том числе и интернет-технологии, поэтому стоит

отметить, что уже сейчас без виртуальной среды не обойтись, особенно подрастающему поколению, так как их взросление и становление как личности происходит под воздействием социальных сетей, видеоигр и других коммуникаций сети Интернет.

Основной причиной по которой социальные сети стали такими популярными за последние годы является то, что человеку проще выражать свои мысли там, где нет прямого контакта с другими людьми, и все, кто могут сделать ему замечание, или в чем-то упрекнуть, будут являться лишь виртуальными пользователями – в этом и заключается проблема социализации индивида в реальной жизни, где есть реальное общение, реальные люди и реальные проблемы. Создав аккаунт в социальной сети, человек может быть другим, по сравнению с самим же собой в реальной жизни, что является не очень хорошей тенденцией, ведь независимо от того, где происходит общение, люди должны оставаться самими собой и уметь взаимодействовать друг с другом, проявляя человеческие качества, такие как доброта, отзывчивость, взаимопомощь и др.

Стоит отметить, что сеть Интернет имеет и положительные стороны, и в первую очередь – это упрощение жизни населения. Совсем недавно, чтобы обратиться за каким-нибудь документом в государственный орган, требовалось собрать очень большую папку документов, потратить немалое количество времени, чтобы их передать в нужное структурное подразделение для последующей работы, и неизвестно когда ждать звонка, что все готово. Сегодня же мы можем наблюдать совершенно иную ситуацию, где не требуется распечатывать и подписывать документы – достаточно направить их в отсканированном виде, не сидеть в длинной очереди – документы подаются в один клик компьютерной мыши, не ждать звонка – все приходит по электронной почте.

Развитие сети Интернет намного облегчило жизнь школьников и студентов, чтобы найти нужную информацию по интересующей теме, не нужно идти в библиотеку, и среди множества страниц искать именно то, что нужно, достаточно ввести в браузере вопрос и тут же появятся сотни страниц с интересующими данными. В силу своей загруженности на работе или недостаточном количестве свободных денежных средств, многие люди не могут позволить себе путешествие даже внутри своей страны, не говоря уже о зарубежных странах. Интернет предлагает виртуальную прогулку по улочкам других стран, интересные экскурсии с достопримечательностями и местным колоритом. Благодаря развитию социальных сетей можно найти давних знакомых со школьной или студенческой скамьи и возобновить общение, а может и поделиться полезным опытом из сферы своей деятельности.

Подводя итог, отметим, что виртуальный мир не так уж и плох и опасен. Видеоигры помогают развивать логику, тренировать память, улучшать мышление; социальные сети учат коммуникации с другими людьми, поиску компромисса при возникающих разногласиях и формируют личность, со своими ценностными ориентирами и взглядами на мир. Главное помнить –

что, выходя из виртуального мира, человек в ту же секунду попадает в реальный. Времяпровождение в виртуальном пространстве не должно быть только ради траты времени, когда якобы нечем заняться наяву, это может привести к деградации личности. Виртуальный мир каждого должен нести в себе две составляющих – информативную и развлекательную, чтобы человек мог развиваться, и при необходимости почувствовать себя «сверхчеловеком» в игре.

Список литературы

1. Соловьева Л. Н. Идентичность человека в цифровом мире // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КУБГТУ». 2020. № 3. С. 462–467.
2. Голяк А. А., Власова Н. М., Полякова Е. Ю. Игровые пристрастия молодежи: эмпирический анализ // Наука нового поколения: конвергенция знаний, технологий, общества : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : МНИЦ Социосфера, 2019. С. 31–35.
3. Шишкина К. И., Кудинов В. В. Зависимость от компьютерных видеоигр у младших школьников // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 6. С. 433–436.
4. Материалы интернет-ресурса. URL: <https://faritk.ru/> (дата обращения: 30.08.2021).
5. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 02.09.2021).

УДК 37.037
ББК 74.005

А. В. Апапина, *Иркутск*

Влияние виртуального мира на образ жизни молодежи

Статья затрагивает тему влияния виртуального мира на образ жизни молодежи. Демонстрируются статистические данные о пользователях сети Интернет. Приводятся положительные и отрицательные стороны интернет-пространства, делаются выводы о влиянии интернета на жизнь молодежи.

Ключевые слова: интернет, молодежь, образ жизни, плюсы и минусы виртуального мира, возможности.

A. V. Apanina, *Irkutsk*

The impact of the virtual world on the lifestyle of young people

The article touches on the topic of the influence of the virtual world on the lifestyle of young people. Statistical data on Internet users are shown. The positive and negative aspects of the Internet space are presented, and conclusions are drawn about the impact of the Internet on the lives of young people.

Keywords: internet, youth, lifestyle, pros and cons of the virtual world, opportunities.

В настоящее время практически каждый житель планеты использует в своей повседневной жизни интернет-пространство. На начало 2020 г. численность людей, пользующихся интернетом, составляла более 4,5 миллиарда, т. е. 60 % от численности всего населения, и, как полагают социологи, эта численность с каждым годом будет увеличиваться, так как интернет-технологии все активнее входят в нашу жизнь, а поколение Z не представляет своей жизни без них [1].

Интернет и его развитие создало благоприятную среду для различной деятельности общества, что не могло не повлиять на образ жизни молодежи, потому что любая медиа среда имеет огромное значения в формировании личности. Виртуальная среда внесла новые трансформации в жизнь молодых людей, так как поменялась структура проведения досуга, появились новые каналы получения информации, изменился формат межличностных отношений и потерпела изменения ценностная система.

Многие исследователи спорят какой же характер носит виртуальное пространство, положительный или отрицательный? Но правильно ответить на данный вопрос невозможно, так как любое явление имеет как положительную сторону, так отрицательную, и интернет-пространство не исключение. Многие социологи говорят о том, что общество сегодня сталкивается с процессом техногенного порабощения людей, который оно не в силах контролировать. Данный процесс заключается в подчинении человеческого сознания манипуляционным практикам, в ограничении свободы мысли и времени. Как показывает статистика, среди российской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет 44 % признаются в том, что интернет-пространство отнимает у них много времени [1]. Многие виртуальные ресурсы не только не вызывают доверия, а формирует чувство угрозы. Чрезмерное пользование интернетом привело к такому феномену, как «интернет-зависимость», которая проявляется навязчивым стремлением использовать интернет и неспособностью вовремя от него отказаться [2]. Такая зависимость оказывает негативное влияние на жизнедеятельность людей: снижается его эффективность в учебе и работе, портятся отношения с окружающими, повышается утомляемость и ухудшается здоровье.

Невозможно не отметить достоинства интернета. Самый значимый недостаток – это быстрый и доступный обмен информацией. С помощью интернета всегда есть возможность общения в реальном времени из любой точки мира. Благодаря такой возможности в период пандемии COVID-19, а именно в период самоизоляции, все могли работать и учиться, не подвергая опасности себя своих близких и окружающих. Также всемирная паутина позволяет совершать многие дела, не выходя из дома, например, компьютерные технологии дают возможность оплачивать счета онлайн, зарабатывать деньги, получать дополнительное или основное образование, проводить досуг и многое другое. Такие положительные возможности Интернет-пространство при разумном использовании позволяют молодым людям не только им реализовывать себя, экономить свое время и получать новые знания.

Таким образом, мы увидели, что интернет имеет положительные стороны и отрицательные, но при этом он играет важную роль в жизни молодежи, так как именно он в основном реализует досуговую и коммуникативную деятельность, при этом имея противоположные последствия, так как для людей с проблемами социализации это возможность ухода в онлайн-общение с дальнейшими ослаблениями социальных связей, а для кого-то это возможность нарастить свой социальный и человеческий капитал. Поэтому можно сделать вывод, что каждый человек сам выбирает, для чего ему нужно интернет-пространство, и как оно на него влияет.

Список литературы

1. WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 22.06.2021).
2. Патрикеева Э. Г., Соловьева О. А., Селезнева Т. А. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1342–1346. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18990/> (дата обращения: 22.06.2021).
3. Студенческий научный форум/ URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018017706> (дата обращения: 22.06.2021).
4. Электронный научный архив УрФУ. URL: https://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/81479/1/978-5-91416-007-1_2016-109.pdf (дата обращения: 22.06.2021).

УДК 159.99

ББК 88.542

Д. В. Гаврусева, *Иркутск*

Факторы деструктивного воздействия интернет-пространства в молодежной среде

Показывается, что социализации молодежи в интернете в последнее десятилетие становится серьезным конкурентом социализации в реальной жизни. Доказывается, что функции и возможности виртуального пространства планомерно выходят за привычные рамки обыденности, что подтвердилось с распространением пандемии COVID-19 в 2020 г. при соблюдении режима самоизоляции. При этом учитывается, что вместе с положительным эффектом от использования сети Интернет в жизнь молодежи входят факторы деструктивного воздействия интернет-пространства.

Ключевые слова: информационное девиантное поведение, медиaprостранство, социализация в интернете, виртуальное коммуникативное поле, виртуализация, интернет-зависимость, информационная аддикция, информационная безопасность.

D. V. Gavrusева, *Irkutsk*

Factors of the destructive impact of the Internet space in the youth environment

The socialization of young people on the Internet in the last decade has become a serious competitor to socialization in real life. The functions and capabilities of the virtual space are systematically going beyond the usual framework of everyday life, which was confirmed with the spread of the COVID-19 pandemic in 2020, while observing the self-isolation algorithm. Together with the positive effect of using the Internet, the factors of the destructive impact of the Internet space enter into the life of young people.

Keywords: information deviant behavior, media space, socialization on the Internet, virtual communication field, virtualization, Internet addiction, information addiction, information security.

Информационное пространство в нашей стране видоизменяется с каждым годом. Нынешняя молодежь растет и развивается в качественно новом информационном поле, которое имеет свои особенные факторы влияния на процесс их социализации. Среди факторов воздействия интернет-пространства, безусловно, можно выделить как факторы конструктивного характера, которые помогают молодежи в кратчайшие сроки овладеть новыми навыками и умениями, так и факторы деструктивного плана, которые способны нанести данной категории общества реальный непоправимый

урон, совместимый с эффектом от влияния девиантных проявлений жизни реального общества.

Тема социализации молодежи в интернете стоит наиболее остро в развитии интернет-пространства в последнее десятилетие. Виртуальное пространство становится более обширным и значимым для нового поколения в сравнении с реальным коммуникативным полем, обеспечивая работу всех значимых аспектов социализации в реальной жизни. Функции и возможности виртуального пространства выходят за привычные рамки, что подтвердилось с распространением пандемии COVID-19 в 2020 г., когда многие общественные институты и социальные структуры были вынесены в виртуальную плоскость в связи с необходимостью государственного применения мер самоизоляции [1]. Вместе с этим процессом, большинство представителей молодежи оказались исключены из пределов реальной жизни. Процесс обучения или работы для молодого человека приобрел качественно новый вид. Опыт данного периода доказал, что существование многих сфер общественной жизни в виртуальной плоскости интернета настолько реально, насколько реальным оказалось внедрение машинного труда вместо труда миллионов рабочих на заводах и фабриках в период индустриализации XX в., в которое никто не верил.

Вместе с тем современная реальность интернета воздействует на молодежь фрагментарно и обрывочно, создавая «клипы», которые легко воспринимаются и уходят в тренд, продолжая свое распространение по виртуальному пространству интернета. Так, абсолютно любая идея может иметь вирусный характер и распространяться без особого труда в массах. Идея может нести в себе как позитивный посыл, так и негативный, что осложняет контроль за эффектом от потребления информации молодежного сообщества [9].

Современное сознание молодежи можно выразить прилагательным «клиповое», что означает тот факт, что даже в плоскости реального коммуникативного пространства молодежь продолжает жизнь фрагментарными клиповыми отрезками информации, пропитавшими структуру всей современной жизни молодежи [3]. Многие ученые сходятся во мнении, что, ориентируясь на визуальные образы молодежь глобально изменит способы своей социализации, выходя на путь изолированности и оторванности от реального мира [2]. Как и любая социальная тенденция данный путь несет в себе не больше не меньше, чем просто изменение социальных структур и процессов, которые станут частью нового типа восприятия и поведения молодежи в сети Интернет на уровне глобальных социальных процессов.

Такой аспект реальной жизни, как «информационное девиантное поведение» все глубже проникнет в структуру виртуального мира, поскольку свойственно человечеству во все времена на любой стадии его развития. Интернет-зависимость и другие формы виртуальных аддикций, виртуальное мошенничество, пиратство, воздействие деструктивной социальной инженерии в крупных корпоративных структурах – все это небольшой список из

того, что может представлять опасность для современного молодого человека [7].

В условиях сложившейся действительности достаточно остро встает вопрос относительно того, что же принесет больше современному миру сложившееся тенденция виртуализации жизни, пользы или вреда?

В настоящий момент, информация выступает как способ воздействия на структуру психики и поведения молодых людей, который активно используется различными акторами. Это воздействие может выражаться как в обычном рекламном воздействии, целью которой является получение выгоды, так и в виде более сложных по своей сути манипулятивных атак, целью которых является потенциальное разрушение общественных настроений и нанесение урона обществу [8].

Усугубляет вариативность информационного воздействия и тот факт, что в среднем, выход в интернет появляется раньше, чем возможность обучения осознанному безопасному поведению в интернете. Так, по статистическим данным, выход в интернет появляется у большинства российских детей до достижения ими десятилетнего возраста, а регистрация в различных социальных сетях – до достижения ими 14 лет. При этом возможности стать жертвой такой виртуальной педофилии по статистике подвержен каждый десятый зарегистрированный пользователь социальных сетей в возрасте до 14 лет. Важно при организации свободы выхода ребенка в интернет обеспечить обучение стратегии безопасного виртуального поведения в связи с распространением девиантного поведения в сети Интернет [4].

Еще одним фактором воздействия виртуального пространства на жизнь и поведение молодежи – это увеличение влияния роли медиапространства, которое хоть и кажется безобидным, но все же является навязчивым и преследует цель внедрения шаблонов и стереотипов поведения в незрелые умы молодежного сообщества, которые помогают обогатиться первым и быть управляемым вторым.

Важно отметить, что в течение всей истории человечества не существовало прецедента формирования столь массового информационного коммуникативного пространства планетарного масштаба. Интенсивность распространения информации еще в прошлом веке оставляла желать лучшего, а ограниченность ее возможностей была видна не вооруженным глазом. в XIX в. и вовсе, новостей было катастрофически мало и все они касались места жительства людей, мелких бытовых вопросов общины и отражали обстановку местного микроклимата. Из других регионов новости доходили очень долго. Не информация искала человека, а человек искал информацию [6].

Сегодня достаточно пары «кликов» мышкой чтобы связаться с другим континентом. Это, конечно, положительный момент глобализации. Информация везде, информация доступна. Но все дело в том, что она не только является просто безобидной информацией, но может и атаковать наш разум. Наиболее подвержена такой атаке именно молодежь, ведь ежедневно пользуясь интернетом, молодые люди попросту не могут фильтровать всю по-

ступающую информацию. А на разум молодежи объявлена охота, и охотниками являются масс-медиа.

Говоря о медиавоздействии в интернете, важно понимать, что оно подразумевает под собой влияние различных источников информации на формирование современного образа мыслей и поведения молодежи. С отмиранием у молодых людей желаний разбираться в истоках информации и, собственно, в самой информации, они становятся легкой наживой для тех, кто занимается адресным распространением информации.

Воздействие информации в интернете оказывает больший эффект, чем воздействие информации на улице. Возьмем, к примеру, рекламу. Проходя по центральным улицам крупного города, мы видим различные баннеры и вывески. Все ли они нас интересуют? Вероятно, мы даже не обратим внимания на рекламу. Возьмем, контекстную рекламу в интернете. К примеру, вы увлекаетесь рыбалкой. Маркетинговая служба сообщая с вашим интернет-провайдером отслеживает ваши посещаемые страницы, анализирует ваши предпочтения и пристрастия. В итоге заходя на тот или иной сайт, не относящийся к рыбалке, Вы видите рекламу снастей, которые так долго искали. Не надо искать информацию, она нашла вас сама. Но у маркетинговой службы договор с рыболовным интернет-магазином и думали они прежде всего о прибыли, а не об экономии вашего времени. Вы уже стали целью этой службы и увидите еще много контекстной рекламы, ведь у нее очень много контрактов. Так работает процесс социальной инженерии в современном медиaprостранстве [5].

Жан Бодрийар, во второй половине XX в. при анализе аспектов социальной инженерии в информационном пространстве ввел понятие «Гиперреальность». По мнению ученого мы строим свою жизнь в «пространстве симуляции», т. е. вся наша жизнь обретает смысл при определенном информационном подкреплении извне [7].

Раньше информационным подкреплением служил одобряемый обществом внешний информационный облик, в который входило хорошее место учебы или работы, наличие или отсутствие семьи и детей, примерное коллективно одобряемое поведение.

Сегодня данный облик подкрепляется трендами, в которые может входить все что угодно, что получило распространение в широких массах, будь то мода на удаленную работу («фриланс») или на бездетность («чайлдфри»). Главное условие – распространение в широких массах и одобрение или принятие большинства. При этом следование моде может не отражать действительных мотивов человека.

Исходя из этих соображений, приходим к выводу, что в информационном подкреплении образа человека глубоких смыслов нет, а информационный облик человека зачастую бывает далек от реального положения вещей. Кроме того, важно понимать, что современный информационный портрет современного молодого человека представляет собой еще и образ идеального потребителя, который подвержен воздействию контекстной рекламы по-

тому что всегда хочет быть в тренде. Совершая то или иное движение навстречу контекстной рекламе, мы создаем лишь иллюзию сиюминутного счастья, совершая, зачастую бесполезные покупки в сети с легкой руки рекламщиков. Мы сами создаем для себя «симулякры» – имитируем не существующее удовлетворение своей невнимательностью, по отношению к рекламе, которую нам навязывают[1].

Рекламное воздействие является частью общего медиавоздействия, основные аспекты которого в настоящее время активно рассматриваются учеными. Медиавоздействие – это не только прямая или нативная реклама, это еще и постоянный «вброс» той или иной информации с целью вызвать в нас те или иные настроения. Последние исследования крупных поисковых систем показали, что особой популярностью у молодых пользователей интернета является информация о наркотических веществах и насилии [3]. Эти категории в большей степени вызывают интерес у молодежи. Речь может идти как о крайних формах, так и об простых «смешных» видео на YouTube, где люди не очень удачно исполняют различные трюки (чаще всего данные трюки заканчиваются трагически для здоровья их исполнителей). А закадровый смех на моментах падений или ушибов, добавление которого при монтаже является популярным еще с эпохи юмористических шоу девяностых, подсказывает молодежи, что насильственные сцены – это очень весело.

Кроме того, что в интернете ведется определенное воздействие на молодых людей посредством доступности информации и ее атаки на сознание и поведение. Зачастую психика молодых людей оказывается не готовой к восприятию определенного рода информации. В настоящий момент мы можем наблюдать плоды данного воздействия, выраженного в появлении девиантного поведения среди молодежи в сети Интернет.

Типичными проявлениями девиантного поведения в сети Интернет являются следующие:

1) «троллинг», представляющий собой вид вредительского вмешательства в интернет-коммуникацию, выражающийся в явном или скрытом воздействии (принижении, оскорблении и т. д.) с целью получения эмоциональной реакции от объекта троллинга;

2) «флейм» – спор ради спора в интернете;

3) «флуд» – бессмысленные сообщения в информационном поле интернета, являющиеся бесполезными по своему содержанию и имеющие большие объемы;

4) «спам» – навязчивое распространение (рассылка) ненужной информации или информации рекламного плана.

На первый взгляд, вся эта деятельность – безвредное занятие и назвать его девиантным нельзя. Но данные явления очень часто перерастают из безобидной формы в увлечение для молодых людей и своим поведением они нарушают эмоциональный фон других пользователей интернета тем же самым давлением ненужной информации, пресыщая и так перенасыщенный

информационный фон. Человек может провести целый день в бесполезном споре с неизвестным лицом в интернет-пространстве. Или стать мишенью для троллинга и обрести проблемы психологического плана, влияющие на самооценку и качество реальной жизни [10].

Отдельное место в медиапространстве занимает развлекательный видеоконтент. У пользователя современной социальной сети «Тik Tok» о самообразовании не может идти и речи, когда его затягивает поток бесполезных видеороликов развлекательного плана, времени на это просто не остается. На подобный видеоформат переходит и более популярная площадка Instagram. Между тем молодежь проводит в интернете за просмотром видеороликов любую свободную (бывает, что и не свободную) минуту. По последним статистическим данным, среднее экранное время среди молодежи в России составляет около 4–6 часов в день [2]. Современному медиавоздействию это и надо, так как крупный информационный бизнес построен на привлечении большого количества подписчиков и размещения большого количества рекламы с целью получения выгоды.

Таким образом мы видим, что интернет не только может воздействовать на сознание и поведение молодежи с помощью специальных агентов влияния, но и получать эффект от этого воздействия в виде девиантных проявлений в сети. Отдельные формы информационного девиантного поведения имеют различный эффект от влияния на поведение и сознание молодежи.

Среди негативных тенденций и факторов можно выделить как воздействие медиапространства с целью получения экономической прибыли от рекламы и продаж товаров, работ и услуг, так и воздействие деструктивных факторов, которые выражаются в информационном воздействии, разлагающем психику и нарушающем адекватность восприятия времени и реальности. Было выявлено, что в условиях современной действительности, информационная безопасность является залогом грамотного и эффективного взаимодействия молодежи с информацией и обеспечивает формирование фильтров восприятия положительного и негативного влияния медиапространства на жизнь современного молодого человека.

Также было выявлено, что современная жизнь молодежи строится вокруг информационного образа их поведения. Каждый индивидуум создает виртуальный образ себя, который существует при воздействии информационного подкрепления извне. В информационном подкреплении образа человека нет глубоких смыслов, однако наблюдается достаточно сильное влияние на изменение этого образа посредством следования трендам сетевого поведения. Между тем реальный психологический портрет человека зачастую бывает далек от виртуального образа.

Список литературы

1. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // *Lex russica* (Русский закон). 2021. № 6 (175). С. 79–94.

2. Зубков З. В., Хрищатый В. С. Интернет-зависимость как одна из причин физического проявления агрессии // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2020. № 1 (30). С. 34–38.
3. Иванов Р. В. Влияние пандемии covid-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 311–313.
4. Макаренков А. А. Актуальные аспекты информационно-психологического воздействия посредством современных телекоммуникационных технологий // Человеческий капитал. 2020. № S4 (136). С. 167–176.
5. Михеев Е. А. Дезинформация о новой коронавирусной инфекции COVID-19: психологические механизмы воздействия // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 164–174.
6. Молчанова Л. Н. Взаимосвязи стресс-преодолевающего поведения и склонности к интернет-зависимости студентов с различным уровнем социального интеллекта // Региональный вестник. 2020. № 4 (43). С. 65–67.
7. Полошкевич О. А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России 6 : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 119–120.
8. Полошкевич О. А. Социально-психологические последствия пандемии // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сб. тез. М. : МГУ, 2020. С. 169–171.
9. Шайдукова Л. К., Рашитова Э. Л. Клинические, гендерные и возрастные аспекты Интернет-зависимости // Казанский медицинский журнал. 2020. Т. 101, № 2. С. 193–199.
10. Швецов А. Н., Дианов С. В. Информационная безопасность в цифровом обществе: влияние информации интернета на социальные установки молодежи // Вестник МАНЭБ. 2020. Т. 25, № 3. С. 59–64.

УДК 373.167.1

ББК 60.5я72

Л. И. Грошева, *Тюмень*

Влияние виртуальной среды на восприятие молодёжью национальных аутгрупп

Рассматривается проблема воздействия информационной среды виртуального пространства на восприятие молодыми людьми представителей национальных сообществ. Отмечается наличие диверсифицированного подхода к анализу носителей иных культурных норм в зависимости от территориального аспекта.

Ключевые слова: виртуальная среда, национальная идентичность, межнациональный конфликт, восприятие другого, молодёжь.

L. I. Grosheva, *Tyumen*

Influence of the virtual environment on the perception of national outgroups by young people

In the article the problem of the impact of the information environment of the virtual space on the perception of representatives of national communities by young people is examined. In the course of the study, the author notes the presence of a diversified approach to the analysis of carriers of other cultural norms, depending on the territorial aspect.

Keywords: virtual environment, national identity, interethnic conflict, perception of the others, youth.

Дисфункции конструктивного восприятия культурных различий достаточно остро проявляются в условиях нестабильной международной политической обстановки, где гарантии безопасности и социального благополучия значительно отличаются в региональном разрезе. Межличностное взаимодействие в современном обществе характеризуется техническими ограничениями ввиду распространения инфекционных заболеваний и социальными волнениями, обусловленными деятельностью террористических организаций. В особенности указанная проблема проявляется в ходе столкновения конфессиональных установок, национальных интересов и политических задач государств, зачастую предпочитающих в качестве метода руководства управляемую конфронтацию нежели усилия по мирному урегулированию противоречий [1, с. 311].

Утверждение мер по изоляции населения ввиду распространения пандемии отразило проблему диспропорций в социальном сознании. Подавляющее большинство участников митингов, посвящённых сопротивлению современным социальным явлениям, являлись молодыми людьми в возрасте до 30 лет, сознательно отказывающихся от ограничений непосредственного межличностного общения. Таким образом, именно молодёжь продемонстрировала наиболее острую социальную проблему цифровизации и диджитализации современной жизни – редукцию личностного участия в социальных процессах и снижение уровня включённости в непосредственную деятельность общества. Следует отметить, что официально подтверждённая статистика по качеству жизни мигрантов в условиях пандемии практически не представлена, что не позволяет оценить роль национальных сообществ в европейском социуме [3]. Таким образом, о социальном самочувствии возможно судить лишь на основе официально зарегистрированно-го и учитываемого населения.

Усиление активности COVID-19 в свою очередь способствовало появлению феномена социальной изоляции не только на уровне отдельных индивидов, но и целых национальных сообществ (регионов или государств). Данная проблема актуализировала роль дистанционного информирования посредством виртуальных сетей, как единственного доступного канала для реализации когнитивных потребностей. Таким образом, возможности непосредственных межкультурных контактов существенно сократились, определив виртуальные сети в качестве ведущего актора формирования восприятия культур и национальных групп у населения.

Взаимное восприятие культурных различий формируется на фоне ряда социальных явлений. Обострение обстановки в Средней Азии ввиду изменения политических позиций террористических и конфессионально ориентированных организаций. Установление власти талибов в Афганистане способствовало росту информационных сводок касательно особенностей организации социальной жизни с точки зрения религиозных традиций, которые ввиду ряда объективных обстоятельств рассматривались в негативной коннотации. Конфликты оппозиции в Киргизии рассматриваются в значитель-

ной мере как региональный политический кризис, что на фоне проблем других стран региона позиционируется как естественная стратегия развития.

Укрепление движений в защиту угнетаемых народов (афроамериканское население, мигранты в развитых странах, коренные жители Северной и Южной Америки) в свою очередь актуализирует морально-нравственный выбор населения относительно отношения к представителям движений и к концептуальным взглядам на межнациональную коммуникацию. Повышение интенсивности миграционных потоков сопряжён с внутренним расколом политических блоков. Ряд стран, пытаясь снизить нагрузку на органы социальной адаптации, осуществляют меры по противодействию размещения прибывающих из развивающихся стран, в то время как другие государства, в свою очередь, сталкиваются с низким уровнем ассимиляции больших мигрирующих групп, образующих этнические группы анклавного типа.

Сплошной характер информирования сопровождается естественным недостатком новых и достоверных данных, что в свою очередь сопровождается искажением предлагаемых данных путём достраивания их содержательной части или добавления оценочных маркеров авторов статей. Национальный фактор и этническую принадлежность в значительной мере используют как дополнительный ресурс для привлечения внимания, по этой причине в информационном потоке детализация культурных особенностей явления становится более востребованной [2, с. 204].

В Китае отмечают, что в значительной мере информационное пространство сосредоточилось на описании «предвоенного» мироустройства. Исследователи утверждают, что в среднем объём негативного контента относительно международных конфликтов вырос на 10–15 %, в то время как доля неverified данных также возросла до 20 % в зависимости от характера рассматриваемых источников [4, с. 224]. При этом подчёркивается отсутствие возможности для читателя самостоятельно диагностировать качество предлагаемых сведений, что либо ведёт к полному отрицанию информации, либо к безусловной вере в предоставленные факты.

В ходе реализации манипулятивных возможностей виртуального пространства на объективно деструктивную обстановку социально-политических систем в мировом сообществе накладываются установки информационных порталов, заинтересованных в расширении аудитории и повышении спроса на сопутствующие услуги. В связи с этим острые вопросы межнациональной коммуникации являются более тиражируемыми, что обуславливает риск повышения негативных установок среди населения. Однако факт наличия диагностируемого воздействия на сознание населения остаётся достаточно абстрактным.

С целью выявления особенностей воздействия информации виртуального пространства на восприятие культурных различий молодыми людьми, автором статьи в январе – мае 2021 г. было проведено исследование методом фокус-групп (N = 24, 12 групп славянского состава и 12 смешанного) в рамках которых были привлечены молодые люди в возрасте 18–30 лет.

Группы формировались с учётом смешанного национального состава для определения оценки взаимного принятия и вероятности латентной конфликтности. Участники отбирались только из среды людей, три поколения которых проживали на территории России. В рамках фокус-групп были подняты такие вопросы как: осознание места собственной национальности в мировом сообществе, отношение к особенностям религиозных объединений, принятие отличий «другого» в бытовой и деловой коммуникации.

Одним из наиболее значимых аспектов была оценка интенсивности воздействия политической информации на молодёжь в целом. Молодые люди отметили, что в целом сталкиваются с политически окрашенной информацией в среднем 2–4 раза в день. Ни один из отобранных участников не состоял в политических сообществах в социальных сетях и не был подписан на соответствующие информационные ресурсы. Однако в ходе проведения беседы выяснилось, что подобные сводки активно проникают в объединения, посвящённые музыке, искусству, творчеству, изучению языков и т. д. Также широко представлено рассмотрение национальных конфликтов и межгосударственного взаимодействия и в сообществах общеразвивающего типа, нацеленных на личностное развитие, расширение кругозора и т. п.

Попытки воспроизвести 2–3 последних новости, сопряжённых с межкультурным взаимодействием, среди молодых людей не дали значимого результата. Но в их ответах было обнаружено ряд характерных маркеров: жестокость религии (прежде всего Ислама), угнетение национальных меньшинств, национальные герои-преступники, враждебность мигрантов и к мигрантам, установки на подчинение одних наций другим.

В смешанных национальных группах проявились негативные установки к европейским государствам и большим по численности национальностям. В представлении молодых людей, согласно поступающей им информации, создаётся впечатление о недостаточности действий мирового сообщества по защите малых национальных групп. Достаточно часто участниками упоминалось строительство стен и заборов для препятствия проникновения мигрантов, принудительная депортация, агрессия со стороны принимающих стран. Зачастую негативное неприятие по отношению к мигрирующим людям молодые люди описывали относительно вероятности их пребывания в данной группе, что говорит о наличии ментальной солидарности с ними. Несмотря на этот факт, представители данных фокус-групп достаточно радикально выступили против открытия границ России для населения из стран Средней Азии. В целом, чужой-гражданин другой страны воспринимается ими как опасность и источник террористической угрозы, нагрузки на социальную систему поддержки региона проживания. Однако такая реакция проявляется только по отношению к национальностям, которые традиционно не проживают на территории России, что также характерно и для участников славянских групп.

Славянские группы достаточно спокойно относятся к вероятности увеличения потока мигрантов в страну. Однако установки молодых людей

можно охарактеризовать как принятие непосредственно человека, но низкий уровень толерантности к импорту традиций и обычаев, присущих представителям других государств. В то время как к народам, исторически проживающим на территории страны, в большинстве случаев было продемонстрировано терпимое отношение (за исключением ряда фактов, связанных с нарушением правил дорожного движения и реализации национальных праздников, в том числе свадеб, у отдельных национальных групп), к приезжим отношение качественно отличается. Опрошенные крайне негативно отнеслись к использованию в повседневной жизни национальных атрибутов одежды, родного языка и специфических жестов. Данная реакция обусловлена внешним отчуждением национальных меньшинств от остального населения. При этом рассмотрение конфессиональных различий проявилось неоднозначно. В то время как мусульмане в целом терпимо относились к факту наличия ортодоксальных представителей веры в регионе проживания, остальные участники высказались против открытой демонстрации религиозной принадлежности. Подобная реакция, исходя из ответов молодых людей, обусловлена сращиванием представлений о вере человека и рисках его фанатичного поведения на грани вероятности террористических актов. Указанный факт непосредственно связан с характером освещения в СМИ политических и гражданских конфликтов.

Заслуживает внимания тот факт, что в рамках каждой фокус-группы было воспроизведено не менее 20 ситуаций (произошедших в России и мире), сопряжённых с преступлениями с национальной или религиозной окраской (нападение на людей в общественных местах, деятельность запрещённых террористических объединений). При этом для славянских групп, в особенности не относящихся к Исламу, религиозный характер терроризма представляется как естественный феномен (при этом примеры других идейных оснований для террористических организаций не были озвучены ни в одной из фокус-групп). Заслуживает внимания тот факт, что несмотря на указанную проблему в восприятии молодых людей сформировался когнитивный диссонанс: в то время как к религии многие относятся как к вероятному источнику противостояний народов, к представителям национальностей, исторически проживающих в России, но относящих себя к группе верующих, отношение позиционируется как терпимое и в отдельных случаях – благоприятное (к примеру, восприятие татар, башкир).

Данные исследования показали, что молодые люди находятся в достаточно сложной когнитивной ситуации. С одной стороны, превалирование виртуального информирования оказало воздействие на рост враждебности по отношению к «чужому» культурному коду. Однако наличие фактического опыта коммуникации сформировало параллельно иную, более конструктивную систему восприятия культурных различий. Соответственно, относительно тех национальных групп, с которыми непосредственное взаимодействие было невозможным, наблюдается наиболее высокий уровень негативных реакций. Таким образом, в сознании молодёжи сформировалось не-

сколько градаций в отношении культурных сообществ: свои, условно свои или «братья» (родственные народы и национальности), приемлемый «чужой» (исторически проживают в регионе или внутренний мигрант), неприемлемый «чужой» (большая часть представителей внешних мигрантов). Решение о причислении к той или иной группе происходит на основе стихийного или импульсного мотива, зачастую не подкреплённого фактологическим материалом.

Размытость установок молодых людей обусловлена естественной перегрузкой системой сплошного ежедневного информирования, а также бессистемностью подачи информации в виртуальном пространстве в целом. Наложение на предложенные данные личного опыта формирует довольно парадоксальную ситуацию, когда относительно представителей одного и того же народа формируется различная реакция в зависимости от фактора их исходного проживания. Также молодые люди показали низкую готовность к длительной коммуникации и интенсивному взаимодействию с теми, кто сознательно демонстрирует отличия каким-либо образом (внешний вид, специфические действия и т. д.). Следует подчеркнуть тот факт, что сложившаяся система установок неустойчива и имеет тенденцию к повышению конфликтности в ходе межличностного взаимодействия. Изучение характера содержания собственно информационных сводок необходимо для определения тех маркеров и ключевых содержательных конструкций, способствующих снижению готовности к конструктивному сосуществованию в условиях многонациональной среды.

Список литературы

1. Грошев И. Л. Специфика формирования человеческого капитала в вооружённых силах // Современные тренды российской экономики: вызовы времени – 2017 : материалы Международной науч.-практ. конф. : в 2 т. / отв. ред. С. Г. Симонов. Т. 2. Тюмень : ТИУ, 2017. С. 311–314.
2. Грошева И. А. Толерантный постмодернизм: доверие или девиантная толерантность? // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 9(29). С. 204–206.
3. Farrell H. Will the coronavirus end globalization as we know it?, foreign affairs (2020). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it> (дата обращения: 06.01.2021).
4. Wang C. To cope with a new coronavirus pandemic: how life may be changed forever // Chinese Journal of International Law, 2020. Vol. 19, Iss. 2. P. 221–228.

УДК 316.77
ББК 60.524

В. Д. Загородний, *Иркутск*

Специфика социальных сетей как одного из механизмов конструирования коммуникации на современном этапе развития общества: теоретический анализ

Рассмотрены основные подходы к изучению виртуальных социальных сетей и механизмов построения коммуникации в них. Проанализирована структура коммуникации, а также представлены функции виртуальных социальных сетей с позиции конструирования коммуникации и характеристики виртуальной коммуникации. Изучению подвержены основные специфики социальных сетей, что позволило выделить особенности, функциональные отличия от обычной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, виртуальное пространство, социальные сети, актор, информация.

V. D. Zagorodniy, *Irkutsk*

The specifics of social networks as one of the mechanisms of constructing communication at the present stage of society development: theoretical analysis

In this paper, the main approaches to the study of virtual social networks and the mechanisms of building communication in them are considered. The structure of communication is analyzed, and the functions of virtual social networks are presented from the point of view of communication construction and characteristics of virtual communication. The main specifics of social networks were studied, which made it possible to identify features, functional differences from ordinary communication.

Keywords: communication, virtual space, social networks, actor, information.

Постоянные изменения социокультурного пространства современного мира влекут за собой неизбежные трансформации межличностной коммуникации, ее форм и каналов. Следовательно, возникает необходимость конструировать новые модели управления данными процессами, которые позволят обществу адаптироваться под них.

Изменение структуры, форм и каналов коммуникации как адаптивного следствия технологического прогресса общемирового пространства означает необходимость определения в новой социальной реальности ее коммуникативной природы. В частности, внесение в ее анализ понятия сетей. Таким образом зарождается и актуализируется проблема сетевой коммуникации в современном мире.

Основная проблема исследования специфики социальных сетей как одного из механизмов конструирования коммуникации на современном этапе развития общества, их роли и места в социальных системах, заключается в их возрастающей регулятивной функции коммуникативных процессов.

Вместе с быстрым развитием и распространением сети Интернет в конце XX в., как следствие, происходит появление новых технологий коммуникаций и их распространение в короткие сроки. С каждым годом социальные сети становятся всё более значимыми для современного общества, что вы-

ражается как в увеличении количества пользователей различными ресурсами, так и появление новых социальных сетей, а, следовательно, и каналов коммуникации, что в который раз изменяет ее структуру. Изменения привычных паттернов поведения, коммуникационных моделей взаимодействия и в целом коммуникативного пространства являются новым проблемным полем для социологического исследования, поскольку в новой сетевой зоне человеческих контактов формируются принципиально иные культурные, ценностные и морально-этические ориентиры. Которые в свою очередь требуют изучения и механизмов регуляции, контроля и управления.

В центре теории сетевой коммуникации стоит социальная сеть как особая область технического и социального пространства, в которой возникают всевозможные коммуникативные сочетания, которые с одной стороны снижают высокий уровень информационной массивности современного общества и одновременно с этим обеспечивают всевозможные групповые, межличностные и даже массовые коммуникации с помощью технологических инструментов на уровнях аудио-визуальной, письменной, вербальной и невербальной связи.

По функциональному обеспечению в обществе социальные сети сравнимы со средствами массовых коммуникаций. Сетевая коммуникация показала себя как наиболее эффективный вид взаимодействия в коммуникативном пространстве современного мира: когда традиционные СМИ представляют собой центры сбора, обработки и донесения информации, социальные сети концентрируют в себе большее количество таких центров переработки информации, независимых, масштабных, глобальных, но в меньшей степени поддающихся регуляции и контролю. Таким образом социальные сети как новые механизмы конструирования коммуникации определяют новые смысловые модели для организации и построения коммуникативного пространства общества.

Основной спецификой социальных сетей является возможность построения и формирования социального капитала качественно иного уровня с условием реализации горизонтальных связей между акторами, включающей в себя установление взаимодействий в обществе, сотрудничество которых основано на доверие и стремление создания ценностей и норм, их закрепление. Такая тенденция является подтверждением современной социальной ситуации, сложившейся в нашем обществе, когда формируется устойчивый дефицит доверия между людьми и при этом стремление иметь возможность беспрепятственной коммуникации остается.

В свою очередь социальный капитал является основой функционирования сетей. Построенное на доверие виртуальное социальное предоставляет человеку возможность поддерживать необходимое для него число контактов. Основная причина привлекательности виртуальных социальных сетей как коммуникативного пространства заключается в их многофункциональности удовлетворения потребностей, выявленных на основе запросов и мотивов виртуального поведения в сети.

Таким образом в виртуальных социальных сетях появляется социосетевой капитал, направленный на сетевую социализацию и удовлетворение потребностей различных сфер человеческой жизни: от деловой до личной, на чём в свою очередь строится информационный вид культуры.

Обращаясь к понятию виртуального следует начать с принципиальных отличий от константной реальности. Во-первых, специфической характеристикой виртуальной реальности является нематериальное пространство социального взаимодействия, которое оказывает воздействие на участников коммуникации. Во-вторых, условность параметров, определяющих виртуальную реальность и, следовательно, ее регулирующих. И также для пространства виртуального характерна эфемерность, обеспечивающая свободу входа и выхода для ее субъектов. Виртуальность задает особые модели поведения, отличающиеся от привычных для участников социального взаимодействия в ее условиях. Также в пространстве виртуальной реальности процессы формирования ценностных установок и норм подчинены иным законам. Таким образом происходит формирование межличностных контактов и сообществ, основанных на качественно иных функциональных характеристиках. Следовательно, становится возможным обосновать возрастающую необходимость и потребность виртуальных социальных сетей как пространства коммуникационного взаимодействия, в котором участники действуют, исходя из своих потребностей, которые локально удовлетворяются с помощью сетевых алгоритмов анализа и обработки данных.

Виртуальные социальные сети в условиях киберпространства представляют собой особый интернет-проект, который включает в себя следующие функции:

1) создание индивидуальных профилей каждого участника коммуникационного взаимодействия, содержащих личную информацию, которую пользователь готов предоставить;

2) обеспечение субъектов инструментом, посредством которого будет осуществляться коммуникация между пользователями;

3) предоставление возможности пользователям организовывать тематические сообщества, основанные на коллективных интересах, целях и ценностях;

4. Организация доступа субъектов коммуникативного пространства к информации о других пользователях с целью формирования новых социальных контактов.

Ценность виртуальных социальных сетей возрастает в информационном пространстве современного общества по причинам с одной стороны вынужденной необходимости компенсации неэффективного выполнения своих функций традиционных социальных институтов, а с другой – социальные сети в виртуальном пространстве сформировались в уникальную систему социального, которая базируется на солидарности групп и общества в целом. Также ценностная функция выполняется посредством трансляции нововведений в различных сферах жизнедеятельности человека: от

экономики до искусства, что влияет на построение коммуникативного пространства современного общества.

Виртуальные социальные сети являются на данном этапе развития общества функционально эффективным конструктом коммуникации. Интернет-технология как коммуникационная технология позволяет включить во взаимодействие всё большее количество людей с каждым днём. Так называемая М. Маклюэном сеть через «расширение человеческого тела», она неизбежно трансформирует модели межличностного социального взаимодействия [6]. В концепции теории сетей измерение пространства и времени через потоки и события соответственно. Сетевое общество является ответом на трансформацию механизмов конструирования коммуникативного пространства, когда виртуальные социальные сети позволяют формировать социальные группы по интересам в отрыве от традиционных принципов образования социальных структур.

Сетевая коммуникация как основа теории сети в условиях современного мира перенасыщения пространственного-временного потока является способом преодоления возможности коммуникационных перенапряжений. Качественная эволюция коммуникативных каналов в информационном обществе происходит в соответствии с социокультурными вызовами и условиями изменения пространства.

Виртуальные социальные сети становятся способом выстраивания структуры социального посредством быстрого и гибкого образования узлов взаимодействия. Г. В. Градосельская рассматривает сети с точки зрения общей сети с описанием доминирующего отклонения от равномерного распределения и связности, подгрупп интенсивного обмена информацией и «центральных» акторов в сравнении внутри сети.

Виртуальные социальные сети также способствуют накоплению социального капитала и его мобилизации, но имеют слабые горизонтальные связи и сформированные нормы и ценности. Основная ценность, обеспечивающая слабые связи в виртуальных социальных сетях, заключается в «спонтанном общении». Исходя из мотивационного аспекта участников виртуального сетевого взаимодействия, можно выделить различные функциональные виды. В. М. Сазонов выделяет функции объединения участников в сообщества с целью обсуждения общественных явлений, выработке позиций, концепций и т. д. [8]. Многофункциональность сетей выражается как в большом числе функций, так и в возможности их одновременной реализации.

Виртуальные социальные сети являются эффективными в случае с задачей удовлетворения потребностей пользователей, поскольку происходит их непрерывное анализирование. В связи с этим складывается представление о полноценном удовлетворении потребностей и, следовательно, повышает привлекательность виртуальных социальных сетей для общества, что также определяет многофункциональность как необходимый элемент виртуальных социальных сетей.

Также неотъемлемой чертой виртуальных социальных сетей является социабельность. Она определяется уровнем непринужденности в социальном взаимодействии в обществе на основе доверия, как продукта устойчивых социальных связей. В определенной степени это обуславливается отсутствием в виртуальной социальной сети иерархической структуры и, соответственно, присущих иерархической системе отношений. Поэтому вовлеченность и активность пользователей виртуальных социальных сетей основывается на личном желании каждого, а не диктуется формальной необходимостью.

Высокий уровень социабельности виртуальных социальных сетей обеспечивает пользователей социальными контактами в той мере, когда данное взаимодействие, количественно и качественно, оптимально используются для обмена данными и ресурсами, перетекающими в кооперацию или конфронтацию.

Г. Рейнгольд показывает, как виртуальные социальные сети и их количественное распространение влияет на качественное изменение коммуникативного пространства [7]. Так новые технологии информационного взаимодействия меняют привычную социальную систему общества, трансформируя ее в социальную сеть в широком смысле этого слова. Таким образом перенос социальных взаимодействий в пространство виртуального выражается в появление виртуальных социальных сетей, которые являются новым государством без территориальных и временных рамок существования. Выстраивание коммуникации в принципиально новом пространстве, которое не имеет традиционных ограничений, когда межличностное общение происходит посредством технологий, которым требуется исключительно подключение пользователей к сети Интернет. Рейнгольд также исследует трансформацию акторной системы, когда человек посредством своей виртуальной деятельности становится лидером мнений, получая возможность транслировать свои взгляды и ценности.

Центральной тематикой изучения книги Г. Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция» является понятие «умной толпы», которую он определяет, как людей, способных действовать согласованно, не зная друг друга в реальной жизни посредством специальных устройств, имеющие доступ во всемирную сеть Интернет. Социолог рассматривал по большей части мобильную связь как канал связи, взаимодействия и управления «умной толпой» [7]. Но в современном мире мы можем видеть, что технологии прогрессируют до активного развития виртуальных социальных сетей, которые представляют собой как управляемый человеческий массив, так и новое сообщество, сравнимое по масштабу с множеством государств, поделенных не территориально, а по интересам.

Рейнгольд выделяет три вероятные угрозы, которые возможны в условиях прогрессирования виртуализации социального пространства и «умной толпы» в целом: угроза свободе, качеству жизни и человеческому достоинству. В первом случае это выражается в повышенных возможностях кон-

троля и надзора, когда понятие личного теряется в сетевом пространстве. Во втором случае происходит трансформация устоявшегося социального порядка, которая несет потенциальную угрозу остальным взаимосвязанным системам человеческой деятельности. И третья угроза представляет собой возможное разрушение природы личности под влиянием замещения человеческого общения на взаимодействие с мобильным устройством.

Общественная сеть выходит за рамки пространства – с появлением виртуального пространства становится возможным организовывать сообщества независимо от внешних факторов. Изменения среды межличностного взаимодействия неизбежно ведут за собой трансформацию моделей построения особого коммуникативного пространства за рамками материальной реальности. И если изначально теории сетевой коммуникации изучали принципы построения и функционирования сети в рамках реального человеческого социума, то сейчас становится актуальной проблема изучения сетей виртуального порядка. Ведь когда половина населения мира имеет доступ в Интернет, а подавляющее большинство из их числа пользуется различными социальными сетями для общения, встает вопрос, каким образом и по каким принципам осуществляется коммуникация совершенно нового свойства. По каким принципам трансформируется и в общем осуществляется вербальная и невербальная коммуникация в виртуальных социальных сетях, когда вместо живого человека находится экран устройства связи, а его лицо заменяет статичная фотография, на которой не отражаются эмоции и чувства. Виртуальные социальные сети в свою очередь предоставляют своим пользователям возможность создать и отредактировать своё виртуальное «я».

Вербальная коммуникация в виртуальных социальных сетях имеет свои специфические особенности и формы воплощения. Если в константной реальности существуют устоявшиеся правила построения вербальной коммуникации, пути ее развития, нормы и устойчивые характеристики, то в виртуальных социальных сетях происходит трансформация уже имеющихся средств вербального взаимодействия и появление новых форм его воплощения. Так становится необходимым изучение принципов построения вербальных коммуникаций в виртуальном пространстве. Общение в виртуальных социальных сетях в корне отличается от общения в константной реальности, иных форм традиционной письменной речи и даже других форм коммуникации в сети Интернет.

Веб-пространство является новой формой функционирования языка и, следовательно, вербальной коммуникации. Она, будучи полуфункциональной в сравнении с традиционной письменной речью, имеет некоторые принципиально новые характеристики. Во-первых, это анонимность. Субъекты виртуальной социальной сети изначально получают ту информацию о своем собеседнике, которую тот счел необходимым указать. Этих данных зачастую не хватает для адекватной оценки личности, к тому же такой спо-

соб коммуникации предполагает возможность предоставления ложной информации участникам взаимодействия или сокрытие каких-либо фактов. Кроме вышесказанного, подобная свобода действий предоставляет поле для деструктивного поведения, учитывая анонимность, а, следовательно, и ощущение безнаказанности, формирующиеся по причине отсутствия санкций в константной реальности за поведение в виртуальном пространстве. Справедливо заметим, что на современном этапе развития социальных сетей для беспрепятственного пользования функциональными инструментами ресурсов виртуальных социальных сетей разработчики включают обязательным подтверждение личности, дабы минимизировать уровень деструктивного поведения в сети.

Во-вторых, легкость установления и прекращения контакта. Собеседник в любой момент может прервать коммуникацию, что с одной стороны позволяет устанавливать границы личного взаимодействия, а с другой – ставит под вопрос возможность построения доверительных крепких связей посредством виртуального сетевого взаимодействия, когда партнер может пропасть в любой момент.

И в-третьих, отмечается одновременная эмоциональная скудость межличностной коммуникации в сети, но при этом высокий уровень потребности в эмоциональных контактах пользователей виртуальных социальных сетей. Это связано с повышением уровня отчужденности личности, находящейся в пространстве виртуального всё больше свободного и не только времени. Если изначально сеть Интернет прогнозировалась как поле свободной коммуникации, которое стирает границы стран, городов и континентов, то одним из самых крупных последствием коммерциализации этого поля для человека является выстраивание “стен фильтров”, которые направлены не только на удовлетворение уникальных личностных потребностей, но и корректировки того информационного поля, в котором пребывает каждый человек со смартфоном ежедневно.

Также в виртуальных социальных сетях наблюдается стремление к неформальному, нетипичному для материальной реальности поведению. Сеть становится площадкой для нереализуемых моделей в рамках константной реальности. Поскольку сетевые взаимодействия происходят всё ещё для человека на уровне ощущений, а не действий, он воспринимает это в определенной степени как видеоигру, в которой можно не только стать кем-либо другим, но и осуществлять то, на что в реальности не хватает ресурсов. Ко всему прочему контекст анонимности сподвигает человека на импульсивные поступки, которые не несут за собой реальных последствий.

Таким образом виртуальные социальные сети имеют в своем пространстве свои специфичные механизмы построения коммуникации, которые только частично повторяют традиционные модели межличностного, межгруппового и внутригруппового взаимодействие. Можно выделить основные характеристики, на которых строится виртуальная коммуникация в социальных сетях:

- 1) открытость коммуникативного пространства, “человек на расстоянии клика”;
- 2) одинаковый уровень доступа к ресурсам внутри виртуального коммуникативного пространства социальных сетей;
- 3) горизонтальное иерархическое деление, отсутствие ярко-выраженного вертикального деления;
- 4) беспрепятственный вход и выход из коммуникационного пространства сети.

Что касается невербальной коммуникации в виртуальных социальных сетях, то можно заметить начало формирования ее отличительных характеристик, хотя в условиях виртуального пространства казалось бы невозможно производить неосознаваемые действия. Но тем не менее невербальная коммуникация в виртуальных социальных сетях присутствует в письменной речи, которая снабжена дополнительными смыслами, или эмоциями, выраженными графически. Данные эмоции способны передавать эмоциональное состояние собеседника, которое он хочет транслировать, а в некоторых случаях заменять коммуникационное взаимодействие. Таким образом невербальная коммуникация кардинально меняется, но всё равно предпринимаются попытки переноса ее в пространство виртуальных социальных сетей, как неотъемлемой части межличностного общения.

В пространстве виртуальных социальных сетей процессы формирования коммуникативных структур происходят по иным основаниям, нежели в константной реальности. Традиционные модели взаимодействия теряют свою актуальность и работоспособность, на их место приходят нормы и ценности, регулирующие виртуальную коммуникацию, правила, которые основываются не других характеристиках акторов.

Основной спецификой социальных сетей является возможность построения и формирования социального капитала качественно иного уровня с условием реализации горизонтальных связей между акторами, включающей в себя установление взаимодействий в обществе, сотрудничество которых основано на доверие и стремление создания ценностей и норм, их закрепление. Такая тенденция является подтверждением современной социальной ситуации, сложившейся в нашем обществе, когда формируется устойчивый дефицит доверия между людьми и при этом стремление иметь возможность беспрепятственной коммуникации остается.

Основной отличительной чертой современной коммуникации можно назвать интраперсонализацию, т. е. человек общается с электронным устройством, которые уже передает и получает информацию. С одной стороны, электронные устройства соединяют людей как географически, так и сегментарно, с другой – они позволяют сделать внутриличностное общение более эффективным. В традиционном понимании внутриличностное общение происходит в процессе воображения или размышления, однако теперь «внутренний голос» начинает заменяться на электронное устройство.

Список литературы

1. Бубер М. Изречённое слово (пер. А. Н. Портнов) // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 2 (41). С. 19–27.
2. Винер Н. К. Шеннон «Я математик» / сокращ. пер. с англ. Ю. С. Родман. М.: Наука. 1964. 355 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / [пер. с нем. Л. Добросельского]. М.: Изд-во АСТ, 2018. 160 с.
4. Левинас, Э. Путь к Другому / Пер. Е. Бахтиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2007. 240 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос. 2004. 232 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Understanding Media: The Extensions of Man. М.: Кучково поле. 2007. 464 с.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс. 2006. 416 с.
8. Сазонов В. М. Социально-сетевые технологии. Системный анализ, прогноз. М., 2010. URL: <http://v-school.ru/VQOK/cct.doc> (дата обращения: 02.09.2021)
9. Habermas Jurgen. Theorie des kommunikativen Handelns. 4 Aufl. Frankfurt am Main, 1987. Bd. 1. 439 p.

УДК 316.42
ББК 60.5

А. В. Зверева, *Иркутск*

Консолидация общества в виртуальном пространстве

Анализируются работы, посвященные изучению и аналитике консолидации общества в виртуальном пространстве. Проводится экспериментальное исследование, с помощью которого определяется, стремится ли интернет-пользователь отличить достоверную информацию от фальшивой для принятия решений, в том числе касающихся консолидации с другими пользователями. Делается вывод, что решением сегодняшних проблем видится устранение дисфункциональности демократии, а также осуществление мониторинга виртуального общения, принятие мер по результатам взаимодействия с общественностью, выступающей в сети.

Ключевые слова: консолидация, виртуальное пространство, социальные сети, социальная реальность, массовые самокоммуникации.

A. V. Zvereva, *Irkutsk*

Consolidation of the company in the virtual space

In the article, the author analyzes the works devoted to the study and analysis of the consolidation of society in the virtual space, as well as an experimental study with the help of which it was determined whether an Internet user seeks to distinguish reliable information from fake information for making decisions, including those concerning consolidation with other users. The author comes to the conclusion that the solution to today's problems is to eliminate the dysfunctionality of democracy, as well as monitoring virtual communication, taking measures based on the results of interaction with the public speaking on the network.

Keywords: consolidation, virtual space, social networks, social reality, mass self-communication.

В настоящее время виртуальное пространство является неотъемлемой частью современного общества. Ведущую роль в создании массовой коммуникации занимают интернет, мобильный телефон и социальные сети. Доля пользователей интернета в России в январе 2021 г. составила почти

85 %. Наиболее популярным средством доступа к Интернету выступает мобильный телефон – 90 %. Необходимо отметить, что значимое место в современном сетевом обществе отводится социальным сетям [2].

Находясь в виртуальном мире, человек приобретает безграничную возможность для развития и реализации личности. Объединение людей в киберпространстве приводит к появлению виртуальных сообществ. Наличие цифровых площадок для свободного и практически бесконтрольного обмена любой информацией в интернете способствует консолидации общества. Так, появившийся в сентябре 2013 г. мессенджер Telegram был свободен от контроля различных социальных медиа и спланированных хакерских атак на них. Данная цифровая платформа создала анонимные публичные каналы для распространения информации. Авторы, публикующиеся здесь, стали писать о результатах коррупционных расследований, делать общедоступными секретные документы. Создатели многих Telegram-каналов получили возможность стать неуловимым благодаря средствам защиты, возможности использовать оконечное end-to-end шифрование от взлома переписки, способности быстро менять номера мобильного телефона, никнеймы, а также доменное имя. Всё это говорит о том, что виртуальная реальность способна консолидировать общество. Проблемой же выступает вопрос о том, с какой целью консолидировать, а также что будет результатом консолидации общества. В связи с этим актуальность данной работы не вызывает сомнений.

Анализируя работу Л. А. Бобовой «Механизмы социальной консолидации в сетевом обществе», можно заметить, что автор отмечает развитие горизонтальных сетевых связей при отсутствии адекватного развития вертикальных связей, под которым имеется в виду эффективное взаимодействие власти с гражданами [1, с. 208–216]. Л. А. Бобова полагает, что эта тенденция приводит к росту социальной консолидации, рождению демократии «снизу» и ослаблению традиционной функциональности политических институтов во всём мире.

Ссылаясь на работы отечественных и зарубежных исследователей, автор работы утверждает, что сегодня мы наблюдаем снижение доверия к власти. С автором статьи трудно не согласиться, потому что можно привести массу примеров из российского и зарубежного опыта, когда граждане предъявляли миру примеры неэтичного поведения людей публичных профессий с помощью современных технических средств, что, безусловно, подтверждает тезис о сакрализации власти в целом.

Автор ссылается на американского социолога М. Кастельса, который утверждает, что сегодня люди, проживающие на разных континентах, оказываются связанными в попытке решить проблемы, которые ставит современность: «Эти люди за рамками активности каких-либо формальных организаций нашли свой первый рупор в сети Интернет, в частности в электронных социальных сетях – средствах массовых самокоммуникаций, которые являют собой информационно-коммуникационные пространства, автономные от контроля со стороны правительств и корпораций, монополизируют

вавших все традиционные средства массовой информации. В результате отдельные индивиды на созданных ими же веб-страницах открыто делились своими заботами и надеждами, создавали целые сети разделяющих общие чувства пользователей сети Интернет» [1, с. 210].

Размышляя о мотивах объединения людей в виртуальном пространстве, Л. А. Бобова утверждает, что к этому побуждает унижение, с которым власть относится к окружающим. Это чувство заставляет людей по всему миру выходить на акции протеста: в Европе, США, Израиле. Автор работы пишет о том, что протестующие требуют социальной справедливости и настоящей демократии. Они не пытались работать с политическими партиями своих стран, не связывались со средствами массовой информации и лидерами государств, не стремились участвовать в какой-либо форме официальной организации. Протестующие через глобальную сеть связывались с местными собраниями для организации выступлений. Наблюдения за этими протестами привели Л. А. Бобову к выводу: «В современном мире мультимодальные цифровые сети горизонтальных коммуникаций, благодаря которым объективно ничем не связанные между собой индивиды способны консолидировать свои усилия и выражать протест, стали самыми быстрыми, независимыми, интерактивными, гибкими, с наиболее широким охватом средствами коммуникации в истории» [1, с. 210].

В связи с особенностями виртуального общения эти движения имеют большие возможности для реального воздействия на власть. Поэтому она вынуждена обращаться к гражданам, приглашая к общению при помощи электронных средств.

Автор называет лидеров протестных движений в России и за рубежом, которые публикуют в сети Интернет информацию, раскрывающую коррупционные и шпионские скандалы. За этими лидерами в большинстве своём идут молодые люди, которых в большей степени касается безработица, чем людей старшего поколения, приобретших жизненный и профессиональный опыт. В связи с незанятостью молодые люди проводят много времени в виртуальном пространстве. Они часто не связаны семейными обязательствами. Ссылаясь на исследования Эрика Шмидта и Джаредда Козна, Л. А. Бобова пишет: «Молодёжь во всем мире наиболее склонна к радикализму, что повышает актуальность исследования новейших механизмов социальной консолидации и указывает на необходимость адекватного развития вертикальных связей в обществе» [1, с. 221].

Анализируя протестные движения в России, автор утверждает, что дисфункциональность в демократии не гарантирует приостановки протестных настроений. Кроме того, сегодня в виртуальной реальности автор не несёт ответственности за достоверность информации. В связи с этим, по мнению автора, наиболее остро стоит проблема доверия к власти.

С. Г. Ушкин в диссертационном исследовании также отмечает, что на формирование общественного мнения в той или иной форме влияет виртуальная реальность [5, с. 25]. Исследователь утверждает, что социальные

сети трансформируют социальные отношения в социуме. В связи с этим С. Г. Ушкин ссылается на сказанные задолго до сегодняшнего дня слова Б. Клинтона о необходимости учить детей не только пользоваться услугами глобальной сети с технической стороны, но и правильно воспринимать информацию, полученную оттуда. Как и Л. А. Бобова, автор обращается к работам исследователей, изучавших связь между протестным движением и социальными сетями, при этом утверждая, что из-за деанонимизации лидеров протестного движения эти люди становятся объектом контроля власти над их политической деятельностью.

Проведённое эмпирическим путём исследование показало, что особое влияние виртуальное общение оказывает на молодых людей до тридцати четырёх лет. С. Г. Ушкин отмечает: «Потенциал их воздействия на развитие протестного движения в региональном социуме является высоким, характер влияния – положительным. Социальные сети способствуют самоорганизации и рекрутингу пользователей, их информированию, координации протестных выступлений, солидаризации и конструированию смыслов социального протеста, формированию общественного мнения и воздействию на власть и в политику в целом. В структуре регионального социума наиболее выраженной функцией является формирование общественного мнения; мобилизационная, информационная и воздействующая на власть функции выражены в меньшей степени» [5, с. 24].

С. Г. Ушкин рекомендует властным структурам осуществлять регулярный мониторинг виртуальных общностей с целью выявления их структурных особенностей. В процессе мониторинга нужно изучать мнение лидеров движения, анализировать, насколько интенсивно проходит общение, есть ли динамика движения. Эта информация способствует предотвращению открытых конфликтных ситуаций.

Подобный мониторинг способствует установлению взаимодействия между структурами, осуществляющими властные полномочия, и согражданами. С другой стороны, установленная обратная связь помогает гражданам в определённой степени влиять на функционирование государственных и муниципальных органов власти.

В свою очередь, С. А. Филиппов видит проблему в противоречии между быстрым распространением информации в сети и возможностью столь же стремительно обобщить ее с научно-теоретической точки зрения; с другой стороны, сформировавшейся сетевой культурой и попыткой использовать старые схемы регулирования образовавшихся виртуальных связей [6, с. 61–64]. При этом вслед за В. П. Ермолаевым автор работы утверждает, что данная ситуация требует определённой деятельности от контролирующих органов, но при этом автор не уверен в том, что виртуальное общение играет значительную роль в формировании общественного мнения. Ссылаясь на исследование Л. Б. Хрущевой и К. А. Церковной, С. А. Филиппов утверждает: «Изучение виртуального пространства и социальных сетей как его основной составляющей должна проводиться с учетом системного рас-

смотрения сетевых феноменов, а также закономерностей формирования социальных сообществ и организационного поведения под влиянием условий виртуальной реальности» [6, с. 62].

Изучая же социальные сети как локацию, консолидирующую общество, автор приводит в пример негативную реакцию социальных сетей в адрес высказываний пресс-секретаря губернатора и администрации Иркутской области о жителях Тулуна. Пресс-секретарь была вынуждена уволиться после случившегося. Данный факт автором рассматривается как консолидация общества вокруг неэтичного поведения представителя властной структуры. При этом, как и Л. А. Бобова, автор отмечает, что недостоверная информация, распространяемая в сети, способна консолидировать общество к негативным реакциям, которые могут привести к противоправным действиям, в особенности это касается молодых людей.

Вот и авторы коллективной монографии выражают обеспокоенность по поводу того, что при виртуализации социальной действительности непросто определить достоверность информации, полученной из глобальной сети [3, с. 208]. В связи с этим авторы справедливо выражают опасения, связанные с возможностью консолидировать общество, манипулируя его сознанием.

Авторы утверждают: «В настоящее время широко обсуждается феномен так называемых “фальшивых новостей” (fake news), представляющий собой намеренное распространение дезинформации через СМИ и социальные медиа с целью получения определенной политической выгоды. С нашей точки зрения, появление этого феномена обусловлено такими факторами, как депрофессионализация журналистики, расширение возможностей информационно-психологических войн и появление политической культуры постправды» [3, с. 64].

Фальшивые новости призваны облагородить сторону, порождающую их, и компрометировать противоположную сторону. Авторы обозначают две стратегии: оборонительную и наступательную. Первая из них дезориентирует потребителя информации, вызывая у него состояние тревоги, при этом провоцируя раскол в обществе; рождая сомнения в принятых ценностях, недоверие к официальным источникам информации и социальным институтам. Вторая же стратегия нацелена на негативную консолидацию, подъём патриотических настроений, отвлечение от внутренних проблем путём перенесения на внешние проблемы, стремление повысить авторитет действующей власти. Авторы резюмируют: «В результате единая социальная реальность фрагментируется, а общество распадается на отдельные сегменты, живущие собственной жизнью и плохо соотносящиеся друг с другом» [3, с. 69].

И. В. Попова утверждает, что для современного российского общества характерна социальная апатия [4, с. 242–254]. Автор работы отмечает, что сегодняшний россиянин не задумывается над такими понятиями, как общественные задачи и социальные проблемы; не верит в успех деятельного участия при решении этих задач и проблем. Причиной тому И. В. Попова видит

ручное управление, установившееся в современной России. Автор пишет: «В последние годы российское общество характеризуется социальной дезинтеграцией, основанной на растущем отчуждении, индивидуализме и социальной апатии» [4, с. 243].

Кроме того, по мнению И. В. Поповой, сегодня разрушены институциональные рамки поведения. Часть россиян забывает о понятии «коллективная жизнь», а часть вошла в социум, когда всё реже обращались к понятию вообще.

Как можно понять из теоретического анализа работ, важно понимать, какие мотивы положены в основу консолидации общества при реализации процесса взаимодействия в сети. Так, нами было проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие 35 человек. Данный опрос позволяет определить, стремится ли пользователь отличить достоверную информацию от фальшивой для принятия решений, в том числе касающихся консолидации с другими пользователями. Никто из опрошенных не отказался принимать участие в исследовании по вопросам, предложенным Международной ассоциацией библиотечных ассоциаций и учреждений. Вопросы были следующие:

1. Как Вам кажется, развитие информационных технологий приносит обществу больше пользы или вреда?

2. Ограничиваетесь ли Вы прочтением заголовка для понимания содержания статьи?

3. Важен ли для Вас источник информации?

4. Проверяете ли Вы авторов публикации?

5. Проверяете ли Вы информацию по другим источникам?

6. Обращаете ли Вы внимание на дату публикации? [3, с. 67].

Обработка результатов позволила сформировать две группы по возрастному признаку: респонденты, которым до двадцати пяти лет, и респонденты в возрасте от двадцати пяти лет. Первая группа в полном составе ответила, что развитие информационных технологий приносит обществу больше пользы, т. е. мыслей о возможности дезинформации у отвечавших не было. 80 % опрошенных не ограничиваются только прочтением заголовка, так как заголовок лишь привлекает внимание, но не раскрывает сущности того, о чём хотели рассказать. Все отвечавшие сказали о том, что источник информации важен, но при этом 70 % респондентов не проверяют авторов публикации. При этом все опрошенные не ограничиваются одним источником, обязательно читают и др. 70 % респондентов обращает внимание на дату публикации.

Вторая группа отвечавших была сдержаннее: лишь 70 % считает, что развитие информационных технологий приносит обществу больше пользы. В комментариях респондентов звучало сдержанное доверие к появлению любой новой информации. 90 % не ограничивается прочтением заголовка. Это говорит о том, что данная возрастная группа более серьезно подходит к восприятию информации. Все отвечавшие, без исключения, ответили, что

источник информации важен, однако также 70 % из них не проверяют авторов публикации. При этом 100 % опрошенных читают другие источники, а 70 % проверяют дату публикации.

Небольшая выборка не позволяет утверждать, что результаты статистически верны. Поэтому в этой работе предполагается только качественный анализ результатов. Как можно заметить, респонденты до 25 лет уверены: информационные технологии делают современное общество более мобильным, в то время как старшее поколение более сдержанно относится к новой информации, с некоторой долей недоверия. При этом настораживает, что большая часть в обеих группах не проверяет авторов публикаций. Это позволяет полагать: недостоверная информация способна консолидировать общество в виртуальном пространстве. Значимую роль же будет играть, в какой форме будет проявляться объединение.

Таким образом, обобщая вышесказанное, решением сегодняшних проблем видится устранение дисфункциональности демократии, а также осуществление мониторинга виртуального общения, принятие мер по результатам взаимодействия с общественностью, выступающей в сети. Все это будет способствовать сохранению и стабилизации сохранить и стабилизировать социального порядка в государстве, снижению риска обострения ситуации, нейтрализации уровня протестного настроения в обществе. Эффект от применения этих мер можно также определять с помощью мониторинга. При этом нужно признать, что решение проблем сегодняшнего дня, связанных с консолидацией общества, намного сложнее, так как российское общество сегодня сложно назвать консолидированным вокруг определённой государственной идеи в целом.

Список литературы

1. Бобова Л. А. Механизмы социальной консолидации в сетевом обществе // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2 (35). С. 208–216
2. Интернет и социальные сети в России в 2021 году – вся статистика. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 01.09.2021).
3. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 208 с.
4. Попова И. В. Ослабление консолидационного потенциала социума как фактор системного кризиса социальной солидарности // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 4 С. 242–254.
5. Ушкин Г. С. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2015. 25 с.
6. Филиппов С. А. Консолидация общества в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 61–64.

УДК 1.123.1
ББК 87.6

О. В. Каргапольцева, *Иркутск*

Процессы консолидации современного общества в виртуальной реальности интернета

Показывается, что в настоящее время интернет-пространство является ядром консолидации современного сообщества через важнейшие социальные процессы: симуляция общения, взаимодействия, жизни. Доказывается, что глобализация и развитие научно-технического прогресса подарили нам безграничные возможности для работы с информационным фоном. Особо выделяется негативное воздействие виртуальной реальности на консолидацию общества, люди практически не успевают качественно перерабатывать массив нарастающей информации и отличать подлинную информацию от ложной.

Ключевые слова: глобализация, Интернет, информационный фон, обработка информации, научно-технический прогресс, консолидация в виртуальном пространстве.

O. V. Kargapoltseva, *Irkutsk*

The processes of consolidation of modern society in the virtual reality of the Internet

The article shows that at present the Internet space is the core of the consolidation of the modern community through the most important social processes: simulation of communication, interaction, life. It is proved that globalization and the development of scientific and technological progress have presented us with endless opportunities for working with the information background. The negative impact of virtual reality on the consolidation of society is especially highlighted, people practically do not have time to qualitatively process the array of growing information and distinguish true information from false information.

Keywords: globalization, Internet, information background, information processing, scientific and technological progress, consolidation in the virtual space.

С каждым годом в России и мире нарастает насыщенность информационного пространства. Информация становится все более доступной для общества, особенно для молодого поколения, которое с особой быстротой осваивает новые каналы коммуникаций. Современное общество уже давно не успевает перерабатывать поступающую извне информацию, и у него выработались своеобразные «фильтры», через которые происходит отбор нужной информации. Проблему информационной перенасыщенности усугубляет то, что через эти «фильтры» легко проходит ненужная (деструктивная или ложная) информация, так точно имитирующая вид нужной.

Информация сегодня несет в себе не только позитивное начало, но и деструктивную составляющую. Информационное воздействие окружает нас повсеместно. Это воздействие может быть обусловлено как простым рекламным воздействием, с целью получения экономической выгоды, так и воздействием в рамках реализации определённых политических идей, которые преследуют более глобальные цели. Также, не стоит исключать воздействие и доступность информации, потенциально разлагающей общество: информации о наркотических веществах, религиозных сектах, экстремизме и т. д. В данном случае информация выступает как источник потенциально-деструктивного воздействия на сознание и поведение общества, рожда-

ющий соответствующие ответные реакции [3]. Кроме того, глобализация дала нам мобильность и доступность информации: любому человеку в любой части света для погружения в информационное пространство необходима всего пара манипуляций с мобильным устройством, и он погружается уже совсем в иную реальность, отличную от настоящей жизни. Иными словами, культом современного поколения является процесс консолидации в виртуальном пространстве интернета, где происходит тотальная симуляция жизни, общения, социализации, социального взаимодействия.

Рассматривая базовое для нашей статьи понятие «консолидации», необходимо отметить, что в современной жизни интернета мы видим адаптацию процессов консолидации реальной жизни к жизни виртуальной. Так, например, в рамках социально-психологического подхода мы наблюдаем «перенос» процессов консолидации из исторического контекста в современную интернет-реальность [5]. Классические и современные социальные законы в той или иной степени актуальны для информационного пространства интернета. Если рассматривать поведение людей в интернете, то их социальная активность имеет схожие черты с активностью, свойственной реальной толпе. В просторах интернета информационный поток стимулирует общество к определенным эмоциям и чувствам и происходит молниеносный отклик в виде копирования информации (репостинга и комментинга) с целью дальнейшего распространения информационного потока. Воздействуя на эмоции и чувства, информационная толпа становится разгоряченной, одухотворенной, т. е. происходит распространение активного посыла путем «заражения» толпы. Еще Г. Лебон высказывал мысль о том, что распространение эмоциональной мысли является самым действенным путем и происходит по типу заражения: доставляя информацию адресно до лидеров общественного мнения, она преодолевает в десятки раз меньший путь, чем информация, направленная на рациональное осмысление [1].

Говоря о воздействии информации на поведение и сознание современного человека, необходимо отметить важность такого процесса как «копирование». Приобретая массовый характер, копирование информации в интернете являет собой одну из наиболее сильных движущих сил развития и расширения влияния данного информационного сегмента. Посыл коммуникации становится смыслом самой коммуникации. В схожести реальной консолидации и консолидации в интернете мы видим воздействие с целью получить определенный ответный импульс и распространение этого воздействия происходит через копирование и подражание. Примером может быть то, что любая инновация, возникающая посредством минимального количества людей (гениев) проходит путь до позиции общественного признания именно через процессы подражания и копирования этой новации массами [5].

Копирование информации становится процессом стихийным, так как люди с удовольствием потребляют всю новую и новую информации. При этом даже при избытии информации в интернете, людям рано или поздно

становится мало потребляемой информации, и они испытывают информационное голодание.

Информационное голодание – это острая проблема современности. Постоянную потребность в информации особенно испытывает молодежь: осмотревшись по сторонам трудно не заметить, что почти каждый третий представитель молодежного сообщества не выпускает гаджета из рук: на улице, в автобусе, во время обучения в университете и т. д. При этом, как уже было сказано выше, не играет особой роли само качество информации будь то новости, смешные картинки, бессмысленные посты – все это не создает цельного образа и поступает в сознание фрагментарно. Молодежь устраивает порционное потребление информации в образе клипов, и эти же клипы создают благодаря своей простоте и привлекательности состояние зависимости от порождающей их среды – интернета [3].

Над идеей клипового сознания уже довольно давно работает отечественный ученый Ф. И. Гиренок. Клип определяется ученым как часть, которая не отсылает к целому при общей фрагментации сознания. Культ клипового сознания происходит именно в интернете, ведь именно там потоки информации делятся на множество структурных единиц, которые в беспорядочном и хаотичном виде доходят до реципиента. Ф. И. Гиренок определяет, что клиповым сознанием в интернете начинают обладать не только дети, но и взрослые [1].

Еще одним ключевым аспектом современной интернет-реальности является создание в ее рамках особой информационной культуры, которая оказывает влияние не только на виртуальную жизнь молодежи, но и на жизнь реальную.

Информационная культура интернета является порождением фрагментарного восприятия и бесконечного тиражирования информации. При подобном стечении обстоятельств создается трудный естественный информационный барьер для поиска первоначального оригинала-образца. Достоверная информация представляет собой практически неуловимую материю, которую невозможно обнаружить за «информационным шумом». Информационная культура обрывочна, бессвязна и текуча.

Сегодня понятие «достоверной информации» является своего рода ценным ресурсом, который не может принадлежать массам в интернет-пространстве. Цель современного информационного общества – глобальное потребление. Представляется интересным в рамках данной мысли указать на возможность существования нетократии – предполагаемой формы управления обществом, в рамках которой ценным являются не материальные блага, а информация. По мнению Р. Барта и Я. Зодерквиста, полноценный доступ к достоверной информации и манипуляции с ней обеспечивают власть над массами [4]. То есть, целесообразно предположить, что специальное образование бесцельной информации в виде информационного «шума» максимально выгодно нетократии, которая преследует своей целью создания закрытых сетей распространения информации.

Как уже было сказано выше, информационный натиск и информационный шум в настоящее время превышает все невообразимые границы. У современной молодежи выработались своеобразные «фильтры» восприятия нужной и не нужной информации. Среди этих стереотипов могут быть: стереотип виртуального общения, стереотип успешного (уже готового) знания, стереотип деструктивного поведения и др. При всем многообразии стереотипов, возникших под информационным давлением извне, проблему информационной перенасыщенности в интернете усугубляет тот факт, что через эти фильтры все равно проходит ненужная информация, так точно имитирующая вид нужной.

Совокупности информационных фильтров принято считать информационными стереотипами, которые имеют четкое сходство с обычными стереотипами в реальной жизни. Стереотип выступает как проявление защитного механизма от информационного воздействия на мозг, как автоматизм, который представляет собой упорядоченный, непротиворечивый образец поведения [5]. Иными словами, это упорядоченное представление о внешней информации, которое может носить нейтральный, положительный и отрицательный характер, в зависимости от точки зрения относительно изучаемого объекта. Важно подчеркнуть, что стереотипы управляемы. Так, например, при определенном воздействии повторяющихся информационных потоков можно изменить полярность нейтрального стереотипа, скорректировать отрицательный стереотип или усилить положительный. Самое важное сделать сильный посыл необходимой информации в область доминирующего фильтра. Важно помнить, что стереотипы различны по своему содержанию в различных территориальных отрезках. Они не одинаковы в разных странах и даже в разных областях одной конкретной страны [2].

Современная информационная культура в интернете представляет собой культуру массового информационного потребления, подобной своеобразной информационной «наркоманией», нашедшей свою целевую аудиторию – молодежь. Большой проблемой современного общества является информационное голодание: молодежь проходит процессы социализации в информационной среде интернета, становясь неотъемлемой частью информационного коммуникативного поля интернета.

Сознание современной молодежи носит характер клипового, что означает фрагментарное усвоение информации, качество которой, зачастую, является сомнительным. В условиях информационного натиска и информационного «шума» практически невозможно переработать массив поступающей извне информации. У молодежи выработались стереотипные фильтры восприятия нужной и ненужной информации. Совокупности фильтров составляют стереотипы восприятия и поведения, которые поддаются целенаправленному воздействию с целью их изменения. Изменения стереотипных установок возможны при концентрированном информационном воздействии на доминирующие фильтры отбора информации [1].

Таким образом, приходим к выводу, что консолидация в рамках информационного пространства интернета – это современный тип толпообразования, с переносом чувств и эмоций в виртуальную реальность. Данные толпообразования в интернете являются результатом неоднократного копирования и подражания масс лидерам общественного мнения. Максимально эффективно обеспечивает массовое копирование информационных потоков целенаправленные воздействия на сознания масс, побуждающие следовать определенным имиджевым поведенческим стратегиям в рамках интернет-пространства.

Информационное общество понимается как сеть виртуализированных общественных отношений, воздействий на сознание и поведение масс с целью создания и удержания власти в условиях глобального информационного натиска. Современное информационное пространство интернета является продуктом новых форм социальной организации, информационной культуры и новых видов социальных солидарностей, при которых происходит создание виртуального пространства, максимально сжимающего пространство и время между участниками коммуникативного акта, преимущественно представителями молодежного сообщества.

Список литературы

1. Калашникова М. С. Последствия использования интернета, интернет-зависимости в связи с отчуждением // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 117–118.
2. Полошкевич О. А. Предисловие. Просоциальное поведение как ресурс консолидации // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф.. 2020. С. 9.
3. Федорович М. А. Темный интернет в системе интернет-преступности // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 7 (41). С. 54–56.
4. Хворова В. А. Виртуализация современной медиакультуры молодежи // Культура в фокусе научных парадигм. 2021. № 12–13. С. 433–435.
5. Южанов С. А. Интернет социализация и проблемное интернет поведение // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–21. С. 21–27.

УДК 343.61:004.738.5
ББК Х628.111.313.5:32.973

Козлова А. С., Попова В. В., *Иркутск*

Роль сети интернет в профилактике домашнего насилия

Проведен анализ причин домашнего насилия и его последствий. Выявлены инструменты профилактики домашнего насилия. Раскрыта роль сети интернет в профилактике домашнего насилия. Представлены результаты исследования осведомленности населения о проблеме домашнего насилия и использовании виртуального пространства в профилактике домашнего насилия. Осуществлена попытка выделить особенности и риски профилактики домашнего насилия в телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: интернет, домашнее насилие, инструменты профилактики домашнего насилия, кризисные центры.

Kozlova A. S., Popova V. V., *Irkutsk*

The Role of the Internet in Preventing Domestic Violence

The article analyzes the causes of domestic violence and the consequences of it. Tools for the prevention of domestic violence have been identified. The role of the Internet in the prevention of domestic violence was revealed. The article presents the results of research of the population's awareness of the problem of domestic violence and the using the virtual space in the prevention of domestic violence. An attempt was made to highlight the features and risks of preventing domestic violence in the telecommunications network Internet.

Keywords: Internet, domestic violence, domestic violence prevention tools, crisis centers.

Актуальность исследования проблемы насилия в семье обусловлена значительными изменениями, которые испытывает современная российская семья под влиянием социальных процессов, происходящих в обществе. Семья как социальный институт в настоящее время теряет способность к самоорганизации и саморазвитию, не может самостоятельно справиться с происходящими в ней деструктивными процессами. Проявление крайней формы деструктивности, – насилия в семейных отношениях, – неизбежно приводит к разрушению системных свойств семьи. В процессе развития общества и трансформации семейных отношений условия и факторы, способствующие проявлению как насилия в семье, так и гармонизации семейных отношений, подвергаются изменениям, что обуславливает необходимость в проведении комплексных научных исследований в динамике и актуализирует поиск новых путей профилактики негативных явлений. Основная задача нашей статьи – проанализировать возможность профилактики домашнего насилия через телекоммуникационную сеть Интернет и, в частности, через виртуальные социальные сети, которые могут стать новым эффективным каналом взаимодействия в системе «специалист по социальной работе – группа риска / жертвы домашнего насилия».

Важно понимать, что вопрос личной безопасности членов семьи неразрывно связан с важнейшими показателям жизни в государстве. При недостатке должного внимания к проблеме социум пополняется различными девиантными элементами, которые демонстрируют свою модель поведения из-за полученного негативного опыта, а общий фон состояния проблемы

медленно разрушает институт брака в целом. Все это угрожает не только сохранности личности в браке. Проблема внутрисемейного насилия имеет гораздо более высокий уровень опасности, ведь в перспективе это большой вызов для национальной безопасности в общем.

Причины домашнего насилия условно можно разделить на две крупные категории: социально-экономические и психологические. К социально-экономическим причинам возникновения домашнего насилия относятся: культурные нормы и ценности, принятые в отдельном обществе; отсутствие нормативно-правых запретов и наказаний за насилие в семье; материально-экономические проблемы; воздействие постоянного стресса в профессиональном поле человека; демонстрация сцен насилия в кино и средствах массовой информации; провокация со стороны других членов семьи; социальный статус семьи; первичная социализация, как фактор домашнего насилия.

К психологическим причинам относятся: комплекс неполноценности, неуверенность в себе; самоутверждение путем вымещения агрессии на членов семьи; слабохарактерность и чрезмерная покорность члена семьи; алкоголизм и наркомания; ревность; опыт насилия, перенесённого в детстве; отсутствие примера для построения семьи; агрессор, постоянно находящийся в социальной среде, где насилие считается нормой; психическое расстройство агрессора.

На сегодняшний день, на международном уровне нормативно-правовая база оказания помощи лицам, испытавшим домашнее насилие, сформирована достаточно полно. Четко можно выделить основные права человека в этой сфере, особого внимания заслуживает отдельное выделение прав женщин и детей, так как данные категории лиц больше всего подвержены домашнему насилию. Всеобщая декларация прав человека, Декларация о правах ребенка, Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребенка, а также другие документы закрепляют основные принципы международного законодательства в отношении прав человека. А именно: принцип всеобщего равенства и принцип запрета дискриминации по расовому, половому, культурно-языковому, социально-экономическому и другому признаку.

В ходе анализа нормативно-правовой базы оказания социальной помощи жертвам домашнего насилия были изучены основные законы Российской Федерации и Иркутской области, регламентирующие этот вопрос (Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон № 124-ФЗ от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Распоряжение Правительства РФ от 2 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», Закон Иркут-

ской области № 144-ОЗ от 1 декабря 2014 г. «Об отдельных вопросах социального обслуживания граждан в Иркутской области» и др.).

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации на сегодняшний день присутствуют отдельные пункты, которые могут помочь жертвам домашнего насилия в защите своих законных прав, а также собственной жизни и здоровья. Практический опыт показывает, что в настоящей нормативно-правовой базе России существуют определенные ограничения и несовершенства с точки зрения своевременного оказания социальной помощи, а также заметна нехватка механизмов предотвращения и снижения случаев домашнего насилия. В современном Российском законодательстве есть пункты, которые могут помочь жертве насилия не только защитить себя на правовом уровне, но и получить помощь в сфере социального обслуживания, руководствуясь реестром поставщиков услуг в своем регионе. Подобная практика показывает, что государство пусть и медленно, но все же пытается решить проблему и ориентируется в этом плане на западный опыт, с использованием различных НКО и развитой системой законодательства в социальном плане. Помимо этого, происходит признание негативных тенденций в обществе, что можно увидеть в пунктах концепции государственной семейной политики, где указывается на кризис института семьи в России и потребности в грамотной и системной работе.

Проблема предотвращения насилия в семье должна, с точки зрения законодательства, рассматриваться как комплексная и включающая в себя действенные меры как по предотвращению преступлений, которые позволят женщинам и другим членам семьи ощущать себя защищенными от агрессии, так и меры по социальной профилактике, которые позволят формировать правильные и здоровые нормы поведения в семейных отношениях, позволяя не руководствоваться шаблонными рамками.

Нами проведено социологическое исследование среди населения Иркутской области методом онлайн-опроса. Ключевые аспекты исследования заключались в изучении причин возникновения домашнего насилия, общей оценке инструментов профилактики домашнего насилия через телекоммуникационную сеть Интернет и виртуальные социальные сети, а также дифференциации конкретных инструментов профилактики домашнего насилия через сеть Интернет с точки зрения эффективности. Анкета была размещена в свободном доступе на сайте Webanketa.ru. Статистическая обработка данных осуществлена при помощи программы Microsoft Office Excel и SPSS Statistic for Windows 22.0. Исследование носит поисковый характер и отражает основные тенденции в данном вопросе.

В данном исследовании приняло участие 200 респондентов от 18 до 45 лет, в их числе 60,5 % женщин и 39,5 % мужчин. Стоит отметить, что в рамках социологического исследования, с точки зрения социально-демографических характеристик, рассматривалось образование респондентов, семейное положение, наличие детей в семье, а также сфера трудовой деятельности и место проживания. Основная часть респондентов имеет не-

оконченное высшее образование – 42,0 % и высшее образование – 45,5 %. Если говорить о семейном положении, не замужем / холосты – 54,0 %, замужем / женаты – 32,5 %. Большая часть опрошенных не имеет детей в семье – 72,0 %, а наличие одного или 2 детей распределены практически в одинаковом процентном соотношении: 12,5 % и 12,0 % соответственно. Основными сферами трудовой деятельности опрошенных являются сфера образования и науки (19,5 %), сфера услуг (14,0 %) и сфера интеллектуальной деятельности (13,5 %). Подавляющее большинство опрошенных проживает в городской местности (94,0 %).

Исследование показывает, что подавляющее большинство опрошенных в той или иной степени считают проблему домашнего насилия актуальной на сегодняшний день (92,5 %). Почти половина опрошенных (43,5 %) знают семьи, в которых встречаются разные формы домашнего насилия.

Проблема домашнего насилия в научном сообществе, в государственном и социальном поле обсуждается достаточно давно. Особую актуальность данный вопрос получил в последние 10 лет, когда, с одной стороны, участились случаи насильственных действий, в особенности в ситуации ограничений режима самоизоляции, с другой стороны, по причине активизации деятельности общественных движений по защите прав женщин и детей в мире. В теории и практике социальной работы существует подробное описание причин появления домашнего насилия, однако в рамках исследования особое внимание было уделено причинам появления данной дисфункции института семьи и методам профилактики посредством телекоммуникационной сети Интернет.

Так, самым распространенным среди опрошенных является ответ, что насилие является паттерном поведения родительской семьи (12,8 %). Причем практически в равном процентном соотношении ответили мужчины (13,2 %) и женщины (12,6 %). Это подтверждает теорию о том, что насилие как паттерн поведения конкретного члена семьи переносится из модели взаимоотношений в родительской семье агрессора. Важно отметить, что не только насильственная модель может переноситься, но также и модель жертвы. Если в родительской семье были случаи домашнего насилия, соответственно, есть вероятность того, что человек будет, с одной стороны, готов, что в отношении него будет совершаться насилие, с другой стороны, он может сам становиться катализатором насильственных действий по отношению к нему. С другой стороны, насилие как паттерн поведения в семье может сформироваться по причине того, что агрессор постоянно находится в агрессивной среде, например в профессионально-трудовой среде. Постоянные стресс и необходимость использовать силовые механизмы общения переносятся в семью, что в конечном итоге становится причиной появления домашнего насилия.

Следующими по популярности среди опрошенных стали ответы: «психологические расстройства» (11,3 %) и «алкогольная зависимость члена семьи» (11,3). Самыми нераспространенными ответами среди опрошенных

стали такие варианты, как «низкий уровень образования» (6,0 %) и «ревность» (5,7 %).

Можно сделать вывод, что факт насилия в семье респонденты не связывают с уровнем образования ее членов, т. е. насилие может быть как в семьях с низким, так и с высоким уровнем образования. Данную тенденцию подтверждают результаты ранее полученных исследований, которые гласят, что нет прямой связи между образованием и насилием в семье.

Мы посчитали необходимым выяснить осведомленность населения о наличии инструментов профилактики домашнего насилия и градации их эффективности. Так, две трети опрошенных (65,0 %) в той или иной степени указали, что на сегодняшний день отсутствуют инструменты профилактики домашнего насилия. Такой показатель, на наш взгляд, связан с неосведомленностью о деятельности кризисных центров в целом, что с точки зрения первичной профилактики является серьезной проблемой, ведь одними из основных причин латентности домашнего насилия являются страх, что никто не может помочь в решении данной проблемы и отсутствие информации, куда именно обращаться.

В ходе исследования респонденты были ознакомлены с основными инструментами профилактики домашнего насилия, что дало возможность отследить их мнение об эффективности тех или иных инструментов, которыми пользуются организации по профилактике насилия в семье и, в частности, специалисты, работающие в данных организациях.

По мнению опрошенных, самыми эффективными инструментами профилактики домашнего насилия является организация социального сопровождения семей, в которых были случаи домашнего насилия (14,6 %), система социальной и психологической поддержки (14,5 %) и контроль со стороны правозащитных органов по факту обращений по домашнему насилию (13,8 %).

Переходя к вопросу профилактики домашнего насилия посредством телекоммуникационной сети Интернет в целом и виртуальных социальных сетей, в частности, необходимо оценить мнение респондентов в вопросе эффективности данного канала профилактических действий. Так, большинство опрошенных в той или иной степени указали на то, что данный канал профилактики домашнего насилия эффективен (81,0 %). Причем важно отметить, что женщины в большей степени указывают на эффективность данного канала профилактики (разница в ответах с мужчинами – 9,4 %). Можно связать это с тем, что интернет позволяет удаленно и анонимно получить помощь и поддержку при факте домашнего насилия, основной группой риска которой являются именно женщины. Также это объясняется тем, что телекоммуникационная сеть Интернет охватывает большую аудиторию, соответственно, с точки зрения первичной профилактики, а именно информирования, более эффективных инструментов не существует.

Данные ответы позволяют судить о том, что профилактика домашнего насилия через интернет может дать положительную динамику в минимизации фактов домашнего насилия в Российской Федерации.

Переходя к конкретным инструментам профилактики домашнего насилия через телекоммуникационную сеть Интернет и виртуальные социальные сети, нами были выделены следующие основные инструменты:

- 1) создание площадок для приема анонимных обращения по факту домашнего насилия;
- 2) оказание социальной и психологической помощи через сеть Интернет;
- 3) ресурсная поддержка деятельности кризисных центров по профилактике в сети Интернет;
- 4) просветительская деятельность в социальных сетях;
- 5) социальное сопровождение семей через сеть Интернет;
- 6) создание специального приложения по работе с лицами, подвергшимися домашнему насилию.

Респондентам была предложена возможность оценить эффективность конкретных методов. С точки зрения эффективности конкретных методов было выяснено, что такие методы, как создание площадок для приема анонимных обращения по факту домашнего насилия (21,1 %), оказание социальной и психологической помощи через сеть Интернет (19,6 %), ресурсная поддержка деятельности кризисных центров по профилактике в сети Интернет (17,6 %) несут большой положительный эффект. Однако при профилактике домашнего насилия необходимо учитывать социально-демографические характеристики группы, в отношении которой будут проводиться профилактические мероприятия. Это связано с тем, что разные группы выделяют для себя различные методы профилактики домашнего насилия через Интернет.

Так, например, по мнению респондентов, являющихся вдовой/вдовцом или разведенным, самый эффективный инструмент – оказание социальной и психологической помощи через сеть Интернет, а социальное сопровождение семьи через интернет представляется более эффективным замужним и женатым. Просветительская деятельность в социальных сетях отмечена как более эффективный метод разведенными, а социальное сопровождение семей через сеть Интернет – людьми, у которых есть дети, причем с увеличением их количества увеличивается и актуальность данного метода профилактики домашнего насилия.

По результатам вторичного анализа данных был составлен список основных инструментов профилактики домашнего насилия: онлайн-группы психологической помощи актерам домашнего насилия; информационное освещение темы мифов о домашнем насилии, алгоритмов действий, мест оказания помощи посредством тематических YouTube-каналов, таргетированной рекламы, блогов, тематических сайтов и страниц в социальных сетях; психологическая, информационная и юридическая онлайн-поддержка жертв насилия; онлайн-группы самопомощи; образовательные онлайн-

лекции на тему домашнего насилия; специальное приложение для жертв домашнего насилия; социальное сопровождение жертв домашнего насилия.

Помимо основных инструментов, мы можем выделить особенности и риски профилактики домашнего насилия в телекоммуникационной сети Интернет. Основными особенностями являются: анонимность как самих жертв, так и лиц, оказывающих помощь; доступность как географическая, так и экономическая; масштабность воздействия профилактических инструментов.

Основными угрозами данного вида профилактики мы считаем: невозможность точечного воздействия на группы риска, увеличение вероятности обращения к некомпетентному специалисту и сложность отслеживания данной компетентности, нарушение конфиденциальности и, как следствие, кибербуллинг жертв домашнего насилия, увеличение количества разводов в связи с масштабным просвещением населения и актуализацией данной темы.

Профилактика домашнего насилия посредством телекоммуникационной сети Интернет является инновационной возможностью для специалистов по социальной работе. Это в-первую очередь связано с тем, что в современных реалиях интернет и социальные сети, в частности, являются важной частью жизнедеятельности людей России. Отдельно стоит сказать о том, что виртуальное пространство все более глубоко интегрируется в общество, а также с каждым годом увеличивается процент покрытия территории России сетью Интернет, соответственно, это открывает новые возможности для первичной и вторичной профилактики домашнего насилия.

Список литературы

1. Попова В. В., Решетникова Е. В., Саблина Н. А. Специфика внутрисемейного насилия и технология его преодоления в условиях кризисных центров : Монография. Иркутск : Оттиск, 2018. 124 с.
2. Худой мир – или добрая ссора // Всероссийский центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (дата обращения: 22.05.2021)

УДК 681.142
ББК 32.816

С. В. Малых, *Иркутск*

Виртуальность в сознании современников

Рассматриваются условия и формы изменения сознания современников под влиянием виртуальности. Анализируются социальные и личные последствия данных изменений. Приводятся результаты исследования, позволяющего обозначить основные точки изменения сознания и возможные их последствия.

Ключевые слова: виртуальность, сознание, современники, иррациональность, новая реальность

S. V. Malyh, *Irkutsk*

Virtuality in the minds of contemporaries

The article examines the conditions and forms of changing the consciousness of contemporaries under the influence of virtuality. The social and personal consequences of these changes are analyzed. The article presents the results of a study that allows identifying the main points of changes in consciousness and their possible consequences.

Keywords: virtuality, consciousness, contemporaries, irrationality, new reality.

Виртуальность за последние годы стала частью повседневного мира большей части россиян. Процессы глобализации, усиленные пандемией коронавируса, вывели на первый план приоритет цифрового пространства над привычной реальностью.

Изменения коснулись как рабочей сферы, так и досуга; как личных отношений, так и социальной активности. Поэтому, можно говорить о трансформации функционирования сознания россиян.

Исследованием данного вопроса занимается ряд современных ученых, таких как Р. В. Иванов [1; 2], С. В. Малых [3], О. А. Полюшкевич [4; 5], В. А. Скуденков [6–8] и др. В ряде работ рассмотрены различные аспекты изменения сознания под влиянием виртуальности. И то, что интерес не ослабевает – лишь подчеркивает актуальность данной тематики.

Мы провели опрос россиян, воспользовавшись платформой www.google.com, в котором приняло участие 1150 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 58 % женщин и 42 % мужчин, занятых в разных сферах экономики, но имеющих доступ к сети интернет в рамках личных или профессиональных обязанностей. Квотами при подборе респондентов, помимо региона проживания, пола и возраста было именно пользование сетью интернет на постоянной основе.

В сети интернет бывают каждый день 89 % респондентов, несколько раз в неделю 11 %. Это выступает формальным показателем изменения обычного повседневного пространства.

Да вы такое спрашиваете!!! Сегодня, наверное, таких и не найдешь, кто не знает, что такое виртуальность: у кого-то работа, у кого-то учеба; у кого-то дети в школе и хочешь не хочешь, а будешь в курсе дистанционного обучения. (А. А., переводчик 33 года).

Повседневность существенно расширилась при появлении виртуальности. И если до пандемии это в основном досуг и хобби были, то во время и после ее – это работа, образование и собственно сама реализация. (Т. Ю., историк, 47 лет).

Для 64 % россиян виртуальность стала более востребована на работе, чем раньше. При этом дистанционная занятость актуальна только для 34 %. Поменялись функции по должностным обязанностям (увеличились требования к работе в интернете) у 37 %.

Среди досуга все больше виртуальных площадок, социальных сетей и интерактивных игр, которые позволяют заменить живые коммуникации, занять свободное время и создать условия для иллюзии игры и вовлеченности в какой-то общий процесс. Респонденты указывали на эти моменты в 82 %. Это выступает своего рода искусственным аналогом жизни. Причем, если еще лет 5–7 назад мы могли говорить о данных аспектах лишь в отношении подростков и молодежи, то сегодня люди более старшего возраста вовлекаются в аналогичные процессы. И это явление уже выступает не только характеристикой молодежи, но и всех россиян.

Сегодня безопаснее, активнее и свободнее выстроить свое личное пространство в виртуальном мире, чем рассчитывать на это же в мире реальном. То, что предлагает цифровое пространство – реальный мир для многих миллионов не сможет предложить никогда. Лишь единицы могут рассчитывать на иной подход. Но по оценкам наших респондентов – лично им это точно не светит. (Д. Л., агроном, 39 лет).

Для существенной части молодежи, досуг в виде игры перестал быть и актуален и интересен. Появляется все больше мест, где можно реализовать свои самые нетривиальные идеи. Это всего-лишь возможность, которой пользуются или нет. (О. Е., адвокат, 35 лет).

Выстраивание личных, интимных отношений 5–7 лет назад лишь у 12 % выстраивалось только в сети Интернет, то сегодня таких 44 %. Это говорит о том, что современников атрофируются функции реальной коммуникации и выстраивании отношений. Значительно проще поговорить с человеком, спрятанным за аватарку, нежели чем смотреть в глаза реальному человеку. Зона интимности, как досуг и работа, стала пространством реализации в виртуальном мире, где можно обезопасить себя паролями, доступами и физической удаленностью между собой. Следствием этого выступает оттягивание возможностей и ресурсов личных коммуникаций.

Сфера интима – перекечевала в Интернет. Всевозможные сайты знакомств, площадки для быстрого знакомства – слишком быстро притупляют уровень критичности. Поэтому виртуальность становится вдвойне притягательным явлением, которое усиливает потенциал любого человека. (Д. А., аналитик, 26 лет).

Я работаю достаточно давно, и интим более качественный и надежный, через интернет более надежно получить, чем реально кого-то найти. Поэтому и притязания и представления людей о том, что такое близость

в семье, что такое близкие люди – существенно меняется прямо на глазах. (С. С., архитектор, 49 лет).

Более того, 5–7 лет назад – социальная активность и даже волонтерство требовало личное участие в акциях и процессах, то сегодня можно проявлять сознательность и гражданский активизм – находясь у себя дома, сидя за компьютером или в телефоне. Это отмечают 46 % респондентов, хотя 5–7 лет назад такие процессы отмечали лишь 11 % респондентов более молодого возраста, а сегодня на данную тенденцию указывают представители всех возрастов. То есть меняется понимание того, что означает активно участвовать в общественной жизни. Результатом этого выступает – изменение поведенческих установок и траекторий развития социального капитала.

Быть волонтером круто, престижно и почетно. Но сегодня можно уже не бегать с пакетами, а очень многое осуществлять дистанционно и удаленно. Это условия и возможности современности – им надо просто следовать и использовать себе во благо, чтобы усилить свой человеческий капитал. (М. Н., банкир, 40 лет).

Социальная активность плавно перенеслась в сети интернет, в социальные сети и это стало толчком к развитию, изменению собственных притязаний и представлений о том, что и как правильно, что нами руководить и как этим управлять. (Т. Е., продавец-консультант, 36 лет).

О чем говорят данные процессы? О том, что сфера обыденности, сфера повседневной рутинной жизни для существенной части россиян перенеслась из реального мира в виртуальный. Хотим мы того или нет, но именно виртуальность определяет перспективы и векторы развития. И если мы не освоим технологии ее развития, навыки и механизмы ее моделирования, то завтра мы себя полностью потеряем. Виртуальность уже есть в нашей жизни, но пока еще у нас остается право на личное участие и проявление себя в социуме. Пока еще есть возможность жить реальной, а не виртуальной жизнью, сталкиваясь с проблемами и реально их решая, а не используя волшебные жезлы или участвуя в травле кого-то в сети интернет.

Выбор всегда за нами: жить выдуманной или реальной жизнью.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 44–46.
2. Иванов Р. В. Роль цифрового пространства в профессиональной реализации человека // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. СПб., 2020. С. 74–75.
3. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 29–34.
4. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 10–25.

5. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.

6. Скуденков В. А. Психология виртуального имиджа // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 75–77.

7. Скуденков В. А. Экономические притязания молодежи в условиях перехода к виртуальному миру // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 214–218.

8. Скуденков В. А. Роль социальных сетей в удовлетворении желаний молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 176–179.

УДК 159.929

ББК 88.15

О. А. Полошкевич, *Иркутск*

Формы просоциальных практик в виртуальном мире

Рассматриваются особенности реализации просоциальных практик в цифровом мире. Приводятся результаты исследования, показывающие изменение форм просоциального поведения волонтеров и добровольцев под влиянием виртуальности, от реальных действий и конкретной помощи к соучастию и диалогу, рефлексивному взаимодействию через менеджеров и социальные сети, а также удаленную помощь для освоения роботов-помощников по дому. Делается вывод о перевороте практик поддержки и помощи, которые вызваны существенным расширением зоны виртуальности в обыденной жизни.

Ключевые слова: просоциальные практики, эмпатия, волонтеры, добровольцы, помощь

O. A. Polyushkevich, *Irkutsk*

Forms of Prosocial Practices in the Virtual World

The article discusses the features of the implementation of pro-social practices in the digital world. The results of the study are presented, showing the change in the forms of prosocial behavior of volunteers and volunteers under the influence of virtuality, from real actions and concrete assistance to participation and dialogue, reflexive interaction through managers and social networks, as well as remote assistance for mastering robotic helpers around the house. The conclusion is made about the revolution in the practices of support and assistance, which are caused by a significant expansion of the virtuality zone in everyday life.

Keywords: pro-social practices, empathy, volunteers, volunteers, help

Просоциальные практики – практики, ориентированные на других. Они могут иметь как персональную ориентацию, так и групповую, или же быть направлены на работу социальных институтов. Просоциальный характер позволяет работать в том направлении, что активизирует социальные устремления и настроения в рамках социальной эмпатии и консолидации.

Что заставляет людей делать что-либо для другого: желание выжить (так как взаимодействуя с кем-то мы развиваемся; желание быть нужным, хорошим, правильным (элемент заниженной самооценки и зависимого поведения или же искренняя готовность и желание помогать другим)? Ответов, может быть, множество и в каждом из конкретных случаев – он один.

На всех участников могут влиять иррациональные установки поведения, воздействующие на качество жизни [1; 2] или уровень доверия и готов-

ности включаться или исключаться из определённых сообществ [3; 5], но они все указывают на то положение, которое занимают индивиды в социальной структуре и готовы проявлять себя в том или ином виде.

Рассматривая вопросы объединения людей, для реализации просоциальных практик, можно выделить различные мотивы: желание быть нужным – 25 %, желание получить социальные бонусы, наработать социальный капитал – 24 %, знакомство с нужными людьми – 21 %, полезный досуг – 17 %, новые навыки в жизни – 13 % [4]. И это определяет то, в какие проекты, формы и процессы люди вовлекаются.

Но виртуальное пространство накладывает свой отпечаток на то, как люди хотят и могут проявить свои потребности в просоциально ориентированном поведении, как могут найти возможность проявить себя удаленно, через цифровое взаимодействие. Ведь оно исключает личный контакт, хотя, коммуникации установленные через виртуальное пространство, безусловно, могут быть более тесными, близкими и глубокими.

Итак, проведя анализ просоциальных практик в виртуальном мире, используя метод опроса, в котором приняли участие 680 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 52 % женщин и 48 % мужчин, проживающих в разных регионах РФ, вовлечённых в просоциальные практики через волонтерскую или добровольческую деятельность. Мы установили, что виртуальное пространство не столько ограничивает форму личного контакта, сколько дает новые возможности для тех, кто хочет и готов выстраивать социальные связи и реализовывать просоциальные практики поведения.

По мнению респондентов, благодаря виртуальности появляется больше возможностей оказывать вербальную поддержку и участие, проявлять сочувствие и эмпатию через различные мессенджеры и социальные сети (34 %). Через интернет-доставку – можно отправить продукты или какие-то необходимые предметы другому человеку (21 %), подключить электронных помощников дома (робот-пылесос, посудомоечная машина и проч.) находясь удаленно от человека кому это делается (13 %), участие в виртуальных флеш-мобах или чатах поддержки или сборах подписей (17 %) или денег для какого-то человека, проекта, идеи (15 %).

Иными словами, усиливается рефлексивная составляющая взаимодействия. Треть волонтеров – уже являются студентами психологического факультета или факультета социальной работы (31 %), и интерес к данному взаимодействию строится на основе их профессии. Другая часть думает о том, чтобы получить еще одно образование (пойти в магистратуру) на специальность близкую – помогающей профессии (26 %). Третья группа не думает о профессиональной подключённости к данной сфере, свою карьеру и реализацию они видят в других сферах, а волонтерством через виртуальное пространство занимаются по зову души или личным убеждениям (43 %).

Личное участие в том, чтобы что-то сделать для человека сегодня значительно реже сводится к тому, что это надо делать физически самому, очень многие процессы автоматизированы и можно осуществлять управле-

ние ими дистанционно. Регулирование условий и форм социального взаимодействия скорее определяется форматом контакта между тем кто помогает и тем, кому помогают, а это можно реализовать и через сеть Интернет.

Более того, когда необходима поддержка в работе каких-то организаций или социальных институтов – готовность это организовать, презентовать или что-то еще сделать в сети Интернет более ценна, нежели чем сделать что-то, о чем узнает 5–10–100 человек, а через интернет об этом узнает 10 000 000 человек. Это не соотносимые вещи, поэтому виртуальность и в этом секторе волонтерской деятельности, секторе осуществления просоциальных практик берет верх. За исключением, например таких проектов как очистка берегов рек или озер от мусора, тут сложно без личного участия что-либо сделать. Остальные сферы реализации просоциального поведения достаточно открыты для виртуального взаимодействия.

Но в целом, готовность проявить внимание к другому человеку, побеседовать с ним показывает усиление рефлексивных моментов социально коммуникации, готовность соучастия, выраженная словами, а не действиями. Конечно, это не является недостатком, это выступает характеристикой времени. Плюс усиление помощи в освоении роботов-помощников по дому может стать еще одним трендом развития про социального поведения. И в целом это может означать принципиальный сдвиг просоциального поведения в виртуальный мир.

Виртуальность позволяет выйти просоциальным практика на принципиально новый уровень. Это начало нового этапа осуществления помощи друг другу и выхода на новые формы социальной коммуникации, социальной рефлексии и общественной вовлеченности в социально значимые проекты. Жить строится по принципу социального взаимодействия и нахождения условий и форм реализации своих устремлений, какими бы мотивами и импульсами они не сопровождалась.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
2. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : МГУ, 2020. С. 44–46.
3. Полошкевич О. А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
4. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ, 2021. С. 420–422.
5. Полошкевич О. А. Социальная включённость и исключённость: ресурсы изучения солидарности в междисциплинарном аспекте // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаров. гос. ун-т экономики и права. Хабаровск : ХЭАК, 2019. С. 111–116.

УДК 323.21
ББК 78.34

М. В. Попова, *Иркутск*

Виртуальное пространство сельской и городской молодежи

Рассматривается развитие виртуального пространства в молодежной среде. Выявляются отличия городской и сельской молодежи. Анализируются факторы воздействия менталитета на включенность и социальную встроенность в виртуальное пространство городской и сельской молодежи. Приводятся сравнительные данные проведенного исследования.

Ключевые слова: виртуальное пространство, молодежь, село, город, цифровой мир, виртуальная идентичность

M. V. Popova, *Irkutsk*

Virtual space of rural and urban youth

The article discusses the development of virtual space among young people. The differences between urban and rural youth are revealed. The factors of the influence of mentality on the involvement and social integration into the virtual space of urban and rural youth are analyzed. Comparative data of the conducted research are presented.

Keywords: virtual space, youth, village, city, digital world, virtual identity

Сельская молодежь обладает особым ментальным полем, объединяющим ее в единую группу. И дело вовсе не в том, что у сельской молодежи меньше финансовых, культурных, образовательных и иных стратегий, а в том, что они на ценностно-мотивационном уровне находятся на другом уровне, нежели чем городская молодежь.

Уклад и ритм жизни, формируемые представления в процессе взросления отличаются. Хотя современные технологии и процессы изменения коммуникативного пространства в виде виртуализации – существенно сблизили молодежь города и деревни, но ментальные особенности не скрыть и в цифровом мире.

В ряде работ современников – затрагиваются вопросы становления и социализации молодежи, формирования ее особого социокультурного пространства, которое определяет психологические и социальные особенности развития личности. Это работы О. А. Полюшкевич [9; 10] об особенностях преемственности поколений, исследования И. А. Журавлевой [1–4] и С. В. Малых [7–8] об образовательных стратегиях и ресурсах молодежи, работы Р. В. Иванова [5,6] о социализации в современных условиях виртуального пространства, В. А. Скуденкова [17; 18] об особенностях формирования представлений молодежи в виртуальном пандемическом мире и т. д., а также ряда работ автора [11–16] о мотивации молодых жителей оставаться в селах.

Рассматривая данные работы, мы пришли к вопросу о том, как адаптируется и встраивается городская и сельская молодежь в виртуальное пространство. Что общего, а что отличается в стратегиях и формах анализа виртуальности в городе и селе. В нашем исследовании приняло участие 512

респондентов, из них 250 – жители сел и 262 – жители города, в возрасте от 18 до 35 лет. 55 % женщин и 45 % мужчин. Исследование проводилось среди жителей Иркутской области.

Виртуальность для молодежи города – это пространство работы (32,5 %) и досуга (24,7 %), тогда как для молодежи села – виртуальность – это пространство досуга (39,6 %) и обучения (26,5 %). Общение занимает одинаковое доленое соотношение (для городской молодежи 23,7 %, для сельской 23,4 %). Для городской молодежи виртуальность как форма обучения занимает 15,5 %, а пространство работы в виртуальности значимо только для 8,3 % сельской молодежи (рис. 1).

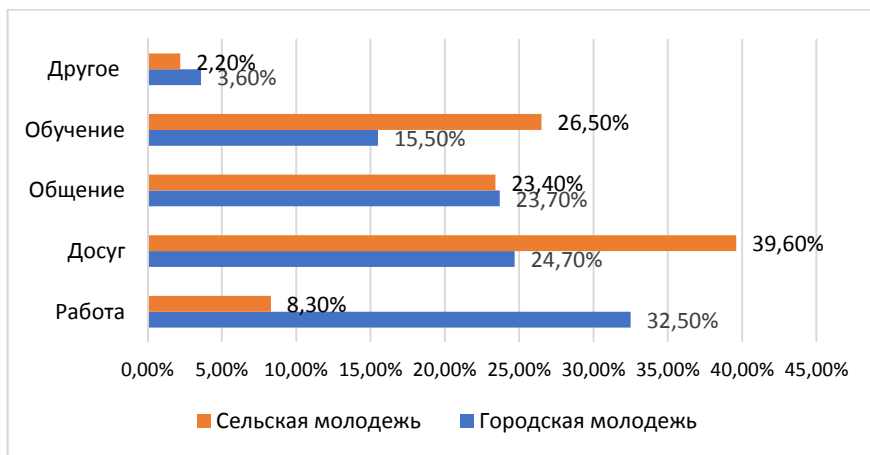

Рис. 1. Образы значимости виртуальности для молодежи города и села

Молодые люди города чаще видят свою реализацию и свое будущее в виртуальном пространстве (62,3 %), нежели чем молодые люди села (22,5 %). Хотя важность этого пространства в своей жизни отмечают и те и другие (горожане 59,2 %, сельчане 58,3 %).

Виртуальность затрагивает ценностное поле молодых людей, расширяет их представления о себе и своих возможностях. Например, они имеют возможность знакомиться с жителями других стран (37 % молодых людей в городе имеют друзей в других странах, с которыми они познакомились в сети, но среди жителей сел таких значительно меньше 3,8 %). По нашему мнению, это воздействие менталитета, который ограничивает возможности сельской молодежи, уменьшая их уверенность в знании иностранного языка, умении поддерживать коммуникацию с представителями другой культуры. Хотя при личном общении, все респонденты уверенно говорили о том, что смогли бы общаться с иностранцем и объяснить ему все, что хотели бы. Но в виртуальном пространстве, жители села не так уверены в себе.

Виртуальное пространство меняет идентичности жителей городов больше, чем жителей сел. Например, 35,7 % молодых людей города имеют чаты, где они общаются не от своего реального имени и даже не своего пола, вступают в коммуникацию с целью провокации или получения какой-то необычной информации. Тогда как среди жителей сел таких только 4,8 %. Опять же, объяснить данный факторы мы можем только социальными представлениями и установками должного поведения, заложенными ментально.

Смыслы досуга в виртуальном пространстве для молодежи города и села отличаются. Для жителей города – это больше возможность пользоваться социальными сетями и другими мессенджерами (39,9 %, для сельских жителей 32,1 %), тогда как для жителей сел это больше сетевые игры и групповые взаимодействия (47,7 %, для городских жителей они значимы в два раза меньше 23,4 %). Магазины более востребованы для городской молодежи (28,1 %), для сельской 17,3 %. Более подробно см. рис. 2.

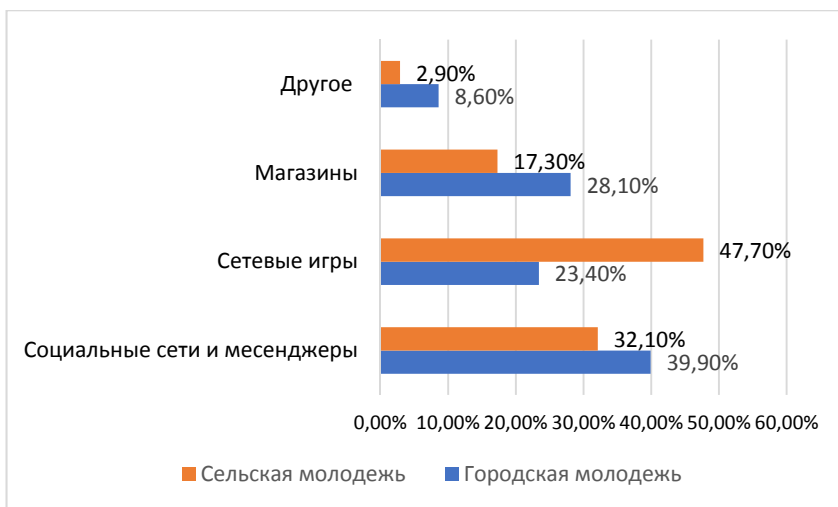

Рис. 2. Смыслы досуга для жителей города и села

Для достойной, удобной и хорошо оплачиваемой работы у молодежи села не хватает достаточной квалификации (56,7 %) так полагают, тогда как только 12,2 % городской молодежи приводят этот аргумент как решающий в том, что у них не получается получить удаленную виртуальную работу. Молодежь города считает данную сферу более перспективной и востребованной в будущем именно для себя в 3 раза чаще, чем сельская молодежь.

Рос значимости и возможностей обучения через виртуальное пространство стал более значимым шагом благодаря пандемии. Все опрошенные – что данная сфера стала развиваться практически с нуля после 2020 г. (92,1 %). И развивается очень активно. Поэтому мы можем надеяться, что в

будущем это позволит изменить и формы досуга и формы, и условия работы молодежи. Поэтому говорить о серьезных изменениях в условиях и формах обучения сельской молодежи пока рано, но шансы на серьезные условия есть.

Данная тема и проблемное поле, выявленное в нашем исследовании, указывает на потребность регулярного мониторинга исследования влияния виртуального пространства на идентичность, социализацию и реализацию молодежи города и села. А также необходимы меры поддержки развития равномерного распределения условий использования виртуального пространства всеми молодыми людьми страны, так как от этого зависит будущее Российской Федерации.

Список литературы

1. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб., 2020. С. 361–363.
2. Журавлева И. А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 182–184.
3. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
4. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
5. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 161–165.
6. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 44–46.
7. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 29–34.
8. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–316.
9. Полюшкевич О. А. Жизненный сценарий поколений // Социология. 2020. № 3. С. 28–45.
10. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XV Межрегион. науч. конф. молодых ученых. Новосибирск : НГУ, 2017. С. 157–159.
11. Попов Е. П., Попова М. В. Социальная идентичность молодежи современных сел // Вестник Иркутского университета. 2019. Вып. 22. С. 85–87.
12. Попова М. В. Миграция из города в село // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГГ, 2021. С. 80–83.
13. Попова М. В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–260.
14. Попова М. В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–158.
15. Попова М. В. Современные российские миграции из города в село // Социология. 2021. № 2. С. 68–74.
16. Попова М. В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.

17. Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 316–318.

18. Скуденков В. А. Экономические притязания: инструменты предъявления в цифровом мире // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб., 2020. С. 163–165.

УДК 316.33

ББК 87.633

А. И. Семкив, *Иркутск*

Идентичность человека в виртуальном пространстве

Рассматриваются особенности формирования виртуальной идентичности человека. Выявляются противоречивые условия и приоритетные векторы развития.

Ключевые слова: эго-идентичность, социальные сети, личности в виртуальном пространстве, пользователи социальных сетей, идентичность, виртуальная идентичность, виртуальное пространство, феномен, информационные технологии.

A. I. Semkiv, *Irkutsk*

Human identity in virtual space

The features of the formation of a person's virtual identity are considered. Contradictory conditions and priority vectors of development are revealed.

Keywords: ego identity, social networks, personality identity in the virtual space of social networks, users of social networks, identity, virtual identity, virtual space, phenomenon, information technology.

В настоящее время тенденция повсеместного внедрения интернета во все сферы современного общества очевидна. Согласно статистическим данным, 93,6 млн человек в России ежемесячно прибегают к использованию интернета, 90,7 млн пользователей посещают социальные сети каждую неделю, а 82,8 млн делают это каждый день [8]. Распространение социальных сетей обуславливается не столько необходимостью выстраивания коммуникации посредством их использования, сколько желанием пользователей все больше времени проводить в пространстве виртуальной публичности [2]. Активное использование личностью социальных сетей может значительно трансформировать процессы конструирования идентичности в виртуальном пространстве.

Актуальными сегодня являются вопросы безопасного поведения в социальных сетях. При использовании данных коммуникативных площадок школьники и студенты нередко становятся зависимыми от откровенного, агрессивного, экстремистского или опасного контента. Часты случаи столкновения детей и подростков с информацией, пропагандирующей суицидальные тенденции и экстремизм. Родителей, педагогов, психологов образовательных учреждений волнуют проблемы времяпрепровождения обучающихся в социальных сетях, роста интернет-зависимостей, наряду с необходимостью активного использования информации из интернета. Вместе с

тем мировая пандемия COVID-19 актуализировала необходимость использования социальных сетей людьми всех возрастных категорий, в связи с чем, субкультура пользователей социальных сетей была существенным образом трансформирована.

Таким образом, существует проблема профилактики интернет-зависимости, снижения негативного влияния информации, размещенной в социальных сетях, на процессы личностного развития и межличностного взаимодействия современных пользователей. Решение данных вопросов невозможно без сопоставления реальной идентичности личности и идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей, а также изучения специфики исследуемых феноменов. Мы предполагаем, что соотношение реальной идентичности личности и идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей характеризуется как наличием специфических особенностей, так и инвариантной составляющей, которая содержит «пересекающиеся» характеристики идентичности в реальном и в виртуальном мире.

Анализ особенностей виртуальной среды и характеристик идентичности личности в виртуальном пространстве [9], позволяет говорить о существенном влиянии субкультуры пользователей интернета на структуру и процессы конструирования идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей. Однако в настоящее время вопрос о соотношении реальной идентичности и идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей остается открытым. Конструирование личностью альтернативной, отличной от реальной, идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей может быть интерпретировано с позиций невозможности воплощения в реальной жизни всех аспектов и особенностей собственного «Я». Отсутствие возможности самореализации в реальном социальном окружении, в том числе в семье, среди сверстников или коллег, направляет личность на поиск компенсации. Нерешенные задачи возраста, связанные с нереализованностью в личностной и профессиональной сферах, свидетельствуют о недостаточной жизнеспособности человека и актуализируют его стремление воссоздать в виртуальном пространстве социальных сетей собственный идеализированный образ [6].

Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей, в отличие от идентичности в реальном пространстве, осознанно контролируется личностью, в связи с чем может быть легко скорректирована вплоть до полной противоположности реальной идентичности. В случае полного или частичного несоответствия идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей реальной идентичности личности целесообразно говорить об «экспериментах с идентичностью», в ходе которых личность примеряет на себя роли, фрустрированные в реальной жизни, при этом сознательно трансформируя информацию о себе. Данные действия направлены на выражение субъективных представлений личности о собственном идеализированном образе и ориентированы на альтернативную самореализацию.

Основой формирования идентичности личности всегда выступает другой человек [11]. Для современных подростков и юношей все чаще таким человеком становится популярный пользователь социальных сетей. Социальная сеть представляет собой интерактивный многопользовательский веб-сайт, который наполнен определенным контентом, созданным участниками сети [1]. Иными словами, это автоматизированная социальная платформа, которая позволяет решать задачи общения пользователей, объединения пользователей с общими целями, задачами, интересами [3]. На сегодняшний день пользователи интернета проводят значительное количество времени в социальных сетях, где посредством использования «аватаров» и «никнов» осуществляют виртуальное общение [5]. Социальные сети открывают перед пользователями множество возможностей, зачастую отсутствующих в реальной среде [4]. Это возможности преодоления расстояний за счет дистанционного характера коммуникации, право выбора собеседников, доступ к разнообразной, в том числе запретной, информации. Социальные сети позволяют пользователям компенсировать нерешенные задачи и фрустрированные потребности. С другой стороны, социальные сети наполнены уникальными инструментами для самовыражения и креативности, в частности, предоставляют множество возможностей для персонификации («аватары», «ники», «посты»). Данные обстоятельства лежат в основе трансформаций идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей. Идентичность личности в виртуальном пространстве компилируется из готового виртуального материала, включающего гипертекстовые компоненты виртуального облика, который состоит из совокупности физических и психологических свойств человека, а также из особенностей коммуникации в виртуальном пространстве [7]. При этом особенностью конструирования идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей является ограниченность данного процесса ресурсами интерфейса социальной сети. В современной психологии существует несколько точек зрения на проблему соотношения реальной идентичности личности и идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей. В работах А. Е. Войскунского, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федуниной идентичность личности в виртуальном пространстве рассматривается как эксперимент с реальной идентичностью, как построение альтернативной идентичности [10].

Идентичность в виртуальном пространстве может быть интерпретирована как аспект реальной идентичности [11]. Тем не менее актуальной остается задача описания проекции идентичности личности в виртуальном пространстве в среду социальных сетей. Интересна точка зрения И. В. Костериной, которая называет мифом конструирование отдельной идентичности в виртуальном пространстве, рассматривая этот феномен как проявление реальной личности. Зарубежные авторы, в частности, M. D. Back и R. E. Wilson считают, что конструирование идентичности личности в виртуальном пространстве имеет место, однако это не отдельный феномен, а отражение реальной личности в виртуальном пространстве. Данные авторы

подчеркивают, что аутентичная личность характеризуется стремлением к самоактуализации не только в реальной среде, но и в виртуальном пространстве социальных сетей. Социальные сети доступны и привлекательны простотой конструирования образа, однако все же отражают аспекты реальной идентичности личности. Виртуальное пространство социальных сетей, в интерпретации данных авторов, расценивается не как фактор построения новой идентичности, а как средство создания виртуального образа, отражающего реальные характеристики личности сквозь призму виртуальной среды и ее норм. Несколько иной точки зрения придерживается N. Doering. С позиций данного автора, новые альтернативные идентичности личности не заменяют реальную идентичность, а конструируются на ее основе. Многообразие проявлений реальной идентичности составляет целостную модель личности. По этой причине идентичность в социальных сетях – это вариант реальной идентичности, отраженный сквозь виртуальное пространство. N. Doering описывает данный процесс как *Identitäts-Hopping* («быстрая смена идентичностей»). Таким образом, идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей понимается нами как подсистема эго-идентичности, состоящая из текстовых, визуальных, аудиальных характеристик виртуального облика, отражающих физические и личностные свойства и особенности коммуникации, определяющие целостность и тождественность личности в рамках субкультуры пользователей социальных сетей.

В характеристиках реальной идентичности преобладающими являются описания себя с позиций семейного положения и реально выполняемых социальных ролей, интерпретации физического облика и внешности. Образ реальной идентичности пользователей социальных сетей носит более формальный характер, а наличие негативных характеристик в категориях может свидетельствовать о требовательности к себе, проблемах в сфере общения, в эмоциональной сфере. Большое количество существительных в репертуаре реальных идентичностей пользователей социальных сетей может говорить о более четких самопредставлениях.

В описаниях идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей чаще встречаются представления о себе с позиций интерпретации сферы коммуникации и особенностей общения с людьми, в контексте специфики деятельности в социальных сетях, а также большое количество самоописаний, связанных с виртуальным обликом. Описание идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей носит более творческий, многоплановый и эмоциональный характер. В социальных сетях человек может без особого труда создать идеальный образ себя, который, в сравнении с реальным, менее аутентичен, потому что отражает представления личности о воображаемом, идеальном наборе собственных качеств, комплектующихся при помощи готовых визуальных, текстовых и аудиальных сетевых инструментов.

Общими для реальной идентичности и идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей являются качества личности, черты харак-

тера, содержание деятельности и способности. Наличие общих характеристик позволяет говорить о существовании особой инвариантной составляющей образов виртуального и реального «Я», которая содержит совпадающие области идентичности с устойчивыми характеристиками, проявляющимися как в реальном, так и в виртуальном пространстве бытия. Инвариантная составляющая, содержащая общие для реальной идентичности личности и идентичности личности в виртуальном пространстве социальных сетей характеристики, описывает определенные сферы личности, которые проявляются как в реальной жизни, так и в интернете.

Социальные сети открывают перед пользователями множество возможностей, зачастую отсутствующих в реальной среде. Это возможности преодоления расстояний за счет дистанционного характера коммуникации, широкие возможности в выборе собеседников, доступ к разнообразной, в том числе запретной, информации. Социальные сети предоставляют уникальные инструменты для самовыражения и креативности. Анонимность в социальных сетях позволяет примерить любой образ, а множество инструментов ретуширования – создать идеальный образ своей личности. Более того, некоторые пользователи отождествляют реальный и виртуальный образы себя, что можно объяснить совпадением поведения, коммуникации и сферы интересов в реальном мире и в пространстве социальных сетей. Другая группа пользователей не отождествляет реальный и виртуальный образы себя, осознанно выстраивая в социальных сетях особую идентичность в виртуальном пространстве сети, которая может характеризоваться анонимностью, приукрашенностью, маской. Самоописания для реальной идентичности во многом интерпретируют сосредоточенность респондентов на реально существующих проблемах, задачах и жизненных ситуациях, что отражается в наличии большого количества негативных самоописаний, связанных с реальными жизненными ситуациями, с отрицательными чертами характера и негативной оценкой эмоционального и физического состояния. Образ реальной идентичности пользователей социальных сетей носит более формальный характер.

Специфика виртуального пространства дает пользователям возможность исследовать многие аспекты собственной личности. Анонимность в этом случае создает позитивную независимость от социальных норм, давление или неприятие человека, отличающегося от своего окружения расой, сексуальной ориентацией, физическими недостатками и т. д.

Список литературы

1. Астафьева О. Н. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вісник Харківського національного університету: Теорія культури та філософія науки. 2007. № 776. С. 120–133.
2. Винник В. Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.
3. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. 2013. Серия 14. № 1. С. 66–83.

4. Костерина И. В. Публичность частных дневников: об идентичности в блогах Рунета // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 3. С. 183–191.
5. Погорелов Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 262–267.
6. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 303–307.
7. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
8. Полошкевич О. А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 141–143.
9. Рьльская Е. А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 6–11.
10. Сервис аналитики сообществ социальных сетей. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoya-socsetey-vrossii> (дата обращения: 30.08.2021).
11. Скуденков В. А. Экономические притязания молодежи в условиях перехода к виртуальному миру // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 214–218.
12. Смольянинова Т. С., Петряева Т. А., Бусыгина Ю. А. Образ другого человека как основа формирования идентичности личности // Вестник ПСТГУ. Серия 4, Педагогика. Психология. 2020. № 56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazdrugogo-cheloveka-kak-osnova-formirovaniyaidentichnosti-lichnosti> (дата обращения: 30.08.2021).
13. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124.

УДК 338.65
ББК 67.401.21

Е. А. Туринцева, Е. В. Решетникова, *Иркутск*

Виртуализация и трансформация функций домашних животных в условиях города

Показывается, что в условиях города изменяются функции домашних животных – из области утилитарной и практической животные переходят в разряд виртуальных людей – становятся суррогатом детей, людей из близкого круга, выполняя функцию заполнения эмоциональных лакун.

Ключевые слова: биосоциология, домашние животные, городской образ жизни, социология города.

Е. А. Turintseva, E. V. Reshetnikova, *Irkutsk*

Virtualization and transformation of the functions of pets in the urban environment

Under the conditions of the city, the functions of domestic animals change – from the field of utilitarian and practical animals they move into the category of virtual people – they become a surrogate for children, people from a close circle, fulfilling the function of filling emotional gaps.

Keywords: biosociology, pets, urban lifestyle, city sociology.

В настоящее время многие исследователи отмечают не только активность процессов социализации природы как вовлечения природных живых объектов в сферу деятельности человека, но и крайнее выражение данных процессов, заключающееся в виртуализации природных живых объектов,

лишение их в определенной мере собственного природного статуса через присвоение им статуса человеческого. Во многом виртуализация домашних животных происходит через внедрение в сознание людей (прежде всего, детей) образов домашних животных, действующих и мыслящих по-человечески в анимационных, телевизионных, игровых фильмах и программах. Дети все чаще не могут отличить виртуальную экранную реальность от действительной окружающей их реальности. Это связано с тем, что последняя занимает все меньше места в жизни современных детей. Особенно отчетливо отчуждение детей (и вырастающих из них взрослых, так как процессы виртуализации идут уже около 100 лет) от живых природных объектов и виртуализация домашних животных заметны в крупных городах.

Чтобы понять, как и почему возникает у горожанина необходимость в общении с домашним животным, следует рассмотреть два вопроса: изменение социальной среды при переходе от традиционного деревенского к городскому образу жизни и, связанное с этим обстоятельством изменение функций домашних животных.

Чем отличается городская среда от сельской? Прежде всего, в контексте интересующей нас проблемы следует выделить такие отличия, как анонимность существования человека в городе и специфика социальных связей городского жителя.

На селе люди знают друг друга в лицо, знают кто, где и, главное, чем живет. Кто хороший человек, а кто не очень, с кем желательно общаться, с кем нет. В отличие от деревни, в городе человек ведет анонимное существование. Проживая всю свою жизнь в ячейке многоквартирного дома, он не может даже примерно сказать кто такие люди, живущие по соседству, на одной с ним лестничной клетке, не говоря уже о подъезде или целом доме.

В одном деревенском доме или в нескольких домах по соседству проживает, как правило, большая семья – родители, дети, бабушки и дедушки. В городской квартире для трех поколений не хватает места, детей рождается мало. В связи с недостатком времени у работающих родителей для осуществления своих семейных обязанностей, дети и старики помещаются в общественные учреждения, подменяющие семейные функции – в детские сады, школы, интернаты и т. д. Вместе с тем урбанизированная среда делает семью невыгодной и неприемлемой в принципе, так как тот, кто занят семьей не может уже с большой эффективностью функционировать как элемент современного города-фабрики, не существует как «идеальный работник», не имеет возможности «развлечься» так, как это положено делать в городе, т. е. с целью установления и поддержания нужных для карьеры «горизонтальных» связей. Кроме того, в тех же условиях социальные контакты людей меняются качественно – исчезают личностные взаимоотношения, а вместо них возникает некий суррогат – в реальной жизни только нужные для карьеры социальные контакты, а в виртуале – социальная сеть анонимных пользователей. Возникает парадокс – в городе при огромной концентрации людей

как организмов, на самом деле люди как люди исчезают. Образуется некий вакуум, который, согласно нашей гипотезе, заполняют домашние животные.

Наше предположение подтверждается диссертационным исследованием Токмаковой М. А., где представлен анализ ответов, полученных в ходе опроса 1998 г. на вопросы, посвященные причинам возникновения и характерным особенностям такой внесемейной ценностной ориентации, как ориентация на общение с домашними животными [1]. Большинство респондентов, имеющих животных, отметили, что самое важное, что им дает их общение с собственными питомцами – это оказываемая ими эмоциональная поддержка. Анализ высказываний владельцев животных демонстрирует, насколько одиноким может быть человек в собственной семье и какую важную роль может играть для него та эмоциональная поддержка, которую ему оказывает его домашний питомец. Для определенной части участников опроса животные выполняют функцию детей, а стремление иметь домашних животных замещает потребность в детях. Естественно предположить, что потребность в детях испытывают, прежде всего, женщины, и именно они заводят домашних животных для компенсации отсутствия детей. Широко растиражирован, например, образ «старой девы» – несемейной женщины, окруженной кошками.

Однако в том же исследовании М. А. Токмаковой показано, что в семьях преобладающими являются ориентации на самореализацию во внесемейной сфере деятельности, прежде всего в профессиональной. Данные ценности в большей степени присущи мужчинам, в том числе состоящим в браке и имеющим детей. Таким образом, можно предположить, что наиболее тяжело потерю работы (как главной ценности) будут переживать мужчины. В ситуации потери работы мужчины с большой долей вероятности окажутся без поддержки близких значимых людей (жена в этот момент занята работой и не может оказать поддержки, дети также не в счет, так как перед ними тем более невозможно демонстрировать свою слабость) и перед необходимостью самостоятельного преодоления кризиса. В этом положении именно мужчины часто заводят домашних питомцев (чаще всего собак) чтобы заполнить эмоциональную пустоту, возникшую в результате потери работы. В подтверждение этих выводов – блестящая пьеса – трагикомедия Альберта Рамсделла Герни «Сидеть! Лежать! Любить!» в которой показывается, как собака заполняет эмоциональную пустоту женатого и состоявшегося мужчины средних лет, внезапно лишившегося работы.

Любопытно также отметить возрастающее разнообразие природных видов, которые содержатся в городских квартирах в качестве домашних животных. Наряду с собаками и кошками здесь присутствуют и «бывшесельскохозяйственные» утилитарные виды – коровы, лошади, свиньи и т. д., а также представители дикой фауны – хорьки, лисы, суррикаты, иногда очень опасные виды – крокодилы, львы, волки, ядовитые змеи и пауки и др. На наш взгляд, вид животного не имеет значения, поскольку у всех этих видов в городских условиях остается только одна функция – замена исчеза-

ющего человека. Виртуализация живых объектов происходит на уровне сознания людей – это не собака, это член семьи (человек), это не лев – это гордый, смелый, сильный член семьи, которого мы знаем с детства (человек) и т. д. Известны паталогические случаи разведения целых зоопарков (а также псарен и кошковых домов) отдельными людьми в собственных квартирах. Известны и случаи фанатичной защиты животных в ущерб интересам людей.

При деревенском образе жизни для людей достаточно настоящих личностных контактов с людьми, а животные выполняют соответствующие практические и утилитарные функции – корова дает молоко и мясо, лошадь возит телеги, а собака, в частности – охраняет, поэтому ценятся крупные размеры собаки, ее способность громко лаять, предупреждая об опасности и т. д. Отношение к домашним животным в деревне соответствующее – если животное плохо выполняет свои функции, от него избавляются – и в этом нет жестокости, поскольку для деревенского жителя животное – это животное, а не человек.

В городе функции животных меняются – исчезают большие коровы и лошади, так как функцию предоставления молока и мяса выполняет магазин, а функцию перемещения грузов – автотранспорт; исчезают крупные злые цепные псы и охотничьи лайки – они не нужны человеку в городе, их функции перераспределены. Однако появляются некрупные и добродушные собаки, крошечные лошади для квартирного содержания, минипигги, декоративные кролики и аквариумные рыбки. У всех этих домашних животных только одна функция – заменить исчезающего в городе человека.

Домашние животные становятся для хозяев заменителями близкого круга общения. Отношение к домашним животным в городе как к людям очень хорошо просматривается – их балуют вкусеньким (отчего собаки, например, болеют человеческими болезнями, такими как диабет), им сооружают диванчики, изящные домики, их дни рождения отмечают, а в случае смерти проводят полный обряд похорон с оплакиванием и посещением могилки. Бросается в глаза приписывание пристраиваемым животным из приютов человеческих свойств и характеристик. Так, например, указывая пол пристраиваемой собаки, пишут – мальчик или девочка, вместо – кобель или сука.

Вместе с тем нельзя не отметить, что к бездомным животным в городе формируется совсем иное отношение. Вообще явление бездомности и безнадзорности животных – это примета города. В деревне не встретить бездомное животное – оно всегда чье-то, так как имеет свой собственный, связанный с данным конкретным видом животного функционал и ради этого функционала поддерживается людьми. Так как у животных в городе только одна функция – замена близкого человека, то из множества животных выбирается одно или несколько, которые и становятся «близким человеком», а все остальные животные, в том числе бездомные или принадлежащие другим людям, рассматриваются как все остальные люди – «чужие», «не близкие», «не свои». Чужие – значит дикие, опасные, с которыми надо бороться путем их изоляции (в приютах) или физического уничтожения. При этом

реакция на физическое уничтожение беспризорных домашних животных соответствует их человеческому статусу. Прежде всего, это видно на примере собак. Общество раскалывается на зоозащитников – относящихся к собакам как к людям и защищающих их право на жизнь точно также, как если бы это были люди, и догхантеров – собачьих убийц, к которым можно отнести и дворников, разбрасывающих яд, покупаемый компаниями, обслуживающими жилье. Раскол порождает большую проблему – фактически войну между теми, кто «за собак» и теми, кто «против».

В заключении можно сделать вывод, что все многочисленные утилитарные и социальные функции животных при деревенском образе жизни в городских условиях сводятся, по сути, к одной – замещению исчезающего человека – ребенка, друга.

Список литературы

1. Токмакова М. А. Методология исследования соотношения семейных и внесемейных ценностных ориентаций : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999. 30 с.

УДК 37.86
ББК 74.58

Чуныева Ю. Д., Меженова Ю. А., Захарова А. С., *Иркутск*

Коммуникационная активность студентов в информационном пространстве

Рассматривается вопрос использования интернета не только в образовательных, но и коммуникационных целях. Показываются особенности выстраивания коммуникации в виртуальном пространстве современными студентами.

Ключевые слова: коммуникация, личность, социальная сеть, информационная среда, коммуникативная активность, творческая деятельность, социальная коммуникативность.

Chunyaeva Yu. D., Mezhonova Yu. A., Zakharova A. S., *Irkutsk*

Communication activity of students in the information space

The article considers the issue of using the Internet not only for educational, but also for communication purposes. The features of building communication in the virtual space by modern students are shown.

Keywords: communication, personality, social network, information environment, communicative activity, creative activity, social communication.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время большая часть коммуникации происходит в интернете, поэтому в системе социальных взаимодействий особую роль играет изучение коммуникативных характеристик, одной из которых является коммуникативная активность, которая также является одним из факторов успешной учебной деятельности студента, его творческой самореализации в информационной среде.

В качестве методов исследования были использованы контент-анализ научных публикаций, анкетирование и наблюдение.

При проведении контент-анализа документальных источников для определения проблем, с которыми сталкиваются студенты Института социальных наук, были использованы ведущие новостные интернет порталы: «Истина» (<https://iz.ru/>), «Коммерсантъ» (<https://www.kommersant.ru/>). Статьи классифицировались по трем функциям, отражающим эмоциональное восприятие: информационная, креативная и функция взаимодействия.

Исходя из анализа выбранных статей, мы видим, что лидером по количеству публикаций стала газета «Коммерсантъ» – 7 публикаций. В жанровой направленности среди статей, посвященных объекту исследования, преобладают информационные репортажи и заметки (80 %), интервью (20 %). Тематика, которая фигурирует на большинстве сайтов, касается новостей о том или ином влиянии интернет-пространства на студента и его коммуникации в целом (1 статья, или 10 % и 9 статей, или 90 %) (табл. 1).

Таблица 1

Таблица контент-анализа

Название интернет-источников		Информационная функция						Функция взаимодействия			Креативная функция		
		Интернет			Студенты			Коммуникация			Творческая деятельность		
		+	-	0	+	-	0	+	-	0	+	-	0
1	www.kommersant.ru «...ценность истинного общения»	5	2	3	-	-	4	-	-	1	-	-	-
2	www.kommersant.ru «Уходим в сеть»	16	21	-	3	-	-	-	-	4	-	-	2
3	www.kommersant.ru «Образовательная дистанция»	1	1	15	-	-	3	-	-	12	-	-	1
4	iz.ru «Звуки творчества»	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	1
5	iz.ru «Повышение общественного иммунитета»	-	-	7					1	-	1		-
6	https://www.kommersant.ru «Ночь музеев переместилась в интернет»	1	1	3	-	1	-	-	-	2	-	1	-
7	https://www.kommersant.ru «Культура... выхода из карантина»	2	-	7					1	1	-	-	-
8	https://www.kommersant.ru «Пандемия отправила искусство в сеть»	2	-	2		1	-	-	-	1	-	-	-
9	https://www.kommersant.ru «Виртуальная реальность... общения»	4	1	1	-	1	2	-	-	1	-	-	-
10	iz.ru «В России создали программу для выявления травли в сети»	4	5	8	-	-	-	-	-	3	4	4	3
	Итого	35	31	48	3	3	9	0	2	25	6	5	7

При освещении проблемы доминирует нейтральный тон (80 %), что является хорошим показателем. Большое число нейтральных публикаций (8 статей), на наш взгляд, определяется преобладанием информационных заметок и репортажей, которые освещают изменение тех или иных мероприятий с переносом их в онлайн-пространство.

Негативный эмоциональный тон освещения проблемы был зафиксирован в одной публикации (10 %). Данная статья содержала информацию об отношении студентов к информационной среде при переходе на дистанционное обучение. Что касается положительного эмоционального тона, то он был зафиксирован в 2 публикациях (20 %), в которых были отражены все положительные стороны и возможности интернета как для студентов, так и для остальных пользователей.

В ходе опроса методом анкетирования было опрошено 50 студентов различных вузов, которым было предложено ответить на ряд вопросов. Целью опросного анкетирования – выявить респондентов, их отношение к коммуникативной активности в учебной и творческой деятельности.

50 опрошенных студентов равняются 100 %, 16 % из них относятся к возрастной группе от 16 до 18, 76 % – к группе от 19 до 21, 10 % к возрастной группе от 22 и старше. Большинство респондентов – 80 % – женского пола. 50 % опрошенных являются студентами ИГУ, 10 % – ИФ ВГИК. В общем счёте анкетирование проходили студенты из 19 вузов (прил.).

Исходя из результатов опроса, было выяснено, что большая часть студентов знает, что такое коммуникационная активность и непосредственно с ней связана: она часто использует информационную среду в целях общения. Также 90 % респондентов считают, что творчество, связанное с технологиями, существует и имеет место быть в современных реалиях. 82 % опрошенных связаны с творчеством, преимущественно это фотография, танцы и писательство.

Методом наблюдения был применен на подготовительной стадии исследования, для составления представления об объекте исследования. Для исследования был использован метод не стандартизированного наблюдения.

Важно упомянуть о количестве подписчиков на момент написания отчета на этих двух платформах: «ВКонтакте» и «Инстаграм» – 1432 и 279 соответственно.

По итогу было получено общее описание исследуемых процессов и явлений и, что самое главное, описание общей атмосферы, в которой находится наблюдаемый объект. При просмотре статистики (табл. 2), можно сделать вывод, что на платформе «Инстаграм» полностью охватывается аудитория с перспективой на увеличение охватов. На платформе «ВКонтакте» в свою очередь лучше проявляется коммуникационная активность студентов исходя из репостов.

Таблица 2

Анализ виртуальной активности студентов

Дата	Социальные сети	Вид публикации	Количество охватов (просмотров)	Количество лайков	Количество взаимодействий с публикацией (переходы в профиль, комментарии)	Количество репостов от факультетов и институтов ИГУ
05.05.2021	«ВКонтакте»	Пост о начале розыгрыша	596	19	-	7
05.05.2021	«Инстаграм»	Пост о начале розыгрыша	342	56	123 (условие розыгрыша – сделать комментарии, вне этого их нет)	2
06.05.2021	«Инстаграм»	Публикация в историю (напоминание)	75	1	-	– (не возможен репост истории)
07.05.2021	«ВКонтакте»	Публикация в историю (напоминание)	57	1	5 (переход в профиль)	– (не возможен репост истории)
11.05.2021	«ВКонтакте»	Пост об оставшихся последних билетах и напоминание о розыгрыше	563	10	-	7
12.05.2021	«ВКонтакте»	Публикация в историю о завершении в этот день розыгрыша	116	1	1 (переход в профиль)	4 (повторный репост основной записи)

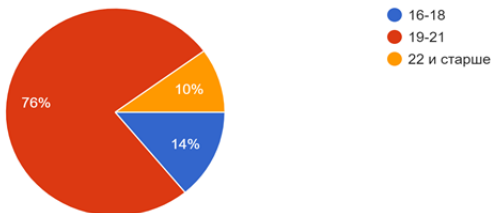
Вывод. Проведя исследования на тему: «Коммуникационная активность студентов в информационном пространстве», в котором мы использовали метод контент-анализа, анкетирования и наблюдения, можно сделать вывод, что данная тема является актуальной, потому что в системе социальных взаимодействий особую роль играет изучение коммуникативных характеристик, которая также является одним из факторов успешной учебной деятельности студента, его творческой самореализации в информационной среде.

На наш взгляд, все современные каналы коммуникаций, в частности: интернет-платформы, мессенджеры, тематические порталы и многие другие, не только создают благоприятную среду, но и выводят межличностные общения на новый уровень. Используя социальные сети, студенты могут выражать свою активную общественную позицию и творческую деятельность, а также продвигать свои работы в массы, не забывая про основы личной безопасности и информационной этики в интернет-пространстве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

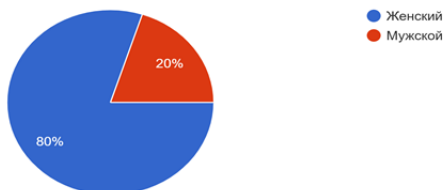
Укажите свой возраст

50 ответов

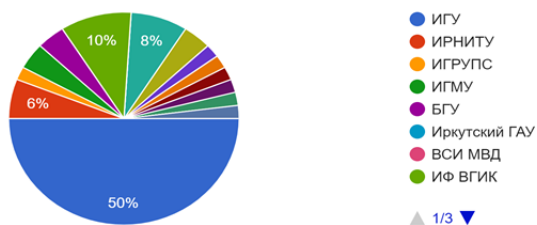
Ваш пол

50 ответов

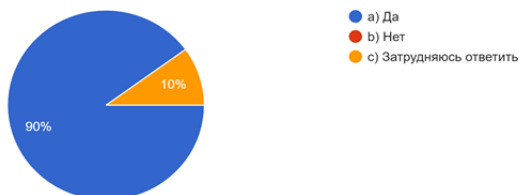
Выберите ВУЗ или СУЗ, в котором вы обучаетесь

50 ответов

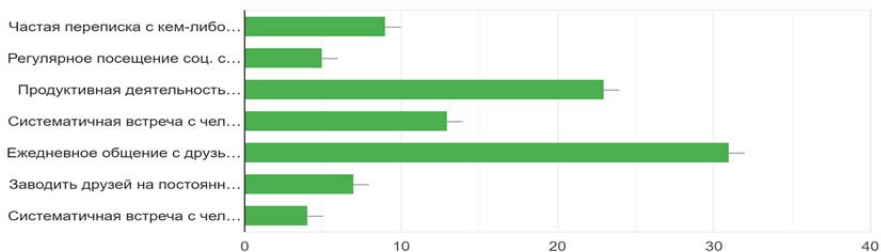

1. Знаете ли вы, что такое коммуникация?

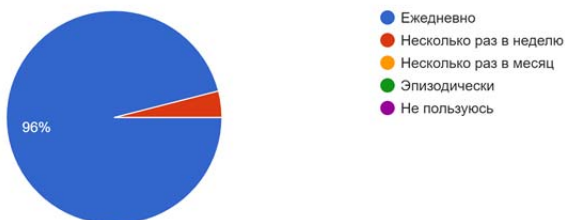
50 ответов

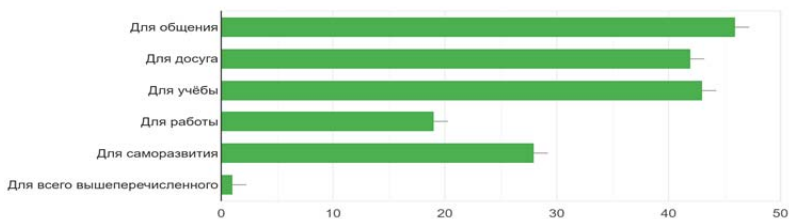
2. Выберите определение, которое для вас кажется наиболее подходящим к понятию «коммуникационная активность» (можно выбрать не более 2 вариантов ответа)?
50 ответов

3. Как часто вы получаете информацию через соц. сети и интернет?
50 ответов

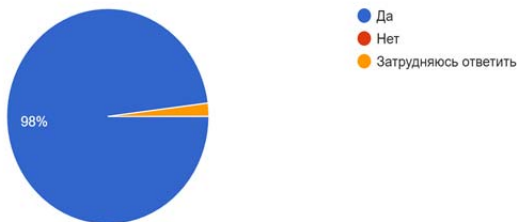

4. С какой целью вы пользуетесь социальными сетями (можно выбирать несколько вариантов ответов)?
50 ответов

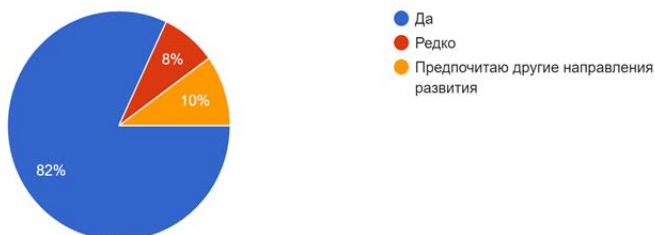
5. Как вы считаете, существует ли творчество, которое взаимосвязано с современными технологиями?

50 ответов

6. Связываете ли вы свою жизнь с творчеством?

50 ответов

7. Если да, то в какой сфере вы себя реализовываете?

(32 ответа)

- Фотография
- Танцы
- Писательство
- Архитектура, живопись, скульптура
- Отчасти профессиональная деятельность подразумевает использование творчества
- Писательство
- В сфере культуры, фото и видео
- сфера дизайна, производство диджитал-иллюстраций
- Сфера: "Выжить в России любыми доступными способами"
- Хореография, спорт, художественное развитие, духовная сфера
- В танцевальной сфере
- анимационное кино и геймдев
- Фотография, режиссура, рисую картины
- анимация
- Художник
- Режиссура анимации
- Режиссура кино
- Режиссура и анимация
- Рисование, режиссура
- Музыка, рисование, видео-фотография
- В сфере искусства

- В сфере искусства
- Анимация и иллюстрация
- Анимация и иллюстрация
- В сфере ивента, поэзии и в сфере медиа
- люблю создавать что-то своими руками
- Написание текстов
- Искусство рисования, музыка
- Музыка, стихи
- Наука
- Получение денег

КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

УДК 81'42
ББК 81.1

В. В. Васильева, Л. Ю. Иванова, *Санкт-Петербург*

Профессия как фактор речевого этикета в профессиональных онлайн-сообществах¹

Статья посвящена медиадискурсологическому анализу нетикета (сетикета) – речевого этикета, регулирующего общение в соцсетях. Обосновывается идея о том, что в онлайн-сообществах, объединяющих участников по профессиональной принадлежности, речевой этикет формируется под влиянием коммуникативных ценностей, базирующихся на ценностях профессий участников. Проанализирована коммуникация в трех профессиональных онлайн-сообществах: стоматологов, полицейских и юристов. Анализ материала показал, что в профессиональных комьюнити приветствуется и поддерживается такой тип коммуникации, при котором: врач и пациент выступают участниками общей жизненной ситуации; полицейский нацелен на стабилизацию отношений с коллегами и избегание конфликтов; юрист сосредоточен на подробностях прецедента, который может пригодиться коллегам. Отмечены особенности использования юмора в коммуникации.

Ключевые слова: онлайн-сообщество, профессия, речевой этикет, комическое, медиадискурсология.

V. V. Vasileva, L. Y. Ivanova. Saint-Petersburg

Profession as a Factor in the Formation of Speech Etiquette in Professional Online Communities²

The paper is devoted to the media discourse analysis of a netiquette, i. e. a speech etiquette that regulates communication in social networks. In the research, the idea is substantiated that, in online communities of different professional affiliation representatives, speech etiquette is formed under the influence of communicative values based on the values of the participants' professions. The communication in three professional online communities is analyzed: dentists, police officers, and lawyers. The analysis of the material showed that in professional communities, a type of communication is welcomed and supported, as follows: a doctor and a patient act as participants in a common life situation; a policeman is aimed at stabilizing relations with colleagues and avoiding conflicts; a lawyer is focused on the details of a precedent that may be useful to colleagues. The features of the use of humor in professional communication are noted.

Keywords: online community, profession, speech etiquette, humor, media discursology.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (грант 19-18-00530).

²This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant 19-18-00530.

Введение. Об особом речевом этикете в новых технических условиях заговорили еще до появления социальных сетей. Первая из известных книг с перечнем таких правил появилась в 1994 г.: Virginia Shea в небольшой книжке *Netiquette* сформулировала 10 правил онлайн-общения, имея в виду взаимодействие партнеров в ходе электронной переписки и при участии в форумах. Сегодня «нетикет» или «сетикет» (речевой этикете в сфере онлайн-общения) изучается [1; 10; 21 и др.], однако некоторые исследователи отрицают его существование как самостоятельной системы [13]. Вместе с тем речевой этикет в сетевом общении изучается в разных аспектах. Выявляются регистры вежливости [7], нормативные оценки [22], формы обращения [5], специфические приемы демонстрации приема или отрицания этикетных требований [6]. Особое значение приобретает развиваемое медиалингвистикой изучение «семантико-речевых и коммуникативно-прагматических этикетных языковых ресурсов в разных жанрах и типах медиадискурса» [4:238].

Специфику сетевого этикета ученые видят, в частности, в желании разграничить сетевое общение и привычную несетевую коммуникацию [6], однако представляется, что сегодня это свойственно молодежной, скорее подростковой аудитории. Нетикет признается частью социальных норм, в связи с чем он концептуализируется как запретительные, предписывающие нормы [25]. В то же время в нетикете присутствуют пропагандируемые ценности, которые раскрывают ожидания человека от его социальной роли как интернет-пользователя [26].

В одном из последних исследований нетикета [24] показано, что в сетевых сообществах формируются определенные нормы общения, которые рассматриваются как коммуникативные ценности.

В нашем исследовании в аспекте наличия таких норм анализировалось общение в специфических онлайн-сообществах, членами которых являются представители одной профессии. Было сделано предположение, что коммуникативные ценности таких сообществ могут формироваться под влиянием ценностей, определяющих конкретную профессию. Обзор англоязычной литературы, сделанный Ю. В. Назаровой [17], показывает, что определение профессиональных ценностей обусловлено не только их этическим содержанием, но и политическими, экономическими, социальными, правовыми характеристиками профессии и – что важно для нашего исследования – спецификой конкретной профессиональной деятельности.

Постановка проблемы. Медиадискурсологический вектор [3] в исследованиях речевой деятельности в медиа предполагает в качестве научных задач – в числе прочих – установление взаимосвязи типа высказывания и характера деятельности, детерминированность речевой деятельности технологическими аспектами общения. В свете этих проблем этикетность предполагает подчеркнутую ориентацию на адресата, выражающуюся в «текстуальной демонстрации адресованности и ответственности» [4].

Цель исследования – рассмотреть подходы к определению коммуникативных ценностей в онлайн-сообществах, объединяющих участников по профессиональной принадлежности; попытаться обнаружить корреляцию между особенностями речевого этикета в таких сообществах и профессией их участников. Профессиональное сообщество рассматривается как социокультурный феномен [16], в котором действуют особые ориентиры для человека, выбирающего, осваивающего и выполняющего свою профессиональную деятельность. Эти ориентиры составляют профессиональные ценности, осознание которых необходимо человеку для понимания значимости своей деятельности. К таким ценностям участники социальных сетей относят деловой имидж [15], профессиональную компетентность [8], самосовершенствование в профессии [20], готовность к взаимопомощи с коллегами [19].

Профессиональное сетевое сообщество выполняет функцию сопровождения профессиональной жизни и расширяет профессиональное взаимодействие участников, это «новые социальные объединения, в которых консолидируются заинтересованные акторы, которым присущи сетевое мышление, сетевой язык, сетевая мораль и сетевые способы обсуждения и решения социально значимых проблем» [14: 57].

С учетом поставленной цели была проанализирована коммуникация в трех профессиональных сообществах: «Стоматология» (https://vk.com/vk_stomatologiya), «Подслушано у Полиции» на базе социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/overhear_police), «Закон.ru» – сообщество в формате сайта (<https://zakon.ru/blogs>).

Авторы поставили перед собой вопросы: Какие коммуникативные цели реализуются в онлайн-коммуникации? Какие коммуникативные ситуации формируют правила речевого общения в сообществе? Каковы коммуникативные ценности в понимании участников профессиональной социальной сети? Какие профессиональные характеристики аудитории онлайн-сообщества могут влиять на формирование в нем речевого этикета?

Результаты анализа материала. Публикации в профессиональном сообществе можно сгруппировать по трем видам целей: 1) получить профессионально значимую актуальную информацию, 2) получить совет от коллег, 3) получить оценку (одобрительную) своей профессиональной деятельности.

Остановимся на профессиональных ценностях интересующих нас профессий и покажем соответствующие им коммуникативные установки, о которых свидетельствует наш материал (в докладе будут показаны речевые примеры).

Достаточно четко определены профессионально-групповые и личностно-профессиональные ценности медицинского работника [12]: профессионально-групповые – уважение личности пациента, ответственность, толерантность, честность, открытость, профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность, социальная солидарность; ключевой личностно-профессиональной ценностью является установка личности медицинского работника на саморазвитие.

Все названные ценности, определяющие профессию медицинского работника, лежат в основе коммуникации участников профессионального сообщества «Стоматология». Установкой на саморазвитие объясняется удельный вес таких коммуникативных ситуаций, как *обмен опытом, запрос и сообщение конкретной профессионально значимой информацией с детализацией и практическими рекомендациями*. Важно, что за описываемыми случаями врачебной практики видны и личности пациентов, заботой о которых продиктованы, в частности, просьбы о профессиональной помощи. На формирование речевого этикета в сообществе стоматологов влияет и такая профессиональная характеристика аудитории, как социальная солидарность, когда **врач и пациент выступают участниками общей жизненной ситуации**.

Профессии типа «человек-человек» наиболее подвержены профессиональным деформациям. Полицейские, чья профессия связана с постоянным общением с людьми, преступившими закон, подвержены таким деформациям, как подозрительность, придирчивость, недоверие, бездушность, формализм, черствость, ригидность, грубость [23]. Фактором предупреждения и разрешения конфликтов в профессиональной среде органов внутренних дел социологами в равной мере признаются как правовые, так и этические нормы. Но именно вторые «являются существенным фактором стабилизации отношений, определяя общечеловеческие стандарты поведения в коллективе» [18, с. 415].

В сообществе полицейских *запрос актуальной информации или мнения коллег* формулируется с использованием маркированных этикетных речевых средств: нейтральное в среде военнослужащих «Приветствую!» или официальное «*Обращаюсь к действующим сотрудникам*». Участник группы, делая выбор речевого способа контактоустановления, демонстрирует тем самым оценочное отношение к статусу своего запроса, ориентирует аудиторию в степени важности и серьезности запрашиваемого, заботится о правильном понимании своего коммуникативного поведения, т. е. в конечном счете **нацелен на стабилизацию отношений с коллегами и избегание конфликтов в онлайн-общении**.

Профессиональные ценности юридической деятельности определяются как набор необходимых качеств личности: «Поиски истины в уголовном судопроизводстве – процесс творческий, поэтому следователю, прокурору, адвокату, судье необходимы такие качества, как человечность, чуткость, внимание, умение проникнуть во внутренний мир человека, найти наиболее целесообразные приемы работы в каждом конкретном случае» [2: 160].

В юридическом профессиональном интернет-общении популярны значительные по объему посты-кейсы, в которых подробно излагаются обстоятельства и причины сложившейся ситуации: «*Я хотел бы обратить внимание на приведенное ниже дело как образец и пример проналогового подхода судов, некомпетентность судей и формализм в рассмотрении спора*». Комментирование постов свидетельствует о специальной работе, которую провел комментатор для помощи коллеге: «*Прочитал судебные акты по*

Вашему делу. Вы спрашиваете, почему.... . Думаю, здесь суды.... ». Важно, что, хотя юристы, как правило, сопровождают свои записи указанием на конкретные пункты законов, для них **важно во всех подробностях разобратся в прецеденте, который, возможно, пригодится коллегам в их практике.**

В результате анализа были получены следующие ответы на поставленные вопросы:

Какие коммуникативные цели реализуются в онлайн-коммуникации? Получить актуальную профессионально значимую информацию – поделиться такой информацией; получить профессиональный совет / помощь – дать совет / оказать помощь; получить одобрение коллег – одобрить / критиковать коллегу.

Какие коммуникативные ситуации формируют правила речевого общения в сообществе? Коммуникативная ситуация «запрос – ответ» по-разному распределяет роли между участниками. Коммуникант, формирующий запрос, может исполнять роль неопытного новичка. Коммуникант, отвечающий на запрос, демонстрирует, с одной стороны, свой высокий профессионализм, а с другой – профессиональную солидарность, выступая либо в статусе друга-профессионала, либо в статусе более опытного коллеги.

Каковы коммуникативные ценности в понимании участников профессиональной социальной сети? В качестве основных коммуникативных ценностей мы назовем установку на взаимопонимание и доверие к участникам общения. В исследованных нами сообществах отмечается тематическая цельность общения, сфокусированность на заданном вопросе, стремление к точным формулировкам и приверженность нормам профессионального языка.

Какие профессиональные характеристики аудитории онлайн-сообщества могут влиять на формирование в нем речевого этикета? Выявилась определенная связь с профессией в использовании юмора. Так, полицейские смеются над собой и над «терпилами» (потерпевшими, простыми гражданами). Врачи могут посмеяться не только над собой, но и над вымышленной (гипотетической) профессиональной ситуацией, которую, они выдумали в качестве демонстрации, примера. Для юристов характерно использование языковой игры с доминирующей семантикой «двойного дна» (скрытого смысла): использование прецедентных текстов (*«Блеск и нищета арбитражных управляющих»*), двойных заголовков, в которых одна часть атрибутирует другую (*«Двойные стандарты, или О защитниках Отечества»*).

Вывод. В трех онлайн-сообществах, организованных по профессиональному принципу, определяются общие коммуникативные черты, что во многом объясняется тем, что все три профессии относятся к типу «человек – человек» и их содержание определяется как «выделение и удержание целостностей, которые характеризуют умонастроение, поведение людей, образ их жизни и формы активности, а также способы упорядочивания сложной жизни человека и общества» [11: 10]. Так, установлено, что независимо от

профессиональной ориентации участники вступают в онлайн-общение для достижения определенного результата: (1) получить профессионально значимую актуальную информацию, (2) получить совет от коллег, (3) получить оценку своей профессиональной деятельности. В то же время вид профессии влияет на то, какими речевыми средствами реализуется коммуникативная цель и насколько отбор этих средств подчинен определенным этикетным требованиям.

Профессиональные ценности существуют в рамках определенной профессии, коммуникативные ценности формируются в объединенной общим интересом профессиональной среде и принимают форму речевого этикета. Профессиональные ценности играют роль регулятивного механизма конкретной профессиональной деятельности, речевой этикет выполняет функцию «пароля» для пропуски в профессиональное общение. Речевой этикет, который вырабатывается в профессиональных интернет-сообществах, с одной стороны, отражает профессиональные ценности, а с другой стороны, может сам служить основанием для выявления содержания профессиональных ценностей.

На данном этапе исследования можно с уверенностью говорить о корреляции между особенностями речевого этикета в профессиональных интернет-сообществах и профессией их участников.

Список литературы

1. Антипов А. Г., Краснова И. В. Нормы виртуального общения в дискурсе русскоязычных чатов // Вестник Томского государственного университета. 2012. Апрель. № 357. С. 7–10.
2. Габричидзе Б. Н., Коланда В. И. Принцип профессионализма в государственной службе // Государство и право. 1993. № 8. С. 25–32.
3. Дускаева Л. Р. Медиадискурс // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М. : ФЛИНТА, 2018. С. 55–61.
4. Дускаева Л. Р. Речевой этикет в массмедиа // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М. : ФЛИНТА, 2018. С. 235–238.
5. Евсеева И. В. Вопросы нетикета: обращение на «ты» и «вы» в интернет-сети // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4. С. 181–184.
6. Занадворова А. В. Саморегуляция в нерегулируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в «Живом журнале» // Современный русский язык в интернете. М., 2014. С. 93–113.
7. Золтнер О. В., Шабурова Е. Е. Этикетные особенности интернет-коммуникации (на материале сообществ социальной сети «ВКонтакте») // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 97–105.
8. Инютина Т. С. Виртуальные педагогические сообщества – новая форма взаимодействия в рамках профессиональной деятельности // Преподаватель XXI век. 2017. № 4. С. 25–33.
9. Какорина Е. В. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: система – норма – узус / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2010. С. 273–340.
10. Карабань Н. А., Дикарева А. В. Сетикет, или правила речевого поведения в сети Интернет // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 31–37.
11. Климов Е. А. О феномене профессиональной относительности образа мира // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 1995. № 1. С. 25–36.
12. Корнаухова Т. А. Нравственно-профессиональные ценности будущего медицинского работника: сущность, содержание, структура // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3–2. С. 44–49.
13. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008

14. Курбатов В. И., Крупеникова Л. Ш. Ракурсы социологического исследования сетевых сообществ интернета // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 19. № 3. С. 50–58.
15. Литвинов С. В. Профессиональная социальная сеть «Сообщество пользователей уникальным научным оборудованием» // Инженерный вестник Дона. 2010. № 1. URL: ivdon.ru/gu/magazine/archive/n1e2010/172.
16. Мартянова Н. А. Социологический анализ основных аспектов взаимодействия профессий, государства и гражданского общества // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2013. № 1, Т. 2. С. 186–194.
17. Назарова Ю. В. Аксиология профессии: пути определения и реализации современных профессиональных ценностей // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. № 3. С. 20–25.
18. Палий М. Б. Осмысление профессии милиционера сквозь правовую призму и философию ценностей // Теория и практика общественного развития. Юридические науки. 2013. № 10. С. 413–415.
19. Полякова В. А. Модель формирования готовности учителя к диалоговому взаимодействию в сетевых педагогических сообществах // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. С. 100–106.
20. Сергеев А. Н. Педагог в профессиональном сообществе интернета: четыре этапа – от знакомства к творческому сотрудничеству в сообществе // Известия ВГПУ. 2013. № 10. С. 28–32.
21. Сурикова Т. И. Язык интернета // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 780–782.
22. Федяева Н. Д. Приветствие как объект нормативных оценок (на материале высказываний с глаголом здороваться // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 376–379.
23. Яблоков Н. П. О проблемах подготовки следственных кадров в юридических вузах // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 1991. № 5. С. 13–18.
24. Speech Etiquette in Slavic Online Communities / Duskaeva L. (ed.). Palgrave Macmillan, 2021.
25. Linek S. B., Ostermaier-Grabow A. Netiquette Between Students and Their Lecturers on Facebook: Injunctive and Descriptive Social Norms // Social Media and Society. 2018. Vol. 4, Is. 3. P. 1–17.
26. Pręgowski M. P. Rediscovering the netiquette: The role of propagated values and personal patterns in defining identity of the Internet user // Observatorio. 2009. Vol. 3. P. 353–367.

УДК 81'276.3
ББК 81.006.2

Л. Р. Дускаева, Е. А. Щеглова, *Санкт-Петербург*

Гендерная идентичность в комическом речевом поведении участниц женских онлайн-групп¹

Рассматриваются особенности женского комического речевого поведения в онлайн-коммуникации. Комическое в женских онлайн-сообществах рассматривается как часть речевого этикета. Показывается, что комическое речевое поведение характерно для женских онлайн-сообществ. Однако его использование отличается гендерной отмеченностью. Делается вывод, что комическое формирует эмоциональное сопровождение диалога, участвует в конструировании гендерной идентичности, обеспечивает санацию (оздоровление) коммуникации.

Ключевые слова: комическое, гендерная идентичность, женские онлайн-сообщества, речевой этикет, санация

L. R. Duskaeva, E. A. Shcheglova, *St. Petersburg*

Gender identity in female online groups participants' humor speech behavior

The report examines the female comic speech behavior features in online communication. The humor in female online communities is considered as a part of speech etiquette. The analysis showed that humor speech behavior is characteristic of female online communities. However, its use is gender-sensitive. Humor forms the emotional accompaniment of dialogue, participates in the construction of gender identity, provides the sanitation (recovery) of communication.

Keywords: humor, gender identity, female online communities, speech etiquette, sanitation

Постановка проблемы

Проблема лингвистической идентичности гендера в науке поставлена. Сегодня даже говорят о развитии такого направления в социолингвистике, как гендерная лингвистика. Начало активного изучения гендера в языке положила работа R. Lakoff [14], которая обнаружила лингвистические особенности в женской речи. В настоящее время можно выделить два основных направления развития гендерной лингвистики. Первое состоит в описании фактов манифестации пола в языке на различных языковых уровнях. Второе посвящено рассмотрению речевого и коммуникативного поведения мужчин и женщин с выделением композитивных особенностей реализации характерных стратегий и тактик.

Материнская речь становится предметом изучения как отечественных, так и зарубежных ученых. Особый интерес в лингвистике вызывает речь женщины в социальной роли матери, которая изучается в онтолингвистическом, лингвокультурологическом, лингвокогнитивных аспектах. Однако чаще всего раскрываются особенности проявления социальной роли матери в дидактическом аспекте, иногда раскрываются отдельные лексико-грамматические проявления «языка мам» [4; 7; 15], но гораздо реже ставится вопрос о специфике речевой репрезентации социальной роли матери в интернет-коммуникации, что является предметом нашего интереса.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде» (Соглашение с РНФ № 19-18-00530 от 07.05.2019).

Очевидно, что гендер может влиять на сценарии общения в онлайн-группах. Так, в работах Е. А. Щегловой были рассмотрены композиционная роль вторых реплик (реплик-реакций) в онлайн-коммуникации мам [17], выявлена свойственная женскому общению система номинаций как части самоманифестации и адресации благожелательности к участникам группы [6]. В исследованиях утверждается, что в онлайн-группах мам важнейшим речевым жанром является совет [16, 2]. Однако наш анализ показывает, что спектр речевых жанров значительно шире. В женских онлайн-сообществах сформировался особый тип речевого этикета [13]. Цель данной статьи – проанализировать композиционные особенности комического речевого поведения в речевом этикете онлайн-сообществ.

Исходные идеи исследования

Учитывая отмеченную социологами способность таких групп на основе единства коммуникативных целей и задач выработать общность правил и норм поведения, в центр внимания исследования ставим понятие речевого этикета – совокупности норм и правил речевого поведения в онлайн-группе и комические средства, используемые в нем. Соблюдая эти нормы, участник группы преследует цель не столько проявить вежливость, сколько выстроить удобную, комфортную для участников коммуникацию. Стремясь в речи каждой рассматриваемой онлайн-группы увидеть наиболее плодотворные, эффективные речевые практики, анализируем типовые (нормативные) коммуникативные сценарии и динамику отношений между тремя участниками коммуникации – Я-ВЫ-ОН (свой или чужой). Изучая речь в последовательности формирования дискурса, мы не столько оцениваем и характеризуем само взаимодействие, как это бывает при рассмотрении вежливости, сколько исследуем и анализируем способы построения взаимодействия между всеми участниками группы и третьими лицами, не входящими в состав группы, но принимаемыми во внимание.

Речевой этикет обеспечивает упорядоченность, регулярность и эффективность речевого взаимодействия в комьюнити. Представления о границах (пространстве) лингвистических проявлений этикетной нормативности изменялось в науке, а границы поиска нормативности расширялись. Стремление к изолированному описанию языковых средств речевого этикета, наблюдающийся в некоторых работах [1; 3; 8; 10; 11; 18], закрывает перспективу исследования дискурса онлайн-группы, поэтому мы отказались от такого узкого подхода. В основе нашего исследования лежит широкий, лингвокомпозиционный подход к анализу этикетной линии речевого поведения в дискурсе онлайн-групп, связанной с такими явлениями в письменной речи, которые называются в российской научной традиции диалогичностью (М. М. Бахтин, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева), иногда – фактором адресата (Н. Д. Арутюнова), в англоязычной традиции аккомодацией (Н. Giles, N. Coupland, J. Coupland), в польской – фатичностью (Д. Кемпа-Фигура).

В нашем исследовании мы опираемся не на анализ отдельных речевых средств языка женщин, а на рассмотрение всего комплекса средств, обус-

живающих специфические коммуникативные сценарии женского онлайн-общения. Для того чтобы выявить особенности идентификации гендера в юморе, мы обращаемся к дискурсу двух «сообществ мам» с разной социально-психологической интенциональностью. В качестве материала для кейсов выбран дискурс школьного сообщества для родителей «Десятка» (общение в котором протекает в информативном регистре) и форум «Страна Мам» (с фатической доминантой). Мы намерены выяснить в единице анализе – тред, представленном в информационном и фатическом регистрах, специфические для женских комьюнити способы, приемы и средства комического поведения.

Анализ материала

В информационный тип онлайн-общения, как правило, вовлекается узкий круг заинтересованных в теме обсуждения участников. В этом отношении группа общения родителей учащихся одной школы весьма типична. Уточним, что входят в эту и подобные группы почти исключительно мамы, поскольку традиционно в российских семьях именно они ответственны за образование детей. Школьное сообщество «Десятка» представляет собой комьюнити в мессенджере WhatsApp закрытого типа, принадлежащем Facebook согр., с возможностью регистрации только через модераторов группы по номеру телефона. Цель группы – решение общих проблем класса, обмен информацией, обмен мнениями об обучении детей и пр., т. е. интересы участников в основном являются сугубо утилитарными. Этим объясняется официальность стилистики общения.

В качестве сообщества фатического типа нами анализировались материалы форума «Страна мам». Это медиаплощадка для обсуждения женщинами различных вопросов, касающихся в основном детей, семейных отношений и досуга (около 1,5 миллионов пользователей). В рунете это один из самых населённых форумов для женщин с активно и регулярно пополняемым контентом, имеет группы на всех основных платформах – «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Facebook, канал на Youtube, что говорит о его популярности и востребованности. Эти обстоятельства стали основанием для выбора его в качестве материала. Основная коммуникативная функция в этом случае – комфортное и приятное общение, а циркуляция информации ограничивается интересной и полезной для самих участников. Относительная коммуникативная свобода приводит к более широкому использованию средств комического. Анализ комического поведения участниц сообществ выявил основные области применения комического в коммуникации женщин.

1. Формирование адекватного эмоционального сопровождения диалога.

Фактически любой тред фатического сообщества содержит комические комментарии, часто это происходит даже в случае, когда тема инициального поста комическое начало не предполагала. Исключением могут быть только треды на трагические темы, где комическое стало бы нарушением этических норм. В остальных случаях комическое создаёт необходимую тональ-

ность женской беседы, поддерживает эмоциональный комфорт участниц (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация):

Пользователь 1: *Чудесатые дела творяцо... Что осень с людям делает...* 🤪

Пользователь 2: *Бывает.*

Пользователь 3: *Луна в Марсе*

Пользователь 4: *Ох, бяда, и куды бечь*

В сообществе информационного типа использование комического ограничено жёсткой ориентацией на получение информации, однако и здесь участники иногда демонстрируют комическое поведение в так называемых «оффтоповых» сообщениях. Однако как правило они вызывают неодобрение других участников общения.

2. Конструирование гендерной идентичности и своего социального статуса.

Как уже отмечалось, часто обмен ироническими комментариями так или иначе сводится к иронизированию над мужчинами, НЕ способными, НЕ понимающими, БЕСпомощными в житейских вопросах в отличие от «всемогущих» дам. Например, в тред «Страны мам», в котором участница поднимает вопрос о профессиональной пригодности тренера своей дочки, который пугал детей близким апокалипсисом, можно обнаружить следующий коммуникативный фрагмент:

Пользователь 1: *Сразу ясно, что у тренера любимый канал, это РЕН ТВ* 🤪

Пользователь 2: *Да достаточно в интернете посмотреть сериал "Во все тяжкие". Там трупы регулярно растворяют* 🤪

Правда, про апокалипсис там ни гу-гу

Пользователь 3: *А я такой не смотрела!* 🤪 *Надо глянуть. Вязание под такие на ура у меня идут!*

Пользователь 4: *Я вышиваю, и тоже люблю всякие 'ужасы', как мой муж говорит. . .*

Мол, опять твои маньяки?

А мне как – то не страшно

В ходе диалога участницы переходят с одного объекта высмеивания на другой: от незадачливого и недалёкого тренера к собственному мужу. Комический эффект построен на простом противоречии общепринятому представлению, выраженному в противопоставлении «сильные мужчины» – «слабые женщины». «Слабая женщина» занимается свойственным ей занятием – рукоделием, но смотрит при этом «ужасы», а сильный мужчина пугается.

3. Выражения коммуникативной санации (оздоровления) для предупреждения конфликта.

Нацеленность группы «Десятка» на получение информации, по сути, запрещает не только шутить, но и реагировать соответствующе на комическое. Подобный обмен сообщениями, как правило, затухает сам по себе и не поддерживается другими пользователями. Если подобное оффтоповое общение продолжается, на сцену выходят различные вербальные средства коммуникативной санации [12]. Так часто происходило, например, в период начала пандемии, когда школьников перевели на дистанционное обучение, что вызвало бурный эмоциональный отклик родителей. Пытаясь разрешить каким-то образом накопившееся напряжение, пользователи начали обмен мемами, смешными видео и прочим комическим интернет-контентом о коронавирусе. В этом потоке неинформативных сообщений терялась важная информация, что вызвало негодование других пользователей из-за нецелесообразности такого речевого поведения:

Пользователь 1: *Позвольте спросить, это для чего?*

Пользователь 2 (учитель): *Уважаемые родители! Прошу данные обсуждения не писать здесь. Это рабочий чат.*

Любопытно, что комическое как средства санации к использованию в сообществе допустим и широко применяется пользователями. Остроумный ответ на нарушающую сложившуюся этикетную традицию реплику маркирует неэтикетное речевое поведение «нарушителя»:

Пользователь 3: *Я пока жду ответ на вопрос: можно ли будет в школу нести цветы? ☺*

Пользователь 4: *А что, уже и цветы нельзя нести?? А портфели можно? ☺*

Ответная реплика в данном случае показывает неуместность/глупость заданного вопроса, который неинтересен другим и отвлекает от насущных дел в оффлайне (работы, семьи и пр.).

Как и в случае информационного сообщества комическое используется как средство санации. Однако ориентация на свободное общение даёт возможность более широкому его применению для этих целей. Иногда целые треды построены исключительно на высмеивании автора неудачного в том или ином отношении поста. Более того, в этой ситуации участницы не просто оставляют собственный комментарий, но и приглашают других участников с различных веток форума присоединиться к общему смеху. Например, участницы расценили как этически неприемлемое следующее сообщение пользователя:

Пользователь 5: *Всем привет. Меня зовут Дарья и 16 февраля мне будет 30. У меня есть сынок в возрасте 5 лет и любящий муж. И сейчас пришло время идти за вторым (надеюсь, девочка). И сегодня у нас начинается марафон. И продлится до понедельника. Но о беременности я, смогу узнать только 5 марта или раньше. Поэтому кто тоже приступил к делу буду рада дружбе*

Санация нарушения осуществляется средствами комического. Шутка одного пользователя провоцирует других присоединиться к общему смеху.

Переход к обсуждению на публике подробностей интимной жизни был публично обшучен с помощью темпоративов:

Пользователь 6: *Не просто секс, а целый марафон!*

Пользователь 7: *Тоже мне марафон – со вторника до понедельника! А если страсть возникнет в следующую среду?*

Пользователь 8: *В следующую среду уже не марафон. Все должно быть **вовремя** и с пользой для дела* 🤔

Пользователь 9: *Секс **раз в пять лет** (судя по возрасту старшего ребенка)... и может вообще больше не быть, если марафон с последствиями будет...*

Пользователь 10: *Похоже, что так и есть. Иначе зачем об этом всем сообщать?*

В последней реплике ясно указано, какой речевой проступок послужил причиной осмеяния. Нормой для женского «разговора по душам» [5] читается обсуждение беременности, кормления грудью и пр., всё это воспринимается неотъемлемой частью женского общения (*между нами, девочками*). Нарушением же приличий сочли «сообщение широкой публике» («сообщать всем») того, что принято считать сугубо интимным.

Выводы.

Анализ коммуникативных сценариев группового общения женских сообществ показал, что комическое речевое поведение характерно для них. Однако его использование отличается от других и характеризуется гендерной отмеченностью.

Комическое помогает в женском общении

– в ситуации высмеивания мужчин иронизировать над циркулирующими в общественном сознании социальными мифами о руководящей роли мужчин в обществе,

– устанавливать коммуникативную упорядоченность в общении, оперативно устранять коммуникативные риски, предотвращать возникновение конфликта до его начала,

– как в информативном, так и в фатическом общении комическое может быть использовано в качестве средства коммуникативной санации (оздоровления). Однако в последних комическое в целом используется шире, поскольку здесь участники не скованы строгой информативной ориентацией сообщества.

Таким образом, комические речевые действия востребованы в качестве средства

- конструирования гендерной идентичности и своего социального статуса,
- выражения коммуникативной санации для предупреждения конфликта,
- формирования адекватного эмоционального сопровождения диалога.

Тем самым комическое речевое поведение выступает средством достижения комфорта в общении, создания атмосферы женского «разговора по душам». Особенности женского комического поведения являются:

- этическая чистоплотность комического поведения: модус шутки, а не скарбозности или насмешки;
- активное использование эмодзи для маркирования перехода на ироническую тональность;
- гендерно опосредованное тематическое поле для шуток – детали быта; особенности семейных взаимоотношений; поведение детей и пр. ;
- лёгкость переключения с одного объекта на другой.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Речевой этикет и формы вежливости в Японии. М. : Вост. Лит., 2011. 214 с.
2. Амурская О. Ю., Рахматуллина А. И. Реализация речевого акта совета в англоязычном форуме для молодых мам // Филологическая культура. 2013. № 4(34). С. 19–22.
3. Балакай А. Б. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М. : Аст-Пресс, 2001. 672 с.
4. Горошко Е. И. Интернет-коммуникация в гендерном измерении // Вестник Пермского университета. 2006. № 3. С. 219–229.
5. Дементьев В. В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 1. С. 255–274.
6. Коняева Ю. М., Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Речевая этикетность сетевого общения: семантика и прагматика номинаций пользователей // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 32–40.
7. Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского. М. : АСТ, 2013. 416 с.
8. Северская О. И. От «диких извинений» до «можнопожалуйста»: о границах между вежливостью и антивежливостью // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции. Москва, РГГУ 23–24 октября 2018 г. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : РГГУ, 2018. С. 246–253.
9. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемервой. Лондон ; Франкфурт на Майне ; Париж ; Люксембург, М. ; Минск : PANPRINT, 1998.
10. Aston G. Say 'Thank You': Some Pragmatic Constraints in Conversational Closings // Applied Linguistics. 1995. Vol. 16, N 1. P. 57–86.
11. Blum-Kulka S. & Olshtain E. Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns (CCSARP) // Applied Linguistics. 1984. N 5. P. 196–213.
12. Duskaeva L. Speech etiquette in online communities: Medialinguistics analysis // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, N 1. P. 56–79.
13. Duskaeva L., Shcheglova Ye. Women's Community Etiquette // Duskaeva L. (ed.) Speech Etiquette in Slavic Online Communities. (1st Ed.). Palgrave Macmillan, 2021. 292 p.
14. Lakoff R. Language and Woman's Place. Harper & Row, 1975. 83 p.
15. Adoption and Use: Gender Associations with an Emergent Technology / S. C. Herring, A. R. Dainas, H. L. Long, Ying Tang Animoji // Workshop Proceedings of the 14th International AAAI Conference on Web and Social Media. 2020. URL: http://workshop-proceedings.icwsm.org/abstract.php?id=2020_03 (дата обращения: 03.09.2021).
16. Morrow P. Telling about problems and giving advice in an Internet discussion forum: some discourse features // Discourse Studies. 2006. Vol. 8, N 4. P. 531–548.
17. Shcheglova E. A. Etiquette of second remarks in social networks (illustrated with examples of social networking "Country of moms") // Медиалингвистика. 2019. № 6 (2). С. 263–273. doi: 10.21638/spbu22.2019.210
18. Sifianou M. Politeness Phenomena in England and Greece: A Cross-cultural Perspective. New York : Oxford University Press Inc., 1999. 54 p.

УДК 371.72:616.89
ББК 74.200.556я7

М. К. Качан, *Иркутск*

Учреждения культуры Иркутской области в виртуальном пространстве: актуальные проблемы и возможные пути решения (на примере интернет-платформы «PRO.КУЛЬТУРА.РФ»)

На примере интернет-платформы «PRO.Культура.РФ» рассматриваются актуальные проблемы деятельности учреждений культуры Иркутской области в виртуальном пространстве. Содержится анализ показателей, служащих основанием для формирования рейтинга субъектов РФ, в котором Иркутская область занимает одно из последних мест. Предлагаются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: интернет-платформа «PRO.Культура.РФ», учреждения культуры, *Иркутская область*.

М. К. Kachan, *Irkutsk*

Cultural institutions of the Irkutsk region in virtual space: current problems and possible solutions (on the example of the internet platform “PRO. CULTURE. RF”)

In this work, using the example of the Internet platform “PRO.Culture.RF”, discusses topical problems of the activities of cultural institutions of the Irkutsk region in the virtual space. The article contains an analysis of the indicators that serve as the basis for the formation of the rating of the constituent entities of the Russian Federation, in which the Irkutsk region occupies one of the last places. Possible ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: Internet platform “PRO. Culture. RF”, cultural institutions, *Irkutsk region*.

Прогрессирующая виртуализация различных политических, экономических, социальных и культурных процессов влечет за собой закономерные изменения в соответствующих сферах общества. Социокультурные трансформации нередко вызваны социокультурными потрясениями. Кризисные ситуации влекут за собой необходимость изменений. Так, распространение новой коронавирусной инфекции послужило стимулом для еще более интенсивного перемещения социального взаимодействия в виртуальное пространство. Многие услуги разного характера стали предоставляться при помощи дистанционных технологий. Сфера культуры не стала исключением в данной трансформации в 2020–2021 гг. Многие государственные и муниципальные учреждения культуры Иркутской области в 2020 г. перешли на онлайн формат проведения мероприятий.

В настоящее время одним из значимых инструментов взаимодействия учреждений культуры и населения как потребителя культурных услуг является интернет-платформа «PRO.Культура.РФ». Миссией данной платформы является «развитие удобного и многофункционального продукта, который помогает сотрудникам учреждений культуры взаимодействовать со своей аудиторией и развиваться в профессии» [2]. Свою работу платформа «PRO.Культура.РФ» начала еще в 2015 г., однако существенный прирост пользователей и показателей развития произошел весной 2016 г.

Все субъекты Российской Федерации подключены к данной платформе, в том числе Иркутская область. Наш регион и еще 21 субъект РФ входят в группу «Население более 2 млн». Две другие группы «Население 1 млн – 2 млн» и «Население до 1 млн» включают в себя 31 субъект РФ и 32 субъекта РФ соответственно.

На основе различных показателей в каждой из трех групп субъектов формируется рейтинг информационной активности культурной жизни. В своей группе Иркутская область в 2020 г. занимала 20-е место (из 22, обогнав лишь Волгоградскую область и Алтайский край), в 2021 г. – 19-е место (опережая, по данным на август 2021 г., Челябинскую и Ростовскую области и Пермский край).

Критерии, на основании которых формируется рейтинг, включают в себя следующие «показатели: доля учреждений, зарегистрированных и активных на платформе; среднее число событий и трансляций на одно учреждение культуры региона; среднее число актуальных счетчиков «Цифровая культура» на одно учреждение культуры региона; количество визитов на сайты учреждений культуры и количество актуальных региональных информационных партнеров» [1].

Анализируя причины низкого рейтинга Иркутской области в своей группе, можно определить ряд проблем и предположить способы их решения. Так, по состоянию на август 2021 г. на платформе «PRO.Культура.РФ» от Иркутской области зарегистрированы 322 учреждения культуры, что составляет 18 % от всей сети государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области. Активными из числа зарегистрированных являются лишь 23 учреждения. Малые доли зарегистрированных и активных учреждений культуры являются факторами низкого рейтинга Иркутской области. Для решения данной проблемы органам исполнительной власти региона и муниципальных образований следует продолжать работу по стимулированию регистрации учреждений культуры на платформе «PRO. Культура. РФ», а учреждениям культуры необходимо более активно размещать информацию о происходящих событиях и проводимых мероприятиях.

В настоящее время в ГБУ ДПО Иркутского областного учебно-методического центра культуры и искусства «Байкал» по поручению министерства культуры и архивов Иркутской области ведется разработка информационного портала «Культура 38», который может стать региональным партнером «PRO. Культура. РФ». Новый портал «Культура 38» даст возможность автоматического размещения анонсов событий и мероприятий на федеральной платформе «PRO. Культура. РФ». Таким образом, еще один критерий формирования рейтинга уже не будет иметь нулевой показатель.

Также важно отметить, что на платформе «PRO. Культура. РФ» установлен счетчик «Цифровая культура», показатели которого являются не только критерием для формирования рейтинга субъектов РФ, но и компонентой для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, а также одним из показателей успешной

реализации национального проекта «Культура». Следовательно, обращения к цифровым ресурсам, которые определяет счетчик «Цифровая культура» являются ключевыми. Однако в Иркутской области этот показатель находится на уровне ниже среднего – 166 ед. обращений за август 2021 г. (средний показатель в группе – 248 ед. обращений, Краснодарский край – 800 ед., Свердловская область – 509 ед., Республика Башкортостан – 460 ед., г. Санкт-Петербург – 60 ед., Республика Дагестан – 29 ед., по данным на 26 августа 2021 г.).

Актуальной проблемой на сегодняшний день является отдаленность некоторых районов муниципальных образований (как правило, северные или горные районы Иркутской области), в которых отсутствуют интернет и/или отмечается низкий уровень обеспеченности необходимой техникой, ввиду чего учреждениям культуры данных территорий представляется затруднительным использование платформы «PRO.Культура.РФ». Отсутствие требуемых компетенций для работы на различных интернет-ресурсах у кадров учреждений культуры (как правило, сельских и отдаленных территорий) также является препятствием для успешной работы в виртуальном пространстве. Кроме этого, для работы с интернет-ресурсами зачастую требуются отдельные ставки в штатном расписании учреждений. Однако ввиду отсутствия таковых на уже занятых работников учреждений культуры возлагается дополнительная нагрузка.

Таким образом, для более эффективного взаимодействия учреждений культуры Иркутской области и аудитории в виртуальной среде необходимо принятие комплекса мер по обеспечению учреждений необходимыми инструментами для работы в сети Интернет, обучению работников учреждений культуры новым компетенциям, активизации сети учреждений культуры по трансляции событий и мероприятий в виртуальном пространстве.

Список литературы

1. Новый рейтинг информационной активности культурной жизни регионов // PRO.Культура.РФ: [официальный сайт]. URL: <https://pro.culture.ru/blog/593> (дата обращения: 25.08.2021).
2. Цифровая платформа для продвижения мероприятий в сфере культуры : презентация М-ва культуры РФ // PRO.Культура.РФ: [официальный сайт]. URL: <https://pro.culture.ru/documentation/presentation-procultureru.pdf> (дата обращения: 24.08.2021).

УДК 316.64
ББК 85.31

Г. К. Перваго, *Иркутск*

Виртуальные концертные залы Иркутской области

Исследуется ифровизация культурного пространства, дающая импульс к обновлению культурной инфраструктуры и распространению виртуальных концертных залов во всех регионах России. Отмечается, что деятельность виртуальных концертных залов направлена на различные целевые аудитории и формирует равноценный доступ к культурным ценностям. Делается вывод, что появляется возможность создавать качественные цифровые архивы произведений искусства, что облегчает доступ к культурному наследию.

Ключевые слова: виртуальный концертный зал, учреждения культуры, национальный проект, цифровизация.

G. K. Pervago, *Irkutsk*

Virtual concert halls of the Irkutsk region

The rapid digitalization of the cultural space is giving impetus to the renewal of the cultural infrastructure and the proliferation of virtual concert halls in all regions of Russia. The author notes that the activity of virtual concert halls is aimed at various target audiences and forms an equal access to cultural values. In addition, it becomes possible to create high-quality digital archives of works of art, which facilitates access to cultural heritage.

Keywords: virtual concert hall, cultural institutions, national project, digitalization.

На современном этапе развития общества виртуальная реальность становится полноправной средой социокультурной сферы. Широкомасштабная цифровизация культурного пространства предполагает повсеместное внедрение цифровых технологий, в том числе создание виртуальных концертных залов (ВКЗ) в городах России. Виртуальные концертные залы, посредством цифровых коммуникаций, позволяют в онлайн-режиме следить за знаковыми событиями культурной жизни не только региона, но и страны в целом.

Востребованность онлайн-трансляций получила широкое распространение, что дает возможность открывать ВКЗ в любом учреждении культуры, в котором имеется небольшой зал, современное мультимедийное оборудование и высокоскоростной доступ к сети Интернет. Инфраструктура виртуальных концертных залов способствует созданию равнозначного доступа широкой аудитории к культурным ценностям, не принимая во внимание территориальные и временные границы. Первый виртуальный концертный зал в Иркутской области появился в 2014 г. на базе ГАУК Иркутская областная филармония. В результате открытия ВКЗ появилась возможность в реальном времени смотреть концертные программы, слушать филармоническую музыку при помощи онлайн-трансляции из центральных регионов России. Второй виртуальный зал был открыт в 2018 г. на базе ГБУК Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, в котором помимо филармонической музыки можно услышать лучшие литературные произведения в исполнении ведущих актеров московских театров.

С начала реализации национального проекта «Культура», в рамках федерального проекта «Цифровая культура» в городах России формируется сеть виртуальных концертных залов. Важно отметить, что в Иркутской области открытие первого виртуального концертного зала в рамках нацпроекта состоялось 17 сентября 2020 г. в г. Усть-Илимске на базе Центральной городской библиотеки. Всего, в результате проекта, до настоящего времени, в девяти городах региона открыты девять виртуальных залов, общая вместимость которых составляет 1 088 мест.

Деятельность ВКЗ, главным образом, направлена на различные целевые аудитории. В частности, четыре зала функционируют на базе библиотек в городах Ангарск, Братск, Тулун и Усть-Илимск, три на базе культурно-досуговых учреждений в городах Саянск, Свирск и Усть-Кут. На площадках данных учреждений, с использованием инфраструктуры ВКЗ, различным категориям слушателей представлена возможность посмотреть, как в реальном времени, так и в записи концертные программы, кукольные спектакли, хореографические постановки, музейные выставки. Кроме того, открыты два виртуальных зала на базе учреждений дополнительного образования детей в городах Нижнеудинск и Усолье-Сибирское. В первую очередь, целевая аудитория данных площадок представлена преподавателями и учащимися учреждений дополнительного образования детей по видам искусств, с возможностью просмотра и участия в мероприятиях образовательной и социокультурной направленности.

Обратим внимание, что за год работы виртуальных залов, открытых в рамках нацпроекта, с использованием инфраструктуры ВКЗ, суммарно было проведено семьдесят два мероприятия различной направленности. Из них социокультурной направленности – тринадцать мероприятий, образовательной направленности – тридцать одно мероприятие, развлекательной направленности – двадцать мероприятий. Следует отметить, что за данный период было представлено сто пятьдесят три показа филармонических произведений отечественных и зарубежных исполнителей. Количество посещений гражданами показов составило 2 407 единиц.

Подводя итог, отметим, что в процессе цифровизации культурного пространства и развития сети виртуальных залов в рамках федерального проекта «Цифровая культура» формируется равноценный доступ широкой аудитории к культурным ценностям. Кроме того, появляется возможность создавать качественные цифровые архивы произведений искусства, что облегчает доступ к культурному наследию.

Список литературы

1. Виртуальный концертный зал // Иркутская областная филармония : [официальный сайт]. URL: <https://xn--38-6kc5abqiiis4b6j.xn--p1ai/the-poster-and-ticket/virtual-concert-hall/>. (дата обращения: 28.08.2021).
2. Виртуальный концертный зал откроется в Областной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского // Иркутская область : [официальный сайт]. URL: <https://irkobl.ru/news/536058/>. (дата обращения: 28.08.2021).
3. Открытие Виртуальных концертных залов // Иркутская областная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского : [официальный сайт]. URL: <https://irklib.ru/kollegam/novosti-kollegam/5858/> (дата обращения: 29.08.2021).

УДК 379.4(С18)
ББК 71(2Рос-4Ирк)яз

Н. В. Рудакова, *Иркутск*

О проблемах освоения учреждениями культуры Иркутской области виртуального пространства в условиях распространения коронавирусной инфекции

Работа посвящена вопросу освоения учреждениями культуры Иркутской области виртуального пространства в условиях распространения коронавирусной инфекции. На основе данных опроса руководителей органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области определен ряд основных проблем, возникших при освоении учреждениями культуры онлайн-пространства в 2020 г.

Ключевые слова: культура, учреждения культуры, виртуальное пространство, проблемы освоения виртуального пространства

N. V. Rudakova, *Irkutsk*

About the problems of the development of virtual space by cultural institutions of the Irkutsk region in the conditions of the spread of coronavirus infection

The work is devoted to the development of virtual space by cultural institutions of the Irkutsk region in the conditions of the spread of coronavirus infection. Based on the survey data of the heads of the cultural management bodies of the municipalities of the Irkutsk region, a number of main problems that have arisen during the development of the online space by cultural institutions in 2020 have been identified.

Keywords: culture, cultural institutions, virtual space, problems of mastering virtual space

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) 2020-й год оказался для организаций сферы культуры и искусства чрезвычайно сложным. В соответствии с указом Губернатора Иркутской области от 12.10.2020 № 279-уг Иркутская область была определена территорией, на которой предусматривается комплекс ограничительных и иных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В связи с ограничительными мерами была приостановлена деятельность театров, музеев, библиотек и культурно-досуговых учреждений. Были отменены или перенесены на более позднее время запланированные выставки, фестивали, другие культурно-массовые мероприятия. Следствием данных обстоятельств стало отсутствие посетителей учреждений, получающих услуги очно, и соответствующее падение доходов учреждений культуры от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. В связи с резким падением показателей посещаемости многие учреждения культуры столкнулись с риском невыполнения муниципальных заданий.

Ограничительные меры, которые действовали в регионе, повлияли на итоговые показатели деятельности учреждений – произошло значительное сокращение числа проведенных мероприятий по сравнению с 2019 г. Так, например, в муниципальных музеях число мероприятий сократилось на 47 %, в муниципальных библиотеках на – 44 %. Число проведенных меро-

приятий в культурно-досуговых учреждениях снизилось на 35 %, а число мероприятий КДУ на платной основе – на 63 %.

Приостановление деятельности учреждений культуры повлияло и на показатели посещаемости учреждений культуры. Посещаемость музеев сократилась на 67 %, культурно-досуговых учреждений – на 50 %, библиотек – на 48 %.

В 2020 г. число пользователей муниципальных библиотек уменьшилось на 28 %. Число клубных формирований КДУ сократилось на 143 ед., а количество их участников уменьшилось на 5057 чел.

Охват населения муниципальных образований библиотечным обслуживанием в 2020 г. снизился на 9 %, музейным обслуживанием – на 15 %.

Численность обучающихся в детских школах искусств сократилась по сравнению с предыдущим учебным годом на 885 чел.

Сложившаяся ситуация стала катализатором организационно-технических изменений в деятельности учреждений, привела к поиску новых форм работы, включающих смену форматов традиционных мероприятий. Для выполнения задач национального проекта «Культура», муниципальных программ в сфере культуры большинство учреждений перешло в цифровой формат работы, используя современные информационно-коммуникационные технологии, проводя мероприятия и обучение в дистанционном режиме. Учреждениями были предприняты активные усилия по поддержанию основных видов деятельности, предоставлению альтернативных или дополнительных услуг через цифровые платформы. Виртуальное пространство стало фактически единственным источником доступа к культурному, образовательному и развлекательному контенту.

Общими усилиями органов управления культуры и учреждений культуры муниципальных образований работа по развитию различных видов культурной деятельности не только не приостановилась, а была продолжена и вышла на новый этап развития. Несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию и перевод учреждений культуры в режим полной или частичной удаленной работы, 2020 г. принес ряд интересных мероприятий и профессиональных достижений. Особое внимание уделялось организации и проведению разнообразных по форме и тематике мероприятий, которые позволили оставаться на связи с посетителями в период самоизоляции и провести работу по всем основным направлениям деятельности. Появились положительные изменения в работе учреждений культуры, преимущественно в контексте использования новых форм и методов работы, использования новых технических средств. Основная деятельность муниципальных учреждений культуры Иркутской области была направлена на активизацию культурно-просветительной деятельности в онлайн режиме, поиск и освоение новых форматов и идей взаимодействия с аудиторией в интернет-пространстве – в социальных сетях, мессенджерах, на сайтах учреждений культуры и администраций муниципальных образований. Библиотеки использовали возможности внестационарного и дистанционного обслуживания

ния пользователей, музеи проводили виртуальные выставки, виртуальные экскурсии, виртуальные образовательные квесты, онлайн мастер-классы и др.

В рамках федерального проекта «Цифровая культура» национального проекта «Культура» осенью 2020 г. состоялось торжественное открытие трех виртуальных концертных залов в следующих учреждениях культуры городских округов Иркутской области: 1) картинная галерея, входящая в состав структурного подразделения по музейно-выставочной работе МБУК «Дворец культуры «Юность» (г. Саянск); 2) МБУК «Централизованная библиотечная система» Центральная городская библиотека им. Н. С. Клевцова-Ангарского (г. Усть-Илимск); 3) МБУК «Централизованная библиотечная система города Братска» (г. Братск). Перечисленные учреждения стали победителями отбора Министерства культуры Российской Федерации на создание виртуальных концертных залов в городах России. Размер иного межбюджетного трансферта в Иркутской области на создание залов составил 3 000,0 тыс. руб. На выделенные средства было приобретено и смонтировано специальное оборудование: настенные экраны, профессиональные акустические системы, компьютеры, позволяющие в прямом эфире принимать и транслировать видеосигнал из центральных концертных залов страны.

Опрос руководителей органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области позволил определить ряд основных проблем, возникших при освоении учреждениями культуры онлайн-пространства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Среди них следует отметить:

- недостаток навыков работы с потребителями услуг учреждений культуры в дистанционном формате;
- отсутствие в штате учреждений культуры квалифицированных специалистов (операторов, монтажеров);
- недостаточная материально-техническая база для работы в цифровом пространстве и создания качественного контента;
- отсутствие стабильного интернет-трафика в отдаленных территориях;
- трудности с установлением контакта с аудиторией старшего возраста;
- вопросы, связанные с соблюдением авторских прав при подготовке культурных, информационно-просветительских мероприятий;
- конкуренция между учреждениями культуры в онлайн-пространстве.

Существенной проблемой стало отсутствие единой методики подсчета онлайн-мероприятий и их посещений, что не позволило в полной мере отразить в формах федеральной статистической отчетности всего объема работы, проведенного учреждениями культуры в 2020 г.

Нельзя также не сказать о том, что в целях выполнения подпункта «б» п. 2 Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» Министерство культуры Российской Федерации ввело в действие, начиная с октября 2020 г. и далее ежемесячно до 2030 г., мониторинг достижения националь-

ных целей в сфере культуры. Цель мониторинга – отслеживание достижения целевого показателя «Увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года», который включен в перечень показателей национальной цели развития Российской Федерации «Возможности для самореализации и развития талантов». Важно отметить, что с 2021 г. данный показатель также входит в систему показателей по оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ.

Одной из составляющих базового показателя «Число посещений культурных мероприятий» является такой компонент как «Число обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры, которое определяется по данным счетчика «Цифровая культура» (Единое информационное пространство в сфере культуры)». В разрезе субъекта РФ учитывается число обращений к цифровым ресурсам данного субъекта.

В настоящий момент в условиях постепенного возобновления работы учреждениями культуры является важным продолжить деятельность по совершенствованию форм работы с использованием современных информационных технологий, развитию инфраструктуры культурной деятельности, повышению квалификации работников, в том числе в сфере создания онлайн продуктов.

УДК 35
ББК 60.82

Т. В. Стрижкова, *Иркутск*

Влияние виртуального пространства на социокультурные процессы

Доказывается что, платформы для социального взаимодействия в сети Интернет оказывают значительное влияние на процессы восприятия и социального познания пользователей. Показывается, что эффективность межличностного взаимодействия обусловлена особенностями наглядно-образного отражения субъектами друг друга. Это рассматривается через призму того, что момент взаимодействия перед субъектом находится не сам пользователь, а только его семантическое отражение, наполненный символами, сигналами образ реальной личности, который содержит информацию о нем и выполняет функцию транслятора и инструмента управления впечатлением.

Ключевые слова: виртуальный образ личности; социальная перцепция; механизмы социальной перцепции; социальная сеть; аттракция; стереотипизация; идентификация; рефлексия; каузальная атрибуция.

T. V. Strizhkova, *Irkutsk*

The impact of virtual space on socio-cultural processes

The article proves that platforms for social interaction on the Internet have a significant impact on the processes of perception and social cognition of users. It is shown that the effectiveness of interpersonal interaction is due to the peculiarities of the visual-figurative reflection of the subjects of each other. This is viewed through the prism of the fact that the moment of interaction in front of the subject is not the user himself, but only his semantic reflection, the image of a real person filled with

symbols and signals, which contains information about him and serves as a translator and instrument for managing the impression.

Keywords: virtual personality image; social perception; mechanisms of social perception; social network; attraction; stereotyping; identification; reflection; causal attribution.

Социальная перцепция – это процесс восприятия социальных объектов, социальных групп и общностей. Она является одним из важнейших компонентов общения. Социальная перцепция включает также формирование представления о намерениях, мыслях, способностях, установках другого человека.

Изучая социальное взаимодействие в виртуальном пространстве, необходимо рассмотреть характерные черты межличностного восприятия, так как в выстраивании социального взаимодействия в интернете именно восприятие человека человеком играет решающую роль.

Межличностная перцепция довольно сложный и многомерный феномен. Он включает в себе как восприятие физических, так и поведенческих черт партнера.

Шерри Теркл считает, что отношения с компьютером, как посредником между реальным и виртуальным миром, могут в значительной степени изменять представления людей о себе, своей деятельности, профессии, работе, о своих отношениях с другими людьми и о социальных процессах в целом. Подобные процессы становятся основой для формирования новых эстетических ценностей, социальных ритуалов, новой философии и культуры в целом. Следует отметить значительность таких изменений в культурной, мировоззренческой и ценностно-смысловой сферах человеческой активности, что влияет на структурирование информации, процесс считывания и расшифровки семантического содержания образа личности.

В виртуальном пространстве интернета восприятие человека человеком происходит посредством виртуального образа личности, который конструируется каждым пользователем для участия в социальном взаимодействии в виртуальном пространстве [3].

Виртуальный образ личности – это намеренная, осознаваемая или частично осознаваемая личностью виртуальная ментальная конструкция, отражающая личностные характеристики носителя, основной функцией которой является создание определенного впечатления у других виртуальных пользователей [5; 6].

Значительную роль в оценке виртуального образа личности играют когнитивные психические процессы, которые способствуют абстрагированию, анализу, синтезу полученных данных (мышление), организованной и целенаправленной селективности признаков (внимание), сопоставлению, полученной информации с прошлым опытом и уже сформировавшимися эталонами (память, воображение, представление), а также интерпретацию информации, которая заложена в образе в виде знаков, символов и шаблонов (паттернов).

Социальная перцепция, как процесс восприятия, имеет в своей основе анализ и обработку стимулов, воздействующих на анализаторы. Современные информационные технологии в значительной мере расширили спектр данных стимулов. Перцепция как одна из форм сенсорного воспроизведения способствует формированию цельного образа в сознании пользователя. При этом на формирование образа может влиять как сила стимулов, так и эмоциональное состояние пользователя, и ситуация взаимодействия.

Таким образом, особое значение в социальном познании в ситуации межличностного взаимодействия играет первое впечатление. Символьное содержание образа личности определяет первое впечатление и эмоциональное отношение к субъекту взаимодействия. Таким образом, при изучении особенностей социальной перцепции следует уделить внимание, прежде всего, первичному восприятию субъектами друг друга.

Социальная перцепция происходит на двух уровнях: психофизическом и психологическом. Происходит процесс объективации психологических качеств личности, соединение внутреннего (психологического) содержания с внешним знаково-символьным. Бодалев А. А. описывал данный процесс через отражение признаков-сигналов, которые в ходе обработки запускают актуализацию в сознании прошлого подобного опыта, привязанного к данному сигналу. При этом семантические компоненты, образующие внешний вид и выразительное поведение довольно разнообразны и в своей совокупности выступают носителями определенной информации, выполняя роль сигналов-стимулов [1]. Первичный образ формируется путем анализа изображения, который представляет собой совокупность отражений реального облика субъекта.

В процессе взаимопознания участников взаимодействия часто происходит объединение внешних стимулов, например, черт лица, и определенных психологических характеристик. Отражение характерных черт лица человека интерпретируется партнерами по взаимодействию как характеристика внешне неопределяемых качеств личности. Довольно часто можно встретить такие характеристики, как умный лоб, злые глаза, волевой подбородок. Таким образом, происходит объективирование психологических характеристик личности во внешних чертах и выразительных компонентах внешнего вида человека.

В процессе межличностного восприятия в реальном пространстве субъекты взаимодействия оценивают друг друга на основе внешнего вида, вербального и невербального компонентов. Виртуальное пространство формирует новые законы социального взаимодействия и «познания человека человеком».

В процессе социальной перцепции в виртуальном пространстве интернета некоторые отечественные ученые выделяют в качестве решающего компонента визуальное восприятие другого человека. Восприятие его внешних признаков, анализ и соотнесение их с возможными личностными характеристиками и интерпретацию его поступков и мыслей. Другие считают, что важную роль в социальной перцепции в виртуальном простран-

стве играет вербальный аспект восприятия, в частности текстовая информация и только в незначительной мере визуальная. Современные социальные сети стремительно развиваются, подстраиваются под запросы современного технического мира. На данный момент большая часть виртуальных платформ может представить широкие возможности для всестороннего восприятия, как вербального, так и визуального компонентов. Кроме этого, социальные сети позволяют ознакомиться с музыкальными предпочтениями своих пользователей, их интересами, принадлежностью к сообществам, недавними взаимодействиями с другими пользователями. Данные возможности позволяют пользователям конструировать собственный виртуальный образ и представлять его другим субъектам, возможным партнерам по взаимодействию.

А. Е. Войкунский в своих работах отмечает, что социальная перцепция участников виртуального взаимодействия в социальных сетях опирается на самопрезентации партнеров по коммуникации [2]. Самопрезентация – одна из основных функций виртуального образа личности, который демонстрирует основные внешние, социальные и психологические характеристики пользователя.

В виртуальном пространстве субъекты имеют возможность оценивать готовый образ, созданный собеседником. Таким образом, физический компонент социальной перцепции изменяется, и предметом восприятия становится образ. Невербальный же компонент, включающий мимику, жесты и эмоции в виртуальном пространстве отсутствует. Физические характеристики личности воспринимаются через фотообразы, фиксированные изображения в лучшем ракурсе. Исследования показали, что выбор фотоизображения отражает личность пользователя и опирается на впечатление, которое носитель образа хочет произвести на других. Пользователь подбирает определенный тип аватарки, юзерпика, который вызывает симпатию у большинства пользователей.

В ходе социальной перцепции в межличностном взаимодействии можно выделить механизмы, направленные на восприятие внешнего облика и поведения субъекта, и механизмы восприятия внутреннего мира субъекта – социально-психологические характеристики [4].

Среди механизмов внутренних психологических характеристик личности выделяют аттракцию, идентификацию, каузальную атрибуцию, рефлексию, стереотипизацию и эмпатию.

Виртуальный образ личности, как инструмент, направленный на управление впечатлением, играет важную роль в формировании привлекательности виртуальной личности, за которой скрывается реальный человек. Механизм аттракции в социальной перцепции строится на возникновении устойчивого положительного чувства. Согласно исследованиям, лица незнакомых субъектов вызывают устойчивое чувство симпатии в случае неоднократной встречаемости. Современные социальные сети регулярно предлагают своим пользователям возможных знакомых, таким образом формируя эффект про-

стого попадания в поле зрения. Подобные выводы были также сделаны после проведения эксперимента Р. Морленда и С. Бич.

Важную роль в механизме аттракции играет сходство между субъектами. Причем межличностное сходство определяется не только в физическом диапазоне, но и в социально-психологическом. Таким образом, при выявлении степени сходства субъектами учитывается сходство интересов другого человека, музыкальных и литературных предпочтений, принадлежности к той или иной социальной группе. Структура профиля в социальной сети позволяет провести подобного рода сравнение. Кроме этого, сеть сама проводит данное строение и предлагает своим пользователям подборку профилей со схожими интересами.

Еще одним важным фактором в формировании межличностной аттракции играет физическая привлекательность. Красивые люди имеют более высокий социальный статус и популярность среди других людей. Социальные сети предоставляют своим пользователям ряд широких возможностей не только для демонстрации лучших фото, но и для редактирования и наложения эффектов на изображения.

Механизм идентификации формируется на основе интуитивного сопоставления личности с воспринимаемым субъектом по ряду признаков. Данный механизм чаще всего реализуется путем сравнения субъектом себя с другим пользователем.

Стандартизированная структура формирования виртуального образа в социальной сети упрощает процесс идентификации себя с другим человеком. Значительная часть внешнего слоя виртуального образа личности уже будет сопоставима с обликом другого пользователя. Эмоциональная сторона идентификации в данном случае в значительной степени упрощается до рационального анализа структурных компонентов композиции виртуального образа личности.

Идентификация тесно связана с механизмом рефлексии. Данный механизм формируется на основе необходимости субъекта сформировать свой образ с точки зрения других людей. Таким образом, формируется еще один слой виртуального образа личности – «то, как меня видят другие». Социальная сеть «ВКонтакте» позволяет осуществить демонстрацию своего профиля с точки зрения еще не знакомого пользователя и пользователя, уже причисленного к числу «друзей». Такая демонстрация позволяет оценить сконструированный внешний образ с точки зрения других субъектов.

Шестикомпонентная структура перцептивного процесса, в которой участвуют две личности, два представления личности о самом себе и два представления о личности глазами другой личности, также упрощается. Разрыв между тем, что личность о себе представляет, и тем, что видят другие пользователи, сокращается. Однако стоит отметить, что профиль в социальной сети представляет только часть виртуального образа личности. Образ, сформированный при анализе профиля, может быть скорректирован и уточнен при дальнейшем коммуникативном взаимодействии.

Каузальная атрибуция заключается в интерпретации поступков и действий партнера через призму собственного опыта и взглядов – причинная интерпретация на основе каузальной схемы. Чаще всего данный механизм проявляется в приписывании тех или иных характеристик. Выделяют три типа подобных приписываний в зависимости от того, кому приписывается причина: личностную, объектную, обстоятельственную. Виртуальные платформы для взаимодействия, в частности социальные сети, создают широкие возможности для приписывания партнеру по взаимодействию целого спектра личностных и поведенческих характеристик, которые основываются на содержательном компоненте профиля пользователя. Таким образом, размещение на странице пользователя контента, который содержит информацию о защите окружающей среды, позволяет приписать носителю виртуального образа ряд качеств, отражающих его общественную и гражданскую позицию. Широкие возможности для приписывания также создают ситуативные комментарии в виртуальных сообществах, поддерживающих ту или иную точку зрения.

Кроме этого, механизм каузальной атрибуции срабатывает в ситуации анализа графических изображений и фотообразов, составляющих виртуальный образ. Е. В. Рягузова в ходе исследования выяснила, что во время восприятия незнакомого субъекта по фотографии, на которой очевидно прослеживаются телесные особенности, экспрессивные движения, особенности оформления внешности, происходит приписывание психологических качеств репрезентируемому образу через обработку визуальных кодов, усвоенных в ходе социализации [8].

Механизм стереотипизации в своей основе содержит устоявшиеся образы. Зачастую подобные образы относятся к обобщенным характеристикам поведения, внешности. Появление стереотипа происходит из-за ограниченности прошлого опыта, что приводит к формированию выводов на основании ограниченной информации прошлого. Стереотипизация может привести к упрощению процесс познания другого субъекта и замене его образа штампом. Подобная замена может способствовать упрощению процесса восприятия и ускорению познания. С другой стороны, в ходе взаимодействия может возникнуть предубеждение, которое приведет к негативному результату восприятия образа.

А. А. Реан разделил стереотипы на шесть групп: антропологические, этнонациональные, социальностатусные, социальноролевые, экспрессивно-эстетические, вербально-поведенческие. В ходе процесса стереотипизации возникают социальные установки, которые оказывают влияние на дальнейшие акты взаимодействия. Восприятие образа личности происходит путем определения эталонов, которые способствуют интерпретации компонентов образа, состоящей в приписывании субъекту определенных качеств в соответствии с оценочными стереотипами воспринимающего.

Механизм эмпатии направлен на эмоциональное познание другого человека, эмоциональное вчувствование в субъекта. Одной из основных

функция эмпатии является регуляция взаимоотношений на основе необходимости оказать помощь, поддержку другим людям. При этом эмпатия срабатывает при условии непосредственного восприятия переживаний другого субъекта. Виртуальная среда же оказывает влияние на уровень эмпатии в межличностном взаимодействии, провоцируя проявления черствости и равнодушия. Активные пользователи социальных сетей проявляют более формальную эмпатию, эмоционально не вовлекаясь в чувства другого человека [7].

Таким образом, виртуальное пространство оказывает ключевое влияние на процессы и механизмы межличностного восприятия, которое проявляется в особенностях формирования и восприятия образов личности, как ключевых трансляторов информации для налаживания успешного взаимодействия.

Список литературы

1. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л. : Изд-во Ленингр. университета, 1965. 121 с.
2. Войскунский А. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
3. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 161–165.
4. Обыденкова В. К. Межличностное восприятие в контексте киберсоциализации человека в социальных сетях интернет-среды // Экспериментальные исследования молодых ученых по результатам исследований в области психологии, педагогики, социокультурной антропологии : сб. докл. V Межвуз. конф. М. : Издат. отдел Центра исслед. технологий REDU, 2012. С. 400–404.
5. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 10–25.
6. Полошкевич О. А. Перспективы будущего: особенности восприятия после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности : материалы XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2021». М., 2021. С. 149–151.
7. Расина Э. О. Концепт «виртуальный образ личности» в понятийном поле психологии: теоретико-методологический дискурс // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2019. № 2 (16). С. 66–69.
8. Рягузова Е. В. Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого другого // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 2 (14) С. 166–169.

УДК 81'373+316.77
ББК 6/8+80.84

О. В. Шкуран, *Луганск*
Г. Р. Асадуллина, *Уфа*
С. И. Ивентьев, *Казань*

Ложные слова-сакрализаторы в медианпространстве

В статье рассматриваются медиадискурсы, в которых функционируют языковые единицы с сакральной семантикой, – лексемы, фраземы, паремии и другие устойчивые комплексы с измененной первоначальной семантикой. Показывается как медиасистема создаёт новый пласт национального русского языка, в котором смешиваются функциональные стили, игнорируются литературные каноны, что способствует вымыванию ценностной составляющей традиционного языка. Проиллюстрированы такие лексемы, как «богатырь», «милостыня», содержащие сакральный смысл – ценностно-смысловое наследие духовной сферы русского человека, трансформированные в определенной коммуникативной ситуации. «Демократизация» современного русского языка привела к созданию новой языковой реальности с ложными словами-сакрализаторами, разрушающими духовность, мораль и традиционную ценностную картину мира и стимулирующая деструкцию языковой личности.

Ключевые слова: духовность, мораль, виртуальное пространство, медиасистема, «карнавализация» языка, языковая сакрализация, профанный язык, десакральный язык, языковая единица с сакральной семантикой, сакрализатор.

O. V. Shkuran, *Luhansk*
G. R. Asadullina, *Ufa*
S. I. Iventev, *Kazan*

False words-sacralizers on the media space

The article discusses media discourses linguistic units with sacred semantics function – lexemes, phrases, paramedic and other stable complexes with altered initial semantics. The media system creates a new layer of the national Russian language that has mixed functional styles, literary canons are ignored, which contributes to the washing out of the value component of the traditional language. Such lexemes and parems are illustrated, such as “bogaty’r”, “milostynya”, containing sacred meaning – the value-semantic heritage of the spiritual sphere of the Russian person transformed into a certain communicative situation. The “democratization” of the modern Russian language has led to the creation of a new linguistic reality with false words-sacralizers that destroy spirituality, morality and the traditional value picture of the world and stimulate the destruction of the linguistic personality.

Keywords: spirituality, morality, virtual space, media system, «carnivalization» of a language, language sacralization, profane language, desacral language, language unit with sacred semantics, sacralizer.

С развитием цифровых технологий информационное общество, сформированное в постиндустриальный этап развития общества, основой которой во всех сферах экономической и социальной жизни человека выступает информация [7, с. 34], плавно перешло в цифровое общество, в котором первое место отведено виртуальному пространству или киберпространству [6, с. 209–210]. В условиях цифрового общества происходит существенная трансформация общества, семьи и социальных институтов государства, а также изменение духовно-нравственной сферы человека, положительно и негативно воздействуя на его душу и сознание [6, с. 210–211]. В настоящей работе под духовно-нравственной сферой человека понимается «духовное и

нравственное пространство, формируемое человеком, его душой и духом, в котором проявляются и реализуются морально-нравственные наклонности и качества человека, духовные ценности и потребности, его мировоззрение, уровень духовного и нравственного сознания» [2, с. 283–294]. Виртуальное пространство входит в состав медиапространства или медиасистемы.

В настоящей статье на примере некоторых языковых единиц показывается отрицательное влияние медиапространства / виртуального пространства на духовность, мораль и традиционную ценностную картину мира.

Отличительным признаком языка медиапространства является многообразие средств информирования и воздействия. Такое молниеносное распространение информации увеличивает массовость аудитории и перемещение языковых единиц с периферии в ядро национального языка. Именно медиадискурс концентрирует значительный объём информации, отражающий и языковые, и культурологические изменения. Медиасистема обладает многочисленными технологическими платформами проводных и беспроводных компьютеров, смартфонов, планшетов и других гаджетов, что ускоряет процесс влияния на пользователей, представленных разными возрастными группами.

В условиях падения интереса к чтению классической литературы к избирательности в чтении современной литературы подрастающее поколение «цифровых людей» [21] создаёт новый тип современного национального языка, в котором смешиваются разные пласты, увеличивается количество стилевых ошибок, демократизируется публичная речь. Чаше медиадискурсы упрощают, укорачивают, схематизируют сетевой язык. В. Г. Костомаров в монографии «Языковой вкус эпохи» (1999 г.) этот процесс называет карнаваллизацией – «бурно развивающимся процессом, который затрагивает не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, пренебрегающие литературными канонами» [8, с. 5]. Нормальные темпы языковой динамики резко повышены, а это создаёт резкий разрыв в преемственности традиций и в сохранении национальной культуры целого народа. Н. Е. Петрова в пособии «Язык современных СМИ: средства речевой агрессии» (2011 г.) язык медиадискурса называет «новой языковой реальностью, расположенной в центре современных языковых процессов» [10, с. 89]. Таким образом, языковые единицы имеют оценочный характер, кратки и экспрессивны, представлены в единстве нескольких функциональных стилей – публицистического, художественного, разговорного и др. Данные стили не представляют собой замкнутую систему со своими стилевыми чертами, а, наоборот, – на новой основе происходит перераспределение с привлечением нелитературных средств (вульгаризмов, сленга и др.). Мы наблюдаем решительный поворот современного русского языка к многочисленным связям – язык и общество, язык и политика, язык и мышление, язык и религия, язык и культура, язык и юриспруденция и другие, что способствует созданию новых смежных наук, которые изучают ценностную картину мира. Такой материал прослеживается в этнографических, социо-

логических, литературоведческих, лингвистических исследованиях [5; 13; 15]. При изучении ценностной картины мира в языке мы рассматриваем языковые единицы с сакральной семантикой, к которым мы относим лексемы, фразеологизмы, поговорки, афоризмы и другие, содержащие во внутренней форме культурно-ценностный потенциал, необходимый для раскрытия сакрального метаязыка.

Так называемая языковая «карнавализация» целенаправленно искажает духовный и ценностный мир человека, деформирует личность и общество, подменяя истинный смысл многих слов, включая и их духовно-нравственный смысл, изначально заложенный Богом-Творцом [3, с. 401–407].

Можно с уверенностью говорить, что эта языковая «карнавализация» представляет собой один из элементов гибридной войны (информационная и филологическая война), которую ведут растлители великорусского русского языка, манипуляторы и русофобы (нем. russophobie, фр. russophobie, от рус и др. греч. φόβος – страх), именуя ее так называемой «демократизацией русского языка», тем самым прикрывая истинные цели в развале национальной культуры, порабощении или уничтожении неугодного народа. В данном случае понятие «демократизация» можно справедливо отождествлять с такими словами, как манипуляция, разрушение и разложение. По этой причине в статье слово «демократизация» берётся в кавычках.

Мы считаем, что *языковая единица с сакральной семантикой (ЯЕСС)* – это номинативное понятие, выраженное словом, устойчивым словосочетанием или предложением, содержащее в себе ценностно-смысловое наследие духовной атмосферы. По словам П. А. Флоренского, духовной атмосферой или пневмосферой называют ту «атмосферу общества, которая необходима для существования человека и человечества» [18]. Духовность есть устремление, неутолённость духовной жажды, напряженность, энергия, направленная на созидание, на создание духовного мира и собственного духовного организма. А. А. Ухтомский пишет о том, что «дух будет силён против всякого давления мира и тогда откроется религиозный мир как явная психологическая действительность, более действительность, чем какой-либо материальный мир» [17].

Духовность не только связана с Богом, духом, религией и духовной культурой определённого народа, но и с душой и духом человека [1, с. 21–29].

Целью нашей статьи является представление языковых единиц, утративших в медиапространстве сакральную семантику в результате либо семантической профанизации, либо десакрализации, что способствует выявлению ложных слов-сакрализаторов в сознании русского человека и в современной национальной культуре.

Рассмотрим на конкретных примерах эволюционный процесс языковой профанизации (перехода ЯЕСС в сферу бытовой речи) и языковой десакрализации (приобретение ЯЕСС квазидуховно-инфернального статуса, ведущего к деструкции языковой личности).

Одной из основных форм сакрального и социального контакта общества с просящим и нуждающимся является ЯЕСС *милостыня*. Русская поговорка гласила: *От тюрьмы да от сумы не зарекайся!* Именно сума – это необходимый атрибут просящего человека, а в современном лексиконе называется бродяжничеством. Ей приписывались волшебные свойства: у словаков крошки хлеба – остатки от милостыни – давали ребенку, который долго не мог заговорить; у русских – роженице при трудных родах; у белорусов – кормящей матери при отсутствии молока и т. д. [14]. Как отмечено в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», подаяние считалось Богоугодным делом и поддерживалось церковью: *Просит убогий, а подаешь Богу*.

Национальный корпус русского языка дает возможность проследить семантическую динамику формирования ложного слова-сакрализатора с негативной коннотацией с отпечатком времен эпохи петровской европеизации и столетия массового атеизма: *Как и молитва, милостыня привлекает благодать и милосердие Божие и на того, о ком творится молитва, и от имени кого это благодеяние совершается*. (Ольга Белякова. «Во Иордане крещающемуся тебе, Господи!»... (2004) // «Уральский автомобиль» (Мисс), 2004.01.20) – **«за милостыню воздастся от самого Творца»**; *Вот это есть настоящая милостыня ближнему – а не наши копейки*. (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005) – **«милостыня – это гораздо больше, чем малая помощь нуждающимся»**; *Другой может думать и даже понимать, наоборот, что милостыня как раз худший способ увековечения неработающей бедности; или он может стыдиться, как скверно выказывать себя перед другим таким способом, показной щедростью, и запрещать себе такой нарциссизм*. (В. В. Бибахин. Узнай себя (курс лекций, прочитанный на философском факультете МГУ в 1989–1990 гг.) (1998 г.) – **«подаяние нищим усугубляет безработицу и иждивенчество»** и др. [9]. Мы наблюдаем семантическую негативную динамику ЯЕСС «милостыня». В медиадискурсах доминирует рациональное над эмоциональным, материальное над духовным, что не является естественным для русского человека: от пожертвования как необходимого действия греховного очищения к просто механической подачке просящему. Исключительной характеристикой, что выяснилось в процессе диахронического среза, обладает лексема «милостыня» только в христианском понимании [19, с. 158–165].

Ярким примером профанизации в современном языке выступает лексема *богатырь*. Существует много гипотез по поводу ее этимологии. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1890 – 1907 гг.) представляет достаточно полную информацию о заимствовании из татарского языка (семейство тюркских) и представлено в различных формах – *багхатур*, *багадур*, *батур*, *батырь*, *батор* и др. О. Миллер считает, что данная языковая единица пришла из санскрита и имела первоначальное звучание *baghadhara* (обладающий счастьем, удатный), указывая на праарийское происхождение

ние... Но, на наш взгляд, такому происхождению соответствовало бы коренное русское *богодар*, а не *богатырь*. Российские лингвисты В. Щепкин, Ф. Буслаев (1863 г.) придерживались христианского происхождения лексемы: *Бог* <*богатый* <*богатырь* – тот, кому помогает Бог. Можно согласиться с данным утверждением, потому что в русском миропонимании быть богатырем – обладать большой силой и выносливостью для защиты женщин, детей, стариков [20, с. 23].

За последние два века поменялось представление о богатырях и только былины напоминают нам о героическом прошлом воинов русской земли. Помимо большевистского и советского прошлого (*Красный богатырь* – *защитник советской власти*) появляется легкий сарказм по отношению к современным представителям мужского пола, напр.: *И вдруг этот богатырь пожаловался негромко, оглядываясь на жену* (Борис Екимов «Пиночет»); *Илюша каков богатырь: худ, шея как у оципанного петуха, даже лысина стала морщинистой, и откуда берутся силы, энергия* (Людмила Улицкая «Казус Кукоцкого»). Путешествие в седьмую сторону света»; придаётся **невероятная вседозволенность** расправляться судьбами людей: *Как сказочный богатырь, Сталин изнемогал отсекать всё новые и новые вырастающие головы гидры!* (Александр Солженицын «В круге первом»); выносливость и стойкость в решении жизненных вопросов: *Глебов относился к особой породе богатырей: готов был топтаться на распутье до последней возможности, до той конечной секундошки, когда падают замертво от изнеможения* (Юрий Трифонов «Дом на набережной»); **название крупно рожденного мальчика младенческого возраста**: *Увидев малыша, акушеры ахнули: в Бишкеке родился ребенок-богатырь. Жительница Бишкека родила мальчика весом более шести килограммов. При этом рост младенца 58 сантиметров. ...*; **стереотип российского полицейского**: *Обычный российский полицейский – он ведь какой? Богатырь, спортсмен, кровь с молоком. А среди этих одни тщедушные очкарики, которые только и умеют, что «снимать пальчики», взвешивать пули да копаться в чьих-то ДНК («Русский репортер. Казусы»); духовный победитель: *Он, спустившийся в ад ГУЛага и вышедший оттуда без озлобленности, восставший от смертельной болезни, бросивший вызов людоедской системе и, словно могучий богатырь, одержавший духовную победу над ней; персонификация чернобыльской катастрофы: *Атомный богатырь* (К. Полушкин «Наука и жизнь»)) [20, с. 3–5].**

Таким образом, ЯЕСС «милостыня», «богатырь» прошли эволюцию семантической трансформации, начиная с эпохи Просвещения и продолжая дискурсами XX столетия, которые завершают становление языковых единиц с профанным или десакральным смыслом. Это влечёт за собой трансформацию доминирующей аксиологической шкалы. И. И. Срезневский писал: «Народ и язык – единица неразделимая. Народ – язык, язык – народ» [12, с. 106]. Использование лексем с прочно устоявшейся в языковом сознании семантикой и коннотацией может быть манипулятивно удачным: они

автоматически вызывают ассоциации. И, с нашей точки зрения, ЯЕСС входят в число «ядерных» лексем, которые в современных медиадискурсах формируют новое национально-культурное сознание. А. А. Потебня писал: «Единственная цель теоретического (художественного и научного) произведения есть видоизменение внутреннего мира человека, и так как эта цель по отношению к самому создателю достигается одновременно с созданием, то можно сказать, что художественное произведение в одно и то же время есть столько цель, сколько и средство [11, с. 288].

Таким образом, медиапространство отражает языковое и культурное состояние общества и понимается как медиасобытие, как модель действительности, которая конструируется автором в процессе профессиональной деятельности с учётом культурной специфики. В едином языковом пространстве создаётся новый язык с новыми условиями, которые чаще всего выходят за рамки кодифицированного языка. Но здесь тревогу вызывает не столько динамический процесс, а сколько сама семантическая наполняемость, образы и смыслы тех языковых единиц, которые в течение многих столетий во внутренней форме удерживали духовный статус и формировали здоровое русское сознание. Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоскостно, поэтому за ЯЕСС стоит коллективный опыт всего народа, его дух, подлинное величие, которое «манifestируется только через лексику» [16, с. 154].

Как видим, данный лингвокультурологический анализ лексем «мило-стыня», «богатырь» показал, что за последние пару столетий, начиная с эпохи европеизации, происходит расширение концептуального поля данных языковых единиц с сакральной семантикой, в результате чего увеличение дефиниций способствует языковой «карнавализации» – приобретению профанного и десакрального смысла. Мнение учёных по этому поводу расходится: одни считают это положительным процессом семантической трансформации, поскольку ЯЕСС бытуют в речи и находятся в активном словарном запасе. И этот процесс почему-то именуют «демократизацией» русского языка. Е. Д. Поливанов утверждает: «Стандартный язык как эстафета, переходит из рук в руки, – от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [4, с. 219–223]. В данной языковой ситуации удручает склонность современных носителей языка к присваиванию пейоративных коннотаций данным языковым единицам и активизации данного процесса в медиапространстве.

Мы считаем, что такой «снежный ком», иллюстрирующий концептосферу языковых единиц с сакральной семантикой, выталкивает первоначальную «духосферную» семантику, стирая культурологическое наследие многих поколений, заложенное в образе и смысле русского языка, и создаёт ложные слова-сакрализаторы в духовном пространстве русских людей и других народов. При этом через ложные слова-сакрализаторы происходит медленный и поступательный процесс уничтожения родного языка, духовности, традиционной морали и духовно-нравственных ценностей, а также стирания национальных языков и культур, так как народ, к большому сожалению, начинает общаться и писать на суррогатном языке, а не на родном языке.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа, 21 мая 2020 г. / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 21–29.
2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект экстремизма // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 24–26 нояб. 2020 г. / отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 283–294.
3. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодёжи и общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 15 февр. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 401–407.
4. Биккулова А. Ш. Е. Д. Поливанов – один из первых теоретиков советской языковой политики // Молодой ученый. 2011. № 12. Т. 1. С. 219–223. URL: <https://moluch.ru/archive/> (дата обращения: 23.08.2021)
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Курс лекций. М. : Прогресс. Культура, 1995. 480 с.
6. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект цифрового общества // Информационное общество: пределы и риски – прошлое, настоящее, будущее : материалы V Междунар. науч. конф. «Гуманитарные Губкинские чтения». Москва, 3 апр. 2020 г. Ч. 1 / отв. ред. О. М. Смирнова, ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. М. : Издат. центр РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, 2020. С. 209–216.
7. Коммуникационная стратегия бренда в цифровом обществе / О. П. Малыгина, К. В. Николаева, О. В. Носырина, Н. Э. Сучкова // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 3. С. 34–46.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массовой медиа. М. : Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.08.2021).
10. Петрова Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 160с.
11. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 613 с.
12. Срезневский И. И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. М. : URSS, 2010. 120 с.
13. Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. 220 с.
14. Толстой Н. И. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995, 1999. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 702 с.
15. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М. : Радикс, 1994. 190 с.
16. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М. : Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 800 с.
17. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб. : Петерб. писатель, 1996. 528 с.
18. Флоренский П. А. Строение слова. М. : Контекст-1972, 1973. 370 с.
19. Шкуран О. В. Концепт «милостыня» в русском языковом пространстве // Русское культурное пространство: коммуникативные аспекты : сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 19 апр. 2018 г. / сост. А. П. Забровский ; отв. ред. Ковтун. М. : МАКС Пресс, 2019. С. 158–166.
20. Шкуран О. В. Медиаторы десакрализации концепта «богатырь» в современном языковом пространстве // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов междунар. научн. конф. 10–12 сент. 2018 г., г. Петрозаводск : в 2 ч. / науч. ред. Н. В. Патроева, предисл. Н. В. Патроевой, О. В. Никитиной. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 3–5.
21. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, N 5. P. 1–6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky> (дата обращения: 23.08.2021)

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 004.042
ББК 19

А. Б. Бабаев, Е. А. Наташкина, Тула

Использование смартфонов резидентов умного города как источников данных для управления городской инфраструктурой

Рассматриваются возможности сбора данных со смартфонов и иной носимой электроники резидентов умного города, а также использование этих данных в системах управления инфраструктурными составляющими умного города. Затронуты вопросы массового использования персональных данных, проблемы и пути решения. Предложено понятие «общественные технологии».

Ключевые слова: умный город, данные, персональные данные, управление умным городом, общественные технологии.

A. B. Babaev, E. A. Natashkina, Tula

Using smart city residents ' smartphones as data sources for urban infrastructure management

The article discusses the possibilities of collecting data from smartphones and other wearable electronics of smart city residents, as well as the use of this data in the management systems of infrastructure components of a smart city. The issues of mass use of personal data, problems and solutions are discussed. The concept of "public technologies" is proposed.

Keywords: smart city, data, personal data, smart city management, public technologies.

Ключевым вопросом при разработке и внедрении различных систем управления является вопрос получения необходимой для управления информации об объекте управления, а также ее актуализация с требуемой частотой (в предельном случае – поступление информации в режиме online). Этот вопрос поставлен и подробно рассмотрен в [1]. Этот подход справедлив для всех без исключения систем управления, в том числе и для систем управления умным городом.

В настоящее время не существует стандартов по составу и форматам информации, которая необходима для управления умным городом. Обычно

выделяют направления, инфраструктурные элементы городской среды, которые надо контролировать. Перечень этих показателей в России определен ГОСТ Р ИСО 37120-2015 [2]. В данном документе прописаны 46 обязательных и 56 вспомогательных показателей по 17 направлениям, необходимых для контроля всех инфраструктурных элементов умного города.

Можно предложить краткую консолидацию в виде таблицы, где содержатся логически сгруппированные компоненты и объекты умного города.

Таблица

Перечень направлений сбора данных для управления умным городом по ГОСТ Р ИСО 37120-2015

Компоненты умного города	Откуда необходимо получать данные
Городские услуги	Образование
	Здравоохранение
	Безопасность
	Туризм
Городские объекты	Жилые дома
	Объекты торговой деятельности
	Офисные здания
	Больницы
	Школы
Городская инфраструктура	Энергоснабжение
	Водоснабжение
	Транспорт
	Сбор и утилизация мусора
	Объекты информационной и коммуникационной инфраструктуры

Источниками поступления данных для показателей табл. 1 являются:

- базы данных городских учреждений;
- показатели различных датчиков контроля состояния городской инфраструктуры;
- данные с камер видеонаблюдения;
- данные метеорологических станций и станций экологического контроля;
- данные о трафике данных в коммуникационных сетях.

Проанализируем наличие достаточности таких данных для создания условий качественного управления элементами городской инфраструктуры, чтобы обеспечить заданный уровень качества жизни резидентов умного города, а также степень достоверности этих данных. Большинство реально существующих умных городов при сборе данных для своих систем управления не выходит за рамки этих источников информации. Встречаются достаточно остроумные технологические дополнения. Так, например, в Барселоне внедрена система, отслеживающая уровень мусора в баках для сбора мусора. При достижении этого уровня, бак автоматически формирует запрос на вывоз накопленного мусора, что позволило существенно оптимизировать работу городских мусоровозов [3].

Откуда еще можно взять данные для организации эффективного управления умным городом? В настоящее время практически у каждого человека есть смартфон, а также другая носимая электроника. Не секрет, что эти гаджеты ведут сбор информации о своем владельце. Приведем примерный перечень информации, которую может собрать и обработать носимая электроника (основан на технических возможностях моделей среднего уровня):

1. Геолокация. Сбор данных о текущем местоположении и маршрутах, может определить дом, работу, основные маршруты передвижения, частые места для посещений.

2. Возраст, увлечения. Даже если при регистрации владелец гаджета намеренно искажил возраст, его можно скорректировать по косвенным данным (увлечения, круг общения, модели поведения и т. д.).

3. Благополучие. Данные о расходах, что и где покупается, какие места посещаются.

4. Круг общения. Контакты на сим-карте и в социальных сетях, определение по геолокации с кем встречается.

5. Темы разговоров. Телефонные и не только. Возможности смартфона позволяют анализировать разговоры, даже если они ведутся не по телефону, а при личном общении.

6. Кому открыт доступ к персональным данным. Перечень приложений, которые могут легально (по разрешению владельца) обрабатывать его персональные данные.

Сбор и обработка вышеперечисленных данных со смартфонов жителей умного города позволят провести более глубокую оптимизацию элементов городской инфраструктуры, основываясь не на косвенных данных, которые поставляются датчиками городской инфраструктуры и получаются из баз данных различных учреждений, а на прямых данных, которые поставляют сами пользователи этой инфраструктуры.

Здесь возникает противоречие с законностью обработки персональных данных в таком объеме и процедуре получения согласия от горожан на эту обработку. Возможно следующее решение, основанное на применении общественных технологий. Термин «общественные технологии» в контексте этой статьи можно определить как информационную технологию, предполагающую использование персональных данных и основанную на готовности определенного социума к ее общественному (коллективному) использованию, на согласии членов социума на предоставление определенного перечня персональных данных для их обработки и использования [определение авторов].

Практическая реализация предлагаемой технологии сбора и обработки персональных данных для их использования в системах управления умным городом возможна через разработку и распространение соответствующего приложения. Его установка на гаджет дает право владельцу выбирать из предлагаемого перечня обработки определенные разделы данных, к которым он готов предоставлять доступ для обработки и использования. Оче-

видно, что без ощутимых стимулов желающих предоставить свои данные будет не много. Поэтому необходимы решения по монетизации этого процесса для владельцев персональных данных.

Вариантами монетизации могут служить:

- ежемесячный кешбэк за объем предоставленных данных (наверное, самый желанный вариант монетизации, может выплачиваться из городского бюджета как, например, заработная плата привлеченным сотрудникам);
- бесплатный проезд на самых популярных для конкретного пользователя маршрутах общественного транспорта (например, маршрут дом-работа-дом);
- бесплатное посещение городских мероприятий (фестивали, выставки, концерты, спортивные мероприятия и т. д.);
- льготное кредитование по федеральным и муниципальным программам, и т. д.

При удачном выборе вариантов монетизации, возможно привлечь в сферу использования общественных технологий достаточно большое количество горожан.

Возникает вопрос о минимальном количестве горожан, которых необходимо привлечь к использованию общественных технологий. Обычно погрешность измерений для принятия решений принимается не выше 4 % [4]. Для этого в городе (т. е. размер генеральной совокупности принимается равным бесконечности и не сопоставим с объемом выборки) достаточно привлечь 625 жителей города, что представляется реальной задачей. Следует отметить, что выборка должна включать равномерно представленные социальные группы, иначе данные будут искажены. При росте выборки эти риски будут снижаться, а погрешность измерений уменьшаться. Так, при привлечении более 10 тыс. жителей города, эта погрешность будет составлять менее 1 %.

Список литературы

1. Энциклопедия кибернетики / В. М. Глушков [и др.]. Киев, 1975. 470 с.
2. ГОСТ Р ИСО 37120-2015. Устойчивое развитие сообщества, показатели городских услуг и качества жизни. Sustainable development of communities. Indicators for city services and quality of life. 2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200123370> (дата обращения: 15.07.2021)
3. Умный город: Эффективное управление развитием. URL: <https://habr.com/ru/company/gsgroup/blog/386253/> (дата обращения: 15.07.2021)
4. Выборка в социологическом исследовании или как получать достоверную информацию быстро и надежно // Институт развития стратегических инициатив: [сайт]. URL: <https://indsi.ru/2020/06/04/выборка-в-социологическом-исследова-2/> (дата обращения: 15.07.2021)

УДК 004.042
ББК 19

А. Б. Бабаев, Е. А. Наташкина, Тула

Применение спам-фильтра на основе теоремы Байеса для оценки качества информации в системе управления умным городом

Рассматриваются вероятностный подход к управлению сложными системами и практические аспекты применения теоремы Байеса для оценки достоверности информации в системе управления умным городом. Показана важность статистической оценки достоверности информации в системе управления инфраструктурными элементами умного города. Рассмотрен конкретный пример использования спам-фильтра.

Ключевые слова: умный город, данные, качество данных, управление как вероятностный процесс, теорема Байеса, спам-фильтр.

A. B. Babaev, E. A. Natashkina, Tula

Application of a spam filter based on Bayes ' theorem to assess the quality of information in a smart city management system

The article discusses a probabilistic approach to managing complex systems, practical aspects of applying Bayes ' theorem to assess the reliability of information in a smart city management system. The importance of statistical assessment of the reliability of information in the management system of infrastructure elements of a smart city is shown. A specific example of using a spam filter is considered.

Keywords: smart city, data, data quality, management as a probabilistic process, Bayes ' theorem, spam filter.

На сегодняшний день вопросы, связанные с изучением особенностей умного города, являются актуальными. В данной работе предлагается рассмотреть процесс управления сложными системами, к которым, безусловно, относится умный город.

Во-первых, управление сложной системой, это именно процесс, а не одномоментное воздействие, приводящее систему в метастабильное состояние. Во-вторых, это многоступенчатый процесс. Применительно к умному городу, а также к любым другим системам, включающим в цикл управления элементы бюрократии, – это многоступенчатый, разбитый на этапы, дискретный процесс, где существуют этапы согласования предлагаемых решений (управляющих воздействий), и на каждом этапе возможно внесение изменений в проект решения (управляющего воздействия). Заранее точно определить итоговое решение не представляется возможным. В связи с этим процесс управления сложной системой (и в том числе умным городом) является вероятностным процессом (аналогичные процессы рассмотрены в [1; 2]).

Принимая гипотезу, что целью управления умным городом является достижение метастабильного состояния, соответствующего заранее заданным параметрам качества жизни резидентов умного города, будем считать, что принимающиеся управленческие решения, должны соответствовать достижению этой цели. С другой стороны, это означает, что исходная информация, поступающая для обработки в информационные системы умного

города, должна отражать текущую ситуацию. При этом существует возможность поступления недостоверной или фейковой информации, а, следовательно, должны существовать механизмы защиты систем управления от использования такой информации.

Существует математический аппарат, позволяющий оценить качество поступающего потока информации, это теорема Байеса, которая подробно описана в [3; 4].

Теорема Байеса гласит:

$$P(A|B) = P(B|A) * P(A) / P(B),$$

где $P(A)$ – априорная вероятность гипотезы A ; $P(B)$ – априорная вероятность гипотезы B ; $P(A|B)$ – апостериорная вероятность гипотезы A при наступлении события B ; $P(B|A)$ – вероятность наступления события B при истинности гипотезы A .

Априорная вероятность в контексте смысла теоремы Байеса – предположение о вероятности события до проведения эксперимента.

Апостериорная вероятность – вероятность наступления события B при истинности гипотезы A .

Теорема Байеса высокоэффективна для первоначальной фильтрации информации на ее достоверность и применимость для дальнейшего использования, т. е. для спам-фильтра.

Введем следующие обозначения:

- гипотеза A – во входном информационном потоке содержится спам;
- результат испытания событие B – содержание в информационном потоке определенных фактов.

Рассмотрим пример применительно к умному городу.

На перекрестке улиц установлен светофор, при его нормальном функционировании в течение 99 % времени не возникают проблемы с дорожным движением (пробки) и в 1 % времени (неисправность светофора) возникают пробки.

В 90 % случаев поступления сигнала с датчика о неисправности светофора эта неисправность действительно есть и, соответственно, в 10 % случаях, это ложное срабатывание датчика, а светофор в действительности исправен.

В 5 % случаев светофор не исправен, хотя датчик показывает, что светофор нормально функционирует.

Если рассмотреть эту ситуацию с применением спам-фильтра на основе теоремы Байеса, то получим следующий результат:

Есть данные о срабатывании датчика о неисправности светофора. Все возможные исходы сводятся к тому, что полученный результат может быть, как истинным положительным, так и ложноположительным [5]. Вероятность истинного положительного результата равна: вероятность действительной поломки светофора (1 %), умноженная на вероятность того, что датчик выдал корректные данные и светофор действительно сломан:

$$1 \% \times 90 \% = 0,009.$$

Вероятность ложноположительного результата равна: вероятность того, что поломки светофора нет, умноженная на вероятность того, что датчик сработал не верноно:

$$99 \% \times 10 \% = 0,099.$$

Все возможные исходы можно представить в виде табл. 1.

Таблица 1

Исходы возможных событий

Результат проверки гипотезы о исправности или неисправности светофора	Возможные сочетания событий для исправного светофора	Возможные сочетания событий для неисправного светофора
	Светофор исправен (1 %)	Светофор исправен (99 %)
Положительный результат проверки работоспособности светофора	Истинный положительный (датчик неисправности сработал, светофор не исправен): $1 \% * 90 \% = 0,009$	Ложноположительный (датчик неисправности сработал, но светофор исправен): $99 \% * 10 \% = 0,099$
Отрицательный результат проверки работоспособности светофора	Ложноотрицательный (датчик неисправности не сработал, но светофор не исправен): $1 \% * 5 \% = 0,0005$	Истинный отрицательный (датчик неисправности не сработал, светофор исправен): $99 \% * 90 \% = 0,891$

Очевидно, что вероятность события (неработоспособность светофора) = исходы события / все возможные исходы.

Вероятность истинного положительного результата в нашем примере равна 0,009. Вероятность положительного результата приравнивается к вероятности истинного положительного исхода плюс вероятность ложноположительного. В данном случае это:

$$0,009+0,099=0,108.$$

Или вероятность того, что светофор действительно не работает при получении сигнала с датчика неисправности, которая составляет:

$$0,009/0,108=0,083 \text{ или } 8,3 \%$$

То есть при получении сигнала срабатывания датчика неисправности вероятность того, что светофор на самом деле не работает, составляет всего 8,3 %. Это может показаться странным, но вероятность ложного срабатывания датчика равна 10 %, а это довольно много.

Таким образом, возникает очевидная проблема доверия к показаниям различных датчиков, обеспечивающих поступление информации в системы управления умным городом. Существует два пути ее решения:

1. Техническое совершенствование конструкции датчиков, минимизирующее количество ложных срабатываний. Этот путь может оказаться дорогостоящим, поскольку связан с новыми техническими решениями и затратами на регулярную профилактику и проверку корректности работы датчика;

2. Введение процедуры дополнительных проверок (в примере со светофором это могут быть показания с камер видеоконтроля за дорожной ситуацией, прямые обращения владельцев транспортных средств на определенные информационные ресурсы и т. д.).

Применение любого из предлагаемых подходов позволит построить надежную систему получения качественных исходных данных, которые можно использовать в информационных системах управления умным городом.

Список литературы

1. Энциклопедия кибернетики / В. М. Глушков [и др.]. Киев, 1975. 470с.
2. Яницкий О. Н. Управление как вероятностный процесс. (К выступлению на Ученом Совете Института социологии РАН 30.09.2015) // Федеральный научно-исследовательский центр РАН : [сайт]. URL: https://www.fnisc.ru/blog_yan_78.html (дата обращения: 12.07.2021)
3. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика : учеб. для вузов. 12-е изд. М. : Юрайт, 2020. 479 с.
4. Теорема Байеса // Википедия [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теорема_Байеса (дата обращения: 12.07.2021)
5. Простое объяснение теоремы Байеса. URL: <https://habr.com/ru/post/408775/> (дата обращения: 12.07.2021)

УДК 316.4
ББК 60.94

Р. В. Иванов, *Иркутск*

Виртуализация социальной поддержки населения в России

Статья посвящена характеристике новых социальных выплат, направленных на основе разовых выплат для поддержки отдельных социальных групп, зачастую не имеющих потребности в государственной поддержке, не являющихся бедными и нищими по социальному статусу.

Ключевые слова: социальные выплаты, адресная поддержка, социальная поддержка, виртуализация, социальные группы.

R. V. Ivanov, *Irkutsk*

Virtualization of social support for the population in Russia

The article is devoted to the characteristics of new social payments directed on the basis of one-time payments to support individual social groups that often do not need state support, are not poor and poor in social status.

Keywords: social payments, targeted support, social support, virtualization, social groups.

Основная проблема в рамках заявленной темы статьи касается изменяющего содержания самой идеи социальной поддержки в России. Предпринимаемые центральной властью меры по внедрению новых разовых выплат за период с 2017 до 2021 г. направлены на формирование методов акционных, нестабильных и разнообразных социальных выплат, приуроченных к президентским и парламентским выборам, к началу календарного нового года и обострению пандемии в 2020–2021 гг. Факторы случайности и нестабильности, а также недостаточный размер подобных выплат не способствуют росту доверия к власти в обществе.

Адресные социальные выплаты начала 2000-х гг. дополнились новыми дотациями, привязанными к определенным событиям и не имеющими стабильного продолжения на длительный срок. Выстраивание системы социальной поддержки на постоянной основе связано с различными промежу-

точными процессами, социальными экспериментами и внедрением различных социальных программ.

Движение по данному пути в России в течение последних двадцати лет связано с ориентацией на отдельные социальные группы. «Внедрение чуть ли не повсеместной автоматизации становится причиной появления проблемы безработицы, а как следствие и снижение уровня жизни и благосостояния населения. И для того, чтобы успешно поддерживать достигнутый уровень благосостояния при росте безработицы, в мире были предприняты попытки введения концепции «безусловного основного дохода» (БОД). Идея введения концепции «безусловного основного дохода» не является принципиально новой. Еще в XVIII в. данную тему затронул англо-американский философ и публицист Томас Пейн в своей книге *Agrarian Justice* [3, с. 181].

Наиболее крупными социальными группами являются в современном российском обществе: пенсионеры, бюджетники из системы образования и медицины, а также государственные служащие; отдельную группу составляют малоимущие и живущие ниже прожиточного минимума.

Применение опыта социальной поддержки населения на основе заимствования западных технологий из Европы и США на наш взгляд не приносит значимого результата, поскольку уровень развития общества и государственной системы в России не может соответствовать не только по экономическим, политическим и социальным, но и по национальным признакам западным социальным технологиям. «...Действительно бедные получают малую долю социальных выплат, по данным международных сравнений. Главной причиной остается то, что 90 % расходов на социальную защиту в России напрямую не адресовано бедным. Согласно последним оценкам экспертов Всемирного банка только одна треть расходов на социальную защиту в России достигает беднейших групп населения» [4, с. 44].

Современные социальные выплаты 2018–2021 гг., связанные с выборами президента в марте 2018 г. (надбавки и премии учителям школ и преподавателям вузов), разовые выплаты пенсионерам в 2018, 2019 и 2021 гг. от 5 до 10 тыс. руб. в год, выплаты на детей с 2019 по 2021 г. размером в 10 тыс. в год и планируемые выплаты военнослужащим в 15 тыс. руб. в год можно оценивать с позиции привлечения внимания общества к избирательным кампаниям 2018, 2019 и 2021 гг., к президенту лично, однако являются ли эти примеры частью процесса выстраивания системы социальной поддержки населения? «...Адресная помощь рассматривается как элемент социальной справедливости перераспределения доходов от богатых к самым незащищенным слоям населения. Тем не менее, именно адресный характер рождает одну из самых важных проблем в этой сфере – сбор необходимых документов, количество которых может быть весьма велико (заявление, копии паспортов всех членов семьи, свидетельства о браке, о рождении детей, о разводе, справке о наличии инвалидности, справки о получении другой социальной помощи, справка о доходах за три месяца, трудовая книжка,

справка о подтверждение статуса безработного, получения справки малообеспеченной семьи, врачебное заключение о состоянии здоровья...» и т. п. [1, с. 129]. Необходимость наличия полного пакета документов и копии различных форм и справок дифференцирует и жестко разграничивает доступ к адресной социальной поддержке.

Безусловно, прослеживается логическая связь с действиями президента России в начале 2000-х гг. по популяризации образа государственной власти. Спустя 20 лет разовые выплаты различным социальным группам населения можно считать новым этапом популяризации государственной власти и отдельных ее представителей в российском обществе.

С другой стороны, протестные движения 2019–2021-х гг. в различных регионах страны нанесли серьезный урон авторитету федеральной власти в России. Таким образом, указанные социальные выплаты можно оценивать также в качестве попыток представителей государственной власти вернуть доверие граждан, показать свое равнодушие к нуждам людей в подготовке детей к школе и проблемам пенсионеров и бюджетников. Однако наличие фактора вирусной угрозы стимулирует представителей государственной власти в стране в периоды между избирательными кампаниями осуществлять новые социальные выплаты.

Отсутствие системного подхода в осуществлении социальных выплат, создает эффект случайности и неоправданных ожиданий. Выплаты по 10 тыс. руб. на несовершеннолетних детей в июне-июле месяце 2020 г. не были закреплены законодательно, так же как и выплаты 10 тыс. руб. в августе 2021 г.

В отличие от адресной социальной поддержки новые дотации с 2018 по 2021 г. носят случайный характер, они не направлены на наиболее уязвимые слои населения, помощь получают обеспеченные люди, которым эти деньги не требуются.

Выплаты в сентябре 2021 г., ориентированные на пенсионеров и в дальнейшем на военных, в целом создают виртуальные ожидания новых внезапных выплат, не закрепленных законодательно, социально не дифференцированных и не имеющих стабильной, фундаментальной законодательной основы для организации системы социальной поддержки населения. Такая форма «...виртуального взаимодействия порождает множество противоречий, которое разрушает привычные коммуникации и ... приводит к формированию эпохи виртуальности, построенной на лжи и иллюзиях, тотальном неверии и недоверии» [2, с. 164]. В результате, виртуальная по своей сути, новая социальная поддержка вызывает необоснованные социальные ожидания, что в дальнейшем приведет к различным новым формам протестных движений с участием социальных групп обделенных и не получивших новые выплаты.

В результате наносится ущерб самой идее социальной государственной помощи населению и социальной стабильности в стране, идея социальной помощи постепенно видоизменяется, теряя свое изначальное содержание, связанное с оказанием поддержки крайне нуждающимся социальным группам населения.

Список литературы

1. Бурцева Е. М. Адресная социальная помощь // Актуальные вопросы развития мировой и модернизации российской экономики : сб. науч. тр. / под науч. ред. С. Г. Ерохина, Ю. В. Сунаевой. СПб. : ЛЕТИ, 2017. С. 127–131.
2. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 161–165.
3. Соколова Г. Н., Ракицкая В. В. Социальные выплаты как безусловный основной доход: реализация в России // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 180–182.
4. Тимофеев Ю. В. Влияние социальных выплат на бедность и неравенство в России // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 10 (265). С. 41–45.

УДК 338.124
ББК 65.013

И. М. Силивеев, *Иркутск*

Социальные эффекты антикризисного управления в виртуальном пространстве

Проводится анализ формирования социальных стереотипов в отношении антикризисного управления. Дается оценка роли виртуального пространства в формировании негативных образов и сценариев развития антикризисного управления для развития города и региона. Также предлагаются основные направления деятельности для органов власти и бизнеса чтобы смягчить негативное воздействие виртуального пространства через просветительскую деятельность среди населения и социальную рекламу.

Ключевые слова: антикризисное управление, виртуальное пространство, социальные стереотипы, общественные установки, просвещение

I. M. Siliveev, *Irkutsk*

Social Effects of Anti-Crisis Management in the Virtual Space

The article analyzes the formation of social stereotypes in relation to anti-crisis management. An assessment of the role of the virtual space in the formation of negative images and scenarios for the development of anti-crisis management for the development of the city and the region is given. It also proposes guidelines for government and business to mitigate the negative impact of virtual space through community outreach and public service announcements.

Keywords: anti-crisis management, virtual space, social stereotypes, social attitudes, education

Антикризисное управление – это система мер, направленных на восстановление работы организации в нестабильных условиях нелинейного развития. Антикризисное управление предполагает использование комплекса мер, направленных на оздоровление работы компании или целой отрасли компаний или отдельного региона.

Антикризисное управление включает в себя юридическую проработку, экономическое и управленческое реформирование имеющегося ресурсов и возможностей по новым принципам. Антикризисное управление дает новые возможности для развития и перестраивает систему администрирования и управления с целью более эффективных управленческих решений.

Социальные эффекты от антикризисного правления могут иметь два основных вектора развития с множеством вариантов развития внутри каждого. Первый – это сохранение предприятия, но его переформирование, со сменой руководства, сотрудников, возможно, технологий производства, трансформацией площадей или профиля работы. Второй – это выполнение всех обязательств предприятия перед сотрудниками и контрагентами с последующей продажей или разбивкой на более мелкие предприятий и последующей продажей каждого по отдельности с целью закрытия основного предприятия.

Первая или вторая задача определяется либо учредителями и руководством, либо объективными условиями и возможностями решения актуальных вопросов. В масштабах России, первым путем идет от 30 до 40 % антикризисных стратегий управления. И соответственно, 60–70 % идет вторым путем. На это влияет во многом внешнее давление социально-экономических условий, не благоприятные условия для развития предприятий, отсутствие установки государства на сохранение предприятий, которые требуют больших вложений для перепрофилирования. В оценках общественности антикризисное управление имеет свои субъективные и объективные черты, об этом изложено в ряде работ автора [1; 2].

Но виртуальное пространство трансформирует социальные эффекты от антикризисного управления через активизацию вовлечения общественности в процессы антикризисного управления. Это не только, вернее не столько официальные СМИ, сколько гражданские инициативы, которые ратуют за сохранение того или иного предприятий – поднимают активное обсуждение в сети Интернет, снимают видео на телефоны и выкладывают в социальных сетях и тем самым формируют определенную среду и оценку деятельности антикризисных управляющих.

В силу получения экономически обоснованных решений, они не всегда могут совпадать с морально-этическими суждениями населения, как сотрудников компаний, так и сторонних участников. И антикризисное управление подвергается критике. Хотя любое решение носит обоснованный юридический, экономический, управленческий подход. Без понимания того, что мы делаем и к чему приходим – нет развития.

Наш экспресс опрос населения Иркутской области по вопросам оценки антикризисного управления показал доминирование социальных стереотипов и оценочных (зачастую негативных) суждений об этой сфере деятельности. В опросе приняли участие 560 человек в возрасте от 18 до 65 лет, проживающие на территории Иркутской области.

97 % опрошенных слышали об антикризисном управлении и только 32 % считают это положительным социальным явлением, 68 % полагают, что это негативное явление, которое приводит к разрушению крупных предприятий и делается в интересах крупных собственников или производителей, которые не заинтересованы в конкурентах.

На вопрос о том, откуда сформировалось такое мнение, респонденты в 32 % указывали на СМИ и 48 % на сеть Интернет, публичные обсуждения и только 20 % на личные контакты или участие как сотрудника предприятия, в котором было применено антикризисное управление.

Около 90 % опрошенных ссылались на социальные сети при вопросах о возможных уточнениях информации, проверки достоверности данных, приведения аргументов и прочей необходимой информации при формировании общественных установок.

Треть респондентов (32 %) находится специально в отдельных группах и чатах, где идет обсуждение подобных вопросов. Остальные целенаправленно не ищут, но если случайно натолкнуться, то присоединяются к подобным обсуждениям.

Важным моментом является то, что виртуальное пространство для 95 % опрошенных не требует дополнительного доказательства достоверности представленных там фактов. Это означает, что все, что может быть размещено в сети Интернет, не будет подвергаться критике, а на основе этого будут формироваться оценочные суждения в адрес антикризисного управления, что достаточно негативно может сказаться на реальной практике работы в данном секторе.

Для того чтобы виртуальное пространство помогало создавать условия для возрождения предприятий, помогало менять представления населения об антикризисном управлении следует проводить просветительскую деятельность и социальную рекламу деятельности антикризисного управления. Повышать уровень компактности населения в ключевых вопросах и разрабатывать программы на региональном уровне для поддержки и сохранения предприятий, требующих антикризисного управления и имеющих стратегическое значение для региона. Виртуальное пространство может стать инструментом изменения социальных настроений граждан, что облегчи работу в антикризисном управлении и позволит делать ее более продуктивно.

Список литературы

1. Силивеев И. М. Представления горожан об антикризисном управлении // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 436–440.
2. Силивеев И. М. Социальное напряжение при реализации антикризисного управления // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 466–469.

УДК 338.2:004
ББК 65.05

П. А. Трескин, *Нижний Новгород*

Цифровые коммуникации НКО: трансформация парадигм управления

Исследуются процессы трансформации некоммерческих организаций под влиянием виртуализации. Рассматривается изменение условий и форм цифровых коммуникаций НКО, которые приводят к новым стратегиям управления, замене руководящего персонала и исполнителей, появлению новых форм качественной повседневной работы в третьем секторе. Приводятся результаты исследования изменения управления и мировоззренческих установок руководителей и ведущих специалистов некоммерческих организаций России.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, парадигмы управления, ценностные ориентации, виртуальная среда, новые модели, качество жизни

P. A. Treskin, *Nizhny Novgorod*

Digital communications of NGOs: Transformation of management paradigms

The article analyzes the processes of transformation of non-profit organizations under the influence of virtualization. The article examines the change in the conditions and forms of digital communications of non-profit organizations, which lead to new management strategies, replacement of management personnel and performers, the emergence of new forms of high-quality daily work in the third sector. The results of a study of changes in management and attitudes of leaders and leading specialists of non-profit organizations in Russia are presented.

Keywords: digital communications, management paradigms, value orientations, virtual environment, new models, quality of life.

Современные реалии нашей жизни таковы, что цифровизация становится объективным условием обычной жизни. Не все это одобряют, но изменить уже нельзя. Поэтому можно только адаптироваться.

Особенно остро чувствуют это на себе некоммерческие организации. Так как у многих меняется профиль и специфика деятельности, меняются инструменты и технологии, которыми они пользуются для информирования населения о своей работе, вовлечения их в свою деятельность, меняются способы привлечения волонтеров, качество и специфика их работы и мн. др.

Это все приводит к тому, что часть НКО закрывается, другая меняет все условия и механизмы своей работы, у третьих уходят старожилы и приходят более молодые и адаптированные к новым условиям виртуального мира участники. В результате – за менее чем год, поменялись стили, стратегии и ключевые управленческие характеристики некоммерческих организаций России.

Меняется качество жизни и особенности профессиональной реализации людей (Р. В. Иванов [1; 2]), а вместе с этим меняется и сама практика работы и управления некоммерческими организациями (О. А. Полюшкевич [3–5] и П. А. Трескин [6–10]). На сегодняшний день, цифровые коммуникации выступают мерилом успешности и условием существования в будущем. Чем более освоенными и качественно продуманными они будут у предста-

вителей третьего сектора, тем более стабильно они будут работать на рынке гражданского общества.

В своем исследовании мы опросили руководителей и ведущих специалистов некоммерческих организаций, расположенных в разных федеральных округах РФ. В исследовании приняло участие 512 человек. Все они занимают ведущие роли и должности не менее 2 лет. В основном это женщины (87 %) и 13 % мужчин в возрасте от 28 до 65 лет. 84 % имеют высшее образование, 16 % средне специальное.

Цифровые технологии – это достижение современного общества (считают 27 % респондентов), объективная необходимость – 32 %, неизбежное зло – 25 %, деструктивное явление – 9 %, 7 % затруднились с ответом.

Виртуальное пространство улучшает и облегчает коммуникации – полагают 38 %, создают преграды для взаимодействия – 25 %, никак не влияет – 21 %, затруднились с ответом 16 %.

Цифровые технологии влияют на управление, меняя его характер и форму, позволяя качественно вписываться в современные реалии – по мнению 33 %, позволяют развивать старые управленческие модели, отбрасывая не работающие и оставляя только наиболее эффективные – 39 %, упрощают процесс управления – 26 %, затруднились с ответом – 2 %.

По мнению респондентов, если до эпохи цифровизации управления, парадигма управления строилась по принципу организации процесса по выполнению необходимых навыков и функций, то сегодня – парадигма управления строится по принципу вовлечения профессионалов, которые могут творить. Сегодня нет четко очерченных результатов, есть процесс реализации, процесс воплощения воли и желания руководителей и сотрудников некоммерческих организаций на благо общего взаимодействия.

Это изменение стало возможно как раз благодаря тому, что виртуальное пространство забрало на себя многие функции, переключило ориентиры и форму взаимодействия. Парадигма управления – это всегда результат мировоззренческих изменений, которые происходят в сознании современников. И она выступает конечным продуктом, конечным показателем изменений, которые происходили ранее.

Благодаря виртуальности и изменениям управления некоммерческим сектором меняются и профессиональные стратегии, и ресурсы личного развития сотрудников НКО. Сегодня для большей части (72 %) – это локальный опыт, который не может растянуться на всю жизнь, а скорее выступает промежуточным этапом для другой (часто альтернативной) карьеры. Работа в некоммерческой организации позволяет сформировать социальный и человеческий капитал, определить круг значимых людей и пространств, где и с кем можно выстроить более удачную карьеру. 26 % надеются на восстановление старой системы функционирования третьего сектора и 2 % затруднились с ответом.

Возрождения старой систему управления на наш взгляд, точно не будет. Возможно, новые управленцы будут перенимать опыт прошлого, как

недавнего, так и советского – с целью комплексной и продуманной стратегической работе по цифровому взаимодействию некоммерческих организаций. Качество условия жизни зависят от нашего выбора, а не от тех условий, что определяют нам другие люди.

Опираясь на полученные результаты, мы можем говорить о смене парадигм социального взаимодействия и трансформации парадигм управления некоммерческих организаций. Это не означает, что появляется новый тип управления, но предполагается, что появляются новые условия, заставляющие иначе думать руководителей, иначе реализовывать проекты участников некоммерческих организаций, активизируются принципиально новые мотивы участия волонтеров в деятельности НКО.

Результатом этого может стать новая ниша социальной активности, и соответственно, принципиально новый институт гражданского общества, регулирующий социальное взаимодействие как внутри, так вне этого сообщества. Современные НКО стоят на стыке старого и нового миров. Через несколько лет принципиально новые организации некоммерческого сектора будут активно вовлекать сообщества в свою работу. И тогда мы сможем уверенно сказать об окончательной трансформации парадигм управления.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 44–46.
2. Иванов Р. В. Роль цифрового пространства в профессиональной реализации человека // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб., 2020. С. 74–75.
3. Полошкевич О. А. Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором // Социология. 2019. № 5. С. 179–188.
4. Полошкевич О. А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Гребельных. Иркутск, 2019. С. 128–134.
5. Полошкевич О. А. Специфика развития третьего сектора в Иркутской области // STUDIUM-VI : материалы ежегод. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и соискателей. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2005. С. 102–104.
6. Трескин П. А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. 2019. № 4. С. 163–167.
7. Трескин П. А. Изменение функционирования некоммерческих организаций в эпоху виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 29–33.
8. Трескин П. А. Некоммерческие организации в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 159–164.
9. Трескин П. А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 115–122.
10. Трескин П. А. Цифровое взаимодействие органов власти и некоммерческих организаций // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 134–137.

УДК 331.108.26:004
ББК 67.405.1

И. А. Хронова, *Краснодар*

Особенности введения электронного формата сведений о трудовой деятельности работника

Исследовано введение электронного формата сведений о трудовой деятельности работника. Обозначено, что внедрение электронного формата является на сегодняшний день логичным шагом в современное цифровое пространство. Логичный и последовательный переход на данный формат позволит использовать информацию о трудовой деятельности работника более мобильно. Рассмотрены некоторые проблемы документационного обеспечения перехода на электронные ресурсы, предложено их решение.

Ключевые слова: трудовая книжка, электронная трудовая книжка, трудовое право

I. A. Khronova, *Krasnodar*

Features of the introduction of an electronic format of information about the employee's work activity

This article discusses the problems of introducing an electronic format of information about the employee's work activity. The introduction of the electronic format is currently a logical step into the modern digital space. A logical and consistent transition to this format will allow you to use information about the employee's work more mobile. In the article, the author considered some problematic aspects of the documentation support for the transition to electronic resources. Solutions to some problems are proposed.

Keywords: labor book, electronic labor book, labor law.

Общество все больше погружается в цифровой мир, применяет искусственный интеллект, биометрические персональные данные, электронную медицинскую карту, всевозможные электронные базы хранят информацию о нас, наших социальных связях к этому добавляется электронные трудовые книжки. Цифровое время поглощает современного человека оставляя кого-то без работы, собирая подробную информацию о всех, кто соприкасается с новыми технологиями. Трудовое право как стремительно развивающаяся отрасль права также вовлечена в цифровые технологии, например внедрение электронных цифровых подписей, цифрового взаимодействия работника и работодателя при дистанционном труде, предоставление электронных листов нетрудоспособности и, конечно же, внедрение так называемой электронной трудовой книжки, которая является сведениями о трудовой деятельности в электронном виде.

Так, к концу еще 2020 г. работники должны определиться с форматом ведения трудовой книжки, сохранить бумажную или перейти полностью на электронный формат. Процедура перехода инициировала большое количество вопросов и спорных ситуаций, как со стороны работодателя, так и работника. В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на некоторые трудности введения электронного формата сведений о трудовой деятельности работника.

С начала 2020 г. с введением Федерального закона от 16.12.2019 № 439-ФЗ в Трудовом кодексе появилась новая ст. 66.1 «Сведения о трудо-

вой деятельности», при этом ст. 66 ТК РФ «Трудовая книжка» осталась, где по-прежнему обозначено, что трудовая книжка является основным документом о трудовой деятельности работника и его трудовом стаже [4]. При этом закон предполагает, что в отдельных случаях трудовая книжка на гражданина не ведется. Эти случаи названы как в ст. 66 ТК РФ, так и в ст. 309, теперь еще и в новом законе (п. 3, 8 ст. 2) Федерального закона от 16.12.2019 № 439-ФЗ.

По мнению Лиликовой О. С., Ханюкова М. С., основная идея введения электронных трудовых книжек связана с тем, что все современные сферы жизни общества постепенно переходят на применение информационных технологий в своей деятельности, а электронный вид трудовой книжки имеет ряд преимуществ в сравнении с бумажной [2]. И хотя определенная часть работников не желает расставаться с бумажной трудовой книжкой, считая ее главный «трудовым» документом работника [3], правительство установило, что к 2026 г. данный переход будет завершен.

Проанализируем некоторые проблемы, с которыми сталкиваются работники и работодатели в связи с переходом на новый формат трудовой книжки. Один из недостатков перехода связан со сроком выбора формата трудовой книжки. Так, работодатель обязан уведомить работников до конца октября 2020 г., этот срок у нас был установлен на 30 июня, но в связи с режимом ограничения срок уведомления продлили до 31 октября 2020 г. Работодатели своим работникам должны под подпись довести уведомление, в котором разъясняют право выбора формата трудовой книжки. Образец такого уведомления подготовил Минтруд, но этот образец не является обязательным и предусмотренным законодательством. Минтруд рекомендует оформлять каждому работнику индивидуальное уведомление. Резонно заметить, что продуктивнее использовать, например одно общее уведомление для всего штатного состава, чтобы всех работников ознакомить с одним уведомлением и не увеличивать документооборот. К тому же встает вопрос: а где далее хранить эти уведомления? Хранение документов по личному составу является актуальной современной проблемой. Эти сведения образуют немалый массив документальных данных, возникает серьезная проблема их хранения. И опять же это вызывает необходимость перехода к электронным базам данных [6, с. 192]. Поскольку перечень типовых управленческих архивных документов такой вид документа, как уведомление о выборе формата трудовой книжки не содержит. Поэтому есть разъяснение сформировать отдельное дело с уведомлениями или приложить уведомление в личное дело (если работодатель ведет личные дела на работников).

В связи с тем что трудовые отношения могут быть достаточно субъективными и уникальными, Минтруд, стремясь максимально разъяснить все случаи, которые могут возникнуть в данных правоотношениях, поясняет их. Так, в письмах Минтруда от 10.02.2020 № 14-2/В-136 и от 11.02.2020 № 14-2/В-141 поясняется, что случае, когда работник не смог определиться с формой ведения трудовой книжки, например мог находиться в отпуске по

уходу за ребенком до 3 лет, основном, дополнительном, оплачиваемом, не оплачиваемом или отстранен от работы по состоянию на 31 декабря 2020 г., то во всех случаях в 2021 г. и далее работник имеет право выбора, он может написать заявление форма ведения трудовой книжки. Кроме того, если в 2020 г. работник не воспользовался своим правом выбора ведения трудовой книжки, он должен был таким правом воспользоваться. Тогда работодатель продолжает вести бумажную трудовую книжку, заявление о форме ведения бумажной трудовой книжки не требуется (письмо ПФР от 26.02.2021 № С-4583-08/7697).

Следующий нюанс, связанный с документационным обеспечением данного перехода, – регистрация уведомления и заявления работников. В образцах уведомлений и заявлений, который предлагает Минтруд, нет такого реквизита, как регистрационный номер. При выборе формата трудовой книжки работодатель должен направить информацию в Пенсионный фонд по форме СЗВ-ТД и указать дату выбора формата (дату подачи работником заявления). Также в трудовую книжку работника, если он отказался от ведения ее, вносится запись на основании заявления, образец записи предлагает Минтруд. В образце также нет номера заявления, т. е. только дата подачи. Исходя из общей системы делопроизводства следует, что все документы, созданные и полученные в организации, подлежат регистрации. Поэтому чтобы избежать спорных ситуаций, рекомендуется уведомление о выборе формата трудовой книжки и заявление с выбором формата трудовой книжки регистрировать. Регистрацию можно вести в журнале уведомлений и заявлений работников, это может быть два разных журнала или журнал внутренней переписки.

Другой вопрос связан со сроком и местом хранения уведомления и заявления работника о выборе формата трудовой книжки. Перечень типовых управленческих архивных документов, которым руководствуется работодатель при разработке номенклатуры дел и установления сроков хранения документов по личному составу, не содержит такой документ, как уведомление о выборе формата трудовой книжки и заявление работника с выбором формата трудовой книжки. С другой стороны, различные уведомления работников Росархив рекомендует хранить не менее 5 лет, а заявление работников, которые являются основанием приказа, хранятся тот же срок, как и приказы по личному составу, т. е. 50 лет. Таким образом, заявления мы можем хранить не менее пяти лет. Росархив рекомендаций по данным вопросам не давал, поэтому следует установить сроки хранения, ориентируясь на те документы, которые включены в перечень типовых управленческих архивных документов.

Трудности также возникают с дублированием информации. В случае, если работник так и не определился, хочет ли он сохранить бумажную трудовую книжку или отказаться от нее и при этом не подал работодателю заявления, по умолчанию за ним сохраняется бумажная трудовая книжка, а электронную трудовую книжку работодатель также заполняет, но уже без

согласия работника или несогласия. Работодатель вынужден дублировать записи в обе книжки, пока работник не определится.

Следующий аспект касается выдачи бумажной трудовой книжки работнику при выборе электронной версии. Трудность заключается в том, что, если работник отказался от бумажной трудовой книжки и выбрал электронную, то бумажную трудовую книжку работодатель должен выдать работнику на хранение, и здесь есть неясный момент: как оформить эту выдачу? Самый простой вариант – зафиксировать в книге учета движения трудовых книжек и вкладышей в них. При этом Минтруд рекомендует в 13-й графе сделать запись, на каком основании выдана трудовая книжка, потому что по инструкции ведения трудовых книжек работник расписывается в книге учета движения только при увольнении, а в данный момент увольнение не происходит, поэтому данный вариант на практике является спорным. В этой ситуации рекомендация Минтруд противоречит в части записи основания выдачи, потому что она выдается не в связи с увольнением, а в связи с выбором электронной трудовой книжки. При этом не учтено, что графа 13 в книге учета движения небольшого размера, и туда невозможно полностью поместить запись. Рекомендуется при оформлении, перед подписью работника поставить сноску, и на отдельном листе указать основание выдачи или вклеить вкладку. Также можно решить эту ситуацию путем создания отдельного журнала выдачи трудовых книжек.

Следует отметить, что работник, который выбрал электронную трудовую книжку, получает бумажную на руки и несет ответственность за ее сохранность. Уничтожить или потерять бумажную трудовую книжку нельзя, потому что в электронной трудовой книжке стаж фиксируется только с 1 января 2020 г., т. е. при последующем приёме на работу работнику необходимо будет предъявлять бумажную трудовую книжку, чтобы доказать свой стаж. И здесь присутствует еще ряд проблем. Например, работник не сможет скрыть неудачный опыт трудовой деятельности, так как вся информация будет храниться в электронном виде. Серьезной проблемой для работников является то, что страховой стаж в электронную книжку вносится с 1 января 2020 г., а вот тот стаж, который работник имеет до этой даты, здесь не отражается. Это, конечно же, не устраивает ни работников, ни работодателей. При этом Пенсионный фонд РФ владеет информацией о стаже работника, потому что оцифровка трудовых книжек прошла в 2002 г. В этой ситуации многие работники не спешат отказываться от бумажных трудовых книжек, потому что устраиваться на новое место работы крайне неудобно, предъявляя выписки из лицевого счета, формы СТД-Р, СТД-ПФР с усеченной частью этого стажа и бумажную трудовую книжку, хоть работник от нее и отказался. То есть необходимо для приема на новую работу формировать портфолио с доказательством стажа. Федеральный закон от 24.02.2021 № 30 ФЗ от 7 марта 2021 г. дает право гражданину на его усмотрение обратиться в Пенсионный фонд с заявлением перенести все записи из бумажной трудовой книжки в электронную трудовую книжку, таким образом, оциф-

ровку бумажных трудовых книжек будет по заявлению осуществлять фонд, в который гражданин обратился [5].

Как указывает А. В. Гозалова, переход к оцифровке будет сложным для людей старшего поколения, которые не доверяют новым технологиям [1], поэтому у некоторых работников возникают сомнения в правильности выбора формата книжки. Можно ли отозвать заявление и выбрать другой формат трудовой книжки? На данный момент нормативными актами, которые регламентируют порядок ведения электронных трудовых книжек, не предусмотрен отзыв заявления о выборе формата трудовой книжки. Как такового отзыва не предусмотрено, но если работник выбрал бумажную трудовую книжку, то он впоследствии может передумать и перейти только на ведение электронной трудовой книжки. В этом случае он не отменяет первое заявление с выбором бумажной трудовой книжки, а подает второе заявление с выбором электронной трудовой книжки, и тогда в форме СЗВ-ДВ (Сведения о трудовой деятельности зарегистрированного лица) или СТД-Р (Сведения о трудовой деятельности) у него будет две даты с заявлениями, т. е. прежняя с выбором бумажной трудовой книжки и новая с выбором электронной трудовой книжки. Если же работник уже выбрал электронную трудовую книжку, то ему впоследствии передумать и подать заявление на продолжение ведения бумажной трудовой книжки нельзя.

Если все работники организации перешли на электронную трудовую книжку, что делать с книгой учета движения трудовых книжек? На этот вопрос можно встретить рекомендацию о закрытии книги учета движения трудовых книжек, сделав запись, что все работники выбрали электронную трудовую книжку, и убрать в архив. Но это не рекомендуется делать, потому что работодатель может принять на работу человека, который сохранил бумажную трудовую книжку и ее необходимо будет зарегистрировать в книге учета движения.

Также следует отметить существенную проблему незаконного завладения злоумышленниками информации о чьей-либо трудовой деятельности. Опасность заключается в утечке информации в виду доступа к ней широкого круга лиц из государственных структур. В ситуации, когда трудовая книжка хранилась в специальном сейфе у работодателя, таких рисков не было. Другая проблема, которая также в цифровом пространстве достаточно актуальна, это проблема компьютерных сбоев. Вероятность, что информация о трудовой деятельности из базы исчезнет, достаточно велика. Восстановление подобной информации потребует колоссальных сил и времени.

Объективно оценивая вышесказанное, можно отметить, что бумажная трудовая книжка является уже пережитком прошлого, замена ее электронным аналогом является шагом в современное цифровое пространство. Действительно, данный переход не обходится без проблем и недочетов, но систематический анализ и продуманная политика позволит с успехом завершить переходный процесс.

Список литературы

1. Гозалова А. В. Электронные трудовые книжки в системе социально-трудовых отношений: функциональный аспект// Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 133–136.
2. Лиликова О. С. Ханиюкова М. С. Трудовая книжка электронная или бумажная, проблемы и перспективы совершенствования законодательства// StudNet. 2021. Т. 4, № 5. С. 141–149.
3. Муравьева А. К., Хронова И. А. Особенности заключения и изменения трудового договора, и последующие организационно-документационные аспекты// Перспективы развития институтов права и государства : сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч. конф. Курск, 14 мая 2021 г. Курск : Юго-Запад. гос. ун-т, 2021. С. 234–236.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 18.08.2021).
5. О внесении изменений в статьи 12 и 16 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» : федер. закон от 24.02.2021 № 30-ФЗ (действ. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377645/ (дата обращения: 18.08.2021).
6. Хронова И. А., Чеснакова Е. Е. Оформление трудовых прав работников в свете современного трудового законодательства// Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. 3-й Междунар. науч. конф. с включением материалов XI круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России». Курск, 26 марта 2021 г. Курск : Юго-Запад. гос. ун-т, 2021. С. 191–195.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 342.56
ББК 67.73

М. Э. Балютко, *Иркутск*

Эффективность муниципальной службы через цифровизацию услуг

Рассматривается эффективность влияния цифровизации на муниципальную службу. Выявляются положительные факторы виртуализации в работе муниципальной службы.

Ключевые слова: цифровизация, муниципальная служба, муниципальные услуги, технологии, многофункциональные центры.

M. E. Balyutko, *Irkutsk*

Efficiency of municipal service through digitalization of services

This article examines the effective impact of digitalization on the municipal service. The positive factors of virtualization in the work of the municipal service are revealed.

Keywords: digitalization, municipal service, municipal services, technologies, multifunctional centers.

Современный мир, современные цифровые технологии. Цифровизацию сейчас мы наблюдаем в разных сферах нашей жизни. Она же в свою очередь очень быстрыми темпами внедряется в нашу жизнь. С помощью цифровизации улучшаются разные стороны жизни, переходя в глобальное общественное развитие. Тем самым качество жизни улучшается. Цифровизацию можно считать неотъемлемой частицей нашей жизни.

Рассмотрим муниципальную службу и влияние цифровизации на эффективность ее работы. Муниципальная служба – важный аспект для граждан, проживающих на той или иной территории. Граждане хотят получать результат услуги быстро и качественно. В наше реальное время в период ограничений деятельности различных сфер жизни мы привыкли все чаще получать информацию и услуги в онлайн-режиме.

Безусловно, вследствие цифровизации открывается множество возможностей для качественного и быстрого результата:

- корректирование, доработка онлайн-доступа к цифровым продуктам, а также к услугам;

- привлечение совокупности методов и средств для автоматизации процессов для решения множества вопросов и подготовки документов для заявителей;

- рост процента открытости и прозрачности деятельности государственных и муниципальных органов власти;
- значительное уменьшение уровня коррупции [1].

С помощью цифровых технологий можно решить задачи муниципального управления, а именно:

- коммуникационную (поиск и сбор информации, хранение информации, информирование граждан);
- образовательную (обучение работников через вебинары, видеолекции, с помощью цифровых технологий, электронное тестирование);
- административную (делопроизводство и электронный документооборот);
- контрольную (онлайн-контроль, видеофиксация);
- исследовательскую (поиск информации, с обработкой и применение опыта);
- хранения (архивирование данных);
- безопасность.

Рассмотрим развитие цифровых технологий и платформ на примере межведомственного взаимодействия. Межведомственное взаимодействие обеспечивается посредством цифровизации. Муниципальное образование для подготовки ответов на обращения заявителей должно проверить сведения о собственнике. Такие сведения можно получить в управлении Росреестра, например через программу «Технокад». Данные действия ускоряют подготовку ответа для граждан и обеспечивают актуальную информацию для подготовки ответа муниципальных служащих.

Мы рассмотрели межведомственное взаимодействие между государством и управлением. А теперь рассмотрим между государством, управлением и гражданами. Наглядным примером будет служить для нас многофункциональные центры. В Иркутской области насчитывается только 49 отделений [2]. Офисы данных многофункциональных центров «Мои документы» располагаются в каждом районном центре региона. Тем самым обеспечивается доступность услуг для огромного количества граждан. Более 30 федеральных услуг и от 150–250 муниципальных услуг в зависимости от региона предоставляются в данных центрах. Также населению предоставлена возможность пользоваться информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг», что очень удобно. Данная система дает возможность:

- получить информацию о государственных и муниципальных услугах;
- получить государственные услуги в электронной форме;
- записаться на прием;

- возможность изменять данные в электронной форме, не посещая центры;
- оплачивать через данную систему штрафы, судебные, налоговые задолженности и др.

Единый портал государственных и муниципальных услуг постоянно совершенствуется. Например, с 2017 г., подав одно заявление можно получить сразу несколько услуг [3]. На вопрос, как же повлияла цифровизация на муниципальную и государственную службу, можно дать точный ответ, что повлияла положительно.

На цифровизацию возлагаются надежды в сфере повышения качества муниципального и государственного управления. Муниципалитеты предоставляют муниципальные услуги с помощью государственных информационных систем. Муниципальная услуга «Присвоение, изменение и аннулирование адресов объектам адресации» предоставляется гражданам посредством всех выполненных задач:

1. Запрос информации об основных характеристиках и зарегистрированных правах на объект недвижимости ФГИС ЕГРН.
2. После подготовки документа о присвоении адреса, сведения направление в Федеральную информационную адресную систему.
3. После утверждения в ФИАС направление информации для уточнения сведений об адресе в Единый государственный реестр недвижимости

Безусловно, цифровизация влияет на качество работы муниципальных служащих. Она обеспечивает доступность предоставления муниципальной услуги.

Список литературы

1. Есипов С. В., Сергейчук А. В. Оптимизация деятельности органов местного самоуправления по предоставлению муниципальных услуг в условиях цифровизации. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-po-predostavleniyu-munitsipalnyh-uslug-v-usloviyah> (дата обращения: 02.09.2021)
2. Статья 15.1. Предоставление двух и более государственных и (или) муниципальных услуг в многофункциональных центрах при однократном обращении заявителя // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/330a220d4fee09ee290fc31fd9fbf1c1b7467a53/ (дата обращения: 02.09.2021).
3. Мои документы. Государственные и муниципальные услуги. URL: <https://mfcs38.ru/tstrategy-i-ofisy> (дата обращения: 02.09.2021).

УДК 342.5.
ББК 67.401.02

А. С. Гладун, *Иркутск*

Цифровые технологии в сфере противодействия коррупции

Рассматривается влияние цифровизации и цифровых технологий на коррупцию, а также ее связь с цифровой экономикой. Выявляются основные закономерности и противоречия ее развития.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, цифровые технологии, цифровая экономика.

A. S. Gladun, *Irkutsk*

Anti-corruption digital technologies

The article examines the impact of digitalization and digital technologies on corruption, as well as its relationship with the digital economy. The main regularities and contradictions of its development are revealed.

Keywords: corruption, anti-corruption, digital technologies, digital economy.

В период развития информационных технологий, цифровизации экономики и общества в целом необходимо затронуть основы противодействия коррупции и ее тенденцию к искоренению. Современные информационные возможности, в том числе различные программы, законопроекты как правового, так и информационного-коммуникационного характера, позволяют совершенствовать антикоррупционную политику посредством обеспечения специальных проверок, совершенствования финансового контроля и мониторинга управленческих процессов.

Рассматривая современное государственное регулирование можно отметить, что приоритетным направлением государственной политики в Российской Федерации является деятельность органов государственной власти по предупреждению, выявлению и последующему устранению причин коррупции, как в органах власти, так и в различных сферах жизни социума. Исследуя антикоррупционную политику в условиях цифровизации, необходимо остановиться на основополагающих терминах. Нормативно-правовой основой, регулирующей вопрос коррупции в Российской Федерации, является Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. В статье 1 этого закона указано, что «коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [2].

Затрагивая процесс цифровизации, отметим, что это внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь, а именно в различные сферы: экономическую, политическую, социальную, духовную и т. д. Но наиболее интересно нам рассмотреть экономическую сферу, особенно цифровую экономику, что это и каким образом она способна противостоять коррупции.

Цифровая экономика наиболее простым языком это внедрение цифровых технологий в сферу государственного управления, оказание госуслуг гражданам и представителям бизнеса в цифровом формате [4]. На данный момент в России до 2024 г. разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [4]. Целью национальной программы является повышение эффективности отраслей экономики, защита информации физических лиц, бизнеса и государства, безграничный доступ граждан в интернет, обеспечение качественной связью населенные пункты регионов, а также подготовка высококвалифицированного персонала для работы в цифровой среде.

Каким образом связана антикоррупционная политика и цифровая экономика? Прежде всего, цифровые технологии позволяют увеличить «прозрачность», так отдельные нормативно-правовые акты, разработанные системы, программное обеспечение способствуют осуществлению принципа открытости. Большинство данных о государственном аппарате, отчеты, акты проверок, ответы на различные обращения граждан публикуются в открытом доступе, что позволяет дисциплинировать управленцев и объективно оценить результат их работы [3]. Осуществляется также принцип эффективности, который основан на анализе данных, представленных в открытом доступе. Активно в государственном аппарате внедряется система видеоконференцсвязи (ВКС), технология позволяющая обмениваться аудио и видеoinформацией с несколькими людьми, что позволяет оценить в режиме реального времени работу того или иного органа или человека.

На сегодняшний день цифровое управление активно внедряется в государственное управление, что способствует формированию качественного информационного пространства, с учетом потребностей граждан и общества в получении достоверных сведений, использование инфраструктуры официальных сайтов меняет представление граждан о государственном аппарате, государстве и об оказании государственных и муниципальных услуг. Например, государственным аппаратом осуществлен перевод системы госзакупок в электронную форму <https://zakupki.gov.ru>, определенную в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Перевод стал первым этапом внедрения цифровых форм контроля за организацией бюджетных расходов. Формирование политики открытых публичных торгов на электронных площадках сформировало прозрачность финансовых расходов бюджетных де-

нежных средств и механизм их общественной подконтрольности [1]. Прежде всего в период пандемии коронавируса (COVID-19) государственный аппарат укрепил свои позиции в рамках цифровой экономики. Осуществлен активный переход на электронное взаимодействие государства и населения, в частности «переход» на Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) – портал Госуслуг. Это федеральная государственная информационная система, которая обеспечивает гражданам, предпринимателям и юридическим лицам доступ к сведениям о государственных и муниципальных учреждениях и оказываемых ими электронных услугах. За последние годы осуществлено молниеносное развитие системы личных кабинетов в таких государственных учреждениях и органах власти, как Фонд социального страхования, Пенсионный фонд, Федеральная налоговая служба.

Наличие качественной информационной инфраструктуры для жителей России является необходимым условием для развития цифровой экономики и политической просвещенности граждан России.

Таким образом, стоит отметить, что в виду активного внедрения цифровых технологий усилен контроль за оборотом доходов и расходов чиновников, удастся минимизировать личные контакты между должностными лицами, деятельность государственных органов становится открытой для населения России. Данному факту способствует издание нормативных актов, которые нацелены на реализацию принципа публичности и открытости деятельности государственных органов, в частности обнародованы ответы на различные запросы населения, информация о деятельности и эффективности того или иного органа власти, а также сведения о доходах и расходах должностных лиц. Очевидно, не стоит рассматривать цифровые технологии, как единственно верный способ борьбы с коррупцией. Необходим комплексный подход и сбалансированное развитие антикоррупционной политики, с постепенным интегрированием и зарубежных практик, как технологических, так и фундаментально-правовых.

Список литературы

1. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции / А. Г. Кравченко, А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, С. А. Воронцов // Административное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 52–63.
2. Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ : [сайт] URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 02.09.2021)
3. Полошкевич О. А., Журавлева И. А., Дружинин Г. В. Этические основы противодействия коррупции : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 192 с.
4. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 338.24:004
ББК 65.291.2+32.816

Ефимова Я. Е., *Иркутск*

Государственное и муниципальное управление в цифровую эпоху

Статья направлена на изучение особенностей осуществления государственного и муниципального управления с использованием цифровых технологий. Рассматривается совершенствование цифровых технологий является приоритетным направлением развития страны. Показывается, что цифровизация затрагивает практически все сферы деятельности современного общества, что обуславливает переход большинства стран на совершенно новый этап развития. Делается вывод о том, что использование современных технологий в сфере государственного и муниципального управления является новым фундаментом к построению доверия к органам власти.

Ключевые слова: технологии, цифровизация, государственное управление, система.

Y. E. Efimova, *Irkutsk*

Public and Municipal Governance in the Digital Age

This article is aimed at studying the features of the implementation of state and municipal government using digital technologies. The improvement of digital technologies is considered as a priority area for the country's development. It is shown that digitalization affects almost all spheres of activity of modern society, which causes the transition of most countries to a completely new stage of development. It is concluded that the use of modern technologies in the field of state and municipal administration is a new foundation for building trust in the authorities.

Keywords: technology, digitalization, public administration, system.

В настоящее время нельзя представить современный мир без использования технологий. Наше общество становится все более цифровизированным, нововведения внедряются в различные сферы деятельности. Особое значение развитие новых технологий имеет для России.

Еще в 2016 г. Президентом был намечен «запуск масштабной системной программы развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики», в реализации которой следует «опираться именно на российские компании, научные, исследовательские и инжиниринговые центры страны». Данная программа была утверждена в 2017 г. и получила название «Информационное общество (2011–2020 годы)».

Приоритетными направлениями реализации данной программы являлись повышение уровня жизни населения, его благосостояния, стимулирование экономики, улучшение качества и доступности гос. услуг.

Одним из приоритетных направлений программы развития технологий является повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, а также взаимодействия гражданского общества и коммерческих организаций с органами государственной власти. Ведущая роль здесь принадлежит Федеральному закону от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», который регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджет-

ных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия.

Примером успешного внедрения информационных технологий в сектор государственного и муниципального управления можно назвать «Электронное правительство». Концепция электронного правительства заключается в сведении к минимуму прямого (личного) взаимодействия государственных органов и заявителя и максимизация взаимодействия данных субъектов через использование информационных технологий. Продуктом данной концепции является интернет-портал государственных услуг Российской Федерации.

Также можно привести другие примеры внедрения технологий в государственное управление (рис. 1).

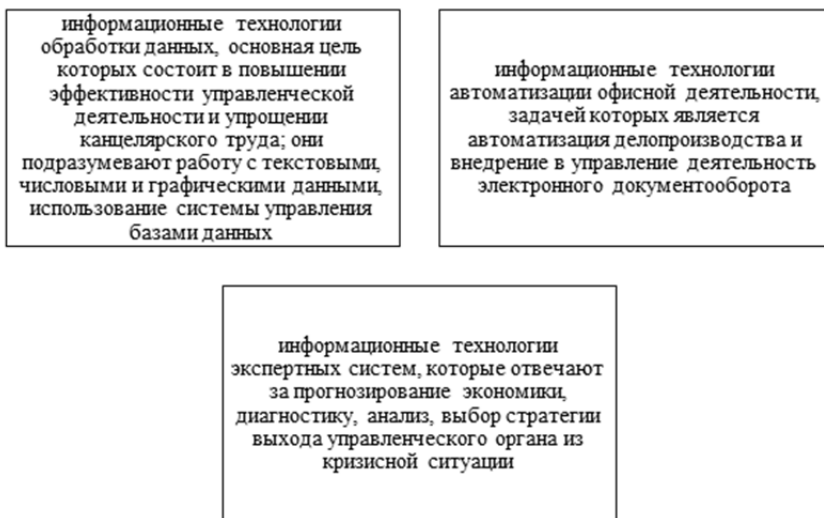

Рис. 1. Примеры применения информационных технологий в государственном управлении

Рассмотрим более подробно специфику внедрение информационных технологий в сферу государственного и муниципального управления на примере г. Санкт-Петербурга.

Главной задачей правительства в предоставлении государственных услуг является повышение оперативности и качества их предоставления. Поэтому с этой целью в рамках реализации концепции электронного правительства в Санкт-Петербурге была внедрена Межведомственная автоматизированная информационная система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Данная система обеспечивает выполнение задач, направленных на электронное взаимодействие органов

власти с заявителями, а также создает условия для дистанционной работы органов управления с момента приема документов от заявителя до момента принятия решения об оказании определенной услуги. Основные цели данной системы представлены на рис. 2

Также можно отметить отдельные продукты, предоставляемые Межведомственной автоматизированной информационной системой (рис. 3).

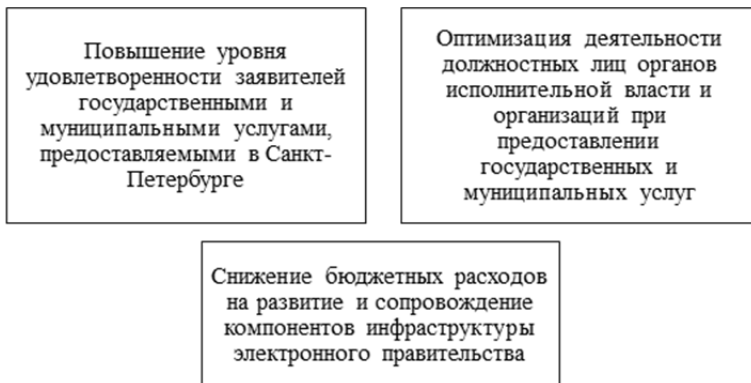

Рис. 2. Основные цели внедрения МАИС ЭГУ

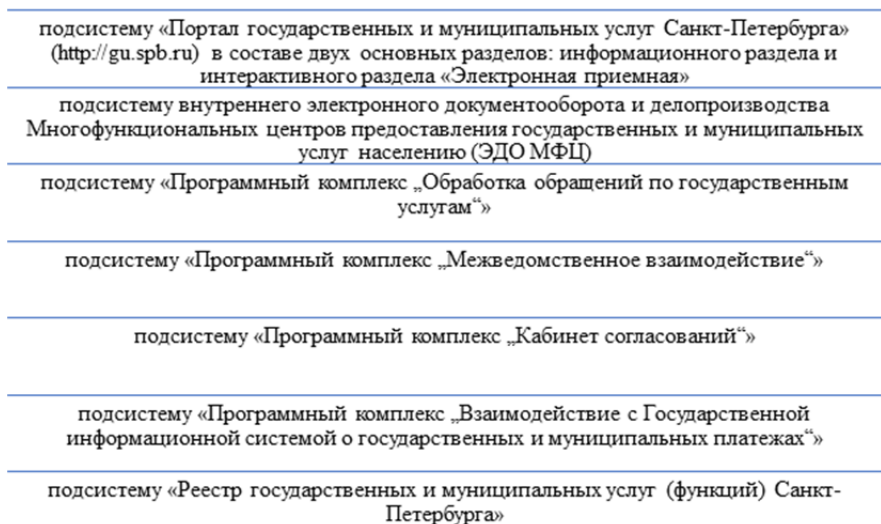

Рис. 3. Продукты МАИС ЭГУ

Внедрение данной системы и в целом цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг создаст условия не только для повышения качества данных услуг за счет сокращения документооборота, более тщательного контроля предоставления услуг и обеспечения доступности услуг, но и для повышения ответственности органов гос. управления за неполное, несвоевременное или недостаточно качественное выполнение работы, что повысит уровень доверия населения к органам власти.

Таким образом, осуществление цифровизации различных сфер деятельности общества, в том числе государственного и муниципального управления, положительным образом сказывается на взаимоотношениях и взаимодействии государственных органов и населения.

Список литературы

1. Межведомственная автоматизированная информационная система предоставления в Санкт-Петербурге государственных и муниципальных услуг в электронном виде // Официальный сайт Комитета по информатизации и связи. URL: <http://old.kis.gov.spb.ru/projects/project-mfc-v-sankt-peterburge/> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Смирнова М. Н. Современные цифровые технологии: применение и значение для формирования эффективной системы государственного управления. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36742662> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Голубош О. С. Государственный и муниципальный служащий в эпоху цифровой экономики: Новые вызовы в сфере управления. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41381561> (дата обращения: 02.09.2021).

УДК 316.422.42

ББК 60.524

А. Л. Зацепин, *Иркутск*

Возможности виртуального (цифрового) пространства в аспекте реализации социального развития города Саянска

Рассмотрено значение виртуального пространства для современного общества и намечены основные возможные пути использования информационного взаимодействия в реализации вопросов социального воспроизводства и социальной консолидации для решения вопросов социального развития в отношении муниципального образования – г. Саянска Иркутской области.

Ключевые слова: виртуальное (цифровое) пространство, социальное развитие, город Саянск, государственное и муниципальное управление.

A. L. Zatsepina, *Irkutsk*

Possibilities of the virtual (digital) space in the aspect of implementing the social development of the city of Sayansk

The article examines the importance of virtual (digital) space for modern society and outlines the main possible ways of using information interaction in the implementation of issues of social reproduction and social consolidation to address social development issues in relation to the municipal formation – the city of Sayansk, Irkutsk region.

Keywords: virtual (digital) space, social development, the city of Sayansk, state and municipal administration.

Не будет преувеличением назвать развитие современного общества при использовании виртуального (цифрового, информационного) пространства для расширения возможностей и перспектив во всех сферах жизни от государственного управления и экономики до отраслей науки и взаимного общения главной отличительной особенностью и прогрессом XXI в., порождающим при этом свою особую «цифровую культуру», «языки общения» и собственное развитие [4]. XXI век – это новый век, новая эпоха, цифровая эпоха. Всестороннее развитие программирования, компьютеризации, роботизации и интернета – прочно вошло как в повседневный, так и в деловой обиход основного числа людей на планете, и активно способствуют беспрепятственному наращиванию нового, прежде всего информационного, потенциала буквально всех отраслей человеческой жизнедеятельности, и в том числе – в виде межличностных отношений. Совершенно уникальным явлением следует считать то обстоятельство, что у людей XXI в. появился аналог прямого живого общения, виртуальный аналог, значительно повышающим возможности общения с людьми зачастую удаленными по территориальному, и даже временному критерию. Время и расстояние ещё более сократило свою дистанцию. Таким образом, увеличивая возможности виртуального общения, цифровая эпоха XXI в., приводит человечество на путь естественной культурной и научной глобализации мирового, регионального, а также любого иного сообщества или некоторой группы людей. Возможности цифрового общения, сами по себе, даже без учета вынужденных социальных ограничений в период пандемии COVID-19, а может быть отчасти и благодаря этим ограничениям, в разы повышаются возможности и значение информационного обмена с использованием баз данных информационных ресурсов (в том числе научных электронных библиотек), прямого информационного обмена между людьми, а также создает значимые предпосылки для консолидации общества по вопросам самого различного направления, в том числе, решения социальных проблем, начиная от муниципального до государственного уровня. В этой связи, думается, справедливым будет заметить, что социальная реальность виртуального пространства существует не сама по себе как таковая, а является продолжением тех условий, той реальности, в которой живут люди. Поэтому актуальным представляется вопрос о рассмотрении возможностей социальной консолидации общества для решения вопросов социального развития при использовании виртуального пространства на примере отдельно взятого муниципального образования – г. Саянска.

В соответствии с действующим законодательством, муниципальное образование – это населённая территория, на которой осуществляется местное самоуправление в России, т. е. решаются преимущественно вопросы местного значения [1]. Поэтому социальное развитие г. Саянска есть не что иное, как успешное решение вопроса социального воспроизводства путем социальной консолидации [2].

Социальное воспроизводство – процесс эволюции системы социальных отношений в форме их циклического воспроизведения; этот процесс воплощает тенденции изменения социальной системы, присущие конкрет-

ному этапу общественного развития: воссоздание существующих элементов социальной структуры и отношений между ними, а также возникновение новых элементов и отношений.

Социальное воспроизводство индивида является следствием социального воспроизводства населения, проживающего на определенной территории. В социальном воспроизводстве населения, составляющего данную социально-территориальную общность, выделяются такие составляющие, как демографическое, профессионально-квалификационные, этническое, культурное, духовно-идеологическое воспроизводство, воспроизводство социальных организаций и т. д.

Социальная консолидация – объединение, сплочение, укрепление субъектов социальных отношений под едиными программами и лозунгами для достижения определенных общих социальных целей, преодоления внешних и внутренних угроз, кризисных ситуаций, социально-политической и этно-национальной конфронтации.

Ведущие отечественные социологи и философы О. А. Кармадонов и В. В. Кожитский пришли к закономерному, общему и фундаментальному выводу, что «всякая социальная система ориентирована, прежде всего, на повышение собственных жизненных шансов» [7]. Но каковы же те проблемы, которые препятствуют успешному разрешению вопроса социального развития и повышению жизненных шансов? Применяя в анализе информационные данные цифровой базы территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат), ряд российских ученых Иркутской области, таких как Е. В. Гольцова и другие авторы, комплексно изучив данную проблематику [3; 6; 10–12], в целом пришли к следующим строго научным выводам:

1. Неудовлетворительная динамика демографической составляющей, выражающаяся в оттоке (миграции) населения из Иркутской области и малый потенциал возможности естественного воспроизводства населения при условии обширной и малозаселенной территории Иркутской области.

2. Неудовлетворительное состояние экономики, промышленности и сельского хозяйства Иркутской области, что является основным препятствием для решения демографической проблемы.

3. Неудовлетворительное качество принимаемых управленческих решений со стороны государства, политически ориентированного на извлечение прибыли из ресурсов на территории Иркутской области, а не *развития человеческого потенциала* [8], что, в свою очередь, поднимает вопрос о роли личности в управлении развитием общества [9].

Таким образом, на основании вышеизложенного, приходится констатировать, что основой успешного социального развития общества является квалифицированное и прогнозируемое управление экономикой, как на государственном, так и на муниципальном уровнях.

Если рассуждать о национальной экономике в целом с точки зрения государственных (общенациональных) интересов, то очевидным представ-

ляется насущная необходимость в проведении двух важнейших экономических реформ, а именно:

1. Национализация Центрального Банка России с преобразованием его в Государственный Банк России, поскольку в настоящее время Центральный Банк не является государственным органом и не способен адекватно реагировать на государственные задачи;

2. Восстановление в стране денежного обращения. Так, в период Российской империи денежной единицей был вначале серебряный, а впоследствии и золотой рубль, а также в ходу были и бумажные рубли. Во время Советской России металлические деньги были выведены из оборота, но бумажный рубль сохранил свое обращение. В настоящее время в России бумажный рубль выведен из обращения и заменен банковским билетом. Ценность такого билета является условной, виртуальной и такой суррогатный знак, как показала практика последних 25 лет, не может ни развивать и ни укреплять национальную экономику.

Однако для решения социальных вопросов муниципального уровня на примере г. Саянска вектор решения смещается в несколько иную, практическую, сторону, а именно – в стратегию социального развития г. Саянска [5]. Для разработки стратегии социального развития необходимо преследовать цель как привлечения в город новой дополнительной рабочей силы, так и, соответственно, удержания от миграции имеющейся. Это возможно при наличии создания новых производств и развития сельского хозяйства. При этом, используя возможности цифровой базы данных интернет-ресурса, г. Саянск может обратить внимание на два довольно успешных российских города, один из которых специализируется на промышленности – это Балаково Саратовской области, а другой город специализируется на производстве сельхозпродукции – это Славянск-на-Кубани Краснодарского края. И вот всё то полезное, что есть там, должно быть здесь, применительно к местным условиям г. Саянска. Предпосылки для этого имеются. Земли, воды и сельских угодий в Саянско-Зиминском регионе достаточно, от советского производства сохранился промышленный узел как возможная база для новой промышленности, а цена на энергоносители, в том числе на электроэнергию самая низкая по стране. Таким образом, затраты на производство заведомо будут ниже при том же качестве изделий и, следовательно, вполне конкурентноспособны как на внутреннем, так и на внешнем рынках сбыта. Кроме того, не следует забывать, что г. Саянск является епархиальным городом и, таким образом, имеет главенствующее значение и статус в настоящем подрегионе Иркутской области. Механизм реализации подобной стратегии может быть реализован через соответствующее технико-экономическое обоснование со стороны Администрации муниципального образования г. Саянска в адрес правительства Иркутской области о финансировании создания экономического, промышленного и сельского потенциала Саянско-Зиминского региона для создания новых предприятий. Запускаемая реализацию стартового пилотного проекта в г. Саянске, правительство Иркутской области, безусловно, встанет на путь экономической привлека-

тельности региона, а располагая доходом от новых предприятий, находящихся в собственности Иркутской области, естественно получит свой дополнительный источник дохода для решения прочих социальных проблем на территории Иркутской области.

В заключение необходимо отметить, что социальная консолидация и желание получения позитивных результатов для решения вопросов социального развития между всеми участниками процесса (населением, Администрацией г. Саянска и правительства Иркутской области) при использовании многоуровневых возможностей цифрового информационного взаимодействия вполне уверенно и успешно приведет к закономерному итогу.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.07.2021).
2. Российская социологическая энциклопедия. URL: <http://www.sociology.niv.ru/> (дата обращения: 10.07.2021).
3. Гольцова Е. В. Человеческая среда города: демографический аспект // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. Иркутск, 27 мая 2021г. / [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 329–333.
4. Житенёв С. Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий : материалы Всерос. науч. конф. 08.10.2020 / под ред. С. Ю. Житенёва. М. : Ин-т Наследия, 2020. С. 12–19.
5. Зацепин А. Л. Стратегия социального развития города Саянска // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. Иркутск, 27 мая 2021г. / [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 387–389.
6. Иванов Р. В. Направления цивилизационных сдвигов и цивилизационный разлом на территории моногородов Восточной Сибири // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. Иркутск, 27 мая 2021г. / [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 78–80.
7. Кармадонов О. А., Кобжицкий В. В. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2009. 175 с.
8. Лещенко Я. А. Развитие демографического потенциала Сибири и Дальнего Востока: проблемы целеполагания и управления // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 159–167.
9. Лещенко Я. А. Роль личности в управлении развитием общества // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 марта 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 20–30.
10. Лещенко Я. А. Факторы, проблемы урбанизации России и Сибири // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. Иркутск, 27 мая 2021г. / [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 221–226.
11. Ляликowa А. А. Должно ли государство поддерживать малый и средний бизнес? // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 нояб. 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 380–385.
12. Попова М. В. Сельская занятость после пандемии // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 нояб. 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 398–402.

УДК 316.334.4
ББК 67.401

Сафонов С. А., Красноярск

Партнерские технологии власти и общества в условиях виртуализации социальной реальности

Анализируется роль виртуальной реальности в развитии партнерских технологий между властью и гражданским обществом. На примере Иркутской области рассмотрена существующая инфраструктура для построения новых консенсусных взаимодействий в цифровом пространстве.

Ключевые слова: виртуальная реальность, общественно-государственное партнерство, цифровизация, цифровое взаимодействие, гражданское общество.

Safonov S. A., Krasnoyarsk

Partner technologies of power and society in the virtualization of social reality

Analyzes the role of virtual reality in the development of partnership technologies between government and civil society. On the example of the Irkutsk region, the existing infrastructure for building new consensual interactions in the digital space is considered.

Keywords: virtual reality, public-public partnership, digitalization, digital interaction, civil society.

На сегодняшний день современное общество всё чаще прибегает к использованию виртуальных технологий для построения коммуникации между социальными группами. Как правило, площадками взаимодействий для индивидов становятся различные порталы, социальные сети интернет-конференции и другие цифровые инструменты. Ключевыми факторами, которые повлияли на генезис новой формы коммуникации стали развитие интернет-технологий, в частности, прогресс в создании новых форм интернет-взаимодействий, глобализация и развитие межкультурных взаимодействий.

В современных реалиях важным фактором применения новых дистанционных технологий коммуникации стала пандемия COVID-19, усилившая цифровизацию общественной жизни. Новые вызовы «пандемического» общества стали диктовать направления развития социума. Среди таких направлений актуальным остается проблема взаимодействий государства и общества в условиях виртуального пространства.

На всех этапах развития общества, люди искали наиболее удобную и гибкую форму организацию государства. На начальных этапах развития социума, данный процесс шел стихийно, находясь под влиянием внешних факторов. С появлением первых научных трудов о происхождении общества, государственности как таковой, ход мысли в данном направлении стал наиболее осмысленным и обрел научный фундамент. Впервые вопрос о необходимости коммуникации власти и общества обозначились в трудах античных ученых Платона и Аристотеля. Впоследствии данную тематику в своих трудах развивали и другие социологи и философы: Н. Макиавелли, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, В. фон Гумбольдт, Г. Гегель, И. Кант, К. Маркс и Ф. Энгельс. Также рассмотрение гражданского общества и его места в структуре «государство-общество» уделялось боль-

ше внимание в трудах классиков социологии: М. Вебера, Ф. Тенниса, Л. фон Штейна.

В отечественной социологии и социальной философии попытки разработки концептуальной модели партнерства институтов власти и гражданского общества предпринимались И. А. Ильиным, А. Н. Арининым, З. Т. Голенковой, К. Н. Костюк, Т. И. Заславской.

Согласно Э. Гидденсу, гражданское общество – это «сфера общественной жизни, к которой относятся все те сети, свободные ассоциации, типы занятий, организации, клубы и семьи, которые создаются гражданами независимо от государства» [2, с 305]. Ещё несколько лет назад в социологическом дискурсе возникал вопрос о целесообразности развития гражданского общества, а также необходимости формирования механизмов и технологий взаимодействия с властью. Сегодня же актуализация роли гражданского общества в российском демократическом обществе не поддается никакому сомнению. Гражданское общество выступает в качестве социального института, с присущими ему характеристиками, и как любой другой социальный институт выполняет ряд социальных функций в обществе, в том числе выступает как площадка для консенсусных взаимодействий власти и общества [4].

Новый дистанционный формат сотрудничества государства и общества должен послужить отправной точкой для создания новых партнерских технологий и практик. Однако необходимо понимать, насколько государственно-информационная инфраструктура готова к внедрению инновационных партнерских методов сотрудничества. Нами были проанализированы сайты следующих исполнительных органов власти в Иркутской области: Правительство Иркутской области (<https://irkobl.ru/authorities/gov/>); Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области (<http://apparat.irkobl.ru>); Министерство по молодежной политике Иркутской области (<http://mmp38.ru/>); Министерство экономического развития Иркутской области (<http://economy.irkobl.ru>); Управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям (<http://ngo.irkobl.ru>).

На представленных интернет-ресурсах отсутствует информация о ходе реализации общественных либо личных инициатив. Однако на сайтах в большом количестве освещены совместные мероприятия общественно-гражданских органов и региональной власти. Помимо этого, анализ веб-сайтов показал, что сейчас приоритетным направлением в развитии общественно-государственного партнерства в Иркутской области является развитие площадок коммуникации и взаимодействий. Представляются они в формате проведения форумов, конференций, гражданских сессий. Данный факт, конечно же, дает основания полагать, что существует ряд факторов, осознаваемых самой региональной властью, которые подтверждают необходимость развития общественно-государственного партнерства в виртуальной среде. В целом необходимо констатировать, что существующее положение дел в данной сфере не является обнадеживающим. Несмотря на

дискуссионный характер проводимых мероприятий, дальнейший ход реализации тех или иных инициатив остается не ясным.

Проводя характеристику основной модели партнерских отношений, реализуемую в Иркутской области, мы можем отметить сохранение определенной вертикали. Как правило, формирование и развитие партнерства ведется именно самими органами региональной власти, что говорит нам о приоритетности именно региональных проектов. Также необходимо констатировать и слаборазвитость цифровых методов коммуникации власти и общества. Несмотря на их постепенное внедрение в общественное пространство их влияние на процесс общественно-государственного партнерства в регионе достаточно слабо. Данный вывод наталкивает нас на мнение о том, что на сегодняшний день в нашем регионе технология общественно-государственного партнерства в рамках виртуального пространства сформирована недостаточно. В ней сохраняется доминирование региональных органов власти над общественно-гражданскими организациями.

Инновационные практики построения общественно-государственного дискурса в виртуальном пространстве, пока не дают значимых результатов. Важно отметить, важность данного шага для дальнейшего совершенствования партнерских отношений в виртуальном пространстве. Это обуславливает перспективность изучения этой проблемы через призму более конкретных исследовательских установок, используя междисциплинарный подход.

Список литературы

1. Вавилина Н. Д., Паршукова Г. Б., Романиков О. Д. Гражданское общество как субъект социального влияния // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 63–73.
2. Гидденс, Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 336 с.
3. Костюк К. Н. Русская Православная Церковь в гражданском обществе // Социально-гуманитарные знания. 1998. № 2. С. 139.
4. Сафонов С. А. Общественно-государственное партнерство как способ достижения социального консенсуса // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>. С. 459–466.

УДК 338.26+338.27+338.28
ББК 65.05+65.2/4

С. К. Удалых, *Иркутск*

Проблемы российского государственного и муниципального управления в цифровую эпоху

Рассматриваются основные пути модернизации государственного управления и трансформации административной реформы, усиления контроля, надзора и отчетности в экономике. Исследуются вопросы совершенствования национального планирования; предлагается введение региональной системы перспективного планирования. Освещается опыт первого года функционирования Иркутской пятилетки.

Ключевые слова: Конституция РФ, Государственный совет, трансформация управления, административная реформа, национальные проекты, планирование, Госплан, *Иркутская* агломерация, *Иркутская* пятилетка.

S. K. Udalykh, *Irkutsk*

Problems of Russian state and municipal administration in the digital age

The main ways of modernization of public administration and transformation of administrative reform, strengthening of control, supervision and reporting in the economy are considered. The issues of improving national planning are investigated; the introduction of a regional system of long-term planning is proposed. The experience of the first year of operation of the Irkutsk Five-year Plan is highlighted.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the State Council, management transformation, administrative reform, national projects, planning, Gosplan, *Irkutsk* Agglomeration, *Irkutsk* Five-year Plan.

С развитием национальной экономики и социальной сферы в России происходит цифровая трансформация федерального, регионального и муниципального управления, направленная на исполнение принципов, правил и требований Конституции РФ [4]. В 2020 г. в связи с объективными потребностями общества в Конституцию внесены серьезные поправки и изменения, одобренные в ходе народного голосования. В конечном итоге трансформация управления в стране направлена на совершенствование системы отношений между народом и властью, которая должна быть сосредоточена на решении главной задачи – повышении качества жизни населения. Особое место в трансформации управления занимает цифровая административная реформа, которая реально назрела в связи мировыми вызовами и происходящими в стране изменениями. Параллельно с реформированием административной системы возникает проблема введения комплексного федерального, регионального и муниципального цифрового перспективного планирования социально-экономического развития территорий.

Краткая история проблемы.

Вся многолетняя история существования СССР – бывшей огромной страны тесно связана с планированием. Как известно, первым перспективным планом в стране был план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО), рассчитанный на 10 лет (1920–1930 гг.). Все последующие годы в СССР (вплоть до его распада) разрабатывались и реализовывались пяти-

летние планы развития народного хозяйства. Несколько раз одновременно с государственным долгосрочным планированием происходили реформы партийного и административного управления всесоюзного, республиканских, краевых, областных значений. Такая система, как правило, приводила к выполнению основных плановых показателей и к росту экономики; вместе с тем во времена СССР отмечались и серьезные сбои в деятельности народного хозяйства.

В современной рыночной России, которая отошла от централизованного государственного планирования развития и взамен осуществляет программно-целевое управление экономикой и социальной сферы, наблюдаются как успехи, так серьезные провалы. К такому провалу необходимо отнести реализацию государственного документа «Стратегия-2020» (официально называлась Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года), согласной которому за 2018–2020 гг. экономика страны должна была вырасти на 66 % (фактически повысилась на 6 %), доходы россиян должны были подняться на 50 % (фактически упали на 5–10 %). К недавней истории необходимо отнести попытку прежней власти Приангарья (речь идет о губернаторе С. В. Левченко и его администрации) ввести планирование развития Иркутской области на 2019–2023 гг.

Результаты исследования

1. Для усиления управления страной и повышения эффективности национальной экономики и социальной сферы в России за последнее время проведены существенные целенаправленные и радикальные изменения, в том числе такие:

– внесены поправки в Конституцию РФ в целях обеспечения суверенитета страны, закрепления социальных гарантий для граждан, развития политической системы, в том числе путем усиления роли парламента в формировании органов государственной власти, закрепления положения о верховенстве российского права и роли Государственного Совета. В Конституции РФ также закреплены новые нормы социальных гарантий населения и усиление прозрачности власти, повышена значимость регионов в управлении страной и др.;

– создан Государственный Совет РФ, который является конституционным государственным органом; он формируется для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов власти и определения главных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития страны [6];

– в составе Госсовета сформированы 18 комиссий по направлениям развития страны: «Государственное и муниципальное управление», «Здравоохранение», «Инвестиции», «Коммуникации, связь, цифровая экономика», «Культура», «Малое и среднее предпринимательство», «Молодёжная политика», «Наука», «Образование», «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Социальная политика», «Строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, городская среда», «Транспорт», «Туризм, физическая культура

и спорт», «Экология и природные ресурсы», «Экономика и финансы», «Энергетика»; образованы также некоторые рабочие группы и иные рабочие органы [1];

– пересмотрены и уточнены некоторые параметры, задачи, цели и целевые показатели 14 национальных проектов в соответствии с Указом Президента РФ о национальных целях страны на период до 2030 г., в том числе «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Жилье и городская среда», «Экология», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Производительность труда и поддержка занятости», «Наука», «Цифровая экономика», «Культура», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Международная кооперация и экспорт», «Туризм», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» [7; 10]; в составе 14 национальных проектов содержится 9 главнейших стратегических задач, 57 ведущих целей и 78 отдельных федеральных проектов;

– разработана и внедрена 3-уровневая схема управления и контроля за выполнением национальных проектов (определены на уровне Правительства РФ ответственные лица и кураторы каждого проекта; образован в составе Правительства общий Проектный офис; в каждом субъекте Федерации создан региональный проектный офис);

– проведена реформа исполнительной власти страны; в начале 2020 г. сменил Председатель Правительства РФ и обновлен его персональный состав Правительства РФ; оптимизирована деятельность и модернизирована структура Правительства РФ (реформа государственного аппарата затронула 45 федеральных министерств и ведомств; расформировано 74 их подразделений); в результате таких преобразований сокращен аппарат федеральной (на 5 %) и региональных (на 10 %) исполнительных ветвей власти; в итоге повышен коэффициент полезного действия управления;

– расширены возможности Единого портала государственных и муниципальных услуг. При этом ожидается, что любой гражданин из личного кабинета на портале сможет направить обращение в Министерство здравоохранения РФ, Министерство просвещения РФ, Фонд обязательного медицинского страхования, а также в любой из органов государственной власти регионов или местного самоуправления; далее, через портал Государственных услуг гражданин также сможет получить ответы на свои обращения в самое короткое время;

– в соответствии с новым Федеральным законом о государственном и муниципальном контроле и надзоре [5] в стране завершается радикальная реформа системы контрольной деятельности; в Правительстве РФ создан новый цифровой механизм контроля и надзора, который внедряется во все отраслевое регулирование и затрагивает более 100 видов контроля на разных уровнях; при этом исключается дублирование полномочий надзорных органов и в основу отраслевого регулирования закладываются новые принципы организации контрольной деятельности (в том числе применение

риск-ориентированного подхода, основанного на профилактике возможных нарушений); осуществляется также переход к дистанционным цифровым формам контроля.

2. Усилен цифровой контроль за деятельностью регионов страны и введена система оценки эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ. Эта оценка осуществляется по уровню достижения важнейших социальных показателей, определенных в Указе Президента РФ от 04.02.2021 № 68 [9]; некоторые из этих показателей следующие: занятость в малом и среднем бизнесе; уровень бедности, ожидаемая продолжительность жизни; количество улучшивших жилищные условия семей; объем жилищного строительства; качество городской среды; качество окружающей среды и др.

3. Усилена роль Счетной палаты России как независимого и профессионального государственного органа, самостоятельно собирающего, анализирующего и представляющего в органы власти и общественности достоверную информацию о состоянии отраслей, подотраслей, производств, а также об осуществлении на государственные деньги различных мероприятий в национальной экономике и социальной сфере.

4. В г. Москве создан Координационный центр Правительства РФ с целью усиления взаимодействия и координации работы федеральных и региональных ведомств страны на основе оперативного обмена объективной и честной информацией, расширения обратной связи.

Выводы и предложения

1. Выявлены важные современные задачи, которые в цифровую эпоху ставятся перед исполнительной властью: федеральной, региональной и муниципальной; часть их следующая:

- эффективность управления и повышение коэффициента его полезного действия;
- оптимизация функций и полномочий, ликвидация дублирования функций и полномочий;
- настройка управления на решение главной задачи – повышение качества жизни каждого человека за счет роста экономики и социальной жизни;
- цифровизация управления и внедрение элементов искусственного интеллекта при решении многочисленных запросов граждан;
- преемственность в управлении, в том числе при проведении кадровых перестановок и изменений функций и полномочий подразделений;
- введение в действие надежного и эффективного механизма обратной связи между людьми и государством и др.

2. Выявлены основные черты современной цифровой трансформации федерального, регионального и муниципального управления, список которых следующий:

- усиление контроля и надзора «сверху донизу», т. е. федеральный менеджмент усиливает эти контрольные операции и процессы применительно к региональному менеджменту, а региональный менеджмент – применительно к муниципальному;

- расширение и углубление системы установления плановых и административных заданий «сверху донизу»;
- расширение, углубление и ускорение отчетности (статистической, финансово-экономической, производственно-технологической и экологической) по самым разным технико-экономическим и прочим позициям нижнего менеджмента перед региональным и федеральным менеджментом;
- усиление ответственности нижних уровней менеджмента перед более высоким уровнем менеджмента;
- ускорение и расширение организационных структурных изменений в организации менеджмента всех уровней менеджмента.

3. Ситуация, связанная с усилением управления «сверху» и повышением ответственности «снизу» не является следствием замысла и желаний отдельных руководящих личностей или групп менеджеров. Возрастающая централизация верхней власти и повышение ответственности нижних уровней власти обусловлена объективными обстоятельствами развития самой страны и внешним окружением.

4. Отсутствие преемственности на уровне глав регионов и их администраций: речь идет о ситуации со сменой глав регионов и последующих, как правило, сменах стратегий (планов, программ) развития региона.

5. Необходимо отметить большое упущение действующих властей Приангарья, связанное с прекращением действия плана «Иркутская пятилетка» и роспуском областной плановой комиссии; на разработку плановых документов и ввода в действие регионального плана из бюджета области были затрачены значительные суммы; план «работал» только один год, и необходимо было продолжить эту работу для получения реальных экспериментальных результатов о его пользе или вреде. Основные показатели плана развития Иркутской области следующие (табл.).

Таблица

Основные показатели «пятилетки» (2019–2023 гг.) Иркутской области

Наименование показателя, единица измерения	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Валовой региональный продукт, млрд. руб.	1312,7	1417,7	1528,9	1877,5	2088,0
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	321,1	378,9	443,3	509,8	586,3
Среднемесячная зарплата работников, тыс. руб.	44,3	46,8	50,4	54,2	58,2
Реальные денежные доходы населения, %	101,3	102,3	102,1	102,5	102,5
Количество созданных рабочих мест на предприятиях, единиц	4607	3348	3808	4764	4794
Производительность труда, % к 2017 г.	102,7	104,9	107,8	110,9	14,3
Доля малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте, %	28,0	28,4	28,8	30,1	31,3
Ввод жилья, тыс. кв. м	1000	1100	1200	1300	1400
Количество семей, улучшивших жилищные условия, тыс. семей	18,5	20,4	22,2	24,1	26,0

Примечание: таблица составлена автором по данным [3].

Первый год работы «Иркутской пятилетки» (т. е. 2019 г.) показал, что почти все основные задачи, цели и показатели развития были выполнены (достигнуты плановые темпы роста валового регионального продукта, промышленного производства и инвестиций в основной капитал, темпы роста производительности труда и т. д.). Почти все основные показатели оказались выше общероссийских. Разработку и начало реализации пятилетнего плана социально-экономического развития Иркутской области необходимо считать востребованной и закономерной местной инициативой [2, с. 5]. При этом задачи, цели и целевые показатели пятилетнего плана полностью корреспондируются с задачами, целями и показателями 14 национальных проектов.

6. Рассмотренное выше усиление централизации управления приводит к выводу о необходимости возрождения долгосрочного планирования социально-экономического развития также всей страны. В случае принятия решения о введении единого планирования всем уровням федерального, регионального, муниципального и первичного (компании, предприятия, организации) менеджмента нужно иметь в виду о нижеследующих особенностях ситуации с созданием нового Госплана (назвать его можно и по другому, например, Нацплан, Экономсоцплан, Госхозплан и т. д.):

- воссозданный Госплан будет совершенно другого формата, с другими подходами и приемами, учитывающими то, что Россия находится в рыночных условиях; это попытка не вернуть старый советский Госплан, а создать современную уникальную форму планирования; речь идет о совершенно новой деятельности;

- необходим научный анализ ошибок и недостатков деятельности прошлого Госплана (низкая гибкость решений, недостаточный учет и использование достижений научно-технического прогресса, недостаточная сбалансированность планов разного уровня и пр.);

- в новом Госплане ожидается ускорение, упрощение и повышение качества работы в связи достижением в стране высокого уровня компьютеризации и информационных технологий (создание единых российских сетей сбора, обработки, уточнения, изменения, обмена и хранения множества плановых и отчетных показателей; использование советских научных достижений в области экономико-математических методов прогнозирования);

- при разработках единых планов развития страны в условиях цифровизации общества появляются совершенно новые возможности для развития открытости принимаемых плановых решений и широкого участия в этом населения, СМИ, всех органов власти;

- новые формы и методы планирования потребуют новых специалистов (привлечение на работу в органы Госплана лучших кадров на основе конкурсов; введение в учебные планы вузов дисциплин по планированию и прогнозированию);

- воссоздание Госплана не должно сопровождаться национализацией акционерных организаций с целью упрощения системы государственного планирования; для будущей «госплановой» ситуации необходимы совер-

шенно новые и уникальные подходы и методы при включении сотен и тысяч самостоятельных коммерческих организаций (акционерные и прочие общества, товарищества и т. д.) в государственные планы регионов и страны; такие подходы и методы (статьи и пункты о создании и функционировании Госплана РФ) необходимо включить в Федеральный закон о стратегическом планировании в Российской Федерации [8].

Дальнейшее повышение эффективности и устойчивости национального хозяйства в эпоху цифровизации возможно с реализацией долгосрочного планирования социально-экономического развития страны и ее регионов.

Список литературы

1. Вопросы Государственного Совета Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.12.2020 № 800 // СПС «КонсультантПлюс» : [официальный сайт]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371528 (дата обращения: 31.08.2021).
2. Государство развития: эффективная экономическая модель развития страны и регионов. Опыт реализации в Иркутской области : монография / С. Г. Левченко [и др.]. М. : Экономика, 2018. 264 с.
3. Государственный план социально-экономического развития Иркутской области на 2019–2023 годы // [официальный сайт]. URL: (дата обращения: 31.08.2021).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный сайт президента РФ. URL: www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 31.08.2021).
5. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : [официальный сайт]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750 (дата обращения: 31.08.2021).
6. О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : [официальный сайт]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105 (дата обращения: 31.08.2021).
7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Официальный сайт президента РФ. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/page/63728 (дата обращения: 31.08.2021).
8. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «Гарант». URL: base.garant.ru/70684666 (дата обращения: 31.08.2021).
9. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ : указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 // Официальный сайт президента РФ. URL: www.kremlin.ru/acts/news/64970 (дата обращения: 31.08.2021).
10. Совместное заседание Госсовета и Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 23.01.2021 // Официальный сайт президента РФ. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/64736 (дата обращения: 31.08.2021).

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ВИРТУАЛЬНОСТИ

УДК 349.2
ББК 67.405

О. С. Волынкина, *Иркутск*

Правоотношения в сетевой сфере

Рассматривается специфика правоотношений в сетевой сфере. В рамках анализа поставленной темы дается характеристика виртуального пространства и сети интернет как юридического пространства, выделяется специфика правоотношений, возникающими между участниками всемирной сети интернет. Выделяются основные особенности правоотношений, возникающих и протекающих между субъектами правоотношений внутри интернет-пространства. Анализируются основные проблемы, возникающие в связи с необходимостью правового регулирования правоотношений, протекающих в киберпространстве. Обозначаются основные различия между правоотношениями внутри сети и вне сетевого взаимодействия. Показывается основная проблема, существующая в области правового регулирования правоотношений, возникающих в виртуальном пространстве, и определяются основные перспективы ее разрешения в обозримом будущем.

Ключевые слова: интернет, виртуальное пространство, правоотношения, информационное право, транснациональное информационное право.

O. S. Volynkina, *Irkutsk*

Legal relations in the network sphere

This article examines the specifics of legal relations in the network sphere. As part of the analysis of the topic, the author gives a characteristic of the virtual space and the Internet as a legal space, highlights the specificity of legal relations arising between the participants of the World Wide Web. The main features of legal relations that arise and flow between the subjects of legal relations within the Internet space are highlighted. The main problems arising in connection with the need for legal regulation of legal relations in cyberspace are highlighted and analyzed. The main differences between legal relations within the network and outside the network interaction are highlighted. The main problem that exists in the field of legal regulation of legal relations arising in the virtual space is highlighted, and the main prospects for its resolution in the foreseeable future are determined.

Keywords: internet, virtual space, legal relations, information law, transnational information law.

Широкая распространенность информационно-коммуникационных технологий обеспечивает для огромного количества людей доступ в виртуальное пространство и способствует, таким образом, трансформации сложившейся системы социальных связей между людьми и, как следствие, развитию транснациональных правоотношений между индивидами. Сеть интернет, в сущности, выступает необходимой основой для развития вирту-

альной социальной среды, выполняя функцию коммуникатора, «дополнительного» пространства для социальной коммуникации, самореализации и прочих форм активного участия человека в общественной жизни.

При этом совершенно закономерно, что большая часть существующих социальных институтов современного общества «мигрирует» в виртуальное пространство, в том числе и представление о праве и правоотношения, служа как носитель социальных ценностей и нормативный регулятор поведения разнообразных субъектов правоотношений. При этом совершенно естественно, что правоотношения, как и право само по себе, должно трансформироваться сообразно новой среде, причем этот вывод справедлив как относительно национального права, так и относительно международного [6].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить специфику трансформации права внутри сетевой сферы, виртуального пространства, рассмотрев актуальную в современности проблематику правоотношений в сети интернет. Начать следует, разумеется, с выделения ключевых характеристик виртуального пространства как коммуникационной среды и его особенностей в этом качестве.

По мнению научного сообщества, интернет представлен одновременно двумя компонентами – техническим и социальным. Что характерно, эти компоненты оказываются неразделимы при анализе виртуальной коммуникационной среды: единство социальной и технической сторон виртуального пространства закономерно приводит нас к выводу о необходимости дополнения или изменения действующей системы правового регулирования с учетом особенностей информационных отношений, распространившихся в современности. Подчеркивая единство технического и социального компонента как базовой характеристики виртуального пространства, И. М. Рассолов определяет виртуальное пространство как «сферу социальной деятельности, связанную с оборотом информации в сети интернет, а также в прочих информационно-коммуникационных сетях» [15].

Итак, предметом информационного права или права, действующего в рамках интернет-пространства, выступают осуществляемые в информационно-коммуникационном пространстве общественные отношения, сформированные в результате электронной экономической деятельности или электронной гуманитарной деятельности. В свою очередь, под электронной экономической деятельностью мы понимаем такую предпринимательскую деятельность, которая была сформирована в информационной среде посредством обращения к материально-техническим средствам коммуникации.

В целом, справедливо будет сделать вывод о том, что любые взаимодействия между субъектами внутри виртуального пространства включают в себя правовой аспект, поскольку все участники являются носителями субъективных прав и обязанностей внутри данного пространства. При этом и сами взаимодействия возникают в том числе и в процессе воздействия различных норм информационного, международного и иных отраслей права на поведение участников отношений.

Далее рассмотрим условия возникновения правоотношений в сфере сетевого пространства. Совершенно естественно, что для возникновения правоотношений необходимо наличие предпосылок: наличие норм права, правоспособности действующих субъектов, а также юридических фактов.

Наличие нормативных правовых основ и правоспособности отдельных субъектов мы можем презюмировать, исходя из того факта, что конкретные пользователи сети интернет являются субъектами национального права страны, в которой находятся в момент произведения виртуальных взаимодействий, а также, – в некотором смысле, – субъектами международного права.

Кроме того, следует выделить такую предпосылку, специфичную лишь для возникновений правоотношений в виртуальном пространстве, как объективная способность пользователя взаимодействовать с сетью интернет: возможность доступа, материально-техническая база, наличие права на виртуальные взаимодействия.

Рассмотрим некоторые виды правоотношений, реализуемых посредством виртуального пространства, в качестве примера опираясь на опыт правового регулирования российского сегмента сети интернет [12]:

При анализе взаимодействий, протекающих внутри виртуального пространства, мы можем обратить внимание на тот факт, что интернет используется как информационно-коммуникационное пространство в том числе для распространения той или иной информации, обмена услугами и товарами. Соответственно, в некотором смысле можно утверждать, что в виртуальном пространстве реализуется экономическая деятельность, выраженная в движении материальных или нематериальных благ от одних лиц к другим.

В случаях, когда виртуальное пространство выступает основой для имущественных отношений, правоотношения регламентируются действующими на территории государствами участников правоотношений юридическими нормами в рамках действующей юрисдикции данных государств. В сущности, даже обмен информацией может и должен рассматриваться как правовое взаимодействие, поскольку, согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации», сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, независимо от формы их представления, выступают в качестве полноценного объекта гражданских прав (согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ). При этом важно отметить, что отношения обмена внутри сетевой сферы, равно как и процесс движения материальных и нематериальных благ, требует разработанности категории «собственность» и, следовательно, правового обеспечения понятия собственности.

Так, информация, представленная в определенной уникальной форме (например, новостной текст), архивы информации, информационные системы – все это является, в сущности, собственностью тех или иных субъектов гражданских правоотношений, представленными внутри виртуального пространства. Иначе говоря, виртуальное пространство в достаточно полной мере обеспечивает возможность наличия имущественных отношений между

участниками сети, регламентируемых в качестве предмета гражданского права конкретного государства.

Далее обратимся к неимущественным правовым отношениям, имеющим место в виртуальном пространстве и регулируемых нормами гражданского права.

Итак, согласно ст. 150 Гражданского кодекса РФ, к нематериальным духовным благам, в отношении которых могут складываться неимущественные правовые отношения, являются жизнь и здоровье человека, личное достоинство, честь и доброе имя, деловая репутация и прочее. Все перечисленные духовные блага непосредственно связаны с носителем, т. е., в сущности, субъектом гражданских правоотношений. Как правило, система гражданского права обеспечивает возможность защищать данные нематериальные блага различными средствами, в частности – предоставляя субъекту правоотношений возможность предъявления судебных исков с целью пресечения тех или иных действий, которые нарушали бы его законные права или интересы [1].

Так, например, распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица, – субъекта правоотношений, – осуществленное в интернете становится предметом системы гражданского права и является, таким образом, доказательством возможности наличия внутри виртуального пространства неимущественных правоотношений, складывающихся в отношении нематериальных благ. Более того, действующая в Российской Федерации юридическая норма, изложенная в п. 6 ст. 152 ГК РФ, предполагающее возможность субъекта правоотношений защищать свои права даже в тех случаях, когда невозможно установить лицо, ущемившее права и законные интересы гражданина, может широко применяться в виртуальном пространстве, поскольку зачастую распространение порочащей честь и достоинство информации в сети происходит анонимно [1].

Другим примером неимущественных правоотношений, представленных в виртуальном пространстве, могут служить правоотношения, складывающиеся в отношении объектов творческой деятельности. Применительно к виртуальному пространству такими объектами могут признаваться, например, web-страницы, уникальные тексты, графические произведения, представленные в виртуальном пространстве. Все неимущественные правоотношения относительно объектов творческой деятельности, представленных в виртуальном пространстве, основываются на нормах гражданского права государств, гражданами которых являются участники данных правоотношений.

Интернет представляет собой, в сущности, всемирную базу информации, включающую в себя множество информационных массивов, соединенных телекоммуникационной сетью. При помощи интернета и виртуального пространства как такового формируется так называемое информационное

пространство, представляющее, в свою очередь, основу современного информационного общества.

Вместе с тем актуален целый ряд проблем в области правового регулирования в сфере информационно-коммуникационной сети интернет.

Данные проблемы в первую очередь вытекают из отсутствия сформированного единого подхода к виртуальному пространству с точки зрения права ввиду недостаточной проработанности различных нормативных положений внутри правовых систем. Поскольку глобальная сеть также не может быть отнесена к конкретному суверенитету, интернет формально представляет собой пространство без собственных юридических норм – поэтому конкретные государства обеспечивают правовой контроль над взаимодействиями в виртуальном пространстве посредством собственных законодательств в рамках своей собственной территории и только в отношении интернет-пользователей, являющихся гражданами данных государств [11].

В сущности интернет не является ни юридическим лицом, ни зарегистрированной организацией, ни международной организацией, и не находится под контролем той или иной отдельной страны мира, равно как не представляет ни одну конкретную страну мира. Справедливо будет сказать, что используемые в интернете ресурсы принадлежат по праву собственности субъектам правоотношений, однако универсальные юридические нормы, согласно которым регламентируются правоотношения в виртуальном пространстве, не существуют.

Формирование правоотношений в сетевой сфере налагает на правоотношения особый отпечаток, способствует их трансформации, обеспечивая их значимое отличие от подобных правоотношений, которые формируются вне виртуального пространства. Для того чтобы выделить подобные отличия, рассмотрим элементы правоотношений: субъекты, объекты, содержание и основание возникновения правоотношений.

Субъектами правоотношений могут быть физические и юридические лица, международные организации, государства, субъекты и муниципальные образования государств. Все перечисленные субъекты могут быть представлены в виртуальном пространстве и выступать, таким образом, участниками протекающих в нем правоотношений. При этом различные субъекты правоотношений, существующие в различных правовых системах, делят единое виртуальное пространство, которое не имеет собственной юридической регламентации. Как следствие, правоотношения между субъектами правоотношений внутри виртуального пространства с большей вероятностью становятся международными правоотношениями по своей сути, что значительно затрудняет правовую регуляцию возникающих между участниками сети взаимодействий.

То же касается и объектов правоотношений, к которым относятся различные вещи, денежные средства и ценные бумаги, различное имущество, имущественные права, работы и услуги, информация. В случае с материальными объектами правоотношений регламентация происходит согласно

нормам государства, на территории которого материальный объект располагается, однако в случае с регламентацией нематериальных объектов правоотношений ситуация значительно усложняется: поскольку нематериальные объекты правоотношений представлены лишь в виртуальном пространстве, возникает сложность с пониманием, под юрисдикцией какого конкретного государства находится этот объект, и сообразно каким юридическим нормам он должен регламентироваться.

Наконец, это же отличие справедливо и касательно содержания и основания возникновения правоотношений: невозможность однозначного определения норм и принципов в отношении того или иного элемента правоотношения значительно усложняет правовые отношения внутри виртуальной сферы.

Так, всю совокупность возникающих и протекающих в виртуальном пространстве правоотношений можно свести к нескольким основным видам, в зависимости от специфического предмета правоотношений [3]:

1. Правоотношения, которые реализуются в отношении доступа к сети Интернет, например между потребителями-пользователями и поставщиками услуг доступа, различных телекоммуникационных сервисов, информационных продуктов и прочего.

2. Частные правоотношения имущественного (например, электронные платежи, реализуемые посредством сети интернет) и неимущественного характера, осуществляемые посредством виртуального пространства.

3. Публичные правоотношения, которые связаны с предоставлением управленческих услуг между государством и частными лицами и выполнением правоохранительных функций.

Данные виды правоотношений производятся в виртуальном пространстве и формально регулируются одновременно национальными правовыми системами конкретных государств и международным частным правом, при этом проблема правовой юрисдикции в виртуальном пространстве остается нерешенной.

Важно отметить, что попытки сформировать транснациональное информационное право, основанное на правовых нормах, разработанных в сотрудничестве между всеми крупными субъектами, представленными в виртуальном пространстве, время от времени производятся. Так, одной из форм таких попыток является регулярное проведение всемирных форумов: показательным примером такого форума является Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходившая в Женеве в 2003 г., Тунисе – в 2005 г., Женеве – в 2015 г., а также ежегодный Форум по управлению интернетом (IGF). Тем не менее, разработка единой действующей системы регуляции правоотношений в сетевой сфере далека от завершения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. федер. законов от 02.12.2004 № 156-ФЗ, от 03.06.2006 № 73-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Акимов И. М. Правовая защита права использования аккаунтов в социальных сетях в сети Интернет и права на их использование // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 4. С. 20–26.
3. Архипов В. В. Интернет-право : учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2016. 249 с.
4. Архипов В. В., Наумов В. Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 186–196.
5. Открытая концепция регулирования интернета вещей / В. В. Архипов, В. Б. Наумов, Г. А. Пчелинцев, Я. А. Чирко // Информационное право. 2016. № 2. С. 18–25.
6. Бачило И. Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. 2000. Вып. 4. С. 42–44.
7. Бегичев А. В. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также авторских и иных прав в сети «Интернет» // Нотариальный вестник. 2013. № 6. С. 25–30.
8. Булатецкий Ю. Е. Правовое обеспечение электронной торговли // Коммерческое (торговое) право. М. : Норма, 2002. С. 880–886.
9. Васичкин К. А. Регулирование деятельности информационных посредников в целях охраны интеллектуальных прав в сети «Интернет» по законодательству России, США и ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1180–1184.
10. Волков Ю. В. Информационные правоотношения // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2013 : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Юрид. ф-т Южно-Урал. гос. ун-та, 29–30 марта 2013 г. Ч. 1. Челябинск : Цицеро, 2013. С. 145–149.
11. Галушкин А. А. К вопросу о перспективах правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 372–378.
12. Еременко В. И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 19–28.
13. Касенова М. Б., Якушев М. В. Управление интернетом. Документы и материалы. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 396 с.
14. Курбалия Й. Управление Интернетом; Координационный центр национального домена сети Интернет. М. : МИР, 2010. 208 с.
15. Рассолов И. М. Право и Интернет: теорет. проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009. 383 с.

УДК 347.77/.78:351
ББК 67.404.3+67.401.11

В. А. Моторина, *Москва*

Защита авторского права в условиях цифровизации

В работе доказывается, что динамическое развитие цифровых технологий порождает новые проблемы правовой защиты интеллектуальной собственности в Сети. Выявляются недостатки существующих норм, устанавливающих ответственность информационных посредников за размещение материалов, содержащих нарушение авторских прав. Рассматривается опыт Европейского союза в части регулирования распространения информации, охраняемой авторским правом, в глобальной Сети. Предлагаются меры по преодолению недостатков, выявленных в российском законодательстве.

Ключевые слова: авторское право, цифровизация, информационный посредник

V. A. Motorina, *Moscow*

Copyright protection in the context of digitalization

The dynamic development of digital technologies causes new problems of the legal protection of intellectual property on the Internet. The disadvantages of the existing rules that establish the responsibility of information intermediaries for posting materials containing copyright infringement are highlighted in the article. Appealing to the experience of the European Union regarding the regulation of posting the information protected by copyright in the global network, some measures to overcome the disadvantages identified in Russian legislation are proposed.

Keywords: copyright, digitalization, information intermediary

Повсеместное использование цифровых технологий и расширение цифровой среды на все сферы жизни общества открывают новые возможности создания и распространения текстовых, аудио- и видеоматериалов. Интернет-пространство открывает пользователям доступ к огромному количеству информационных ресурсов, способствует расширению возможностей обмена результатами творческой деятельности. Быстрое развитие технологий не только обеспечивает творческим личностям широкий круг возможностей для самореализации, но и вызывает многочисленные проблемы, связанные с защитой авторских прав в интернете. Одним из ключевых аспектов цифровизации сегодня становится совершенствование системы защиты, учета и управления интеллектуальной собственностью. В России законодательство в сфере защиты прав авторов в глобальной сети только получает своё активное развитие и нуждается в значительной доработке.

В Российской Федерации гарантируется обеспечение конституционного права на доступ к информации и ее использование в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития [3]. основополагающие принципы государственного регулирования в сфере распространения информации при помощи современных технологий закрепляются ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Одним из закрепленных принципов является “свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом”. Данный принцип гарантирует пользователям возможность осуществления сво-

бодного поиска необходимой информации и передачи данной информации другим лицам, что позволяет людям получать новые знания в интересующей их сфере, делиться информацией с другими пользователями, а авторам произведений – популяризировать их творчество. Распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации. В частности, запрещается распространение информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность [5].

Такой свободный доступ к информации имеет ряд недостатков. В первую очередь, он ставит под угрозу авторские права, обеспечивая возможность свободного распространения получаемой информации, ее дублирования и размещения на различных интернет-площадках. В некоторых случаях представляется затруднительным вовремя предотвратить распространения результатов творческой деятельности, нарушающих права и интересы других лиц из-за несовершенства существующих механизмов работы с информацией в Сети [2].

В поисках ответа на новые вызовы цифровизации Евросоюз в 2019 г. принимает Директиву об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, являющуюся дополнением к существующим ранее Директивам 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС [6]. Настоящей Директивой устанавливается ответственность интернет-платформ перед авторами за размещение контента, нарушающего авторские права. Актуальность утверждения данных правил объясняется ежегодным расширением пользователей онлайн-сервисов. Подобные площадки на сегодняшний день становятся основным источником доступа к контенту, одновременно порождая правовую неопределенность в отношении квалификации действий по предоставлению доступа к контенту, загруженному их пользователями, с точки зрения авторского и смежных прав, а также в отношении необходимости получения разрешений от правообладателей на контент, загружаемый их пользователями, которые не обладают соответствующими правами в отношении загружаемого контента [4].

Интернет-площадки, на которые распространяется действие данной Директивы, – это отдельная категория интернет-посредников, позволяющих пользователям загружать и «делиться» контентом, потенциально охраняемым авторским или смежными правами – провайдеры онлайн-сервисов по предоставлению совместного использования загружаемого контента. Провайдер онлайн-сервиса совместного использования контента определяется Настоящей Директивой как поставщик информационных услуг, основной или одной из главных целей которого является хранение и предоставление общественности доступа к большому количеству произведений, охраняемых авторским правом, или иных охраняемых объектов, загруженных его пользователями, которые он организует и распространяет в коммерческих

целях. Важно отметить, что из числа провайдеров онлайн-сервисов совместного использования контента исключаются некоммерческие онлайн-энциклопедии, некоммерческие образовательные и научные репозитории, платформы разработки и совместного использования открытого программного обеспечения, провайдеры услуг электронных коммуникаций, торговые онлайн-площадки, облачные сервисы для бизнеса и облачные сервисы, позволяющие пользователям загружать контент для собственного использования.

На поставщика услуг обмена контентом в интернете возлагается обязанность получения разрешения правообладателей на размещение контента в сети согласно ст. 17 Директивы. Такое разрешение может быть получено путем заключения лицензионного соглашения с автором контента. Если разрешение не предоставлено, поставщики услуг обмена онлайн-контентом несут ответственность за несанкционированные действия по размещению информации. За выявления наличия такого контента на платформе на ее руководство возлагается обязательство по выплате правообладателю денежных отчислений [6]. В свою очередь, ответственность не распространяется на пользователей онлайн-платформ, которые, в свою очередь, сохраняют за собой право загружать подобный контент. Задачей социальных сетей, форумов и других-медиа площадок становится своевременное выявление размещения неправомерного контента и принятие мер по его удалению. Провайдеры онлайн-сервисов совместного использования контента освобождаются от ответственности только в случае если они докажут что (а) они приложили все усилия для получения разрешения и (b) приложили в соответствии с высокими отраслевыми стандартами профессиональной осмотрительности все усилия для обеспечения отсутствия конкретных произведений и иных охраняемых объектов, в отношении которых правообладатели предоставили провайдерам сервисов соответствующую и необходимую информацию; и в любом случае (с) по получении достаточно обоснованного уведомления от правообладателей незамедлительно приняли меры по блокированию доступа или удалению с их веб-сайтов указанных произведений или иных охраняемых объектов и приложили все усилия для предотвращения их дальнейшей загрузки в соответствии с пунктом (b) [6].

Кроме того, настоящей Директивой утверждается обязанность провайдеров онлайн сервисов совместного использования контента по созданию эффективного и оперативного механизм рассмотрения жалоб и возмещения ущерба, доступного для пользователей их сервисов в случае возникновения споров по поводу ограничения доступа к размещенным ими произведениям или иных охраняемых объектов или удаления таких произведений, а также информировать своих пользователей об условиях, на которых они могут использовать произведения и иные охраняемые объекты в рамках исключений или ограничений из авторского права и смежных прав, предусмотренных законодательством Союза [4].

Современные интернет-сервисы предоставляют пользователям возможности загружать и обмениваться большим объемом охраняемого автор-

ским правом контента, в свою очередь, преследуя цель извлечения от этого прямой или косвенной выгоды путем организации и продвижения контента для привлечения широкой аудитории. В целях обеспечения защиты авторских прав пользователей в России обладатель информации наделяется правом разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа. Под обладателем информации понимается лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам. В случае выявления нарушения авторских прав обладатель информации – который может выступать в лице автора размещенного материала или интернет-сервиса, получившего право на пользование и размещение контента – вправе обратиться с заявлением о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам [5].

В России также есть попытки установления ответственности информационных посредников за размещаемый в рамках их площадок контент. Так, например, ст. 1253.1 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 02.07.2013 № 187-ФЗ, предусматривает ответственность информационного посредника за распространение произведений автора, размещенных в сети Интернет. Введение ответственности для владельцев социальных и файлообменных сайтов стимулирует их к принятию превентивных мер, препятствующих незаконному распространению информации на их интернет-платформе. Однако информационный посредник будет освобожден от ответственности, если он не имел информации о том, что материалы, размещенные им в сети, содержат результаты чужой интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Данное положение может быть адресовано как непосредственно самому провайдеру (оператору связи) интернет-услуг, так и владельцам и администрации сайтов и файлообменных сетей. Поэтому если данные субъекты не знали о том, что размещаемые ими или пользователями их сайтов могут содержать объекты интеллектуальной деятельности, то они освобождаются от ответственности [1]. Таким образом, на практике ответственность за неправомерно размещенные материалы на интернет-площадках представляется фиктивной. Необходимым видится внесение изменений в статью 1253.1 ГК РФ в части 2 – определяющей условия освобождения информационных посредников от ответственности. Представляется эффективным определение следующих обстоятельств освобождения от ответственности: информационным посредником доказано 1) проведение своевременных и надлежащих мер по мониторингу и выявлению размещения неправомерной информации; 2) принятие незамедлительных мер по удалению охраняемых объектов, в отношении которых было получено уведомление от правообладателей.

Мы видим, что в России принимаются меры по обеспечению государственных гарантий защиты прав автора на результаты его творческой деятельности в условиях динамического развития информационно-коммуникационных технологий. Нормативно-правовые акты, регулирую-

щие отношения, возникающие в данной сфере, стали появляться в России только в последние два десятилетия, в связи с активным развитием интернет-платформ, позволяющих обмен информацией, и их проникновением в повседневную жизнь человека. Существующие законодательные нормы в данной сфере представляются недостаточно эффективными в части признания ответственности информационных посредников за распространения информации, содержащей нарушения авторских прав. Обращаясь к опыту Евросоюза, представляется необходимым ужесточение условий несения ответственности указанными субъектами. Привлечение к ответственности информационных посредников послужит в дальнейшем стимулом для принятия владельцами и администраторами сайтов в сети-Интернет необходимых превентивных мер по предотвращению размещения контента без согласия с правообладателем.

Список литературы

1. Иванов А. А. Ответственность информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети // Вестник ПАГС. 2015. № 2. С. 48–53.
2. Коношкин, Ю. А. Права человека на свободу творчества в сети // Вестник МФЮА. 2013. № 4. С. 154–159.
3. Королев А. Н., Плешакова О. В. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2007 С. 15.
4. Мотовилова Д. А. Ключевые положения Директивы (ЕС) N 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 26. С. 106–120.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон № 149-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448
6. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // Official Journal of the European Union L 130. 2019. 17.5. P. 92–125.

УДК 347.83.1:007.51
ББК 67.404.0:16.7

Т. Н. Чунихина, Краснодар

Юридические аспекты интернета

Рассмотрены разнообразные аспекты возможностей интернета и юридическая основа их функционирования. Также выявлены особенности информационно-телекоммуникационных интернет-сетей и обозначены нормативно-правовые подходы государства к обеспечению их безопасного использования. Отмечено, что многочисленные возможности интернета регулируются специализированным законодательством, тесно связанным со сферой применения функционала. Для упорядочивания работы в сети Интернет в Российской Федерации применяется Федеральный закон № 149-ФЗ, который нуждается в дополнениях в соответствии с быстро изменяющейся ситуацией.

Ключевые слова: Интернет, безопасность, нормативно-правовое регулирование; информационно-телекоммуникационные сети; виртуальная реальность.

T. N. Chunikhina, Krasnodar

Legal aspects of the Internet

The article considers various aspects of the Internet capabilities and the legal basis for their functioning. The features of information and telecommunications Internet networks are also identified and the regulatory and legal approaches of the state to ensuring their safe use are outlined. It is noted that numerous Internet features are regulated by specialized legislation that is closely related to the scope of the functionality. To streamline the work on the Internet in the Russian Federation, Federal Law No. 149-FZ is applied, which needs additions in accordance with the rapidly changing situation.

Keywords: Internet, security, regulatory and legal regulation; information and telecommunications networks; virtual reality.

Интернет относится к информационным феноменам, поскольку является не только средством массовой коммуникации, но и многоканальной платформой, на которой буквально «бурлит жизнь», не случайно сетевые ресурсы называют «виртуальной реальностью». В первую очередь, интернет – это способ найти ответ на личные потребности и интересы, обменяться мнениями, предложить услуги, продвинуть бизнес и т. д. Интернет позволяет смотреть фильмы и читать книги, вести переписку и общаться с людьми посредством видеосвязи. Через интернет можно выполнять платежи, предоставлять информацию о товарах и слушать музыкальные произведения в любом формате, вплоть до эффекта присутствия в концертном зале.

Интернет не только средство вращения информации, но и ее крупнейшее хранилище, располагающееся так же, как и сама информация, сразу в нескольких точках, на различных сетевых адресах.

Востребованность ресурсов интернета зависит от реакции пользователей: чем интереснее информация, тем она востребованнее, и наоборот. Интерес к информации в интернете нельзя искусственно создать, если ресурс не востребован, то это будет ясно по количеству просмотров и по отзывам. В этом смысле информацию сети Интернет можно сравнить с социальным феноменом распространения слухов: распространение сопоставимо с эффектом «снежного кома».

В 2011 г. Организация Объединенных Наций рассмотрела вопрос о отнесении доступа к сети Интернет к гражданским правам физических лиц. В двадцати двух страничном документе – Резолюции ООН от 3 июня 2011 г. было признано существенным нарушением прав человека отсутствие возможности доступа к Интернету в период противостояния оппозиции в Сирии [1].

В то же время нельзя не отметить, что в интернете циркулирует разнообразная информация, и официальная, и относимая к запрещенным законами разных государств, сведениям. За распространение последней не просто возможна, но и применима юридическая ответственность по закону государственной принадлежности гражданина. К подобным сведениям относится информация, относимая к разряду клеветнических измышлений, подрывающая устои государства в силу террористической направленности, оскорбляющая чувства верующих, составляющая государственную и ком-

мерческую тайны, разглашающая сведения, составляющие чужую интеллектуальную собственность и персональные данные граждан. В целом можно отметить, что на информацию в интернете распространяются те же законодательные установления, что и на информацию в традиционном формате. Законодательному регулированию подлежит интернет с точки зрения двух подходов: к информации, которая размещается гражданами для всеобщего использования, и контроль внешних сетей, по которым эта информация распространяется.

Степень демократичности ресурсов интернета зависит от степени демократических свобод в гражданском обществе государства. И еще важно сказать, что интернет – это такая глобальная информационная система, которая превышает цензурные возможности одного государства. Общие и широко распространенные ограничения в интернете со стороны ряда государств применяются лишь к отдельным разновидностям ресурсов – порнографическим, аналитическим материалам ведомств, чья деятельность непосредственно связана с представлением интересов государства и к средствам массовой информации террористической направленности.

Еще раз отметим, что к Интернету применяется законодательство в части, регулирующей функционирование в обществе средств массовой информации. Тем не менее, в чистом виде интернет к средствам массовой информации не относится, но является, по сути, общественно-информационной средой в которой может быть представлено любое средство массовой информации.

Бурное развитие интернета изначально не приковывало к себе внимания государства, возможно, потому он смог разрастись такими темпами и в такую глобальную сеть. Но по мере развития в глобальной сети Интернет начали появляться совсем не безопасный контент, как для государства, так и для личности. Все большая активность личности, связанная с удовлетворением духовных потребностей, связывается с информационно-телекоммуникационными сетями виртуальности. Все существующие в окружающей нас жизни социальные институты стремятся обзаводятся своими информационными ресурсами, отраженными в интернете. В первую очередь, это потребность тех институтов, чья деятельность связана с поиском и «вербовкой» адептов нетрадиционных верований. Общество информировано о том, как тесно связаны подобные организации с террористической деятельностью. Ведь подобные религиозные институты антиобщественной направленности и ранее широко использовали ресурсы средств массовой информации. А уж на широком поле виртуального пространства им есть, где разгуляться и искать своих приверженцев под маской «духовных поисков» в условиях несовершенной жизни. Так действовали широко известная секта «Аум Сенрикё», длительно использовавшая ресурс радио во всем мире; «Свидетели Иеговы», передававшие его посредством проповеди, организаторы секты «Белое братство», издававшие и распространявшие свою газету. Исследователи Московского государственного психолого-

педагогического университета Н. В. Дворянчиков и Н. С. Смирнова свидетельствуют об увеличении числа адептов-сектантов в интернете. Вывод сделан на основании анализа 25-ти статей, опубликованных непосредственно на сайтах таких организаций [11].

Законодательное регулирование деятельности религиозных объединений в условиях идеологического многообразия не является легкой задачей. В Российской Федерации в соответствии с Конституцией и Гражданским кодексом Российской Федерации, признающими идеологическое многообразие, активность духовных институтов регулируется и учитывается в законодательных и нормативно-правовых актах: Федеральном законе № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9]; Федеральном законе № 7-ФЗ от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях» [6]; Федеральным законом № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4]; Постановлении Правительства РФ № 130 от 2 февраля 1998 г. «О порядке регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций» [8]; Приказом Министерства юстиции РФ № 53 от 18 февраля 2009 г. «О государственной религиозно-экспертной экспертизе» [5]. В части рассмотрения обращений граждан законодательством о порядке рассмотрения подобных обращений, а в части контроля структуры и финансовой деятельности – отдельными законодательными установлениями о федеральных органах исполнительной власти, в ведении которых находятся религиозные и духовные социальные институты и Налоговым кодексом РФ.

Для запрета деятельности антиобщественных, разрушительных по психолого-физиологическому воздействию на личность сектантских организаций требуется большая доказательная база, наличие свидетелей разрушительной деятельности, что еще более трудно представить в силу перехода этих организаций в «виртуальную реальность». И лишь в том случае, если деятельность секты будет доказана и признана противозаконной, в интернете для «просеивания» от нежелательной информации между провайдерами будет использована система межсетевой безопасности в определенном участке международных сетей. При этом законодательной основой деятельности являются как законодательство о деятельности религиозных объединений, так и нормативно-правовые акты, определяющие порядок функционирования информационно-телекоммуникационных сетей, а именно: Федеральным законом № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», тем самым рассматривая Интернет, именно как интегральный ресурс [10].

Для обеспечения полноценного использования ресурсов интернета, который предлагает, среди других сервисов, удобные услуги государственных организаций в дистанционном формате, Российская федерация последовательно воплощала механизм защиты персональных данных граждан посредством правовых механизмов. В 2018 г. Совет Европы специальным Прото-

колом принял решение о внесении изменений в ранее принятую в 1981 г. Конвенцию о защите персональных данных [2] с целью унификации международной нормативной системы, что автоматически означало внесение изменений в нормативно-правовую систему оборота персональных данных и их защиты государствами, ее подписавшими. Конвенция, последовательно отстаивая принципы неприкосновенности частной жизни физических лиц, рассматривая особенности их автоматической обработки, является основой международного законодательства и базой для адаптации требований по обработке персональных данных в национальных нормативных системах. В настоящее время Протокол открыт для подписания и может быть ратифицирован при условии подписания тридцатью восьмью сторонами к 2023 г. Российская Федерация подписала Протокол в октябре 2018 г. в соответствии с Распоряжением Президента РФ № 294 [7].

Особенность современного подхода к защите персональных данных, отраженная в Протоколе, состоит в том, чтобы международное сообщение с использованием сведений, позволяющих персонифицировать человека, было максимально безопасно. Кроме этого Протокол содержит следующие нововведения относительно соизмеримости, отказ от избыточности сведений персонального характера, обоснованность обработки с точки зрения правовой необходимости. По Протоколу граждане имеют право распоряжаться сведениями, содержащими персонифицирующую информацию, не только до, но и в процессе их обработки государственными институтами, в которые они обратились, а также влиять на весь процесс обработки, и контролировать его.

Таким образом, обобщая юридические основания законодательного и нормативно-правового регулирования интернета укажем, что функциональными компонентами сети являются связь, многообразные источники массовой информации, представленные в нем (СМИ) и коммерческо-производственная, а также образовательная сервисная база. И каждый компонент имеет законодательную основу регулирования применимую к традиционной устоявшейся в обществе форме. И пока государство может обезопасить персональные данные граждан, которые могут быть рассмотрены как потенциально выгодное приобретение, и оградить граждан от негативного влияния тоталитарных сект, широко использующих виртуальные возможности, и, особенно, в условиях изоляции. То есть интернет по-прежнему недооценен государством в смысле глобальных возможностей, которые он предоставляет в перспективе полной интеграции с «виртуальной реальностью». 1 мая 2019 г. был принят Федеральный закон № 90-ФЗ, которым внесены изменения в Федеральный закон № «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [3], с помощью которого государство пытается создать механизм направленного единого управления интернетом. В этом случае, угроз для граждан государства станет действительно меньше, но сила этих угроз возрастет. Представляется, что правовые инструменты не должны использоваться «вдогонку» информацион-

ным, а широко использовать их, и тогда станут явно видны слабые места законодательного регулирования всех аспектов сети Интернет, а человечество будет лучше подготовлено к возможным угрозам от взаимодействия с виртуальной реальностью.

Список литературы

1. Благовещенский А. ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым // Российская газета. 2011. 7 июня. URL: <https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html> (дата обращения: 18.08.2021).
2. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 г.) (с изм. и доп.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/8318842> (дата обращения: 05.02.2021).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ // Российская газета. 2019. 7 мая. URL: <https://rg.ru/2019/05/07/fz90-dok.html> (дата обращения: 18.08.2021).
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 18.08.2021).
5. О государственной религиозно-экспертной экспертизе: приказ Министерства юстиции РФ № 53 от 18 февр. 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс»: [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85434/ (дата обращения: 19.08.2021).
6. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 18.08.2021).
7. О подписании Протокола о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: распоряжение Президента РФ от 10.10.2018 № 294-рп // СПС «Гарант»: [официальный сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72072508/> (дата обращения: 12.04.2021).
8. О порядке регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций: постановление Правительства РФ от 02.02.1998 № 130 (в ред. от 08.12.2008) // СПС «КонсультантПлюс»: [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17753/ (дата обращения: 18.08.2021).
9. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 18.08.2021).
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС «Гарант»: [официальный сайт]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12148555/paragraph/1073769242/doclist/12090/showentries/0/highlight/персональные%20данные:6> (дата обращения: 15.08.2021).
11. Смирнова Н. С., Дворянчиков Н. В. Использование психологических манипуляций в сфере деятельности религиозных организаций в интернете // Психология и право. 2014 № 2. С. 111–132. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69877.shtml> (дата обращения: 27.08.2021).

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

УДК 368.76
ББК 65.05

Л. Ю. Александрова, *Чебоксары*

Потенциал информационного маркетинга в цифровой экономике

Показано, что новая экономика становится результатом цифровой трансформации и источником перемен в сфере маркетинга. Обоснована необходимость применения новых подходов в маркетинговой деятельности. Выявлены ключевые понятия информационного маркетинга, позволившие раскрыть его сущность и основные задачи. Сделаны выводы о том, что потенциал информационного маркетинга как неотъемлемой части конкурентного потенциала предприятия остается высоким, несмотря на то что рынок информационных продуктов и услуг неустойчив. Раскрыты пути совершенствования маркетинговой деятельности в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, информационный маркетинг, маркетинговый потенциал, информационный продукт.

L. Y. Alexandrova, *Cheboksary*

The potential of information marketing in the digital economy

The new economy is becoming the result of digital transformation and a source of changes in the field of marketing. The article substantiates the need to apply new approaches in marketing activities. The key concepts of information marketing are revealed, which allowed to reveal its essence and main tasks. The conclusions are made that the potential of information marketing as an integral part of the competitive potential of the enterprise remains high despite the fact that the market of information products and services is unstable. The ways of improving marketing activities in the digital economy are revealed.

Keywords: digital economy, information technologies, information marketing, marketing potential, information product.

Растущая значимость информации и цифровых технологий, глубина и масштаб их проникновения во все сферы деятельности, доступность цифровой и электронной инфраструктуры наряду с использованием больших баз данных, повышение качества коммуникационных сетей при снижении цен на услуги связи сказались на развитии нового типа экономических отноше-

ний. Заключительное звено цепи «инновации (создание) – высокие технологии (внедрение) – новая экономика (результат)» становится рычагом развития экономической структуры, результатом цифровой трансформации и источником перемен в сфере маркетинга [3].

Маркетинговая деятельность одной из первых попала под ее влияние, так как традиционные методы работы в условиях нового цифрового пространства оказались неэффективными. Интеграция «мира офиса» с «миром онлайн-бизнеса», новая аудитория и новые способы взаимодействия с нею [4], новые информационные продукты и каналы продвижения – все это привело к созданию новых методов и технологий ведения маркетинговой деятельности, выявлению новых возможностей на рынке. Деятельность в условиях новой кибер-среды и использование ее потенциала дает «возможность сократить время выхода нового продукта на рынок, повысить степень гибкости производства, а также улучшить качество продукции, эффективность производственного процесса и, в конечном итоге, приведет к повышению конкурентоспособности промышленности и увеличению ВВП [8, с. 178]. Применение цифровых технологий, включая искусственный интеллект, и обострение конкуренции порождают такие тенденции, как углубление отношений с покупателем, общение с ним в цифровой среде и чуткая реакция на изменения его предпочтений [7, с. 39].

Автоматически обработанная адресная рекламная информация, персонализированная посредством искусственного интеллекта, в цифровом поле выступает в виде оферты конкретному покупателю с учетом его индивидуальных предпочтений и возможностей. Сведения могут совершенствоваться до тех пор, пока предложение не станет интересным клиенту и не попадет в точку [7, с. 40]. Нахождение и функционирование в цифровой среде помогает бизнесу проводить целенаправленную углубленную работу с покупателями, понимать клиентские предпочтения и достигать высокого уровня лояльности, индивидуализируя маркетинг.

Эти и другие изменения привели к появлению понятия «информационный маркетинг».

Задача раскрытия его содержания и выявления потенциала его развития является сложной [2], поскольку среди маркетологов нет единства в определении самого маркетинга. Диапазон его интерпретаций достаточно широк:

- философия и идеология бизнеса;
- рыночная деятельность по изучению, удовлетворению и формированию потребностей посредством обмена;
- управление рынками, включающее стратегические направления;
- часть системы управления предприятием с целью удовлетворения потребностей и получения прибыли;
- сохранение имеющихся рынков для существующего предложения и создание новых для нового товарного предложения;
- совокупность инструментов, с помощью которых организация воздействует на потребителей, формируя лояльное отношение к себе и своим товарам и др.

Понятие «информационный маркетинг» рассматривается в настоящее время в соответствии со многими представлениями. Их анализ позволил выявить его ключевые понятия: информационный поток, информационный продукт и услуга; информационное обеспечение; информационный рынок; управленческая деятельность, конкурентное преимущество и др. (рис. 1).

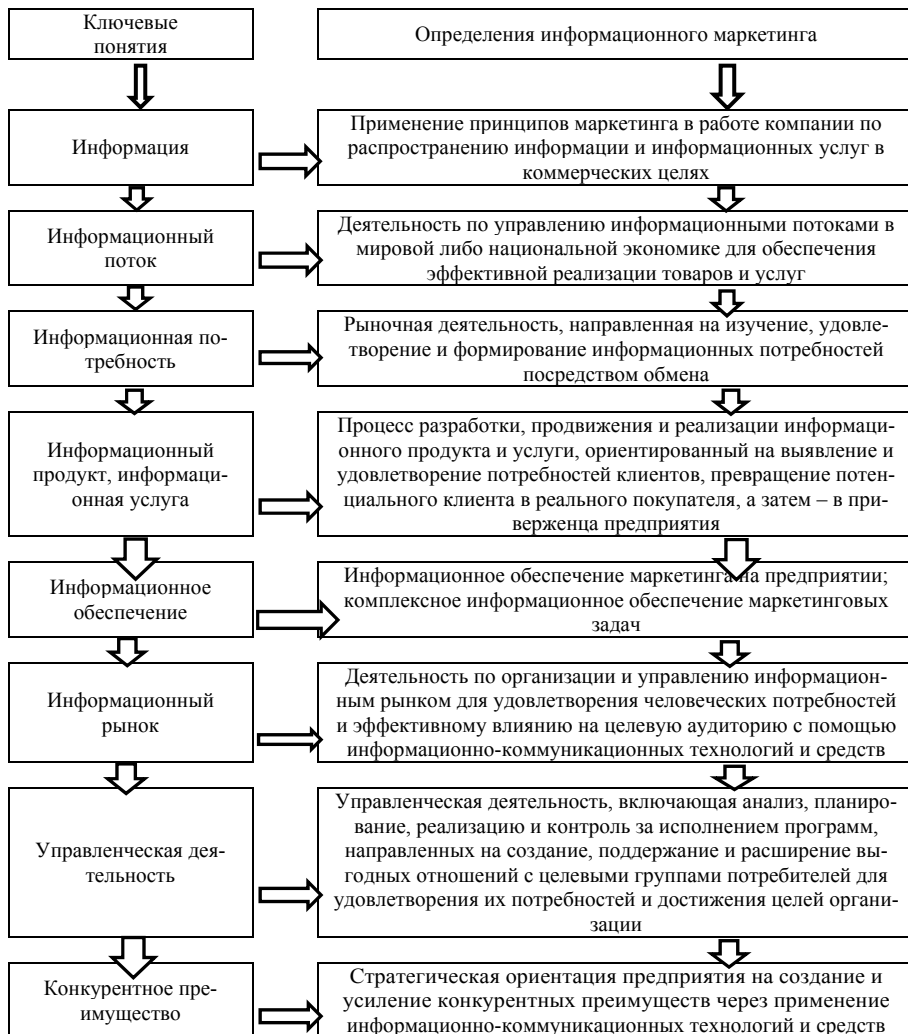

Рис. 1. Сущность и ключевые понятия информационного маркетинга

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что информационный маркетинг представляет собой неоднозначное явление, сложное и многогранное. Его трактуют неоднозначно. Например, как деятельность по организации и управлению информационным рынком для удовлетворения человеческих потребностей и эффективному влиянию на целевую аудиторию с помощью информационно-коммуникационных технологий и средств [3]; комплексное информационное обеспечение решаемых маркетинговых задач; маркетинговую деятельность, осуществляемую в процессе оказания информационных услуг и др.

В информационном маркетинге основным объектом маркетинговых решений является информационный продукт/услуга [1]. При этом под информационным продуктом понимается совокупность информации, собираемой, сохраняемой и упорядочиваемой для дальнейшего распространения и использования; под информационной услугой – услуги, предоставляемые клиентам с помощью информационных технологий.

Основную задачу информационного маркетинга (обеспечение конкурентоспособности предприятия в цифровой среде и его адаптации к происходящим под влиянием новых технологий изменениям) можно дополнить задачами:

- разностороннего изучения рынка, потребностей и предпочтений потребителей;
- анализа информационного рынка и оценки рыночного спроса;
- приспособления предложения информационных продуктов, программ и услуг к требованиям информационного рынка;
- генерации новых предложений с учетом появившихся новых информационно-коммуникативных технологий, а также внедрения инноваций, обеспечивающих повышение ценности информационного продукта/услуги в глазах реальных и потенциальных потребителей;
- разработки ценовой политики в отношении информационного продукта/услуги;
- установления взаимоотношений между производителями баз данных и конечными пользователями;
- формирования системы продвижения информационных продуктов/услуг на рынок;
- целенаправленного воздействия на информационный рынок.

Потенциал информационного маркетинга как неотъемлемой части конкурентного потенциала предприятия высок, возможности информационного обеспечения маркетинговых задач и решений колоссальны. Использование информационно-коммуникационных технологий и возможностей глобальной сети позволяет изучать рынок, формировать и сохранять его, целенаправленно и системно воздействовать на него, продвигать продукцию на рынок товаров и информационных услуг независимо от условий пространства, времени, территориальных границ, политических запретов и других факторов. Этот высокий потенциал развития сохраняется, несмотря на то

что рынок информационных продуктов и услуг неустойчив (каждые 2–3 года, а иногда и чаще, разрабатываются и внедряются новые технологии). Сформировавшийся к настоящему времени он представляет собой совокупность экономических, правовых и организационных отношений по продаже и покупке информационных услуг, опосредуемых рыночными субъектами, складывающихся между их поставщиками и потребителями.

Инструментами информационного маркетинга являются традиционные элементы комплекса маркетинга (4P): продукт, цена, место, продвижение. Благодаря правильной комбинации инструментов можно построить маркетинговую стратегию, которая будет постоянно развиваться, позволяя выстраивать и углублять многоканальную коммуникацию как с потребителем, так и с партнерами, что, в свою очередь будет способствовать реализации концепции устойчивого маркетинга [5, с. 8].

Комплекс информационного маркетинга разрабатывается на основании результатов маркетинговых исследований, которые обеспечивают получение необходимой информации о макро– и микросреде, информационном рынке и собственных возможностях. Свойством его комплекса является управляемость элементов: маркетолог может управлять каждым элементом (конкурентоспособностью информационного продукта и информационной услуги, их жизненным циклом, ценой, продвижением, др.), выбирать наиболее перспективные комбинации элементов комплекса «4P» с целью оказания требуемого воздействия на спрос и процесс его формирования.

Таким образом, наличие информации, пусть конкурентоспособной или даже уникальной, а также владение современными информационно-коммуникативными технологиями, не гарантирует ее успешной продажи. Для этого необходимо системное проведение маркетинговых мероприятий. Они направлены на потребителя и его потребности. Центральная идея, заложенная в теории и практике маркетинга, заключается в подчинении производства и распределения товаров и услуг интересам потребителя. Эта же идея лежит в основе информационного маркетинга.

Информационный маркетинг в современных конкурентных условиях развивается вместе с потребителями. Если интернет-технологии становятся частью его жизни и инструментом покупки, то и предприятия должны использовать его потенциал для своего бизнеса, создавая условия интерактивности маркетинговой деятельности. Пути ее трансформации и совершенствования в современных условиях цифровой экономики, характеризующейся ее виртуальностью, персонифицированностью, зависимостью от телекоммуникационных сетей и компьютерной техники, являются разработка средств программного обеспечения и автоматизации маркетинговой деятельности [6], мониторинг конкурентной среды, организация взаимодействия с потребителями в цифровой среде на основе анализа их поведения, выявления и удовлетворения их потребностей, обеспечения обратной связи с ними.

Список литературы

1. Акулич М. В. Интернет-маркетинг : учеб. для бакалавров. М. : Дашков и К, 2019. 352 с.
2. Богданова Е. Л. Информационный маркетинг : учеб. пособие. М. : Альфа, 2010. 176 с.
3. Дрок П. В. Информационный маркетинг в контексте развития информационных технологий // Экономический вестник университета : сб. науч. тр. ученых и аспирантов. 2016. Вып. 31/1. С. 46–50.
4. Ипатова С. А., Кузьмич А. В., Лактюшина О. В. Маркетинговая деятельность предприятия в условиях цифровой экономики // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 30 нояб. 2018 г. Брянск : Брян. гос. инженер.-технол. ун-т, 2018. С. 197–200.
5. Красюк И. А., Кольган М. В. Направления и формы организации маркетинга в условиях цифровизации // Практический маркетинг. 2019. № 8 (270). С. 4–9.
6. Рожков И. В. Информационные системы и технологии в маркетинге : монография. М. : Русайнс, 2020. 197 с.
7. Сафрончук М. В. Влияние цифровой трансформации на бизнес и деловую среду // Экономика и управление: вопросы, решения. 2018. Т. 3, № 2. С. 38–44.
8. Юшаева Р. С. -Э., Мамакаев Т. У. -Х. Цифровая экономика: понятие, перспективы и тенденции развития в России // Роль цифровой экономики в укреплении экономической безопасности страны : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала : АЛЕФ, 2019. С. 176–180.

УДК 659

ББК 656

Л. Ю. Александрова, Чебоксары

Страховой рынок в условиях развития цифровой экономики

Показано, что ускорившиеся темпы развития цифровой экономики открывают новые возможности повышения эффективности функционирования страхового рынка. Раскрыта актуальность вопросов цифровизации экономики и ее влияния на развитие рынка страхования. Выявлены его особенности и функции. Намечены перспективы развития страхового рынка. Обозначены тенденции, стимулирующие развитие электронных цифровых технологий в деятельности страховых организаций.

Ключевые слова: страхование, страховой рынок, цифровая экономика, развитие экономики, информационно-коммуникационные технологии.

L. Y. Alexandrova, Cheboksary

The insurance market in the context of the development of the digital economy

The accelerated pace of development of the digital economy opens up new opportunities to improve the efficiency of the insurance market. The article reveals the relevance of the issues of digitalization of the economy and its impact on the development of the insurance market. Its features and functions are revealed. The prospects for the development of the insurance market are outlined. The trends that stimulate the development of electronic digital technologies in the activities of insurance organizations are outlined.

Keywords: insurance, insurance market, digital economy, economic development, information and communication technologies.

Страхование в современных рыночных условиях остается особым звеном финансово-кредитной системы. Оно выступает, во-первых, средством

защиты бизнеса и благосостояния людей (страховщика), позволяющим работать и жить в стабильной обстановке; во-вторых, коммерческой деятельностью, приносящей прибыль (для страхователя).

Решая экономические задачи по обеспечению передачи рисков и возмещению убытков, он способствует финансовой стабильности субъектов хозяйствования, мобилизации их сбережений, а также эффективному распределению капитала [5]. В свою очередь социально ответственное поведение может принести страховым компаниям выгоды: укрепит репутацию и имидж страховой компании; повысит качество управления страховым бизнесом (повышение производительности труда персонала, сокращение операционных затрат, увеличение продаж и рост лояльности страхователей); повысит инвестиционную привлекательность компании (улучшение финансовых показателей ее деятельности).

Наличие общественной потребности на страховые услуги страховщиков, способных их удовлетворить, является обязательным условием развития страхового рынка. Он является:

– частью финансовой индустрии страны и составляющей финансового рынка, на котором предлагаются услуги по страхованию;

– сегментом финансового рынка, на котором формируется спрос и предложение на страховые услуги, соответствующие им финансовые потоки, которыми в той или иной степени пользуются население и нефинансовые компании, банки и государственные органы;

– специфическим видом рынка товаров и услуг, на котором развиваются товарно-денежные отношения, осуществляются сделки между продавцом и покупателем по поводу особого товара (страхового продукта/услуги). Перечень видов страхования, которым может воспользоваться страхователь, представляет собой ассортимент страхового рынка;

– интегрированной системой, структура которой формируется из страховых организаций и посредников, страхователей и профессиональных оценщиков, страховых продуктов и др. ; интегрированной системой экономических отношений между различными институтами – страховщиками (страховыми компаниями) и их объединениями, страхователями и государством, осуществляющим страховой надзор и контроль;

– многофакторной динамической системой, состоящей из взаимосвязанных экономических элементов, субъектов рынка и отдельных групп участников;

– особой социально-экономической средой, где объектом купли-продажи выступает страховая защита;

– определенной сферой развития экономических отношений, «переплетения» личных, групповых и коллективных отношений, затрагивающих процесс формирования и использования страхового фонда.

Страховой рынок определяется потребностью физических и юридических лиц в страховании и готовностью заплатить определённую денежную сумму за страховую гарантию. Именно поэтому возникает страховые ком-

пании (первичное звено страхового рынка), разрабатывающие страховые предложения под определённые запросы потенциальных клиентов. Повышение их финансовой устойчивости является важной задачей развития страхового рынка. Решение обозначенной задачи усложняется тем, что функционирование рынка страхования (оно направлено на удовлетворение общественно значимой потребности – обеспечение безопасности и защиты экономических субъектов от неблагоприятных событий, рисков, связанных с неопределенностью и асимметричностью информации) может осуществляться в рамках финансовой системы страны как на партнерской, так и на конкурентной основе.

Страховой рынок выполняет ряд взаимосвязанных функций, определяющих ее роль в развитии цифровой экономики (табл.).

Таблица

Функции и роль страхового рынка

Функции страхового рынка и их содержание	Роль страхового рынка в развитии цифровой экономики
Компенсационная – обеспечение страховой защиты юридических и физических лиц в форме возмещения ущерба при наступлении неблагоприятных событий	Стимулирующая – создание стимулирующих условий ведения страхового бизнеса, стимулирование интереса к страхованию и страховому продукту, развитие страховой культуры
Накопительная – обеспечение страхования жизни обусловленной договором страховой суммы	Мотивационная – повышение мотивации коммерческой деятельности, мотивационного потенциала субъектов страхового рынка
Предупредительная – предупреждение страхового случая и уменьшение ущерба, заинтересованность страховых компаний в минимизации страховых случаев	Защитная – защита субъектов страхового рынка, их деятельности от неблагоприятных последствий рисков, возмещение убытков (потерь) от них
Инвестиционная – размещение временно свободных средств в ценные бумаги, депозиты банков, недвижимость	Инновационная – внедрение прогрессивных инноваций, инновационное развитие страховой сферы, продвижение инновационных страховых продуктов

Например, инвестиционная функция страхового рынка реализуется через размещение временно свободных средств в ценные бумаги, депозиты банков, недвижимость. Роль инвестиционной функции возрастает с развитием страхового рынка. Факторами его развития являются состояние экономики, уровень благосостояния и страховой культуры населения, страховое и налоговое законодательство, государственная политика в области страхования.

«Проникая» в экономику, страхование как деятельность по компенсации полученного ущерба в случае наступления страхового случая, решает задачи:

- увеличения инвестиционного потенциала страны, создания значимых инвестиционных ресурсов в международном масштабе и в рамках национальных экономик;

- устойчивого притока долгосрочных вложений, использования денежных потоков на территории конкретного региона;
- создания благоприятных условий для повышения уровня социальной защиты населения при снижении финансовой нагрузки на государственный и местные бюджеты;
- передачи рисков и возмещения убытков, обеспечения финансовой стабильности субъектов хозяйствования, мобилизации их сбережений [5];
- повышения безопасности производственной деятельности и охраны труда персонала.

Важным аспектом повышения востребованности страховых услуг юридическими лицами является совершенствование законодательного регулирования в части устранения излишних ограничений на учет в целях налогообложения прибыли организаций расходов по добровольному страхованию, возникающих в ходе хозяйственной деятельности.

Согласно данным, полученным в результате социального опроса, проведенного Romir, КРОС и ВСС, основными причинами отказа от покупки страхового полиса являются нехватка денег (29 % случаев), отсутствие потребности в страховании (27 %) и недоверие к страховым организациям (20 %). При этом 14 % респондентов попадали в ситуации, когда им предлагалось купить «с рук» полис ОСАГО, 9 % после ДТП предлагалось выкупить убыток по договору цессии, 7 % предлагалось подстроить страховой случай, чтобы обмануть страховую организацию [7, с. 178].

В настоящее время разрабатываются различные механизмы привлечения физических и юридических лиц путем диверсификации страховых продуктов, реализацией гибкой ценовой политики на страховые продукты/услуги. В ближайшей перспективе планируется стимулирование спроса населения на них. В 2021 г. страховой рынок вырастет на 7–9 % до 1,65 трлн руб., прогнозируют в «Эксперт РА». Это базовый сценарий, согласно которому рынок будет расти умеренными темпами (рис. 1).

Рис. 1. Динамика развития российского страхового рынка [4]

Лидером роста вновь станет страхование жизни: темпы прироста премий в 2021 г. составят 20–25 % [4].

Таким образом, страховые компании и их страховая деятельность являются необходимой частью любой экономической системы. Преобразование мировой экономики на основе цифровых технологий, становление и развитие цифровой экономики меняет роль и место страхования в системе экономических отношений. Пандемия стала дополнительным «толчком» ускоренной цифровизации этой сферы жизни. Сложившаяся ситуация говорит о том, что роль продажи услуг на страховом рынке через сеть Интернет существенно повышается, но несмотря на это, в целом наблюдается снижение доли услуг, которые продаются без посредников [3, с. 46].

Многие страховые компании параллельно с ведением основного вида бизнеса развивают онлайн-продажи, обеспечивают оборудование удаленных рабочих мест, адаптируют бизнес-процессы под цифровой формат. Они ставят и успешно решают задачи автоматизации сквозных процессов и использования цифровых инструментов, что ведет:

- к усилению взаимодействия с существующими каналами продаж и расширению доступа к новым;
- разработке и адаптации новых страховых продуктов,
- ускорению их вывода на рынок;
- повышению качества клиентского опыта на всех стадиях процесса страхования;
- обеспечению доступности страхового продукта/услуги для потребителей (соблюдается принцип «в любое время, в любом месте»);
- индивидуализации предложения для клиентов (предоставляется максимально индивидуальный «справедливый» тариф для страхователей в удобной для них форме);
- персонализации взаимодействий страховщика и страхователя по низким ценам.

В результате того, что клиентам предлагаются уникальные страховые продукты и услуги, разработанные с учетом потребительских предпочтений, отношения между страховщиками и страхователями становятся более тесными и доверительными. Данных субъектов страхового рынка «приближают» мобильные технологии, ведущие к «дезинтермедиации» – новой прямой бизнес-модели, исключаящей посредников.

Например, «Ингосстрах» сделал ставку на обеспечение комфортного и безопасного взаимодействия со страхователями: располагает эффективными онлайн-каналами взаимодействия с клиентами – функционал сайта и мобильного приложения IngoMobile обеспечивают доступ к большинству необходимых операций по страхованию клиентов [2].

Его страховые продукты и сервисы претерпели изменения: клиентам предложена оплата полисов каско в рассрочку; акция «Оставайся с нами» предусматривает особые условия заключения договора каско для аккурат-

ных водителей (клиент, не имеющий страховых случаев за прошлый период страхования, может получить до 20 % стоимости полиса в виде баллов программы лояльности; эти баллы можно в дальнейшем потратить на приобретение полисов добровольного страхования) и др. География заявления о страховых случаях по ОСАГО распространена на все регионы присутствия компании. Кроме того, увеличено количество регионов, жители которых могут урегулировать страховой случай по каско в IngoMobile: помимо Москвы и Московской области в список вошли еще 15 городов [2].

Для сохранения своей деятельности и повышения ее эффективности компании решают задачи трансформации бизнес-процессов в онлайн и повышения качества предоставления страховых услуг. Вопросы цифровизации экономики и ее влияния на развитие страхового рынка являются, как видим актуальными и решаемыми.

В цифровую «палитру» вовлекается не только крупный бизнес, но и средние, малые предприятия; цифровой разрыв между ними преодолевается. Цифровые преобразования изменяют методы, при помощи которых страховщики работают со страхователями. Основное направление таких преобразований – переориентация деятельности страховщика от «слепого» развития продуктовой линейки к ориентации на потребителя. При этом для анализа поведения потребителей используются технологии с элементами искусственного интеллекта, большие данные (big data) и аналитика. Они предоставляют информацию для быстрого реагирования на изменения потребностей потенциальных страхователей [1, с. 27].

По мнению экспертов, в настоящее время обозначились тенденции, стимулирующие развитие электронных цифровых технологий в деятельности страховых организаций: низкая маржинальность финансовых услуг, что требует ряда мероприятий по сокращению издержек; увеличение проникновения финансовых услуг за счет их цифровизации [3]. Развитие цифровых технологий на страховом рынке, на наш взгляд, будет расширяться, формируя новую логику работы и новый облик страхового бизнеса. Страховой рынок как стратегический фактор эффективного функционирования и успешного развития экономических отношений в стране позволяет решать проблемы социального и экономического характера [6, с. 141]. Он начинает выступать в роли драйвера цифровизации и фактора развития цифровой экономики.

Список литературы

1. Белозеров С. А. Тенденции развития страхования в условиях цифровой экономики // Страхование в эпоху цифровой экономики: проблемы и перспективы : сб. тр. XIX Междунар. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 5–7 июня 2018 г. В 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола : Изд-во Марийск. гос. ун-та, 2017. С. 23–27.
2. Будущее страхового рынка за цифровизацией: пандемия это доказала. URL: www.plus.rbc.ru/news/5eef4a287a8aa9d9bea95e939/ (дата обращения: 02.09.2021).
3. Лоскутова М. А. Развитие страхового рынка в условиях цифровизации и консолидации // Учет. Анализ. Аудит. 2020. Т. 7, № 5. С. 44–55.
4. Носков Е. Возвращение к жизни // Российская газета. 2020. № 296 (8350).

5. Повалий А. С. Тенденции развития мирового рынка страховых услуг // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 1. С. 33–35.

6. Полянин А. В., Долгова С. А., Базарнова О. А. Тенденции и перспективы развития страхового рынка в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1. С. 141–150.

7. Прокопьева Е. Л. Современный страховой рынок России: проблемы и потенциал развития // Финансы и кредит. 2019. Т. 25, № 1 (781). С. 177–195.

УДК 336.74

ББК 65.74

К. А. Ларионова, *Иркутск*

Зарубежный опыт развития сетевых взаимодействий в интеграции экономики

Исследуются вопросы развития сетевых взаимодействий в интеграции экономики зарубежных стран. Рассмотрены этапы кластеризации экономик иностранных государств через развитие сетевых взаимодействий и совершенствования интеграционных процессов в их экономической политике.

Ключевые слова: сетевые взаимодействия, интеграция экономики, кластеризация.

K. A. Larionova, *Irkutsk*

Foreign experience in the development of network interactions in the integration of the economy

The article examines the issues of the development of network interactions in the integration of the economy of foreign countries. The author considers the stages of clustering of the economies of foreign states through the development of network interactions and the improvement of integration processes in their economic policy.

Keywords: network interactions, economic integration, clustering.

Сетевые взаимодействия в глобальной экономике стали развиваться не так давно. На их бурное развитие в настоящее время повлияла, с одной стороны, научно-техническая революция, с другой стороны, глобализация экономики в целом. По мнению многих авторов, при совместном использовании знаний и производственных мощностей всех участников экономики, возникает синергетический эффект, который способствует повышению конкурентных преимуществ общества в целом.

Благодаря взаимовыгодному союзу бизнеса, науки и государства достигается синергетический эффект развития всех форм участников сетевого взаимодействия и одновременно повышения качества жизни территории. Уже сейчас мировой опыт свидетельствует, что использование сетевизации экономических структур обладает большим потенциалом и позволяет укрепить конкурентоспособность территорий, сделать ее более инвестиционно-привлекательной, стимулировать развитие отраслей промышленности и улучшить состояние инфраструктуры и условий жизни населения.

История развития сетевых взаимодействий в интеграции экономики западных стран берет свое начало в 1970-х и связана с процессом массовой

глобализации и информационно-технологической революции. В этот промежуток времени в США произошло радикальное изменение модели организации производства, рынок перестроился на «постфордизм», который предполагает переориентацию фирм на мелкосерийный выпуск широкого ассортимента товаров, постоянно модифицируемых с учетом запроса потребителей.

Со временем начали формироваться устойчивые бренды, потребители стали задумываться о природе происхождения товаров, что существенно влияло на потребительское решение, спрос на товары из разных регионов и стран стал различаться в зависимости от ассоциаций потребителей, это привело к неравномерности развития отдельных регионов, что потребовало внедрения новых инструментов для уменьшения диспропорций в экономике отдельных районов. Первым успешным экспериментом по внедрению сетевого похода стала американская Силиконовая Долина (IT-технологии), опыт которой быстро захватил Европу.

В настоящее время такие страны как Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия практически перешли к полной кластеризации промышленной сферы, основанной на сетевых взаимодействиях в интеграции экономики, в химической и машиностроительной отраслях одними из лучших считаются кластеры Германии, Франция может поделиться богатым опытом кластеризации производства косметики и продуктов питания, в США большинство кластеров многоотраслевые, считается, что в японских кластерах предприятия ведут самую жесткую конкурентную борьбу.

Мировая практика показывает, что большинство стран активно применяют практику развития сетевых взаимодействий в интеграции экономики, каждая из них имеет свои особенности, чаще всего связанные с государственной политикой.

Примеры развития сетевой экономической политики столь многочисленны, что невозможно выделить единую модель их создания, чаще всего исследователи разделяют мировую практику на четыре модели:

1) северо-американская – минимальное вмешательство государства, высокий уровень кооперации научных и производственных организаций;

2) французско-японская модель – внутри больших технополисов располагаются другие объекты инновационной инфраструктуры, государство оказывает активную поддержку, участники кластера привлекают зарубежных инвесторов;

3) скандинавская модель – создаются небольшие парки, призванные в первую очередь реализовать национальные программы развития;

4) европейская модель – зиждется на модернизации производства и создании новых рабочих мест, государство взаимодействует с бизнесом без прямого влияния [1].

Органы власти США не придерживаются какой-либо политики, направленной на стимулирование формирования сетевых взаимодействий в экономике, федеральное правительство вовсе не имеет права напрямую

вмешиваться в деятельность отдельных штатов. Государственная поддержка заключается в субсидировании таких важных сфер как образование, научно-исследовательская деятельность и развитие конкуренции. В штатах весьма популярна кластеризация регионов при реализации стратегий социально-экономического развития региона. В Канаде также нет единой федеральной программы развития кластеров, но канадское правительство занимается разработкой правил по реализации кластерных проектов, а также оказывает консалтинговые услуги [2].

Чили является одним из крупнейших экспортеров вина, многие программы продвижения продукции стали успешными за счет тесного взаимодействия государства и общественников – ассоциаций виноделов, входящих в состав кластеров. Например, Чилийская корпорация вина выступает посредником между правительством и предпринимателями, она согласует правила и стандарты, занимается исследованием рынка, проводит курсы повышения квалификации, а также принимает участие в разработке новых технологий.

Университеты Чили готовят специалистов по всем направлениям виноделия, есть программы биоинформатики и постдипломного образования. Министерством сельского хозяйства Чили учрежден Фонд инноваций, ProChile – агентство развития и стимулирования экспорта занимается пропагандой брендов за рубежом. Государством поддерживаются проекты, направленные на развитие хозяйств, занимающихся туризмом и предоставляющих возможность ознакомиться с виноградниками. Поставщики и подрядчики делают упор на качество и экологичность поставляемых материалов, оборудования и удобрений. Ядро кластера составляют группы доминирующих винодельческих хозяйств, производящих до 45 % продукции. Интересы небольших производителей защищает не только государство, но и общественные организации [3].

Процесс развития сетевых взаимодействий в интеграции экономики стран Европы обладает рядом особенностей, основными из них являются: акцент на развитие высокотехнологичных производств; государственная поддержка только наиболее перспективных кластеров; финансовая помощь оказывается малым и средним предприятиям; за развитие кластеров отвечают несколько ведомств. Реализацией кластерных программ в Европе заинтересованы не только отдельные страны, но и Европейский союз в целом – для этого создано несколько организаций, оказывающих всестороннюю поддержку развивающимся кластерам (например, European Cluster Alliance, European Cluster Policy Group) [1].

В Германии поддержка со стороны государства проявляется только в выработке четких критериев для членов – «сетей компетенций» и в помощи по выстраиванию кооперативного характера взаимодействий. Союз немецких инженеров – один из основных органов, ответственных за развитие кластеров, занимается экспертизой соответствия сетей компетенций системе критериев; на федеральных землях наиболее часто встречаются кластеры энергетики, авиастроения и транспорта.

Ведущая роль в Германии уделяется научно-исследовательским учреждениям, благодаря их успешной инновационной деятельности, на территории страны сосредоточены высокотехнологичные кластеры. Мюнхен в первую очередь славится компанией BMW, кластерная организация бизнеса позволила ей стать одной из первых в автомобилестроении, в производство вовлечены учреждения инноваций, исследовательские центры, к работе активно привлекаются зарубежные специалисты. В Гамбурге инновационные предприятия скооперировались для работы в сфере телекоммуникаций, а Дрезден стал центром по производству микросхем и компьютеров.

В Японии создание сетевых взаимодействий в интеграции экономики закреплено законодательно, оно заключается в образовании местной промышленности, использующей инновации и разработки региональных научных центров.

Обычно в состав японского кластера входит главное предприятие, которое заключает долгосрочный договор с небольшими поставщиками, этим они похожи на российские. Научные и образовательные организации входят в состав только инновационных кластеров, при этом их не всегда объединяет общая территория (например, парк Китакусю включает в себя зарубежные исследовательские институты).

Самые известные кластеры расположены на острове Хоккайдо, они специализируются на радио- и телекоммуникациях, строительстве, безопасности и медицинском оборудовании. Благодаря мощнейшей исследовательской основе предприятия активно внедряют разработки университетов в сфере биоинформатики, робототехники и наноматериалов, более 90 % НИОКР кластеры финансируют самостоятельно. Политика государства сосредоточена на финансовой поддержке (субсидии и гранты) и на стимулировании развития науки и ее сетевом взаимодействии с промышленностью и экономикой

Таким образом, развитие сетевых взаимодействий в интеграции экономики является локомотивом экономического роста регионов и эффективным инструментом для внедрения инноваций и повышения конкурентоспособности компаний. Кластерная политика государства включает в себя различные финансовые и нематериальные механизмы поддержки, призванные обеспечить стабильное развитие таких структур. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что совершенствование сетевых взаимодействий в интеграции экономики является перспективным и эффективным направлением развития территориальной экономики.

Список литературы

1. Глубокий А., Акулич М. Сетевые взаимодействия в экономике. Екатеринбург : Издат. решения, 2021. 112 с.
2. Дубровская Ю. В., Козоногова Е. В. Анализ особенностей кластеризации экономики на основе мирового опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 2. С. 45–78.
3. Кузнецова Н. В., Воробьева Н. А. Зарубежный опыт развития сетевой экономики // Владивосток: Экономика науки. 2020. № 1. С. 33–54.

УДК 330.3
ББК 65.050

Н. В. Москвитина, *Иркутск*

Влияние пандемии как фактора развития цифровизации бизнеса

Раскрыты основные проблемы малого бизнеса в условиях пандемии. Обобщены негативные стороны влияния пандемии на развитие бизнеса. Определены факторы развития цифровизации бизнеса. Приведен SWOT-анализ развития бизнеса в условиях пандемии в РФ. Сформулированы меры господдержки бизнеса

Ключевые слова: бизнес, цифровизация, пандемия, меры государственной поддержки

N. V. Moskvitina, *Irkutsk*

The impact of the pandemic as a factor in the development of business digitalization

The article reveals the main problems of small business in the context of a pandemic. The negative aspects of the pandemic's impact on business development are summarized. The factors of business digitalization development are determined. The SWOT analysis of business development in the conditions of a pandemic in the Russian Federation is given. Measures of state support of business are formulated

Keywords: business, digitalization, pandemic, government support measures

Пандемия коронавируса оказала большое влияние на развитие отраслей экономики России. Произошли серьезные изменения во всех ее сферах и отраслях. Большое влияние пандемия коронавируса оказала и на цифровую трансформацию бизнеса.

Финансирование бюджета на развитие цифровой экономики в России составит до 2024 г. 1,8 трлн. руб. в рамках Национального проекта «Цифровая экономика РФ»

В настоящее время Российский бизнес тратит на цифровую трансформацию от 3 до 10 % выручки в год. Срок окупаемости этих инвестиций составляет от одного года до пяти лет. Одновременно 34 % компаний отмечают сокращение трудозатрат, 30 % компаний наблюдают повышение эффективности бизнес-процессов, рост рентабельности продукции наблюдают 16 % компаний.

Можно выделить негативные моменты влияния пандемии COVID-19 на развитие бизнеса, но при этом и появились новые возможности и преимущества.

Негативные стороны влияния пандемии на развитие бизнеса:

1. Третья часть российских компаний за первую половину 2020 г. понесла убытков более 1,5 млрд руб. Почти половина представителей бизнеса заявляют о снижении спроса на их продукцию и услуги [5].

2. Выросли расходы на цифровую трансформацию бизнеса в 2020–2021 гг. По данным исследований, данный показатель роста расходов составил 10,4 %. Наиболее пострадали ресторанный бизнес, туризм, индустрия развлечений и пассажироперевозки.

3. В условиях снижения спроса и перевода части сотрудников на удаленный режим работы представители бизнеса вынуждены были в краткосрочный период трансформировать внутренние процессы, чтобы остаться на рынке и осуществить цифровизацию процессов для повышения внутренней эффективности.

4. Трудности цифровизации бизнес-процессов из-за дефицита финансовых ресурсов и нехватки квалифицированных сотрудников, особенно в малом и среднем бизнесе.

5. Негативные изменения на рынке труда: рост безработицы, изменение структуры занятости, недостаточность квалификации[4].

6. Трудности с освоением новых технологий.

Но несмотря на негативные последствия пандемии, можно выделить ряд факторов развития цифровизации бизнеса:

1. Пандемия послужила фактором процессов развития процессов цифровизации корпоративного и государственного сектора экономики. Так, 57 % представителей бизнеса отмечают, что пандемия способствовала ускорению цифровизации внутри компаний, 38 % компаний заявляют об изменениях в культуре управления и корпоративной культуре, 29 % компаний отмечают о устранении неэффективных процессов, отделов и регламентов.

2. В госсекторе ускорилась цифровизация процессов управления[1],[3].

3. Развитие ИТ-сектора и интернет-торговли в бизнесе[4].

4. Выделилась доля оптимистично настроенных представителей бизнеса в условиях пандемии, позитивно относящихся к развитию науки и технологий – как к возможности для бизнеса и цифровизации компаний.

5. Повышение роли образования и самообразования в цифровом формате, получение новых профессий и их развитие

6. Переход от точечной к комплексной цифровой трансформации бизнеса.

Таблица

SWOT-анализ развития бизнеса в условиях пандемии в РФ

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
1. Развитие цифровизации. 2. Ускорение темпов цифровизации управления 3. Развитие ИТ-сектора и интернет-торговли 4. Позитивный настрой бизнеса на развитие 5. Повышение роли образования	1. Снижение спроса на продукцию и услуги и убытки 2. Рост расходов на трансформацию бизнеса 3. Трансформация внутренних процессов 4. Трудности цифровизации 5. Негативные изменения на рынке труда 6. Сложность освоения новых технологий
Возможности (O)	Угрозы (T)
1. Повышение роли образования в онлайн-формате 2. Реструктуризация бизнес процессов 3. Приспособление к новым условиям 4. Переход к комплексной цифровой трансформации	1. Недостаток финансовых ресурсов 2. Информационная безопасность бизнеса 3. Негативные изменения на рынке труда 4. Снижение уровня доходов

Для преодоления негативных последствий влияния пандемии, можно предложить ряд государственных мер для развития и поддержки малого бизнеса и цифровизации экономических процессов.

В качестве мер государственной поддержки бизнеса, которые помогут преодолеть барьеры развития бизнеса в РФ, в настоящее время можно выделить:

- разработку комплексной стратегии цифровизации бизнес-процессов;
- цифровизацию бизнес-процессов должна носить разумный и гуманный характер и учитывать потребности и нужды населения.
- усиление информационной безопасности бизнеса, развитие цифровой культуры и цифровых компетенций
- повышение квалификации в области цифровых технологий и доступность обучения для представителей малого и среднего бизнеса.
- построение цифровых моделей бизнеса, учитывающих специфику бизнеса в зависимости от размеров, отрасли, направлений.
- финансовую поддержку малых и средних предприятий, которые отстают по темпам цифровизации;
- адресную помощь компаниям, готовым меняться и оптимизировать внутренние бизнес-процессы в форме субсидий, льготных кредитов, грантов, бизнес-инкубаторы
- развитие компетенций для сотрудников бизнеса, руководителей цифровой грамотности;
- совершенствование нормативно-правового регулирования в области использования, хранения, обработки персональных данных;
- тесное сотрудничество государства с бизнесом в преодолении последствий пандемии, консультационная, нормативная, финансовая поддержка со стороны государства;
- развитие мобильного интернета в регионах и безопасности цифровизации бизнес-процессов.

Список литературы

1. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация» в сфере государственного управления // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. 20–23 сент. 2019 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во, 2019. С. 310–315.
2. Заварзина Ю. В., Батянова Л. Н. Государственное управление структурными преобразованиями в промышленности: цифровая экономика Китая // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: сб. науч. тр. Иркутск, 30 марта 2020 г. / под ред.: И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 96–100
3. Основы цифровизации государственного и муниципального управления учеб. пособие / О. А. Полюшкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 163 с.
4. Паньков В. Пандемия ускорила цифровизацию бизнеса. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f8f191f7a8aa930ddd3c511>

5. Цифровой поворот. Экономические последствия пандемии и новые стратегии. Исследование / П. М. Степанцов, В. В. Картавцев, М. М. Боде, Ю. А. Степанцова. URL: https://cdto.ranepa.ru/digital_turn_research

УДК 330.88
ББК 65.01

И. А. Савельев, *Санкт-Петербург*

Качественные методы исследований сетевой экономики: нонконформизм в мире Big Data Science

Статья посвящена наметившейся тенденции противопоставления сторонников качественного подхода в исследовании сетевой экономики количественным методам. Приводятся примеры научных работ, где авторы попытались исследовать экономическую реальность посредством самых разных изысканий: от идей Бодрийяра и до диалектической логики. Данные попытки подвергаются критическому анализу как неудачные попытки выйти за очерченные рамки «профильности» качественных методов изучения. Вместе с этим критикуется неправомерное пренебрежение некоторыми количественными исследованиями теоретико-методологических аспектов

Ключевые слова: сетевая экономика, диалектическая логика, Кастельс, количественные методы анализа

I. A. Saveliev, *St. Petersburg*

Qualitative research methods of the network economy: Non-conformism in the world of "Big data science"

The article is devoted to the emerging tendency of opposing the supporters of the qualitative approach in the study of the network economy to quantitative methods. The article examines examples of scientific works where the authors tried to investigate economic reality through a variety of studies: from the ideas of Baudrillard to dialectical logic. These attempts are subjected to critical analysis as unsuccessful attempts to go beyond the outlined framework of the "profile" of qualitative research methods. At the same time, the inappropriate neglect of some quantitative studies of theoretical and methodological aspects is criticized.

Keywords: network economy, dialectical logic, Castells, quantitative methods of analysis.

Вспоминая знаменитый в политической науке манифест в виде письма мистера «Perestroika» [4], иногда с сожалением приходится смотреть на соотношение качественных и количественных методов исследования в науке экономической. Если даже в политологии, где формулировкам тех или иных политических текстов может быть уделено целое направление в виде дискурс-анализа [8], появилось движение, ставящее целью обратить внимание на обозначенную проблему доминирования количественных исследований, то в еще более математизированной экономике эта проблема стоит еще более остро. Тем любопытнее взглянуть на то, как развивается направление качественных исследований в экономике во время расцвета «Big data science». Особенный интерес представляет предметное поле, условно закрепленное за Big data и остальными количественными методами. А именно – сетевая экономика.

И, конечно же, начинать данное исследование без упоминания патриарха в качественном (в смысле вышеупомянутой дихотомии) изучении сетевой экономики, интернет-экономики, «новой экономики» – М. Кастельса. Так, по его мнению, сам интернет, или Сеть (с большой буквы), – средство всемирного обмена информацией. Следовательно, новая экономика представляет собой всемирную сеть информационных и, как указывает автор, экономических взаимосвязей между участниками рынка [3]. Соответственно, можно поставить знак равенства между новой и глобальной, или глобализирующейся, экономикой, а термин «экономическая информация» становится одним из ключевых, используемых для характеристики новой экономики. Согласно распространенной точке зрения экономическую информацию можно свести к рыночной оценке товаров и услуг, рыночной стоимости компаний. Это ставит вопрос о феномене цены как важнейшего информационного сигнала.

Хотя, стоит отметить, что отечественные последователи М. Кастельса иногда удивляют экстравагантностью своих заявлений. Вот что пишет в своей статье доктор экономических наук Евгений Петрович Дятел: «Но не следует забывать, что сетевые экономики возникли задолго до интернета. Вспомним сеть ирригационных каналов в восточных деспотиях, сети храмов и монастырей, водоснабжения и канализации, радиовещания и многое другое. Их отличие от интернет-экономики в меньшей демократичности. Хотя в случаях, например, с электрическими сетями критерий равенства означает то же самое, что и в интернет-экономике – право потребителя вступать или не вступать в отношения прямой конкуренции с продавцом (поставщиком) товара или услуги» [2].

В воинствующем противопоставлении себя количественным методам приверженцы качественного подхода иногда добавляют в свои рассуждения не только М. Кастельса, но и Ж. Бодрийяра: «В современной экономической теории имеет место переосмысление общества и происходящие в нем процессов. В инфообществе практически все объекты принимают виртуальную форму: факторы производства, деньги, человеческие эмоции, чувства и т. д. [1, с. 214–218]. Формируются целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности из взаимодействий между физически разведенными позициями, которые занимают социальные ниши в экономических, политических и символических структурах общества. Пространство в условиях информационного общества выступает как материальная форма поддержания процессов, протекающих в нем и характеризующих его. Сеть уводит общество из-под национального и местного контроля в сторону доминирования глобального регулирования» [10].

Следующим любопытным новшеством в поиске новой теоретико-методологической базы можно выделить предпринимаю последние годы применить диалектическую логику к исследованию сетевой экономики [7]. Итоговой модификацией такого подхода стало скрещивание идей М. Кастельса и И. Валлерстайна, где сетью представлялась диалектически

противопоставленное единство стран ядра и периферии в мир-системе: «Дело в том, что неизменной оставалась тенденция к накоплению, концентрации и централизации капитала, лежащая в основе буржуазного способа производства. Централизация капитала в мировом масштабе приводит к формированию нескольких центров накопления, зачастую соперничающих между собой. Именно логика накопления и концентрации капитала ведет к тому, что он систематически перераспределяется в пользу мировых «лидеров». Даже резкий рост экономики на периферии не меняет положение дел радикальным образом. При известных обстоятельствах подъем производства в этих странах может даже ослабить их положение. Чем лучше страна работает, тем больше там возникает «свободный» или «избыточный» капитал, перераспределяющийся в пользу основных центров накопления. Конкретные формы международного разделения труда являются уже следствием этого глобального процесса. Эти формы меняются, а логика накопления остается» [6].

Впрочем, было бы несправедливо утверждать, что все направление качественных исследований в данной области основано на противопоставлениях и своеобразных кульбитов (разной степени правдоподобности) творческой мысли исследователей. Значительно более конструктивным примером представляется статья Р. П. Колосовой из МГУ им. Ломоносова и Т. А. Медведевой [5]. Качественные методы исследования органично сочетаются с количественными. Можно показаться банальным, но необходимо сказать, что именно качественные исследования позволяют сформулировать гипотезу, а количественные – проверить ее должным образом. Здесь тоже приводятся ссылки на Кастельса, но значительно более уместные и воспринимающиеся как «правила игры». Некое согласие с парадigmой для рассуждения на одном языке с читателем. В данном аспекте экономической науки труды Кастельса в пору можно называть теорией макроуровня.

Без подобной проработки гипотезы многие исследования уже количественного характера выглядят весьма скудно. Примером такой голой эмпирики можно привести статью Е. В. Логиновой [9]. Отсутствие четкой теоретико-методологической базы (в виде хотя бы даже того же Кастельса) ведет к отсутствию прозрачности исследования. Учитывая, что на приведенных упомянутым автором таблицах и рейтингах строятся далеко идущие выводы, ясность в отборе эмпирического материала, целеполагание тех или иных правил формирования рейтингов и единообразие в трактовках тех или иных терминов принципиально важны для убедительности самих выводов.

Таким образом, можно прийти к банальному, но от того не менее нужному выводу. Наметившаяся тенденция противопоставления сторонников качественного подхода количественным методам если не опасна, то во всяком случае вполне деструктивна. Современная экономическая наука нашла грамотный баланс в соотношении профильных сторон обоих подходов. Значительный перевес в сторону количественных исследований в свою очередь можно объяснить не такой частой необходимостью такой глобальной про-

цедуры как переосмысление парадигмы или структурная модификация какой-либо другой существующей макро-теории. Попытки посредством исключительно качественных методов исследовать экономическую реальность обречены на извечный околофилософский поиск принципиально новых веяний в парадигме. Таким образом, неконформизм всех подобных исследований неизбежно ограничен уже очерченными (и вполне очевидными) границами применимости качественного подхода. Ни Бодрийяр, ни Валлерстайн, ни даже Кастельс не способны заменить экономистам ее высочество госпожу Эмпирику в численном выражении. Хотя без них, а точнее без макро-теоретической и методологической базы, как было продемонстрировано, исследования экономистов и выглядели бы необычайно скудно.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999. 224 с.
2. Дятел Е. П. Новая сетевая экономика // *Journal of new economy*. 2008. № 1 (20). С. 135–148.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУВШЭ, 2000. 608 с.
4. Корюшкин А. И. Исторические и Актуальные импликации движения «Perestroika» в современной американской политической науке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2016. № 4. С. 23–33.
5. Колосова Р. П., Медведева Т. А. Социально-трудовые отношения в сетевой экономике // *Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика*. 2015. № 5. С. 89–103.
6. Кошкин А. В. *Горизонт диалектики*. СПб. Аврора, 2020. 176 с.
7. Кошкин А. В. Критический дискурс-анализ как образец политизированного подхода в современной науке // *Generation PP* : прил. к журн. «Публичная политика». 2021. Т. 1, № 4. С. 226–234.
8. Кошкин А. В. К вопросу о дискурсивном контент-анализе в сетевой экономике // *Актуальные проблемы современной экономики: от финансовых и социальных институтов к маркетингу* : сб. науч. работ мол. исслед. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Ин-т экономики и управления. СПб., 2018. С. 147–152
9. Логинова Е. В. Инновационные императивы сетевой экономики // *Финансы и кредит*. 2010. № 34 (418). С. 12–18.
10. Ряховский А. С. Социальные эффекты сетевой экономики // *Экономика и управление*. 2006. № 3. С. 16–20.

УДК 338.46
ББК 65.05

В. В. Сафонов, *Симферополь*

Экономическая оценка состояния цифрового развития сферы медицинских услуг

Представлены результаты экономического исследования состояния цифрового развития сферы медицинских услуг. Обоснована значимость изучения применения технологий искусственного интеллекта, электронных медицинских карт с точки зрения системного развития цифровой среды предоставления медицинских услуг. Проведена экономическая оценка применения технологий искусственного интеллекта, электронных медицинских карт в сфере предоставления медицинских услуг в субъектах Южного федерального округа. Подчеркнута перспективность разработки цифровой экосистемы развития медицинской информационной системы на региональном и муниципальном уровнях управления в Республике Крым.

Ключевые слова: экономика сферы услуг, медицинская услуга, цифровая среда, цифровые технологии.

V. V. Safonov, *Simferopol*

Economic assessment of the state of digital development of the sphere medical services

The results of an economic study of the state of digital development of the healthcare sector are presented. The importance of studying the use of artificial intelligence technologies, electronic medical records from the point of view of the systemic development of the digital environment for the provision of medical services has been substantiated. An economic assessment of the use of artificial intelligence technologies, electronic medical records in the provision of medical services in the subjects of the Southern Federal District has been carried out. The prospects of developing a digital ecosystem for the development of a medical information system at the regional and municipal levels of government in the Republic of Crimea are emphasized.

Keywords: service economy, healthcare, digital environment, digital technologies.

Отечественный и зарубежный опыт работы в условиях пандемии определил ряд трансформаций в сфере цифрового здравоохранения. Искусственный интеллект, телемедицина и электронный документооборот являются одними из ключевых направлений в здравоохранении в период постковида [3]. Значимость изучения данных направлений важна с точки зрения системного развития цифровой среды предоставления медицинских услуг.

Стратегическим императивом развития сферы медицинских услуг является системная цифровизация и повсеместное внедрение прорывных цифровых технологий в обеспечении выполнения Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части решения задач и достижения стратегических целей национальных проектов «Здравоохранение», «Цифровая экономика», «Демография» [2]. Необходимость формирования цифрового контура развития здравоохранения требует реализации последовательных мероприятий на интегративной основе.

Цифровизация здравоохранения, безусловно, должна повысить качество и доступность медицинской помощи. Развитие цифровой медицины реализуется в рамках федерального проекта «Создание единого цифрового кон-

тура здравоохранения на основе ЕГИСЗ». В структуру национального проекта «Здравоохранение» входит восемь федеральных проектов, на реализацию которых до 2024 г. предусмотрено более 1,7 трлн руб., из них на федеральный проект по цифровизации выделено около 10 %, т. е. 170 млрд руб. [1].

Согласно федеральному проекту «Цифровой регион» развитие цифровой медицины потребует затрат в размере 51 млрд руб. Отметим, что, в том числе, должны появиться региональная аналитическая 4П-платформа «Здоровье», сервисы удаленного контроля состояния пациента и удаленного предрейсового медицинского осмотра, платформа «Умная клиника» и система термометрии сотрудников непрерывно действующих производств [1]. Концепции «4П-медицина» подразумевает главные четыре составляющие: персонализация, предикция, превентивность и партисипативность. По предварительным расчетам переход на 4П-платформу требует финансирования в размере 12,78 млрд руб.

Рассмотрим особенности использования электронных медицинских карт в предоставлении медицинских услуг (табл. 1). Как свидетельствуют данные, объем использования электронных медицинских карт по России в целом и, в частности, в субъектах Южного федерального округа значительно увеличился в 2020 г., по сравнению с 2015 г.

Организация использования технологии искусственного интеллекта (AI) в предоставлении медицинских услуг в Республике Крым является актуальной задачей. Развитие здравоохранения региона характеризуется высоким уровнем дифференциации в загрузке коечного фонда в лечебно-профилактических учреждениях. Если в г. Симферополе загрузка коечного фонда стационаров осуществляется на уровне 140 %, то в городских больницах Красноперекоска, Армянска, Судака и других городских округах – загрузка коечного фонда стационаров находится на уровне 50 %.

Таблица 1

Использование электронных медицинских карт в предоставлении медицинских услуг, млн руб.

Регион	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
РФ	780	833	910	1 001	1 095	1 223
Москва	130	137	196	210	212	234
Санкт-Петербург	60	67	79	101	128	135
Расходы в субъектах ЮФО:	114	134	150	214	328	637
Краснодарский край	48	52	52	68	84	99
Ростовская область	17	21	19	24	28	37
Республика Адыгея	10	13	19	29	70	218
Республика Калмыкия	4	4	5	9	21	28
Волгоградская область	12	12	15	21	25	34
Астраханская область	12	14	14	17	19	27
Республика Крым	9	13	12	18	20	22
Севастополь	2	5	14	28	61	172

Источник: составлено автором на основе статических данных.

Отметим, что такая дифференциация обусловлена, прежде всего, острым дефицитом медицинских кадров в Республике Крым – врачей, среднего медицинского персонала. В условиях обеспечения потребностей лечебно-профилактических учреждений в высокотехнологическом дорогостоящем медицинском оборудовании и одновременно нехватки медицинских кадров внедрение технологий телемедицины с использованием информационных технологий является первоначально приоритетной задачей совершенствования развития организаций сферы медицинских услуг в регионе. В табл. 2 представлена динамика расходов на использование технологии искусственного интеллекта (AI) в предоставлении медицинских услуг.

Таблица 2

Использование технологии искусственного интеллекта (AI)
в предоставлении медицинских услуг, млн руб.

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Расходы в субъектах ЮФО:	0	0	1	6,4	4,3	7,3
Краснодарский край	0	0	0	1	0	0
Ростовская область	0	0	0	0,5	0	0
Республика Адыгея	0	0	0,5	0,9	1,3	3,3
Республика Калмыкия	0	0	0	0	0	0
Волгоградская область	0	0	0	0,5	1	0
Астраханская область	0	0	0	0	0	0
Республика Крым	0	0	0,5	3,5	2	4
Севастополь	0	0	0	0	0	0

Источник: составлено автором на основе статических данных

Принимая во внимание вышеизложенное, подчеркнем, что перспективой цифрового развития сферы медицинских услуг является внедрение использования технологий телемедицины и искусственного интеллекта при разработке цифровой экосистемы развития медицинской информационной системы на региональном и муниципальном уровнях управления.

Список литературы

1. Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратег. развитию и нац. проектам (протокол от 24 дек. 2018 г. № 16). URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie> (дата обращения: 05.01.2020).
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 16.05.2021).
3. Цифровое здравоохранение в эпоху постковида URL: <https://cipr.ru/> (дата обращения: 24.06.2021).

УДК 338:004
ББК 65.051

Ю. Д. Степанова, *Иркутск*

Цифровая экономика

В статье развивается мысль о том, что одной из насущных проблем является необходимость технологического прорыва. Решение данной стратегической задачи правительства этих стран видят в переходе к цифровой экономике посредством цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровые платформы, интегрирующих процессы, цифровые сервисные экосистемы, интернет вещей, искусственный интеллект, робототехника, дроны, 3D-принтеры, дополненная и виртуальная реальность, блокчейн.

Y. D. Stepanova, *Irkutsk*

Digital economy

This article develops the idea that one of the pressing problems is the need for a technological breakthrough. The governments of these countries see the solution to this strategic task in the transition to a digital economy through digitalization.

Keywords: digitalization, digital economy, digital platforms integrating processes, digital service ecosystems, internet of things, artificial intelligence, robotics, drones, 3D printers, augmented and virtual reality, blockchain.

Цифровизация мировой экономики интересует не только предпринимателей, ученых, исследователей и политиков, международные компании, но и обычных граждан. По данным Всероссийского опроса GfK, к 01.01.2019 аудитория интернет-пользователей в России среди населения старше 16 лет составила 90 млн чел., что на 3 млн чел. больше, чем в 2017 г., и достигла 75,4 % взрослого населения страны [1]. А за 2019 г. число пользователей старше 16 лет выросло до 94,4 млн чел., что соответствует 79,8 % взрослого населения страны [7].

Цифровая экономика стала актуальным трендом развития современного общества и всех сфер жизнедеятельности граждан. Формирование глобального цифрового пространства связано с обеспечением технологического лидерства государств и субъектов на основе инфокоммуникационных и смежных технологий.

Цифровая экономика меняет хозяйственные условия деятельности, способы и методы самой деятельности хозяйствующих субъектов, экономические, общественные, национальные, естественные факторы, а также способы регулирования государственных и межнациональных структур, при этом возникают новые факторы экономической безопасности (связанные с кибератаками).

Анализ российской и зарубежной практики, теоретических исследований показывает, что цифровизация осуществляется на основе цифровых платформ, интегрирующих хозяйственные, социальные и технологические процессы, формирующие цифровые сервисные экосистемы.

Идеей цифровой трансформации на данном этапе охвачен весь мир, она сейчас является одной из самых популярных тем обсуждений. Цифровиза-

ция экономики представляет собой современную форму проявления более фундаментальной закономерности ее информатизации [8].

Термин цифровая экономика (digital economy) появился в 1995 г. одновременно в работах двух исследователей: Дона Топскотта, профессора менеджмента из Торонто и Николаса Негропonte, американского информатика из Массачусетского университета [5]. Цифровая экономика – это экономика, базирующаяся на научных достижениях и новых прогрессивных технологиях, прежде всего, на цифровых информационно-коммуникационных технологиях.

В Решении Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» цифровая экономика представлена как часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий [8].

Одной из насущных проблем является необходимость технологического прорыва. Решение данной стратегической задачи правительства стран видят в переходе к цифровой экономике посредством цифровизации. При условии качественной реализации данной стратегии возможно включение экономик в конкурентную борьбу на мировой арене, при этом имея ряд преимуществ, которыми уже обладают многие страны, которые по уровню развития цифровых технологий опережают страны бывшего Союза [4].

Трудности, с которыми сталкиваются страны при реализации данного направления, обладают рядом одинаковых черт: структура экономики, в которой значительное место занимает агропромышленный и сырьевые комплексы, относительно медленные темпы внедрения цифровых технологий, отставание в развитии научно-технической базы по сравнению с постиндустриальными странами.

По различным оценкам, цифровая экономика несет в себе огромные изменения для более чем 50 % разных отраслей. Это вызвано тем, что информационные технологии и платформы кардинально меняют бизнес-модели, повышая их эффективность за счет устранения посредников и оптимизации. Как выяснили специалисты Всемирного банка, увеличение числа пользователей высокоскоростного интернета на 10 % может повысить ежегодный прирост ВВП от 0,4 до 1,4 %.

1,18 трлн долл. составил глобальный рынок цифровой трансформации в 2019 г. Как ожидается, в 2023 г. рынок вырастет до 2,3 трлн долл. 68 % бизнес-лидеров планеты называют цифровую трансформацию главным приоритетом для своих компаний.

В связи со значимостью цифровой экономики, а также темпами ее распространения по всему миру и необходимостью постоянного изучения данного явления, рассмотрим принципиальные характеристики цифровой экономики. Различные авторы по-разному интерпретируют данное понятие.

Встречаются определения типа не человекомерный мир новая экономика и др. [6]

Мы изначально будем исходить из того, что экономика – это хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления. В условиях цифровой экономики, вероятно, данные отношения будут иметь свои специфические черты, которые мы сейчас и рассмотрим. Точнее, рассмотрим одну из составляющих данных отношений это отношения по поводу производства благ.

Производство цифровой экономики отличается тем, что в этом случае речь идет о деятельности людей, которая, по мнению ученых, лишена целеполагания.

Факторы производства также приобретают иной характер. Средства труда становятся автоматизированными и, несмотря на их техническую сложность, это делает управление ими в цифровой экономике наиболее простым делом, чем в доцифровой экономике. Претерпевает изменения и рабочая сила. Так, одному работнику при производстве той или иной детали в цифровой экономике достаточно выбрать соответствующую программу на станке для того, чтобы она была произведена и для этого не требуется особых знаний, лишь опыт и определенные навыки. По-другому обстоит дело с трудом другого человека, который разрабатывает подобные автоматизированные станки и оборудование, цифровые устройства. Их труд более квалифицирован и наукоемок, требует обширных знаний. Спрос на профессии в этой области знаний в цифровой экономике будет расти. К примеру, на цифровом рынке стран ЕС заняты 5,7 млн специалистов, а через пять лет их количество возрастет до 11 млн человек, которые являются квалифицированными специалистами в сфере цифровых технологий [2].

Важно подчеркнуть, что даже при том, что компьютерные технологии, интернет являются неизменным атрибутом цифровой экономики, важность человеческого капитала как фактора производства, тем не менее, нельзя недооценивать. Другое дело, что поменяется качественный состав работников, сменятся требования к уровню компетенций работников.

Цифровая экономика подразумевает развитие сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Немаловажно обратить внимание на структуру затрат, где основную долю занимают затраты на оплату услуг сторонних организаций и специалистов, связанных с информационными технологиями (кроме услуг связи и обучения), в 2018 г. показатель составил 35 % от общего объема затрат. Также стоит отметить значительный спад в затратах на обучение сотрудников, связанных с развитием и использованием ИКТ. Так показатель сократился в 5,5 раз в сравнении с 2017 г.

В этой связи важно отметить, что, по мнению аналитиков, Япония потеряла инновационное лидерство во многом в результате того, что, существуя за счет покупки технологий, не смогла создать их собственное произ-

водство и постоянно поддерживать высокий уровень технических разработок. Поэтому важным представляется увеличение субсидий для поддержки научной работы в области собственных информационных технологий со стороны государства.

Безусловно, цифровизация достаточно дорогой процесс. По оценкам экспертов, минимальные расходы, связанные с технологическим перевооружением, оцениваются от 5 млн долл. и выше, не все предприятия себе могут это позволить [3].

Тем не менее, учитывая, что усиление цифровой экономики будет способствовать экономическому росту национального хозяйства, государству, предприятиям необходимо изыскивать внутренние и внешние ресурсы для ее развития. В этой связи сложно не согласиться с мнением авторов о необходимости развития цифровых навыков, поскольку любой технологический прорыв требует высококвалифицированной рабочей силы. Отечественная система образования должна быть более гибкой, чтобы отвечать требованиям цифровой трансформации во всех сферах экономики. Для этого необходимо укреплять экосистему обучения и воспитания, начиная с детского сада и заканчивая вузами, включая координацию между предприятиями и учебными заведениями в сфере высшего образования и НИОКР. Требуются инвестиции в образовательные платформы для быстрого развития навыков цифровой экономики по всей стране, обучение и повышение квалификации существующей рабочей силы с акцентом на модели образования, ориентированные на обучение в течение всей жизни.

В этом направлении имеются положительные наработки. Она была направлена на переход к информационному обществу, совершенствование государственного управления, создание институтов открытого и мобильного правительства, рост доступности информационной инфраструктуры не только для корпоративных структур, но и для граждан страны.

Основная цель новой госпрограммы – прогрессивное развитие цифровой экосистемы для достижения устойчивого экономического роста, повышения конкурентоспособности экономики и нации, улучшения качества жизни населения. Реализация госпрограммы проводится в четырех ключевых направлениях: реализация цифрового Шелкового пути (это развитие надежной, доступной, высокоскоростной и защищенной цифровой инфраструктуры), развитие креативного общества (это развитие компетенций и навыков для цифровой экономики, проведение работ по повышению цифровой грамотности населения, подготовка ИКТ специалистов для отраслей), цифровые преобразования в отраслях экономики (это повсеместное внедрение цифровых технологий для повышения конкурентоспособности различных отраслей экономики), переход на проактивное государство (это совершенствование системы электронного и мобильного правительства, оптимизация сферы предоставления государственных услуг).

Все перспективы для ускорения темпов цифровизации в стране имеются. Доля крупных и средних предприятий, использующих цифровые технологии возросла с 5,9 % в 2019 г. до 7,8 % в 2020 г. [7]

Во всех отраслях доминирует искусственный интеллект. Так, в феврале 2020 г. Европейская комиссия приняла цифровую стратегию Европейского союза, включающую правовые нормы для искусственного интеллекта. По оценкам экспертов данная стратегия повысит эффективность европейской экономики.

Безусловно, за годы независимости страны с постсоветской экономикой добились значительных результатов на рынке ИКТ. Правительства этих стран ставят перед собой стратегические задачи по развитию этого рынка у себя в странах. В нашей стране ставят задачу по увеличению общего объема экспорта ИКТ-продукции и услуг до уровня 500 млн долл. к 2025 г.

Список литературы

1. 2018: 32 млн. россиян пользуются интернетом только на мобильных устройствах. URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 06.08.2020).
2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 65–69.
3. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий цифровая экономика и цифровизация в сфере государственного управления // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310–315.
4. Ковалев М. М., Головенчик Г. Г. Цифровая экономика – шанс для Беларуси : монография. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. 327 с.
5. Петр Щедровицкий. На первом этапе // Известия. 2018. 27 авг.
6. Платформа отраслевых экосистем цифровой экономики. Мы строим виртуальный мир, чтобы создавать настоящие ценности для настоящих потребителей. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/.pdf> (дата обращения: 06.08.2020).
7. Прирост интернет-аудитории в 2019 году обеспечили пенсионеры. URL: <http://www.comnews.ru/content/203868/2020-01-13/2020-w03/prirost-internet-auditorii-2019-godu-obespechili-pensionery> (дата обращения: 06.08.2020).
8. Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» № 12 от 11.10.2017.

УДК 332.1
ББК 65.05

А. С. Цивелев, *Иркутск*

Информационная безопасность контрактных систем в сфере закупок

В статье подчеркивается, что экономическая безопасность контрактных систем в сфере закупок является актуальной проблемой для органов государственного и муниципального управления. Анализируются проблемы утечки данных посредством применения различных схем деструктивной социальной инженерии с каждым годом представляющих все большую опасность для сферы закупок в государственном и муниципальном управлении. Проводится анализ целей деструктивной социальной инженерии и ее скрытых механизмов негативного воздействия на информационную работу в сфере закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, информационная безопасность контрактных систем, деструктивная социальная инженерия, информационная безопасность, информатизация, технический прогресс, экономическая безопасность.

A. S. Tsivilev, *Irkutsk*

Information security of contract systems in the field of procurement

The article emphasizes that the economic security of contract systems in the field of procurement is an urgent problem for state and municipal authorities. The problems of data leakage through the use of various schemes of destructive social engineering are analyzed every year and pose an increasing danger to the procurement sector in state and municipal administration. The analysis of the goals of destructive social engineering and its hidden mechanisms of negative impact on information work in the field of procurement is carried out.

Keywords: public procurement, contract system, information security of contract systems, destructive social engineering, information security, informatization, technical progress, economic security.

Информатизация процесса проведения государственных закупок стала прорывом в сфере государственного и муниципального управления. Множество процессов были оптимизированы и упрощены, что сказалось на качестве и характере работы контрактных служб в системе органов государственной и муниципальной власти. Но, вместе с упрощением указанного процесса, мы вынуждены констатировать факт возрастания угрозы экономической безопасности закупочных систем со стороны информационных угроз, порождаемых процессами деструктивной социальной инженерии.

Нарастающий интерес к исследованию темы определения сущности социальной инженерии как угрозы экономической безопасности закупочных систем обусловлен усложнением информационной и технической составляющих жизни современного общества [1]. Более того, информационная политика связана с информационной культурой сотрудников муниципальных и государственных органов власти [7; 9], а также процессов цифровизации социального пространства [6; 8; 10].

Одновременно, с усложнением всех существующих в обществе процессов, усложняются и увеличиваются информационные угрозы. Информационные угрозы, возникающие извне, имеют возможность проникать в самые защищенные системы организаций различного уровня, реализуя цели субъ-

ектов проникновения. Ситуация с каждым годом усложняется и потому, что, как правило, цели подобных вторжений в сферу информационной безопасности носят исключительно деструктивный характер.

Деструктивная социальная инженерия является на сегодняшний день актуальной угрозой практически на всех уровнях управления. В России можно констатировать увеличение числа кибератак. Из-за угроз экономической безопасности, согласно статистическим данным, в сеть Интернет каждый год уходит до 14 млрд конфиденциальных записей крупных корпораций и организаций, представляющих крупный и средний бизнес [5].

Если рост числа «информационных утечек» во всем мире в 2020 г. (в сравнении с 2019 г.) увеличивается на 10 %, то в России данный показатель равняется 40 %. Согласно данным аналитического центра Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) средняя сумма убытков одной крупной российской компании от применения мошенниками распространенных схем деструктивной социальной инженерии составляет до 299,9 тыс. руб. в год. Статистика убытков в сфере государственной и муниципальной власти, по понятным причинам, не ведется, но учитывая распространенность кибератак несложно предположить, сколько сил уходит для преодоления данной проблемы и обеспечения экономической безопасности государственных информационных систем [3].

Социальная инженерия стала одним из основных способов получения конфиденциальной информации в государственном и муниципальном управлении с целью получения экономической выгоды (так называемый слив конфиденциальной информации о закупочных процедурах крупным и средним игрокам на тендерной площадке) [5].

В общем виде определение социальной инженерии выглядит следующим образом: социальная инженерия – это определенная совокупность приемов, методов и различных технологий, позволяющих создавать информационное пространство, состоящее из условий и обстоятельств, способных привести субъекта воздействия к получению конкретного результата.

Социальная инженерия, в деструктивном своем проявлении, помогает злоумышленникам спекулировать информацией в системе государственного и муниципального управления по ряду объективных причин:

- 1) простота получения интересующей информации по сравнению с прямым взломом информационных систем;
- 2) атаки очень сложно вычистить с помощью автоматизированных защитных систем;
- 3) минимальные финансовые вложения;
- 4) минимальный риск;
- 5) большая вероятность положительного (для субъекта воздействия) эффекта.

По мнению ученых, рассматривающих социальную инженерию как способ деструктивного воздействия на государственные информационные системы в контрактной системе сфере закупок, социальная инженерия явля-

ется наукой, которая позволяет «вывести» всю интересующую информацию не иначе, чем через агрессивное манипулятивное воздействие [1]. При этом манипулятивное воздействие в данном случае характеризуется совокупностью приемов и методов воздействия с целью получения определенного результата. Однако сложно согласиться полностью с позицией ученого, так как методы социальной инженерии носят скорее не агрессивный характер, а более мягкий и практически незаметный для организации, хотя во всем остальном его определение совпадает с мнением большинства ученых.

Основным стимулом для развития социальной инженерии как способа получения необходимого доступа к информации стал технический прогресс, а именно тот факт, что общество переложило ответственность за хранение информации на различные IT-решения, упустив при этом зарождение целого спектра методов и способов получения конфиденциальной информации. С развитием социальной инженерии в контексте нарастающей угрозы информационной безопасности происходит усложнение способов защиты от информационных атак.

На сегодняшний день можно выделить шесть основных методов социальной инженерии, в деструктивном ее аспекте [5]:

1. Фишинг (с переводе с английского: ловля, выживание) – это вид мошенничества, при котором основной целью злоумышленников является получение персональных данных клиентов или работникам организации, в частности, мобильным номерам, электронным почтам, данным банковских карт, логинам, паролям и т. д. Фишинг, являясь реальной угрозой для организаций, их клиентов и работников, пользуется популярностью в интернете злоумышленниками различного уровня: от мелких интернет-мошенников, преследующих свою финансовую выгоду, до специализированных крупных группировок, целью которых может быть уничтожение информационных систем и репутации целых корпораций и государственных институтов.

Первые фишинговые атаки были отмечены в конце XX в., на сегодняшний день, по оценке Google, каждый год от фишинга страдают до 12,4 млн пользователей сети Интернет. Данный вид мошенничества опасен тем, что он постоянно модифицируется исходя из условий, которые меняются практически сиюминутно и подстраивается под актуальные информационные условия [4].

2. Телефонный фрикинг. Похож на IVR или телефонный фишинг. Метод телефонного фрикинга осуществляется с помощью звуковых манипуляций (самое простое проявление: звонки сотрудникам компании, представляясь другими сотрудниками с созданием похожих голосов и манеры общения с просьбой срочного предоставления каких-либо данных). Отличается от телефонного фишинга тем, что взлом происходит при помощи манипуляций с телефонным тоновым набором. Многие злоумышленники таким образом получают доступ к созданию целых телефонных конференций, во время которого на жертву воздействует не один абонент, что значительно ослабляет ее бдительность.

3. Претекстинг – является настоящей атакой, при которой злоумышленник выдает себя полностью за другого человека по сценарию, досконально подготовленному заранее. В данный сценарий входит практически вся информация об объекте подлога: паспортные данные, история жизни (если это необходимо), банковские реквизиты и т. д. Отличается от фрикинговых схем тем, что каналы атак не ограничиваются телефонной связью, а подготовка осуществляется досконально.

Среди схем претекстинга выделяются:

1) квид про кво (услуга за услугу) – схема, при которой актер обращается на корпоративный номер телефона или почту, представляясь сотрудником технической поддержки, запускает на компьютер жертвы специальное программное обеспечение, без труда собирающее информацию;

2) «дорожное яблоко», или схема «троянского коня» заключается в подлоге физического носителя в места корпоративного пользования (обычно надпись на носителе вызывает интерес к просмотру и когда он оказывается в компьютере, на него записывается вредоносное программное обеспечение).

В обоих случаях происходит внедрение программного обеспечения практически руками ни о чем не подозревающих работников организации, именно поэтому сфера информационной безопасности не ограничивается работой одного человека, отдела или специальной службы, а должна распространяться на весь коллектив.

4. Сбор информации из открытых источников является методом, который обычно недооценивают в силу его кажущейся простоты. Однако это не так. Этот метод сочетает в себе знания из области психологии и информационной безопасности. Основа метода состоит в сборе и анализе информации об объекте из открытых источников. Работники организации, зачастую, не задумываются о том, сколько конфиденциальной информации они выдают в социальных сетях: маршруты, конференции, деловые переговоры, распорядок дня того или иного работника и т. д. Все это помогает злоумышленникам завладеть информацией, которая, впоследствии оказывается частью иных мошеннических схем.

Стоит отметить, что данный метод доступен в силу информационной открытости и сложно контролируем сотрудниками службы информационной безопасности.

5. Плечевой серфинг – это своеобразное наблюдение за информацией «через плечо жертвы». Множество работников видят информацию, которую они не должны видеть (курьеры, водители, доставляющие важные документы и т. п.). Также данную информацию можно отследить в общественных местах: аэропортах, деловых центрах, торговых центрах. Злоумышленникам остается выследить сотрудника и выбрать способ получения информации: посмотреть, стоя рядом, выспросить в процессе разговора, подменить папку с документами и т. д. Метод является достаточно доступным и распространенным не одно десятилетие.

б. Обратная социальная инженерия. Данный метод предполагает вариант, при котором жертва сама выходит на злоумышленников и предлагает информацию. В ситуациях, когда жертве нужно оперативно решить рабочую проблему, она добровольно выходит на подложную службу поддержки и говорит персональные данные. Одним словом, жертва делает все что надо и даже сверх того, только чтобы решить сложившуюся проблему. Итогом становится «слив» конфиденциальной информации без каких-либо усилий со стороны злоумышленников. Далее рассмотрим наиболее популярные схемы, в рамках перечисленных методов применения деструктивной социальной инженерии, направленных на угрозу экономической безопасности.

В настоящее время мы вынуждены констатировать факт, что та или иная схема не применяется мошенниками в чистом виде. Чаще всего, мы видим комбинацию серии из различных схем, которые в совокупности дают злоумышленнику привести план в действие. Наиболее популярный способ использования мошеннических схем деструктивной социальной инженерии – это кибератаки [1].

Практически все кибератаки проводятся при комбинации схем применения социальной инженерии, которые можно объединить в одну простую схему – Схему Шейнова [3].

Схема В. П. Шейнова, известного психолога и социолога, который специализированно занимается психологией мошенничества, сочетает в себе несколько схемы фишинга, фрикинга, претекстинга и сбора информации из открытых источников. Схемы плечевого серфинга и обратной социальной инженерии с течением времени уходят на второй план и применяются все реже и в уникальных случаях, когда «идет охота» за «крупной добычей» или в рамках промышленного шпионажа.

В общем виде описание комбинированной Схемы Шейнова выглядит так: сначала формулируется цель воздействия на тот или иной объект. Под объектом имеется ввиду потенциальная жертва (персона или организация), на которую планируется социоинженерная кибератака. Следующим этапом является сбор информации из всех доступных источников с целью обнаружения слабых сторон и основных мишеней воздействия. Затем следует аттракция, этап, который характеризуется созданием условий для потенциальной атаки мошенников.

Следующий этап описывает применение распространенных мошеннических схем, которые характеризуются различными способами формирования решения для принуждения жертвы к необходимому для хакера действию.

Необходимые обстоятельства, приводящие к программируемому итогу, приводят социального хакера к ожидаемому итогу. Весь процесс может сопровождаться приманкой (по схеме «Дорожное яблоко»), подкупом или внедрением работы вредоносного программного обеспечения (по схеме «Копье фишинга») [2].

Целью хакерского взлома, как правило, является кража базы данных для ее перепродажи или шантажа обладателя. Причем, канал кражи имеет больше социальный, чем технический характер. Что значительно усложняет процесс защиты от хакерских атак.

Подводя итог, отметим, что в ходе проведения исследования нами были рассмотрены шесть методов социальной инженерии, которые применяются в деструктивном плане в области информационной безопасности. Данные методы являются актуальными и сочетают в себе различные мошеннические схемы различного уровня сложности. Было выявлено, что методы социальной инженерии являются адаптивными, они видоизменяются в соответствии с изменяющимися условиями среды, в связи с чем, сотрудникам контрактной службы необходимо постоянно обновлять информацию об актуальных методах и схемах с целью увеличения эффективности предупреждения их применения.

Список литературы

1. Бородин А. Н. Негативные элементы механизма функционирования контрактной системы государственных закупок, представляющие угрозу экономической безопасности бюджетной системы // На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 98–104.
2. Бикметов Р. Р., Мотовичев К. В., Маер О. М. Современные проблемы обеспечения экономической безопасности в сфере закупок для государственных нужд // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). 2019. № 9 (11). С. 38–43.
3. Дроздов В. Ю., Хлыстова Н. Б. Социально-экономическая безопасность государства: через призму субъективных признаков преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок // Society and Security Insights. 2019. Т. 2, № 1. С. 100–112.
4. Картавых К. Е. Современные инструменты управления государственными закупками и их влияние на экономическую безопасность // Инновационное развитие экономики. 2019. № 4–2 (52). С. 61–69.
5. Наскидашвили К. А. Информационная безопасность. Виды угроз информационной безопасности // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 5. С. 154–160.
6. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 163 с.
7. Москвитина Н. В. Информационная культура муниципальных служащих // Социология. 2020. № 3. С. 211–221.
8. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 65–69.
9. Москвитина Н. В. Информационная культура муниципальных служащих (по материалам социологического исследования) // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 357–368.
10. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310–315.

УДК 338:004
ББК 65.051

К. С. Шумара, *Иркутск*

Применение цифровых технологий в сфере публичных финансов

В исследовании затрагиваются вопросы цифровизации публичных финансов исходя из анализа имеющейся правовой базы. Рассматривается теоретическая и практическая сторона применения цифровых технологий в сфере публичных финансов.

Ключевые слова: цифровизация, электронные технологии, электронный бюджет, бюджет для граждан, цифровой бюджет.

K. S. Shumara, *Irkutsk*

Application of digital technologies in the field of public finance

This article touches on the issues of digitalization of public finance based on the analysis of the existing legal framework. The theoretical and practical side of the application of digital technologies in the field of public finance is considered.

Keywords: digitalization, electronic technologies, electronic budget, budget for citizens, digital budget.

Быстрые темпы развития виртуального пространства требуют от государства принятия соответствующих решений в области развития цифровых технологий. Повсеместное и активное применение на территории Российской Федерации основополагающего принципа открытости (прозрачности), закрепленного в Бюджетном кодексе РФ [1], невозможно осуществить без использования цифровых технологий.

За последние 6 лет претерпела существенные изменения нормативно-правовая база, затрагивающая вопросы цифровизации публичных финансов. Прежде всего, разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [2], в которой определена терминология в информационной сфере, в частности, имеется следующее определение инфраструктуры электронного правительства – совокупность размещенных на территории Российской Федерации государственных информационных систем, программно-аппаратных средств и сетей связи, обеспечивающих при оказании услуг и осуществлении функций в электронной форме взаимодействие органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц.

Необходимость совершенствования цифровизации системы государственного управления и бюджетного процесса определено как одно из приоритетных направлений развития в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах [3].

Существенные изменения коснулись и юридической лексики [4]. Внедрение новых информационных технологий, развитие нормативно-правовой базы в сфере электронных финансов существенно расширило правовую терминологию. В правовой обиход вошли такие понятия как электронный бюджет, открытый бюджет, бюджет для граждан, электронные технологии в

сфере публичных финансов, единый портал бюджетной системы и др. При этом не все из применяемых на практике терминов в настоящее время имеют свое легальное определение. Законодательство Российской Федерации в данной сфере еще очень далеко от совершенства, требует постоянной корректировки и ликвидации правовых пробелов.

Практическая сторона применения цифровых технологий в сфере публичных финансов находится на этапе развития.

В 2011 г. сформирована информационная система «Электронный бюджет», однако только 30 июня 2015 г. за № 658 принято Постановление Правительства РФ «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет», в котором и был определен механизм ее работы [5].

Именно информационная система «Электронный бюджет» в разрезе ее составных частей на сегодняшний день является основным инструментом применения цифровых технологий в сфере публичных финансов. Через свои составные части – Единый портал бюджетной системы Российской Федерации и открытый бюджет (бюджет для граждан) информационной системе «Электронный бюджет» и надлежит охватить сферу публичных финансов государственного, субъектового и местного уровней.

Источником информации, вносимой в Единый портал бюджетной системы Российской Федерации и открытый бюджет (бюджет для граждан) являются сведения, взятые из правовых документов всех уровней – федеральных, региональных, местных. Основной блок информации, вносимой в Единый портал бюджетной системы Российской Федерации и открытый бюджет (бюджет для граждан) имеет цифровое выражение и отражает состояние финансовой сферы государства на всех его уровнях.

Работа с Единым порталом бюджетной системы Российской Федерации и открытым бюджетом (бюджетом для граждан) требует не только материальных, но и кадровых ресурсов. Необходимо проделать большую работу, направленную на выполнение требований законодательства по предоставлению и публикации информации, поддержания ее в актуальном состоянии. Тем не менее, являясь определенным видом бюджетно-информационных отношений, работа, направленная на цифровизацию публичных финансов, позволит обеспечить открытость, прозрачность и подотчетность деятельности государственных органов, повысить качество финансового управления, создать общие условия для повышения результативности использования бюджетных средств и активов государственных структур.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

3. Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 года : распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 6. Ст. 542.

4. Леднева Ю. В. Понятие цифрового бюджета по российскому законодательству // Финансовое право. 2019. № 9. С. 8–11.

5. О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» (вместе с Положением о государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет») : постановление Правительства РФ от 30 июня 2015 г. № 65 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 28. Ст. 4228.

ПРОФЕССИИ И ЗАНЯТОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

УДК 331.54
ББК 65.240

Е. В. Злобина, *Йошкар-Ола*

Профессиональная реализация фотографа в виртуальном пространстве

Показаны пути творческой и профессиональной реализации фотографов-любителей и профессионалов в виртуальном пространстве, перечисляются задачи, которые может поставить перед фотомастером заказчик. Рассмотрены интернет-площадки стоковой фотографии и сайты фриланс-услуг и определены возможности создания виртуального образа специалиста в социальных сетях.

Ключевые слова: фотограф, профессиональная реализация, виртуальное пространство, фриланс, фотостоки, виртуальный образ.

E. V. Zlobina, *Yoshkar-Ola*

Professional Implementation of the Photographer in the Virtual Space

This paper shows the ways of creative and professional realization of amateur and professional photographers in the virtual space, lists the tasks that the customer can set for the photomaster. The author examines the Internet platforms of stock photography, freelance service sites, and describes the possibilities of creating a virtual image of a specialist in social networks.

Keywords: photographer, professional implementation, virtual space, freelance, photostocks, virtual image.

С каждым годом современный мир предлагает представителям творческих профессий всё больше возможностей для профессиональной реализации. Ныне фотографы имеют шанс показать свои работы в социальных сетях («ВКонтакте», Instagram и т. п.), на специализированных сайтах для любителей и профессионалов (35photo.pro). Участие в фотоконкурсах на различных интернет-площадках даёт возможность увидеть работы коллег из любого уголка земли, их взгляд на новые тенденции развития фотографического искусства, а также услышать мнение экспертов о своих работах.

Цель нашей работы – рассмотреть пути профессиональной реализации фотографа в виртуальном пространстве. Методы исследования: анализ, син-

тез, изучение научной литературы и информационных источников, классификация.

Ещё пару десятилетий назад чаще всего главный источник профессиональной реализации и финансового дохода фотографа было личное, офлайн-взаимодействие с заказчиком. Ныне существуют такие виды деятельности, которые позволяют мастеру иметь доход «на расстоянии». Так, в начале XXI в. на просторах интернета стали появляться фотобанки, так называемые сайты стоковой фотографии [2]. Наиболее популярные из них – Shutterstock, 123RF, iStock, Adobe Stock, российский фотобанк «Лори». Такие площадки являются посредниками между фотографами и покупателями: представителями рекламного бизнеса и средств массовой информации, дизайнерами, издательствами [2]. В данных фотобанках продаются фотографии разной тематики и под любые задачи заказчика: это, например, могут быть изображения людей определённых профессий или фотографии детей, изображающих эмоции (радость, грусть, удивление и т. д.). Это может быть предметная съёмка продовольственных товаров, спортивного инвентаря, школьных принадлежностей и др. Технология и процесс фотосъёмки в данном случае также могут различаться.

1. Возможна, например, популярная среди стоковых фотографов съёмка одного объекта на белом фоне, чтобы будущий покупатель фотографии мог легко вставить данный объект в свой рекламный дизайнерский макет и добавить туда другие визуальные элементы.

2. Это может быть классическая предметная фотосъёмка, в которой будет читаться чуть более узкая идея. Например, не просто изображение яблока, а яблоко плюс рядом лежащие российские денежные купюры. Таким образом, данную фотографию могут приобрести владельцы магазина продовольственных товаров или оптового склада для иллюстрации своего вида деятельности в рекламных материалах. А раз на фотографии изображены рубли, то круг покупателей фотоснимка сужается до территории одной страны – России.

3. Фотограф может создать предметную фотографию в жанре флетлей. Флетлей-снимок – это фотография объектов, расположенных на плоской поверхности, снятая непосредственно сверху, под углом 90 градусов [3].

Важно отметить, что современному стоковому фотографу порой необязательно владеть каким-то серьёзным, обширным инструментарием, т. е. фотокамерой с профессиональной оптикой и фотографическим оборудованием. Часто достаточно смартфона. Ещё 5–7 лет назад в требованиях стоковых сайтов был пункт, запрещающий контрибьюторам (продавцам своих фоторабот) загружать изображения, сделанные на смартфон. Ныне такое ограничение снято, так как производители смартфонов за последнее время вывели качество фотокамер своих гаджетов на новый профессиональный уровень.

Назовём ещё один вид интернет-ресурсов, где фотограф может реализовать свои профессиональные навыки: это сайты фриланс-услуг, которые стали платформой для новых форм трудовой деятельности. Фрилансеры – это независимые специалисты, выполняющие задачи в разнообразных проектах на гонорарной основе. В постоянный штат компаний они не входят [1]. Закономерно, что становление и активное развитие такой формы трудовой деятельности обусловлено развитием информационно-коммуникационных технологий, электронной коммерции.

Отметим статью В. С. Харченко «Культура фриланса: компоненты и принципы организации», в которой говорится о фрилансе, как инструменте формирования виртуальных рынков труда, другими словами социального пространства, конструируемого вокруг временных исполнителей и работодателей, проектной работы, сообществ фрилансеров, способствующих защите трудовых отношений, получению новых знаний, повышению квалификации. Примером института виртуальных рынков труда являются биржи удаленной работы (freelance.ru, upwork.com), которые берут на себя функции третьей стороны, т. е. выступают гарантом выполнения обязательств для работодателя и работника [4]. Фотографы имеют возможность на таких виртуальных рынках труда выполнять ряд задач, среди них:

- 1) предметная фотосъемка;
- 2) ретушь каталожных фотосессий (кадрирование изображения, цветокоррекция и светокоррекция, сглаживание белого фона, точечное изменение цвета, наложение объема, акцент на изделие и проч.);
- 3) фотомонтаж;
- 4) почасовая фотосъемка людей, производств, промышленных и других объектов с выездом на локацию.

Виртуальное пространство даёт возможность фотографу продемонстрировать миру плоды творческого труда, профессиональные навыки, построить свой виртуальный образ специалиста, представителя определенной сферы деятельности. Фотограф может создать личную страницу в социальных сетях (например, во «ВКонтакте»), где опубликует портфолио, список предоставляемых услуг, опишет направления фотографической деятельности, жанры, в которых работает, будет коммуницировать с моделями и заказчиками, покажет свою образованность, эрудицию, публикуя записи, мысли, касаемые своей профессиональной деятельности.

Таким образом, виртуальное пространство позволяет фотографу создавать свой виртуальный образ, обладающий определёнными профессиональными качествами. Интернет-ресурсы становятся платформами для поиска источника дохода, а также помогают фотографам стать субъектом электронной коммерции.

Список литературы

1. Байтенизов Д. Т., Патласов О. Ю. Особенности развития фриланса на российском рынке труда: социологический аспект анализа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 4 (26). С. 156–165.

2. Злобина Е. В. Стоковая фотография в современной медиакультуре // Череповецкие научные чтения – 2015 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. В 4 ч. Ч. 1. Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология / отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец : ЧГУ, 2016. С. 62–64.

3. Злобина Е. В. Флетлей как новое направление предметной фотографии // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук : сб. материалов VII Международ. науч.-практ. конф., 5 апр. 2021 г. / под ред. Д. А. Семенов. Йошкар-Ола : Марийс. гос. ун-т, 2021. С. 404–408.

4. Харченко В. С. Культура фриланса: компоненты и принципы организации // Метеор-Сити. 2016. № 5. С. 42–46.

УДК 004.55

ББК 78.64

С. И. Маслаков, Старый Оскол

Характеристики личного профиля в социальных сетях как часть положительного образа специалиста по рекламе (на примере социальной сети «ВКонтакте»)

Подчеркивается актуальность ведения специалистом по рекламе собственного профиля в социальных сетях. Такие элементы, как имя пользователя, фото, статус, подписчики и друзья представляются важной частью имиджа специалиста по рекламе. Выделены положительные и отрицательные характеристики личного профиля специалиста в интернет-пространстве. Определены дополнительные значимые информативные блоки социальной сети, позволяющие рекламному представителю достичь в профессиональной деятельности более высоких результатов.

Ключевые слова: социальная сеть, профиль пользователя, специалист по рекламе, положительный образ.

S. I. Maslakov, Stary Oskol

Characteristics of a personal profile in social networks as part of a positive image of an advertising specialist (using the example of the social network Vkontakte)

The article emphasizes the relevance of maintaining an advertising specialist's own profile in social networks. Elements such as the user's name, photo, status, subscribers and friends are an important part of the image of an advertising specialist. The positive and negative characteristics of a specialist's personal profile in the Internet space are highlighted. Additional significant informative blocks of the social network are identified that allow the advertising representative to achieve higher results in his professional activity.

Keywords: social network, user profile, advertising specialist, positive image.

Жизнь современного человека сложно представить без социальных сетей, главная функция которых заключается в осуществлении коммуникации, расширении контактов с другими людьми, использовании широких онлайн-возможностей для общения и передачи информации.

В настоящее время социальные сети играют важную роль в организации бизнес-процессов. Один из наиболее развитых в России ресурсов интернета, «ВКонтакте», также предполагает возможности для решения задач, связанных с получением прибыли от продаж и услуг [3]. Здесь необходимо отметить, что человеку, стремящемуся развивать и материализовывать свои идеи, связанные с увеличением дохода необходимо самое пристальное внимание уделять основным характеристикам личного профиля в социальных сетях.

Социальная сеть обладает обширным функционалом [1], позволяющим определить особенности личности человека и его жизни, предпочтительные сферы деятельности, интересы, способности. Вместе с этим по представленной на собственных страничках информации можно сделать вывод об имеющихся возможностях и перспективах достижения конкретных результатов.

Таким образом, характеристики личного профиля в социальных сетях представляются важной частью имиджа специалиста по рекламе. К таким характеристикам могут относиться следующие [4]: 1) имя профиля; 2) фото пользователя (аватар), различные фото- и видеоальбомы; 3) статус; 4) подписчики и друзья; 5) другие информативные блоки.

Рассмотрим указанные характеристики более подробно и попытаемся указать их важные особенности, которые необходимо учитывать при создании образа эффективного специалиста по рекламе.

1. Имя профиля (никнейм) – индивидуальное имя, идентифицирующее пользователя в социальной сети. Считаем, что необходимо использовать реальные имя и фамилию, что будет отвечать требованиям деловой среды и способствовать развитию возможных коммуникаций. Отметим здесь, что ряд пользователей могут допускать ошибки, способные негативно повлиять на образ рекламного представителя. Некоторые из таких ошибок заключаются в следующем:

- намеренное искажение собственных данных с целью привлечения внимания [2];
- использование некорректных данных (фейковые имена, имена различных персонажей игр, мультфильмов и пр.);
- использование разных форматов отображения имени и фамилии (например, имя кириллицей, фамилия – латиницей) и др.

2. Фото пользователя (аватар), а также различные другие фотографии дают представление о том, что за человек предлагает свои услуги через глобальную сеть и каковы его основные интересы, что значимо для него.

Считаем важным в данном разделе указывать настоящее фото в анфас. Предпочтительными считаются варианты, сделанные в профессиональной студии, где исполнитель определенных услуг представляется в деловом стиле. Здесь имеет место значимый бессознательный компонент восприятия другого человека, суть которого заключается в том, что мы, как правило, принимаем приложенные другим человеком дополнительные усилия, осуществляемые для взаимодействия с нами.

Основные ошибки при размещении фотографий могут заключаться в следующем:

- само фото представляет собой некачественный материал (размытые, нечеткие изображения, растянутый или суженный профиль лица и др.);
- аватар с изображением животных, супергероев, большого количества людей, абстракций, природы пр. ;

– использование фотографий, вызывающих недоверие (например, стоящий спиной или боком человек, ярко выраженные негативные эмоции на лице, кривлянье и пр.).

3. Статус – информационная характеристика, заключающаяся в оформленном при помощи вербальной информации сообщении о себе (как правило, при помощи ярких и выразительных лексических слов и оборотов). Как правило, статус в сети «ВКонтакте» занимает место под именем и является одним из наиболее часто воспринимаемых элементов.

Информация в статусе профессионала по рекламе должна отражать его сферу деятельности. Она указывает, чем занимается человек и чем он может быть полезен для других (например, «Настрою рекламу в Google»).

Основная ошибка связана с использованием статуса, не относящегося к сфере профессиональной деятельности.

4. Подписчики и друзья. Их значительное количество является весомой положительной характеристикой рекламного представителя. Выраженное наличие данного показателя косвенно свидетельствует о том, что у человека существует достаточное количество контактов, которые он умеет устанавливать, поддерживать и использовать. Всех партнеров, заказчиков и потенциальных клиентов мы рекомендуем вносить в банк социальной сети. Данный показатель не выполняется внезапно и быстро. Таким образом, большое количество подписчиков и друзей говорит о длительности существования странички в социальной сети, что отождествляется с надежностью, опытом, постоянством.

5. Наличие закрепленного поста с описанием услуг или профессиональной деятельности в ленте новостей, что позволяет более подробно посетителям страницы познакомиться со сферой выполняемых работ.

6. Наличие кейсов и отзывов на стене. Данный показатель отображает уже имеющийся результат и компетенцию работника. Требуется постоянно публиковать новые отзывы. Приветствуются информативные посты по рекламе. Здесь создается образ человека, знающего различные нюансы и особенности выполняемой деятельности, что подтверждается конкретными практическими результатами.

7. Наличие ссылки на сайт. Отметим здесь, что сайт больше, чем социальная сеть предназначен для продаж. На нем может быть представлено большее количество информации о выполняемой деятельности и производимых услугах. Сам факт наличия сайта говорит о серьезности подхода к работе.

Таким образом, специалисту по рекламе самое пристальное внимание необходимо уделять собственному профилю в социальных сетях. Правильно подобранные характеристики, параметры и информация о себе может выступить значимым фактором привлечения клиентов и получения прибыли.

Список литературы

1. Алексунин В. А., Боброва Ю. В. Противодействие негативным стереотипам социальной сети методами коммуникационного менеджмента // Экономические системы. 2016. № 2. С. 40.
2. Аникина Т. В. Намеренное нарушение орфографических норм в именах пользователей социальных сетей // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 14. С. 120–123.
3. Апатова Н. В., Минабилева М. Н. Анализ функций социальной сети «ВКонтакте» для бизнеса // Теория и практика экономики и предпринимательства : тр. XVIII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Симферополь, 2021. С. 264–265.
4. Евтухова М. П. Самопрезентация молодежи в интернете (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Альманах современной науки и образования. 2016. № 10 (112). С. 34.

УДК 338

ББК 16.263

А. П. Родионова, *Иркутск*

Работа и заработок в виртуальном пространстве

В статье подвергаются анализу понятия виртуального пространства, виртуального рынка и виртуальной организации как основного вида экономического субъекта, действующего в рамках информационной виртуальной экономической среды. Выделяются основные черты виртуального пространства как экономической среды, последовательно анализируются черты виртуальной экономики и специфика предпринимательской деятельности, реализуемой в виртуальном пространстве. Дается характеристика виртуальной организации, выделяются основные признаки, конкурентные преимущества и недостатки виртуальных предприятий как основных действующих в рамках виртуальной экономики субъектов. Подвергнуты анализу основные механизмы экономической деятельности виртуальных организаций. Выделяются наиболее значимые отличия виртуальных организаций от традиционных.

Ключевые слова: интернет, виртуальное пространство, экономика, виртуальная организация, виртуальный рынок.

A. P. Rodionova, *Irkutsk*

Work and earnings in the virtual space

This article analyzes the concept of virtual space, virtual market and virtual organization as the main type of economic entity operating within the information virtual economic environment. The main features of the virtual space as an economic environment are highlighted, the features of the virtual economy and the specifics of entrepreneurial activity carried out in the virtual space are consistently analyzed. The characteristics of the virtual organization are given, the main features, competitive advantages and disadvantages of virtual enterprises as the main actors within the virtual economy are highlighted. The main mechanisms of the economic activity of virtual organizations are analyzed. The most significant differences between virtual organizations and traditional enterprises are highlighted.

Keywords: internet, virtual space, economy, virtual organization, virtual market.

Интернет как опосредованная экономическая среда, как пространство для заработка и ведения бизнеса, представляет собой довольно специфический феномен: поскольку значимые входные барьеры в данную среду отсутствуют, виртуальное пространство характеризуется большой конкуренцией, большим количеством действующих в рамках одной среды экономических субъектов, сложностью структуры сложившихся отношений между дей-

ствующими субъектами. Значительные и постоянно обновляющиеся информационные ресурсы способствуют динамичности виртуальной среды, меняют правила конкуренции и средства получения конкурентных преимуществ в рамках глобально-виртуальной экономики.

Как следствие, возникает потребность в углубленном понимании виртуального пространства как экономической среды, специфики работы и заработка в рамках данной среды, а также специфики экономических субъектов, действующих в рамках виртуальной экономической среды [3].

Ускоренное развитие технологий, появление самого феномена «электронной экономики» оказывает значительное влияние на всю мировую экономику и выводит на важное место принципиально новые формы организаций: виртуальные организации, действующие преимущественно посредством сети интернет. Данная форма организаций рассматривает в качестве основного ресурса способность быстро адаптироваться к динамичному виртуальному рынку и отвечать на появляющиеся вызовы наиболее адекватными мерами, обеспечивая одновременное обучение и развитие работников, формирование внутренней мотивации, своевременные и уместные изменения организационных структур, привлечение новых специалистов в связи с новыми задачами. Важно отметить, что большая часть работы и заработка в виртуальном пространстве оказывается возможно именно в силу наличия в виртуальном пространстве виртуальных организаций, обеспечивающих движение внутри виртуальных рынков и постоянно нуждающихся в компетентных кадрах, способных эффективно действовать внутри виртуальной экономической среды [12].

Виртуальное предприятие или виртуальная организация – одна из новейших форм предприятий, напрямую обеспечивающая возможность глобальных сетей выступать в качестве экономических сред. Возникновение виртуальных организаций в первую очередь детерминировано тенденциями развития современных рыночных систем: глобализацией рынков, ростом значения качества товаров и услуг, рост значения устойчивых отношений с клиентами, покупателями и потребителями, рост значения степени применения новейших информационных и коммуникационных технологий.

Сам термин «виртуальная организация» может рассматриваться и интерпретироваться в двояком смысле. Так, во-первых, он означает передовую форму организации предприятия: сложную сетевую компьютерно-опосредованную организационную структуру, представленную различными компонентами, расположенными в разных местах. В свою очередь, характеристика «виртуальная» может интерпретироваться и как «искусственно созданное» или как «воображенное, не представленное в действительности».

Естественно, нельзя понимать «виртуальное предприятие» как предприятие, полностью существующее исключительно в виртуальном пространстве. Безусловно, любое предприятие нуждается в наличии базовых структур, представленных в действительном физическом пространстве [13].

Характеристика «виртуальный» означает скорее важность, приоритет интенсивного взаимодействия реально действующих и существующих работников и подразделений предприятий в виртуальном пространстве, которое при этом действует, основываясь на новейших информационных и коммуникационных технологиях. Данная форма взаимодействия значительно повышает уровень кооперации и координации, что приводит к повышению конкурентоспособности продукции и, как следствие, к повышению прибыли.

Условно виртуальная организация может быть представлена через два основных компонента, два капитала: физический и собственно виртуальный. Физический компонент включает в себя все физические составляющие, которые необходимы для обеспечения функционирования виртуальной организации в виртуальном пространстве, в то время как виртуальный компонент представляет собой сложную систему взаимосвязанных компетенций, рычагов, механизмов, знаний, инструментов и средств, представленных исключительно в виртуальном пространстве и обеспечивающих успешную деятельность организации в рамках виртуального рынка [6].

Под виртуальным рынком, в свою очередь, мы понимаем рынок товаров и услуг, который представлен в виртуальном пространстве, обеспечиваемым системой коммуникационных и информационных средств глобальных семей, в частности – глобальной сети интернет.

Виртуальная реальность, или виртуальное пространство представляет собой отражение, отображение реальных разработок и средств в кибернетическом пространстве, которое интерпретируется одновременно и как инструмент взаимодействия, и как среда взаимодействия.

Практически виртуальная организация – это сеть свободно взаимодействующих между собой экономических субъектов, в действительности находящихся в разных местах, однако представленных в виртуальном пространстве и действующих преимущественно посредством виртуального рынка. Такие экономические субъекты, находясь в отношениях партнерства, кооперации и координации, совместно реализуют ту или иную деятельность, направленную на удовлетворение той или иной потребительской потребности.

Эффективная работа виртуальной организации в значительной степени зависит от качества исполнения многоуровневых интерфейсов для обеспечения взаимодействия между различными субъектами организации. Так, например, первостепенна организация оптимального взаимодействия между производителем, заказчиком, поставщиком, подрядчиком и прочими, поскольку взаимодействие внутри данной системы позволяет достигать гибкости и реактивности предприятия в условиях рынка.

В каком-то смысле виртуальные предприятия представляют собой своеобразные «предприятия над предприятиями» – метапредприятия, которые объединяют цели, ресурсы, традиции и опыт многих отдельных предприятий при реализации тех или иных проектов или при производстве продукции. Создание виртуального предприятия подразумевает интеграцию опыта, производственных возможностей и технологических возможностей

партнеров вокруг определенной цели, которая не может быть достигнута включенными предприятиями по отдельности. В сущности, создание виртуальной организации из нескольких разнородных предприятий позволяет компенсировать недостатки включенных организаций и усиливать их конкурентные преимущества, пользуясь средствами виртуального пространства так, чтобы преодолеть какие бы то ни было отраслевые или ведомственные границы.

Виртуальные организации формируются, как правило, посредством отбора различных организационно-технологических средств и ресурсов, требующихся для функционирования организации, и последующей их интеграции через средства компьютерной сети. Впоследствии это приводит к созданию гибкой динамичной системы, более всего адаптированной к скорейшему реагированию на требования рынка и скорейшему выпуску необходимой продукции с последующей поставкой на рынок [2].

Как правило, экономические субъекты, действующие в виртуальном пространстве, в том числе и виртуальные организации, характеризуются явной ориентацией на потребителя, обеспечивая значительную быстроту и полноту удовлетворения потребности покупателя. Поскольку виртуальное пространство позволяет включать потребителей и исполнителей в единую коммуникационную структуру, скорость и удобство транзакций значительно превосходит аналогичные экономические структуры, не представленные в виртуальном пространстве. Одновременно с этим коммуникационный момент виртуального пространства размывает границы между различными действующими на виртуальном рынке предприятиями и организациями, обеспечивая значительную динамичность виртуального рынка.

Итак, виртуальная организация представляет собой сетевую организационную форму, временную кооперационную сеть предприятий, организаций, отдельных коллективов или специалистов, наделенных необходимыми ключевыми навыками и компетенциями в целях выполнения рыночного заказа и основывающихся при этом на единой информационной системе. При этом, естественно, целью виртуального предприятия является получение прибыли посредством удовлетворения нужд потребителей, по возможности обходя возможных конкурентов в отношении качества и скорости удовлетворения потребностей [17].

Казалось бы, в этом отношении виртуальные экономические субъекты обнаруживают полное сходство с виртуальными субъектами реальной экономики, однако и здесь виртуальное пространство налагает специфику: во-первых, виртуальные экономические субъекты ориентированы, как правило, не на какой-то широкий сегмент рынка, а на очень конкретных, определенных потребителей, вплоть до удовлетворения потребностей индивидуальных потребителей. Во-вторых, в отличие от экономических субъектов, действующих только в рамках реального рынка, виртуальные экономические субъекты гораздо более склонны увеличивать скорость и качество выполнения заказа посредством объединения ресурсов совершенно различных виртуальных экономических субъектов в единую систему.

Так, например, обычному предприятию для разработки вывода нового товара или услуги на рынок требуется значительный объём ресурсов. В то же время виртуальный экономический субъект с большей вероятностью ищет в виртуальном пространстве новых партнеров, которые обладали бы необходимыми ему ресурсами, компетенциями и навыками, с целью интеграции возможностей и приобретения конкурентного преимущества.

При этом описанное партнерство заключается лишь на определенный срок или до момента достижения того или иного запланированного результата. Виртуальная экономическая среда намного более динамична, чем обычная экономическая среда: так, на определенных этапах жизненного цикла либо при изменении рыночной ситуации в сеть могут привлекаться новые партнеры или специалисты или исключаться старые [5; 16].

Итак, основные признаки, которыми обладают экономические субъекты, действующие преимущественно в виртуальном пространстве, могут быть сведены к следующим:

1. Направленность на интеграцию наилучших средств и компетенций от различных действующих в виртуальном пространстве субъектов в рамках временных целесообразных объединений.

2. Организация производится по проектам или вокруг тех или иных ключевых в деятельности предприятия процессов.

3. Различные партнеры в рамках виртуального предприятия действуют координированно, при этом физически находясь на отдалении друг от друга, посредством продвинутых средств коммуникации.

4. Проекты носят временный характер, обладают гибкостью; быстро образуются, развиваются, трансформируются и расформируются.

5. Групповое взаимодействие обеспечивается посредством новых коммуникационных технологий, преимущественно компьютерных, открывающая возможность свободного обмена идеями и опытом внутри и между различными уровнями виртуальной организации.

6. Разработка и поддержание работы компьютерных сред и сетей, использование архитектуры типа клиент-сервер, использование разнообразных программных средств [12].

Основная черта виртуального экономического субъекта, значимая для его различия с прочими экономическими субъектами, состоит в возможности выбирать и использовать прочие ресурсы и компетенции, представленные в виртуальном пространстве, с незначительными временными затратами. Соответственно, конкурентные преимущества экономических субъектов, представленных в виртуальном пространстве, состоят в следующем:

1. Повышенная скорость выполнения рыночных заказов.
2. Возможность значительного снижения совокупных издержек.
3. Возможность обеспечения более полного удовлетворения потребностей заказчика.
4. Возможность быстрой адаптации к изменениям окружающей экономической среды.

5. Возможность обойти или снизить барьеры при выходе на другие рынки.

Естественно, виртуальный рынок, являясь специфической экономической средой, значительно отличающейся от традиционных рыночных систем, предъявляет к экономическим субъектам определенные требования. Так, мы предполагаем, что действующий в рамках виртуального пространства экономический субъект в целях обеспечения эффективности собственной деятельности должен обладать двумя ключевыми компетенциями:

1. Умение определять и привлекать ключевые компетенции, ресурсы и инструменты, необходимые для реализации того или иного проекта.

2. Способность к организации эффективного процесса создания и сбыта продукции.

3. Умение ясно формулировать достижимые задачи и передавать информацию. В условиях виртуального пространства повышается значение знания иностранного языка, поскольку это расширяет выбор возможных партнеров.

4. Умение структурировать время вовлеченных работников и специалистов наиболее оптимальным образом.

5. Способность обеспечивать эффективную систему сотрудничества и коммуникации в виртуальной среде между всеми вовлеченными взаимодействующими партнерами и привлеченными специалистами [7].

Наконец, важно отметить, что экономические субъекты, действующие преимущественно в виртуальном пространстве, сталкиваются и с некоторыми трудностями, которые вызваны спецификой виртуального пространства как экономической среды. К таким трудностям можно отнести, в частности, чрезмерную экономическую зависимость от партнеров, исходящую от узкой специализации членов виртуальной организации, а также опасность переусложнения структуры взаимодействия между партнерами и специалистами, детерминированная разнородностью привлеченных к деятельности специалистов и предприятий, динамикой самоорганизации, неопределенностью в вопросах долгосрочного планирования.

Список литературы

1. Абрамов В. Л. Конкурентоспособность экономики России: современное состояние и стратегия развития // Экономика, статистика и информатика. 2012. № 2. С. 3-7.

2. Аникин О. Роль телекоммуникаций в развитии российской экономики // Маркетинг. 2012. № 2. С. 108–115ю

3. Модернизация экономики: единство технологической, образовательной и коммуникационной стратегий / А. Блинов [и др.] // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 4. С. 8–16.

4. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 65–69.

5. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального

пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310–315.

6. Ивановский Б. Г. Модернизация экономики: курс на выживание // Экономические и социальные проблемы России. 2011. № 1. С. 40–45.

7. Лизун В. Инновационная экономика: парадигмы ускорения // Управление качеством. 2012. № 9. С. 27–38.

8. Малкова Е. В., Новикова И. Н. Оценки виртуальности и реальности современных финансов // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 120–130.

9. Мейтус В. Виртуализация производства // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 1. С. 94–99.

10. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М. : Изд-во МГУ, 1999. 208 с.

11. Новиков В. С., Оганесян Л. Л. К вопросу о виртуализации экономики: содержательный аспект // Экономика и предпринимательство. 2012. № 1. С. 133–138

12. Сигаев Д. Ю. Эффективный рынок труда как фактор конкурентоспособности экономики // ЭПОС. 2012. № 1. С. 31–35.

13. Соколова Л. В. Направления и источники экономического роста на основе технологично-инновационных процессов // ЭПОС. 2012. № 1. С. 10–14.

14. Ткачева Е. Н. Виртуальные организации как новая форма экономических систем: функциональное содержание и принципы управления : дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

15. Фридланд А. Я. Модернизация экономики и информационные технологии // Дистанционное и виртуальное обучение. 2011. № 6. С. 39–45.

16. Хасанова А. Ш. Постиндустриальное общество и развитие конкурентных отношений // Российское предпринимательство. 2005. № 10. С. 105–108.

17. Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений // Экономист. 2012. № 3. С. 62–68.

УДК 37.042.2

ББК 4432.4

Самусикова Е. А., Гуринович Л. А., *Иркутск*

Творческая мастерская как технология образования для взрослых: социальные аспекты профессионального обучения работников социальной сферы

Рассматриваются особенности применения технологий социального образования в среде работников социального учреждения пандемийного периода. В целях повышения мотивации работников выдвигается идея применения такой технологии, как творческая мастерская. Исследуются возможности андрагогической теории в отдельно взятом коллективе с применением цифровых инструментов.

Ключевые слова: андрагогика, социальное образование, профессиональное выгорание, образовательные технологии, работники.

Samusikova E. A., Gurinovich L. A., *Irkutsk*

Creative workshop as a technology of adult education: Social aspects of professional training of education workers

The article considers the features of the use of social education technologies among employees of a social institution during the pandemic period. The authors propose the idea of using such a tech-

nology as a creative workshop in order to increase the motivation of employees. The authors explore the possibilities of andragogical theory in a single team using digital tools.

Keywords: andragogy, social education, professional burnout, educational technologies, employees.

Трансформация образовательной сферы в новом веке не является линейным вектором, процессы затрагивают как отдельные аспекты системы, так и различные социальные группы, включенные во взаимодействие и социальные отношения. Усложнение проблемных ситуаций в образовании особенно часто возникают при появлении фактора закрытого сообщества, каковым стали коллективы работников специализированных образовательных организаций, деятельность которых напрямую связана с социальным сопровождением людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, независимо от их возраста, в период объявления мер профилактики заражения аудитории COVID-19. Одним из следствий такового становится ускорение профессионального выгорания и других видов деструкции. Одним из методов нивелирования ситуации становится внесение элементов социального образования, однако в педагогической среде это будет встречать некоторое неприятие со стороны собственно работников. Разберем подробнее вышесказанное.

Профессиональный стандарт педагога задает высокие требования к профессиональной компетентности педагога. Это требует повышения квалификации педагога, но не в традиционном понимании приращения у него профессиональных знаний, умений и навыков, а расширение профессионального пространства педагога как показателя его профессиональной компетентности. Профессиональное развитие в контексте нового профессионального пространства педагога проявляется в способности педагога к рефлексии своего профессионального уровня, стремлении совершенствовать профессиональные компетенции, выстраивать процесс педагогического самообразования, а также обнаруживать, ставить и решать новые педагогические задачи разного уровня – стратегического, тактического, оперативного.

Кроме того, педагог должен уметь находить общий язык с разными детьми, независимо от их способностей и развития. Педагог сегодня должен подавать пример подрастающему поколению, начиная с личной жизни и внешности и заканчивая своими профессиональными данными. Наряду с повышением требований к профессиональной компетентности характерными чертами педагогического коллектива являются:

- старение и феминизация кадров;
- низкая заработная плата и снижение престижа педагогической профессии;
- опора на репродуктивные методы обучения;
- отсутствие возможностей и стимулов для профессиональной самореализации и инноваций, которые связаны впоследствии с образованностью, информированностью, эрудицией, компетенцией, владением прогрессив-

ными технологиями и других качеств специалиста, работающего в цифровом обществе.

Основными проблемами современного педагога являются «отсутствие позитивного отношения к инновациям, низкая психологическая готовность к профессиональной деятельности в новых экономических условиях, субъективная позиция, которая позволила бы ему активно управлять профессиональным развитием». Результатом всего этого становится профессиональное выгорание. Это отражается в сужении видов активности работников, поскольку не встречается поддержки руководства и не отражается в критериях поощрения.

Авторы предприняли попытку проанализировать возможность внедрения моделей социального образования при работе с педагогами, имеющими стаж работы в специализированном учреждении свыше 1 года и до 35 лет. Преобладающий возраст – женщины. Нами было проведено интервью среди 56 сотрудников ГОКУ Школы-интернат № 20 г. Иркутска для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата методом полустандартизированного интервью в мае 2021 г. При ответе на вопрос о готовности к обучению аудитория разделилась. Так, 54 % респондентов готовы обучаться, а 46 % не хотят никакого дополнительного образования, которое может быть связано как с профессиональным, так и с интеллектуальным совершенствованием.

Основными причинами были названы:

- отсутствие времени (41 %);
- обучение на курсах оплачивает сам работник, поэтому проходит их для участия в профессиональной аттестации (33 %);
- отсутствие интереса к преподаваемому материалу («каждый раз одна и та же информация») (26 %).

Результаты демонстрируют необходимость изменения количества и качества образовательных технологий, применяемых при внедрении социального образования в конкретных социальных учреждениях и сферах. Авторы полагают, что в подобных ситуациях необходимо использовать ресурсы, накопленные специалистами, работающими по образованию взрослых – андрагогами.

Необходимо пояснить, что андрагогика является довольно молодой наукой, изначально позиционированной как отрасль педагогики. Практика показала, что сегодня возможности применения андрагогика взяты на вооружение и специалистами по социальной работе, таким образом сфера образования взрослых становится междисциплинарной, в которой важно работать специалистам различного профиля и уровня образования.

Поскольку андрагоги занимаются системным образованием взрослых, в их арсенале накоплено немало технологий работы: круглые столы и применение метода конкретных ситуаций, дистанционного обучения и творческих мастерских и т. п. [1, с. 48–58]. Подготовка специалистов по социальной работе предполагает обучение андрагогическим компетенциям, что позволяет профессионально работать с аудиторией обучающихся профессиона-

лов. В случае нашего исследования, как выяснили авторы, наиболее органично будут восприняты организуемые на базе образовательных учреждений творческие мастерские по разным направлениям: гончарное дело, йога, рисование, зумба и т. д., которые будут способствовать профилактики профессионального выгорания, повышению учебной мотивации педагогов, повышению их уровня самообразования. Продолжительность проведения творческой мастерской составляет один месяц, занятия могут проводиться два раза в неделю. Предлагается включить данные занятия в рабочее время педагогов, например, по окончании рабочего дня. В течение года предусмотрено 12 различных творческих мастерских. Так как аттестационный период составляет 5 лет, то после года посещения творческих мастерских педагогу на выбор предлагается определить для себя одно направление, чтобы в дальнейшем можно было использовать в своей работе с аудиторией обучающихся. Результатом данного проекта будет повышение уровня мотивации, снижение уровня профессионального выгорания.

Итак, профессиональное выгорание является социальной проблемой индивидуального и профессионального развития личности. Формирование закрытых пространств в социальных организациях социальной сферы, произошедшее после объявления пандемии, увеличивает эту аудиторию и ускоряет процессы выгорания. Технологии социального образования, применяемые андрагогами в аудитории специалистов социальной сферы, могут уменьшить проблему, в том случае, если воспроизводить обучение, в том числе необходимое для аттестации работников, на рабочих пространствах, с приглашением специалистов смежных организаций, в том числе университетского уровня, с фиксацией мастер-классов и творческих мастерских с последующим тиражированием на виртуальных площадках организаций-участников таких образовательных проектов.

Список литературы

1. Технологии образования взрослых : пособие для тех, кто работает в системе образования взрослых / под общ. ред. О. В. Агаповой, С. Г. Вершловского, Н. А. Тоскиной. СПб. : КАРО, 2008. 176 с.

УДК 331
ББК 65.5

А. М. Семенова, *Иркутск*

Работа, заработок, реализация в виртуальном пространстве

Рассматриваются особенности выстраивания системы заработка в виртуальном пространстве. Показываются особенности поиска и получения работы в цифровом мире.

Ключевые слова виртуальная занятость; фриланс; биржа фриланса; цифровая социализация.

A. M. Semenova, *Irkutsk*

Work, income, implementation in the virtual space

The features of building a system of earnings in the virtual space are considered. The features of finding and getting a job in the digital world are shown.

Keywords: virtual employment; e-lance; freelance; digital socialization.

В данной статье мы рассмотрим дистанционный труд людей в сфере занятости, а именно насколько сейчас это востребовано и реализуемо в современных реалиях. Для начала нам необходимо понять, что из себя представляет трудовая деятельность в виртуальном пространстве.

Виртуальная занятость (дистанционная) – это форма организации труда, благодаря которой работник может выполнять свои должностные обязанности за пределами рабочего места, когда классическое единство места и времени перестает быть необходимой характеристикой производственной деятельности. Основными отличительными признаками виртуальной занятости являются:

- возможность выполнения работы без присутствия трудового коллектива;
- выполнение трудовых функций посредством сети Интернет в реальном времени;
- преодоление территориальных (пространственных) преград;
- активное использование компьютерных и информационных технологий в трудовой деятельности;
- высокая мобильность рабочей силы.

Благодаря созданию сети Интернет, появилась среда доступа для получения информации независимо от местонахождения офиса или самого сотрудника. Были преодолены барьеры пространственного и временного характера с помощью различных инструментов, на примере электронной почты, приложений и других средств коммуникации. Сейчас меняется представление о работе, а также появляются различные способы получения дохода исключая классический процесс в трудовой деятельности [7].

Однако результат, который сейчас имеет общество в современном мире, появился не сразу. Для этого потребовалось определенное количество времени и этапов. Сама концепция удаленной занятости появилась в 70-х гг.

XX в. Основной причиной была необходимость найти способ решения проблем нехватки рабочих мест в отдаленных населенных пунктах и транспортных перегрузок в крупных городах. Конечно, тогда еще было сложно представить, что данный процесс возможен и немногие понимали его преимущество. Было необходимо экономически обосновать, что присутствие всех сотрудников на рабочем месте не обязательно, но и возможно это могло мешать рабочему процессу (связь в тот период можно было поддерживать только через телефон). Поэтому ученые, продвигая свои идеи в технологических реалиях прошлого века и введя понятие «теледоступ», стали связывать его будущее с новыми технологическими возможностями в сфере коммуникаций [2].

В конце 80-х гг. такую форму занятости преимущественно использовали в качестве дополнительного заработка для людей с ограниченными возможностями и домохозяйек, которые могли трудиться только на дому. Поэтому сторонники концепции удаленной занятости пришли к выводу о необходимости продвижения идеи о внедрения альтернативных форм найма и организации труда работников в средствах массовой информации. В тот период появляется понятие «гибкое рабочее место» [6].

В наше время мы часто стали слышать о таком виде трудовой деятельности как фриланс. Фрилансер – это частный специалист, который может выполнять несколько заказов от разных работодателей, при этом он не обязан находиться в штате сотрудников какой-либо организации. Человек полностью самостоятельно прорабатывает свой рабочий процесс и благодаря современным технологиям, существует огромное количество площадок для поиска работы в сети Интернет.

Современных фрилансеров можно разделить на две группы. Первая – это «фриланс-одиночки», которые работают самостоятельно без различных площадок по поиску работы, а самостоятельно находят своих потенциальных клиентов. К этой категории могут относиться занятые, которые предоставляют услуги или продажу товаров через социальные сети: «Одноклассники», VK, Instagram, Pinterest. Примером такого фрилансера может являться иллюстратор детских книжек. Вторая группа – это «фриланс-группы», как правило, их трудоустройством и поиском потенциального заказчика занимаются биржи по поиску работы. Все больше таких бирж в России открывают вакансии для фрилансеров, например, Freelancehunt.com [1].

В виртуальной занятости представлен большой список профессий, которые могут себя реализовать, например, IT-специалисты, специалисты по интернет-маркетингу, веб-разработчик, бухгалтер, юристы и даже врачи, и т. д.

Особо сильным толчком для развития виртуального пространства послужила пандемия COVID-19. Мы можем с уверенностью сказать, что для человечества данная ситуация имела негативное влияние на систему здравоохранения, а также нанесла сильный урон экономике многих государств. Из-за эпидемиологической обстановки пострадал малый бизнес, где трудится достаточно большой процент занятых. Многие были сокращены на рабо-

те или сама организация не справилась с ситуацией, поэтому большой процент людей стали безработными. Однако был виден резкий скачок перехода многих специалистов на дистанционную работу, так как это был единственный вариант применения своего опыта, знаний, умений и навыков в ограниченных условиях. Сейчас тенденция сохраняется в некоторых профессиях, открывая больше возможностей для дальнейшего развития удаленной работы [5].

Особую популярность сейчас имеет блоггинг, как один из вариантов заработка без какой-либо профессиональной квалификации или трудового опыта. Что же такое блоггинг? Блоггинг – это деятельность, направленная на привлечение определенной аудитории за счет предложенного контента, часто основной задачей является продвижение товара, бренда, услуги. Здесь мы можем наблюдать за большой конкуренцией, так как данной сферой интересуется огромное количество людей [4]. Это один из примеров, где люди могут себя реализовать как медийные личности, артисты, ведущие, ученые или специалисты любой сферы, так как ограничений для выбора тематики контента нет. Однако нужно отдавать отчет, что здесь нет гарантии получения прибыли.

Но со всеми положительными тенденциями всплывают и проблемы, одной из которых является законодательное регулирование дистанционной занятости. Между тем первые шаги в этом направлении уже делаются. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации разрабатывают введение понятия дистанционной занятости и описания специфики работы таких специалистов [3].

Второй проблемой, которая связана напрямую с экономическим показателем, это налогообложение. В связи с этим возникает двойная проблема: для государства – заставить и объяснить тому же самозанятому о необходимости платить все налоги, а для самозанятого – реально представить объем налоговых платежей.

Таким образом, появление в современном мире возможности организовывать трудовой процесс в виртуальном пространстве, вести виртуальный бизнес, реализовывать свой потенциал посредством различных коммуникационных площадок, всё это значительно увеличило показатель занятости населения. На данный момент, основной процент граждан занятых в подобном труде является молодежь, но и более старшее поколение не отстает от современных тенденций.

Такие факторы, как удобство, мобильность, доступность, коммуникабельность в реализации дистанционного труда, помогли значительному числу безработных граждан вновь обрести работу, а также возможность открыть что-то свое или внести в развитие нового направления, извлекая из этого прибыль. И еще один важный фактор – это высокая адаптация к изменениям спроса на трудовую силу. Сейчас люди чаще стали получать большее количество разнообразных навыков для повышения своей конкурентоспособности [8].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в ближайшие годы удаленная работа будет преобладать в некоторых сферах занятости, поэтому стоит обратить внимание на изменение рынка труда и его критерии. В дистанционном процессе важны будут навыки и результат, а образование не будет являться ключевым моментом. Однако утверждать данное предположение не стоит, так как последние события, происходящие в мире, показали, что нет ничего постоянного и изменения могут произойти в любой области.

Список литературы

1. Афанаскина Е. М. Виртуальная занятость: возможности, преимущества, проблемы. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25557606_95395028.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
2. Афанаскина Е. М. Фрилансеры как двигатели виртуальной занятости. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24313860_76668832.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
3. Голубниченко М. В. Основные черты и виды виртуальной занятости. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11723003_74696786.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
4. Дудко В. Н., Акулова Е. Е. Виртуальный труд как фактор повышения занятости в современной экономике. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29007080_53531625.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
5. Иванов Р. В. Роль цифрового пространства в профессиональной реализации человека // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб., 2020. С. 74–75.
6. Полошкевич О. А. Истина конструируется // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 10.
7. Русый В. Э., Полханова В. И. Актуальные профессии для заработка в виртуальном пространстве. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41143177_18556649.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
8. Сауткина В. А. Виртуальная занятость: новые возможности и риски. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-zanyatost-novye-vozmozhnosti-i-riski/viewer> (дата обращения: 01.09.2021).

УДК 37.64
ББК 34.20

В. А. Скуденков, *Иркутск*

Экономические притязания и социальные статусы в выборе виртуальных профессий в цифровом мире

Определяется новый уровень формирования экономических и социальных притязаний молодежи в виде виртуальной занятости. Доказывается, что виртуальные профессии, не имеющие аналога в современном реальном мире, становятся приоритетом обучения и профессиональной и личной реализации молодых людей. Делается вывод о необходимости расширения обучения данным специальностям в отечественных университетах, иначе мы сможем наблюдать очередную образовательную миграцию молодежи в западные вузы, где уже ведется подготовка специалистов в данных сферах.

Ключевые слова: экономические притязания, социальные притязания, социальные статусы, выбор профессии, цифровизация, виртуальное пространство, виртуальные профессии

V. A. Skudenkov, *Irkutsk***Economic claims and social statuses in the choice of virtual professions in the digital world**

The article highlights a new level of formation of economic and social claims of young people in the form of virtual employment. It is proved that virtual professions, which have no analogue in the modern real world, are becoming a priority in the training and professional and personal realization of young people. It is concluded that it is necessary to expand training in these specialties in domestic universities, otherwise we will be able to observe the next educational migration of young people to Western universities, where specialists in these areas are already being trained.

Keywords: economic aspirations, social aspirations, social statuses, choice of profession, digitalization, virtual space, virtual professions

Усиление роли и значимости цифрового мира ведет к тому, что и будущую профессию многие молодые люди связывают с виртуальным пространством. Ориентир на обычную занятость уже около 30 лет смещается на удаленную работу. А развитие сети интернет приводит к тому, что не просто выполнение обычной деятельности в той или иной профессии удаленно считается нормой, но и появляются профессии, только представленные в виртуальном мире, не имеющие аналогов в обычной реальной профессиональной нише.

Появление новых профессий, новой занятости в цифровом мире – приводит к тому, что меняются установки, ориентиры и возможности молодежи выстраивать свою профориентационную и профессиональную деятельность. Работа в виртуальном пространстве позволяет сохранять личное пространство, работать удаленно, опираться на свои знания, умения и навыки, реализовывать свой потенциал не так, как это делали родители и в целом, предыдущие поколения.

Рассматривая работы И. А. Журавлевой [1–7] о выборе современной молодежи в сфере образования, исследования С. В. Малых [12–16] о виртуализации университетского образования, работы Р. В. Иванова [8–11] о виртуализации сообществ, о трансформации мировоззрения в исследованиях О. А. Полюшкевич [17–19] можно прийти к выводу о том, что мы находимся сейчас в состоянии ключевого поворота – мышления, сознания и реальной деятельности в совершенно новом направлении, которое еще не знало человечество. Так же в работах автора [20,21] прослеживается трансформация притязаний (личных, социальных, экономических) в сторону усиления цифровой реализации и виртуальных симулякров.

Виртуальные профессии – это новая ниша реальности, которая сейчас только зарождается, но в будущем станет основной нишей профессиональной, социальной и личной реализацией человека. Если угодно, виртуальные профессии – это наше будущее. Так как сферу обслуживания, сельского хозяйства, промышленности займут автоматизированные системы, человеку останется сфера управления ими и создания сферы досуга, развлечения, где влияние искусственного интеллекта пока мало применимо.

И уже сегодня активно внедряются виртуальные профессии. Из опрошенных нами 720 человек, проживающих в Иркутске в возрасте от 18 до 32

лет (56 % девушки и 44 % юноши), 62 % рассматривают для себя возможность виртуальной работы, 38 % настаивают на работе в реальных сегментах экономики. Причем среди молодых людей на треть больше тех, кто хотел бы работать виртуально, чем среди девушек.

Спрашивая о реальной осведомленности в сфере виртуальных профессий, молодые люди также достаточно осведомлены. И это не только программисты (хотя о них упомянуло 99 % респондентов).

Наиболее часто говорили об «архитекторе виртуальных миров, или дизайнере виртуальных миров», «биоэтике», «дизайнере эмоций», «генетик-консультанте», «проектировщике роботов».

На вопрос, знаете ли вы, где учат на эти специальности, смогли ответить 32 % респондентов и, к сожалению, они чаще указывали на зарубежные вузы. В российских вузах либо не готовят таких специалистов, либо респонденты об этом не знают. Только один российский университет был упомянут респондентами.

Среди зарубежных вузов указывали такие специальности, как «Архитектор виртуальности, или дизайнер виртуальных миров» – 12 %. Бакалавриат: «Виртуальные технологии и дизайн» (Айдакский университет, США); магистратура: «Умные медиа и виртуальная реальность» (Хемницкий технический университет, Германия).

«Биоэтик» – 8 %. Бакалавриат: «Биоэтика» (Торонтский университет, Канада), магистратура: «Биоэтика» (Пенсильванский университет, США).

«Киберследователь, или специалист по кибербезопасности» – 5 %. Бакалавриат: Компьютерная безопасность и криминалистика, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания. Магистратура: Правила управления кибербезопасностью, Бостонский колледж, США.

«Дизайнер эмоций» – 5 %. Дизайнер эмоций – это специалист, который отвечает за результат воздействия информации на человека. Бакалавриат: «Интерактивный дизайн медиа» (Вашингтонский университет, США), магистратура: «Взаимодействие человека и медиа» (Университет Твенте, Нидерланды).

«Генетик-консультант» – 5 %. Еще одна, уже существующая профессия. Бакалавриат: «Генетика» (Манитобский университет, Канада), магистратура: «Генетическое консультирование» (Бостонский университет, США).

«Проектировщик роботов» – 5 %. Базовое образование робототехника можно получить в России, например в МГТУ им. Н. Э. Баумана. Бакалавриат: «Робототехника» (Университет Ольборга, Дания). В Университете Ольборга даются комплексные знания по робототехнике, механике, электронике, технологиям компьютерного зрения и передаче данных. Магистратура: «Искусственный интеллект и робототехника» (Римский университет Ла Сапиенца, Италия).

93 % опрошенных полагают, что нынешний уровень образования не дает им гарантий для реализации в указанных профессиях, поэтому они интересуются, где на них готовят уже сегодня. И треть (32 %) реально рас-

смачивает возможность продолжения обучения в этих вузах. Остальные знают об их существовании, но пока не готовы (чаще финансово) поехать туда на обучение. Но если финансовая сторона решится через гранты или помощь родственников, то готовы поехать на обучение.

На вопрос о том, какие статусы и социальные привилегии дает виртуальная профессия, молодые люди говорили, что она дает независимость (26 %), престиж (24 %), экономическую стабильность (27 %), профессиональную востребованность (23 %). Контекст рассуждения молодых людей касался социального престижа и востребованности данных специальностей, умения встроиться в требования современности. То есть того, что позволит им быть уверенными в себе и своем будущем востребованными, высокооплачиваемыми специалистами.

Виртуальная профессия становится социальным статусом, сферой социальных и экономических притязаний молодых людей. И чем шире отечественные вузы будут давать подготовку специалистов в сфере виртуальности, тем более успешными и реализованными будут современные молодые люди, чье будущее лежит в сфере виртуальности и определяется ее ценностями, знаками и ориентирами. И если отечественные вузы не реализуют эту задачу сегодня, то завтра будущие абитуриенты будут поступать в зарубежные образовательные учреждения, мы сможем увидеть очередную образовательную волну миграций, более подготовленного, креативного, умного и образованного сегмента молодежи.

Список литературы

1. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 475–480.
2. Журавлева И. А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
3. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // *Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 361–363.*
4. Журавлева И. А. Образовательный контекст трудовой реализации российской молодежи // *DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Хабаровск : ХГЭА, 2019. С. 71–78.*
5. Журавлева И. А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // *Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 182–184.*
6. Журавлева И. А. Социальная самоизоляция молодежи через виртуальное пространство // *Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 165–169.*
7. Журавлева И. А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.*
8. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // *Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 161–165.*
9. Иванов Р. В. Проблемы солидарности сообществ в виртуальном мире // *Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 251–254.*

10. Иванов Р. В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 15–18.
11. Иванов Р. В. Феномен смешанной реальности на основе синтеза мифов объективного и виртуального миров // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы II Ежегод. науч.-практ. интернет-конференции. Вологда : ВНИЦ РАН, 2017. С. 370–373.
12. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 29–34.
13. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // Социология. 2019. № 6. С. 263–267.
14. Малых С. В. Публичное пространство и цифровые технологии формирования репутации вуза // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 248–254.
15. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–316.
16. Малых С. В. Цифровизация обучения в университете: социальные эффекты и риски // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 412–413.
17. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 303–307.
18. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВНИЦ РАН, 2021. С. 420–422.
19. Полошкевич О. А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 141–143.
20. Скуденков В. А. Психология виртуального имиджа // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 75–77.
21. Скуденков В. А. Экономические притязания: инструменты предъявления в цифровом мире // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 163–165.

УДК 796.071
ББК 75.578

А. А. Тараткина, *Йошкар-Ола*

Образ профессионального футболиста в виртуальном пространстве (на примере Криштиану Роналду)

Предпринята попытка рассмотрения феномена образа самого популярного в медийном пространстве спортсмена Криштиану Роналду. Представлены прецеденты, доказывающие степень его влияния не только в мировом спорте, но и виртуальном пространстве: социальных сетях, киберспорте и средствах массовой информации. Разобраны компоненты, формирующие его образ как таковой. Выведены возможные причины разрастания образа футболиста до глобальных масштабов. Отдельное внимание уделено контенту его социальных сетей, являющихся наиболее востребованными во всем мире.

Ключевые слова: имидж, образ, виртуальное пространство, социальные сети, профессиональный футболист.

А. А. Taratkina, *Yoshkar-Ola*

The image of a professional football player in a virtual space (on the example of Cristiano Ronaldo)

In this paper, an attempt is made to consider the phenomenon of the image of the most popular athlete in the media space, Cristiano Ronaldo. There are precedents that prove the degree of its influence not only in world sports, but also in the virtual space: social networks, esports and the media. The components that form its image as such are disassembled. The possible reasons for the growth of the image of a football player to a global scale are derived. Special attention is paid to the content of its social networks, which are the most popular all over the world.

Keywords: look, image, virtual space, social networks, professional football player.

Жизнь профессиональных спортсменов давно вышла за рамки спортивных площадок и из реальности отчасти перекочевала в виртуальное пространство. Успешный спортсмен формирует свой образ с помощью социальных сетей, бесед с авторитетными интернет-изданиями, благотворительности (призыва к ней через те же социальные сети) и другими инструментами.

Если принять за условную единицу измерения количество подписчиков, то наиболее медийным и успешным в виртуальном пространстве однозначно можно назвать португальского футболиста Криштиану Роналду. Его социальные сети по состоянию на 7 июня 2021 г. насчитывали порядка 517 млн фолловеров (учитывались Twitter, Instagram, Facebook и YouTube) [5]. Такая аудитория делает его наиболее влиятельным лицом социального интернет-пространства, где находится более половины населения планеты. Второе место в топе занимает певец Джастин Бибер с аудиторией в 455 млн в пяти социальных сетях (у Криштиану нет аккаунта в самом популярном на данный момент TikTok). Кроме того, футболист – единственный спортсмен в десятке главных инфлюенсеров виртуального интернет-пространства.

Таким образом, цель данной работы – рассмотреть образ Криштиану Роналду в виртуальном пространстве и попытаться объяснить причины успешности его продвижения.

Свой имидж Криштиану создавал годами: и своими успехами в футболе, и противостоянием с Лионелем Месси, и семьёй, и рекламой, и внешним видом. Результатом трудов имиджмейкеров и самого футболиста стало следующее представление о Роналду:

- успешный спортсмен;
- обладатель «идеальной» внешности;
- семьянин.

Причём его жизнью интересуются не только любители футбола и спорта в целом, но и те, кто предпочитают следить за жизнью известных людей. Вряд ли найдётся пользователь социальных сетей, который не знал бы имени Криштиану Роналду, но в то же время доля тех, кто сможет назвать клуб, за который он сейчас играет, или как минимум сборную команду, значительно меньше.

Криштиану Роналду в своих социальных сетях публикует фотографии с футбольного поля, с тренировок и игр, с сокомандниками и в одиночку. Это

подавляющий процент контента его аккаунтов. Однако исключительно «футбольными» его профили назвать нельзя. Довольно часто спортсмен делится фото с семьёй, женой и детьми, роликами о глобальных проблемах и рекламными постами личного бренда CR7 [2]. В этом и заключается формирование его образа в виртуальном мире, а кто такой Криштиану на самом деле пользователям неизвестно. Однако то, каким он там представляется, им импонирует и интересуется более 500 млн человек.

Образ его поддерживается не только активностью в социальных сетях, но и востребованностью его как лица брендов, рекламу которых миллионы телезрителей во всем мире видят с телеэкранов ежедневно [1].

Успехи и имидж Роналду в виртуальном пространстве социальных сетей сказываются также на его востребованности в иной грани виртуального – в киберспорте. На протяжении многих лет Криштиану украшал обложки разных частей игры FIFA, киберспортивной дисциплины. Роналду имеет один из самых высоких рейтингов в игре – 93, является одним из самых дорогих игроков и самым «неуловимым». Тысячи пользователей вкладывают реальные деньги, чтобы в итоге стать обладателями заветной карточки. Блогеры и стримеры годами делают контент о попытках случайно заполучить карточку в игровых наборах. Всё это лишь подогревает интерес к Роналду как таковому и строит его образ лучшего в мире футболиста.

Примечателен также факт, что рейтинг игрока всегда оставался одинаковым, вне зависимости от того, как он проявлял себя на поле. При том, что рейтинг остальных футболистов растёт или уменьшается соответственно их реальным показателям на поле. Это также свидетельствует о том, каков масштаб личности Криштиану в современном футболе. В этом он не идёт в сравнение даже со своим главным оппонентом Лионелем Мессеи.

Его влияние настолько ощутимо массами, что на Евро-2020, прошедшее летом 2021 г., миллионы охотно поверили в то, что футболист буквально движением руки смог обрушить акции бренда-гиганта Coca-Cola. Дело в том, что Роналду во время пресс-конференции отодвинул бутылки колы подальше от своего лица и приподнял вверх воду, как бы демонстрируя свой отказ от вредного напитка в пользу чистой воды [4]. Это вызвало серьёзный резонанс: пользователи социальных сетей и средства массовой информации начали активно писать об этом, публиковать видео. Другие футболисты и тренеры сборных ещё не раз после случившегося повторили жест Роналду или наоборот поддержали газировку.

На следующий день в сети появилась информация о серьёзных финансовых потерях Coca-Cola якобы из-за того, что такой человек как Криштиану призывает отказаться от сахарного напитка. И в это охотно поверили. Причём не только обыватели, но и профессиональные журналисты, ведь финансы компании резко сократились через полчаса после участия футболиста в пресс-конференции. В сознании людей образ Криштиану Роналду масштабен до такой степени. Однако уже позже появилась информация о

том, что это лишь совпадение и состояние компании не связаны с футболистом [3].

Тем не менее даже предположить невозможно, что какой-то другой спортсмен способен устроить такую шумиху буквально на пустом месте. А всё дело как раз в том, какое место Криштиану занимает в виртуальном пространстве, ведь именно в нём и произошла описанная выше ситуация.

Безусловный успех образа Криштиану Роналду опирается на совокупность факторов: успешная футбольная карьера, грамотное построение имиджа и развитие социальных сетей. Все они складываются в единую систему, благодаря которой массы знают португальца как выдающегося спортсмена, ведущего здоровый образ жизни, отлично благодаря этому выглядящего, многодетного отца, любящего мужа и просто влиятельного человека, нечестно замеченного в скандалах. Он не скрывает роскоши, в которой живёт, но вместе с тем за его жизнью приятно следить в Instagram, поскольку она практически как у рядового индивида. Вместе с тем его футбольный успех делает его не менее востребованным и в видеоиграх.

Список литературы

1. Воронина В. Т., Корогодина Е. А., Корчагина Н. Л. Спонсорские и телевизионные контракты как способ заработка в профессиональном спорте // АНИ: экономика и управление. 2020. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sponsorskie-i-televizionnye-kontrakty-kak-sposob-zarabotka-v-professionalnom-sporte> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Изаак С. И., Коловратов В. А. Формирование индивидуального бренда профессионального спортсмена // Ученые записки университета Лескрафта. 2020. № 6 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-individualnogo-brenda-professionalnogo-sportsmena> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Криштиану Роналду не лишил Coca-Cola 4 миллиардов долларов. Не верьте мифам, мы все объясним. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/voronin/2933432.html> (дата обращения: 01.09.2021)
4. Роналду убрал спонсорскую кока-колу на пресс-конференции. Он жестко против сахара – даже не рекламирует его. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/odukhevremeni/2932949.html> (дата обращения: 01.09.2021)
5. Соцсети Роналду популярнее всех в мире: более 500 млн подписчиков (это он еще TikTok не заводил!). URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/messironaldo/2928874.html> (дата обращения: 01.09.2021)

УДК 331.421
ББК 65.290

М. Н. Хойна, *Симферополь*
Научный руководитель: В. В. Верна

Гибридная модель рабочего пространства как эффективная форма занятости в период цифровой экономики

Рассмотрена сущность гибридного рабочего пространства как эффективной формы занятости. Представлены основные преимущества и недостатки обеспечения сотрудников гибридными рабочими местами, выявлена эффективность их использования. Показана статистика применения практики удаленной работы в России. Приведены основные направления обучения гибридных специалистов с целью развития конкурентных навыков. Сделан вывод о популяризации гибридных сотрудников.

Ключевые слова: гибридные рабочие места, гибридные специалисты, удаленная занятость, модель работы.

M. N. Hoyna, *Simferopol*
Scientific advisor: V. V. Verna

Hybrid workspace model as an effective form of employment in the digital economy period

The article discusses the essence of a hybrid workspace as an effective form of employment. The main advantages and disadvantages of providing employees with hybrid workplaces are presented, the effectiveness of their use is revealed. Shown statistics of the use of the practice of remote work in Russia. The main directions of training hybrid specialists with the aim of developing competitive skills are given. The conclusion is made about the popularization of hybrid employees.

Keywords: hybrid jobs, hybrid professionals, teleworking, work model.

Переход к удаленной работе подтолкнул человечество к переосмыслению того, как работают организационные команды, когда личные встречи невозможны. Прошедший год показал, что есть инструменты, программное обеспечение и навыки для эффективной работы, где бы ни находились сотрудники. Работники осознали, что качественное выполнение должностных обязанностей возможно и в домашних условиях. Но все же существует определенная оторванность или недостаток внимания при удаленной работе, что требует изменений в удаленной занятости. Все эти факторы способствовали появлению гибридного рабочего пространства, где сочетаются удаленная и офисная работа.

Гибридное рабочее место представляет собой пространство, обеспечивающее гибкую и беспроблемную совместную работу сотрудников организации из любого места. У работников появляется возможность выбирать, где и когда они будут работать, и распределять время между работой из дома и работой из центрального офиса. Основным требованием к гибричному рабочему месту является предоставление сотрудникам многофункциональных, интуитивно понятных инструментов для совместной деятельности, позволяющих обмениваться информацией.

Гибридное рабочее пространство может быть полностью удаленным, а сотрудники могут приходить в офис лишь на регулярные совещания, требующие личного присутствия. Или большая часть команды может работать из офиса, а несколько работников или команд могут работать удаленно [6].

Преимуществами гибридных рабочих мест являются улучшение производительности труда сотрудников, расширение кадрового резерва и удержание талантов, оптимизация расходов на содержание офисных помещений, повышение организационной гибкости, расширение географии поиска персонала, смещение фокуса с формального соблюдения регламентов операционной деятельности на конкретный результат и др.

Кроме того, наличие рабочей занятости в офисе позволяет сотруднику, особенно при устройстве на работу, адаптироваться к организационной среде, познакомиться с коллективом, после чего, дальнейшее время работать удаленно эффективно.

Данные возможности подтверждаются американской транснациональной компанией, согласно опросам которой 98 % сотрудников полагают, что в будущем на совещаниях будут присутствовать удаленные участники, а 58 % сотрудников по прогнозам будут работать из дома минимум 8 дней в месяц [1].

В России, согласно опросам, на данный момент около 45 % сотрудников уже работают в гибридном режиме, при этом соотношение рабочего времени в офисе и дома составляет 25 и 75 % соответственно. Так, например, в 2020 г. Райффайзенбанк объявил о постоянном переходе на гибридный режим работы для более 5,5 тыс. из почти 9 тыс. сотрудников банка в 10 офисах в Москве, Омске, Ярославле и Коломне [2; 4].

Однако гибридное рабочее пространство имеет и определенные недостатки, среди которых выделяют потерю чувства команды, неправильную интерпретацию сообщений и интонаций в удаленном формате, неравенство возможностей у офисных и удаленных сотрудников, профессиональное выгорание, повышенную зависимость от технологий, сложности в поддержании взаимоотношений. Тем самым основными причинами выхода на работу в офис среди сотрудников является смена обстановки, взаимодействие с коллегами для мозгового штурма, вдохновение для идей, возможность работы в тишине (когда отсутствуют условия для работы из дома) [3].

Тем не менее, гибридная модель рабочего пространства в настоящее время является одной из идеальных моделей работы, позволяющей совмещать цифровой и физический опыт. Для успешной реализации данной модели на практике работодателям необходимо интегрировать физические пространства и технологии с учетом трех ключевых концепций: равенство, вовлеченность и удобство.

Организация гибридных рабочих мест предполагает постоянное поддержание связи со всеми членами команды различными способами. Одним из таких способов является формирование переговорных комнат таким образом, чтобы это представляло собой помещение с длинным столом, в конце

которого стоит монитор. Лично присутствующие участники встречи сидят вокруг стола, а удаленные появляются в окошках на экране [5].

Образование гибридных рабочих мест способствовало появлению так называемых гибридных специалистов. Их навыки проявляются в способности соединять и использовать технические и творческие навыки для эффективного решения задач организации. Кроме того, следует отметить, что гибридные навыки появились в ответ на автоматизацию рутинных процессов и открывают большие преимущества для своих обладателей. Это навыки, которые включают в себя различные профессиональные и коммуникативные способности, призванные решать задачи на более сложном уровне.

Гибридный специалист представляет собой более конкурентного работника, поскольку никакие изменения и автоматизация не смогут угрожать его карьере, а только дадут возможность сделать его уникальным работником. Кроме того, в быстро меняющемся мире организациям нужно оперативно реагировать на любые изменения, а гибридный специалист, который имеет целый набор компетенций, справится с самыми разными задачами. А постоянная смена ролей в команде и решение новой задачи, для которой необходимо придумать наиболее эффективное решение, снижает риск эмоционального выгорания сотрудника.

Наиболее популярными областями развития среди гибридных специалистов являются такие направления, как аналитика, дизайн, продажи и обслуживание клиентов, цифровые технологии, комплаенс и регулирование [7]. Так, аналитика позволяет получить необходимые данные и отчеты в режиме реального времени и помогать руководству быстрее принимать управленческие решения. В свою очередь, продажи способствуют выработке самодисциплины, настойчивости, а также учат работать с широким кругом людей. А комплаенс как эффективный инструмент внедрения корпоративной бизнес-этики позволяет следовать организации нормам, установленным законодательными и регулирующими органами.

Таким образом, гибридное рабочее пространство является неотъемлемой частью цифровой экономики, и имеет своей целью создание баланса между потребностями отдельных сотрудников и их способностью взаимодействовать и работать продуктивно, физически находясь на общем пространстве. Предоставление сотрудникам возможности вернуться в офис на день или два в неделю позволяет руководителям организаций снизить негативное влияние удаленной работы. А приобретение гибридных навыков способствует повышению успеха в карьере и составляет сильную конкуренцию цифровым технологиям. Тем самым, целесообразно предположить, что владение данными навыками с каждым годом будет популяризироваться и влиять на успешность, как работника в трудовой деятельности, так и функционирования организации.

Список литературы

1. Гибридное рабочее место. URL: https://www.cisco.com/c/ru_ru/solutions/collaboration/hybrid-workplace.html (дата обращения: 02.09.2021).
2. Гибридные рабочие места: как изменится офис после пандемии COVID-19. URL: <https://habr.com/ru/company/ipmatika/blog/551172/> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Преимущества и недостатки гибридной модели рабочего пространства. URL: <https://www.wework.com/ru-RU/ideas/workspace-solutions/flexible-products/hybrid-workplace-advantages-disadvantages> (дата обращения: 02.09.2021).
4. Райффайзенбанк: Россияне распробовали удаленку. URL: <https://www.raiffeisen.ru/about/press/releases/190460/> (дата обращения: 02.09.2021).
5. Четыре стратегии для создания эффективного гибридного офиса. URL: <https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-izmeneniyami/881414> (дата обращения: 02.09.2021).
6. Что такое гибридная модель рабочего пространства? URL: <https://www.wework.com/ru-RU/ideas/workspace-solutions/flexible-products/hybrid-workplace> (дата обращения: 02.09.2021).
7. Что такое гибридные навыки и почему они нужны вам в профессиональном арсенале в ближайшее время. URL: <https://finacademy.net/materials/article/gibridnye-navyki> (дата обращения: 02.09.2021).

УДК 349.2
ББК 67.405.1

И. А. Хронова, *Краснодар*

Дистанционный труд в условиях электронного взаимодействия

Проанализированы современные тенденции регулирования дистанционного труда в условиях электронного взаимодействия между работником и работодателем. Дана оценка удаленного режима работы работника в современной информационно-цифровой среде. Цель акцентировать внимание на основных направлениях электронного кадрового делопроизводства дистанционных работников. Уделено внимание выплатам компенсации работником за использование им тех или иных средств электронного взаимодействия. Показано, что несмотря на проводимые перспективные шаги законодателей в области электронного кадрового делопроизводства следует обратить внимание на качественную подготовку работников, и выявить необходимые трудовые сферы, требующие первичного перехода на электронное взаимодействие.

Ключевые слова: дистанционный труд, электронное кадровое делопроизводство

I. A. Khronova, *Krasnodar*

Remote work in the conditions of electronic interaction

The article analyzes the current trends in the regulation of remote labor in the conditions of electronic interaction between an employee and an employer. The assessment of the remote mode of work of the employee in the modern information and digital environment is given. The purpose is to focus attention on the main directions of electronic personnel records management of remote workers. The article also pays attention to compensation payments by an employee for the use of certain means of electronic interaction. It is shown that despite the promising steps taken by legislators in the field of electronic personnel records management, it is necessary to pay attention to the quality training of employees, and to identify the necessary labor areas that require the initial transition to electronic interaction.

Keywords: remote work, electronic personnel records management

Федеральным законом от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» внесены принципиальные изменения в гл. 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации, которые вступили в силу 1 января 2021 г. [6].

Прежде всего отметим, что и в названии закона, и далее в его тексте мы видим новый правовой термин – «удаленная работа». Ранее он встречался в актах руководителей субъектов РФ, однако данное понятие не описывалось в Трудовом кодексе. Теперь «удаленная работа» – это легитимный термин трудового законодательства, который можно использовать наравне с термином «дистанционная работа».

Вопросы регулирования удаленной работы стали особенно актуальны в следствии сложившейся эпидемиологической обстановкой в мире, и в России, в частности. За прошедший год многие работодатели были вынуждены для продолжения деятельности искать новые способы организации работы сотрудников, и как следствие, многие перевели работников на дистанционный режим работы. Сложившаяся ситуация, вызванные карантинном и его последствия (ограничение социальных контактов, необходимость соблюдения гражданами режима самоизоляции, сокращение объема производимой продукции и (или) оказываемых услуг, приостановление деятельности по ряду отраслей) подтолкнуло компании к анализу – каких сотрудников можно освободить от посещения офиса, а для каких установить график частичного посещения. Эксперты уверены, что удаленный режим работы станет нормой после полученного опыта и внедрения данного режима в трудовой процесс. На этом фоне, конечно же, возникает множество практических вопросов об организации данного режима работы в связи с тем, что большинство данных работников вынуждены использовать информационно-цифровую среду для успешной реализации своего трудового процесса. В рамках данной статьи хотелось бы акцентировать внимание на некоторых аспектах труда дистанционных работников, связанных с вопросами цифровизации. С какими же цифровыми продуктами приходится сталкиваться дистанционным работникам в своей деятельности?

В первую очередь стоит отметить, что некоторые организации Российской Федерации были вовлечены в масштабный эксперимент с целью совершенствования и отработки механизма по переходу на электронный кадровый документооборот обязательных документов, в том числе и трудовых регулирующий Федеральный закон от 24.04.2020 № 122-ФЗ. Данный эксперимент подразумевает использование усиленной квалифицированной подписи работодателя (ЭЦП) и простой электронной подписью работника. Начавшийся 5 мая 2020 г. эксперимент, по мнению А. А. Чуркина, О. Г. Седнева, позволит существенно сократить трудозатраты, улучшить контроль кадрового делопроизводства, ускорит взаимодействие сдачи отчетов в госу-

дарственные органы управления, а использование ЭЦП (усиленной сертификатом) снизит риски подделки документов [9].

В силу того что дистанционный труд – это прогрессивный труд с точки зрения экономической ситуации в глобальном аспекте, современные информационные технологии позволяют выполнять трудовую функцию и вне места работы и рабочего места, т. е. речь идет о дистанционном труде [8]. Предполагается, что если работник решил оформить трудового договор о дистанционной работе, то он должен иметь электронно-цифровую подпись. При этом законодатель сделал шаг вперед говорят, что дистанционный режим работы – это стремительно совершенствующийся вариант организации отношений, но при этом, если трудовой договор заключен путем электронного обмена документами, закон обязывает, что в течение 3 дней с даты оформления отношений электронным путем работодатель должен составить традиционный письменный вариант договора и направить его работнику путем почтового отправления, а работник должен его вернуть с соответствующей подписью.

В главе 49.1 Трудового кодекса РФ зафиксировано, что работник обязан использовать программно-технические средства защиты информации и иные средства [6], но в законе не урегулирована обязанность предоставления средств на предоставление или закупку данных продуктов. Так, например электронная цифровая подпись, кем она оплачивается? В данном случае, необходимо указать в коллективном договоре, либо локальном нормативном акте, что электронная цифровая подпись, квалифицированная она или нет – должна оплачиваться работодателем. Кроме того, локальный нормативный акт должен предусматривать порядок, размер и сроки выплаты компенсации работником за использование им тех или иных средств.

В соответствии с Трудовым кодексом РФ размер, порядок и сроки выплаты компенсации за использование дистанционными работниками принадлежащих им, либо арендованных ими оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, порядок возмещения других связанных с выполнением дистанционной работы расходов определяются трудовым договором о дистанционной работе [4]. Как отмечает Минфин России, суммы компенсаций расходов дистанционных работников на использование, принадлежащих им оборудования и программно-технических средств не подлежат обложению страховыми взносами и налогом на доходы физических лиц в размере, определяемом трудовым договором о дистанционной работе между организацией и работниками.

При этом размер возмещения указанных расходов, по мнению Минфина России, должен соответствовать экономически обоснованным затратам, связанным с фактическим использованием работником личного оборудования (средств) для целей трудовой деятельности. То есть организация должна располагать копиями документов, подтверждающими расходы, понесенные работником при использовании личного оборудования (средств) в служебных целях.

Анализируя взаимодействие дистанционного работника и работодателя, можно отметить, что: «основной особенностью правового регулирования трудовых отношений с дистанционными работниками является возможность обмена с работодателем электронными документами» [2, с. 354]. Такое взаимодействие осуществляется как путем обмена электронными документами, т. е. с цифровой подписью, так и в иной форме. Каждый осуществляющий взаимодействие сторон обязан направлять в форме либо электронного документа, либо в другой форме подтверждения о получении документа другой стороны в срок, и в порядке, который определен коллективным договором, либо локальным нормативным актом принимаем с учетом мнения выборного органа.

Согласно ст. 11 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в целях оформления каких-либо правоотношений, в которых участвуют лица, обменивающиеся электронными сообщениями, обмен электронными сообщениями, каждое из которых подписано электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи отправителя такого сообщения (например, факсимиле), в порядке, установленном федеральными законами, иными нормативными правовыми актами (в том числе локально-нормативные акты) или соглашением сторон (в том числе трудовым договором), рассматривается как обмен документами [5].

В свою очередь ст. 165. 1 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю. При этом сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним [1]. Соответственно, аналогичные последствия возникают и в трудовых отношениях.

Заметим, что еще в 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ № 25 [3] указал, что:

- юридически значимое сообщение может быть направлено в том числе посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано;
- бремя доказывания факта направления (осуществления) сообщения и его доставки адресату лежит на лице, направившем сообщение;
- риск неполучения поступившей корреспонденции несет адресат.

Кроме того, на сегодняшний день существует огромное количество работодателей, которые внедряют электронное кадровое делопроизводство, заключая с работником соглашение об электронном взаимодействии [7]. Как осуществлять подпись и обмен документов в интернет-пространстве? Универсального ответа нет, необходимо оценивать конкретную ситуацию, в

конкретной организации, так как это может зависеть от технических возможностей по обмену документами, в том числе их электронными копиями.

Смоделируем несколько решений, как же можно подписать с работником документы, связанные с его увольнением в период, когда он находится на удаленной работе. Одно из консервативных решений этой ситуации является посещение работником офиса работодателя для подписания документов и взаимодействия с кадровой службой.

Второй вариант, который также можно рассмотреть – это обмен документами, подписанными на бумаге с помощью курьерской службы. То есть работодатель подписывает документ со своей стороны и отправляет работнику, работник ставит свои подписи, забирает свою копию оригинала и возвращают также посредством курьера документы работодателю. Этот вариант наверно также будет удобен тем работодателям, которые предоставляли для дистанционной работы необходимое оборудование, какие-то материалы и технические средства.

Третий вариант, который видится возможным с использованием цифрового взаимодействия – это обмен электронными копиями подписанных документов и последующим оформлением их на бумаге. Для этого варианта можно рассмотреть подварианты, такие: обмен отсканированными документами или фотографиям подписанных документов и работника или работодателя, либо если нет возможности напечатать документы или нет возможности сделать фотографию – то обменяться версиями документов без подписей, но при этом в электронном письме отправляемому работнику прописать этот документ, продублировать, пояснить что это за документы, в связи с чем работодатель ему отправляет и попросить работника также, в ответном письме прописать, что он ознакомлен с ними, согласен, никаких возражений, комментариев не имеет. Это делается для снижения риска споров с этим работником после даты его увольнения.

В рамках регулирования электронного документооборота возникает вопрос – что же делать с трудовой книжкой? В связи с тем, что у большинства работников могут оставаться бумажные трудовые книжки, то каким-то образом ее вернуть работнику? Можно рассмотреть вариант получения согласия от работника на отправку его трудовой книжки по почте, но этот вариант не идеален с точки зрения того, что трудовая книжка все-таки будет какое-то время после даты увольнения идти до работника, это может нарушать его планы на трудоустройство у другого работодателя, например сразу на следующий день после увольнения. И для таких случаев рекомендуется рассмотреть новую возможность, которая появилась в 2020 г., – возможность перехода и использования электронных трудовых книжек. В этом случае работодатель получает согласие от работника на переход на электронную трудовую книжку, направляется соответствующая информация в пенсионный фонд с даты его увольнения, и в этом случае бумажную трудовую книжку, также с согласия работника работодатель направляет по почте. Изъявив желание на получение электронной трудовой книжки, и информи-

рования об этом Пенсионного фонда, работник может сразу же на следующий день после увольнения устраиваться к новому работодателю уже с электронной трудовой книжкой.

И переходя к последнему из вариантов, которые можно рассмотреть как возможный для подписания документов с работниками, – это вариант для работодателей, которые в каком-либо виде внедряют электронный кадровый документооборот, предоставив работникам использовать усиленные квалифицированные подписи. В этом случае работник и работодатель подписывают документы в электронном виде, используя электронную подпись. Специально эти документы на бумаге оформлять не нужно, если в компании это официально регламентировано, что стороны могут обмениваться электронными документами. Соответственно с трудовой книжкой действуют по аналогии: либо по согласию работника отправляется бумажная трудовая книжка по почте, либо если работник согласен на переход на электронную трудовую книжку, то направляется такая информация в Пенсионный фонд, и бумажная книжка точно так же возвращается работнику с его согласия по почте.

В случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом работник вправе или обязан обратиться к работодателю с заявлением или предоставить объяснительную то, дистанционный работник может реализовать это в форме электронного документа или в иной форме, предусмотренной коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору.

При подаче дистанционным работником заявления о выдаче заверенных надлежащим образом копий документов связанных с работой (ст. 62 Трудового кодекса РФ), работодатель не позднее трех рабочих дней со дня подачи указанного заявления обязан направить дистанционному работнику эти копии на бумажном носителе (по почте заказным письмом с уведомлением) или в форме электронного документа, если это указано в заявлении работника (в порядке взаимодействия, предусмотренном частью девятой ст. 312.3 Трудового кодекса РФ) [4].

Листки нетрудоспособности, а также иные документы и в связи с материнством для получения пособий по социальному страхованию дистанционный работник направляет работодателю в оригинале по почте заказным письмом с уведомлением. Также установлена возможность представления работодателю сведений о серии и номере листка нетрудоспособности, сформированного медицинской организацией в электронном виде, если указанная медицинская организация и работодатель являются участниками системы информационного взаимодействия.

На сегодняшний день законодатель стал более активно работать над тем, чтобы закрепить возможность ведения кадрового администрирования в электронном виде без бумажного делопроизводства, и подписания копий документов. Но на данный момент конкретного законодательного акта, ко-

торый бы регулировал и полностью разрешал электронный кадровый документооборот, нет, поэтому если организация планирует перейти на электронный кадровый документооборот, необходимо внимательно проанализировать, какие процессы желательно перевести в электронный вид, от каких следует отказаться, а также разработать качественную подготовку кадров. Все это необходимо осуществить в соответствии с законом и ознакомиться с требованиями трудового законодательства.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1–4 (1994–2006) (в ред. от 23.05.2018). М. : Эксмо, 2016. 688 с.
2. Закалюжная Н. В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 433 с.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 15.08.2021).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.08.2021).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 15.08.2021).
6. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях : федер. закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74915881/> (дата обращения: 15.08.2021).
7. Хронова И. А. Использование электронной подписи в трудовой деятельности государственных учреждений // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : сб. науч. ст. по итогам IV Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 15–16 апр. 2021 г. М. : Конверт, 2021. С. 118–120.
8. Чунихина Т. Н. Трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 199–207. doi:10.23672/SAE.2020.2.56094.
9. Чуркин А. А., Седнев О. Г. Преимущества перехода на электронный кадровый документооборот // Вестник науки и образования. 2020. № 18-1 (96). С. 31–34.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК [323.1+342.724](100)(072)
ББК 67.400.3(2Рос)я81

A. V. Zavialov, *Irkutsk*

Case C-407/98 “Katarina Abrahamsson and Leif Anderson v Elisabet Fogelqvist” of the European Court of Justice as a Classical Case of Solving Gender Discrimination Issues in the Labour Market at the EU Level

The gender discrimination issue in the European Union labour market through the prism of one of the classic cases from the European Court of Justice practice is discussed. The aspects of positive discrimination based on the underrepresentation of a certain social group (in this case, women) in education as a labour sphere, its boundaries and regulation are touched upon. The boundaries of positive discrimination application outlined in the decision of the European Court of Justice as a basis for making court decisions in subsequent court cases are analyzed.

Keywords: discrimination, gender discrimination, positive discrimination, European Court of Justice, Sweden, European Union.

A. В. Завьялов, *Иркутск*

Дело С-407/98 Европейского Суда «Катарина Абрахамссон и Лейф Андерсон против Элизбет Фогельквист» как классический кейс решения вопросов дискриминации по признаку пола на рынке труда на уровне ЕС

Исследуется дискриминация по признаку пола на рынке труда в странах Европейского союза через призму одного из классических кейсов из практики Европейского Суда. Затрагиваются аспекты позитивной дискриминации на основании недопредставленности определенной социальной группы (в данном случае женщин) в сфере образования как трудовой сфере, ее границ и регламентации. Анализируются очерчиваемые в решении Европейского Суда границы применения позитивной дискриминации как основы для принятия судебных решений по последующим судебным делам.

Ключевые слова: дискриминация, половая дискриминация, позитивная дискриминация, Европейский Суд, Швеция, Европейский союз.

This case is from a cohort of classic cases of the European Court of Justice on equality of sexes and non-discrimination in the labour market. Katarina Abrahamsson and Leif Anderson v Elisabet Fogelqvist are the parties of the case [4].

The European Court of Justice was asked by the Överklagandenämnden för Högskolan (The Higher Education Appeals Board) of Sweden for preliminary ruling to answer four questions, where the main idea was to interpret Articles 2(1) and 2(4) of Council Directive 76/207/EEC of 9 February 1976 (Equal Treatment Directive) [1] on the implementation of the principle of equal treatment for women as regards the access to employment, vocational training and promotion, and working conditions, as well as to help understand the contraries and differences between the Swedish and European legislations. The Directive, *inter alia*, aimed to promote the equal opportunity for men and women by removing inequalities that affect women's opportunities in the EU labour market. The case served as a basis for many legal researches and is frequently mentioned in EU-law related books.

In 1996, a vacancy of Professor of Hydrospheric Sciences was announced at the University of Göteborg in Sweden. It was noted in the vacancy that the appointment had to promote a contribution of "equality of sexes in professional life", and positive discrimination was applied under University Regulation 1995:936, which states that the preference could be given to a female candidate, if she possesses sufficient qualifications for the post, even though her qualifications are lower than those of a male applicant [5, p. 25].

There were eight candidates for that post, including Ms. Abrahamsson, Ms. Destouni, Ms. Fogelqvist, and Mr. Anderson. The University Faculty of Sciences selection board voted two times. The first vote was about the scientific qualification of the candidates. Mr. Anderson was the first with five votes; Ms. Destouni was the second with three votes. The second vote was about the scientific merits taking into account Regulation 1995:936. Ms. Destouni was the first with six votes, while Mr. Anderson was the second with two votes.

Ms. Destouni was proposed to be appointed for that post by the selection board. It was also noted that such an appointment did not breach the objectivity requirement according to paragraph 3 of Article 3 of Regulation 1995:936. According to the decision of the selection board, Ms. Destouni was the first, Mr. Anderson was the second, and Ms. Fogelqvist was the third.

But in 1997 Ms. Destouni withdrew her application, and it was decided to come back with this merit to the selection board. Taking into account the present applications, it had to decide whether there was equality between women and men according to Regulation 1995:936 and the University plan on equality.

The selection board decided not to re-examine the case because the equality question had been taken into account in its first decision. The selection board stated that there was a considerable difference between Ms. Fogelqvist and Mr. Anderson, which is why it was difficult to interpret the scope of paragraph 3 of Article 3 of Regulation 1995:936.

Referring to Regulation 1995:936 and to the University of Göteborg plan on equality of sexes, and taking into account that there was not that much considerable difference between the candidates, which made it possible to apply the positive discrimination principle not "to constitute a breach of the requirement of ob-

jectivity in making appointments”, the University Rector appointed Ms. Fogelqvist to the post.

The Överklagandenämnden för Högskolan (*further on*, the Överklagandenämnden) received appellations from Mr. Anderson and Ms. Abrahamsson. Mr. Anderson stated that such an appointment was in contra with Regulation 1995:936 and with the decision of the European Court of Justice on Case C-450/93 Kalanke v Bremen [1995] ECR I-3051 [2]. On Ms. Abrahamsson’s opinion, the decision of the selection board was imbalanced because her scientific output had more value than Ms. Fogelqvist’s, but Mr. Anderson’s merits “were superior to her own”.

In 1998, the selection board decided not to change its opinion on the earlier decision. The Rector also rejected the appellations from the claimants. The University of Göteborg stated that it is part of their policy to give positions to candidates coming from under-represented groups under the condition that such candidates are still sufficiently qualified. Furthermore, the University of Göteborg argued that in this particular case hiring a less qualified woman is acceptable, as “*the difference in their [candidates’] respective qualifications is not so great that the application of the rule would be contrary to the requirement of objectivity in making appointments.*” The Appeals committee eventually decided that Mr. Anderson and Ms. Fogelqvist were the most qualified candidates, with Mr. Anderson being more qualified than Ms. Fogelqvist.

According to the Överklagandenämnden’s opinion, Ms. Fogelqvist and Mr. Anderson’s qualification suited the best to such a position, and Mr. Anderson had more experience and competence in science than Ms. Fogelqvist. Concerning teaching skills, it was noted that the both candidates had them almost the same. Ms. Fogelqvist was more experienced in the administrative ability, which was not the decisive factor.

Taking into account the traditions and the case-law, scientific merits were decided as the most important factor by the Överklagandenämnden, which is why Ms. Fogelqvist’s administrative skills could not have overweighed Mr. Anderson’s scientific skills. But as far as Ms. Fogelqvist is a member of the under-represented sex, it could overweigh Mr. Anderson’s advantage.

The issue of the positive discrimination principle then arose, and the “application of Regulation 1995:936 was in conformity with the Community law and, in particular, Article 2(4) of the Directive”.

It was stated by the Överklagandenämnden, that the positive discrimination measures’ application was not clarified by other sources of law instead of Regulation 1995:936. At the same time, the Överklagandenämnden noted that there should be a balance between the equality objective and functions of great importance to society, such as higher education and research, because they should be performed in the best manner possible.

The Överklagandenämnden’s opinion was that the positive discrimination principle cannot be applied to “the best qualified candidate not being chosen”. According to this criterion and taking into account the conclusions made before,

there was no “clear breach of the requirement of objectivity” with the appointment of Ms. Fogelqvist.

As it was unclear that the principle of positive discrimination stated in Article 3 of Regulation 1995:936 in compatibility with the Community law, the Överklagandenämnden did not find a clear answer at the Directive. The Överklagandenämnden decided to ask the European Court of Justice for the interpretation of the Community law, since it was unclear whether it was possible to make an “exception to the principle of equal treatment provided for in Article 2(4) of the Directive”, as it was in Case C-450/93 Kalanke v Bremen [1995] ECR I-3051, and in Case C-409/95 Marschall v Land Nordrhein-Westfalen [1997] ECR I-6363 [3].

The Överklagandenämnden asked the European Court of Justice for a preliminary ruling procedure with four following questions:

1. Do Articles 2(1) and 2(4) of Council Directive 76/207/EEC preclude the legislation of the Member State according to which the candidate belonging to an under-represented sex has a priority over the opposite sex candidate according to *positive special treatment* if there is no great difference between them and it does not breach the requirement of objectivity on making a decision?

2. If the answer to the previous question could be positive, then is it possible to use the principle of positive special treatment “even in case the application of the national legislation is restricted to appointments to *either* a number of posts limited in advance” (Regulation 1995:936) *or* posts created under a special programme adopted at the university where positive special treatment would be applied?

3. If it is clear from the answer to the second question that positive special treatment is not under the law in this case, is the rule, based on the Swedish legislation, in contrary to Directive 76/207/EEC? According to that rule, a candidate belonging to an under-represented sex should have a priority over an opposite sex candidate if they have equal merits.

4. Does it make any difference in determining the questions set out above whether the legislation concerns lower-grade recruitment posts in an authority’s sphere of activity or the highest posts in that sphere?

The European Court of Justice, according to the norms of Article 177 of the Treaty, treated the Överklagandenämnden as a court or tribunal, which means that the questions were acceptable and the Court started the procedure of preliminary ruling.

In order to ensure a better understanding, it is necessary to provide the text of the abovementioned articles:

Article 2(1) of the Council Directive 76/207/EEC reads as follows: “*For the purposes of the following provisions, the principle of equal treatment shall mean that there shall be no discrimination whatsoever on grounds of sex either directly or indirectly by reference in particular to marital or family status.*”

Article 2(4) of Council Directive 76/207/EEC reads as follows: “*This Directive shall be without prejudice to measures to promote equal opportunity for*

men and women, in particular by removing existing inequalities which affect women's opportunities in the areas referred to in Article 1(1).”

In its judgement, the European Court of Justice came to several conclusions regarding the interpretation of Council Directive 76/207/EEC and its relation to the case in question.

1. Articles 2(1) and 2(4) of Council Directive 76/207/EEC preclude the Member State's legislation under which a candidate for a public post who belongs to an under-represented sex and possesses sufficient qualifications for that post must be chosen in preference to a candidate of the opposite sex who would otherwise have been appointed, in case it is necessary to secure the appointment of a candidate of an under-represented sex and the difference between the respective merits of the candidates is not so great as to give rise to a breach of the requirement of objectivity in making appointments (paragraph 56 of the judgement). In other words, the hiring approach in the case under consideration cannot be justified as there was a great difference in the candidates' qualifications and clearly there was a breach of the objectivity criterion;

2. Articles 2(1) and 2(4) of Council Directive 76/207/EEC also preclude the Member State's legislation in the formulation of the 2nd question (positive answer to it), so it allows the use of positive discrimination measures;

3. Articles 2(1) and 2(4) of Council Directive 76/207/EEC do not preclude the Member State's case-law under which a candidate belonging to an under-represented sex may be granted preference over a competitor of the opposite sex, provided that the candidates possess *equivalent* or substantially equivalent merits. To put it simple, such positive discrimination would be lawful, if all the candidates (male and female) were equally qualified, which was not true in that specific case, as Mr. Anderson was *significantly* more qualified for the job than Ms. Fogelqvist;

4. National rules on positive discrimination “cannot depend on the level of the post to be filled”.

The European Court of Justice held that this form of positive discrimination was unlawful because it overrode consideration of the applicants' individual merits. The rule which required the underrepresented group to be promoted over the other would have been justified if the both candidates were equally qualified and the assessment could have been based on objective assessment of their personal situations.

But that did not happen here. We can see it in paragraph 55 of the Court's decision, where it is stated that “...even though Article 141(4) EC allows the Member States to maintain or adopt measures providing for special advantages intended to prevent or compensate for disadvantages in professional careers in order to ensure full equality between men and women in professional life, it cannot be inferred from this that it allows a selection method of the kind at issue in the main proceedings which appears, on any view, to be disproportionate to the aim pursued.”

Taking that into account, we should look at the Swedish legislation. Here it represents a quota-based system under which women automatically receive a preference if they have enough qualification for a particular position.

Paragraph 52 of the judgement supports that the qualification difference between women and men should not be considerable. But Ms. Abrahamsson and Mr. Anderson raise another issue: are such quota-based measures lawful, if applicants have a strong difference in qualifications? Is it “positive discrimination” then? Is it objective then?

The Court provides an understandable answer to these questions in paragraph 53: “The scope and effect of that condition cannot be precisely determined, with the result that the selection of a candidate from among those who are sufficiently qualified is ultimately based on the mere fact of belonging to the under-represented sex, and that this is so even if the merits of the candidate so selected are inferior to those of a candidate of the opposite sex. Moreover, candidatures are not subjected to an objective assessment taking account of the specific personal situations of all the candidates. It follows that such a method of selection is not such as to be permitted by Article 2(4) of the Directive.”

Thus, it can be concluded that applicants are not evaluated objectively since evaluation is based not on their personal achievements, but on their genders, even if the under-represented sex has lower qualifications. The Court’s decision shows its approach to discrimination on the gender ground where it becomes clear that the criterion of an under-represented sex is not enough since it is not an absolute rule, there should be more support: professional experience, qualifications, training, etc. If all the candidates in that case had approximately same-level qualifications and the preference had been given to a female candidate, there would be, perhaps, no conflict between the Community law and the Swedish measure in question.

The positive action in order to promote equal treatment is allowed under Article 141(4) of the Community law. But the European Court of Justice considered that the measures under the Swedish legislation are disproportionate to the aim pursued by the Article because they are not in the same way with the equal treatment principle and cannot be justified by Article 141(4). There is no personal achievements account (or there is, but very weak), and it automatically grants the priority to women. Despite the fact that the Swedish regulation pursued to compensate for professional disadvantages of women, which could be regarded as a legit aim, it did so in a wrong disproportionate way.

The conclusion of the Court is rather self-evident. National measures providing for a positive action in order to reduce gender-based discrimination are only compatible with the equal treatment principle if certain objective criteria for equal qualifications are established. If a female candidate has sufficient qualifications to take up a certain professional position, she cannot be given priority in case there is also a male candidate with better professional qualifications. While this can be argued whether such a criterion is adequate in order to promote gender equality in the labour market, it could be found rather objective and beneficial for an estab-

ishment that hires an employee. It can still be argued, however, that the issue itself is more complicated, and other factors should be considered when addressing qualifications of female and male candidates, such as maternity and family-related issues that might prevent a woman from further professional development, equal opportunities in regards to professional qualifications in some specific field, personal backgrounds, economic issues, etc.

The issues that are discussed by the Court are of a complex nature and, perhaps, should be supported by the national (Swedish, in this instance) statistical data on the female and male presence and dissemination in the Swedish labour market in order to get the full picture.

The law has been progressing over the years in regards to gender equality, which is still an issue in many countries, including several of the EU states. The case gives an inside perspective into the Court's logics and how it interprets national measures. It can be said that in this case the decision is actually taken in favour of the male candidate, as Mr. Anderson turned out to be the most qualified candidate. It is rather peculiar in a sense that with this decision the Court stated that women are not given absolute priority, and sometimes measures that are aimed at helping to reduce gender imbalance in a certain field can go too far, actually discriminating the other counterpart.

To conclude, it is also worth noticing that even though in this particular case the Court's reasoning seems adequate and rather comprehensive, possible to follow and analyse, it should be said that the overall picture related to gender equality is rather fragmented. In the present-day reality, we rarely put such emphasis on gender discrimination in the labour market, since issues are often resolved through alternative dispute resolution means. The cases general public hears about today are rather loud and often focused on such issues as maternity-related discrimination or harassment, which differs very much from this case in its essence. Nonetheless, the case and the reasoning still matter, as the problem itself is still on the table, and it is important to understand the contemporary dynamics of the gender equality issue and its current status.

Bibliography

1. Council Directive 76/207/EEC of 9 February 1976 on the implementation of the principle of equal treatment for men and women as regards access to employment, vocational training and promotion, and working conditions / EUR-Lex – Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31976L0207>.
2. Judgment of the Court of 17 October 1995. Eckhard Kalanke v Freie Hansestadt Bremen (C-450/93) / European Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-450/93>.
3. Judgment of the Court of 11 November 1997. Hellmut Marschall v Land Nordrhein-Westfalen (C-409/95) / European Court of Justice. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-409/95>.
4. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 6 July 2000. Katarina Abrahamsson and Leif Anderson v Elisabet Fogelqvist (C-407/98) / European Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-407/98>.
5. Radloff K. Women on Boards?: Gender Quotas and Positive Action under EU Equality Law. Hamburg: University of Maastricht, 2011.

УДК 327. 8
ББК 66. 4

А. С. Атанова, А. В. Воронов, *Санкт-Петербург*

Россия и Молдавия как страны полупериферии: анализ взаимодействия стран в контексте мир-системного анализа

Рассматриваются особенности взаимодействия России и Молдавии, отраженные в виртуальных публикациях о рассматриваемых странах. В исследовании применяется мир-системный анализ взаимодействия данных стран.

Ключевые слова: Россия и Молдавия, экономика, поляризация международных отношений, страны полупериферии, мир-системный анализ.

A. S. Atanova, A. V. Voronov, *Saint-Petersburg*

Russia and Moldova, economy, polarization of international relations, semi-periphery countries, the world-a system analysis

The article examines the features of interaction between Russia and Moldova, reflected in virtual publications about the countries under consideration. The work uses a world-system analysis of the interaction of these countries.

Keywords: Russia and Moldova, economy, polarization of international relations, semi-periphery countries, the world-a system analysis.

В настоящее время наиболее активно проявила себя тенденция к поляризации международных отношений. В данном контексте, прошедшие президентские выборы в Молдавии предвещают скорейшую смену внешнеполитического курса. В связи с этим, представляется не только актуальным, но и необходимым рассмотреть отдельные аспекты взаимодействия Российской Федерации с Молдавской Республикой. Как известно, смена внешнеполитического курса чаще всего затрагивает экономическую ситуацию в стране, из-за чего будет наиболее рациональным рассмотреть детали, связанные именно с экономикой.

Интерес к взаимодействию Молдавии и России объяснить довольно просто. По представлению известного политолога Иммануила Валлерстайна [1], все государства мира можно разделить на ядро, полупериферию и периферию. Соответственно в рамках мир-системного анализа Молдавия и Россия относятся к одному классу стран, в связи с чем их взаимодействие представляет особый интерес.

Учитывая ситуацию в стране, в рамках которой Администрация президента не только не подчинила коммунистическую партию и просоциалистические политические силы, но и уступила главенство им, методология подобного исследования, представленная современными авторами [3] [4], становится крайне актуальной при анализе внутригосударственных процессов. Важно уточнить, что сохранить первенство правым силам надолго не удалось. В борьбе за доминирующее положение среди политических сил либеральные противники, поддерживаемые олигархами, в итоге одержали верх.

После того как И. Н. Додон потерпел поражение и уступил кандидату от «лагеря евроинтеграции», взаимоотношения Молдовы и России должны были подвергнуться резким изменениям, продиктованными новым президентом – М. Г. Санду, выступавшей от либерал-демократической партии. Особую роль во взаимоотношениях двух государств, конечно же, сыграл район Приднестровья, а именно непризнанное государство, расположенное на его территории. И хотя ПМР должна была стать своеобразным камнем раздора, этого не случилось, как и того, что ни либеральные реформы, ни приватизация государственных органов силами, связанными с олигархическими группировками, не смогли предопределить судьбу взаимодействия двух государств. Из чего можно сделать вывод, что ничто не способно затмить экономическую целесообразность и явную необходимость развития именно дружественных отношений с одним из самых близких во всех смыслах партнеров – Россией. Если до недавних пор о том, что происходит на рынке в Молдавии и что это может значить для них, говорила в основном только российская сторона в лице В. В. Путина [10]: «Мы видим, что происходит вокруг Молдовы, и знаем потребности молдавского народа и в развитии демократии, и в развитии экономики, с другой стороны. Но молдавское вино кто покупает? Во Франции купят молдавское вино? Дело не только в вине, но другие отрасли экономики настолько завязаны на Россию, что нормально существовать просто не могут, пока во всяком случае. Нигде, кроме как на российском рынке это производство не востребовано», – то теперь и со второй стороны появились активные продвижения навстречу России. Таким образом, М. Г. Санду отметила, что в ходе встречи с заместителем администрации президента России они «подтвердили наш настрой на прагматичный, конструктивный диалог в интересах наших граждан». «Обсудили ряд важных тем в повестке двусторонних отношений, в том числе экспорт молдавской сельхозпродукции на российский рынок и новый контракт на поставку газа для нашей страны» [8]. Все это происходит в рамках тех кредитов, которые уже выдавала Россия, а именно на 200 и 6 млн евро [7; 11].

Для того чтобы понять мотив определенных действий в Молдавии и России, а после и вектор развития дальнейших отношений, стоит описать и сделать выводы из того, что происходит в каждой из них. Исчерпывающее объяснение тех процессов, что имеют место в Молдавии, дал И. Валлерстайн: «Формирование мирового рынка капитала нуждается в развитии буржуазных структур в “отсталых» страна» именно потому, что в противном случае возможности эксплуатации этих стран остаются крайне ограниченными. Националисты в отсталых странах, провозгласив лозунг модернизации, были уверены, что бросают вызов Западу. На самом деле модернизация “периферии” всегда была требованием Запада, его важнейшей целью. Другое дело, что эта модернизация должна была подчиняться глобальной логике накопления капитала» [2, с. 37].

Поведение России в свою очередь можно назвать «работой над ошибками» по отношению к украинскому сценарию развития событий. При нарастающей поляризации международных отношений Россия больше не стремится создать из соседних полупериферийных стран собственную периферию и скоординировать всю совокупность капитала исключительно в Москве. Теперь ее стратегия поведения может характеризоваться как координированное создание политических сил в соседних странах полупериферии с целью создания альтернативного ядра совместного накопления капитала, при условии лишь гегемонизации России в рамках этого ядра. Здесь важно отметить, что понятие «гегемон» употребляется исключительно в трактовке Валлерстайна и не несет негативной коннотации. Здесь под словом гегемон понимается страна, которая поддерживает выгодную странам ядра систему и получает от этого системные предпочтения. Косвенно, об этом же свидетельствует и работа оппозиционной платформы «За жизнь» в Украине, при том, что характер деятельности ее нынешней значительно отличается от той же, но при Викторе Януковиче.

Далеко не последнюю роль в процессе внутренней регуляции связи в рамках альтернативного прото-ядра вокруг России, может считаться политика Кремля касательно скидок на нефть и газ для дружественных режимов. Конечно же, учитывая тот характер отношений, что выстроился между Россией и Молдавией, ресурсная политика не могла не коснуться последней [5]. В связи с чем не обещанные, но ожидаемые скидки на ресурсы и были получены. Кроме того, важно сказать, что роль ЕАЭС здесь принципиальна. Это опять же подтверждают слова бывшего президента Молдавии И. Н. Додона [6]. В рамках Евросоюза Молдавии не удастся решить все свои проблемы, так как в нем не будет такой свободы для выхода на рынок, которая есть в случае России. Заявление бывшего президента тому подтверждение: «Без стратегического партнерства с Россией Молдавия не справится, не выживет. Если у нас не будет хороших отношений с Россией, то Молдавии как государства не будет» [9]. Все это наводит на мысль, что в ближайшее время отношения между странами останутся в той же мере стабильными.

Подводя итог, можно констатировать, что молдавское направление международной политики России является одним из ярких примеров нового формата работы со странами соседней полупериферии капиталистической мир-системы. Россия активно формирует вокруг себя локальное, альтернативное Европейскому, ядро, конструируя политическую повестку и пытаясь конструировать некоторые рыночные отношения нерыночными ценами на нефть и газ для дружественных режимов. Еще одной характерной чертой нового формата работы является своеобразная поддержка дружественных оппозиционных политических сил, которая стала теперь актуальной и для самой Молдавии. В связи с этим можно сказать, что статус бывшего президента Молдавии И. Н. Додона не будет просто забыт благодаря активной работе Кремля в данном направлении. Мало того, в неизбежных политических и дипломатических конфликтах вокруг Приднестровья и евроинтегра-

ционного курса нового президента Молдавии личность бывшего главы государства может быть использована в качестве профессионального ведущего переговоры с Москвой, как в ситуации с Медведчуком и платформой «За жизнь» в Украине.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина. под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкий. СПб. : Унив. кн., 2001. 416 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
3. Кошкин А. В. Горизонт диалектики. СПб. : АВРОРА, 2020. 176 с.
4. Кошкин А. В. Критический дискурс-анализ как образец политизированного подхода в политической науке. GENERATION PP // Прил. к журн. «Публичная политика». 2021. Т. 1, № 4. С. 226–234.
5. Додон сообщил о полученной скидке на газ для Молдавии // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/09/2019/5d7621559a79472089f2da13> (дата обращения: 14.08.2021).
6. Игорь Додон: ЕАЭС решил бы большинство проблем экономики Молдавии // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/722421/aleksei-zabrodin-dmitrii-laru/igor-dodon-eaes-reshil-bolshinstvo-problem-ekonomiki-moldavii> (дата обращения: 14.08.2021).
7. Молдавия и Россия подписали соглашение о кредитовании на €200 млн // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8275683> (дата обращения: 14.08.2021).
8. Молдавия попросила РФ помочь в утилизации боеприпасов в Приднестровье // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://prime.ru/News/20200417/831285164.html> (дата обращения: 14.08.2021).
9. Президент Молдавии заявил, что его страна не выживет без стратегического партнерства с РФ // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4829736> (дата обращения: 14.08.2021).
10. Путин рассказал о зависимости экономики Молдавии от России // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20201022/moldaviya-1581081629.html> (дата обращения: 14.08.2021).
11. Россия выделила полмиллиарда рублей молдавским сельхозпредприятиям как «гуманитарную помощь» // Настоящее время : [сайт]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/russia-help-farmers-moldova-polmilliarda/30862651.html> (дата обращения: 14.08.2021).

УДК 130.3

ББК 87.6

А. А. Бобков, А. И. Бобков, *Иркутск*

Структура власти в философии виртуальной реальности

Показывается, что виртуализация субъекта власти выявляет ее аксиологический смысл. Через установление данного смысла возвышается и объект власти. Доказывается, виртуальная реальность постмодерна задает антиморальное действие власти как ее социальную сущность. Делается вывод, что такая власть не способна к управлению, поскольку симулятивна сама и симулирует управление. Ее эффективность сомнительна, ибо не нет воздействия на социальную реальность, а есть лишь унижение объекта и субъекта власти одновременно. Рассматривается, что виртуальный образ субъекта власти эпохи постмодерна ведет к тому, что самоорганизация социальной системы обнаруживается в диалоге теории власти, структурного проекта власти и эмпирического испытания их возвышенным объектом власти. Доказывается необходимость введения в анализ концепт «симулятивной социальной реальности» обозначает приход к виртуальному конструированию социальной реальности без идентичности с ней.

Ключевые слова: власть, критика власти, объект власти, субъект власти, виртуальное, виртуальная реальность, социальная реальность.

A. A. Bobkov, A. I. Bobkov, *Irkutsk***The structure of power in the philosophy of virtual reality**

The virtualisation of the subject of power reveals its axiological meaning. Through the establishment of this meaning, the object of power is also elevated. The virtual reality of the postmodern sets the anti-moral action of power as its social essence. Such power is incapable of governing, as it is simulative and simulates governing. Its effectiveness is questionable, for there is no impact on social reality, but only humiliation of the object and the subject of power simultaneously. The virtual image of the subject of power in the postmodern epoch leads to the fact that the self-organization of the social system is found in the dialogue of the theory of power, the structural project of power, and the empirical test of their sublime object of power. It is this dialogue that is interrupted by the contemporary virtual reality that considers the asocial as a source of effective governance. The concept of "simulative social reality" introduced into the analysis denotes an arrival at a virtual construction of social reality without identity with it.

Keywords: power, criticism of power, object of power, subject of power, virtual, virtual reality, social reality.

Этимологический анализ виртуального многообразен. В этом многообразии нас интересует властный дискурс. Например, Е. Е. Таратута отмечает в своей «Философии виртуальной реальности», что «семантическая основа virtual осознается как worth “ценность, значение; достоинство» [1, с. 45]. Это важно в контексте философского анализа критики власти с двух позиций. Во-первых, виртуальная реальность задаёт ценность, значение и достоинство субъекта власти. Во-вторых, виртуальная реальность подчёркивает ценность значение и достоинство объекта власти. Иначе говоря, такая идеализация ведёт к тому, что субъект власти видит чётко те действия, которые влекут за собой рост его ценности, значения и достоинства в глазах объекта власти. При этом он понимает, что этот рост ведёт к росту морального достоинства и объекта власти. В виртуальной реальности традиционного типа начинает возникать желание объекта власти подчиняться субъекту в силу обеспечения последним его морального роста. Критика субъекта власти происходит в виртуальной реальности, зачастую из-за того, что объект власти начинает не чувствовать этого роста, несоответствия действий субъекта власти и достижения идеальных целей.

Опасность критики власти в виртуальной реальности современного характера заключается в том, что моральные действия власти замещаются ее постоянным антиморальным поведением. Безнаказанность власти в моральном разложении ведёт к тому, что критикующий ее объект власти полагает, что он в состоянии обеспечить моральное превосходство без осознания того, что это моральное превосходство ему дал другой субъект власти. Что же это за третий субъект власти? В виртуальной реальности постмодерна – это анонимный другой, давший объекту иллюзию неограниченной свободы и безответственности перед реальным обществом. Он сумел дать то, что великий другой (первый субъект власти) обеспечить не смог в силу принуждающего значения настоящей социальной реальности. Моральное достоинство и субъекта власти, и объекта власти в ней достигается путём апелляции к социальным закономерностям, сочетающим, как концептуальный, так и

эмпирический уровни социального бытия. Это происходит в результате того, что субъект и объект власти начинают обладать пониманием необходимости «воли к истине» (М. Фуко). Воля к истине ведёт к созданию адекватной социальной реальности, где оклик субъекта власти объектом и наоборот дают последним возможность к межсубъектному взаимодействию, а значит к возникновению социального.

Нельзя забывать также о том, что вторым дном виртуального этимологически выступают такие понятия, как эффективность, сила и власть. Как разворачивается эффективность в виртуальной составляющей подлинной социальной реальности? И как она разворачивается в виртуальной социальной реальности симулятивного характера? В первую очередь в данном случае речь идёт об эффективном управлении, эффективных управляющих и эффективных управляемых.

В подлинной социальной реальности ее виртуальная составляющая направлена на то, чтобы концептуальное мышление намечало чёткие границы между субъектами, им обладающими, субъектами, эмпирически наполняющими концептуальные модели и субъектами, практически осуществляющими действие по поддержанию стабильности социальных систем. Самоорганизация социальной системы даёт понимание того, что критика действий концептуалистов со стороны доксографов и практиков направлена на то, что называется обрывом диалога. Монологизация социального бытия ведёт к сворачиванию воли к истине, а, следовательно, к иллюзии того, что концептуализация управления неэффективна. Возвышение объекта власти не нужно. Значит, консолидация утрачивается. Распад системы есть фрагментация социальной реальности, а, следовательно, ее виртуализация по симулятивному сценарию. Неуважение к концептуальному мышлению, создающему подлинную социальную реальность, ведёт к тому, что эффективного управления, эффективных управляющих и эффективных управляемых не существует. Ответственность за социальный взрыв возлагается на подлинную элиту социума, которая в силу того, что ее концептуальное мышление не дало вовремя эффективной матрицы для доксографов, что привело к клипированию сознания управляемых. Однако проблема заключается в том, что подлинная социальная реальность была на какое то время замещена иллюзией, позволившей почувствовать доксографам и управляемым свою возвышенность за счёт понимания социального, как своеволия, аффекта и знания без понимания. Социальная реальность может быть изменена, отодвинута и сотворена без воли к истине.

Симулятивная социальная реальность направлена на то, что виртуальная реальность есть уход от феноменологического конструирования социальной реальности и приход к виртуальному конструированию любой социальной реальности без идентичности с ней. «Текущая современность» или «индивидуализированное общество» (З. Бауман) хорошо знает, как разьединиться с людьми и совсем не знает способов интеграции с ними. Иллюзорные социальные структуры не способствуют к пониманию того, что про-

цессы социальной мобильности идут всё также по законам якобы отменённых, растворённых, социальных структур. Анонимный друг знает об этих закономерностях очень много, он даже живёт по ним. При этом управляемые держатся в неведении об этом. Ведь в виртуальной реальности сегодняшнего дня каждый может преодолеть социальную дистанцию, не затрачивая мыслительных усилий на поиск истины. Анонимный друг отменил поиск социальной справедливости в виртуальной реальности тем, что известность стала тем социальным лифтом, который при помощи информации без знания позволяет ему заботиться о себе, не заботясь о других. Эффективность социального пространства симулятивного характера заключается в том, что анонимизация субъекта власти ведёт к тому, что окликает только объект и окликает пустоту.

Рассуждения о виртуальном и виртуальной реальности начинают присутствовать всё шире в научном, философском и обыденном сознаниях. Эти рассуждения полагают себя актуальными и популярными без обоснования. Виртуальное принуждает учитывать себя в любом социальном взаимодействии. Верит ли в него общество? Кажется, что вера в виртуальное является фактом. К нему приспособляются, тем самым уходя от решения проблемы виртуального в философском, научном и эмпирическом сообществах. Нерешённые проблемы, возникшие в результате ухода от них, изменяют социальную реальность таким образом, что уходящий от них субъект утрачивает возможность для понимания этого ухода как одной из основных причин усугубления трудности социального бытия. Общество не даёт ему возможностей не мыслить, не исследовать и не испытывать. Отсюда его бунт в интересах анонимного другого, создающего виртуальные сообщества якобы способные решить эти проблемы через устранения великого другого.

Наша повседневность наполнена виртуальной психологией власти, такой же философией власти и литературой о власти. Власть осуществляется в виртуальной политике и бизнесе, в виртуальных выборах. Виртуальные войны создают иллюзию обладания ресурсом власти, позволяющим устроить мир на основе самых примитивных представлений нового варварства. Цивилизация окончательно побеждает в виртуальной реальности культуру власти. Выводится за скобки вопрос об истине, воображение рисует из реального социального врага друга и наоборот. В очередной раз социальным врагом становится интеллектual, поскольку напоминает о правиле ответственных высказываний и аргументации. Сконструированная интеллектualом социальная реальность виртуальна в том плане, что она содержит ретроспекцию, анализ и проспекцию. Для квазинтеллектуала, как созданного анонимным другим квазисубъекта власти, такой порядок не приемлем. Его ретроспекция, анализ и проспекция заключается в том, чтобы обозначить разрывы в социальной реальности там, где интеллектual соединил частицы социального так, что случился культурный взрыв власти. Запретить этот взрыв и его последствия, как окультуривание власти есть задача квазиинтеллектуала информационного шума. Магия виртуальной власти – это не

магия реальной власти. Магия реальной власти имеет целью проявления в социальной консолидации и коллективной субъектности. Магия виртуальной власти современного типа стремится индивидуализированный субъективизм выдать за социальную истину. Как справедливо замечает Е. Е. Таратута: «Проект виртуальной реальности, скорее, консервативен. Он претендует не столько на то, чтобы изменить эмпирическую социальную реальность, – но больше на то, чтобы удержать проблематизирующуюся реальность в непроблематичном, допроблематичном состоянии. Потребность в конструировании виртуальной реальности возникает именно тогда, когда повседневность начинает проблематизироваться по тем или иным причинам. В результате ее практики и механизмы становятся предметом рефлексии или, по меньшей мере, особенного внимания. Как следствие, повседневная социальная реальность начинает требовать от субъекта изменения его социализационных установок – либо верификации, удержания установок старых, подвергшихся проблематизации» [1, с. 86].

Является ли индивидуализированный субъективизм продуктивной критикой власти? Нет. Дело в том, что он порождает симуляцию действенной власти, ничем и никем не управляющей и такую же критику власти, делающую человека не осознающим свою причастность в создании властных отношений. Возникает иллюзия того, что можно освободиться от власти, привлекающей к ответственности за конструирование социальной реальности каждого субъекта и каждую общность. Можно быть непричастным к созданию гражданского общества совместно с властью реальной и создавать его без власти вообще. Непродуктивная коммуникация индивидуализированного общества создаёт иллюзию такого прогрессивного гражданского общества, что чиновник как противник гражданина в нём отсутствует. Очевидным является тот факт, что цифровизация усиливает бюрократизацию виртуального характера в разы.

Тотальная виртуализация всего и вся становится новым мифом о том, что прогресс властных отношений наступил. Человек не подвластен теперь ни одной из социальных структур, дисциплинарное пространство власти исчезает, и кажется, что власть исчезла в тот момент, когда осуществила тотальный контроль над всем человеческим бытием. Однако тотальная виртуализация в нашем контексте означает только то, что компьютерный дискурс настолько затмил другие виртуальные реалии, что его власть кажется единственной. Бес компьютерное мышление на сегодняшний день кажется не мышлением вовсе. Однако именно бес компьютерное виртуальное пространство и создаёт властные отношения. Отсюда следует вывод, что властный тоталитаризм наступает в виртуальной компьютерной реальности и тем самым ведёт к концу социального. Виртуальная реальность, дающая иллюзию отсутствия субъекта власти, на самом деле означает только то, что блокировка критического мышления состоялась. Современное общество с его тотальным восстанием виртуальных масс ещё более прекращает возможность конструктивной критики власти с ее субъект-объектными структура-

ми, чем до этого. Виртуальные идеалы информационного общества не оскорбляют действительность в сторону прихода к свободе, а усугубляют состояние бегства от свободы, обозначая его, как подлинную свободу.

Список литературы

1. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 147 с.

УДК 316
ББК 16.2

К. П. Ермоченко, *Брянск*

Эффект влияния социальных сетей и официальных интернет-сообществ на политико-правовую культуру жителей Брянской области

Доказано, что формирование современной политико-правовой культуры отдельно взятой страны или региона напрямую зависит от всех имеющихся у него методов и средств. Обозначено, что современное российское общество находится в стадии быстрого информационного развития, поэтому возникают новые инструменты по формированию правовой культуры личности, к числу которых можно отнести современные медиа и социальные сети. Сделан вывод, что необходим постоянный контроль со стороны государства над современными информационными технологиями для недопущения их негативного влияния на общий уровень сформированности у граждан отдельного региона политико-правовой культуры

Ключевые слова: правовая культура, информационное общество, российское государство, социальные сети, медиа

К. P. Ermochenko, *Bryansk*

The effect of the influence of social networks and official Internet communities on the political and legal culture of the residents of the Bryansk region

The formation of a modern political and legal culture of a particular country or region directly depends on all the methods and means available to it. Modern Russian society is in the stage of rapid information development. Due to this circumstance, new tools for the formation of the legal culture of the individual arise. These include modern media and social networks. Due to this circumstance, it is necessary for the state to constantly monitor modern information technologies in order to prevent their negative impact on the overall level of formation of political and legal culture among citizens of a particular region

Keywords: legal cult, information society, the Russian state, social networks, media

Развитие интернет-технологий обостряет проблему генезиса и развития российской политико-правовой культуры. Появление интернета, интернет-платформ и сообществ привело к пересмотру имеющихся методов и средств по формированию политико-правовой культуры личности, связанное с их малоэффективным действием в условиях стремительно-развивающегося информационного общества. Еще 22 декабря 2015 г. Президент РФ В. В. Путин говорил [4]: «Значимость и влияние интернета постоянно растут, нужно задействовать в этой связи интернет в целом как драйвер для развития, модернизации страны».

Политико-правовая культура [2] как часть общей культуры общества и совокупность правовых знаний в виде норм, установок и убеждений на сегодняшний день находится в фазе наиболее острой общественной трансформации, когда происходит разрушение большинства нормативных образцов и смена общественных ценностей, которая связана с появлением социально-обусловленных и информативных средств, реализующих социальные потребности людей, отвечая запросам современного российского информационного общества, в частности интернет-сообщества и интернет-ресурсы [1].

Появление первых научно обоснованных теорий, касающихся вопросов политико-правовой культуры, напрямую связано с проблемой формирования гражданского общества и правового государства. Изучением политической культуры занимались такие отечественные и зарубежные исследователи, как В. С. Ажаева, Г. Алмонд, Л. Н. Арутюнян [6].

Анализ тенденций социокультурной динамики российского общества в аспекте влияния на состояние политико-правовой культуры осуществлен в опоре на работы Л. Г. Ионина и И. Е. Дисклина. В целях оценки механизмов воздействия интернет-среды на формирование политико-правовой культуры были использованы работы по теории виртуализации А. Бюля, А. Крокера, а также теории общества сетевых структур М. Кастельса [2].

Ряд ученых изучают историческую и логическую взаимосвязь политики и права. Однако определение особенностей взаимосвязи политической и правовой культуры России остается нерешенной проблемой, поскольку исследователи рассматривают, как правило, политическую и правовую культуру отдельно друг от друга. В частности в научном труде Р. Ф. Матвеева [3]. «Правовая культура XXI века» освещаются особенности «общероссийской» политической культуры, а также некоторых территориальных и профессиональных политических культур. Также статья «Социально-экологические протесты в политической жизни Брянска» доцента Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского Горбачева В. Г. [5] напрямую связана с формированием политико-правовой культуры граждан Брянской области.

Нормативной основой данного исследования стал Приказ № 2749 от 02.11.2016 «Об утверждении регионального плана мероприятий по реализации в Брянской области Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на 2016–2020 годы» [5], позволивший на региональном уровне дать анализ современному состоянию политико-правовой культуры личности, выявить условия, влияющие на ее процесс формирования, проанализировав эффективность воспитательного пространства на территории Брянской области в совокупности воспитательно-образовательных систем на уровне ее поселений.

С целью оценки и выявления уровня приобщения к современной российской политико-правовой культуре при помощи социальных сетей как современной онлайн-платформы, способной дать ответы на многие полити-

ко-правовые вопросы, нами был проведен социологический опрос. В опросе участвовало 45 человек, которые являлись жителями Брянской области. В состав групп входили студенты, преподаватели и учителя поселений Брянской области. Все респонденты, участвовавшие в социологическом опросе, в ходе которого им было задано шесть вопросов с выбором ответа, нами были разделены на три возрастные категории в силу их психофизических особенностей, а именно: 7–17 лет, 18–30 лет, 31–55 лет.

Оценивая способ получения информации из области права и сферы политики, следует уделить большое внимание социальным сетям, которые для опрошенных людей стали основным источником получения правовой информации, которым отдало предпочтение 46 % респондентов. Это является закономерным и ожидаемым результатом в силу быстрой трансформации общества и его быстрое сращивание с информационными процессами и технологиями на территории городских поселений Брянской области. Но, несмотря на все это, не остаются и в стороне знания, умения человека, к которым, исходя из данных опроса, обращается достаточно большое количество людей.

Анализируя полученные результаты социологического опроса, касающиеся времени, которое отводят респонденты на использование социальных сетей для решения своих учебных или профессиональных вопросов, имеющих правовой характер, следует отметить, что более половины респондентов тратят на это не более часа, что является положительным показателем и говорит о наличии эффективной альтернативы по решению политико-правовых вопросов без использования современных достижений информационного общества.

Рассматривая количественный показатель правовых терминов в социальных сетях региональных поселений Брянской области и частоту публикаций правовых постов, исходя из полученных данных опроса, можно говорить о большом проценте незаинтересованности опрошенных людей в проблемах права и политики.

Указывая на пользу представленных социальных сетей для решения политико-правовых вопросов лично для отдельно взятого респондента, следует отметить такую интернет-платформу, как Twitter, которая стала наиболее популярной для большинства респондентов. Она позволяет достаточно свободно публиковать правовые посты и тексты, а также является местом выражения мнения и позиции политических деятелей России и мира в целом, и всех граждан, не связанных с политико-правовыми процессами.

Информационные процессы в российском обществе привели к перевесу в сторону их основных достижений, в частности социальных сетей, которые стали основным механизмом решения политико-правовых вопросов для представленных респондентов Брянской области. Это стало важным способом вовлечения населения страны и жителей Брянщины, в частности, в глобальные информационные процессы, без которых, на данном этапе развития

общества и государства, не возможно современное эффективное функционирование всех социально-государственных структур.

Для достаточно объективного определения уровня приобщения к современной российской политико-правовой культуре [2], на примере Брянской области и ее региональных поселений, используя в качестве анализа социальные сети, как современные информационные интернет-платформы, а также методы описательной характеристики, нами было принято решение о проведении количественного анализа текстовых массивов социальной сети «ВКонтакте» с целью последующей содержательной интерпретацией выявленных числовых закономерностей, связанных с публикациями, носящих политико-правовой характер.

Результаты контент-анализа говорят о пропорциональной зависимости между количеством размещенных публикаций и численностью населения. При этом анализ полученных данных свидетельствует о принадлежности публикаций правового характера на страницах региональных интернет-сообществ к политической сфере с числом опубликованных постов, равным 1351. Это в свою очередь является свидетельством заинтересованности и вовлеченности жителей городов областного значения Брянщины в процессы и явления, напрямую связанные с политико-правовыми вопросами.

Следует отметить, что полученные данные имеют резко противоположную направленность, чем те, которые были получены в ходе социологического опроса. Таким образом, говоря о вовлеченности жителей Брянской области в вопросы, связанные с отраслью права и политическими процессами, следует отметить обозначенную закономерность, а именно: города областного значения Брянской области и их граждане все-таки имеют достаточно весомую заинтересованность в процессах, происходящих в их стране и мире в целом. В то время как общий показатель, без дробления области на города, села и т. д., остается неутешительным и требует особого внимания и рассмотрения на уровне региона.

Проведя тщательный анализ официального сайта Департамента образования и науки Брянской области [4], а также сайта Молодежного парламента Брянской области, следует отметить, что представленная там информация, положения, программы для дальнейшей реализации на территории региона говорят о высоком внимании к формированию политико-правовой культуры, которое исходит, непосредственно, от представителей государственно-законодательных структур регионального уровня.

Таким образом, процесс формирования политико-правовой культуры современного человека во многом ориентируется на установки и конструкты эклектичной, весьма противоречивой по своему содержанию, антисоциальной и асоциальной информации, транслируемой интернетом и интернет-платформами, поддерживаемыми мультимедийными и микропроцессорными технологиями. Меняется социальная и культурная система, «подстраиваясь» под изменяющуюся технико-технологическую среду.

Следует отметить, что формирование современной политико-правовой культуры является важнейшей задачей, стоящей, во-первых, перед государством. А от того, насколько правильно и точно будут индивидом определяться политико-правовые категории и термины, пользуясь всеми информационными технологиями и нововведениями, зависит будущее российского государства. Информационное общество, породившее интернет и социальные сети, сделало жест вежливости в лице нового средства по формированию политико-правовой культуры, а его деятельность целиком и полностью должна контролироваться человеком, и от того, насколько правильно подобраны методы и формы этого контроля, и зависит уровень правовой культуры жителей России. Современное состояние интернет-платформ и интернет-ресурсов, которые, в первую очередь, несут развлекательный характер, все же имеют информационный поток, связанный с отраслью политики и права. Важно заметить, что сами граждане должны уметь фильтровать и отсекалать ненужную, неуместную информацию, не способную решать правовые вопросы и задачи, а лишь вводить их в заблуждение. В данном исследовании, которое проводилось на территории Брянской области и напрямую зависело от полученной информации на территории региона, разработана комплексная проблема, которая может служить основой для дальнейшего научно-теоретического исследования политико-правовой культуры России, ее субъектов.

Результаты работы позволяют проследить тенденции развития политико-правовой культуры на современном этапе российского информационного общества, на уровне отдельного региона страны. Полученные данные и их анализ в дальнейшем может стать весомым аргументом по введению учебных курсов или дисциплин в вузах или сузах Брянской области. Причем с непосредственной их связью с политико-правовой культурой и ее формированием у граждан Брянщины, в виде самостоятельных учебных элементов типа «социологии» и «политологии», которые активно в настоящее время практикуются. Причем названия этих курсов могут носить непосредственно региональный характер, типа «Формирование политико-правовой культуры жителей Брянской (Орловской, Калужской и т. д.) области в условиях информационного общества». Также сформулированные в ходе исследования выводы и предложения могут быть использованы в ходе дальнейшего совершенствования политико-правовой культуры, конкретизации ее структурных элементов, при разработке и совершенствовании текущего законодательства, а также государственно-правовых форм и методов обеспечения и защиты прав и свобод граждан, в подготовке профессиональных специалистов в учебных заведениях.

Подводя итог вышеизложенного, считаем, что только благодаря совместному усилию государства и его граждан можно будет применять и использовать достаточно эффективно интернет и социальные сети в качестве инструмента по формированию современной политико-правовой культуры жителей России.

Список литературы

1. Иванов А. С. Применение методики контент-анализа в сообщениях информационных агентств // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 2. С. 428–434.
2. Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10.
3. Матвеев Р. Ф. Правовая культура XXI века. М. : МИР, 2010. 243 с.
4. Официальный сайт Брянской областной Думы. URL: <https://duma32.ru/molodezhnyu-parlament-bryanskoj-oblasti/> (дата обращения: 28.08.2021).
5. Официальный сайт Департамента образования и науки Брянской области. URL: <http://www.hq.b-edu.ru/> (дата обращения: 28.08.2021).
6. Политическая культура: теория и национальные модели / В. С. Ажаева [и др.] ; отв. ред. К. С. Гаджиев. М. : Наука, 1994. 650 с.

УДК 004.738.5:32

ББК 32.973:66

А. Ю. Поджидаева, *Иркутск*

Политико-коммуникативные технологии в интернет-пространстве

Рассматривается применение политико-коммуникативных технологий. Изучается влияние интернет-пространства на общественно-политические процессы в современной России. Акцентируется внимание на рассмотрении позитивных и негативных аспектов освоения политическими организациями интернета. Исследуются особенности интернет-коммуникаций в России.

Ключевые слова: интернет-технологии, политические интернет-коммуникации, Интернет, цифровая демография, политические кампании

A. Y. Podzhidaeva, *Irkutsk*

Political and communication technologies in online advertising

The article examines the use of political and communication technologies in the framework of modern trends. The influence of the Internet space on the socio-political processes in modern Russia is investigated. The authors of this paper are focused on examining the positive and negative aspects of the development of the Internet by political organizations. The features of Internet communications in Russia are investigated.

Keywords: Internet technologies, Internet political communications, Internet, digital demography, political campaigns

На сегодняшний день интернет-пространство занимает господствующее положение в жизнедеятельности общества, пронизывая быт современного человека и проникая во все сферы его интересов. Непосредственным атрибутом информационно-коммуникационной среды становятся интернет-технологии, выступающие носителями нематериальной информации, инструментом взаимодействия между индивидами, социальными группами и организациями. Они предоставляют доступ к различной по содержанию информации с возможностью «обратной связи», что активно используется политическими акторами для реализации своих целей.

Интернет, изначально выступая в качестве средства для коммуникаций, постепенно трансформировался в платформу для проведения общественно-политических кампаний, формирования общественного мнения и создания новых моделей и форматов онлайн-деятельности в политической сфере [9].

Существует несколько причин для выделения интернет-пространства как принципиально новой среды политического управления и взаимодействий различных социальных групп:

1. Происходит ежегодное увеличение количества пользователей сети и, если раньше интернет использовали, в основном, молодое поколение, бизнесмены и работники, специализирующиеся в данной отрасли, то в настоящий момент можно встретить все возрастные категории и сферы специализации граждан. Немаловажным аспектом является факт все большего распространения интернета на юге Земли, где использование технических компонентов было дорогостоящим и в ограниченном доступе [3].

2. Осуществляется постепенное расширение географии использования интернета – от центров территориальной системы к периферии вследствие увеличения среднего возраста пользователя сети.

Таким образом, интернет-пространство в современных реалиях становится одним из важнейших средств для вовлечения электората в общественно-политические процессы с применением различных информационно-коммуникационных технологий.

Так, С. В. Бондаренко утверждает, что процесс интернетизации будет продолжаться – возрастет количество государственных, общественных и политических интернет-ресурсов, роль Всемирной паутины станет преобладающей, оттеснив традиционные средства массовой информации [1].

Необходимо отметить, что политические организации осваивают новое информационно-коммуникационное пространство. Возникают интернет-сайты политиков, политические блоги, форумы, электронные платформы для сбора подписей, задействуются всевозможные социальные сети с большим количеством активных пользователей, появляются новые формы электронных услуг (системы, порталы) для выражения государственной позиции.

Вместе с этим вопрос о необходимости присутствия политических организаций в сети Интернет и эффективности применения политико-коммуникативных технологий в интернет-пространстве вызывает многочисленные дискуссии [8].

С одной стороны, появляется возможность демократизации процесса принятия решений, быстрота, интерактивность, увеличение вовлеченных в политику граждан, возможности контроля за государственными органами и обществом в целом. Так, испанский социолог-постмарксист М. Кастельс отмечает, что интернет «может стать инструментом контроля, информирования, соучастия и даже принятия решений на всех уровнях снизу доверху» при условии взаимного прозрачного информирования и участия [4].

С другой же стороны, существует ряд негативных факторов, касающихся контроля информации государственными органами. На сегодняшний

день, свобода самовыражения, анонимность и недостижимость, привлекающая пользователей, является относительной. Более того, некоторые страны активно вмешиваются в жизнедеятельность человека.

В Китае правящей Коммунистической партией цензуре, в основном, подвергаются религия, кинопроизводство и любые, происходящие в стране, события политического характера. На территории страны также действует интернет-фильтрация для таких сайтов как Bing, Google и Yahoo [2].

В России, согласно ст. 29 п. 5 Конституции РФ, любая цензура запрещается. В то же время, в 2015 г. министр культуры В. П. Мединский в своей статье утверждает, что государство должно следить за содержанием выпускаемых проектов для отражения ими ценностей консервативной части населения [5]. В марте 2019 г. указом Президента был принят законопроект об оскорблении государства, общества, государственными символами и государственными органам, в соответствии с которым сайт и пользователь, от которого исходит эта информация, будет заблокирован, если в течение суток запись не будет удалена.

Вместе с этим, согласно проведенному в 2016 г. исследованию Левада-Центра, большая часть респондентов высказалась за необходимость цензуры в интернет-пространстве (60,6 %), гораздо меньшее число респондентов выступает против цензуры (25,2 %), 14,1 % – затрудняются ответить [6]. Анализ полученных данных показал лояльно настроенных настроений граждан РФ.

Таким образом, использование интернет-технологий в политической сфере имеет ряд позитивных и негативных аспектов, в следствие которых нельзя с определенной уверенностью занимать крайнюю позицию в данном вопросе.

В настоящее время как российскими, так и зарубежными политиками активно осваивается данное пространство, что помогает осуществлять более эффективные общественно-политические процессы, вовлекая все больший процент населения, способствуя демократизации, открытому диалогу и прозрачности взаимодействий.

Список литературы

1. Бондаренко С. В. Особенности создания и функционирования площадок «электронной демократии» // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 164–178.
2. Винник Д. В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2. С. 95–113.
3. Емельянов А. И. Особенности применения политических технологий в российском интернет-пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 2. С. 208–217.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
5. «Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию». URL: <https://iz.ru/news/587771> (дата обращения: 02.09.2021).
6. Левада-центр. Доверие СМИ и цензура. URL: <https://www.levada.ru/2016/11/18/doverie-smi-i-tsenzura/> (дата обращения: 02.09.2021).

7. Тараканова Т. С. Политико-коммуникативные технологии в интернет-пространстве // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. С. 91–97.

8. Полошкевич О. А. Способы интерпретации и коммуникации власти // Studium III : материалы ежегод. науч.-практ. конф. студентов и соискателей. Иркутск, 2002. С. 157–159.

9. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.

УДК 323.2
ББК 66.2(2.Рос)

М. А. Шарабурак, *Иркутск*

Сетевизация политического активизма граждан на примере феномена Alt-Right: социальный аспект

Статья посвящена развитию сетевого политического активизма населения. На примере движения альтернативных правых, сыгравших заметную роль в президентских выборах в США в 2016 г., определяется характер и степень влияния сетевого активизма на реальные политические процессы в нашей стране. Ретроспективно рассматриваются позитивные и негативные итоги развития анализируемого движения и прогнозируются новые тенденции.

Ключевые слова: альтернативные правые; выборы; интернет-активизм; социальные сети; мемы.

М. А. Sharaburak, *Irkutsk*

Networking of Political Activism on the example of the Alt-Right phenomenon: A social aspect

The article is devoted to the development of network political activism. Using the example of the alternative right movement, which played a significant role in the US presidential elections in 2016, the nature and degree of influence of network activism on real political processes in the country, is determined. The positive and negative results of the movement's development are considered retrospectively.

Keywords: alternative right; elections; internet activism; social networks; memes

Цифровизация общества неизбежно влечет за собой трансформацию институтов публичной политики в любой стране. Российская Федерация и ее население находится в аудитории влияния таковых. Так, перенос политического дискурса в интернет-пространство стал заметным явлением последних двух десятилетий. При этом интернет-пространство в меньшей степени подвержено контролю и цензурированию, что позволяет получать информацию без оглядки на официальную политическую повестку, отсутствие санкций говорит о расширении кажущейся свободы действий, а анонимность позволяет высказываться более открыто.

Сегодня традиционные СМИ отходят на второй план среди представителей многих поколений, в частности, для молодежи традиционные источники информации не являются актуальными. В качестве площадки для свободного политического диалога большое значение приобретают социальные сети. «В эпоху информационных технологий интернет становится важным

коммуникативным инструментом, широко используемым государственной властью, партиями, политическими лидерами и представителями гражданского общества в своих интересах, в том числе и в ходе предвыборных кампаний» [5, с. 147].

Одним из наиболее ярких феноменов в данном ключе можно назвать такое явление американской политики последних лет, как *Alt-right*. Движение, возникшее как реакция на стремительно происходящее распространение «левых» идей в различных социальных слоях американского общества и кризис консервативной платформы, приобрело широкую известность на фоне президентской предвыборной кампании 2016 г. Политические интенции слабосвязанных, консервативно настроенных групп интернет-пользователей, объединенных неприятием американского политического истеблишмента, сыграли определённую роль в популяризации фигуры Дональда Трампа в основном через работу с социальными сетями и новыми медиа. Так, по версии Оксфордского словаря, в 2016 г. понятие *Alt-Right* вошло в число наиболее распространённых политических неологизмов, наряду с такими понятиями, как «пост-правда» и «брекзитер» (сторонник выхода Великобритании из состава ЕС) [2].

При попытке однозначно охарактеризовать движение, мы сталкиваемся с проблемой, которая свойственна для всех явлений с приставками «пост», «анти» и т. д. Префикс «Альт» используется в значении «альтернатива» и указывает на нежелание движения ассоциироваться с представителями так называемых традиционных правых. В своей политической повестке движением постулируется неприязнь к современному американскому политическому истеблишменту не только в лице демократической партии, но и республиканскому политическому мейнстриму с доминирующими там неоконсерваторами. Так, правые политические силы в США более озабочены проблемами налогообложения или, что характерно для неоконсерваторов, внешними военными интервенциями, в пику которым альт-райт строится вокруг изоляционистской риторики. Наиболее близкой к альт-райт можно назвать американскую палеоконсервативную политическую традицию, с которой у них много точек соприкосновения. На движение в большей степени повлияли такие континентальные, политико-идеологические школы, как «Новые правые» во Франции, а также деятели немецкого кружка «Консервативная революция».

Аморфная структура и анонимность сторонников, ставит перед нами трудности в том, чтобы определить демографический характер движения. Движение распространено в основном в странах англосферы, но встречаются также немногочисленные сторонники и в странах континентальной Европы. Ряд исследователей указывает на то, что в движении преобладают молодые люди студенческого возраста, как поясняет Р. В. Иванов, максимализм и спонтанность решений – это характерные черты присущие молодому возрасту, именно на них и играют одиозные личности, увлекающие молодежь громкими, экстремистскими идеями [3, с. 303]. Так, многие студенты,

испытывающие недовольство по отношению к чрезмерной политкорректности в академической среде, радикализуются и принимают экстремистские взгляды. Джордж Хоули, автор социологического исследования, посвященного демографическому анализу Альт-Райт, указывает, что более низкий доход и безработица вероятно коррелируют с расовой нетерпимостью. При этом можно было бы предположить, что подчеркнутая религиозность имеет сильную связь с реакционными социальными взглядами, но традиционные для США христианские конфессии чаще всего продвигают эгалитарные взгляды и утверждает антирасистские позиции, а результаты исследования указывают на то, что рост секуляризации в обществе, не является причиной популяризации ультраправых настроений [1].

В своей интернет-агитации активистами движения зачастую эксплуатируются понятные и доступные для широкой публики образы из массовой культуры, что позволяет людям просто воспринимать визуальный контент, даже без особой включенности в политическую жизнь. Для молодежи мемы являются универсальным языком продвижения многих идей [6]. Неудивительно, что интернет-мемы являются важным инструментом политической борьбы. Мемы могут быть включены в различные PR-стратегии либо с целью поддержать имидж политика, либо с целью дискредитировать политического оппонента. Например, в ходе предвыборной кампании в 2016 г. в США, интернет заполнили многочисленные юмористические изображения и видеоматериалы, посвященные Хилари Клинтон, в частности, обыгрывались темы ее возраста, заболеваний и скандальной утечки личных писем с почты кандидата в президенты.

Среди прочих широко использовался так называемый лягушонок Пепе, изображения которого после привлечения к ним внимания со стороны Демократических СМИ были включены Антидиффамационной лигой (правозащитная организация, противодействующая антисемитизму) в список символов ненависти, в виду частого использования изображения в контексте оскорбительных, неполиткорректных высказываний. Преимущества интернет-мемов заключаются в том, что, оставаясь простыми и доступными, они способны стремительно набрать популярность и распространиться по всему интернету, воздействуя на широкие массы населения. Социологи и политологи исследуют, каково место интернет-мемов в подготовке «оранжевых революций» и других массовых общественных явлений.

Одним из наиболее важных достижений альт-правого движения можно назвать то, что им удалось дискредитировать и вызвать недоверие к традиционным средствам массовой информации. В этом ключе работа с новыми медиа и вброс пропагандистского контента в форме мемов представляют собой удачный пример сетевого активизма. Что касается работы с новыми мобильными медиа, то стоит отметить в первую очередь агитацию в социальной сети twitter, а также практически лишенный модерации анонимный имиджборд 4chan, на просторах которого генерировались интернет-мемы, повышающие узнаваемость и популярность движения.

Нельзя оставить без внимания события, произошедшие на марше «Объединённых правых» в Шарлоттсвилле 2017 г. Сам марш – это попытка вывести на улицу сторонников движения, которое развивалось преимущественно в интернете, и доказать, что альт-райт – это политическое движение, а не мем, и скандал, разразившийся как итог этой акции, для нас весьма показателен. Политическая акция, целью которой было противодействие демонтажу исторических памятников военным деятелям КША, привлекла множество представителей ультраправых, маргинальных, экстремистских групп [4]. Стычки с политическими оппонентами на улице закончились смертью трех человек и ранением еще тридцати восьми, в результате чего разгорелся большой скандал, многие публичные лица выступили с осуждением движения, а некоторые информационные ресурсы были заблокированы. Нам видится, что при исследовании ряда политических событий в нашей стране важно рассматривать наличие сходных явлений.

На сегодняшний день об альт-райт как о хоть сколько-нибудь заметном движении говорить не приходится, как результат радикальной риторики особо крайних активистов оно оказалось дискредитировано. Неонацистские, экстремистские, расистские взгляды представителей сообщества изначально являлись непреодолимой преградой, для того чтобы движение имело массовую поддержку и выросло во что-то большее, чем маргинальная группка интернет-троллей. Помимо прочего, события, произошедшие на марше «Объединённых правых», повлекли за собой активизацию американских ведомств в борьбе с экстремизмом. Отпугивая, а подчас шокируя более умеренную публику, движению тем не менее удалось громко о себе заявить и оказать влияние на ход президентской гонки. В эпоху широкого распространения цифровых технологий имеет значение как анализ используемых инструментов, так и социальные группы, являющиеся аудиторией восприятия таковых, с целью сохранения социального порядка.

Список литературы

1. The Demography of the Alt-Right [institute for family studies]. URL: <https://ifstudies.org/blog/the-demography-of-the-alt-right> (дата обращения: 26.08.2021)
2. Word of the Year 2016 [oxford languages] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 21.08.2021)
3. Иванов Р. В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
4. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
5. Михалев Ю. А. Роль интернета в политике государства нового мира // Вестник московского государственного лингвистического университета. 2015. № 26 (737). С. 147–154.
6. Бардамова Я. Ю. Феномен интернет-мема в виртуальном пространстве сети Интернет / Я. Ю. Бардамова, Е. А. Маркова, Л. А. Гуринович // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 113–117.

УДК 316.485
ББК 73.76

Б. Б. Янковечус, *Иркутск*

Социальные протесты в виртуальной среде

Раскрывается роль интернет-ресурсов и социальных сетей в политической мобилизации граждан и организации протестных движений. Указывается, что компьютерные технологии становятся и средством информирования людей о реальных митингах, и инструментом проведения протестов в виртуальной среде. Рассматриваются формы и средства проведения виртуальных социальных протестов, сравниваются возможности и результаты реального и виртуального протестного движения. Приводятся примеры социальных конфликтов в российском медийном пространстве, анализируются перспективы социальных сетей в решении общественных конфликтов.

Ключевые слова: протесты, социальные протесты, виртуальная среда, глобальные сети, социальные сервисы.

B. B. Yankovechus, *Irkutsk*

Social protests in a virtual environment

The work reveals the problem, the role of Internet resources and social networks in the political mobilization of citizens and the organization of protest movements is enhanced. Computer technologies are becoming both a means of informing people about real rallies and a tool for conducting protests in a virtual environment. The article examines the forms and means of conducting virtual social protests, compares the possibilities and results of the real and virtual protest movement. Examples of social conflicts in the Russian media space are given, the prospects of social networks in resolving social conflicts are analyzed.

Keywords: protests, social protests, virtual environment, global networks, social services.

Любое общество людей характеризуется наличием разногласий и противоречий, которые в условиях несовершенства гражданских институтов могут привести к активным конфликтам и массовым протестам. Социальный протест – это индивидуальные или коллективные действия, которые публично отвергают существующие социальные институты и требуют решения возникших в социуме проблем [2, с. 126].

Основным механизмом, запускающим социальный протест, выступает конфликт в обществе, который может быть обусловлен решениями властей, действиями известных людей, высказываниями публичных личностей, стихийными бедствиями, расслоением общества, межэтническими конфликтами и прочими вызовами. Протест разгорается от требований людей восстановить справедливость и решить существующие проблемы и имеет целью нанесение ущерба противоположной стороне (финансового, репутационного, в худшем случае – причинение вреда жизни и здоровью).

Социальный протест может быть реализован в различных формах: от индивидуальных акций до масштабных революций, проходить в скрытом или явном виде, иметь различную длительность (от нескольких часов до нескольких десятилетий). К настоящему времени накоплен также внушительный арсенал различных средств социальных протестов: пикеты, забастовки, митинги, демонстрации, массовые собрания, бойкотирование,

флешмобы, пиар-акции, голодовки, публикации в СМИ, вывешивание баннеров, блокирование помещений и подъездных путей для представителей органов власти, столкновения с правоохранительными органами. В ходе социального протеста может быть использовано несколько различных средств разными группами людей, а применение конкретных инструментов протеста зависит от его организаторов [6].

Активировать социальные протесты в мире в последние годы становится все проще благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, глобальных сетей и сервисов, социальных мессенджеров. Люди получили возможность мгновенного обмена информацией, благодаря чему можно оповещать неограниченное число людей о времени, месте и форме проведения протеста, о причинах конфликта и требованиях участников протестного движения.

Кроме того, что цифровая система является средством оповещения и информирования, виртуальная среда все чаще используется в качестве платформы для проведения социальных протестов. Таким образом, в последнее время получает все большее развитие новый тип протестной активности – виртуальный тип.

Виртуальная среда (виртуальная реальность) – это окружающая среда, создаваемая компьютерными средствами, цифровыми коммуникациями и социальными сервисами. В отличие от здания или улицы, имеющих ограниченную площадь, социальный сервис в виртуальном мире может иметь неограниченное число участников, зрителей, получателей информации, выходить за пределы государства [5].

Роль социальных сетей в акциях протеста обычно сводят к возможности привлечь как можно больше людей к протестному движению, а также быстро координировать их действия. Виртуальные сервисы помогают эффективно организовать митинг или массовое собрание как конкретное событие с физическим присутствием людей в месте проведения протестной акции. Однако в последние годы протестные мероприятия все чаще проводятся не в реальном, а в виртуальном пространстве, особенно это заметно в России. Митинг в виртуальной среде позволяет привлечь множество участников, получить мнение каждого, кроме этого, он неограничен по времени и может годами воздействовать на зрителей и слушателей.

Для организации социальных протестов в виртуальной среде чаще всего используются наиболее популярные мировые социальные сети и видеоплощадки: Twitter, Facebook, Instagram, Youtube, TikTok. В России кроме перечисленных наиболее популярны социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой Мир». Кроме социальных сетей для реализации протестной активности используются каналы, сообщества и групповые чаты в мессенджерах Telegram, WhatsApp, Viber, Facebook Messenger, Skype и других. Поддержка социальных протестов возможна и на виртуальных площадках множества СМИ, в новостных лентах, издательских платформах, где помимо публикации статей существует возможность анализа протестных

настроений с помощью опросов, голосования, отзывов, комментариев читателей.

Формами проведения социального протеста в виртуальной среде могут быть: видеоролик, челлендж (выполнение заданий), виртуальный флешмоб (проведение одновременных оффлайн-мероприятий), статья, микроблог, фотографии, сообщества, группы в социальных сетях, посвященные теме социального конфликта, хакерские и DDos-атаки. Опубликованные материалы на новостных лентах, в социальных сетях, групповых чатах позволяют проанализировать степень социального конфликта и отношение людей к протесту с помощью комментариев, лайков/дизлайков, опросов, просмотров [4].

Социальные протесты в виртуальной среде имеют следующие преимущества перед реальными акциями или собраниями людей [1]:

- мгновенное интерактивное общение с аудиторией в режиме онлайн;
- практически неограниченное число участников, зрителей;
- относительно точное измерение количества просмотров и эффективности обратной связи (наличие таких инструментов, как «лайки», «расширивания», «посты», отзывы, отпросы);
- возможность мобилизации целевых аудиторий и профессиональных сред (группировки в сообщества по интересам в сети Интернет позволяют точно оказывать воздействие на нужную аудиторию);
- применение мультимедийных технологий и других (использование фото- и особенно видеоформата позволяют психологически усиливать воздействие на участников коммуникации);
- анонимность (при желании) участников виртуальных протестов;
- относительная безопасность участников, возможность избежать открытого столкновения с правоохранительными органами;
- возможность для каждого участника высказать свое мнение о конфликте, публично занять определенную сторону;
- отсутствие жертв и причинения вреда здоровью и жизни людей;
- невысокие финансовые затраты для проведения протестной акции для ее организаторов [3, с. 98].

Фотографию одинокого пикетчика с плакатом или видео перформанса в социальных сетях увидят гораздо большее количество людей, нежели в реальности на улицах, что позволяет более эффективно катализировать социальный протест с меньшими затратами и используя небольшое число активистов. Таким образом, виртуальная среда становится мощнейшим инструментом для активизации протестной деятельности в обществе.

Вместе с тем виртуальные социальные протесты имеют и существенные недостатки для разрешения конфликтов в обществе:

- отсутствие прямого диалога с представителями власти и значимых социальных институтов;
- невозможность разрешения многих конфликтов, особенно политических, экономических, межнациональных;

– широкие возможности для фейков, обманных вбросов, преувеличения реальности с помощью мультимедийных средств;

– подмена реальных участников «ботами» (программными сервисами), которые накручивают просмотры, «лайки»/«дизлайки», дублируют отзывы, замусоривают ленту и проч.;

– создание у людей иллюзии активной борьбы, так как без выхода в реальность протест «сливается», «уходит в свисток».

Если человек не находится часто в толпе единомышленников, где градус протестного настроения подогревается реальными настроениями людей, то со временем его активность затухает, он смиряется с действующим положением вещей [2].

С другой стороны, для властей массовый выход людей на улицы является гораздо более сильным сигналом для принятия решений о необходимости политических и общественных изменений, так как стихийная неуправляемая толпа способна на разрушительные действия, вплоть до свержения политического строя. Даже мирная демонстрация людей наносит существенный вред для репутации власти в глазах отечественных и иностранных граждан, так как это говорит о том, что действия или бездействие политиков привели к существенному конфликту, для решения которого люди готовы рисковать своей свободой и жизнью.

Сравнивая реальные и виртуальные протесты, можно отметить, что реальные митинги в практике демократических государств ведут к скорейшему разрешению конфликтов и более частому удовлетворению властями или руководителями организаций пожеланий митингующих. Виртуальные же протесты способны охватить информацией более массовое число людей, что способствует выработке у граждан определенного настроения, мнения, требований. Социальные протесты в виртуальной среде чаще всего помогают восстановить справедливость не в политическом и правовом, а в информационном поле, на просторах СМИ и публичного пространства.

Можно привести несколько примеров, когда социальные протесты людей в России в виртуальной среде привели к определенному разрешению конфликта. Так, после суперфинала проекта «Голос» в 2019 г. зрители усомнились в честности голосования, в результате которого победа в суперфинале досталась дочери Алсу Микелле Абрамовой. Были замечены «признаки аномального голосования» и «модерирования результатов» в ее пользу. Огромное количество негативных отзывов в социальных сетях заставило руководство «Первого канала» провести расследование, а Алсу признаться в подтасовке результатов. В результате итоги конкурса были пересмотрены.

Летом 2018 г. вокруг «Леруа Мерлен» разгорелся скандал из-за PR-директора компании, которая опубликовала фальшивую новость в Facebook с обвинением футбольных болельщиков, которые, празднуя победу, якобы сожгли девушку. Сотрудница и компания «Леруа Мерлен» подверглись жесткой критике людей в социальных сетях и даже появились призывы к

бойкоту магазинов этого ритейла. Для решения конфликта компании пришлось уволить сотрудницу и извиняться перед россиянами в СМИ.

В 2020 г. руководителя пресс-службы правительства и губернатора Иркутской области И. Алашкевич обвинили в оскорблении жертв наводнения в Тулуне, она была отстранена от работы. Причиной этому явилась аудио-запись ее разговора с пострадавшими от наводнения, где она позволила себе презрительные высказывания в их адрес по поводу внешнего вида людей. Скандал в социальных сетях спровоцировал служебное расследование, чиновница написала заявление об уходе с должности.

Таким образом, социальные протесты в виртуальной среде могут привести к восстановлению социальной несправедливости, к публичному наказанию людей, нарушивших общественные устои [7]. К сожалению, чаще всего протесты в глобальной сети не приводят к разрешению конфликта, а еще более его усугубляют, увеличивают разрыв между конфликтующими сторонами, усиливают оскорбления, хамство, социальную напряженность, способствуют травле отдельных людей.

В России основной проблемой виртуальных социальных протестов является отсутствие прямого диалога граждан и власти. Руководство страны в подавляющем большинстве случаев реагирует на отдельные скандалы в социальных сетях, вызванные возмущением граждан на слова и действия местных и региональных чиновников. В этих случаях чиновники вынуждены извиняться перед гражданами, они увольняются из органов власти под давлением вышестоящего руководства. Однако мнение граждан никак не затрагивает чиновников федерального уровня, нет ответов властей на материалы громких коррупционных расследований с гигантским числом просмотров. Нет реакции и конкретных действий лидеров страны на усиливающиеся возмущения и требования граждан в разрешении экономической и социальной напряженности в стране.

Лучшим выходом к снижению протестной активности в обществе власти считают закрытие интернет-ресурсов, платформ и сообществ с критическими статьями. Лишившись возможности просматривать и обсуждать оппозиционные материалы, граждане станут более лояльны к действиям руководства страны, а раскол в обществе не будет так заметен. Однако точечное закрытие отдельных СМИ не решает проблему виртуальных протестов, так как в настоящее время довольно широки возможности публикации и обсуждения любой информации в сети интернет. Кроме этого, не имея обратной связи от граждан, не реагируя на просьбы и требования общества, власти рискуют получить не виртуальный, а реальный протест, когда люди массово начнут выходить на улицу, и потоки разъяренных граждан станут подобны стихийному бедствию.

Реальные протесты часты даже в благополучных странах, например, во Франции, США, Германии, где граждане не согласны с действиями власти и желают социальной справедливости, которую они чаще всего получают. В экономически неразвитых странах доведенные до отчаяния граждане

рискуют своей жизнью, выходя на митинги, например в Мьянме, Венесуэле, Афганистане. В результате таких протестных движений имеется много жертв, а при большой точке накаливания может случиться государственный переворот.

Таким образом, чтобы не получить стихийных протестов в реальности, власти должны отслеживать настроения и требования людей на виртуальных митингах, вести диалог с гражданами, предоставлять им площадки для обсуждения, привлекать авторитетных персон для разговора с участниками социальных сетей, пытаться разрешить социальные и экономические противоречия.

В заключение следует отметить, что благодаря интернет-технологиям и социальным сетям общественные протесты получили новые инструменты для социальной активности. Протестные движения эффективно используют сетевые технологии и виртуальную среду для гражданской мобилизации, координации массовых акций, формирования протестной повестки. Роль социальных сетей в протестном политическом участии довольно велика, однако виртуальные протесты не могут эффективно воздействовать на органы власти и решать экономические и политические проблемы в стране. Нерешенные конфликты и социальная неудовлетворенность заставляют людей выходить из виртуальной среды на реальные стачки, что опасно для всего общества в целом. В этой связи задачей власти является мониторинг виртуальной критики, своевременная реакция на запросы общества, налаживание диалога с гражданами, построение эффективных социальных институтов.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Виртуализация социальных протестов на примере Хабаровского края // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск :Изд-во ИГУ, 2020. С. 388–391.
2. Музалевский А. Как интернет изменил протест и почему «митинг-сообщение» важнее «митинга-события». URL: <https://takiedela.ru/news/2018/03/06/kak-internet-izmenil-protest/> (дата обращения: 30.08.2021).
3. Полошкевич О. А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всерос. науч. конф. молодых ученых в области гуманитар. и соц. наук / редкол.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санжениакова. Новосибирск : ИГУ, 2019. С. 171–174.
4. Полошкевич О. А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, 2018. С. 63–68.
5. Полошкевич О. А. Общественное недовольство как форма социального конфликта // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М., 2020. С. 130–132.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2020. С. 316–318.
7. Шарапов Р. И. Особенности виртуальных форм современного политического протеста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. № 1. С. 97–101.

ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ И ФОРМ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 159.9
ББК 88.4

Н. Г. Васильев, А. Г. Терещенко, *Иркутск*

Гуманизация образования в условиях становления цифровой виртуальной реальности

Рассматриваются вопросы становления личности учащегося в эпоху цифровизации. Особое внимание уделяется развитию цифровой культуры, владению приемами цифровых технологий. Рассматриваются основные тенденции гуманистической стратегии современного образования. Указывается на необходимость решения проблемы построения такой модели учебно-образовательного процесса, которая оптимальным образом учитывала бы особенности и закономерности личностного развития студентов, их профессионального становления как специалистов. Пристальное внимание в организации учебного процесса должно быть уделено коллективным и самостоятельным формам обучения.

Ключевые слова: цифровизация образовательной деятельности, гуманизация образования; модернизация образования; принципы интеграции, дифференциация, индивидуализация обучения; рефлексивное мышление, цифровая парадигма.

A. G. Tereshchenko, N. G. Vasiliev, *Irkutsk*

Humanization of education in the context of the emergence of digital virtual reality

The article examines the issues of the formation of a student's personality in the era of digitalization. Particular attention is paid to the development of digital culture, mastery of digital technologies. The main tendencies of the humanistic strategy of modern education are considered. The article points out the need to solve the problem of building such a model of the educational process, which would optimally take into account the peculiarities and patterns of the personal development of students, their professional development as specialists. Close attention in the organization of the educational process should be paid to collective and independent forms of education.

Keywords: digitalization of educational activities, humanization of education; modernization of education; principles of integration, differentiation, individualization of training; reflective thinking, digital paradigm.

Становится очевидным, что вслед за научным знанием система образования начинает подготовку новой парадигмы. Мы считаем, что новая парадигма науки и образования тесно связана с цифровой экологией. В развитии

социальной экологии, ее влиянии на существующую науку в целом наметились две, внешне противоречивые, тенденции. С одной стороны, расширяется спектр собственно социально-экологических исследований с отчетливо выделенным предметом, отчетливой проблематикой. С другой, развивается процесс экологизации традиционных областей знания. Происходит своеобразная модернизация традиционной науки. Внедрение социально-экологических подходов в сферы, напрямую несвязанные с экологической проблематикой, обусловлено рядом имманентно присущих социальной экологии атрибутов. Экологизация научного знания в первую очередь обусловлена присущей социальной экологии эвристичностью. Принципиальная нетрадиционность и незавершенность позволяют ей выявлять и решать принципиально новые научные проблемы. Существует имманентно присущая принципиальная неопределенность в системе связей общества и природы, закономерностях их взаимодействия, путях коэволюции человека и природы. Современная наука не располагает теоретическими средствами, концептуальным и математическим аппаратами для реализации достоверного экологического прогноза в глобальном масштабе. В системе «общество – природа» всегда присутствует субъективная неопределенность, появляются все новые структуры и связи.

Экологическая проблематика всегда опережает интеллектуальные возможности и наработки науки. Это и вызывает обращение к эвристическим возможностям социальной экологии. Традиционные методы ориентированы на жестко детерминированные процессы, описание которых позволяет построить логические цепочки рассуждений и сделать события прогнозируемыми, а знания верифицируемыми. Современная система образования должна ориентироваться на стохастические процессы. Стохастические системы описываются законами нелинейной динамики и предполагают большую степень допущений и неопределенности. Каждая проблемная ситуация становится уникальной и требует специфического метода анализа и принятия уникального решения. Эвристика, которую можно определить как науку о нестандартных подходах к нестандартным проблемам, отвечает экологической специфике. Развитие эвристической функции социальной экологии позволяет включить в экологические исследования интуицию и сделать каждое исследование творческим.

Современная действительность ставит перед высшей школой задачу повышения эффективности управления образовательным процессом, внесения существенных изменений в структуру образования, развития современных подходов к содержанию, формам и методам обучения и формирования личности, успешно адаптирующейся к динамичной виртуальной среде. Виртуальная среда как система метапорядка формируется и функционирует по своим законам, подчас недоступным воле человека. В современной ноосфере взаимодействуют сложные подсистемы: виртуальная среда, природная и социальная. Следует отметить, что в этих условиях основными тенденциями образовательной деятельности являются вариативность образова-

ния, его дифференциация, увеличение выбора моделей образования, модернизация всех ступеней высшего образования, многопрофильность и альтернативность. В результате гуманизации образования происходит изменение отношений «индивид – социальная среда», «самовоспитание – воспитание», «самообразование – образование». Эта ситуация заставляет по-новому взглянуть и на систему обучения, усилить гуманистическую компоненту стратегии современного образовательного процесса.

Для современной системы образования особенно актуальной становится теория самоорганизации и ее методологические идеи. Основой этой теории является современная модель образования (В. И. Андреев, Н. М. Таланчук, С. С. Шевелева, А. Д. Суханов и др.), которая включает не только традиционные приемы и средства, формы и методы обучения, но и средства, стимулирующие синергетический инновационный потенциал студента

К сожалению, зачастую содержание образования становится обедненным, утрачиваются поисковые, творческие компоненты обучения. Чтобы этого не происходило, взаимодействие субъектов в процессе образовательной деятельности должно стать движущей силой их самоорганизации.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. предполагает использование технологий искусственного интеллекта в социальной сфере, в частности, за счет повышения качества услуг в сфере образования, включая адаптацию образовательного процесса к потребностям обучающихся и потребностям рынка труда, системный анализ показателей эффективности обучения для оптимизации профессиональной ориентации. Сегодня в системе образования наблюдается активизация гуманитарного мировоззрения, изменяется структура научного познания, сливаются теоретическая и практическая деятельности. На определенных уровнях развития воспитание переходит в самовоспитание, обучение в самообучение, образование в самообразование, развитие в саморазвитие. Образование должно создавать у обучаемого научную картину мира, помочь овладеть способами поведения в информационном обществе на протяжении жизни. Центральное место в обучении занимает новый способ теоретического мышления – нелинейное мышление.

В мировой и отечественной психолого-педагогической науке в последние годы повышение эффективности обучения, его оптимизация являются одним из центральных объектов всестороннего изучения. В основу этой перестройки положен ряд принципов:

– интеграция всех воспитывающих сил общества, которая включает в себя органическое единство вуза и других социальных институтов в целях воспитания подрастающего поколения;

– гуманизация, согласно которой наблюдается усиление внимания к личности студента, актуализируется установка на формирование гражданина с высокими интеллектуальными, моральными и физическими качествами;

– дифференциация и индивидуализация, благодаря которым создаются условия для полного проявления и развития способностей студентов;

– демократизация, способствующая созданию условий для развития активности, инициативы и творчества учащихся и педагогов, для привлечения их к широкому участию в управлении образованием;

– цифровизация образовательной среды, которая радикально меняет образовательную среду и придает процессу новые смыслы.

Таким образом, гуманизация образовательного процесса, создание комфортной образовательной среды является ответом общества на вызов времени, решением поставленной цивилизационным процессом комплекса задач. Вместе с тем, реализуя высокий потенциал цифровизации, необходимо учитывать не только позитивные, но и негативные последствия. Нельзя не согласиться с опасениями некоторых экспертов о том, что широкая и интенсивная цифровизация создает из личности цифровую модель. Исследователи отмечают, что социум, а самое главное – человек, трансформируется под воздействием цифровых технологий. При этом угрозу представляет не внедрение в социальные процессы цифровых программ, а бесконтрольность этих процессов, так как возникает ощущение, что среда меняется быстрее, чем человек адаптируется к цифровой среде. Существует риск нарушения целостности образовательного контента, что отрывает учебный материал от процессов объективной реальности. При этом нарушается логическая целостность системы обучения, так как образовательный контент должен быть системно выстроен и структурирован с учетом логики усвоения материала. Гуманизация образовательного процесса позволяет компенсировать многие недостатки системы цифрового обучения. В частности, легче преодолеваются нарушения целостности, возникающие из-за технологических процессов, например, технические ошибки при передаче данных по каналам связи и хранении данных.

Реально сложившаяся в системе образования ситуация дает основание утверждать о том, что для решения задач, которые ставит перед образованием четвертая индустриальная революция, всей системе образования предстоит пройти через цифровую трансформацию. Череда революций отчетливо показала взаимосвязь системы образования и общественно-экономической системы. Первая индустриальная революция создала всеобщую грамотность населения в индустриально развитых странах. Вторая индустриальная революция оформила традиционную систему и структуру образования, насытила ее педагогическими технологиями. Третья революция юридически закрепила взаимосвязь социального устройства общества и уровня образования личности. Четвертая индустриальная революция требует взаимозависимости и взаимовлияния гуманистического развития личности, вовлеченной в систему образования.

Интенсивное развитие и распространение новых культурных цифровых инструментов ставит перед образованием сложные вопросы, требующие опережающей рефлексии динамики системы образования. В первую очередь, речь идет о моделировании образа обучающегося, что позволяет ответить на вопросы, связанные с выявлением точек развития (физических, ум-

ственных, психических). Причем речь идет об их развитии в процессе осмысленного технологически управляемого обучения. Очень важно понимать то обстоятельство, что цифровые инструменты, в силу их технологической емкости, позволяют высвободить время и ресурсы для педагогического воспитательного процесса. При традиционном, так называемом контактном преподавании учебный процесс сосредоточен на личности педагога и самого процесса преподавания. Процесс цифрового образования ориентируется на индивидуализированный процесс обучения учащегося.

С помощью цифровых технологий в системе образования воплощается принцип «явление – ориентированное обучение», при этом акцент делается на изучении явления в реально существующем мире, что предполагает упор на междисциплинарное обучение. В эту систему междисциплинарного обучения гармонично вписываются цифровые обучающие технологии, и при этом сохраняется ведущая роль педагога.

Социологические опросы показывают, что постепенно педагогическое сообщество признает тот факт, что цифровая образовательная среда помогает рационально и эффективно организовать, и контролировать учебную работу. Немаловажно, что при этом интенсивно включаются в образовательный процесс внутренние резервы обучающегося, вырастает поле понимания взаимосвязанных процессов, усиливаются холистичность понимания окружающего мира, растет ответственность обучающегося за результаты учебного процесса. Использование мультимедийных учебных технологий, разработанных с ясным пониманием педагогических требований, во многом снимает с педагогов беспокойство о донесении учебного материала и дает возможность для усиления педагогического сопровождения учебного процесса.

Гуманизация образования предполагает актуальное, действенное уважение прав студентов на получение таких знаний, которые обеспечивают им в дальнейшем профессиональный, социальный и личностный комфорт в жизни, означает принятие студента как личности. Предметная саморегуляция деятельности человека связана с его личностной саморегуляцией, которая предполагает высокий уровень самосознания, адекватность самооценки, рефлексивность мышления, самостоятельность, организованность, целенаправленность личности, сформированность его волевых качеств.

Таким образом, в педагогической теории и практике основным должно быть обращение к индивидуализации личности учащихся, личностно-ориентированный подход к их развитию и саморазвитию в процессе обучения и воспитания. Это определило гуманизацию в развитии образования: основной упор сегодня делается на развитие и самовоспитание личности студента, его совершенствование, на формирование инновационной потребности «жить в условиях постоянных перемен». Целью обучения становится саморазвитие и самосовершенствование студента [1].

Таким образом, важнейшим направлением организации учебно-воспитательного процесса вуза в условиях цифровизации учебного процесса, должно стать формирование индивидуальности личности студента, ис-

пользование личностно-ориентированного подхода к ее развитию и саморазвитию при воспитании и обучении. Концептуальные основы образования должны включать такие элементы, как фундаментальность образования, его специализацию, введение инноваций в учебный процесс, развитие креативности мышления у студентов, профессионально-важные качества личности, уровень образования в гуманитарной сфере. Учет специфики развития гуманитарного научного знания, необходимость разрешения актуальных сложных проблем современности приводит к поиску обоснованных технологий обучения, созданию условий для развития творческой личности, ее потенциальных возможностей, рационального, рефлексивного мышления и восприимчивости к инновациям.

Особым требованием, предъявляемым к личности педагога, является наличие специальных способностей к воспитанию детей. Среди них, в качестве главных, можно выделить следующие: способность к эмпатии, стремление добиваться высоких нравственных целей, стимулировать к самосовершенствованию, формировать способность к самообучению, включая поиск и творческую переработку полезной для обучения информации, а также ее непосредственное использование в педагогической деятельности, способность формировать у учащихся нужную мотивацию и структуру учебной деятельности.

Теоретический обзор литературных источников показал, что механизмом формирования ценностных ориентаций учащихся является процесс интериоризации общечеловеческих и педагогических ценностей, который требует учета диалектического единства когнитивного и чувственного, социального и индивидуального в личности. Ценность приобретает побудительную силу мотива деятельности тогда, когда она интериоризована личностью, когда человек может четко формулировать цели своей деятельности, видеть ее гуманистический смысл, оценить и скорректировать свои действия [2].

Усиление самого важного компонента обучения – мотивированности – способствует процессу адаптации к требованиям электронной среды, так как работа в электронной системе сопровождается необходимостью освоения инновационных технологий обучения. При этом возрастает прозрачность обучающего процесса, так как одновременно усиливается формализованность контента, появляются более четкие критерии оценки знаний и, что очень важно, появляется реальная возможность для самопроверки и самооценки.

Безопасность существования в электронной образовательной среде определяется тем, что субъект обучения должен чувствовать себя защищенным от несанкционированных внешних воздействий. Психологическая безопасность существенно влияет на отношение пользователей к системе, и, как производное от этого, на эффективность использования электронной среды обитания [3]. Обучающийся должен чувствовать, что его обучение проходит в системе международных стандартов, например, в SCORM как стандарте на контент для курсов e-learning.

С целью изучения влияния неосознаваемого уровня поведения на процесс деятельности студентов нами была использована проективная методика портретных выборов Л. Сонди. На основе полученных данных все факторы распределились на манифестные, субманифестные, сублатентные и латентные. Полная формула влечений дала возможность определить общие тенденции личности. Полученные данные позволили определить структуру базовых влечений, которые лежат в основе поведения рассматриваемого контингента. У большей части респондентов были отмечены наличие мощных механизмов самоконтроля, интровертированная направленность, свидетельствующие о функционировании неосознаваемых защитных механизмов. Таким образом, наиболее полно понять природу формирования творчески развитой личности, способной извлекать весь потенциал электронного образования возможно только с учетом осознаваемого (субъективно-переживаемого) и неосознаваемого в их поведении. Такое изучение позволило выявить не только особенности протекания их учебной деятельности, но и особенности проявления креативных возможностей личности, подойти к этому вопросу комплексно, с учетом как личностных особенностей каждого, так и с учетом индивидуального и коллективного бессознательного, влияющих на особенности их поведения.

Таким образом, в целях гуманизации образования следует уделять особое внимание вопросам интеллектуального и личностного развития педагогов, формированию их готовности к творческому освоению профессиональной деятельностью, развитию их творческой активности и профессиональной грамотности. Необходима разработка такой модели учебно-образовательного процесса, которая оптимальным образом учитывала бы особенности и закономерности личностного развития педагогов, их профессионального становления как специалистов с учетом современных требований развития цифровых технологий.

Список литературы

1. Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Развитие образовательных ресурсов с позиций системно-синергетического подхода // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 490–497.
2. Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Психологические проблемы развития профессионально-важных качеств личности в системе профессиональной подготовки студентов-юристов // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения : сб. ст. Второй всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск : ИРГУПС, 2017. С. 470–475
3. Музычук Т. Л., Бычкова А. М. IV технологическая революция как вызов вузовскому сообществу // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29, № 4. С. 581–586.

УДК 378.147
ББК С547.7

Л. А. Гуринович, П. П. Люберцев, *Иркутск*

Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства

Рассматриваются особенности применения технологий социального образования и воспитания в среде работающей молодежи. Предлагается идея взаимодействия работающей молодежи с детьми и подростками в рамках образовательного пространства с целью решения современных проблем, в том числе касающихся распространения специфических девиаций. Исследуются актуальные формы социальной работы по эффективной реализации образовательных проектов в новых условиях виртуализации образовательного пространства.

Ключевые слова: воспитание, тьюторство, социальная работа, образовательные проекты, девиации.

L. A. Gurinovich, P. P. Lubertsev, *Irkutsk*

Research of possibilities of application of technologies of education and social education of working youth in the conditions of virtual space

The article considers the features of the use of social education and upbringing technologies among working youth as a technology of training and upbringing. The authors propose the idea of interaction of working youth with children and adolescents within the educational space in order to solve modern problems, including those related to the spread of specific deviations. The authors explore and propose current forms of social work for the effective implementation of educational projects in the new conditions of virtualization of the educational space.

Keywords: education, tutoring, social work, educational projects, deviations.

Актуальность работы с молодежью в различных направлениях развития важна для всех возрастных и социальных групп, независимо от видов занятости и уровня социального статуса. Повышение возраста для расширения молодежной аудитории, произошедшее в декабре 2020 г. после принятия закона «О молодежной политике в Российской Федерации», увеличило число тех молодых людей, с кем необходимо взаимодействовать, в том числе применяя технологии социальной работы. Одним из мотивов принятия закона, поддержанном на региональном уровне, стала социальная поддержка для молодежи. Авторы статьи полагают, что в XXI в. аудитория работающей молодежи серьезно отодвинута на поле деятельности молодежной политики, а также из сферы исследований социологов. Целью нашего исследования является выявление аспектов взаимодействия, в которых необходимо актуализировать взаимодействие и сотрудничество.

Виртуальное пространство не просто расширило сферы воздействия и презентационности своих участников, оно стало тем маркером, который демонстрирует наличие новых акторов и институтов, участвующих в процессах образования и воспитания молодежи, выявляя новые виды дифференциации социума, что негативно сказывается на формировании и поддержании стабильности и социального порядка [2]. Отсутствие необходимости формирования и поддержания каких-либо социальных норм, установок и

идеалов, тем не менее невольно или намеренно ведет к появлению новых стандартов. С применением различных инструментов: мемов, трансляций и флеш-мобов проявляются рецепты определенного восприятия и дальнейшего поведения таких сфер как семья, рождение и воспитание детей, взаимоотношения с представителями других поколений в сферах занятости, образования, власти и прочее.

Трансформационные процессы, происходящие на рынке труда в последние два десятилетия, сформировали новое отношение к молодежи как носителям ресурса. С одной стороны, молодежь является конкурентом представителям других поколений, что предполагает возникновение поколенческих конфликтов. С другой стороны, формирование новых требований в старых условиях занятости (наличие инструкций и несистемных требований руководства, негибкость штатного расписания и формализация взаимодействия) деактивирует положение молодежи в трудовом коллективе, сопровождая текучесть кадров и депрофессионализацию. Современная ситуация, связанная с распространением глобальных технологий в период пандемии, привнесла новые аспекты нормальности. Так, предполагаемое применение цифровых технологий и возможности расширения пространственного компонента установили физическое дистанцирование между сотрудниками, связанное с потерями коммуникационных качеств и упрощением этического и эстетического уровней презентационных компонент. Основным ресурсом изменения ситуации в социальных организациях называют переподготовку или различные тренинги и выездные мероприятия. Эффективность таковых просчитывается не всегда, о трансформации тематики зачастую не идет и речи.

Нами было проведено исследование готовности молодежи к участию в образовательных проектах. В пилотном опросе методом стандартизированного интервью приняли участие 16 человек, работающих в различных уровнях и сферах производства. Мнение тех респондентов, кто совмещает работу и обучение, мы не анализировали. Возраст респондентов составлял от 18 до 30 лет. Корреляции по гендерному признаку не построены в связи с задачами исследования. Основными задачами являлись выявление мотивов участия в образовательных проектах, тематика проектов и предполагаемые результаты. Дополнительными задачами предусматривалось определение частоты и длительности образовательного проекта.

Основные результаты в рамках решения первой задачи подтверждают инструментальное отношение к любым видам образования. Большинство респондентов хотят повысить свое материальное положение (90 %) и повышение статуса (45 %). Кроме того, опрошенным важны самореализация, наличие интереса и желания обучаться новым навыкам. Тематика образовательных проектов широка: от повышения профессионального уровня до презентационных характеристик, как то: умение держать внимание аудитории, способность убеждать и снижать конфликтность, умение анализировать до этических, нравственных и эстетических основ, связанных с грамотностью речи, возможностью создавать образ и преподносить себя в разных

ситуациях. В качестве результатов респонденты указали новые знания, повышение своей квалификации, получение дополнительных навыков и возможность самореализации. Поскольку вопрос о результатах был открытым, мы выяснили, что целеполагание и целедостижение также необходимо ставить в виде получаемых компетенций. Результаты относительно дополнительной задачи необходимо дифференцировать с социальным положением и образовательным уровнем участников исследования, поэтому в данной статье нами приводятся в обобщенном виде: от «2 раза в неделю по 2 часа не более чем в 2–3 месяца» до «один раз в полгода», без указания затраченного времени. Мы полагаем, что это дает широкое поле возможностей для формирования образовательных проектов участниками работы с молодежью независимо от занятости, с комбинированием запросов, получаемых при предварительном опросе аудитории, с задачами собственно организации.

Таким образом, формирование личности молодого человека, работающего на производстве, не успевающего в силу занятости восполнять свои интеллектуальные ресурсы и позитивно проводить свободное время. Нам видится, что также необходимо формировать представление о новых формах межпоколенческого взаимодействия на основе «социального контракта взаимодействия поколений», что подразумевает определение современных форм взаимодействия, регламентации методов и поиск форм виртуального контента.

Указанные проблем., в том числе занятости молодежи, по мнению авторов, можно успешно решать, если помогать выстраивать диалоги представителей руководящей группы, властей и работающей молодежи на образовательном уровне по принципу «диалога на равных». Такие составляющие могут инициировать представители советов молодых специалистов, участники молодежной политики и собственно молодежь.

Усложнение образовательного пространства с применением смешанных видов взаимодействия делает такой диалог наиболее возможным, если при этом встречи будут происходить регулярно, с освещением в виртуальном пространстве и реальных медиа. Под освещением авторы полагают не только результаты, но и процесс организации, подготовки аудитории и формированием актуальной повестки диалога. Нам видится, что производственным организациям при сотрудничестве с образовательными организациями в рамках договоров о сотрудничестве вполне достаточно формировать социальный заказ на расширение образовательной тематики, чтобы обеспечить профессиональный рост работников и повысить активность всех участников. При этом молодежь будет видеть новые цели и возможности для дальнейшего саморазвития.

Мы согласны, что «смена поколений и выход в образовательное пространство миллениалов поставил остро вопрос о необходимости расширения» состава лекторов и коучей специалистами по социальной работе, медиаторами, просто молодежью, имеющей опыт проектной деятельности [1, с. 344]. Такие специалисты будут восприниматься не менторами, а тьюторами, что повысит уровень доверительности и эффективности работы с мо-

лодежью по решению многих проблем: самоактуализации и самореализации, повышению уровня информированности о различных уровнях проектной работы. Более того, взаимодействие представителей различных поколений может иметь такие визуализированные техники, как профориентация силами молодых работников, которых приглашают как носителей непосредственного контента занятости, а также при формировании групп сопровождения на такие официальные мероприятия, как балы выпускников, волонтеров и лидеров самоуправления, где представители социальных групп могут демонстрировать промежуточные итоги межпоколенческого взаимодействия благодаря образовательным проектам. Воспитательные процессы в настоящее время становятся скрытыми и возможны именно при проведении взаимодействия на равных, «без галстуков» и с учетом виртуальных возможностей сотрудничества, под которыми авторы понимают коммуникации в социальных сетях и мессенджерах.

Наиболее эффективным при подготовке молодых тьюторов является применение такого метода, как консультирование. Выделяют проблемно-ориентированное консультирование (*consulting*) направлено на анализ сущности и внешних причин проблемы, на поиск путей ее решения; личностно-ориентированное консультирование (*counseling*) сосредоточено на анализе индивидуальных причин проблемы девочки, генезе деструктивных личностных стереотипов, на предотвращении аналогичных проблем в будущем; решение-ориентированное консультирование (*solution talk*) центрировано на выявлении ресурсов клиента на решение проблемы [см. по 1].

Кроме внутреннего контроля за эффективностью проведения образовательных мероприятий, важно проводить также и рефлексии среди участников, персональные и анонимные опросы, задачами которых будут оценка актуальности тематик, выявление уровня сплочения коллектива и аспектов индивидуального развития участников. Мы полагаем, что подготовка по направлениям социальных наук дает такие возможности, возможна для сотрудников и участников молодежной политики, общественных организаций и при сопровождении организации совместных проектов.

Список литературы

1. Мадойкина Е. В., Гуринович Л. А. Современная кружковая деятельность как форма социальной работы с обучающимися в образовательных организациях // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 340–344.
2. Ядов В. А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 253–260.

УДК 377.1(377.169.3)(004.946)
ББК 63.3/74.47

А. В. Даркина, Воронеж

Историческое сознание студентов техникума как ресурс для (пере)конструирования педагогического процесса в виртуальном пространстве

Статья посвящена изучению опыта конструирования педагогического процесса в онлайн-формате с учётом вынужденных эпидемиологических ограничений весны/осени 2020 г. Данный опыт рассматривается нами с учётом вероятных искажений и фальсификаций истории как науки и учебной дисциплины со стороны отдельных субъектов общественного бытия. Переиначивание прошлого становится вызовом для всех участников образовательного пространства, негативно сказываясь на базовых знаниях как школьников, так и студентов системы СПО. Существует множество моделей и подходов к организации урочной деятельности, призванной воспрепятствовать снижению уровня критичности восприятия исторической информации обучающимися и, как результат, повышению качества знаний. Некоторые из таких подходов описаны нами в настоящем исследовании.

Ключевые слова: история, техникум, виртуальное пространство, педагогический процесс, фальсификации истории

A. V. Darkina, Voronezh

The historical consciousness of college' students as a resource for (re)construction of the pedagogical process in the virtual space

The paper is devoted to the study of the experience of constructing the pedagogical process in an online principle, taking into account the forced epidemiological restrictions of the spring / autumn of 2020. We consider this experience taking into account the probable distortions and falsifications of history as a science and academic discipline on the part of individual subjects of social life. Reinventing the past becomes a challenge for all participants in the educational space, negatively affecting the basic knowledge of both schoolchildren and students of the secondary vocational education system. There are many models and approaches to organizing lesson activities designed to prevent a decrease in the level of criticality in the perception of historical information by students and, as a result, improve the quality of knowledge. Some of these approaches are described in this study.

Keywords: history, technical school, virtual space, pedagogical process, history falsification

Одна из главных проблем современного гуманитарного (в том числе исторического) образования в средней школе и в системе среднего профессионального образования – недостаток базовых знаний обучающихся, вызванный целым комплексом причин, что порождает множество искажений в восприятии исторического прошлого и, как итог, приводит к смене траекторий образовательной деятельности педагога. В рамках системы СПО с учётом стандартов нами разрабатываются разные модели проведения занятий и внеаудиторных мероприятий. Подобная практика оказывается особенно актуальной в период вынужденных эпидемиологических ограничений весны – осени 2020 г. Педагогический процесс переместился в онлайн-пространство, что способствовало выработке иных траекторий и механизмов образовательной деятельности.

Разные версии исторических событий, преподносимые разными учебными изданиями, также не способствуют лучшему пониманию тех или

иных сюжетов прошлого – не говоря уже о многочисленных трактовках одного, отдельно взятого, событийного ряда. Что касается Отечественной истории, пространства для специфического исторического видения (не умышленного искажения) разных авторов и авторских коллективов создают отрицательный потенциал для первичного ознакомления ребёнка в средней школе и в дальнейшем подростка, получающего профессию, с ключевыми вехами нашего наследия – явление, едва ли вызывавшее претензии у старшего поколения в указанном возрасте времён СССР. Марксистская «картина мира» отрицала многообразие точек зрения на одно и то же событие; идеологический диктат препятствовал разнице мнений и отстаиванию собственных убеждений. В современных условиях полемика – то, что отражает суть демократического развития: не обсуждать, не дискутировать об историческом прошлом значит прослыть ретроградом или просто человеком несведущим, а значит, не склонным к полемике и выработке политических решений в дальнейшем. В этих обстоятельствах стало возможным появление и распространение различных мифов на грани с фальсификациями, воспринимаемых (особенно молодёжью) как истина. Однако истина не бывает абсолютно объективной, чем и могут пользоваться недобросовестные популяризаторы ложных исторических сведений, передающихся в учебники (об этом см., напр. [6]).

Нам представляется значимым выделить особо острые дискуссионные сюжеты, укрепившиеся в сознании молодёжи и главным образом распространяющиеся через каналы СМИ. На повестку дня современной педагогической науки выходит не только просветительская деятельность, но и, согласно ФГОС, развитие у обучающихся чувств патриотизма и гражданской ответственности, что сложно представить без освоения теоретической части любой дисциплины, и особенно гуманитарной направленности. Именно поэтому история как бы «стоит на перекрёстке» между непредвзятостью достоверных данных и фальсификаций «в угоду моменту».

Так, в отношении темы «Перестройка и распад СССР» существует множество мнений как о подготовительном этапе изменений, так и проводимой политике, и ее результатах – прекращении существования Советской империи. Противники преобразований ссылаются на предельную ангажированность руководящего состава партийной элиты (главным образом, самого М. С. Горбачёва), сторонники, напротив, выступают в поддержку реструктурированных инициатив, указывая лишь на недостаток инициативы руководящего состава партии (об этом см., напр. [8]). Следовательно, подобная разница мнений создаёт благоприятную почву для преподавателя обозначить позиции обеих сторон эпохи (поскольку в ситуации неопределённости путей развития всегда необходимо иметь в виду консерваторов, стремящихся сохранить прежние устои, так и либералов, ратующих за перемены). Свобода слова и плюрализм мнений – хорошо это или нет? Для того чтобы максимально раскрыть этот и другие субтемы в рамках означенного сюжета, ребятам можно предложить разделиться на несколько подгрупп, каждая из

которых будет предлагать варианты развития советского пути в виде индивидуальных проектов и/или презентаций (онлайн-урок – мозговой штурм). В условиях дистанционного обучения рационально предложить ознакомиться с фрагментом фильма «ГКЧП 30 лет спустя» [4] и использовать готовые данные для качественной подготовки.

Кроме того, общественно-политическое развитие СССР невозможно представить без базы любых инноваций – экономических реформ. Здесь актуально исследовать две ведущие программы преобразований: курс Рыжкова-Абалкина и Шаталина-Явлинского как противовес первому (урок-дискуссия). Переосмысление советского исторического прошлого в контексте политики перестройки [напр.: 5] даёт богатейший материал для всех участников педагогического процесса, поскольку выявляет многие фронтеры происшедшего и их подоплёку: изменения в теле- и радиовещании; дискуссии в прессе и на ТВ; публицистическая активность; повседневная жизнь советских граждан (рационально проводить на втором курсе после базового ознакомления с основными положениями перестройки, что предполагается на первом курсе).

Комментируя особенности выстраивания связей между участниками педагогического пространства и «продуктом на выходе» в виде осмысленности общего прошлого, В. А. Гневашева и С. В. Луков утверждают о недостаточной проработке механизмов взаимодействия социальных институтов и непосредственных участников образовательной деятельности, что в конечном итоге приводит к искажениям в восприятии реальности: «Существуют слабые взаимосвязи между учреждениями системы образования, общественными организациями, государством и молодежью по вопросам формирования исторического сознания молодежи в процессе ее социализации и патриотического воспитания» [3, с. 132]. Общеизвестно, что макросоциальные тренды определяют общую повестку дня для исполнения на микроуровне безотносительно сферы применения, однако особенно образование уязвимо по причине некритичности обработки (недостовой) информации со стороны рядовых участников – обучающихся и, к сожалению, педагогического сообщества как микроструктуры в системе макроуровня общества.

В отношении эпизодов, связанных с блоком всеобщей истории, модели конструирования образовательного процесса напрямую связаны с выбором спорных исторических сюжетов. Например, распространённые мифы о второй мировой войне, в частности, о планах сторон в подготовке к мировому столкновению [напр.: 7] до сих пор считаются предельно дискуссионными темами, следовательно, требуют самого пристального внимания в урочной деятельности. К сожалению, в последнее время прослеживается тенденция сокращения рабочих часов на изучение дисциплины «История», что так или иначе негативно отражается на всём курсе, отдельных темах и, в целом, понимании обучающимися взаимосвязей, причин и следствий соответствующих событий [напр.: 1; 2]. Кроме того, следует принимать во внимание давность и масштабность событий (всё же, безусловно, в истории есть и ещё

более «давние» трудные места, о которых в настоящей статье мы речи не ведём), вследствие чего педагогу приходится максимально сжато доводить до сведения ключевые вехи основного события, не забывая пресекать попытки воспринимать искажённые данные в качестве объективной истины со стороны ребят. В ситуации учебного занятия следует включать часть уже рассекреченных архивных материалов в общую канву повествования, что, по-видимому, полностью не заменит более современные научные данные (а также зарубежные источники). Данный вид работы следует проводить предельно осторожно: во-первых, виртуальное пространство содержит пёструю палитру источников, не всегда отвечающих целям и задачам традиционной педагогики, а, во-вторых, в разных группах неодинаковый уровень общей (школьной) подготовки студентов, и те, кто «посильнее», едва ли испытают затруднения в работе; что касается работы с имеющимися в нашем распоряжении сведениями, менее эрудированным ребятам целенаправленно придётся снижать интеллектуальную нагрузку.

Историческое сознание – явление, требующее максимального всестороннего исследования и конструирования как со стороны его акторов на микроуровне (образовательных организаций, преподавателей, обучающихся), так и государства и его структур на макроуровне. В противном случае, «свято место пусто не бывает», и пробелы в образовании школьников, студентов сегодня станут проблемами в проводимой политике завтра, а виртуализация повседневной жизни в этом случае лишь усугубит проблему.

Список литературы

1. Васильева А. Т. Особенности преподавания истории в СПО // Педагогическое мастерство. URL: <https://www.pedm.ru/categories/10/articles/964> (дата обращения: 18.08.2021).
2. Воронова В. Н. Актуальные проблемы преподавания истории в системе СПО // Вестник науки и образования. 2018. № 6 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prepodavaniya-istorii-v-sisteme-spo> (дата обращения: 18.08.2021).
3. Гневашева В. А., Луков С. В. Историческое сознание студенческой молодежи Москвы // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-soznanie-studencheskoj-molodezhi-moskvy> (дата обращения: 16.08.2021).
4. Документальный фильм. ГКЧП 30 лет спустя. Фильм Наили Аскер-заде URL: <https://www.vesti.ru/video/2327302> (дата обращения: 21.08.2021).
5. Новикова М. В. Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985–1991 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-istoricheskoy-politiki-sovetskogo-gosudarstva-v-gody-perestroyki-1985-1991-gg> (дата обращения: 21.08.2021).
6. Петренко А. И. Искажение истории как результат воздействия психологических операций // Педагогическое искусство. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskazhenie-istorii-kak-rezultat-vozdeystviya-psihologicheskikh-operatsiy> (дата обращения: 21.08.2021).
7. Столбов В. П. Преодоление мифов в истории Великой Отечественной войны // Известия вузов. ЭФнУП. 2015. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-mifov-v-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 20.08.2021).
8. Шех А. В. Власть и общество в условиях перестройки в СССР // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-obschestvo-v-usloviyah-perestroyki-v-sssr> (дата обращения: 21.08.2021).

УДК 378.091.3:004.77
ББК 74.58.04:32.973.202

И. А. Журавлева, *Иркутск*

Виртуальное образование: выбор современной молодежи

Анализируются особенности выбора молодежью виртуального образования. Приводятся результаты экспертного интервью ректоров, проректоров и руководителей приемных комиссий вузов Восточной Сибири о роли и месте виртуального обучения в жизни студентов и развитии университетов. Делается вывод о неизбежности развития виртуального образования в современном мире и необходимости понимать особенности этого вида обучения любому образовательному учреждению.

Ключевые слова: виртуальное образование, молодежь, университет, система образования, цифровизация мира

I. A. Zhuravleva, *Irkutsk*

Virtual education: the choice of today's youth

The article analyzes the features of the choice of virtual education by young people. The analysis presents the results of expert interviews with rectors, vice-rectors and heads of admissions committees of universities in Eastern Siberia on the role and place of virtual learning in the life of students and the development of universities. The conclusion is made about the inevitability of the development of virtual education in the modern world and the need to understand the features of this type of education for any educational institution.

Keywords: virtual education, youth, university, education system, digitalization of the world

Сегодня написано немало книг и статей на тему образовательных траекторий и образовательного выбора молодежи. В работах автора также прослеживается данная тематика [2–10]. И это всего лишь указывает на актуальность и не завершенность изучения данной темы. Особенно остро этот вопрос встает в условиях виртуализации системы обучения и во многом и работы.

Одни авторы мотивируют трансформацию образовательных смыслов воздействием внешних факторов, таких как экономические условия и идеологическая работа власти. А в современном мире добавился еще фактор пандемии (Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, О. В. Сальникова [17]).

Другие говорят об изменении образовательного выбора молодых людей под влиянием поколенческих сдвигов и волновых переходов социального развития. Теория поколений является весьма красноречивым доказательством этого (Е. А. Ковин, Н. В. Юдина [11,18]).

Третьи указывают на локальные условия, формирующиеся на конкретной территории и определяющие условия социального развития и мотивационной защищенности молодых людей в сфере образование, когда именно образование является залогом востребованности и успешности на конкретной территории (З. И. Дадова, С. В. Малых [1; 12–16]).

Сегодняшняя ситуация в мире, и в России – обострила основные образовательные выборы современной молодежи. Виртуализация пространства и дистанционные формы работы и возможности получения образования

стали поводом для переосмысления того, кто Я, что делаю, чему и у кого учусь и как могу применять на практике полученные знания.

Мы провели экспертное интервью, среди руководителей приемных комиссий вузов Восточной Сибири, а также ректоров и проректоров тех же вузов. В исследовании приняли участие 16 человек, в возрасте от 33 до 56 лет, 73 % мужчины и 27 % женщины, все занимают свои посты от двух и до тридцати лет. И могут в силу жизненного и профессионального опыта говорить о трансформации образовательного выбора молодежи.

Виртуальное образование – мобильно, динамично, не шаблонно, может встраиваться в индивидуальные образовательные траектории каждого студента. Это основная идея всех интервью. Остановимся более подробно на каждом блоке.

Виртуальное образование мобильно (32,2 %).

Цифровизация обучения дает возможность более быстро реагировать на потребности рынка и тем самым оперативно выдавать тот образовательный продукт, что необходим сегодня. (О. Л., проректор, 46 лет).

Виртуальные шаблоны и стандарты образовательных программ подстраиваются под потребности потребителей и рынка. Студентам нужны актуальные навыки и умения, которые они смогут применять на практике. Виртуальность становится площадкой для раскрытия собственной мобильности. (Л. Ю., руководитель приёмной комиссии одного из вузов, 36 лет).

Виртуальное образование динамично (28,6 %).

В процессе обучения многие студенты понимают, что выбрали не то, что хотели. И благодаря виртуальным технологиям – могут продолжить или получать параллельно то образование, что более интересно и актуально. Тем более что виртуальное пространство в сфере образования более динамично и качественно меняется, в отличие от стандартных, фундаментальных норм и стратегий классического образования (Л. Ю., проректор, 53 года).

Динамичность цифровой сферы значительно более активна и развита, нежели чем ригидные формы традиционного образования, которое не так легко впускает в себя новые форматы, стандарты, рамки. Цифровое обучение – стирает границы физические, и ментальные, позволяя учиться не только тому, что уже есть, но и самому выбирать из того что есть – ту сферу, что актуальна именно сейчас. (Т. Т., руководитель приемной комиссии одного из вузов, 44 года).

Виртуальное образование не шаблонно (24,1 %).

Виртуальное образование разрушает привычные стереотипы получения образования, последовательности и глубины осмысления той или иной образовательной программы. Мы находимся на рубеже нового опыта, фактически меняющего нашу реальность. Молодые люди еще более погружены в эту сферу и еще более остро чувствуют потребность в новых вариантах образования. (С. В., проректор, 54 года).

Цифровое обучение разрушает шаблоны. Новый мир – требует новых знаний, и они приходят в нашу жизнь с новыми технологиями. Качество жизни, уровень знаний и компетенций определяется не корочками, а глубиной проработки того, что усваивает современный студент и может прямо сейчас применять на практике. (Л. Ю., проректор, 51 год).

Виртуальное образование встраивается в индивидуальные образовательные траектории (15,1 %).

Сегодня не мы диктуем студенту, что ему изучать, если он хочет стать специалистом в какой-то сфере. Он сам, может выбирать из каких дисциплин, будет состоять его диплом специалиста. А виртуальность упрощает этот момент еще и в том, что разные курсы или модули он может проходить в различных вузах, у различных преподавателей. Задача вуза, к которому он прикреплен – учесть эти дисциплины в его дипломе. (О. О., проректор, 56 лет).

В современном мире, как никогда ранее, именно студенты определяют, чем будет наполнено их образование. Это свобода и широта подготовки, делает их более креативными и мобильными, увлеченными и разносторонними молодыми специалистами. Выбор индивидуальной образовательной траектории – определяет жизненный путь современной молодежи, а виртуализация образования – сокращает расстояния и упрощает возможность получения образования в целом или блока дисциплин в частности сразу в нескольких вузах страны, а порой и мира. (Д. А., 40 лет, руководитель приемной комиссии одного из вузов).

Виртуальное образование – это ресурс, который развивает креативность и многозадачности в сознании современных студентов и им надо пользоваться, чтобы получать уникального специалиста – получающего все лучшее там, где это возможно, не ограничиваясь стенами одного вуза или одного преподавателя. Качество жизни, качество специалиста – определяется знаниями и навыками, которыми можно воспользоваться прямо сейчас, а не возможно когда-нибудь в будущем. Виртуальное образование – позволяет сделать это. И если в процессе становится понятно, что не хватает каких-то знаний, то также мобильно, оперативно и с учетом индивидуальных стремлений можно восполнить этот пробел.

Это по-настоящему прорыв в системе обучения. Это прорыв в системе мотивации студентов и преподавателей. Это прорыв в смыслах и формах развития социального пространства и умения выстроить коммуникацию на разных уровнях социального взаимодействия.

Без развития виртуального обучения – нет будущего ни у одного современного вуза. Это наша реальность. Если мы будем игнорировать виртуальность, то она просто нас уничтожит. (Д. А., 40 лет, руководитель приемной комиссии одного из вузов).

Если вы меня спросите – какие будущее ждет университеты? Я отвечу – виртуальное. И уверен, на 1000 процентов, что со мной будут согласны все ректора и преподаватели. Наша жизнь менялась очень сильно при

появлении виртуализации, но, а пандемия 2020–2021 гг. – ускорила формат дистанционного и виртуального обучения. В будущем эта тенденция будет увеличиваться и в конце концов, мы перейдем на полностью виртуальное, дистанционное обучение. Личного преподавателя смогут позволить себе очень не многие. И да, это один из способов формирования новой стратификации: какое образование ты получал (реальное или виртуальное). (О. О., проректор, 56 лет).

Виртуальное образование – это не просто выбор современной молодежи. Это уже наша реальность и чем лучше мы ее изучим, освоим и присвоим – тем больше шансов успешно реализовать свой потенциал будет у нас и наших детей. Виртуальное образование – вектор развития мира.

Список литературы

1. Дадова З. И. Образование молодежи: социальные проблемы // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 345–346.
2. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
3. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 2020. С. 475–480.
4. Журавлева И. А. Качество жизни и дистанционное обучение университетской молодежи во время и после COVID-19 // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 40–42.
5. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб., 2020. С. 361–363.
6. Журавлёва И. А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
7. Журавлева И. А. Социальные условия и психологические предпосылки образования молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, 2020. С. 315–321.
8. Журавлева И. А. Университет в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 145–146.
9. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
10. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
11. Ковин Е. А. Современная теория поколений в сфере образования // Научный электронный журнал «Меридиан». 2019. № 12 (30). С. 165–167.
12. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 29–34.
13. Малых С. В. Виртуальные университеты – университеты будущего // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 233–237.
14. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // Социология. 2019. № 6. С. 263–267.

15. Малых С. В. Университет в креативном пространстве города // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаров. гос. ун-т экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 100–104.
16. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–316.
17. Рожкова Л. В., Влазнева С. А., Сальникова О. В. Образование в структуре социального потенциала молодежи Поволжья // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2 (34). С. 29–36.
18. Юдина Н. В. Образование взрослых на протяжении жизни и теория поколений // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2. № 1. С. 83–89.

УДК 379.85
ББК 16.7

Е. А. Кошечкина, *Луга*

Применение виртуальных экскурсий в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте

Обосновывается полезность использования виртуальных экскурсий для упрощения процесса усвоения материала, поскольку выступает наглядным способом формирования знаний. Показываются рабочие технологии применения виртуальных экскурсий для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Ключевые слова: экскурсия, виртуальная экскурсия, информационно-коммуникационные технологии, познавательная активность.

Е. А. Koshechkina, *Luga*

The use of virtual excursions in the senior preschool and primary school age

The article substantiates the usefulness of using virtual excursions to simplify the process of mastering the material, since it acts as a visual way of forming knowledge. The work shows working technologies for the use of virtual excursions for children of preschool and primary school age.

Keywords: excursion, virtual excursion, information and communication technologies, cognitive activity

Одним из вариантов проведения досуга, особенно в детском возрасте, всегда была экскурсионная деятельность, но данная форма досуговой деятельности, к сожалению, на сегодняшний день не так востребована, как в прошлые периоды. Это связано со многими обстоятельствами.

В первую очередь с тем, что прежде чем вывести (вывезти) детей на экскурсию, нужно преодолеть множество бюрократических препонов – получить большое количество разрешений, в том числе и от родителей, которые далеко не всегда идут навстречу. И если часть родителей дали разрешение, а часть нет, то получается весьма неприятная ситуация с тем, что часть детей будет вынуждена оставаться в группе (классе), в то время как другая – пойдет на экскурсию. Это нарушает права детей на свободный доступ к культурным ценностям. Кроме того, ситуация с распространением коронавируса создала условия, при которых нежелательны дополнительные контакты, а в случае карантина и дистанционного образования экскурсия становится просто невозможной.

Однако отказ от экскурсии – это большая ошибка, так как экскурсия как форма работы имеет богатейший потенциал для развития ребенка, в том числе и в области познавательной активности. Как метод обучения экскурсии применялись еще в XVIII в., их использовали для развития навыков самостоятельности и наблюдательности у школьников. Но некоторые именитые ученые говорили о том, что и у детей более младшего возраста экскурсии способствуют развитию творческой наблюдательности.

Трактовка понятия «экскурсия» менялась с течением времени. В русском языке это понятие появляется в XIX в., но в широкую практику внедрилось уже в XX столетии. Вне зависимости от того, какое определение понятия используется, все без исключения исследователи сходятся в одном, экскурсия способствует развитию познавательного интереса и активности в получении новых знаний, умений и навыков.

Существует множество вариантов классификации экскурсий. По содержанию выделяют обзорные экскурсии, исторические, литературные и пр.; по составу участников экскурсии делятся на индивидуальные, коллективные, для школьников, туристов и пр.; по месту проведения можно выделить разные варианты – городские, музейные и др.; по способу передвижения экскурсии могут делиться на пешеходные, велосипедные, автобусные и др.; по форме проведения отмечают экскурсию в виде прогулки, лекции, беседы и т. д. [8]

Видов экскурсий много, но вопрос о том, какой вид экскурсии использовать в современных условиях с максимальной пользой для детей, остается открытым. Ведь облик современного ребенка сильно отличается от того, какими дети были еще десять лет назад.

Внедрение в нашу жизнь и стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий имеет как негативные, так и позитивные последствия для развития детей. Чаще всего, отмечаются негативные последствия – искажение сенсорного опыта детей, формирование неверных сенсорных эталонов, «уход» в виртуальный мир с одновременной потерей познавательного интереса к окружающей действительности [9].

Но остановить технический прогресс невозможно, следовательно, нужно использовать информационно-коммуникационные технологии во благо, поэтому основной задачей сегодня становится поиск таких вариантов использования технологий, которые позволят применять старые методы в новой трактовке. Это касается, в том числе, и экскурсий.

Для того чтобы понимать, как соединить информационно-коммуникационные технологии и экскурсию как средство развития познавательной активности, нужно понимать, что такое информационно-коммуникационные технологии.

В педагогике под информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) принято понимать «совокупность средств и методов преобразования данных для получения информации нового качества» [5]. В образовательных организациях есть мультимедийные проекторы, интерактивные доски,

интерактивные столы, ноутбуки, т. е. чисто технически любая образовательная организация готова к применению ИКТ в образовательном процессе. Но, к сожалению, далеко не все педагоги понимают необходимость использования ИКТ для активизации познавательного интереса. Между тем последние годы отмечается стойкое снижение познавательной активности у детей, как дошкольного, так и школьного возраста [1]. Применение ИКТ в образовательной организации позволяет повысить мотивацию и интерес к познанию, так как с помощью новых технологий можно применять старые методы, но в более понятном для современных детей варианте.

К преимуществам виртуальных экскурсий можно отнести:

– доступность для всех, так как для того, чтобы провести такую экскурсию, не нужны разрешения, не нужно никуда идти или ехать. Любой ребенок, даже с ограниченными возможностями здоровья, может принять участие в экскурсии;

– возможность посетить любую точку мира в виртуальном пространстве, что значительно повышает информативность экскурсии. На сегодняшний день при наличии доступа в сеть Internet можно подключиться к веб-камере в любом месте в мире и онлайн увидеть любую страну;

– возможность повтора информации. В любой момент экскурсию можно остановить, приблизить объект, дать нужное разъяснение, при необходимости повторить что либо;

– удобство, как для детей, так и для педагогов. Ведь экскурсии можно проводить когда угодно, если это удобно всем участникам. Отсутствующие дети могут подключиться к экскурсии онлайн с помощью взрослых или посмотреть запись;

– привычная форма. Не секрет, что на сегодняшний день многие дети гораздо лучше справляются с информационно-коммуникационными технологиями, чем взрослые. Более того, многие дети раньше овладевают различными гаджетами, чем речью. Поэтому виртуальная экскурсия, проводимая через монитор компьютера, учитывает склонность современной молодежи и современных детей к мышлению, которое специалистами характеризуется как динамическое [2; 3].

– возможность осваивать большие объемы потоков информации. Ведь виртуальная экскурсия позволяет скомпоновать информацию в любом удобном для восприятия виде;

– повышение производительности занятий. Благодаря тому, что виртуальные экскурсии являются эффективным презентационным инструментом, их информативность и производительность значительно повышается [4].

В итоге в рамках виртуальной экскурсии мы получаем почти такой же (или более сильный) личный опыт в зрительном, слуховом восприятии, в осуществлении действий, как и при реальной экскурсии [7].

Применительно к периоду старшего дошкольного и младшего школьного возраста среди преимуществ виртуальной экскурсии можно добавить:

– «эффект телевизора» или «эффект монитора», т. е. привычный для детей формат, который позволяет вести себя более раскованно, более свободно, обсуждать увиденное. При обычной экскурсии для детей сложно длительное время вести себя «правильно», быть сосредоточенным, тихим, не осуждать увиденное до тех пор, пока экскурсия не закончится;

– многообразии предложенных форм экскурсии (видеоклипы, фрагменты мультипликационных фильмов, мультимедиапрезентации, подключение к виртуальным экскурсиям в музее и т. д.). Это не только элементы зрелищности и развлекательности, возможность расширения кругозора ребенка [6];

– возможность включения в формат виртуальной экскурсии разнообразных интерактивных заданий, которые будут не только способствовать закреплению полученных знаний, но и активизируют сам процесс познания, а также обеспечивает яркие, эмоциональные и конкретные представления о наблюдаемых объектах.

Недостатки у виртуальных экскурсий, безусловно, тоже есть. В первую очередь, если речь идет о виртуальных экскурсиях, которые на сегодняшний день существуют при каждом крупном музее, то у экскурсантов нет возможности задать вопрос в режиме реального времени. Кроме того, экскурсанты увидят только то, что создатель экскурсии в нее включил, а остальное увидеть будет невозможно. Чрезмерное увлечение виртуальными экскурсиями чревато зависимостью, а это может негативно сказаться на здоровье, как физическом, так и психическом.

Но, как очевидно, при грамотном использовании, соблюдении норм СанПиН, личностно-ориентированном подходе и соблюдении всех требований ФГОС, виртуальная экскурсия может стать отличным способом как проведения досуга, так и средством развития познавательной активности у современных детей.

Список литературы

1. Коваленко В. В. Роль информационно-коммуникационных технологий в развитии познавательной активности детей старшего дошкольного возраста // Гуманитарное пространство. 2021. № 2. С. 43–48
2. Нестерова Л. Ю. Преимущества лекции-визуализации в условиях распространения среди студентов клипового мышления // Высшее образование сегодня. 2015. № 7. С. 28.
3. Панина Е. А., С. М. Сташ Использование интерактивных средств обучения в образовательном процессе // Научный альманах. 2015. № 1 (3). С. 231.
4. Селиванов В. В., Селиванова Л. Н. Виртуальная реальность как метод и средство обучения // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17, № 3. С. 382
5. Словарь педагогического обихода / под ред. Л. М. Лузиной. Псков : ПГПИ, 2003. 71 с.
6. Сопова М. А. Виртуальные экскурсии Музея игрушки как средство формирования празднично-игровой культуры старших дошкольников // Человек. Культура. Образование: Научно-образовательный и методический журнал. № 1 (7) / 2013.
7. Фокин В. Я Экскурсия на инновационное предприятие как средство подготовки инновационного человека // Дискуссия. 2016. С. 13–15
8. Хуусконен Н. М. Практика экскурсионной деятельности. СПб. : Герда, 2008. 205 с.
9. Шанц Е. А. Экскурсия как форма развития познавательной активности детей старшего дошкольного возраста // Концепт. 2016. Спецвып. 02. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76027.htm> (дата обращения: 20.01.2021)

УДК 316.74:37
ББК С55.55

Е. А. Маркова, *Иркутск*

Оценка итогов первого года пандемии: образовательный аспект и социальные последствия

Статья посвящена теме развития дистанционного обучения. Рассматривается вопрос необходимости использования дистанционного формата образования для людей, которые в силу различных трудностей, не могут получить образование в традиционных формах. Проведен анализ возможности использования дистанционных технологий в образовательном процессе. Приводятся результаты социологического исследования, целью которого является оценка студентами использования дистанционных технологий в период вынужденного перехода на данный формат обучения весной 2020 г. На основе результатов исследования сделаны выводы относительно готовности российских вузов и студентов к переходу на дистанционный формат обучения.

Ключевые слова: образовательный процесс, дистанционный формат, пандемия, дистанционные технологии

Е. А. Markova, *Irkutsk*

Assessment of the results of the first year of the pandemic: Educational aspect and social consequences

This article is devoted to the topic of the development of distance learning. The article considers the need to use the distance education format for people who, due to various difficulties, cannot receive education in traditional forms. The study analyzed the possibility of using remote technologies in the educational process. The article presents the results of a sociological study, the purpose of which is to assess the use of distance learning technologies by students during the forced transition to this format of education in the spring of 2020. Based on the results of the study, conclusions are made regarding the readiness of Russian universities and students to switch to a distance learning format.

Keywords: educational process, remote format, pandemic, remote technologies

Последствия пандемии, начавшейся в 2020 г., проявляемые до настоящего времени во всех сферах общества, приходится устранять, анализировать и принимать всему мировому сообществу. Одно из самых актуальных последствий COVID-2019 является идея расширения процесса внедрения дистанционных технологий в образовательный процесс. Тема использования дистанционного образования наряду с традиционными формами была рассмотрена во многих исследованиях и в доковидную эпоху, но именно пандемия стала триггером, изменившим представления о данном формате обучения.

Если раньше в исследованиях лишь предполагали, какие проблемы могут возникнуть при применении дистанционных технологий в ходе образовательного процесса, то полный переход на дистанционный формат обучения весной 2020 г. выявил все возможные проблемы и последствия такого формата обучения.

Для того чтобы определить возможность внедрения дистанционных технологий в образовательный процесс, нами были проанализированы результаты социологического исследования мнений студентов российских вузов об обучении в дистанционном формате [1]. Данное исследование бы-

ло проведенное в июне 2020 г. Центром стратегии развития образования МГУ им. М. В. Ломоносова (ЦСРО) совместно с кафедрой социологии РУДН и при содействии Российского профессорского собрания. В опросе приняли участие студенты российских вузов, сбор данных производился при помощи Google forms. Количество студентов принявших участие в социологическом исследовании составило 31 423 человека. Из них 83,6 % обучаются в университетах, 11,7 % в институтах и 4,8 % в академиях. Также 30 % респондентов обучаются на первом курсе, 26,2 % – на втором, 20,3 % – на третьем, 15,3 % – на четвертом и 8,2 % обучаются на пятом и шестом курсе [1].

Цель данного исследования заключается в оценки студентами применение дистанционных технологий в период вынужденного перехода на данный формат обучения весной 2020 г. Анализ вторичных данных исследования позволяет сделать выводы о необходимости применения дистанционных технологий в будущем [4].

Вынужденный переход на дистанционный формат обучения весной 2020 г. сопровождался продолжительным стрессом как среди преподавателей и администрации, так и среди студентов. Результаты исследования показали, что у 23,4 % респондентов данный переход вызвал страх за своё образование и прохождение будущей аттестации, 21 % опрошенных отметили, что чувствуют растерянность и неуверенность в своей вовлеченности в учебный процесс. В то же время 29,2 % студентов отметили, что новый формат обучения вызвал у них положительные эмоции из-за возможности попробовать что-то новое и необычное, 22,3 % опрошенных спокойно приняли необходимость перехода в дистанционный формат обучения [1].

Так как данное социологическое исследование проводилось в июне 2020 г., то студенты уже в полной мере могли оценить свои впечатления от дистанционного формата обучения. Поэтому стоит отметить, что 49,9 % студентов в момент дистанта испытывали смешанные чувства и 19,9 % респондентов отметили, что испытали отрицательные ощущения от данного формата обучения [1].

Говоря об эффективности работы студентов в ходе дистанционного обучения, стоит отметить, что 30,3 % студентов считают, что с переходом на новый формат обучения она не изменилась, 23,1 %, что эффективность стала более эффективной и снижение своей эффективности отметили 40,3 % опрошенных, а каждый пятый считает, что эффективность «снизилась существенно» [1].

Мотивация студентов также изменилась в ходе вынужденного перехода на новый формат обучения: у 27,6 % респондентов уровень мотивации не изменился, 57 % отметили, что мотивация снизилась. Насчет уровня работоспособности в онлайн формате обучения студенты отмечают, что работоспособность не изменилась – 23,1 %, снизилась у 51 %, увеличилась у 25,9 % опрошенных [1]. То есть, как мы видим из результатов опроса, мнение студентов насчет дистанционного формата обучения двоякое, для кого-

то дистанционное обучение ничем не отличается от традиционного формата обучения, а для кого-то это совершенно новый формат обучения, под который приходится подстраиваться.

На наш взгляд, самое трудное, с точки зрения организации в условиях дистанционного формата обучения, было проведение итоговой аттестации студентов. Так как опрос был проведен в июне 2020 г., то большая часть студентов, а именно 97,7 %, уже прошли итоговые испытания, и поэтому смогла дать оценку данного процесса в условиях онлайн обучения. Итак, 38,9 % опрошенных не обнаружили принципиальной разницы при сдаче экзаменов по итогам семестра, для 27,7 % опрошенных сессия в онлайн-формате прошла легче, чем обычно, но для 20 % респондентов все-таки сдавать сессию в онлайн-формате оказалось сложнее, чем в офлайн формате [1]. Данные результаты социологического исследования показывают, что особым проблем для студентов сдача сессии в дистанционном формате не вызвала.

Также в ходе данного социологического исследования было выявлено, что в условиях дистанционного формата обучения студенты столкнулись с рядом трудностей, которые были связанными с различными проблемами. Основная трудность, возникшая в ходе данного формата обучения, была связана с техническими проблемами и отсутствием различной необходимой гарнитуры. Так, 24,4 % респондентов отметили, что трудности были связаны со слабой скоростью интернета и отсутствием наушников, микрофона или камеры хорошего качества. Также у студентов, принявших участие в данном исследовании, возникли трудности из-за плохо организованного информационного сопровождения дистанционного обучения вузом – 17,2 % [1]. Стоит отметить и то, что 16,2 % респондентов столкнулись с проблемой самоорганизации, а 12,6 % с формированием мотивации к дистанционному формату обучения. На наш взгляд, необходимо отметить то, что результаты социологического исследования показали, что у современной молодежи достаточно высокий уровень необходимых технических компетенций в организации учебного процесса в дистанционном формате. Всего 8,7 % респондентов указали, что у них отсутствуют необходимые технические компетенции [1]. Данные наблюдения говорят о том, что современная молодежь уверенно чувствует себя в цифровой среде.

Говоря о положительных и отрицательных последствиях дистанционного формата обучения, стоит отметить то, что основным положительным фактом студенты считают отсутствие необходимости тратить время на дорогу в университете и домой – 21,7 %, также к плюсам дистанта респонденты отнесли комфортное обучение в домашних условиях – 18,4 % и 12,3 % считают, что благодаря онлайн формату у них появилась возможность самостоятельно структурировать свое рабочее время [1]. Также респонденты отметили, что дистанционный формат обучения стал для них возможностью использования новых технологий и ресурсов – 13,8 %, а 10,3 % отметили, что онлайн-обучение – это возможность освоить новые технологии [1]. К

отрицательным последствиям участники опроса отнесли: снижение или отсутствие элементов студенческой жизни, личное общение – 19,2 %, общение с преподавателями – 18,2 %, 15,3 % респондентов полагают, что дистанционное обучение значительно снижает физическую активность, что негативно влияет на здоровье человека, 16,9 % считают, что увеличивается доля самостоятельной работы и 9,7 % недовольны отсутствием практических и лабораторных работ [1]. Как мы видим, к основным плюсам дистанционного формата обучения студенты относят возможность комфортной работы в домашних условиях и отсутствие необходимости тратить время на дорогу в университет и обратно, а главным минусом студенты считают отсутствие личного общения.

Таким образом, подводя итог данного социологического исследования, мы можем сделать вывод о том, что почти каждый третий студент увидел в дистанционном формате обучения новые возможности, половина опрошенных испытала смешанные чувства от нового формата обучения, а сдача экзаменов для орошенных студентов не вызвала особых затруднений, так как почти каждый третий не увидел особой разницы при сдаче экзаменов в дистанционном формате и в прицепе довольно большое количество студентов отметили, что сессия в дистанционном формате оказалось легче, чем обычно. То есть, как мы видим, особых сложностей в организационном плане перевод образовательного процесса в дистанционный формат не вызвал. К основным проблемам в ходе вынужденного дистанционного обучения можно отнести, различные технические проблемы, проблемы с самоорганизацией студентов и проблема мотивации. Таким образом, мы видим, что российские вузы готовы к использованию дистанционных технологий в ходе образовательного процесса, поэтому мы считаем, что на сегодняшний день применение дистанционного формата обучения в смешанном режиме с традиционными видами обучения возможно. Данный формат обучения во многом бы увеличил количество граждан, которые желают получить высшее образование, но не могут в силу различных проблем, связанных со здоровьем или финансами. Если для потенциальных студентов дистанционный формат обучения будет единственным способом получения высшего образования, то проблема мотивации и самоорганизации будет исключена. Поэтому мы считаем, что вопрос внедрение дистанционного формата обучения наряду с традиционными формами должен набирать обороты, учитывать возможности работающей молодежи, которая может зачастую обучаться именно в виртуальном пространстве, и расширять свою аудиторию.

Список литературы

1. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / И. А. Алешковский [и др.] // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 86–96.
2. Булаева М. Н., Гущин А. В., Воронина И. Р. Возможности технологии дистанционного обучения в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, №. 4 (33). С. 48–51.

3. Корякина Н. В. Проблемы и перспективы дистанционного обучения // Тенденции развития науки и образования. 2020. № . 65–3. С. 43–45.

4. Маркова Е. А. Повышение эффективности обучения студентов вузов в период применения дистанционных технологий как фактор снижения неравенства // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием, *Иркутск* : Изд-во ИГУ, 2021. С. 443–446.

УДК 372.881.1

ББК 74.56

Ю. М. Орехова, Р. В. Милешин, *Ярославль*

Использование технологии виртуальной реальности в учреждениях дополнительного образования

Рассматриваются возможности приложения виртуальной реальности диалогового тренажера VARVARA для практики английского языка в детском технопарке «Кванториум». Авторы описывают преимущества применения VR технологий в образовательном процессе и раскрывают дидактический потенциал использования приложения VARVARA на уроках английского со школьниками.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR технологии, тренажер VARVARA, английский язык, Кванториум, дополнительное образование.

Yu. M. Orekhova, R. V. Mileshin, *Yaroslavl*

Use of VR technologies at institutions of further education

This paper is devoted to the use of the VARVARA interactive simulator for English language practice in “Kvantorium”. The authors describe the advantages of VR technologies in educational process and prove the didactic potential of use of the VARVARA application at English classes.

Keywords: virtual reality, VR technologies, VARVARA simulator, English, Kvantorium, further education.

Стремительное развитие технологий нашло свое отражение во всех сферах человеческой жизни, в том числе и в области начального и среднего образования. Сегодня технологии виртуальной реальности (далее VR-технологии) не являются чем-то новым, однако в дополнительном образовании школьников их стали применять относительно недавно. Сегодня обучающиеся имеют возможность изучать новый материал и делать проекты, с использованием технологий виртуальной реальности.

Возрастание спроса на VR-технологии и программное обеспечение, позволяющее осуществлять образовательную деятельность, обусловлено рядом факторов, а именно:

- доступностью и снижением цен на оборудование виртуальной реальности;
- ростом количества программного обеспечения виртуальной реальности;
- внедрением VR-технологий во все сферы деятельности человека;
- крупными образовательными VR-проектами, реализуемыми в нашей стране с 2018 г. («Цифровая школа», «Современная цифровая образовательная среда», «Образование-2024» и др.)

- потребностью в индивидуализации и интенсификации учебного процесса;
- внедрением приложений виртуальной реальности в образовательный процесс учебных заведений среднего, среднего специального и высшего образования;
- высокой мотивационная составляющая современных технологий и т. д.

В основе обучения с применением виртуальной реальности лежат иммерсивные технологии. Иммерсивные технологии – это совокупность методов, обеспечивающих различными способами погружение в виртуальный мир. Пользователь, погружаясь в VR, приобретает новых опыт в совершенно разных областях знаний. То есть они в буквальном смысле переносят человека в заданную событийную среду. Данное качество особенно важно для изучения ряда школьных предметов, например иностранного языка. На уроках преподаватель пытается воссоздать ситуацию реального общения, вовлекая обучающихся в поликультурную среду. Современные технологии значительно упрощают данную задачу за счет своего высокого дидактического потенциала и неограниченных возможностей использования для практики разговорной речи в условиях, максимально приближенных к реальной ситуации.

Дополнительное образование школьников является приоритетным направлением развития отечественной системы образования. На сегодняшний день оно стало важным «звеном» системы непрерывного образования детей и подростков, направленное на формирование ряда компетенций, совершенствование УУД и развитие их творческих способностей.

Детский технопарк Кванториум реализует новую модель системы дополнительного образования школьников, разработанную Агентством стратегических инициатив, и имеющую своей целью подготовку юных кадров в сфере инженерных наук на основе проектной командной деятельности. «Технический английский язык» является обязательной для изучения учебной дисциплиной развивающего модуля дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программы. Для реализации требований, предъявляемых к организации процесса обучения в детском Технопарке, с 2020/2021 учебного года используется приложение VARVARA. Использование данного диалогового тренажера для практики английского языка предполагает погружение в виртуальную реальность, зато аутентичную языковую среду, что позволяет школьникам практиковать иностранный язык и совершенствовать свои диалогические умения, оставаясь в классе. В процессе ролевой игры обучающийся может побыть покупателем в магазине, посетителем ресторана или, например, стать участником культурного обмена между школами.

Инструментарий виртуальной реальности представляет собой совокупность аппаратных (компьютер, шлем, контроллеры) и программных (операционная система, приложения виртуальной реальности, обучающие программы, игры, кинотеатры и др.) средств, обеспечивающих погружение в

сконструированную среду для достижения целей обучения (предметных и метапредметных результатов) и развития универсальных учебных действий [1, с. 14].

За счет своего высокого дидактического потенциала VR технологии помогают решить ряд учебно-методических проблем, возникающих в процессе преподавания иностранного языка в учреждениях дополнительного образования.

К основным преимуществам тренажера VARVARA можно отнести:

1) *эффект присутствия*, т. е. шлем виртуальной реальности позволит оказаться в самых разных местах и ситуациях, при этом физически оставаться в классе;

2) *возможность организации дистанционного обучения*, т. е. обучающийся может изучить тему в удобное для него время и в удобном темпе, с нужным количеством повторений;

3) *снижение риска появления языкового и/или культурного барьера*: обучающиеся тренируют свои навыки без посторонних глаз;

4) *подходит для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья*;

5) *наличие обратной связи*: тренажер фиксирует ошибки (лексические и грамматические), выставляет оценку по разным параметрам (темп речи, наличие визуального контакта и т. д.); все результаты автоматически фиксируются и обрабатываются, что позволяет педагогу увидеть статистику и провести аналитику по каждому обучающемуся;

6) *простота использования*: для организации процесса обучения с диалоговым тренажером VARVARA необходимо наличие комплекта шлема HTC Vive Focus, HTC Vive Pro программного обеспечения и контроллер, с помощью которого ученик взаимодействует с приложением виртуальной реальности;

7) *высокий дидактический потенциал*: данный тренажер позволяет тренировать аудиальные навыки, совершенствовать вербальные навыки, активизировать изученные в рамках разных тем лексические единицы, тренировать грамматические конструкции и пр.

Детальный анализ приложения доказал его высокий дидактический потенциал для обучения английскому языку. Результаты исследования применительно к разработке диалогового тренажера VARVARA для обучающихся 12–18 лет приведены в таблице.

Краткая характеристика диалогового тренажера VARVARA

Критерии анализа	Требования
1. Представление информации	<ul style="list-style-type: none"> • Информация соответствует тематике изучаемых в школе разговорно-бытовых тем и отвечает требованиям к их содержанию в соответствие с ФГОС ООО; • опирается на подражание обучающихся в овладении фонетической и лексической сторонами речи в процессе подражания и проигрывания коммуникативной ситуации; • вариативность клишированной лексики для реализации коммуникативного подхода; • информация представлена достаточно полно и подробно, так как диалоговый тренажер реализует обучающую и контролирующую функции
2. Навигация	Навигация в приложении простая и понятная.
3. Язык интерфейса	Русский
4. Цветовая палитра и видеоряд	<ul style="list-style-type: none"> • Яркие, контрастные цвета, привлекающие внимание обучающегося, но при этом не раздражающие глаз; • симуляция реальной ситуации общения с носителем языка и культуры; • воссоздание трехмерной реальности (объемное пространство). • множественность локаций. Смена виртуальных сцен
5. Возможность контроля и оценки	После каждого пройденного блока есть контрольное задание, позволяющее оценить, насколько хорошо обучающие усвоили материал

Итак, технологии дополненной и виртуальной реальности – это принципиально новые способы, методы взаимодействия преподавателей и обучающихся, обеспечивающие эффективное достижение результата педагогической деятельности в сфере образования и воспитания [2, с. 183]. Для дисциплины «Иностранный язык» особенно ценным является то, что ученик может применить имеющиеся знания в ситуации общения максимально приближенной к реальной. Это формирует устойчивый навык владения языком на уровне носителя изучаемого языка.

Список литературы

1. Гончарова М. В., Дыдров А. А., Лаптева У. В. Инструменты виртуальной реальности в контексте образования // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 14–19.
2. Михаил И. И., Прохоренко А. А. Применение технологий дополненной и виртуальной реальности в образовательном процессе по дисциплине «Физическая подготовка» // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 5 (159). С. 179–184.

УДК 378.148
ББК 68.291

Пружинин А. Н., *Иркутск*

Ключевые этапы внедрения корпоративного образования в средний бизнес

Рассмотрена 5-профильная модель корпоративного образования, благодаря которой возможно определить вид и способы образования своего персонала, также представлены результаты исследования среди иркутских предпринимателей. Доказано, что развитие корпоративного образования для многих предпринимателей в среднем бизнесе становится актуальной задачей.

Ключевые слова: корпоративное образование, персонал, средний бизнес, обучение, корпоративный университет.

A. N. Pruzhinin, *Irkutsk*

Key stages of introducing corporate education into medium-sized business

In this paper, the 5th profile model of corporate education is considered, thanks to which it is possible to determine the type and methods of education of its personnel, and the article also presents the results of a study among Irkutsk entrepreneurs. The development of corporate education for many entrepreneurs in medium-sized business is becoming an urgent task.

Keywords: corporate education, personnel, medium business, training, corporate university.

Корпоративное образование это один из самых эффективных инструментов адаптации к условиям новой экономики, которая характеризуется высоким уровнем управленческой неопределенности, резким изменением хозяйственной деятельности из-за внедрения новых технологий и т. д. Несмотря на то что оно появилось во второй половине XIX в., уже к началу XX в. распространилось не только среди лидирующих американских корпораций, но и среди европейских транснациональных компаний. Сегодня же оно успешно применяется и средним бизнесом, конечно не в таких масштабах, как у корпораций, но в аналогичных процессах. Перед социологическими и экономическими дисциплинами встают вопросы не только построения методологии исследования корпоративного образования, но и его внедрения и развития в средний бизнес.

Адаптировать практику корпоративного образования для среднего бизнеса возможно через существующие модели корпоративных университетов, которые описаны как отечественными, так и зарубежными исследователями. А. В. Чанько и А. А. Б. Баснер создали 5-профильную модель корпоративного университета, в которой каждый профиль поддается управленческому воздействию. Существуют следующие профили: организационный, образовательный, операционный, партнерский, маркетинговый.

Ранее было проведено исследование, в котором предприниматели иркутской области участвовали в исследовании, в котором описали уровень потребности в корпоративном образовании, поэтому мы можем утверждать, что 1/3 предприятий, относящихся к среднему бизнесу, имеет своё корпоративное образование и обучает персонал на постоянной основе. Далее будет

рассмотрены профили корпоративного образования и то насколько они актуальны в среднем бизнесе.

Организационный профиль. Наиболее продуктивным корпоративное обучение стало, когда начало соответствовать стратегическим потребностям своей компании, для этого были определены стратегические роли внутрифирменного образования: Реализация и поддержка глобальных проектов, осуществляемых компанией; Управление изменениями и инновациями внутри компании; Воспитание лидеров, воспроизводство кадрового резерва; Исследование новых возможных видов деятельности компании, разработка альтернативных сценариев развития; Управление отношений с поставщиками и клиентами; Развитие отраслевых компетенций; Поддержание и развитие корпоративной культуры; Развитие корпоративной социальной ответственности. Для среднего бизнеса наиболее желаемой стратегической ролью является развитие корпоративной социальной ответственности (44 %) далее управление отношениями с поставщиками (24 %), третье и четвертое место занимают разработка альтернативных видов деятельности (17 %) и внедрение инноваций (15 %).

Также в рамках этого профиля рассматривается вопрос управления корпоративным образованием. Для иркутского бизнес-сообщества наиболее приемлемо управление в равной степени, как директором, так и hr-департаментом по (35 %). Если руководит директор, то скорее всего происходит формирование команды предприятия на ключевых должностях и поэтому директор лично хочет быть убежден в актуальности получаемых знаниях, во втором случае обучение частично уже поставлено на поток и происходит, как организация обучения рядовых специалистов, так и продолжение обучения руководящего состава.

Дополнительно было определено, есть ли у руководителей среднего бизнеса критерии эффективности обучения своего персонала. Наличие подобных критериев говорит о том, что руководитель способен оценить рентабельность образования своего персонала и готовность этим образованием управлять, а именно изменять и развивать для больших результатов. Половина наших респондентов указала следующие критерии: увеличение доходов компании, уверенность в завтрашнем дне, повышение производительности сотрудников. Эти универсальные критерии устойчиво фигурируют среди предприятий, в которых реализовано корпоративное обучение.

Образовательный профиль. Особенный профиль, который занимает ключевую позицию при организации обучения, ему целесообразно посвящать отдельное исследование, поэтому в рамках этой работы мы скажем, что из существующих моделей корпоративного образования «Храм», «Пирамида», «Корпоративный пирог», «организационная карта» предприниматели не смогли выбрать лидера, по (30 %) у моделей «Храм» и «Корпоративный пирог», (25 %) «организационная карта» и (15 %) у «Пирамида» вполне возможно что конъюнктура этих моделей не подходит для среднего бизнеса, так как они были реализованы среди корпораций и имеют свою

избыточную специфику, но вместе с этим логично будет предположение что у среднего бизнеса пока недостаточно опыта для определения наиболее приоритетной модели.

Целевая аудитория образовательного профиля делится на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя относится к персоналу младшего, среднего и высшего уровней, у каждого своих курсов и программы подготовки. Внешняя аудитория включает в себя поставщиков и клиентов, а также потенциальных сотрудников. Взаимодействие с поставщиками необходимо для выстраивания новых и/или более выгодных вариантов сотрудничества, подобное справедливо и для клиентов

Операционный профиль. Он предусматривает определение способа финансирования обучения персонала и выбор информационных технологий для управления образованием. В Иркутской области предприниматели готовы финансировать обучение в (60 %) через бюджет и (40 %) по необходимости. Средний бизнес идет осторожным путем, оценивая прирост прибыли от обучения сотрудников. Соответственно бюджет закладывается на рентабельные программы, а новые программы финансируются исходя из принципа необходимости.

Наиболее востребованным программным обеспечением является LCMS, необходимое для сохранения и управления знаниями (44 %) что вполне логично для начального запуска корпоративного университета, на момент исследования (10 %) наших респондентов уже имели подобные программы. Остальное ПО не имеет сравнимой актуальности: LMS – (26 %) управление обучением, TMS – (15 %) поддержка и развитие талантов и SS – (10 %) интеграция перечисленных программ

Партнерский профиль. Включает в себя механизмы сотрудничества корпоративного образования, как с персоналом, так и вузами, поставщиками, клиентами и т. д. Например, внутри компании сотрудники должны хорошо понимать цели и необходимость будущего обучения, а также давать обратную связь о качестве пройденных курсов, если подобный механизм не будет выстроен, чрезвычайно сложно оценить на начальных этапах эффективность обучения. В долгосрочной перспективе предприниматели хотели бы чтобы их корпоративный университет предоставлял услуги сторонним организациям (84 %). Вместе с этим (72 %) респондентов изъявили желание сотрудничать с вузами для формирования кадрового резерва и (28 %) не считают эту практику необходимой.

Маркетинговый профиль. Развитие бренда корпоративного образования как правило необходимо только на полноценном этапе функционирования обучения персонала, это связано с тем, что только при экспертном уровне корпоративное образование готово заявить о своем качестве и представить услуги внешним организациям и клиентам. В свою очередь бренд корпоративного образования повышает лояльность потребителей и поставщиков, повышает мотивацию сотрудников учиться. Развитие маркетингового профиля иркутские предприниматели видят избыточной задачей, макси-

мальное вложение своих средств в продвижение корпоративного университета они готовы не более 100 тыс. руб. в год. Их позицию можно оправдать тем, что чтобы предъявлять себя как самообучающуюся организацию необходимо чтобы это обучение было состоявшимся.

Исходя из наших результатов, следует вывод, что предприниматели готовы развивать обучение своих сотрудников в дальнейшем, они определяют, кто должен непосредственно управлять образованием персонала и определяют приоритетную стратегическую роль, также закрыты вопросы о финансировании обучения сотрудников и необходимого сотрудничества с внешними организациями. Выпадающими остаются маркетинговый и образовательный профили, если первые руководители не развивают сознательно, то для второго необходимо больше опыта и отдельного изучения.

Список литературы

1. Пожарническая, О. В. Опыт российских нефтяных компаний в реализации корпоративной социальной ответственности // Экономика и предпринимательство. 2014. № 11 (ч. 2). С. 546–551
2. Поллошкевич О. А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электрон. вестн. 2017. № 64. С. 217–230.
3. Пономаренко, Т. В., Хаертдинова, Д. З., Ковешникова, К. И. Результаты интеллектуальной деятельности как фактор формирования конкурентного преимущества нефтяных компаний // ГИАБ. 2015. № 40. С. 89–99.
4. Посталюк Н. Ю. Эффективная модель профобразования // Профессиональное образование. 2015. № 5. С. 13–26.
5. Пружинин А. Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. / [науч. ред. : Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 433–440.

УДК 37:004
ББК 74.5

П. Д. Симашенков, А. Н. Балахонцева, *Самара*

О рисках цифровизации образования

Раскрывается проблематика полемики вокруг «новой нормальности». Объект исследования – процесс цифровизации образования, предмет – EdTech как драйвер инноваций. Авторы выбрали ценностный подход в освещении проблемы, который, по их мнению, объективнее технократизма в выявлении контрастов между целями образования и средствами его дигитализации. Показывается разлагающее действие адаптивной парадигмы образования, где главные маркеры – посильность, доступность и наглядность. Доказывается, что цифровизацию следует воспринимать исключительно утилитарно как средство структурирования сведений и не провозглашать потребительский утилитаризм целью образования и образом жизни.

Ключевые слова: цифровизация, инновации, дистанционное обучение, прагматизм, менеджмент образования.

P. D. Simashenkov, A. N. Balakhontseva, *Samara*

On the risks of digitalization of education

The relevance of the topic is determined by the escalating polemics around the «new normal». The object of the research is the process of digitalization of education, the subject – EdTech as a driv-

er of innovation. The authors have chosen a value-based approach in covering the problem, which, in their opinion, is more objective than technocracy in revealing the contrasts between the goals of education and the means of its digitalization. The desire to please the tastes of the young exacerbates the decaying effect of the adaptive paradigm of education, where the main markers are feasibility, accessibility, and visibility. The authors argue that digitalization should be understood solely utilitarian, as a means of structuring information, but in no case should consumer utilitarianism be proclaimed as the goal of education and a way of life.

Keywords: digitalization, innovation, distance learning, pragmatism, education management.

Актуальность темы определяется обострением полемики вокруг «новой нормальности» и тотальной диджитализации. Зарубежные авторы сделали их околонучными трендами: высказываться о VUCA-мире и грезить «Обществом 5.0» ныне модно, престижно и беспроблемно. Приведём заявление футуролога К. Нордстрёма: «к 2025 году в Западной Европе около 50 % работ будет замещено теми или иными видами машин. Например, фитнес-тренеры. Зачем использовать реальных людей, если можно единожды раз заплатить одному тренеру и записать видео, а затем крутить его бесконечное количество раз? Аналогично с преподавателями, их тоже заменят. Всё, что можно оцифровать, будет оцифровано» [5].

Не станем уподобляться шведскому автору в отождествлении физика с профессором, лучше попытаемся разобраться, где тут «хорошо забытое старое», а что действительно беспрецедентно и потому неоднозначно, по сути, и последствиям. Серьёзная аналитика по данному вопросу содержится в исследованиях Высшей школы экономики [4], Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании [3] и международной образовательной компании «ЯКласс» [7].

Разумеется, ни цифра, ни дистант сами по себе образованию не вредят, опасна лишь абсолютизация их возможностей, возведение утилитаризма в культ. Наш подход к рассмотрению обозначенной проблемы – ценностный: полагаем, он объективнее технократизма в выявлении контрастов между целями образования и средствами его диджитализации.

Начнём с очевидного и неоспоримого достоинства: цифровой формат отлично приспособлен для хранения массивов текстовой и визуальной информации. Другой вопрос – как и кому с ней работать. Оценивать сведения может лишь человек сведущий в концепциях, а не бегло ознакомленный с типовыми кейсами. По большому счёту, высшее образование потому и зовётся таковым, что позволяет «воспарить над проблемой», обогащая студента фундаментальным теоретическим знанием (при безусловном освоении ремесленного минимума). Практика есть средство проверки теории, но заменить ее не в состоянии. Следовательно, главное в обучении – формирование образа мыслей, мировоззрения, что предполагает системность, обстоятельность и последовательность.

К сожалению, нынешнее положение дел едва ли соответствует приведённым критериям. Информации масса, но структурирована она откровенно слабо, причём либо кустарями-одиночками, либо (особенно в социогумани-

тарной области) откровенно одиозными, политически ангажированными персонажами. Единства усилий в данном направлении нет, как нет и «генеральной линии» – парадигмы, поддерживаемой государством. Духовные скрепы, традиционные ценности etc представляются нам ненадёжными по причине зависимости от международной повестки и прочих неприятностей, обтекаемо именуемых «вызовами». Эффективным менеджерам (неважно, в какой сфере) по нраву термины айтишников и продажников, отсюда узость конкретного мышления и агрессивный мещанско-потребительский акцент – пресловутая «ориентация на результат и продукт». Подчеркнём: клиенто-ориентированность противоречит перфекционизму, ведь любой сервис (в том числе и образовательный) априори намертво привязан к целевой аудитории, а та (уже в силу массовости) инертна в плане культурного роста. Становится понятным, отчего идея умственного развития чужда житейским установкам сторонников цифровизации. Зачем совершенствоваться? – достаточно спорадических инсайтов и периодических обнулений (правительство 2.0, университет 3.0, общество 5.0). У приверженцев прорывной штурмовщины в приоритете ускорение, даже если оно – ускорение свободного падения.

Изучение проблемы в русле мировоззренческого подхода вывело нас на ряд суждений обобщающего характера.

Во-первых, то, что провозгласили цифровизацией образования, ничем не отличается от комплектации библиотечных фондов. Онлайн-лекции – те же аудиокнижки, разве что с элементами оживляжа мимикой преподавателя. Лучшие выступления, конечно же, достойны храниться в медиатеке, однако ценны скорее в качестве мастер-классов по актёрскому мастерству в педагогике: эмоциональная перегрузка текста как способ повысить убедительность. Кроме того, вытеснение литературы аудиокнижками, подкастами и вебинарами способно привести к утрате студентами навыков конспектирования и способности выделять главное и полезное для себя. Такое вырабатывается только при чтении («с карандашом в руке»). Что до содержательной части видеолекций – та, как правило, вырвана из контекста, создаваемого преподавателем исключительно в живом, непосредственном контакте, когда слушателям знакомо концептуальное видение предмета именно этим преподавателем. Даже на «эскапортных» записях лектор всегда работает на «свою» аудиторию, а не вещает в абстрактную пустоту – тем и отличается от абстрактного спикера.

Во-вторых, за цифрой не видна личность, отсюда недоверие и закономерное появление разнообразных контрольно-проверочных сервисов (антиплагиат, цифровые следы, прокторинг, фидбэк и проч.) Проверяют вовсе не человека, а виртуальные следы его формальной активности. Развивать цифру можно лишь количественно, качество ей неведомо (либо единица, либо ноль). Такая модель без проблем вписывается в шаблон незатейливого альтернативного мышления, но традицию живого общения обнулять нельзя: здесь альтернативы немислимы, куда люди остаются людьми. То, что

сегодня осталось от общества, стремительно расщепляется на элементарные частицы гаджет-зависимых особей, коим привычнее искусственные экосистемы медиапространства (Apple, Яндекс, Сбер и т. п.) В верхах активно продвигаются идеи фабрикации школьно-вузовской экосистемы, которой собираются заменить образовательную среду, так как последняя признана «малоэффективной» из-за отсутствия механизма саморегуляции.

В-третьих, дистанцируясь от обскурантизма, рискнём всё же заявить: засилье цифровых сервисов не просто способствует интеллектуальной деградации – одичание сначала отупляет, а потом и вовсе расчеловечивает. Объявились «эксперты», утверждающие, будто «учитель – самая инструментальная профессия» [2]. Всё это от нежелания (да и неспособности) работать самому, прилагать усилия для роста над собой. В подобных условиях производитель (продукта, контента или услуги – не важно) становится потребителем готового набора сэмплов и фич. Не надо усложнять и изобретать, достаточно следовать алгоритму и придерживаться опробованных на практике шаблонов. Изобилие и доступность сетевых ресурсов напоминают приметы присваивающего хозяйства: цифровые туземцы потребляют контент, падающий к ним «с облака» (cloud-service). Присвоение находки не предполагает избыточности усилий, присущей творчеству. Вскоре можно будет проститься с самим понятием научных школ и авторских разработок: гегемония технологий и автоматизации превращают людей в операционистов с одинаково упрощённым функционалом юзеров.

В-четвёртых, уже формируется прослойка образовательных популистов, ставящих прикольность выше смысла и содержания. Существует реальная опасность дискредитации образования: выросло поколение, воспитанное Микки Маусом и его подручным, и цифровизаторы предлагают не просто учитывать запросы молодых, но и всячески заискивать, подстраиваясь под их немудрёные потребности. Столетие назад веховцы назвали такой подход педократией, сегодня молодёжная комедия и молодёжная политика – схожие жанры шоу-бизнеса для альтернативно одарённых. По сути, ажиотаж вокруг диджитализации создан миллениалами под себя и для ещё более примитивных поколений зумеров и альфа. Следует однако помнить: образование никогда не работало по формуле «чего изволите?» – хотя бы потому, что учитель и ученик находятся в разных возрастных, интеллектуальных и статусных категориях. Не абсурдно ли оправдывать перед недорослями необходимость изучения предмета и его будущую карьерную полезность?

В-пятых, желание польстить самолюбию молодых усугубляет разлагающее действие адаптивной парадигмы образования, где главные маркеры – посильность, доступность и наглядность. В духе обывательской прагматики молодёжи внушается: профессионализм сводится к технологии, надо лишь затвердить заветные лайфхаки, после чего успех неотвратим и неизбежен. Что угодно можно освоить, посетив пару-тройку мастер-классов, бессистемно и едва ли не рефлексивно. Это губит преобразовательное отношение

к делу, ориентируя на сбор и сортировку информации: всё создано, осталось лишь компилировать. Визуализация, сторителлинг, дополненная реальность, акцент на прикладных знаниях: насаждаемый развлекательно-игровой (и при этом – «практико-ориентированный»!) формат реализуется в русле образовательного аскетизма, когда начитка необходимого выдаётся за достаточное, а остальное – дело прокачки, сводимой к жонглированию англицизмами в духе балаганной самопрезентации. Многие вузы, поощряя действия наподобие научного стендапа и Science slam, до того увлеклись инноватикой приколизма и заигрались в шоу-профорIENTATION абитуриентов, что начали превращаться в центры передержки недорослей, чему свидетельство и своеобразная терминология, равно приемлемая в овощеводстве и кадровом менеджменте (бизнес-инкубатор, точка роста, теплица социальных технологий).

Технология – это идея, с которой соскobiliли мораль. Ржавая, заюзанная технология вырождается в обряд: так университетская схоластика переходит в цифровую догму на армейский манер, с нормами положенности и безоговорочным их соблюдением (образовательные стандарты, фонды оценочных средств, регламенты и прочие жанры бюрократической прозы). С позиции менеджеризма, «пиши-сокращай», «живи-упрощай» и «ври-управляй» – безотказные формулы успеха.

Цифровые сервисы – нечто вроде коммунальных удобств: они признак цивилизации, ни один разумный человек не станет себе в этом отказывать. Вместе с тем обожествлять удобства нелепо и некультурно. Дистанционное обучение допустимо рассматривать и в качестве метода симптоматической терапии профвыгорания, но и как продром профессионального одичания, которое всегда происходит «в отрыве», поскольку обусловлено отчуждением и изоляцией, будь то племя туземцев или опустившийся индивид. Удалённый – удаляет в себе индивидуальность. Наладить полезные и не показушные интеракции мешает ещё и конфликт поколений: у миллениалов и зумеров установки исключительно целевые, для советских людей ещё важны ориентиры нравственные, и один и тот же вопрос представителями разных поколений может истолковываться противоположно.

Инноваторам и продавцам образования понятнее снижение издержек и безотказная автоматика – даже в вопросах «инженерии человеческих душ». Они куют кадры для экономики, словно дань для Минотавра, не осознавая: расшарить и продать можно сведения, но знания – нельзя. VUCA-реальность можно проапгрейдить и кастомизировать, преобразить же качественно – невозможно: в ее основе алгоритм, а не жизнь. Цифра оптимизирует культуру до набора команд, а команда не может быть не-тоталитарной. С другой стороны, цифра и дистант неплохи для пропаганды, хотя собственно мотивация [1] предпочтительнее вживую. Тягу к образованию всегда формировали миссионеры, вспомним положительный опыт советского общества «Знание». Даже тренировки спортсменов преследуют высшую цель, тогда как цифровое образование таковой ещё не обзавелось: его зада-

ча – просто потрафить пользовательским запросам и обывательским амбициям. Например, несуразны попытки наметить профессии будущего: онлайн-терапевт, игромастер (!), science-художник, биоэтик. Очевидно, фантазия дизайнеров «Общества 5. 0» под стать плоскости цифрового мира, в лучшем случае ее хватает на соединение двух несвязуемых терминов.

Ошибка – первородный грех цифрового мира. Вследствие ошибки зумеры считают себя перспективными и успешными, и каждый из них успешен, как легендарно-виртуальный подпоручик Кижэ. Цифрозойских дикарей цивилизуют, но не развивают – их безграмотность ради приличия драпируют фиговыми листами дипломов. К тому же, гибридная модель обучения делает и без того громоздкую педагогическую отчётность совсем невыносимой, ведь «бумажной» бюрократии (дублирующей цифровые следы) никто не отменял [6]. По нашему мнению, пока диджитализация обучения гармонизировала только два компонента – смех и грех. Примечательно: все фигуранты «образовательной триады» так или иначе заинтересованы в онлайне и дистанте. Преподавателям легче не видеть безразличия и невежества студентов, а особо наглых аннигилировать кликом мыши: «нет человека – нет проблемы». Студентам удобнее игнорировать учёбу, имитируя присутствие на вебинарах. Чиновникам проще формировать прорывную статистику. Выходит, такого рода дистант эффективно мотивирует на фальсификацию учебного процесса, для этого его возможности поистине безграничны.

Цинично-оптимизированный взгляд на жизнь куда опаснее, чем цифровое государство и цифровое образование вместе взятые. Угар цифровизации аналогичен апогею лысенковщины: та же нарочито-простецкая риторика «практиков» (теперь в их роли – айтишники и блогеры), то же пренебрежение интеллигентностью и академическим образованием, та же погоня за рекордами в науке и технике. Правда, во времена незабвенного Трофима Денисовича слово «прорыв» понимали в смысле, противоположном нынешнему. К слову, формализм и жизнь «цифири ради» осуждали всегда. Полагая, такое отношение должно оставаться и сейчас, чтобы век высоких технологий не выродился в айтишно-доисторический цифрозой, где невежество и дикость станут выдавать за новую нормальность. На наш взгляд, это не взрослым следует адаптироваться к «цифре» (уже произошло, и без особых сложностей), это недорослям не мешало бы «цифру» перерастать.

Список литературы

1. «Главная проблема российского образования – это мотивация». Глава Минобрнауки РФ Валерий Фальков – о новом мире без степеней и званий, общероссийской системе учёта грантов и инженерных школах // Известия. URL: <https://iz.ru/1210378/anna-urmantceva/glavnaia-problema-rossiiskogo-obrazovaniia-eto-motivaciia> (дата обращения: 26.08.2021)
2. Дима Зицер – об отношениях учителей с учениками и родителями с детьми // Вести образования. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/2/13/pedagogika/11574-sovremennyh_detey_slozhnee_obmanut (дата обращения: 26.08.2021)
3. Медийно-информационная грамотность в цифровом мире: как научить учителей : сб. ст. / ред. Ю. Ю. Черный, Т. А. Мурована. М. : Ин-т ЮНЕСКО по информ. технологиям в образовании, 2021. 81 с.

4. Научно-технологическая политика России в условиях постпандемии: поиск новых решений : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / С. В. Бредихин [и др.] ; науч. ред. Л. М. Гохберг. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2021. 63 с.

5. Нордстрём К. Urban Express: 15 правил нового мира, в котором главная роль у городов и женщин. М. : Альпина Паблишер, 2019. 272 с.

6. Оценка качества образования в условиях дистанционного обучения: опыт проживания пандемии системами школьного образования стран постсоветского пространства М. : «Алекс» (ИП Поликанин А. А.), 2021. 390 с.

7. Учителя назвали предметы, которые стоит добавить в школьную программу // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210820/shkola-1746492144.html> (дата обращения: 26.08.2021)

УДК 658.75

ББК 65.36

М. В. Яковлева, *Чебоксары*

Онлайн-технологии в развитии человеческого потенциала

Доказано, что важным условием успешного функционирования и повышения конкурентоспособности организации является развитие потенциала ее человеческих ресурсов. Раскрыта сущность и особенности человеческого потенциала. Выявлена роль современных информационно-коммуникационных технологий в его развитии. Обоснована необходимость приобретения сотрудниками компаний новых компетенций и быстрой адаптации к новым реалиям цифровой экономики. Проведен анализ возможностей развития человеческого потенциала посредством онлайн-технологий.

Ключевые слова: управление персоналом, человеческий потенциал, развитие потенциала, дистанционное обучение, онлайн-технологии.

M. V. Yakovleva, *Cheboksary*

Online technologies in human development

The work proves that an important condition for the successful functioning and increasing the competitiveness of an organization is the development of the potential of its human resources. The article reveals the essence and features of human potential. The role of modern information and communication technologies in its development is revealed. The necessity of acquiring new competencies by employees of companies and quick adaptation to the new realities of the digital economy has been substantiated. An analysis of the possibilities of human development through online technologies has been carried out.

Keywords: personnel management, human potential, capacity development, distance learning, online technologies.

В современных социально-экономических условиях персонал является конкурентным преимуществом и ресурсом любой организации. Формирование, развитие и повышение качества потенциала персонала необходимо для того, чтобы он обладал необходимыми для своевременного и качественного выполнения своей профессиональной деятельности умственными, физическими и эмоциональными качествами [7], психическими свойствами и характеристиками.

Человеческий потенциал – совокупность физических и духовных сил, интеллектуальных и профессиональных качеств сотрудников, которые мо-

гут быть использованы для достижения индивидуальных и общеорганизационных целей, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации [6]. Он определяет способности работников использовать совокупность собственных задатков, возможностей и желания для инновационного развития предприятия [12, с. 116]. Социальный капитал возникает благодаря сети их взаимоотношений внутри и вне организации [3]. Формирование потенциала зависит от возможностей, которые имеют как отдельные работники, так трудовые коллективы и предприятие в целом.

В горизонтальной проекции человеческий потенциал рассматривается как:

- человеческие ресурсы в социально-организационном горизонте;
- жизненный потенциал в социально-экологическом горизонте;
- личностный потенциал в экзистенциальном и духовно-практическом горизонте;
- человеческий капитал в экономическом горизонте [11].

В. А. Луков и Б. Г. Юдин отмечают, что теоретические разработки в области человеческого потенциала характеризуются экономическим уклоном и концептуально обосновывают растрату человеческого потенциала как ресурса экономического роста [8].

Необходимость исследования и развития человеческого потенциала определяется тем, что это позволяет получить информацию об актуальном состоянии сотрудников, выявить проблемные области в развитии их профессиональных компетенций, разработать программы их обучения и развития, реализовать и повысить их личностно-профессиональный потенциал (совокупность объединенных в систему естественных и приобретенных качеств, определяющих способность выполнять свои обязанности на заданном уровне; внутренние возобновляемые ресурсы личности, обеспечивающие многообразие возможных векторов ее развития и проявляющиеся в достижении социально-значимых результатов профессиональной деятельности).

Концепция «человеческих ресурсов» (Т. Санталайнен, Э. Воутилайнен, П. Поренне и Й. Ниссинен) признает необходимость капиталовложений в формирование и развитие человеческого потенциала, создание условий для творческого и профессионального развития каждого сотрудника.

Концепция трансгуманизма (Дж. Хаксли, Дж. Б. С. Холдейн, Дж. Д. Бернал и др.) предполагает «улучшение» человеческой природы за счет применения современных технологий, создающих благоприятные условия для расширения границ возможностей человека. На основе трансгуманизма строится новая концепция эволюции человека (Тейяр де Шарден).

Развитие науки и ее интенсивное взаимодействие с техникой и информационно-коммуникационными технологиями определяют роль и необходимость применения онлайн-технологий в развитии человеческого потенциала. Однако следует помнить о том, что больший эффект дает:

- использование в ходе интерактивных занятий возможностей визуализации, поддержания диалога, предъявления вопросов и др. ;

– не полное замещение контактного (очного, «живого») общения, а комбинация форм (онлайн- и оффлайн-формат обучения).

Действительно, в последние годы электронная среда стала неотъемлемой частью жизнедеятельности человека и учебного процесса. Дистанционная форма обучения успешно реализуется в образовательном процессе сотрудников компании с помощью современных средств коммуникации, через различные удаленные платформы и сервисы. Разработка специализированного программного обеспечения для проведения онлайн-занятий, учитывающих конкретные педагогические аспекты видеоконференции и позволяющего быстро получить максимум информации по данным аспектам, может стать предпосылкой совершенствования дистанционного обучения [5].

Обладая рядом преимуществ перед традиционной системой обучения, дистанционное образование как тандем информационных и телекоммуникационных технологий, обеспечивающих взаимодействие между преподавателем и обучающимся, находящимся на расстоянии друг от друга [4, с. 387–389], обладает рядом недостатков. Например, одним из них является отсутствие непосредственного контакта педагога с обучаемым [1], что вызывает сложности адекватного контроля результатов образовательного процесса.

Преодоление этого и иных «слабых сторон» дистанционного образования персонала компании, недостатков применения онлайн-технологий в развитии человеческого потенциала требует интеграции элементов очной и заочной форм обучения, т. е. смешанного формата. Результаты проведенного нами в Чебоксарском институте (филиале) Московского гуманитарно-экономического университета социологического исследования (весна 2021 г.) показали, что «живое» общение в процессе обучения предпочитает подавляющее большинство респондентов – 56,7 %; комбинированный формат обучения – 29,4 % респондентов.

Таким образом, применение онлайн-технологий в образовательном процессе является в современных условиях одним из факторов развития человеческого потенциала. Возможности системы электронного и комбинированного (онлайн и офлайн) обучения непосредственно влияют на его эффективность. Используемая система обучения с использованием дистанционных образовательных технологий должна удовлетворять следующим требованиям:

- полный контроль над курсом со стороны его разработчика: изменение настроек, правка содержания, обучение;
- организация обучения без возможности изменения контента курса;
- возможность загрузки курсов;
- возможность включения в образовательную программу большого набора различных элементов: ресурсов, форумов, тестов, заданий, глоссариев, опросов, анкет, чатов, лекций, семинаров, баз данных, редактора «ленты времени», построения схем и др.;

- удобная возможность редактирования текстовых областей встроенного HTML-редактора;
- различные способы оценки работы обучающихся с возможностью создания собственных шкал для оценки результатов обучения по критериям;
- удобные механизмы для подведения итогов обучения, создания и использования различных отчетов, импорта и экспорта оценок;
- удобная система учета активности обучающихся, позволяющая своевременно отслеживать как участие в курсе в целом, так и детальную информацию по каждому элементу курса;
- электронная почта, позволяющая отправлять копии сообщений в форумах, отзывы и комментарии педагогических работников и другую учебную информацию [10, с. 18–19].

Для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий организация (в том числе образовательная) выбирает модель, адекватную ее ресурсному и кадровому обеспечению [9]. Дистанционное обучение целесообразнее применять в сфере дополнительного образования и повышения квалификации, поскольку у обучаемого уже сформированы профессиональные навыки очной формы обучения.

Таким образом, инвестиции, направленные на повышение уровня образования и профессиональной подготовки сотрудников, являются важнейшим фактором обеспечения и повышения их конкурентоспособности; технологии развития персонала и персонал-маркетинга – инструментарием усиления конкурентных позиций организации в целом [2]. Тем самым формируется интеллектуальный капитал предприятия, важной составляющей которого являются человеческий капитал. Применение онлайн-технологий в образовательном процессе является одним из факторов его развития.

Список литературы

1. Александров Д. С. Принципы организации самостоятельной физической подготовки курсантов // XXIII Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета (г. Нижневартовск, 6–7 апреля 2021 г.) Ч. 10. Психология. Педагогика. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2021. С. 108–114.
2. Александрова Л. Ю., Мунши А. Ю., Мунши Ш. М. Персонал-маркетинг как инструмент усиления конкурентных позиций предприятия // Экономические, правовые, организационно-управленческие аспекты развития трудовых ресурсов в современных условиях глобальных рисков : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 февр. 2016 г.). В 2 ч. Ч. 1. Чебоксары : ЧКИ РУК, 2016. С. 50–51.
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами : пер. с англ. / под ред. С. К. Мордовина. 8-е изд. СПб. : Питер, 2007. 832 с.
4. Бородинская Г. П., Пазюк К. Т. Актуальность дистанционного образования в России // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 1. С. 387–389.
5. Буриков А. В. Физическая подготовка курсантов в военном учебном заведении // Эпоха науки. 2019. № 19. С. 114–118.
6. Вишневецкий А. Г., Васин С. А., Зайончковская Ж. А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Современные проблемы России. Путь в XXI век. Глава 7. М. : Экономика, 1999. С. 279–306.

7. Калинина Г. В., Мунши А. Ю., Александрова Л. Ю. Управление персоналом : учеб. пособие в таблицах и схемах. Чебоксары : ЧКИ РУК, 2011. 68 с.
8. Луков В. А., Юдин Б. Г. К концепции интернет-проекта «Человеческий потенциал России» // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 251–256.
9. Планкин К. В. Сложности и перспективы реализации дистанционной формы обучения в образовательных организациях МВД России в условиях пандемии COVID-19 // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (10). С. 211–215.
10. Ратова И. В., Мовчан А. В. Использование современных образовательных технологий в системе дополнительного профессионального образования : учеб.-метод. пособие. Домодедово : ВИПК МВД России, 2016. 60 с.
11. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И. П. Фролова. М. : Едиториал УРСС. 176 с.
12. Шахгираев И. У., Рахимова Б. Х. Потенциал персонала предприятия: управление и методы оценки // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 5. С. 116–122.

РЕСУРСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА

ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА
17 МАЯ 2021 г., г. ИРКУТСК

УДК 316.334.56
ББК С55.661

Р. К. Балтабаев, *Иркутск*

Развитие корпоративного образования в России

Корпоративное образование рассматривается как наиболее продуктивный способ обучения высококвалифицированного специалиста благодаря индивидуальному подходу к каждому обучаемому. Дается определение понятию корпоративного обучения, исследуется его применение, становление и развитие корпоративного образования в России.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное обучение, микрообучение, бизнес-обучение, тренинг.

R. K. Baltabaev, *Irkutsk*

Development of corporate education in Russia

The article shows that corporate education is the most productive way of learning. There are many ways to make a highly qualified specialist, but corporate training makes it possible to make a more individual bias towards each trainee. This article examines the definition of corporate training, its application and development in Russia, as well as the further development of corporate education in Russia.

Keywords: corporation, corporate training, micro-training, business training, training.

Определение слова «корпорация» поможет определить, что представляет собой корпоративное образование. Это слово исходит от лат. *corporatio* и означает союз, объединение или сообщество. В наше время данное понятие имеет более обширный смысл. Под корпорацией подразумевается экономическое сообщество людей, которых объединяет общая цель или система управления, а не просто какие-то правовые формы. Кроме того, они имеют общие задачи, направленные на решение различных процессов управления. Это экономические, административные, производственные и образовательные сферы, а также такие системы как безопасность, HR, и взаимодействие с ресурсами внешней среды. Поэтому цель создания корпо-

ративной культуры имеет лишь видимую область, а термин «корпорация» может подразумевать понятие «корпоративное образование» [5].

Совокупность мер направленных на образование с целью квалифицированной подготовки сотрудников компании называется корпоративным обучением. Такие меры могут повысить качество и объемы производительности компании. Плюс данного обучения в том, что оно направлено на повышение квалификации не одного сотрудника, а всей команды или ее существенной части, что в свою очередь позволит сэкономить время и средства, а также добиться большего результата или прогресса. Корпоративное образование – это регулярный процесс, способный повысить мастерство и компетенцию сотрудников. Чтобы он был эффективным, важно связать его со стратегией продвижения компании. Такая система обучения связана с основной особенностью – практическое направление, и использование самых актуальных и современных знаний [3]. А главной задачей является повышение конкурентоспособности за счет задействования перспективных методов развития бизнеса. В России понятие корпоративного обучения стало известным недавно. Оно стало общепринятым лишь в конце XX в. Многие методы позаимствовали у США.

В наше время целью программ обучения компаний в России является создание и поддержка корпоративной культуры, мотивация сотрудников, работа с индивидуальной кадровой ответственностью, а также повышение как общих, так и профессиональных навыков отдельных сотрудников [4]. Все это направлено на достижение главной цели – повышение эффективности работы компании. Так как эта сфера является новой, то отслеживать качество проведения такой программы в данное время не представляется возможным, в то время как в США для того, чтобы стать тренером, необходимо долго развиваться в этой сфере. К таким специалистам предъявляются жесткие требования и формальности, прежде чем они приступают к услуге предоставления обучающей программы.

Как правило, в нашей стране такие услуги предоставляют часто фрилансеры, которые получили профильное зарубежное образование, или переквалифицировались с другой дисциплины. Не редко обучение предоставляют учебные заведения, но их сфера ограничивается повышением квалификации и помощью в развитии личных и профессиональных качеств. Также это могут быть консалтинговые и тренинговые компании, которые обладают своим тренерским штабом, и в дополнение к этому могут предоставлять услуги по внедрению собственной программы и разработок в работу других организаций. Иногда крупные компании могут иметь собственные институты развития, предоставляющие свои услуги внешнему рынку. Никаких служб, осуществляющих контроль подобных образовательных систем пока, нет [2].

Что касается форматов такого обучения, то они бывают разнообразными. Корпоративный тренинг подразумевает обучение лишь тех сотрудников, которые работают в одной и той же компании. В данном случае программа составляет на основании целей бизнеса. Открытыми форматами

называют тренинги, в которых могут принимать участие все желающие. Там могут встретиться представители разных компаний, а, следовательно, и цели могут отличаться, что в результате приведет к варьированному эффекту.

Многие годы на Российском рынке корпоративного обучения происходят постоянные изменения. Изначально в результате кризисных периодов, спрос на данную услугу значительно снизился, однако с 2012 г. объем этого рынка снова вернулся на прежний уровень. Далее позиции снова пошли вниз, из-за того, что многие компании стали внедрять свои университеты. Использование таких альтернативных методов обучения создало следующие форматы:

1. Корпоративные университеты. Не редко основной целью такого варианта обучения является только повышение квалификации работников. Самым правильным решением для использования данного вида будет проведение онлайн-обучения или организации специализирующего тренинга. Именно с такого формата чаще всего компании начинают внедрять в жизнь корпоративную культуру.

2. Микрообучение. Этот формат состоит из небольших сессий длительностью до 30 минут. Обычно при таком регламенте до персонала доносятся только ключевые данные. В программу могут входить небольшие упражнения или тесты для закрепления полученной информации. Благодаря микрообучению можно гибко подходить к отведению времени обучения, а для привлечения персонала к этому методу можно задействовать руководителей или отдельных сотрудников компании.

3. Альтернативные форматы. Этот метод отличается от основных форматов тем, что адаптирован исключительно под потребности конкретной группы или отдельного специалиста. Он возник в результате регулярного развития рынка и появления новых уникальных отраслей бизнеса. Такой метод может быть эффективным, для того чтобы выявить преимущества и недостатки в работе каждого работника в коллективе, а также совершенствовать их личные навыки.

4. Онлайн-форматы. Именно благодаря развитию онлайн-платформ в последнее время корпоративное обучение стремительно развивается. Интернет позволяет проводить такие мероприятия дистанционно. Такая особенность этого формата позволяет проводить обучение 24/7, и тем самым привлекать персонал сразу с нескольких регионов. Этот способ является особенно актуальным для компаний, имеющих много филиалов в разных странах и регионах. Для России такой формат также подходящий, так как страна находится одновременно в нескольких временных поясах. Особенно такой метод оказался ключевым в период развития пандемии COVID-19, ведь он снижает распространение этого вируса [6].

Учитывая развитие новых методов обучения и разделение их на форматы, классическая техника все также остается актуальной. Эти методы уже испытаны временем и легко подстраиваемые под потребности и практики рынка. Такие форматы более гибкие и менее затратные, особенно если за-

действовать их длительное время. Поэтому создать и приспособить онлайн курс не всегда просто, и это требует дополнительных затрат на создание контента и его доработку, если не брать в учет стандартный метод вебинаров.

Такой формат отличается неподвижностью и связан со многими рисками и барьерами, возникающими в работе с вовлечением участников.

Любая сфера бизнеса имеет свои особенности и сложности. Поэтому даже тот руководитель, который обладает большим опытом и пониманием не всегда может принять правильное решение, которое будет эффективным и полезным для всей компании [1]. Тем ценнее является необходимость обучения персонала, чтобы они могли брать на себя ответственность, грамотно общаться с клиентами и вести диалог с руководством, а также предлагать свои варианты решения задач. Корпоративное обучение помогает лучше понимать, как мудро планировать рабочий процесс, выстраивать отношения внутри коллектива, улучшать личные и профессиональные качества, для того чтобы приносить реальную пользу компании.

Кроме того, корпоративное обучение позволяет стать более востребованным специалистом на рынке труда и быстро продвигаться по карьерной лестнице. От этого напрямую зависит уровень заработной платы менеджера. Конечно, не всегда такое бизнес-обучение гарантирует на сто процентов прибавки к зарплате, однако в любом случае это будет большим плюсом при рассмотрении резюме кандидата непосредственно во время собеседования. Так как экономика постоянно развивается стремительными темпами, есть большой спрос на руководителей, которые обладают хорошими стратегическими навыками и смогут находить правильные маркетинговые решения, содействующие развитию компании в необходимом направлении.

Современная Россия особенно нуждается в таких специалистах. И, к сожалению, спрос на данный момент значительно выше предложений. Поэтому для установки экономической инфраструктуры и полном переходе на рыночную экономику важную роль играет образовательная программа, направленная на разные сферы. Сейчас буквально на глазах зарождается бизнес-образование, создавая новый рыночный сектор, в котором принимают участие сотни организаций по всей стране, и тысячи людей, работающих в этой сфере. Многие менеджеры на определенном этапе развития компании начинают задумываться о повышении квалификации. Такую же необходимость ощущают и руководители компаний, когда речь идет о повышении конкурентоспособности и качества работы персонала. Это побуждает их выделять больше средств на организацию корпоративного обучения.

С каждым годом увеличивается количество организаций, ставших обладателями степени MBA, решающихся на разные виды бизнес-образования. В результате их сотрудники посещают бизнес-тренинги с целью получения необходимой профподготовки.

Список литературы

1. Кузнецов В. В. Корпоративное образование: содержание и сущность // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. № 1 (35). С. 51–60.
2. Каганов В. Ш. Закономерности становления тенденции развития корпоративного обучения в России // Высшее образование сегодня. 2013. № 1. С. 39–41.
3. Кузнецов В. В. Тенденции развития российского корпоративного образования // Вестник ОГУ. 2015. № 11 (186). С. 227–230.
4. Масалимова А. Р. Корпоративное образование и внутрифирменная подготовка: особенности формальной, неформальной и информальной моделей. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6296> (дата обращения: 15.05.2021).
5. Пружинин А. Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.
6. Пружинин А. Н. Развитие корпоративного образования в среднем бизнесе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 513–519.

УДК 374(470)

ББК 74.4(2Р)

К. А. Головчун, *Иркутск*

Корпоративные университеты: тенденции развития в России

Рассматриваются тенденции развития корпоративных университетов в России. Приводятся примеры создания корпоративных учреждений России и за рубежом. Анализируется принцип обучения в данных учреждениях. Разбираются функции обучения корпоративного обучения. Делаются выводы на основе разобранных аспектов корпоративного университета.

Ключевые слова: Корпоративный университет, функции обучения в корпоративных университетах, внутрифирменное обучение, непрерывное образование.

К. А. Golovchun, *Irkutsk*

Corporate Universities: Development Trends in Russia

In this article, the author examines the development trends of corporate universities in Russia. Examples of the creation of corporate institutions in Russia and abroad are given. The principle of teaching in these institutions is analyzed. The functions of training corporate training are examined. Conclusions are made on the basis of the analyzed aspects of the corporate university.

Keywords: Corporate University, training functions in corporate universities, in-house training, continuing education.

В современном мире все более актуализируется необходимость внутрифирменного обучения, которая связана с необходимостью увеличения рабочей силы и продвижению самой компании, так как это является неотъемлемой частью системы управления человеческими ресурсами в компании. Это связано с тем, что компания нуждается в специалистах, которые создавали бы инновации, обладали большой производительностью и всегда бы могли конкурировать с другими современными компаниями. Немало важную роль играют корпоративные университеты, с помощью которых специалист может получить дополнительно образование, базирующееся на работе

в определенной компании. Происходит постоянное изменение стратегий обучения специалистов. Это зависит от того, что узкое понимание образования не совпадает с требованиями действительности.

Главным прообразом корпоративного университета стал в 1927 г. институт GM компании General Motors. Первые корпоративные университеты в России появились в конце 90-х гг. XX в., которые являлись филиалами зарубежных компаний. Позже, самые крупные компании в России, например, «Росгосстрах», «Сибнефть», «Лукойл» и другие также стали создавать свои корпоративные университеты для обучения специалистов [3]. Все это делалось для того, чтобы кооперативные университеты приводили к окупаемости инвестиций, тем самым данные учреждения приносили акционерам огромную прибыль.

Стоит отметить, что корпоративное образование отличается от профессионального образования отсутствием разрыва теории и практики. Именно заказчик диктует условия корпоративного обучения, так как он действует в пользу компании и имеет права устанавливать, что и как учить. Поэтому только важные вопросы, касающиеся формирования групп, подбора педагогов и наставников, должны решать только педагогически грамотные и подготовленные к решению этих задач работники [4].

Также стоит отметить функции обучения в кооперативных университетах:

1. Стабилизирующая

Она ориентирована на обеспечение стабильного, плавного, предсказуемого, рентабельного функционирования организации в соответствии с ее краткосрочными планами. Данная функция выполняет различные программы обучения специалистов, которые направлены на доработку полученных знаний и навыков до такого уровня, который необходим для выполнения должностных обязанностей. Стоит отметить, что стабилизирующая функция не является полноценной в современных условиях организации, так как она не отвечает реальным условиям их функционирования.

2. Развивающая

Данная функция обуславливается поддержанием позиций организации, которая стремится обеспечить и поддержать свою эффективность и жизнеспособность в долгосрочной перспективе. Все это диктует необходимость плавного подхода к обучению специалистов и готовности к постоянным вложениям в человеческий капитал организации. Целью развивающегося подхода является формирование компетенций специалистов, которые должны опережать требования внутренней среды и внешнего окружения компании. Также данная функция является недостаточно доработанной, так как встает вопрос о лояльности сотрудников по отношению к своей компании.

3. Балансирующая

Она направлена на обучение, которое связано с многочисленными эффектами, проявляющиеся в стабилизирующей и развивающейся функциях (например, формирование у сотрудников мотивации и навыков освоения новой информации; близкое знакомство с сотрудниками своего и других

подразделений и др.). Но данная функция напрямую зависит от субъективных факторов, таких как интересы и ценностные установки организации, но именно они позволяют удерживать равновесие организации в случае проблем и кризисов [1].

Следовательно, функции кооперативного образования обладают своей важностью и ценностью для обеспечения конкурентоспособности, жизнеспособности и эффективности современной компании.

В российском законодательстве нет никаких-либо определений корпоративного университета. Таким образом, не существует никаких форм, регулирующих его формирование и функционирование. Тем самым, это усложняет создание корпоративных университетов. Но можно дать обобщенное определение: «Корпоративный университет – это образовательное подразделение, призванное поддерживать стратегическое развитие компании и быть катализатором ее обновления через обучение руководителей и других сотрудников, а также создание, накопление и распространение передовых знаний внутри организации» [2]. Следовательно, корпоративные университеты достаточно актуальны в сегодняшней экономической обстановке, так как каждый может вынести выгоду, например, работник получит новые знания и опыт, а компания получит прибыль и хороших специалистов. Но не стоит забывать и о минусах корпоративных университетов. При обучении, работник не обязан постоянно или навсегда работать в той компании, посредством которой его отправили учиться, т. е. может произойти утечка знаний, что отразится на состоянии самой компании, и ее экономическом состоянии. Поэтому должны разрабатываться условия, на которых специалист будет обучаться, в том или ином кооперативном учреждении.

Важно рассмотреть взаимосвязь корпоративного образования и непрерывного образования, так как оно является его частью, т. е. оно призвано обеспечить всестороннее развитие личности персонала корпораций, фирм на основе интеграций учебной и профессиональной деятельности. Тем самым, развивается система и непрерывного образования посредством разнообразных инновационных образовательных программ, которые удовлетворяют потребности каждого работника компании [5].

Каждая компания имеет свою специфику, которая проявляется в технологиях производства, организации процесса управления и др., таким образом, компании всегда подвержены изменениям. Крупные компании всегда стремятся создать свой собственный кооперативный университет, тем самым доказать свои возможности в обучении персонала, который способен быстро адаптироваться к постоянным изменениям и приносить результаты, которые необходимы компании.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что корпоративные университеты являются необходимыми в России, так как они помогают компаниям достичь определенных целей и оставаться конкурентно способными. Также не стоит забывать о том, что данные учреждения никак не закреплены в законодательстве и это представляет определенную сложность в

самом обучении и работе в компании. Но создание корпоративных университетов необходимы для достижения определенных целей компании, так как другие пути достижения целей являются малоэффективными. Но компания должна учитывать и те моменты, которые касаются оценивания собственных возможностей и выделения средств на реализацию поставленных задач.

Список литературы

1. Андриянова М. В. Экономические науки // Внутрифирменное обучение персонала в России: тенденции и перспективы. 2018. Т. 7, № 2(23). С. 27–30.
2. Баранов И. Н., Юрченков В. И. Корпоративное обучение для цифрового мира : словарь-справочник / АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка». М., 2020. 204 с.
3. Карпенко Е. З. Региональные проблемы преобразования экономики // Кооперативный университет: современные признаки. 2018. № 12. С. 99–104.
4. Кузнецов В. В. Психология и педагогика // Тенденции развития российского корпоративного образования. 2015. № 11 (186). С. 227–230.
5. Пружинин А. Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.

УДК 316.3(470)
ББК С58(2Р)

В. Е. Каблукова, *Иркутск*

Причины торможения развития человеческого капитала в России

Статья посвящена вопросу медленного развития человеческого капитала в России. Указывается, что многие инновации остаются неэффективными из-за ряда проблем, которые необходимо решить. Затрагиваются и причины этой неэффективности, которые часто кроются в стремлении к скорости, а не качеству. Также представлены данные центра стратегических разработок.

Ключевые слова: человеческий капитал, реформы, развитие, инновации, проблемы

V. E. Kablukova, *Irkutsk*

Reasons for the slowdown in the development of human capital in Russia

This article is devoted to the issue of the slow development of human capital in Russia. It considers that many innovations remain ineffective due to a number of problems that need to be addressed. The work also touches on the reasons for this inefficiency, which often lie in the pursuit of speed, not quality. Also provided are data from the Center for Strategic Research.

Keywords: human capital, reforms, development, innovation, problems

В современных реалиях России очень четко видно, что несмотря на стремление к постиндустриальному обществу, человеческий капитал мало задействован в экономической структуре. И чем дальше мы движемся, тем отчетливее видна эта проблема и тем острее стоит вопрос ее решения.

Человеческий капитал понимается по-разному, Б. Д. Никифоров определял его как совокупность коллективных знаний персонала предприятия, их творческих способностей, умений решать проблемы, лидерских качеств, предпринимательских и управленческих навыков [1]. А. А. Ю. Романова

приводила пять разных определений, каждое из которых освещало определенный аспект [3].

Стоит разобраться, почему в нашей стране так мало задействуется человеческий капитал. Начнем с того, что экономика России, в отличие от экономики СССР базируется на сырьевом могуществе, а не развитии науки и технологии, а, следовательно, и не стремится повышать уровень образования людей. Также, проблемой является огромная разница в развитии регионов и высокий уровень бедности. Однако нельзя сказать, что правительство не делает совсем никаких шагов для развития человеческого капитала, в нашей стране проводится множество реформ. Вопрос лишь в их эффективности. По данным центра стратегических разработок Стратегия-2010 была выполнена на 39 %, а Стратегия-2020 всего на 29,5 % [4]. Это является явным показателем имитации их исполнения. Можно выделить несколько основных проблем в создании и реализации реформ:

- реформы – это всегда перемены и отход от традиционного, а значит столкновение с недовольствами неизбежно. Однако проработкой этого вопроса никто не занимается.
- часто на разработку, подготовку и реализацию проекта требуется больше времени, чем планируется и в результате, те условия, на основе которых подготавливается реформа становятся не актуальны.
- часто не учитываются недоработки и проблемы предыдущих реформ, поскольку правительство стремится реализовать новые [5].

И это никогда не приводит к хорошим последствиям. Люди не понимают, к чему стремится государство, не видят перед собой цели и потому не видят смысла в реформах. Более того, происходит рост социальной напряженности, появление новых и обострение старых проблем, и распространение аномии. Если реформы не работают, то и доверия к власти или новым проектам нет [2].

В заключение хочется сказать, что проблем на пути к высокому уровню человеческого капитала очень много и их несомненно нужно решать. Вместо попыток сделать больше, стоит попытаться сделать качественнее. При пересмотре подхода к развитию и использованию человеческого капитала Россия, несомненно, поднимется на новый уровень экономического развития.

Список литературы

1. Никифоров Б. Д. Проблемы развития человеческого капитала в России // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2017. № 1-1. С. 237–240.
2. Новиков М. С. Особенности формирования и тенденции развития человеческого капитала в России // Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития. 2017. С. 90–91.
3. Романова А. Ю. Проблемы развития человеческого капитала в России // Наука и образование: от теории к практике. 2017. С. 63–65.
4. ЦСР нашел причины провала прежних стратегий России. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369-provalu-prezhnih-strategii> (дата обращения: 08.05.2021)
5. Пружинин А. Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.

УДК 316.43
ББК 60.524

Латышева Д. Г., *Иркутск*

Человеческий капитал как источник конкурентных преимуществ

Разработана гипотеза о взаимодействии человеческого капитала и инноваций организации, основанная на ресурсах и знаниях.

Ключевые слова: человеческий капитал, конкуренция, организация, лидерство, сотрудник.

Latysheva, D. G., *Irkutsk*

Human capital as a source of competitive advantages

A hypothesis about the interaction of human capital and innovation of the organization, based on resources and knowledge, is developed.

Keywords: human capital, competition, organization, leadership, employee.

В наши дни человеческий капитал считается наиболее важным элементом конкурентного преимущества в большинстве организаций. Человеческий капитал – это всего лишь один из нематериальных активов организации, это в основном способности всех людей в организации. Развитие организационного человеческого капитала – основная задача лидеров при разработке будущих конкурентных стратегий.

Считается, что если компания знает, как ее человеческий капитал способствует их успеху, то его можно измерить и эффективно управлять. Способности представляют собой различные навыки, образование, опыт и потенциал. То, как организации управляют своими людьми, может повлиять на их эффективность. Широко распространено мнение, что вовлечение сотрудников, расширение их прав и возможностей и развитие рабочих мест, включая командные производственные системы, обширное обучение сотрудников и стимулы к повышению производительности, способствуют повышению эффективности организации [1; 3; 5].

Другие источники конкурентных преимуществ, такие как технологии и физические ресурсы, сравнительно легче имитировать и передавать. Таким образом, решающим дифференцирующим фактором между компаниями может быть то, как развиваются и развиваются человеческие ресурсы в конкретной организации. Человеческий капитал может стать ключевым источником конкурентного преимущества, если он имеет ценность, по-прежнему трудно подражать и является исключительным [2; 4; 6]. Человеческий капитал долгое время считался ключевым ресурсом для большинства компаний, и недавние исследования показали, что такие атрибуты человеческого капитала, как образование, опыт и навыки, а также влияние лидерства, влияют на производительность компании. Значение человеческого фактора возросло, поскольку знания стали важнейшим компонентом для получения конкурентных преимуществ, особенно в условиях новой экономики.

Человеческий капитал стал критически важным для конкурентоспособности, организации стали свидетелями драматических и революционных изменений в рабочей силе. Более того, соответственно изменилась и роль стратегического лидера. Компании превратились в воинов и пытаются победить друг друга во всех сферах бизнеса. В условиях высокой конкуренции использование организационных ресурсов считается решающим, организации с исключительными внутренними и внешними ресурсами получают конкурентное преимущество перед конкурентами. Человеческий фактор стал жизненно важным для получения конкурентного преимущества. Стратегическое руководство организаций никогда раньше не уделяло столько внимания развитию и управлению человеческим капиталом, потому что они должны развивать и управлять человеческим капиталом лучше, чем конкуренты, чтобы получить конкурентное преимущество. Стратегическое лидерство сосредоточено на эффективности человеческого капитала, его ценности, производительности, послужном списке и операционной эффективности.

Руководство фирмы должно подготовить стратегический план и политику в отношении будущего фирмы. Предполагается, что человеческие ресурсы являются наиболее важным фрагментом любой организации, и лидеры должны сосредоточить внимание на этой области фирмы, поскольку этот раздел может помочь организации создать устойчивое конкурентное преимущество. Все ученые и исследователи в области людских ресурсов согласны с тем, что лидеры должны прилагать постоянные усилия для организации программ развития для повышения квалификации и возможностей. Лидерство – это поведение индивида, направляющего деятельность группы к общим целям. Роль лидера в удовлетворении подчиненных с помощью нетрадиционного лидерства. Лидерство и управление качественно отличаются и взаимоисключают друг друга. Другим исследователям нравится рассматривать руководство и управление отдельным процессом, но они не предполагают, что лидеры и менеджеры – это разные типы людей.

Отношения руководства с подчиненными и особенно с нижестоящим сотрудником считаются очень важными. Лидерство – это не контроль над принятием решений, а создание возможностей и расширение прав и возможностей, лидерство – это не иерархия или статус, это влияние и овладение изменениями, это вызов уму и захват сердца лидерство – это расширение возможностей других, чтобы полностью раскрыть их потенциал. Эти замечания ясно объясняют, что управление человеческим капиталом является ведущей работой руководства по созданию конкурентных преимуществ.

Человеческий фактор в стратегии организаций долгое время был игнорирован и в последнее время стал важным, и руководство организации начало признавать важность человеческого фактора в создании и поддержании конкурентного преимущества. Многие исследования показали, что человеческий капитал следует учитывать на уровне стратегического развития организации. Человеческий капитал является важным источником конкурентного преимущества, он может увеличить конкурентное преимущество

организации за счет лидерства в затратах и дифференциации. В ходе исследования было высказано предположение, что стратегическая эффективность значительно снижает текучесть кадров и повышает общие показатели рынка.

Приведу некоторые стандарты стратегического лидерства организации в отношении человеческого капитала для достижения конкурентных преимуществ: определение стратегического видения человеческого капитала, тщательное изучение сильных и слабых сторон человеческого капитала, определение ключевых факторов эффективности, подготовка стратегий обучения и развития, вовлечение всех уровней управления и персонал в разработку стратегий, оценка результатов стратегий развития человеческого капитала, проведение анализа пробелов в фактических и ожидаемых показателях.

Эффективность человеческого капитала в основном зависит от способности стратегического руководства формулировать и осуществлять политику в области человеческого капитала. Лидерство, которое порождает, видение, мотивирует, вдохновляет и очаровывает народы, они преобразуют их для достижения долгосрочных целей. Руководство организации должно уметь создавать в людях единство, гордость и сопричастность, чтобы они могли обеспечить максимальную производительность. Человеческий капитал, если им правильно управлять, может создать ценность для фирмы в виде увеличения доходов, повышения удовлетворенности клиентов, повышения качества продукции и услуг, повышения производительности и снижения затрат. Это утверждение говорит о том, что человеческий фактор может увеличить стоимость фирмы и создать конкурентное преимущество.

Стратегическому руководству необходимо получить знания о ситуации с человеческим капиталом в организации или за ее пределами; это поможет им принимать успешные и конкурентоспособные решения относительно найма, развития и сохранения человеческого капитала.

Эффективность человеческого капитала оценивается с помощью различных анализов, и этот шаг должен быть интегрирован с тестом ЕРРМ, чтобы можно было правильно оценить эффективность человеческого капитала. Результаты анализа эффективности помогают руководству оценить человеческий капитал, на его этапе руководство может решить, какого сотрудника сохранить на длительный период времени, этот шаг также определяет, какой человек является ценным и может быть использован для создания устойчивого преимущества. Чтобы сохранить ценного сотрудника, руководству необходимо создать пул проверенного человеческого капитала, а не делить их по классам. Оценка может создать враждебность и деморализацию в человеческом капитале, каждый сотрудник в этом пуле должен быть адекватно и одинаково вознагражден и признан. Впоследствии этих сотрудников следует развивать с помощью различных тренингов, чтобы сделать их неподражаемыми для конкурентов. Развитые сотрудники могут быть использованы для создания конкурентных преимуществ.

В данной статье основной целью является определение значения человеческого капитала в деятельности организации. Технологии, глобализация

и усиление конкуренции между организациями изменили традиционные формы конкурентных преимуществ. Использование дифференциации за счет альянсов, преимуществ с точки зрения затрат, наличия сырья и диверсификации может больше не поддерживать подлинное конкурентное преимущество. В этом исследовании описываются некоторые модели стратегического лидерства организации. Эти модели специально разработаны для данной статьи; цель этих моделей состоит в том, чтобы объяснить, что человек является ключевым источником конкурентного преимущества.

Список литературы

1. Агарвал Р. Разработка кадровой стратегии для удовлетворения потребностей ИТ-работников. Ассоциация вычислительной техники. Сообщения АСМ, 2001. 58 с.
2. Афиуни Ф. Управление человеческими ресурсами и управление знаниями: дорожная карта повышения эффективности работы организации // Журнал Американской академии бизнеса. Кембридж, 2007.
3. Барни Дж. Б. О том, как стать стратегическим партнером: Роль человеческих ресурсов в получении конкурентных преимуществ // Управление человеческими ресурсами. 1998. С. 31–46.
4. Барни Дж. Б. Ресурсы фирмы и устойчивое конкурентное преимущество // Журнал менеджмента. 1991. № 3. С. 99–129.
5. Пружинин А. Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
6. Пружинин А. Н. Воспроизводство человеческого капитала бизнес-структур в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 185–188.

УДК 331.1
ББК У291.6-21

Е. М. Матафонова, *Иркутск*

Цифровая экономика и ее роль в развитии человеческого капитала

Исследуются понятия «рынок человеческого капитала», «цифровая экономика» и «человеческий капитал в целом». Рынок человеческого капитала рассмотрен как определяющий фактор инновационного развития экономики. Обозначена модель управления рынком человеческого капитала.

Ключевые слова: цифровая экономика, рынок человеческого капитала, человеческий капитал, инновационная экономика, технологии.

Е. М. Matafonova, *Irkutsk*

The digital economy and its role in the development of human capital

This paper examines such concepts as: “human capital market”, “Digital economy” and human capital in general. In the article “human capital market” will be considered as a determining factor in the innovative development of the economy. In the process of revealing and clarifying the concept of human capital, the model of management of the human capital market is considered.

Keywords: digital economy, human capital market, human capital, innovative economy, technology.

В непростое постпандемическое время Россия вступает в принципиально новую фазу своего развития. Внимание уделяется вопросам развития страны во всех сферах жизнедеятельности, таких как образование, медицина, внутренняя и внешняя политика. Стратегической целью данной политики является сближение принципов развития нашей страны с принципами развития передовых и более развитых стран Востока и Запада. Проблемами формирования человеческого капитала являются: недостаток квалифицированных и образованных работников, а также, что немало важно, цифровые технологии, развитие которых существенно затормозилось вследствие пандемии COVID-19. Эти проблемы могут быть связаны с низким уровнем развития человеческого капитала и падением престижа высшего и профессионального образования за последнее десятилетие.

Наиболее подходящим выражением, описывающим основные постулаты развития цифровой экономики, будет: «Чем больше в нашем обществе людей с высшим образованием, тем быстрее и эффективнее будет развитие» [1]. На сегодняшний день, благодаря ускоренному развитию цифровых и информационных технологий в более развитых странах Запада, мир находится на пороге новой научно – технологической революции. В современном мире цифровые технологии внедрены во все сектора экономики. На всё вышперечисленное, несомненно, оказывает влияние человеческий капитал. Человеческий капитал – это знания, навыки и умения человека, которые могут быть использованы как самим человеком, так и государством для удовлетворения потребностей отдельной личности, или страны в целом. Следует отметить, что появление современных технологий, так или иначе ведет к цифровизации общества, а человеческий капитал играет в этом процессе роль распространителя новых коммуникационных и информационных технологий. Для поддержания высокого уровня национального человеческого капитала в своей стране, любое государство обогащает его, увеличивая расходов на образование, здравоохранение и науку. Страны, в которых человеческий капитал является первостепенным направлением политики, являются лидерами во всех сферах общественной жизни, в сравнение, например, с отстающими странами Африки.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что человеческий капитал лежит в основе развития экономики, так как все инновационные идеи и научные открытия были совершены при помощи человеческого капитала. Это объясняет преимущество стран, в которых экономика основана на развитии цифровых технологий, образования, медицины и научного знания на международной арене.

Список литературы

1. Address by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis. URL: <https://president.uz/uz/lists/view/2228> (дата обращения: 17.05.2021).

УДК 343.8:364(470)
ББК Х628.402.12

А. В. Погодаева, *Иркутск*

Пенитенциарная социальная работа в России: ретроспектива развития

Исследуется становление и развитие системы пенитенциарной социальной работы и политики в России. Приводится анализ прошедших нововведений в данной области. Рассматривается современная пенитенциарная социальная работа, ее цели, основные тенденции и перспективы.

Ключевые слова: социальная работа, пенитенциарная система, история пенитенциарной социальной работы, ресоциализация заключенных, уголовно-исправительная система, пенитенциарная политика.

A. V. Pogodaeva, *Irkutsk*

Penitentiary Social Work in Russia: Historical Retro Perspective of Development

This article examines the the formation and development of the system of penitentiary social work and politics in Russia. An analysis of past innovations in this area is given. The modern penitentiary social work, its goals, main trends and prospects are considered.

Keywords: social work, penitentiary system, history of penitentiary social work, resocialization of prisoners, criminal correctional system, penitentiary policy.

Понятие «пенитенциарная система» происходит от лат. *poenitentia* – раскаяние, в широком смысле она представляет собой совокупность мер государственного принуждения, ставящих целью точное и неуклонное исполнение наказания [4]. Значимую роль в данной совокупности институтов играет социальная работа. Пенитенциарная социальная работа повлияла на представления о заключении, подразумевая под ним предоставление клиенту шанса на исправление паттернов его поведения.

Социальная и философская сущность заключения рассматривалась еще греческими философами. Так, Протагор предлагал рассматривать наказание как метод предотвращения дальнейшей общественно неодобряемой деятельности со стороны преступника, его перевоспитания, а не как бессмысленную месть.

Пенитенциарная социальная работа в нынешних реалиях направлена на успешную адаптацию заключенных и их ресоциализацию в обществе, на увеличение у них способности контролировать свою жизнь и более эффективно разрешать возникающие проблемы социально одобряемым способом. Для достижения таких результатов, пенитенциарная система должна способствовать созданию условий, в которых клиенты могут в максимальной мере проявить свои возможности, сохраняя и преумножая уважение к себе, к окружающим, ответственность и самоконтроль.

Направленность основных тенденций пенитенциарной системы различна не только по хронологическому, но и по территориальному аспекту. Так, например, существует стереотип, исходя из которого многие уверены в тоталитарности и негуманности российской пенитенциарной системы, в от-

сутствии социального и нравственного аспекта в ее пенитенциарной политике. Однако, проведя исторический анализ этой отрасли общественной жизни, можно сделать иные выводы.

Обратимся к истории Российской империи. В царствование Екатерины Великой в Наказе Императрицы комиссии о составлении проекта нового Уложения о наказании, декларировались первые положения касательно отношения к заключенным (ст. 248: «...самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей (заключенных) лучшими есть приведение в совершенство воспитания»). Также в данном документе впервые было уделено отдельное внимание состоянию тюремных больниц, порядку распределения и выдачи одежды, раздельному содержанию подсудимых и уже осужденных и многим другим аспектам, т. е., была предпринята попытка заложить основы пенитенциарной социальной работы. К сожалению, именно попытка, поскольку перечисленные выше положения не были применены практически в силу отсутствия организационного и материального обеспечения. Тем не менее, их обсуждение и разработка уже свидетельствует о началах гуманности в вопросах тюремного содержания заключенных.

Через 20 лет после теоретического обсуждения данного вопроса в России была проведена первая пенитенциарная реформа. В проекте было зафиксировано обязательное разделение тюрем: отдельно для предварительно заключенных, для содержания приговоренных к срочному тюремному заключению или к ссылке, и для уже осужденных заключенных, которая, в свою очередь, имела три подразделения – для приговоренных к смерти, приговоренных к вечному заключению и приговоренных к каторге.

Следующий этап развития социальной работы в пенитенциарных учреждениях связан с эпохой царствования Александра I. Под покровительством императора в 1819 г. была учреждена благотворительная организация – Попечительное о тюрьмах общество, деятельность которой была направлена на преобразование тюремного дела в стране и распространялась на все пенитенциарные учреждения в стране. Участники общества занимались пожертвованиями для заключенных в виде денег, одежды и продуктов. Комитеты и отделения состояли из представителей дворянства, купечества и духовенства, они имели право лично посещать места заключения и обращаться к властям с замечаниями и просьбами по улучшению содержания арестантов.

Таким образом, в период правления Александра I продолжилось развитие идей гуманности к преступникам во многом благодаря представителям духовенства: популяризировалось наставление заключенных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, происходило занятие их «приличными упражнениями», в тюрьмах организовывали библиотеки с исключительно религиозным содержанием и т. д.

Продолжила развитие гуманистических тенденций и развитие социальной пенитенциарной работы и политика Александра II. Так, важную роль в рассматриваемом направлении имел Закон от 4 июля 1866 г. «О временных

правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей», определивший нормы жилой площади на каждого арестанта, размещение осужденных отдельно по половому, возрастному и сословному критериям, декларирующий снабжение одеждой, бельем, уточняющий организацию питания и т. д.

Интересной вехой в развитии российской пенитенциарной системы стало провозглашение труда как главного элемента в быту заключенных, с учетом личной заинтересованности арестантов в нём (70–80-е гг. XIX в.). Например, в 1879 г. было создано Главное тюремное управление, в структуре которого образовали институт тюремной инспекции. К задачам тюремной инспекции относился сбор и анализ сведений о тюремных учреждениях, ревизия тюремного хозяйства, т. е. происходило становление системы государственного контроля за положением дел в местах лишения свободы. Так же, продолжая тенденции, заданные Попечительным о тюрьмах обществом, всячески распространялось и поощрялось участие светских лиц в работе с осужденными (благотворительная деятельность).

На рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в. особый акцент ставился на развитии работы с несовершеннолетними преступниками: за десять лет (с 1871 по 1881 г.) в Российской империи было открыто шесть приютов и пять земледельческих колоний (воспитательно-учебно-ремесленных учреждений для правонарушителей, в которых дети и подростки занимались сельским хозяйством и получением начального образования). Большая часть карательных и воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Российской Империи были основаны благодаря активной благотворительной деятельности частных лиц (как отмечено в отчете Главного тюремного управления за 1883 г.).

Таким образом, закладывались некоторые организационные основы пенитенциарной социальной работы, развивался правовой аспект вопроса, параллельно расширялись и изучались психологические и педагогические методики работы с заключенными (в большей степени священнослужителями с очевидной религиозной направленностью).

Переломные для страны события февраля 1917 г. запустили механизмы реформации всех сфер общественной жизни, в том числе и института тюремного наказания. Так, Главное управление по делам мест заключения развивает инновационные для рассматриваемого момента времени элементы самостоятельности, используя в обеспечении тюремного порядка самих заключенных. При таком подходе использовалась идея ответственности заключенного за свое наиболее комфортное отбывание наказания и будущую судьбу.

Значительная роль отводилась труду, большинство льгот зависело именно от этого аспекта жизни заключенного: было возможно сократить срок заключения, внести положительные характеристики в личное дело, улучшить условия отбывания наказания вплоть до досрочного освобождения [2]. Предполагалось, что трудовая деятельность положительно сказывается на «воспитании» социально-одобряемых черт в личности заключенно-

го, а также, развивая определенные навыки и умения, способствует более качественному и быстрому протеканию процесса постпенитенциарной ресоциализации (для достижения данной цели арестантов стали обучать ремеслам, которые могли пригодиться им при будущем поиске работы).

Все вышеперечисленные методы демонстрируют развитие идей о перевоспитании человека, его самостоятельном пересмотре выбранных мировоззренческих установок и моделей поведения.

Непосредственно сразу после революции у государства не было достаточно ресурсов для реформации тюремной системы в стране, но необходимость в развитии данной области была очевидной. Вскоре возникло такое проявление пенитенциарной социальной политики как съезды пенитенциарных работников. Первый съезд состоялся в октябре 1923 г., а второй Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела – в ноябре – декабре 1924 г. Данные съезды были необходимы для обсуждения реформ в системе отбывания наказания и форм реализации Исправительно-трудового кодекса 1924 г. (первого в России). Значительным по своей роли для социальной пенитенциарной работы стало следующие события: правление Народного комиссариата юстиции утвердило Положение о Комитете по оказанию помощи освобожденным из тюрьмы. Орган оказывал помощь в ресоциализации уже освобожденным лицам.

Поскольку долгое время в СССР действовала активная борьба государства с безработицей и туеядством, власти вернулись к подчеркнuto значительной ценности организации труда осужденных. Так, например, уже с начала отбывания наказания арестанты обладали возможностью приобрести квалификацию или повысить имеющуюся, что имело большое ресоциализирующее значение. Исходя из данной тенденции государство инициировало организацию профессиональных курсов и кружков, после введя полноценную систему массового обучения осужденных в соответствии со всеми квалификационными нормами.

Так происходило становление и развитие актуальных и на данный момент тенденций пенитенциарной социальной работы, в соответствии с которыми профессионально-техническое образование является эффективным средством социальной реабилитации.

Таким образом, в советское время были определены основные направления социальной работы в данном направлении: конкретные категории осужденных, требующие повышенного внимания и помощи со стороны социальных работников. Также были выявлены основные проблемы, актуальные и по сей день: неблагоприятные условия проживания заключенных, тяжелые физические нагрузки, проблемы со здоровьем и сложности постпенитенциарной ресоциализации. Практика советских исправительных учреждений заложила основы социальной работы в местах лишения свободы.

Значительное развитие социальная работа, в том числе и пенитенциарная, получила в 90-е гг., когда в стране особенно обострились социальные проблемы. Распространение получили такие методы усовершенствования

пенитенциарной системы: создание центров социальной адаптации, фондов социальной помощи, специализированных общежитий для краткосрочного проживания (в городах Калининграде, Ярославле и т. д.) и мн. др.

В начале десятилетия государство и общество в целом вновь обратилось к теологической сфере, началось воспроизводство роли религии в исправительных учреждениях. Например, сотрудничество пенитенциарных учреждений с религиозными конфессиями, в ходе которого происходило духовно-нравственное развитие заключенных.

Значительным шагом стало официальное закрепление права на регулярные свидания [7], которое способствовало сохранению важных социальных связей заключенного и выполняло роль моральной поддержки.

На рубеже XX–XXI вв. произошло становление социальной работы в России, в том числе и организация обучения данной специальности в высших учебных заведениях. Пенитенциарная социальная работа, сформировавшаяся как отдельное направление, получив активное развитие и методологическую базу, которая постоянно развивается.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пенитенциарная социальная работа, фактически являясь еще новой, только развивающейся отраслью науки и сферой деятельности, имеет в России достаточно глубокие корни. На протяжении российской истории методологическая база работы с заключенными видоизменялась: в соответствии с государственной идеологией, политикой и общественными мировоззренческими установками использовались и развивались различные тенденции, методы и направления работы в тюрьмах.

Тем не менее, можно отметить постепенный переход к тенденциям гуманности в отношении заключенных. Духовно-воспитательный аспект начинает внедряться в исправительные учреждения со времен Императорской России, но изменяясь, развивается и остается в ней по сей день. При этом данный переход происходил достаточно медленно (сравнительно с зарубежными странами). Понимание этого факта способствует формированию более полноценного понимания современной российской социальной работы в пенитенциарной системе.

Конечно, на данный момент пенитенциарная система также изобилует различными трудностями и проблемами: это и недостаточное питание, и активное развитие криминальной субкультуры, и психологическое давление на отбывающих наказание и уже бывших заключенных и многое другое. Несовершенство системы отбывания наказания в России значительно увеличивает риск рецидивных преступлений, негативно влияет на личность заключенного, чрезмерно понижает его правовой и социальный статус, способствует ухудшению физического и ментального здоровья осужденного.

Поэтому важно продолжать постоянно работать в данном направлении, привлекать и подготавливать квалифицированных кадров, организовывать государственные проекты, направленные на развитие российской пенитенциарной системы.

Список литературы

1. Бекетова Н. И. Социальная работа в пенитенциарной системе: история и современные аспекты: диплом. работа. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/29180/1/RSVPU_2019_167.pdf (дата обращения: 17.08.2021).
2. Керзум А. П. Попечительное о тюрьмах общество // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3158535 (дата обращения: 17.08.2021).
3. Кибардина С. М. Лексикон социальной работы. Вологда : Русь, 2015. 126 с.
4. Марчук Е. Н. История и сущность социальной работы в пенитенциарной системе. URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013006095> (дата обращения: 17.08.2021).
5. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. М. : Кнорус, 2015. 350 с.
6. Тюрикова Г. Н. Исторические предпосылки возникновения и развития пенитенциарной социальной работы в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-vozniknoveniya-i-razvitiya-penitentsiarnoy-sotsialnoy-raboty-v-rossii> (дата обращения: 17.08.2021).
7. Уфимцева Н. Ф. Пенитенциарная социальная работа: тенденции, проблемы, перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-sotsialnaya-rabota-tendentsii-problemy-perspektivy> (дата обращения: 17.08.2021).
8. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : федер. закон от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Собр. законодательства РФ. 1993. № 2. Ст. 42.

УДК 37.03:004

ББК 74.00:73

А. Ю. Поджидаева, *Иркутск*

Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации

Рассматривается цифровизация как комплексное явление и ее воздействие на становление и развитие человеческого капитала в современном мире. Объектом исследования является человеческий капитал, а также постепенная трансформация его роли и увеличение влияния на экономические показатели. Изучаются тенденции изменения отношения к долгосрочным инвестициям в образовании, курсам переподготовки и повышению квалификации. Происходит осмысление механизмов, влияющих на формирование человеческого капитала, его качество и социально-экономический потенциал.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, цифровизация, экономическое развитие, интеллектуальный капитал, постиндустриальная модель развития общества

A. Y. Podzhidaeva, *Irkutsk*

Development of human capital in the context of digitalization

This article examines digitalization as a complex phenomenon and its impact on the formation and development of human capital in the modern world. The object of the article is human capital, as well as the transformation of its role in this economic activity. The tendencies of changes in attitudes towards long-term investments in education, retraining and advanced training courses are studied. In this article, there is an understanding of the mechanisms that affect the formation of human capital, its quality and social potential.

Keywords: human capital, education, digitalization, economic development, intellectual capital, postindustrial model of society development

С возникновением таких социально-экономических процессов, как информатизация, стремительное развитие цифровых технологий, цифровизация всех областей деятельности общества и трансформация экономики, в

частности, профессиональные знания и умения приобретают ключевое значение. В подобных условиях человеческий капитал, рассматриваемый как ресурс, используется увеличения эффективности производства, извлечения большей выгоды, уменьшения транзакционных издержек, снижения затрат, направленных на сбор, обработку и анализ информации, а также становится объектом исследования экономики труда и теории человеческого капитала.

Данное направление возникло во второй половине XX в. и получило свое развитие с появлением проблемы углубленного понимания роли человека и плодов его интеллектуальной деятельности в экономике и обществе в целом [7].

Наиболее существенный вклад на раннем этапе развития внес американский экономист Т. Шульц, интерпретируя данный термин, переосмысливая и популяризируя его. Человеческий капитал является формой капитала, долгосрочными инвестициями и источником заработка в дальнейшем. Особенность этого ресурса состоит в контроле его использования собственниками. Немаловажную роль в развитии теории человеческого капитала сыграл и Г. Беккер, дав обоснование затрат на образование и представляя «человеческий капитал как совокупность знаний, навыков и способностей» [6]. Впоследствии данное явление, ввиду своей универсальности и многослойности, претерпело множество изменений, приобретая ключевую позицию в национальном богатстве ведущих стран мира.

Изучая сущность человеческого капитала, необходимо выделить следующие характеристики:

- выступает в качестве нематериального актива;
- создает новую стоимость;
- олицетворяет качество жизни отдельного человека;
- играет немаловажную роль в развитии экономики и обеспечения устойчивого развития страны;
- предполагает вложение большого количества ресурсов в постоянное совершенствование системы образования, переподготовки и повышения квалификации;
- увеличивается благодаря накоплению знаний и опыта [1].

Активное развитие человеческого капитала связано с переходом общества на постиндустриальную ступень социальной эволюции, связанную с преобразованиями трудовой деятельности, ориентацией на накопление знаний, инвестициями в поддержку инноваций, наукоемких отраслей и интеллектуальных технологий. Отдается приоритет университетам и учреждениям, направленных на осуществление научно-исследовательских проектов. Информация приобретает роль производственного ресурса.

В условиях перехода на постиндустриальную стадию развития общества фундаментом для экономического развития и формирования экономической привлекательности страны становится субъект, владеющий профессиональными навыками и знаниями, умением работать с информацией, конкурентоспособностью и стрессоустойчивостью. Согласно исследованиям,

приводимыми Гнатюк С. Н. и Пекертом Н. А., около 80 % прироста ВВП развитых стран обусловлено развитием человеческого капитала [1]. Вследствие этого, человеческие ресурсы становятся неким критерием для оценки происходящих в обществе и государстве социально-экономических трансформаций.

Вместе с этим развитие процессов цифровизации и общества знаний породило значительные изменения на рынке труда:

- появляются новые специальности;
- уменьшается количество работников, в обязанности которых входили операции, связанные со сбором, обработкой и сведением в определенную систему массивов экономической информации, так как их постепенно заменяют служащие в IT-сфере;
- все большую значимость приобретают работники с творческими способностями и нестандартными идеями;
- наблюдается тенденция к увеличению уровня образования работников, а также заинтересованность организаций в повышении их квалификации.

Согласно прогнозам МОТ, весомая часть вакантных мест будет пополняться за счет появления новых профессий, развития системы образования, увеличения количества курсов переподготовки и повышения квалификации.

С увеличением значимости основного образования возрастает роль и дополнительного образования детей и молодежи, направленного на развитие неординарного мышления, интеллектуальное и нравственное совершенствование, социализацию и дальнейшую профессиональную реализацию. Так, например, численность учащихся, состоящих в объединениях на 2019 г. составила 387 тыс. чел. и 5,1 % расходов от выделенных средств на образование. От общего количества платных услуг, предоставляемых населению, 6,7 % затрагивают сферу образования [1].

Образование становится важнейшим экономическим показателем, в котором заинтересованы все развитые страны. От уровня образованности населения, эффективного взаимодействия образования и науки зависит социальная и экономическая стабильность и безопасность страны, ее конкурентоспособность на международной арене. Объем человеческого капитала становится одним из важнейших факторов научно-технического и социально-экономического развития.

Таким образом, учитывая современные трансформации, происходящие в мировой экономике, одним из основных направлений государства является подготовка образованных и высококвалифицированных работников. Исходя из интересов отдельной личности, наращивание капитала способствует осуществлению собственных экономических, физиологических, социальных потребностей, потребности в профессиональной реализации, выраженных в материальном, психологическом удовлетворении и вознаграждении [8]. В данном случае количество возможностей для выбора специальности и получения максимально возможного денежного удовлетворения зависит от уровня образования, что напрямую влияет на развитие общества. Следова-

тельно, целью системы современного образования должно являться развитие творческих способностей, умения созидать, нести ответственность за собственные действия и навыков, связанных с умением анализировать и обрабатывать большие объемы информации, что отвечает запросам постиндустриальной системы развития общества и способствует устойчивому развитию страны.

Список литературы

1. Гнатюк С. Н. Человеческий капитал и его развитие в условиях цифровизации // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3–2. С. 670–672.
2. Капкаев Ю. Ш. К вопросу о формировании качественного человеческого капитала в контексте цифровизации российской экономики // Вестник ЧелГУ. 2019. № 7 (429). С. 91–101.
3. Михалкина Е. В. Человеческий капитал Юга России в условиях цифровизации экономики: трёхкомпонентная аналитическая модель // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 126–137.
4. Пулатов М. М. К вопросу исследования человеческого капитала молодёжи // Вестник ТГУПБП. 2014. № 3. С. 123–128.
5. Смирнова Н. А. Формирование человеческого капитала в условиях цифровизации российской экономики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3–1. С. 405–406.
6. Тактарова С. В. Управление формированием человеческого капитала в условиях инновационного развития экономики. М. : Русайнс, 2017. 214 с.
7. Пружинин А. Н. Человеческий капитал до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : МГУ, 2020. С. 120–122.
8. Пружинин А. Н. Цифровое пространство формирования человеческого капитала // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения СПб., 2020. С. 144–146.

УДК 374
ББК 74.4

М. Д. Эрдыниева, *Иркутск*

Тенденции развития корпоративного образования

Рассматривается вопрос о корпоративном образовании, о его преимуществах, тенденциях его развития в настоящее время. Под корпоративным образованием понимается процесс усовершенствования навыков и компетенций сотрудников.

Ключевые слова: корпоративное образование, сотрудники, организация, обучение.

M. D. Erdynieva, *Irkutsk*

Trends in the development of corporate education

The article deals with the issue of corporate education, its advantages, and the trends of its development at the present time. Corporate education refers to the process of improving the skills and competencies of employees.

Keywords: corporate education, employees, organization, training.

Корпоративное обучение представляет собой систему мероприятий, направленных на обучение сотрудников. Хотя это помогает работодателям, это также полезно для сотрудников, поскольку помогает им получать и оттачивать знания и навыки для профессионального и личного прогресса. Проще говоря, корпоративное обучение – это развитие знаний и навыков в рамках рабочей силы организации. В зависимости от размера организации это входит в компетенцию группы обучения и развития в крупных организациях или группы управления персоналом в небольших организациях. Эта команда отвечает за определение потребностей сотрудников, разработку ресурсов для удовлетворения этих потребностей и эффективное развертывание ресурсов в рамках организации.

Почему компании нуждаются в корпоративном обучении? Корпоративное обучение является обязательным в каждой организации. Для новых сотрудников очевидно, что независимо от того, сколько навыков у них будет, когда они будут наняты, им потребуется обучение системам и процессам, которые использует их новая организация. Они будут нуждаться в руководстве через уникальные аспекты продукта или понимание того, как клиенты организации предпочитают, чтобы с ними обращались. Нет ни одного сотрудника, который мог бы войти в дверь в первый же день и быть готовым выполнять свою работу на 100 % без подготовки [4; 5].

Все это важно для развития навыков ваших сотрудников, сокращения слабых звеньев в отделах и обеспечения того, чтобы ваши сотрудники могли работать на высоком уровне. Корпоративное обучение также помогает сотрудникам понять ценности и потребности самой организации. Обучение – это то, как они передаются, и как сотрудники могут связать работу, которую они делают, с общей работой и целями самой организации. [1] Эта связь имеет решающее значение для поддержания высокой вовлеченности и самоотдачи в рабочей силе.

Преимущества корпоративного обучения

1. Это повышает эффективность. Хорошая программа обучения поможет повысить эффективность работы сотрудников. Предоставляя обучение, которое помогает закрыть пробелы в знаниях и навыках, сотрудники могут выполнять свою работу более эффективно. Это включает в себя более быстрое выполнение задач, но и не терять время, совершая дорогостоящие ошибки или останавливаясь и обращаясь за помощью. Обучение, которое включает в себя управление эффективностью, стратегический подход к созданию и поддержанию улучшенных показателей работы сотрудников, приводит к повышению эффективности деятельности компаний.

2. Это повышает мотивацию и вовлеченность. Каждая организация стремится создать вовлеченную рабочую силу. Вовлеченный сотрудник будет работать усерднее, гордиться своей работой и стремиться к позитивным изменениям в своей организации. Предоставляя обучение, организация демонстрирует, что она заботится о своих сотрудниках и хочет, чтобы они могли постоянно бросать себе вызов и совершенствоваться в рамках своей роли.

С ростом автоматизации в настоящее время, перед организациями стоит задача максимально использовать весь потенциал отдельного сотрудника, т. е. максимизировать специализированные «человеческие» навыки, такие как креативность, коммуникация и инновации, чтобы сделать сотрудников более продуктивными на работе. В современной глобальной и мультикультурной рабочей среде эта проблема может быть решена путем предоставления необходимого обучения: мышление роста, креативность, инновации, коммуникативные навыки и рассказывание историй. [2]

В центр внимания корпоративного обучения следует поставить сдвиг индивидуальных потребностей и целей обучающихся. Хотя персонализация – это не совсем новая вещь, когда речь заходит об обучении на рабочем месте, считается, что персонализация станет мейнстримом, поскольку инициативы в области обучения будут в первую очередь определяться потребностями отдельных людей, а не бизнеса. [3] Это решение не только борется с проблемой низкой вовлеченности учащихся, но и гарантирует, что учебные ресурсы и материалы являются специфичными для конкретной работы и отрасли. Это делает обучение более актуальным для непосредственного опыта сотрудников на рабочем месте. Кроме того, поскольку люди имеют разные стили обучения, внедрение персонализации в корпоративное обучение является одним из ключевых шагов к повышению производительности труда на рабочем месте. То есть сотрудники теперь получают больше контроля над своими собственными учебными путями и учебными поездками.

Одной из главных и наиболее важных тенденций корпоративного обучения в настоящее время является спрос на процветающую культуру обучения в организациях по всему миру. Хотя обучение на рабочем месте не является чем-то новым, сейчас настало время для организаций создавать более релевантные учебные программы и поощрять своих сотрудников максимизировать их. Корпоративное обучение сейчас является необходимостью. Поскольку в последнее десятилетие обучение на рабочем месте рассматривалось просто как преимущество и конкурентное преимущество, сотрудники теперь требуют обучения на рабочем месте больше, чем когда-либо. Это приносит пользу не только им лично, но и компании в целом. Таким образом, благодаря непрерывным учебным инициативам сотрудников культура социального обучения может процветать. [1]

Рассмотрим несколько стандартных требований для хорошей программы обучения:

1. Актуальность и необходимость. Опыт и информация, которые предлагают своим сотрудникам, должны быть актуальными, своевременными и применимыми к их повседневной трудовой деятельности. Это должно помочь им расширить свои знания, навыки и должно быть легко усваиваемым, чтобы они быстро учились и могли реализовать то, что они изучают. Также крайне важно правильно определить, кого нужно обучать, по каким темам и навыкам их следует обучать. Например, если есть неудовлетворенные клиенты, им может понадобиться тренинг по обслуживанию клиентов для ва-

шей команды продаж. Однако если компания переживает процесс слияния, возможно, придется обучать менеджеров управлению изменениями.

2. Целеориентированность. При структурировании учебных программ нужно убедиться, что они являются целеориентированными, а выбранные ключевые показатели эффективности рисуют целостную картину – время, стоимость, эффективность, качество и количество программы.

3. Креативность. Обучение на рабочем месте развивается до такой степени, что добавление веселых, релевантных действий к обучению становится все более популярным для повышения вовлеченности сотрудников. Отказ от традиционного обучения в стиле тренера или онлайн-обучения, подобного просмотру презентации PowerPoint, позволяет исследовать более творческие возможности.

4. Посттренинг. Организации тратят тысячи долларов каждый год на обучение сотрудников, мало зная, «работает» ли это. Включение последующих мероприятий после обучения, таких как короткие уроки или мероприятия по пересмотру новых изученных концепций или сеансы обратной связи лицом к лицу, может помочь обеспечить понимание концепций и их активное применение. [1]

Таким образом, можно сказать, что корпоративное обучение – это новая эра. Прошли дни специального обучения, которое делалось только тогда, когда это было абсолютно необходимо. Это практика, которая просто больше не сокращает его. Организации открывают глаза на невероятные возможности учебных программ для них. И с появлением великих технологий и растущим интересом к измеримому влиянию обучения, преимущества теперь более достижимы, чем когда-либо прежде.

Список литературы

1. Кузнецов В. В. Корпоративное образование: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. 227 с.
2. Ломакина Т. Ю. Современный принцип развития непрерывного образования. М. : Наука, 2006. 219 с.
3. Насибуллин Э. Н. Корпоративное обучение как фактор повышения интеллектуального потенциала персонала организации // Образовательные технологии и общество. 2010. № 2. С. 250–261.
4. Пружинин А. Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.
5. Пружинин А. Н. Развитие корпоративного образования в среднем бизнесе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 513–519.

Авторская справка

Агеев Алексей Викторович – заместитель начальника факультета заочного обучения Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, e-mail: ageevalexh@yandex.ru

Александрова Людмила Юрьевна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Чебоксарского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, Чебоксары, Россия, e-mail: ljudmila.alexandrova@yandex.ru

Алехина Алёна Васильевна – преподаватель кафедры налогообложения и бухгалтерского учета Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: alena322504@yandex.ru

Апанина Алена Владимировна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: aapanina7@gmail.com

Ардашев Роман Георгиевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, Москва, Россия, e-mail: ardashev.rg@bk.ru

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия, e-mail: Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Атанова Алевтина Сергеевна – студент 2-го курса направления «Международные отношения» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: st089764@student.spbu.ru

Бабаев Александр Борисович – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник ГАУ Тульской области «Центр информационных технологий», Тула, Россия, e-mail: al_babaev@mail.ru

Балахонцева Александра Николаевна – студент 4-го курса направления «экономика» Самарского университета государственного управления «МИР», Самара, e-mail: alya.ulman.00@mail.ru

Балтабаев Руслан Кахраманович – студент 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: baltabaev.rus.11@gmail.com

Балютко Мария Эдуардовна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: marya.balyutko@yandex.ru

Бобков Александр Иванович – доцент, кандидат философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Буток Анастасия Викторовна – студент 3-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: kav1889@mail.ru

Васильев Николай Гаврилович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, e-mail: ngv@bk.ru

Васильева Виктория Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: v.v.vasilieva@spbu.ru

Верна Вероника Валериевна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия, e-mail: nica2605@rambler.ru

Вольнкина Ольга Сергеевна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: lelya.shestakova.96@mail.ru

Воронов Алексей Витальевич – студент 2-го курса направления «Психология» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: st089441@student.spbu.ru

Гаврусева Диана Владимировна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: gavruseva95@bk.ru

Гладун Анна Сергеевна – магистрант 2-го курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, специалист-эксперт отдела государственной гражданской службы и кадров Управления Федерального казначейства по Иркутской области, Иркутск, Россия, e-mail: anetahello@mail.ru

Головчун Ксения Артёмовна – студент 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: kseniagolovchun@yandex.ru

Грошева Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия, e-mail: malivia@rambler.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – магистр социологии, старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: milgur@mail.ru

Данакари Лилия Ричарди – кандидат философских наук, магистр психологии, доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Волгоградского филиала Московского финансово-юридического университета, Волгоград, Россия, e-mail: liliya.danakari@yandex.ru

Даркина Анна Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского юридического техникума, Воронеж, Россия, an-na_darkina@mail.ru

Дускаява Лилия Рашидовна – профессор, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, e-mail: lrd2005@yandex.ru

Ермоченко Константин Павлович – студент 5-го курса специальности «Педагогическое образование» с профилями подготовки «История, Обществознание» Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия, e-mail: ermochenko.konstantin@gmail.com

Ефимова Яна Евгеньевна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: guazanova.jana2016@yandex.ru

Журавлева Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск, Россия, e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, Россия, e-mail: zavialovandrijko@yandex.ru.

Загородний Валентин Дмитриевич – магистрант 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: lic-kric97@mail.ru

Замаратская Анастасия Сергеевна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: anastasia.zamaratskaya25@gmail.com

Захарова Александра Станиславовна – студентка 2-го курса направления «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: alavlet@mail.ru

Защепин Алексей Леонидович – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: zatsepin.al@mail.ru

Зверева Анна Владимировна – курсант 3-го курса факультета подготовки следователей и судебных экспертов, Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, e-mail: v.anna.z@yandex.ru

Злобина Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности факультета физической культуры, спорта и туризма Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, e-mail: kaffks@marsu.ru

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: history2002@bk.ru

Иванова Любовь Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: l.y.ivanova@spbu.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», член Российского философского общества, Казань, Республика Татарстан, Россия, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Каблукова Валерия Евгеньевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Lordbest13@yandex.ru

Каргапольцева Ольга Владиславовна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: olgatvdom@mail.ru

Качан Мария Константиновна – магистр 2-курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, ведущий аналитик отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», Иркутск, Россия, e-mail: mariya.kachan97@gmail.com

Козлова Александра Сергеевна – магистрант 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия. e-mail: sharon0906@mail.ru

Косиченко Анатолий Григорьевич – профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: anatkosichenko@mail.ru

Кошечкина Елена Александровна – доцент, кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Лужского института (филиала) государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Луга, Россия, e-mail: sea7helena@mail.ru

Ларионова Кристина Александровна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук

Института государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: larionova.kristiya@mail.ru

Латышева Диана Геннадьевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: lisalelis@yandex.ru

Лещенко Ярослав Александрович – профессор, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, Ангарск, Иркутск, e-mail: yaleshenko@gmail.com

Люберцев Павел Павлович, магистрант 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 98lpp@mail.ru

Малых Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск, Россия, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Маркова Елизавета Александровна – студентка 3-го курса направления «Менеджмент» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Маслаков Сергей Игоревич – кандидат психологических наук, заведующий сектором НИР Старооскольского филиала Белгородского государственного университета, Старый Оскол, Россия, e-mail: madagaskar82@yandex.ru

Матафонова Елизавета Михайловна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: matafonovaelizaveta@yandex.ru

Меженова Юлия Алексеевна – студентка 2-го курса направления «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Yuliiyam122@yandex.ru

Милешин Роман Валерьевич – педагог дополнительного образования, наставник VR/AR-квантума ДТ «Кванториум», Ярославль, Россия, e-mail: mileschin@mail.ru.

Москвитина Наталья Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: natalikm@mail.ru

Моторина Вера Александровна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: motorigina_vega40@mail.ru

Мухамеджанова Лалихон Ашуралиевна – кандидат философских наук, профессор кафедры этики и эстетики факультета социальных наук Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан, e-mail: lalixon@list.ru

Наташкина Елена Анатольевна – младший научный сотрудник ГАУ Тульской области «Центр информационных технологий», Тула, Россия, e-mail: elena.natashkina@tularegion.ru

Орехова Юлия Михайловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны Министерства обороны Российской Федерации, педагог дополнительного образования ДТ «Кванториум», Ярославль, Россия, e-mail: y.m.orekhova@gmail.com

Перваго Галина Константиновна – ведущий аналитик отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО ИО Учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», Иркутск, Россия, e-mail: galina.pervago@mail.ru

Погодаева Анна Вадимовна – студентка 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета. Иркутск, Россия, e-mail: ankanam2002@gmail.com

Поджидаева Анастасия Юрьевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: sei135@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск. e-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 900320@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – аспирант направления «Социальная философия», ассистент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Решетникова Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: eresh80@mail.ru

Родионова Алина Павловна – студентка 4-го курса, направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: sheykhina99@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», Иркутск, Россия, e-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Руденкин Дмитрий Васильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Савельев Илья Александрович – студент 3-го курса направления «Политология» факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ilya.savelev.1999@inbox.ru

Самусикова Екатерина Алексеевна – магистрант 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: samusikova@mail.ru

Сафонов Владимир Васильевич – соискатель Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, заместитель директора по экономическим вопросам Крымского республиканского центра медицины катастроф и скорой медицинской помощи, Симферополь, Россия, e-mail: solnce.hp@gmail.com.

Сафонов Сергей Андреевич – магистрант 1-го курса Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Семенова Анастасия Михайловна – студентка 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: semanee_e@mail.ru

Семкив Анастасия Ивановна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: semkivnastya@mail.ru

Силिवеев Илья Михайлович – преподаватель кафедры общегосударственных и обще специальных правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: siliveev@mail.ru

Симашенков Павел Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры ГМУ и правового обеспечения государственной службы Самарского университета государственного управления «МИР», Самара, Россия, e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – магистр психологии, Иркутск, Россия, e-mail: vskudenkov@mail.ru

Степанова Юлия Дашинимаевна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: juli128@mail.ru

Стрижкова Татьяна Валерьевна – студент 4-го курса направления «Государственное муниципальное управление» Института социальных наук Иркут-

ского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: alenas1520@mail.ru

Тараткина Анна Андреевна – студентка 4-го курса направления «Журналистика» историко-филологического факультета Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anyataratkina@gmail.com

Терещенко Анна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, e-mail: 89025119540@yandex.ru

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор МАУ «ИЦ «Держинские ведомости» (СМИ – «Держинские ведомости» – общественно-политическая городская газета), Нижний Новгород, Россия, e-mail: treskinpe@ya.ru

Туринцева Елена Анатольевна – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: e_turin05@mail.ru

Удалых Станислав Кузьмич – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия, e-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Хойна Марина Николаевна – студент 1-го курса магистратуры направления «Управление персоналом» Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: hoynamarina@mail.ru

Хронова Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия, e-mail: alexhlexh@yandex.ru

Цивилев Антон Сергеевич – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 89501199526@mail.ru

Чунихина Татьяна Николаевна – кандидат политических наук, доцент, Институт фундаментальных наук Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, e-mail: tanithbook77@mail.ru

Чунаява Юлия Дмитриевна – студентка 2-го курса направления «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: yulya.chunyaeva@mail.ru,

Шарабурак Максим Алексеевич – студент 3-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: saraburakmaksim@gmail.com

Шкуран Оксана Владимировна – доцент, кандидат филологических наук ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», Луганск, Украина, e-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Шмонин Георгий Юрьевич – курсант 3-го курса специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, e-mail: g-shmonin@mail.ru

Шумара Кристина Сергеевна – магистрант 2-го курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, главный специалист-юрисконсульт Комитета по экономике и финансам администрации Ангарского городского округа, Ангарск, Россия, e-mail: kricitik@mail.ru

Щеглова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: e.scheglova@spbu.ru

Щекотин Евгений Викторович – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: e.v.shchekotin@edu.nsuem.ru

Эрдыниева Марина Дугаровна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: erdynievam2002@gmail.com

Яковлева Милана Владимировна – студентка 2-го курса направления «Управление человеческими ресурсами» Чебоксарского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, Чебоксары, Россия, e-mail: milana.yakovleva.2002@mail.ru

Янковечус Бронислава Борисовна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: yankovechus@list.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
III Международной научно-практической конференции
Иркутск, 20 сентября 2021 г.

Публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2021. Поз.
76 Уч.-изд. л. 29,2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук – учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по четырем направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Социальная консолидация и социальное воспроизводство». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, социология образования, политическая социология, гражданское общество, и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц для проведения совместных научных исследований, хоздоговорных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302
Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211
Телефон/факс: (3952) 243-748, (3952) 200-205
E-mail: vresh@socio.isu.ru